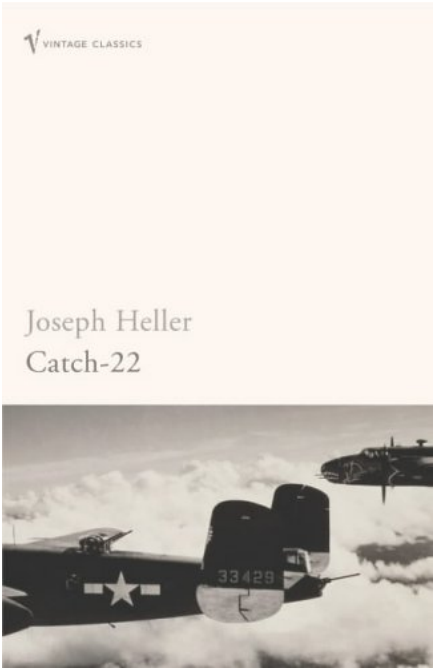
VINTAGE CLASSICS

Joseph Heller

Catch-22

Джозеф Хеллер
Уловка-22



Валентин Мачулис http://www.lib.ru
«Поправка-22»: Издательство «Трамвай»; Киев; 1995

Аннотация

Роман Джозефа Хеллера «Уловка-22» — один из самых блистательных образцов полуабсурдистского, фантасмагорического произведения. Вся эта гиперболизированная художественная панорама армейской жизни во время Второй мировой войны оправдана обобщающим обличением чудовищной нелепости войны вообще, войны как таковой.

Джозеф Хеллер
«Уловка-22»

1. Техасец

Йоссариан лежал в госпитале с болями в печени. Подозрение падало на желтуху. Однако для настоящей желтухи чего-то не хватало, и это ставило врачей в тупик.

Будь это желтуха, они могли бы начать лечение. Но болезни не хватало самой малости, чтобы стать настоящей полноценной желтухой, и это все время смущало врачей. Выписать же Йоссариана из госпиталя они не решались.

Каждое утро они делали обход — трое серьезных энергичных мужчин. Твердо сжатые губы выражали уверенность, которой явно недоста-

вало их глазам. Врачей сопровождала такая же серьезная и энергичная сестра Даккит, как и другие палатные сестры, недолюбливавшая Йоссариана. Доктора просматривали висящий на спинке кровати температурный, лист и нетерпеливо расспрашивали Йоссариана о болях в печени. Казалось, их раздражало, что изо дня в день он отвечал одно и то же.

— И по-прежнему не было стула? — допытывался медицинский полковник.

Каждый раз, когда больной отрицательно качал головой, врачи переглядывались.

— Дайте ему еще одну таблетку.

Сестра Даккит записывала, что Йоссариану нужно дать еще одну таблетку, и все четверо переходили к следующей койке.

Медсестры недолюбливали Иоссариаиа. На самом деле боли в печени давно прошли, но Йоссариан скрывал это от врачей, и они ни о чем не догадывались. Они лишь подозревали, что он тайком бегает в уборную.

В госпитале у Йоссариана было все, что душе угодно. Кормили недурно, к тому же еду подавали прямо в постель. В дневной рацион входила дополнительная порция превосходного мяса, а в полдень, в самую жару, ему, как и другим,

приносили охлажденный фруктовый сок или шоколадный напиток. Если. не считать врачей и сестер, его никто не беспокоил. Правда, по утрам часок-другой ему приходилось выполнять обязанности почтового цензора, зато все остальное время он был предоставлен самому себе и валялся до самого вечера, нисколько не мучась угрызениями совести. Жизнь в госпитале была удобна и приятна. Ему не стоило большого труда оставаться здесь и дальше, потому что температура у него держалась всегда одна и та же — тридцать восемь и три десятых. Ему было намного лучше, чем, скажем, Данбэру, которому, чтобы заставить сестер приносить обед в постель, приходилось то и дело грохаться на пол и расквашивать себе физиономию. Решив потянуть так время до конца войны, Йоссариан написал всем знакомым, что находится в госпитале, не уточняя, однако, почему именно. А потом ему пришла в голову еще более удачная мысль. Он оповестил всех знакомых, что его посылают на особо опасное задание. «Требовались добровольцы. Дело рискованное, но кому-то ведь надо идти и на рискованные дела. Как только вернусь — черкану». И с тех пор никому не написал ни строчки. Всех офицеров из палаты Йоссариана заставляли цензуровать

письма больных из рядового и сержантского состава, которые лежали в отведенных для нижних чинов палатах. Это было нудное занятие, и Йоссариан, читая письма, с разочарованием убедился, что жизнь рядовых и сержантов лишь немногим интереснее жизни офицеров. Уже на второй день он утратил всякий интерес к солдатским письмам, но, чтобы работа не казалась слишком скучной, он изобретал для себя всякие забавы.

«Смерть определениям!» — объявил он однажды и начал вычеркивать из каждого письма, проходившего через его руки, все наречия и прилагательные. Назавтра Йоссариан объявил войну артиклям. Но особую изобретательность он проявил на следующий день, вымарав в письмах все, кроме определенных и неопределенных артиклей. С его точки зрения, стиль после такой операции становился более энергичным и письма обретали более широкий смысл. Вскоре он начал сражаться с обращениями и подписями, а текст письма оставлял нетронутым. Однажды он вымарал все, кроме обращения «Дорогая Мари», а внизу приписал: «Тоскую по тебе ужасно! А.Т. Тэппман, капеллан армии Соединенных Штатов». А.Т. Тэппман был капелланом их авиаполка.

Когда фантазия Йоссариана истощилась, все

возможности поиздеваться над письмами были исчерпаны, он начал атаковать фамилии и адреса на конвертах. Он отправлял в небытие дома и улицы и, словно господь бог, небрежным мановением руки стирал с лица земли целые столицы.

Инструкция требовала, чтобы на каждом проверенном письме значилась фамилия цензора. Большинство писем Йоссариан не читал вообще и спокойно подписывал их своей фамилией. А на тех, которые читал, выводил: «Вашингтон Ирвинг». Когда ему и это надоело, он стал подписываться: «Ирвинг Вашингтон».

Его цензорские шалости на конвертах привели к серьезным последствиям. Некие высокопоставленные военные чины обеспокоенно наморщили лбы и решили послать в госпиталь сотрудника контрразведки. Под видом больного он вскоре появился в палате Йоссариана. Но очень скоро здесь все раскусили, что перед ними контрразведчик, потому что он без конца выспрашивал, об офицере по имени не то Ирвинг Вашингтон, не то Вашингтон Ирвинг, а также потому, что уже на второй день он позволил себе бросить проверку почты, сочтя это занятие слишком утомительным.

На сей раз Йоссариан лежал в отличной па-

лате, пожалуй, лучшей из всех, в которых ему с Данбэром приходилось когда-либо вкушать блаженство. Рядом лежал двадцатичетырехлетний капитан истребительной авиации — молодой человек с жиденькими золотистыми усиками. Он был сбит над Адриатическим морем зимой, в самые холода, — и даже не простудился. А теперь, когда на дворе стояла жара я никто не сбивал его над холодным морем, капитан утверждал, что болен гриппом. Справа от Йоссариана, томно распластавшись на животе, лежал уоррэнт-офицер[1] к вашей Авиационной медали? Где ваш боевой дух? Неужто вы не рветесь в бой, дабы удлинить список боевых заслуг вашей части? Даю вам последнюю возможность ответить «да».

— Нет.

— В таком случае, — беззлобно сказал подполковник Корн, — чаша нашего терпения переполнилась и…

— Он должен презирать себя!

— …и мы вынуждены отправить вас домой. Только окажите нам одну маленькую услугу и…

— Какую еще услугу? — перебил Йоссариан с вызовом: он почуял недоброе.

— О, совершенно пустяковую, незначительную услугу. Мы предлагаем вам самую великодушную

сделку. Мы издаем приказ, согласно которому вы возвращаетесь в Штаты. Нет, на самом деле издаем. А вы в благодарность должны…

— Что? Что я должен?

У подполковника Корна вырвался короткий смешок:

— Полюбить нас.

Йоссариан заморгал:

— Полюбить вас?

— Да, полюбить нас.

— Полюбить вас?

— Совершенно верно, — кивнув, подтвердил подполковник Корн, чрезвычайно довольный неподдельным удивлением и замешательством Йоссариана. — Полюбить нас. Быть с нами заодно. Стать нашим закадычным другом. Говорить о нас хорошо — и здесь, и в Штатах. Короче, стать своим малым! Ну что, немного мы с вас запросили?

— Значит, вы хотите, чтобы я вас полюбил? И все дела?

— И все дела.

— И все?..

— Да. Чтобы вы полюбили нас всем сердцем.

Йоссариану захотелось расхохотаться от души, когда он с удивлением понял, что подполковник Корн говорит то, что думает.

— Это не так-то легко, — усмехнулся он.

— О, это гораздо легче, чем вам кажется, — отпарировал подполковник Корн, нисколько не задетый шпилькой Йоссариана. — Вы сами удивитесь, как легко полюбить нас, стоит только начать. — Подполковник Корн подтянул свои просторные, болтающиеся брюки и нехорошо ухмыльнулся, отчего глубокие темные складки, отделявшие его квадратный подбородок от обвислых щек, протянулись еще ниже. — Видите ли, Йоссариан, мы собираемся открыть вам путь к процветанию. Мы намерены произвести вас в майоры и даже наградить еще одной медалью. Капитан Флюм уже работает над пресс-бюллетенем, в котором он воспевает ваше доблестное поведение над Феррарой, вашу глубокую преданность родному полку и исключительную верность воинскому долгу. Я цитирую дословно. Мы намерены прославить вас и отправить домой как героя, отозванного Пентагоном для поднятия боевого духа в стране и для пропагандистских целей. Вы будете жить, как миллионер. С вами будут носиться, как со знаменитостью. В вашу честь будут устраивать парады, вы будете произносить речи, призывая население приобретать облигации военного займа. Новый, роскошный мир

откроется перед вами, как только вы станете нашим закадычным другом. Ну не прекрасно ли?

Йоссариан вдруг поймал себя на том, что внимательно слушает, как подполковник расписывает пленительные подробности его будущей жизни.

— Я не любитель говорить речи.

Подполковник Корн посуровел. Он уже больше не улыбался:

— Хорошо, забудем о речах. Главное — не ваши речи, а ваши разговоры. В полку не должны знать, что мы вас отправили домой только потому, что вы отказались выполнять задания. И мы не желаем, чтобы генерал Пеккем или генерал Шейскопф что-нибудь пронюхали о наших с вами трениях. Вот почему мы так хотим с вами подружиться.

— А что мне говорить ребятам, когда они спросят, почему я отказался летать на задания?

— Говорите, что вам по секрету сообщили, будто вас отправляют в Штаты, и вы не желаете рисковать жизнью из-за одного-двух полетов. Ну и, дескать, на этой почве легкая размолвка между закадычными друзьями.

— И они поверят?

— Конечно, поверят, как только увидят, что нас с вами водой не разольешь, а тем более, когда им на глаза попадется пресс-бюллетень и они

прочтут ваши добрые слова — да-да, это уж вам придется написать! — обо мне и полковнике Кэткарте. О летчиках не беспокоитесь. Пока вы здесь, от них можно ждать всяких неприятностей, но после вашего отъезда мы их призовем к порядку и приструним. Знаете, как говорится, одна хорошая овца может испортить паршивое стадо, — сострил подполковник Корн.

— Слушайте, а ведь может получиться очень здорово: не исключено даже, что вы вдохновите своих друзей на выполнение новых боевых заданий.

— Ну а что, если, предположим, я разоблачу вас, когда вернусь в Штаты?

— И это после того-то, как вы получите медаль, повышение и шумную славу? Во-первых, вам никто не поверит. Во-вторых, начальство не позволит. Да и чего ради, скажите на милость? Вы же собирались стать своим малым, помните? Вы будете наслаждаться богатством и почетом. Вы были бы последним дураком, если б отказались от всего этого ради каких-то моральных принципов. А ведь вы не дурак. Ну, по рукам?

— Не знаю.

— Или по рукам, или под суд.

— Но это будет довольно подлый трюк по отно-

шению к ребятам из эскадрильи.

— Трюк гнусный, — любезно согласился подполковник и замолк, выжидательно глядя на Йоссариана и наслаждаясь всей этой сценой.

— А собственно, какого черта! — воскликнул Йоссариан.

— Если они не хотят больше летать на задания, пусть бросят и выкручиваются сами, как это сделал я. Правильно?

— Конечно, — сказал подполковник Корн.

— Почему, собственно, я должен из-за них рисковать своей жизнью?

— Конечно не должен.

— Ну что же, по рукам! — объявил он радостно, приняв решение.

— Великолепно, — сказал подполковник Корн с гораздо меньшей сердечностью, чем ожидал Йоссариан. Соскочив на пол, подполковник Корн подергал, оправляя, брюки, и протянул Йоссариану мягкую ладонь: — Ну, счастливого пути на родину.

— Благодарю, подполковник. Я…

— Зови меня просто Блэки. Теперь мы приятели.

— Конечно, Блэки. Друзья зовут меня Йо-Ио. Вот так-то, Блэки, старина…

— Друзья зовут его Йо-Ио, — пропел подполковник Корн полковнику Кэткарту. — Почему бы вам не поздравить Йо-Йо? Он ведь сделал весьма благоразумный шаг.

— Ты и вправду поступил благоразумно, Йо-Йо, — сказал полковник Кэткарт, тряся руку Йоссариана с неуклюжим усилием.

— Спасибо, полковник, я…

— Зови его просто Чак, — сказал подполковник Корн.

— Конечно, зови меня просто Чак, — сказал полковник Кэткарт, смеясь искренне и в то же время несколько застенчиво. — Теперь мы приятели.

— Конечно, дружище Чак.

— Ну, улыбнемся под занавес, — сказал подполковник Корн. Он обнял их за плечи, и все трое направились к выходу.

— Давайте как-нибудь вечерком вместе поужинаем, — предложил полковник Кэткарт, — Может быть, сегодня в штабной столовой?

— С удовольствием, сэр.

— Чак, — с упреком поправил подполковник Корн.

— Виноват, Блэки, — Чак. Я еще не привык.

— Ничего, приятель.

— Конечно, дружище.

— Спасибо, дружище.
— Не стоит, приятель.
— Ну пока, приятель.

На прощание Йоссариан ласково помахал рукой своим новым закадычным друзьям и вышел на галерею. Как только он остался один, он чуть не запел. Теперь он волен отправиться домой! Его бунт окончился успешно. Он в безопасности, и ему не нужно никого стыдиться. Веселый и беспечный, он спускался по лестнице. Какой-то солдат в рабочей одежде отдал ему честь. Лицо его показалось Йоссариану до жути знакомым. Когда Йоссариан, отвечая на приветствие, поднес руку к фуражке, его вдруг осенило, что рядовой в зеленой куртке — это нейтлева девка. Взмахнув кухонным ножом с костяной ручкой, она бросилась на Йоссариана и пырнула его в бок под поднятую для приветствия руку. Йоссариан с воплем опустился на пол и зажмурился от неописуемого ужаса, когда заметил, что девка еще раз замахнулась на него ножом. Он был почти без сознания, когда подполковник Корн и полковник Кэткарт выскочили из кабинета и, спугнув девицу, тем самым спасли его от верной гибели.

41. Сноуден

— Режь, — сказал врач.

— Режь ты, — сказал другой.

— Не надо резать, — сказал Йоссариан, с трудом ворочая распухшим, непослушным языком.

— Послушай-ка, кто там сует нос не в свои дела? — недовольно проворчал один из врачей. — Что это еще за голос из провинции? Так будем мы оперировать или нет?

— Не нужна ему операция, — проворчал другой. — Ранение несерьезное. Все, что от нас требуется, — остановить кровотечение, промыть рану и наложить несколько швов.

— Но мне ужасно хочется резать, я никогда не пробовал. Которая из этих железок скальпель? Вот этот, что ли?

— Да нет, вон тот. Ну ладно, давай режь, раз уж ты собрался. Делай надрез.

— Вот так, что ли?

— Да не здесь, болван!

— Не надо меня надрезать. — Хотя рассудок Йоссариана обволакивало туманом, он все-таки смекнул, что двое неизвестных собираются его потрошить.

— Опять голос из провинции, — саркастически проворчал первый врач. — Он так и будет болтать до конца операции?

— Вы не имеете права его оперировать, пока я его не оприходую, — сказал писарь.

— Вы не имеете права его оприходовать, пока я не проверю его анкетные данные, — сказал толстый полковник-усач. Он придвинул вплотную к лицу Йоссариана свою просторную розоватую физиономию, от которой веяло нестерпимым жаром, словно от огромной раскаленной сковороды. — Ну-с, где вы впервые увидели свет, дружище?

Толстый полковник-усач напоминал Йоссариану того полковника, который допрашивал капеллана и признал его виновным. Йоссариан смотрел на него, будто сквозь тусклую пленку. Густой сладковатый запах спирта и формалина повис в воздухе.

— В окне, — ответил Йоссариан.

— Да нет, я не о том. Где вы родились?

— В постели.

— Нет, нет, опять вы меня не поняли.

— Дайте-ка я займусь им, — потребовал остролицый человек с запавшими ехидными глазами и тоненькими злыми губами. — Ты долго будешь дурачком прикидываться? — спросил он Йоссариана.

— Он бредит, — сказал один из докторов. — Мо-

жет быть, вы разрешите отправить его в палату? Ему нужен уход.

— Раз бредит, пусть лежит здесь. Глядишь — и проболтается в бреду.

— Но из него хлещет кровь. Разве вы не видите? Он, чего доброго, еще умрет.

— Туда ему и дорога.

— Так и надо вонючему мерзавцу, — сказал упитанный полковник-усач. — Ладно, Джон, давай-ка шевели языком. Выкладывай все, как есть.

— Меня зовут Йо-Йо.

— Нам хочется, чтобы ты с нами сотрудничал. Йо-Йо. Мы твои друзья, и ты должен нам верить. Мы пришли помочь тебе. Мы тебя не тронем.

— Давай ткнем ему в рану пальцем, — предложил остролицый.

Йоссариан опустил веки, притворившись, будто потерял сознание.

— Ему дурно, — услышал он голос доктора. — Нельзя ли, пока не поздно, оказать ему помощь? Он действительно может скончаться.

— Ладно, забирайте его. Будем надеяться, что мерзавец и вправду загнется.

— Вы не имеете права приступать к лечению, покуда я его не оприходую, — сказал писарь.

Йоссариан лежал как мертвый, и писарь, пошуршав бумагами, оприходовал его тело. Затем Йоссариана плавно вкатили в душную темную палату, где запах спирта и формалина чувствовался еще сильнее, а из мощной лампы над головой отвесно падал слепящий столб света. Густой навязчивый запах опьянял. Звякнуло стекло, и повеяло эфиром. Тайно злорадствуя, Йоссариан прислушивался к хриплому дыханию врачей. Его веселило, что они думают, будто он без сознания и ничего не слышит. Все, что они делали, казалось ему сплошной глупостью, пока наконец один из них не сказал:

— Послушай, а стоит ли спасать ему жизнь? Те типы, пожалуй, не погладят нас за это по головке.

— Давайте оперировать, — сказал другой доктор. — Вспорем ему живот и раз и навсегда установим, что у него там за болячка. Он без конца жаловался на печень. На этом рентгеновском снимке печень у него довольно маленькая.

— Да это поджелудочная железа, болван! Печень вот где.

— Ничего подобного — это сердце. Готов поспорить, что печень — вот она. Сейчас вскрою и выясню. Кажется, сначала надо помыть руки?

— Не нужна мне ваша операция, — сказал Йоссариан, открывая глаза и делая попытку сесть.

— Смотри-ка, снова голос из провинции, — презрительно усмехнулся один из врачей. — Как бы заставить его заткнуться?

— Можно дать ему общий наркоз. Эфир под рукой?

— Не надо мне ваших наркозов, — сказал Йоссариан.

— Опять голос из провинции, — сказал доктор.

— Давай дадим ему общий, и он утихомирится. Тогда мы что захотим, то и сделаем.

Они дали Йоссариану общий наркоз, и он утихомирился. Очнулся он в отдельной комнате, умирая от жажды, преследуемый запахом эфира. У кровати сидел подполковник Корн в шерстяной мешковатой грязно-оливковой форме и терпеливо дожидался, когда Йоссариан придет в себя. Любезная, флегматичная улыбка блуждала на его коричневом, давно не бритом лице. Кончиками пальцев он мягко постукивал себя по лысине. Как только Йоссариан раскрыл глаза, подполковник Корн, посмеиваясь, наклонился над ним и заверил, что их сделка остается в силе, если, конечно, Йоссариан не умрет. Йоссариана начало рвать. При первых же спазмах подполковник

Корн вскочил на ноги и, морщась от отвращения пулей выскочил вон, а Йоссариан, подумав, что нет худа без добра, снова впал в удушливую дремоту. Чьи-то жесткие пальцы грубо вернули его к действительности. Повернувшись, он открыл глаза и увидел незнакомого человека с гнусным лицом. Презрительно-насмешливо скривив губы, незнакомец похвастался:

— Попался нам твой приятель, дружок. Попался он нам в лапы.

Йоссариан похолодел, его прошиб пот. В голове все поплыло.

— Какой приятель? — спросил он, когда увидел капеллана на том месте, где только что сидел подполковник Корн.

— Может быть, это я — ваш приятель? — ответил капеллан.

Но Йоссариан не слышал его и снова смежил веки. Кто-то дал ему глотнуть воды и на цыпочках вышел. Йоссариан проснулся в отличном настроении и повернулся, чтобы улыбнуться капеллану, но вместо него увидел Аарфи. Йоссариан невольно застонал и сморщился от нестерпимого отвращения. Ааофи, хохотнув, спросил, как он себя чувствует. В ответ Йоссариан спросил Аарфи, почему он не в тюрьме, чем сильно его озадачил.

Йоссариан закрыл глаза, надеясь, что Аарфи уберется вон. Когда он открыл глаза, Аарфи не было, зато рядом сидел капеллан. Заметив, что капеллан весело ухмыляется, Йоссариан спросил, чему он, черт возьми, так радуется.

— Я счастлив за вас, — признался взволнованный капеллан. — Я узнал в штабе, что вы серьезно ранены и, если вы поправитесь, вас отправят домой. Подполковник Корн сказал, что вы на краю смерти. Но только что от одного врача мне удалось узнать, что на самом деле рана пустяковая и через день-другой вас выпишут. Вы вне опасности. Так что дела ваши совсем неплохи.

Йоссариан выслушал сообщение капеллана, и на душе у него полегчало.

— Это хорошо.

— Да, — сказал капеллан, и щеки его покраснели от застенчивой радости, — Да, это хорошо.

Йоссариан засмеялся, вспомнив свой первый разговор с капелланом.

— Интересно получается: впервые я увидел вас в госпитале. Теперь мы опять встретились в госпитале. В последнее время мы видимся главным образом в госпитале. Где вы пропадали все это время?

Капеллан пожал плечами.

— Я много молился, — признался он. — Я старался подольше оставаться в палатке, и как только сержант Уитком отлучался, я молился: мне не хотелось, чтобы он застал меня за этим занятием.

— Ну и как, помогли молитвы?

— Это отвлекало меня от мрачных мыслей, — ответил капеллан, еще раз пожав плечами. — И потом — хоть какое-то дело.

— Значит, все-таки от молитвы польза есть?

— Да, — с энтузиазмом согласился капеллан, будто подобная мысль никогда прежде не приходила ему в голову. — Да, по-моему, молитвы помогают. — Капеллан подался вперед и с неловкой заботливостью спросил: — Йоссариан, не могу ли я что-нибудь для вас сделать, ну там… что-нибудь вам принести?

— Ну, скажем, игрушки, шоколад, жевательную резинку, да? — поддел его добродушно Йоссариан.

Капеллан снова вспыхнул, застенчиво улыбнулся и почтительно проговорил:

— Может быть, книги или еще что-нибудь такое? Мне хотелось бы сделать вам приятное. Вы знаете, Йоссариан, мы ведь все очень гордимся вами.

— Гордитесь?

— Конечно, ведь вы, рискуя жизнью, грудью преградили путь нацистскому убийце.

— Какому нацистскому убийце?

— Который хотел прикончить полковника Кэткарта и подполковника Корна. А вы их спасли. Он вполне мог вас зарезать во время этой потасовки на галерее. Как чудесно, что вы уцелели!

Йоссариан насмешливо фыркнул:

— Это был не нацистский убийца.

— Как не убийца? Нам сказал подполковник Корн.

— Это была приятельница Нейтли. Она пришла по мою душу, а вовсе не за Кэткартом и Корном. С тех пор как я огорошил ее известием о гибели Нейтли, она норовит меня прикончить.

— Но позвольте, как же так? — живо запротестовал капеллан. Он растерялся и немного обиделся. — Полковник Кэткарт и подполковник Корн оба видели, как убегал убийца. Официальное сообщение гласит, что вы грудью защитили командира полка от ножа нацистского убийцы.

— Не верьте официальным сообщениям, — сухо посоветовал Йоссариан. — Это просто часть сделки.

— Какой сделки?

— Которую со мной заключили полковник Кэткарт и подполковник Корн. Они отправляют меня на родину как великого героя, а я обязуюсь расхваливать их на всех перекрестках и никогда не осуждать за то, что они сверх всякой нормы гоняют летчиков на боевые задания.

Капеллан испуганно привстал со стула:

— Но ведь это ужасно! Это постыдная, скандальная сделка, ведь верно?

— Гнусная, — ответил Йоссариан. Он лежал на спине, одеревенело уставившись в потолок. — Гнусная — это как раз то слово, на котором мы сошлись с подполковником Корном.

— Почему же вы на это пошли?

— Или так, или военно-полевой суд, капеллан.

— О!.. — с неподдельным раскаянием воскликнул капеллан и прикрыл рот тыльной стороной ладони. Он неловко опустился на стул. — В таком случае я немедленно беру свои слова обратно.

— Они бы засадили меня в камеру к уголовникам.

— Да, да, это безусловно. Да, конечно, вы должны поступать так, как считаете нужным. — Капеллан утвердительно кивнул головой, будто подводя итог их спора, и растерянно смолк.

Йоссариан невесело рассмеялся:

— Не беспокойтесь, я на эту сделку не пойду.

— Но вам придется на это пойти, — настаивал капеллан, озабоченно склонившись над Йоссарианом. — Серьезно, вам надо согласиться на их условия. Я не имел права оказывать на вас давление. Мне не нужно было ничего говорить.

— Вы на меня не давили. — Йоссариан перевернулся на бок и с наигранной серьезностью покачал головой: — Боже мой, подумать только, какой это был бы грех — спасти жизнь полковнику Кэткарту! Нет, таким преступлением я не хотел бы запятнать свое доброе имя.

Капеллан осторожно вернулся к первоначальной теме разговора:

— Но что вы намерены делать? Не хотите же вы, чтобы вас упрятали в тюрьму?

— Буду продолжать летать. А может, дезертирую, и пусть ловят. И ведь, скорее всего, поймают…

— И посадят за решетку, к чему вы, я полагаю, совсем не стремитесь.

— М-да… Ну тогда, значит, придется летать до конца войны. Кто-то ведь должен остаться в живых.

— А если вас собьют?

— Да, тогда лучше, пожалуй, не летать.

— Что же вы будете делать?

— Не знаю.

— А вы поедете домой, если они вас отправят?

— Не знаю. На улице жарко? Здесь ужасно душно.

— На улице холодина, — сказал капеллан.

— Послушайте, — вспомнил Йоссариан, — со мной произошла смешная штука, а может, мне это только приснилось. Будто бы в палату приходил какой-то странный человек и сказал, что ему в лапы попался мой дружок. Интересно, померещилось это мне или нет?

— Думаю, что не померещилось, — сказал капеллан. — В прошлый мой визит вы тоже принимались рассказывать об этом.

— Значит, он и в самом деле приходил. Он вошел и сказал: «А твой-то, приятель у нас в лапах, дружище, попался твой приятель». Никогда в жизни я не видывал человека с более зловещими повадками. Интересно, о каком моем приятеле он толковал?

— Мне было бы приятно сознавать, Йоссариан, что этот приятель — я, — сказал капеллан, стесняясь своей искренности. — Я действительно у них в руках. Они взяли меня на карандаш и держат под наблюдением. В любом месте и в любой

момент, когда им понадобится, они могут меня задержать.

— Нет, по-моему, он имел в виду не вас. По-моему, речь, скорее, шла о Нейтли или Данбэре, ну, в общем, о ком-то из погибших на войне, может быть о Клевинджере, Орре, Доббсе. Малыше Сэмпсоне или Макуотте. — И вдруг Йоссариан ахнул и затряс головой. — Я понял! — воскликнул он. — Все мои друзья попали им в лапы. Остались только я да Заморыш Джо. — Увидев, что лицо капеллана заливает меловая белизна, Йоссариан оцепенел от страха: — Капеллан! Что такое?

— Заморыш Джо…

— Боже! Погиб на задании?

— Он умер во сне, когда его мучили кошмары. На лице у него нашли спящего кота.

— Ах, Джо, подонок ты мой несчастный! — сказал Йоссариан и заплакал, уткнувшись в рукав.

Капеллан ушел, не попрощавшись. Йоссариан поел и уснул.

Среди ночи чья-то рука растормошила его. Он открыл глаза и увидел худого, невзрачного человека в больничном халате. Гнусно ощериваясь, пришелец буравил его взглядом:

— Попался нам твой приятель, дружище. Попался.

У Йоссариана душа ушла в пятки.

— О чем ты болтаешь, черт тебя побери! — в ужасе взмолился Йоссариан.

— Узнаешь, дружок, узнаешь!

Йоссариан рванулся, пытаясь схватить своего мучителя за глотку, но тот без малейших усилий ускользнул от него и со зловещим смешком улетучился в коридор. Йоссариан дрожал всем телом, кровь пульсировала тяжелыми толчками. Он купался в ледяном поту. О каком приятеле толковал незнакомец? В госпитале стояла темень и абсолютная тишина. Часов у Йоссариана не было: он не знал, который час. Он лежал с широко открытыми глазами, чувствуя себя узником, прикованным к постели и обреченным дожидаться целую вечность, покуда рассвет не прогонит темноту. Озноб струйками поднимался по ногам. Йоссариану стало холодно. Он вспомнил Сноудена: они не дружили, он едва знаком был с этим парнишкой. Тяжело раненный, Сноуден коченел и все время жаловался, что ему холодно. На бедре Сноудена Йоссариан увидел глубокую рану величиной с мяч для рэгби.

В аптечке не нашлось морфия, чтобы унять боль, но морфия и не потребовалось, ибо разверстая рана повергла Сноудена в шоковое

состояние. Двенадцать ампул с морфием были украдены из санитарной сумки, вместо них красовалась аккуратная записочка, гласившая: «Что хорошо для фирмы „М, и М.“, то хорошо для родины. Милоу Миндербиндер». Йоссариан про себя обложил Милоу последними словами и поднес две таблетки аспирина к пепельным губам Сноудена, но у того не хватило сил раскрыть рот. Йоссариан принялся торопливо стягивать жгутом бедро Сноудена. Сноуден смотрел на него неподвижным взглядом. Кровь уже не била из артерии.

— Мне холодно, — едва слышно сказал Сноуден, — мне холодно.

— Все будет хорошо, малыш, — заверял его Йоссариан. — Все будет в порядке. Поправишься, ничего.

— Мне холодно, — снова сказал Сноуден слабым детским голосом. — Мне холодно.

— Ну, ну, не надо, ничего.

Найдя в санитарной сумке ножницы, Йоссариан осторожно вспорол комбинезон Сноудена под самым пахом. Сноуден уронив голову на другое плечо, чтобы взглянуть прямо в лицо Йоссариану. Туманный свет мерцал на дне его вялых, безжизненных глаз. Озадаченный его взглядом,

Йоссариан старался не смотреть ему в лицо. Он начал резать штанину вниз по шву. Йоссариан распорол брючину донизу и освободил изувеченную ногу от лохмотьев. Его поразил ужасный вид обнаженной, восковой ноги Сноудена. Теперь Йоссариан увидел, что рана много меньше мяча для рэгби, размером она была с ладонь и слишком глубока и разворочена, чтобы рассмотреть ее, как следует. Кровь уже свернулась в ране, оставалось лишь наложить повязку и не теребить Сноудена, покуда самолет не сядет.

— Я сделал тебе больно?

— Мне холодно, — захныкал Сноуден, — мне холодно.

— Ну успокойся, ничего, ничего.

— Ой, мне больно! — неожиданно закричал Сноуден и сморщился в страдальческой гримасе.

Лицо его было бледным и одутловатым. Края губ начинали синеть. Неожиданно подняв глаза, Сноуден улыбнулся слабой, понимающей улыбкой и слегка сдвинул бедро, чтобы Йоссариану было удобней посыпать рану сульфидином. Воспрянув духом, Йоссариан уверенно и бодро принялся за работу. Он сыпал пакетик за пакетиком белого кристаллического порошка в кровавую овальную рану, покуда все красное

не скрылось под белым. Затем, быстро накрыв рану большим куском ваты, начал бинтовать. Накладывая второй виток бинта, он обнаружил на внутренней стороне бедра маленькую рваную дырочку размером с мелкую монету, куда вошел осколок снаряда. Отверстие было окружено синей каймой, внутри чернела корочка запекшейся крови. Йоссариан посыпал и эту рану сульфидином и продолжал накручивать бинт, покуда надежно не закрепил ватный пласт. Затем он обрезал бинт ножницами, просунул конец под повязку и аккуратно затянул узел. Повязка получилась что надо. Йоссариан сел на корточки, довольный собой. Он вытер пот со лба и непроизвольно, дружески улыбнулся Сноудену.

— Мне холодно, — подвывал Сноуден, — холодно мне.

— Ну ничего, ничего, — сказал Йоссариан, хотя его уже грызло сомнение. — Скоро сядем, и тобой займется доктор Дейника.

Но Сноуден продолжал качать головой и, наконец, едва различимым движением подбородка указал вниз под мышку. Йоссариан наклонился и увидел странной окраски пятно, просочившееся сквозь комбинезон, над самой проймой бронекостюма. Йоссариан почувствовал, как

сердце его сначала остановилось, а потом забилось так неистово, что он с трудом дышал. Под бронекостюмом таилась еще одна рана. Йоссариан рванул застежки костюма и услышал свой собственный дикий вопль. Увесистый осколок снаряда величиной больше трех дюймов вошел в другой бок Сноудена, как раз под мышкой, и прошел навылет, разворотив при выходе гигантскую дыру в ребрах и вытянув за собой внутренности Сноудена. Йоссариан обеими руками закрыл лицо. Его вырвало. После рвоты все тело Йоссариана обмякло от усталости, боли и отчаяния. Он вяло повернул голову к Сноудену: тот дышал еще тише я учащенней, лицо побледнело еще больше. Неужто на свете есть сила, которая поможет ему спасти Сноудена?

— Мне холодно, — прохныкал Сноуден. — Холодно мне.

— Ну, ну, не надо, — машинально твердил Йоссариан еле слышным голосом. — Ну, ну, не надо.

Йоссариану тоже стало холодно. Он был не в силах унять дрожь во всем теле. Он смятенно разглядывал мрачную тайну Сноудена, которую тот расплескал по затоптанному полу. Нетрудно было понять, о чем вопиют внутренности Сноудена. Человек есть вещь. Вот в чем был секрет

Сноудена. Выброс человека из окна, и он упадет. Разведи под ним огонь, и он будет гореть. Закопай его, и он будет гнить. Да, если душа покинула тело, то тело человеческое — не более чем вещь. Вот в чем заключалась тайна Сноудена. Вот и все.

— Мне холодно, — сказал Сноуден. — Холодно.

42. Йоссариан

— Подполковник Корн говорит, что сделка остается в силе, — сказал Йоссариану майор Дэнби, улыбаясь приторно-милостивой улыбкой. — Все идет прекрасно.

— Ничего не выйдет.

— Но почему же? Обязательно выйдет, — благодушно настаивал майор Дэнби. — Обстоятельства складываются как нельзя лучше. Своим покушением девчонка сыграла вам на руку. Теперь все пойдет как по маслу.

— Я не вступал ни в какие сделки с подполковником Корном.

— Но ведь вы заключили с ним сделку? — с раздражением спросил майор Дэнби. — Вы же договорились?

— Я нарушаю этот договор.

— Но вы ударили по рукам, не так ли? Вы дали ему слово джентльмена?

— Я отказываюсь от своего слова.

— Ну, знаете! — ахнул майор и принялся промокать сложенным носовым платком свое изнуренное заботами и покрытое потом чело. — Но почему, Йоссариан? Они предлагают вам прекрасную сделку.

— Сделка паршивая, Дэнби. Гнусная.

— Но, дорогой мой, как же так? — заволновался майор, приглаживая свободной рукой свои жесткие, как проволока, густые, коротко стриженные волосы. — Как же так, дорогой мой?

— Ну а вам, Дэнби, не кажется, что все это гнусно?

Майор Дэнби на мгновение задумался.

— Да, пожалуй, — неохотно признался он. Его выпуклые глаза выражали полнейшее замешательство. — Зачем же вы пошли на эту сделку, коль она вам не по душе?

— Это была минутная слабость, — мрачно сострил Йоссариан. — Я пытался спасти свою шкуру.

— А теперь вы больше не хотите спасать свою шкуру?

— Отчего же? Именно потому я не сделаю больше ни одного вылета.

— Тогда позвольте им отправить вас домов, и вы будете вне опасности.

— Пусть они отправят меня домой как человека, выполнившего более пятидесяти боевых заданий, — сказал Йоссариан, — а не потому, что меня пырнула ножом эта девчонка, и не потому, что я оказался упрямым мерзавцем.

Майор Дэнби с неподдельным гневом замотал головой и засверкал глазами и стеклами очков.

— Если они так поступят, им придется отправить домой почти всех. Ведь большинство пилотов уже сделало свыше пятидесяти вылетов. Полковник Кэткарт не может истребовать для пополнения одновременно такое количество молодых, неопытных экипажей — тут же нагрянет следственная комиссия. Он угодит в собственный капкан.

— Ну это уж его забота.

— О нет, Йоссариан, — с горячностью возразил майор Дэнби. — Это ваша забота. Потому что, если вы не выполните условий договора, они намерены сразу же, едва вы выпишетесь из госпиталя, предать вас военно-полевому суду.

Йоссариан сделал «нос» майору Дэнби и самодовольно засмеялся:

— Черта с два отдадут! Не морочьте мне голову, Дэнби. Они не осмелятся меня пальцем тронуть.

— Это почему же? — спросил майор Дэнби,

удивленно хлопая ресницами.

— Теперь они у меня на крючке. Официальное сообщение гласит, что меня пырнул ножом нацистский убийца, который покушался на жизнь полковника Кэткарта я подполковника Корна. После этого всякая попытка предать меня военно-полевому суду будет выглядеть довольно глупо.

— Но послушайте, Йоссариан! — воскликнул майор Дэнби. — Есть еще одно официальное сообщение, которое гласит, что вас пырнула ножом невинная девочка в то время, как вы занимались спекуляцией на черном рынке, а также саботажем и продажей военных секретов противнику.

От неожиданности и досады Йоссариан отпрянул:

— Еще одно официальное сообщение?

— Они могут насочинять сколько угодно официальных сообщений и опубликуют то, которое их больше устраивает в данный момент. Для вас это новость?

— Боже мой! — пробормотал совершенно убитый Йоссариан. Кровь отхлынула от его лица. — Боже мой!

Майор Дэнби упорно продолжал гнуть свое, причем с самым благожелательным видом.

— Йоссариан, пусть будет так, как они хотят. Пусть вас отправят домой. Так будет лучше для всех.

— Не для всех, а только для Кэткарта, Корна и меня.

— Для всех, — упорствовал майор Дэнби. — От этого сразу всем станет лучше.

— А ребятам нашего полка, которым по-прежнему придется летать на боевые задания, от этого тоже станет лучше?

Майор Дэнби уклонился от ответа и смущенно отвернулся.

— Йоссариан, — сказал он через минуту, — если вы вынудите полковника Кэткарта предать вас военно-полевому суду, он докажет, что вы виновны во всех преступлениях, которые вам инкриминируют. Кому это нужно? Вы надолго угодите в тюрьму и искалечите себе жизнь.

Йоссариан слушал майора Дэнби с возрастающим чувством тревоги.

— В каких же преступлениях они меня собираются обвинять?

— Неправильные действия во время налета на Феррару, неподчинение командованию, отказ от выполнения боевых заданий и дезертирство.

Йоссариан задумчиво втянул щеки и причмок-

нул:

— Неужто они обвинят меня во всех этих грехах? Они же сами мне дали орден за Феррару. Как же после этого они обвинят меня в неправильных действиях?

— Аарфи покажет под присягой, что вы с Макуоттом солгали в своем официальном донесении.

— Да, уж этот мерзавец присягнет в чем угодно.

— Кроме того, они объявят вас виновным, — продекламировал нараспев майор Дэнби, — в изнасиловании, активных спекуляциях на черном рынке, саботаже и продаже врагу военных секретов.

— Но как они все это докажут? Я сроду не делал ничего подобного.

— Они найдут сколько угодно свидетелей, которые подтвердят это под присягой. Кэткарт и Корн внушат свидетелям, что, оговорив вас, они тем самым принесут пользу родине. И в известном смысле это действительно пошло бы на пользу родине.

— В каком это смысле? — резко спросил Йоссариан, медленно приподнимаясь на локте и едва сдерживая злость.

Майор Дэнби слегка отшатнулся и снова при-

нялся вытирать лоб.

— Видишь ли, Йоссариан, — начал он, виновато запинаясь, — если полковник Кэткарт и подполковник Корн будут скомпрометированы, вряд ли это усилит нашу военную мощь. Давайте, Йоссариан, смело взглянем в лицо фактам. Несмотря ни на что, на боевом счету полка немало заслуг. Если вас отдадут под суд и оправдают, другие летчики тоже откажутся выполнять задания. Полковник Кэткарт опозорится, и боеспособность части будет подорвана. Вот почему я говорю, что, если вас признают виновным и посадят в тюрьму, это пойдет на пользу родине. Даже если вы на самом деле ни в чем не повинны.

— Ничего не скажешь, складно вы излагаете, — язвительно заметил Йоссариан.

Майор Дэнби, нервно заерзав на стуле, отвел взгляд в сторону.

— Прошу вас, не обижайтесь на меня, — взмолился он. Чувствовалось, что он говорит совершенно чистосердечно.

— Вы же знаете, что я здесь ни при чем. Я лишь пытаюсь смотреть на вещи объективно и найти какой-то выход из этой трудной ситуации.

— Эта ситуация возникла не по моей вине.

— Но вы обязаны найти из нее выход. И потом

— что еще остается делать? Вы ведь не желаете летать на задания.

— Я могу сбежать.

— Сбежать?

— Да, дезертировать. Смыться. Наплюю на всю эту проклятую заваруху и дам деру.

Майор Дэнби был потрясен:

— Но куда? Куда вы можете сбежать?

— Я могу запросто улизнуть в Рим. А там спрячусь.

— И всю жизнь дрожать, ждать, что вас вот-вот схватят? Нет, нет, нет и еще раз нет, Йоссариан. Это был бы гибельный и постыдный шаг. Убежать от трудности — еще не значит преодолеть ее. Вы уж мне поверьте. Ведь я вам все-таки пытаюсь помочь.

— То же самое говорил один добряк шпик, собираясь ткнуть мне пальцем в рану, — саркастически возразил Йоссариан.

— Но я не шпик, — негодующе сказал майор Дэнби.

— Я преподаватель университета, я прекрасно чувствую, что такое добро и что такое зло! Зачем я стал бы вас обманывать? Я никому не лгу.

— А что вы скажете нашим летчикам, если они спросят об этом разговоре?

— Придется солгать.

Йоссариан расхохотался, а майор Дэнби, красный от смущения, с облегчением откинулся на спинку стула, радуясь перемене в настроении Йоссариана. Йоссариан разглядывал его со смешанным чувством жалости и презрения. Он сел, прислонившись к спинке кровати, закурил сигарету, и губы его скривила легкая насмешливая улыбка. С непонятным самому себе сочувствием он изучал лицо майора Дэнби. Со дня налета на Авиньон, когда генерал Дридл приказал вывести майора Дэнби на улицу и расстрелять, в выпученных глазах этого человека навсегда запечатлелись изумление и ужас. Йоссариану было жаль этого мягкого, совестливого пожилого идеалиста: он всегда жалел людей, чьи недостатки были не очень велики.

С подчеркнутым дружелюбием Йоссариан сказал:

— Дэнби, как вы можете работать с такими людьми, как Кэткарт и Корн? Неужели вас не тошнит от них?

— Я стараюсь об этом не думать, — откровенно признался майор Дэнби. — Я пытаюсь думать только о великой цели и не думать, что они с моей помощью греют руки. Я стараюсь делать

вид, что сами по себе эти люди большой роли не играют.

— А вот моя беда, знаете, в том, — задумчиво и доверительно проговорил Йоссариан, скрестив руки на груди, — что между мною и моими идеалами почему-то всегда встают шейскопфы, пеккемы, корны и кэткарты.

— Не надо о них думать, — убежденно посоветовал майор Дэнби. — Нельзя допускать, чтобы эти люди обесценивали ваши духовные ценности. Нужно стать выше мелочей, смотреть не под ноги, а вперед, высоко подняв.

Йоссариан отверг этот совет, скептически покачав головой:

— Когда я поднимаю голову, я вижу людей, набивающих мошну. Я не вижу ни небес, ни святых, ни ангелов. Я вижу только людей, набивающих мошну при каждом удобном случае, греющих руки на чужих несчастьях.

— Старайтесь не думать об атом, — твердил свое майор Дэнби. — И тогда вас это не будет беспокоить.

— О, да это, собственно, меня и не беспокоит. Беспокоит меня другое — то, что они считают меня молокососом. Они думают, что только они умники, а все прочие — дураки. И знаете, Дэнби,

сейчас мне впервые пришло в голову, что, может быть, они и правы.

— Но об этом вы тоже не должны думать, — возразил майор Дэнби. — Нужно думать только о благе страны и человеческом достоинстве.

— Угу, — сказал Йоссариан.

— Поверьте мне: я знаю, что говорю. Не забывайте, что мы воюем с врагом, который в случае победы нас не пощадит.

— Знаю, — буркнул Йоссариан с неожиданным раздражением. — Видит бог, Дэнби, я честно заработал свой орден, и вовсе не важно, какими мотивами они при этом руководствовались. Я сделал семьдесят этих проклятущих боевых вылетов. Так что можете не рассказывать мне, что я должен воевать за родину. Я только и делал, что сражался за родину.

— Но война еще не кончилась. Немцы приближаются к Антверпену.

— Все равно через несколько месяцев немцам каюк. А через несколько месяцев после этого и японцам крышка. И если я теперь загублю свою жизнь, то уже не ради родины, а ради Кэткарта и Корна. Нет уж, увольте, я зачехляю свой бомбовый прицел. Отныне я думаю только о собственной шкуре.

Майор Дэнби снисходительно улыбнулся:

— Послушайте, Йоссариан, а что, если все начнут рассуждать подобным образом?

— Если бы я рассуждал иначе, я был бы последним кретином. — Усевшись попрямее, Йоссариан продолжал: — Знаете, у меня такое странное чувство, будто, однажды я уже вел с кем-то точно такой же разговор. Это — как у капеллана, которому всегда чудится, что когда-то он бывал уже в той или иной ситуации.

— Капеллану хочется, чтобы вы не возражали против отправки домой, — заметил майор Дэнби.

— А-а, ну его к чертям!

Майор Дэнби сокрушенно покачал головой:

— Вы знаете, он боится, что повлиял на ваше решение.

— Он тут ни при чем. Знаете, что я мог бы сделать? Я мог бы остаться здесь, на госпитальной койке, и вести растительный образ жизни. Я мог бы блаженствовать здесь, и пускай другие принимают за меня решения.

— Нет, решение должны принимать вы, — возразил майор Дэнби. — Человек не может жить, как растение.

— Почему же?

Глаза майора Дэнби потеплели.

— А ведь, должно быть, очень приятно жить растительной жизнью, — задумчиво проговорил он.

— Да нет, паршивое это дело, — ответил Йоссариан.

— Ну почему же? Наверное, хорошо жить без забот и сомнений, — не соглашался майор Дэнби. — Я бы, пожалуй, с удовольствием согласился жить растительной жизнью и никогда не принимать никаких важных решений.

— А каким бы растением вы хотели быть?

— Ну, скажем, огурчиком или морковкой.

— Каким огурчиком — свежим, зеленым или с гнильцой?

— Свежим, конечно.

— Едва вы поспеете, вас сорвут, порежут на кусочки и сделают из вас салат. Майор Дэнби сник.

— Ну тогда — самым никудышным огурчиком.

— Тогда вас оставят гнить на грядке, вы удобрите собой почву, и на этом месте потом вырастут полноценные огурцы.

— Нет, пожалуй, я не хочу вести растительный образ жизни, — печально сказал майор Дэнби.

— Скажите, Дэнби, может, мне и в самом деле не возражать против отправки домой? — уже

серьезно спросил Йоссариан.

Майор Дэнби пожал плечами:

— В этом — ваш путь к спасению.

— Я себя не спасу, Я себя потеряю, Дэнби, Вам бы следовало это знать.

— У вас будет все, что душе угодно.

— А мне нужно совсем немного, — ответил Йоссариан и вдруг в припадке неожиданной ярости и отчаяния стукнул кулаком по матрацу: — Черт побери, Дэнби! В этой войне погибли мои друзья. Я не могу вступать в сделку. Жаль, что эта девка меня не зарезала: это был бы самый разумный выход из положения.

— Значит, по-вашему, лучше отправиться в тюрьму?

— А вы бы согласились, если бы вас отправили домой?

— Конечно, согласился бы, — убежденно заявил майор Дэнби. — Ну конечно, согласился бы, — объявил он через мгновение, но уже не столь твердым тоном и после нескольких секунд мучительных размышлений выдавил из себя:

— Да, пожалуй, будь я на вашем месте, я бы согласился на отправку домой. — Он досадливо помотал головой и, страдальчески сморщившись, выпалил: — О да, я наверняка бы согласился, что-

бы меня отправили домой. Но я такой ужасный трус, что вряд ли мог очутиться на вашем месте.

— Ну, а допустим, вы не были бы трусом, — спросил Йоссариан, не сводя с него пристального взгляда. — Допустим, у вас хватило бы мужества не подчиниться начальству…

— Тогда я бы не позволил, чтобы они отослали меня домой! — торжественно, с нескрываемой радостью провозгласил майор Дэнби. — И уж наверняка не позволил бы им предать меня военно-полевому суду.

— Значит, вы продолжали бы летать на задания?

— Нет, разумеется, нет. Это была бы полная капитуляция. Ведь меня могли бы убить.

— Следовательно, вам оставалось бы только сбежать? Майор Дэнби приготовился было гордо возразить и вдруг неожиданно запнулся — его полуотвисшая челюсть захлопнулась. Он устало поджал губы:

— Что же это получается? Выходит, и у меня тоже не было бы никакого выхода?

Он снова забеспокоился, лоб у него покрылся испариной, а глаза навыкате заблестели. Теперь, потерпев поражение, он скрестил свои мягкие руки на коленях и, почти не дыша, понуро уста-

вился в пол. Густые косые тени падали в окно. Йоссариан наблюдал за майором с видом победителя. Оба не пошевелились, когда с улицы донесся шум подъезжающей машины и послышались торопливые шаги, приближавшиеся к зданию.

— Отчего же, у вас был бы выход. Вам мог бы помочь Милоу, — заметил Йоссариан. — Он влиятельней полковника Кэткарта. Он мне кое-чем обязан.

Майор Дэнби покачал головой и безучастно сказал:

— Милоу и полковник Кэткарт теперь друзья-приятели. Милоу произвел полковника Кэткарта в вице-президенты синдиката и обещал ему после войны большой пост.

— Ну тогда нам поможет Уинтергрин! — воскликнул Йоссариан. — Он ненавидит их обоих и придет в ярость, когда узнает, что они спелись.

Майор Дэнби опять уныло покачал головой:

— Милоу и экс-рядовой первого класса Уинтергрин на прошлой неделе объединились. Теперь они партнеры по фирме «М. и М.».

— Стало быть, у нас не осталось никакой надежды, а?

— Никакой.

— Совсем никакой?

— Да, совсем никакой, — подтвердил майор Дэнби. Помолчав, он снова поднял глаза, осененный какой-то смутной идеей: — Может быть, было бы гораздо лучше, если бы они нас… исчезли, как других, тем самым освободив нас от этого невыносимого бремени?

Йоссариан сказал: «Нет». Майор Дэнби согласился, меланхолически кивнув головой, и снова опустил глаза. Положение казалось безвыходным, как вдруг в коридоре загрохотали шаги: капеллан, голося что есть мочи, ворвался в палату и сообщил сногсшибательную новость относительно Орра. Капеллана так распирало от радостного возбуждения, что в первые минуты он нес какую-то несуразицу. В глазах его сверкали слезы. Йоссариан наконец понял и, издав фантастический вопль, выпрыгнул из кровати.

— В Швеции? — вскричал он.

— Орр! — крикнул капеллан.

— Орр? — закричал Йоссариан.

— В Швеции! — ликующе кричал капеллан, гоголем расхаживая по палате. — Это чудо, скажу я вам! Чудо! Я снова верю в бога! Правда, верю. Орра прибило к шведскому берегу после многодневных мытарств по морю! Это чудо!

— Черта с два его прибило! — заявил Йоссариан.

Он чуть не прыгал от радости. — Его не прибило к шведским берегам. Он доплыл туда сам на плоту! Он греб к Швеции и догреб! На веслах добрался до Швеции!

— На веслах?

— Он все это заранее спланировал. Он сознательно держал путь в Швецию.

— Ну это неважно, — продолжал капеллан с тем же пылом. — Все равно — это чудо, чудо человеческого ума и выносливости. Ну здорово! — Капеллан схватился обеими руками за голову, корчась от смеха. — Вы представляете себе эту картину? — изумленно воскликнул он. — Представляете, как он ночью плывет на желтом плотике через Гибралтарский пролив с крошечным голубым веслом?..

— И с удочкой, которая тянется за ним. Всю дорогу до Швеции он жует треску, а днем угощается чаем…

— Я вижу его как живого! — закричал капеллан. Он перевел дыхание и снова возликовал: — Это чудо человеческого упорства, скажу я вам!

— Он с самого начала предусмотрел все, до последней мелочи! — торжествовал Йоссариан. — Дэнби, вы болван! В конце концов, надежда есть. Разве вы не видите? Может быть, даже Кле-

винджер жив и спрятался где-нибудь внутри того облака, выжидая, пока можно будет выйти без всякой опаски.

— О чем вы толкуете? — спросил растерянный майор Дэнби. — О чем вы оба толкуете?

— Принесите мне дичков, Дэнби, а заодно и конских каштанов, принесите и возьмите несколько штук себе.

— Конских каштанов? Дичков? Ради бога, зачем?

— Ну конечно, чтобы засунуть за щеки. — Йоссариан в отчаянии заломил руки. — Ах, зачем я его не послушался? Почему я ему не доверял?

— Вы что, с ума посходили? — спросил майор Дэнби тревожно-растерянным тоном. — Йоссариан, скажите ради бога, о чем речь?

— Поймите, Дэнби, Орр все это спланировал. Неужели вы не понимаете, что это было запланировано от начала и до конца? Он даже нарочно устраивал, чтобы его машину подбивали, в каждом полете он отрабатывал вынужденную посадку. А я не захотел лететь с ним. Ах, почему я его не послушал? Он приглашал меня с собой, а я не полетел! Дэнби, дайте мне такие же зубы торчком, клапан форсунки и глуповато-невинную морду, чтобы никто не ожидал от меня

какого-нибудь умного поступка. Мне это нужно до зарезу. Ах, почему я его не послушал! Теперь я понимаю, что он пытался мне сказать. Теперь я даже понимаю, почему та девка лупила его туфлей по башке.

— Почему? — резко спросил капеллан. Йоссариан круто обернулся и цепко схватил капеллана за грудки.

— Капеллан! Помогите мне! Пожалуйста, помогите. Принесите мне мою одежду. И побыстрей, пожалуйста. Она нужна мне сию минуту.

Капеллан рванулся было к дверям.

— Бегу, Йоссариан. Только где она, ваша форма? Где ее взять?

— Лезьте напролом и берите на испуг каждого, кто попытается вас остановить. Без формы не возвращайтесь, капеллан. Она где-то здесь, в госпитале. Хоть раз в жизни добейтесь своего!

Капеллан решительно распрямил плечи и стиснул челюсти.

— Не беспокойтесь, Йоссариан. Я добуду вашу форму. Но все-таки скажите, пожалуйста, почему эта девица колотила Орра туфлей по голове?

— Потому что он предложил ей деньги — вот почему! Но, должно быть, она колотила его не очень сильно, раз он смог добраться до Швеции.

Капеллан, найдите мою форму, чтобы я мог выбраться отсюда. Спросите у сестры Даккит. Она поможет вам. Она пойдет на все, лишь бы избавиться от меня.

— Куда это вы собираетесь? — тревожно спросил майор Дэнби, после того как капеллан пулей выскочил из палаты. — Что вы намереваетесь делать?

— Бежать! — ликуя, отчеканил Йоссариан, расстегивая верхние пуговицы пижамы.

— О, только не это, — застонал майор Дэнби и провел ладонью по вспотевшему лицу. — Вам нельзя бежать. Куда вы убежите? Вам некуда податься.

— В Швецию.

— В Швецию? — с изумлением воскликнул майор Дэнби. — Вы собираетесь бежать в Швецию? Вы не в своем уме!

— Но Орр ведь убежал.

— Нет, нет, нет и еще раз нет! — взмолился майор Дэнби. — Нет, Йоссариан, вам туда ни за что не добраться. Вы не сможете добраться до Швеции. Вы ведь даже грести не умеете.

— Но я смогу добраться до Рима, если вы будете держать язык за зубами и поможете мне пристроиться на попутный самолет. Обещаете?

— Но вас же найдут, — с пеной у рта стал доказывать майор Дэнби. — Доставят обратно и накажут еще более сурово.

— Ну, на этот раз им придется здорово попотеть, чтобы поймать меня.

— Не беспокойтесь, ради такого случая они попотеют. Но даже если они не найдут вас, подумайте, какая жизнь вас ожидает. Вы всегда будете одиноки, в вечном страхе, что вас кто-нибудь выдаст. Ведь никто же не станет на вашу сторону.

— Я и сейчас так живу.

— Но вы не можете наплевать на ваши обязанности по отношению к людям, — упорствовал майор Дэнби. — Это будет негативным шагом. Это значит — уклониться от морального долга.

Йоссариан разразился жизнерадостным хохотом.

— Я не убегаю от своих обязанностей. Я бегу навстречу своим обязанностям. Если человек бегством спасает свою жизнь, то в этом нет ничего негативного. Вы же знаете, кто на самом деле уклоняется от своего морального долга? Ведь знаете же, а, Дэнби? Уж никак не мы с Орром.

— Капеллан, пожалуйста, поговорите с ним, прошу вас! Он намеревается дезертировать. Он хочет бежать в Швецию.

— Великолепно! — весело вскричал капеллан и с гордостью бросил на кровать наволочку, набитую одеждой Йоссариана. — Вперед, в Швецию, Йоссариан! А я останусь здесь и вынесу все до конца. Да, я буду стойким. При каждом удобном случае я буду шпынять и подкалывать полковника Кэткарта и подполковника Корна. Я буду изводить даже самого генерала Дридла.

— Генерал Дридл убыл, — напомнил Йоссариан, торопливо натягивая брюки и запихивая в них концы рубахи. — Вместо него генерал Пеккем.

— Тогда я буду изводить генерала Пеккема н даже генерала Шейскопфа, — петушился капеллан. — А знаете, что я еще хочу сделать? При первой же встрече с капитаном Блэком я двину ему по носу. Да, да, я намерен дать ему по морде. Причем я это сделаю у всех на глазах, чтобы он не смог дать мне сдачи.

— Вы, кажется, оба лишились рассудка! Послушайте, Йоссариан… — волновался майор Дэнби.

— Чудо, свершилось чудо, уверяю вас! — провозгласил капеллан и схватив майора Дэнби за руку, закружился вокруг него, раздвинув локти, точно собирался танцевать вальс. — Настоящее чудо! Если Орр смог добраться до Швеции, значит, я еще тоже смогу отпраздновать победу над пол-

ковником Кэткартом и подполковником Корном. Только б у меня хватило стойкости!

— Будьте любезны, капеллан, заткнитесь, — вежливо попросил майор Дэнби, освобождаясь из объятий капеллана. Носовой платок его снова запорхал над потным лбом. Майор склонялся над Йоссарианом, который в это время потянулся за ботинками. — Ну а как же быть с полковником?..

— Меня это больше не волнует.

— Но ведь это практически может…

— Пусть они оба катятся к чертовой матери!

— Но ведь это практически может оказаться им на руку, — упорно стоял на своем майор Дэнби. — Об этом вы подумали?

— Пусть эти мерзавцы благоденствуют. Все, что я могу сделать, — ошарашить их своим побегом. Теперь я отвечаю только за самого себя, Дэнби. Я должен отправиться в Швецию.

— Вы никогда этого не сделаете. Это невозможно. Даже географически невозможно отсюда попасть в Швецию.

— Ну и черт с ним, Дэнби, я это знаю. По крайней мере я хоть попытаюсь. В Риме живет одна малышка, мне хотелось бы спасти ее. Если мне удастся ее найти, я возьму ее с собой в Швецию. Так что, как видите, я не такой уж эгоист.

— Но это полное безумие. Совесть будет вечно терзать вас.

— Бог с ней, с совестью, — рассмеялся Йоссариан. — Жить без острых ощущений просто неинтересно, верно, капеллан?

— При первой же встрече я дам капитану Блэку в морду, — хорохорился капеллан и провел по воображаемому противнику два коротких удара слева и довольно неуклюжий крюк справа. — Вот таким манером.

— Но вы подумали о позоре, которым вы себя покроете? — допытывался майор Дэнби.

— Э-э… какой там позор! Большего позора, чем сейчас, быть не может. — Йоссариан туго затянул шнурки на втором ботинке и вскочил на ноги. — Ну, Дэнби, я готов. Так я жду ответа! Вы будете держать язык за зубами и пристроите меня на попутный самолет?

Молча, со странной, печальной улыбкой майор Дэнби рассматривал Йоссариана. Он перестал потеть и казался совершенно спокойным.

— Ну а что вы будете делать, если я действительно попытаюсь вас задержать? — спросил он с грустной усмешкой. — Изобьете меня?

Йоссариан удивленно поднял брови.

— Разумеется, нет. Как у вас повернулся язык

сказать такое?

— Я вас изобью, — похвастался капеллан, продолжая бой с тенью. Приплясывая, он приблизился вплотную к майору Дэнби. — И вас излуплю, и капитана Блэка, и, может быть, самого капрала Уиткома. А что, правда, здорово будет, если вдруг окажется, что мне не надо больше бояться капрала Уиткома?

— Значит, вы собираетесь задержать меня? — спросил Йоссариан и посмотрел на майора Дэнби долгим, пристальным взглядом.

Майор Дэнби ускользнул от капеллана и на секунду задумался.

— Нет, разумеется, нет, — выпалил он и вдруг замахал обеими руками, торопливо указывая на дверь. — Ах, разумеется, я не стану вас задерживать. Идите, бога ради, скорей! Вам деньги нужны?

— У меня немного есть.

— Ну вот вам еще немного. — С лихорадочной готовностью майор Дэнби сунул Йоссариану толстую пачку итальянских банкнот и обеими руками сжал его руку — то ли для того, чтобы унять дрожь в собственных пальцах, то ли для того, чтобы приободрить Йоссариана.

— До свидания, Йоссариан, — сказал капел-

лан. — Желаю удачи. Я останусь здесь и буду держаться до конца. Мы встретимся, когда отгремят залпы сражений.

— Пока, капеллан. Спасибо вам, Дэнби.

— Ну, как настроение, Йоссариан?

— Превосходное. А впрочем, нет, я здорово побаиваюсь.

— Это хорошо, — сказал майор Дэнби. — Это значит, что вы живы. Вам предстоит нешуточное дело.

— Да уж веселого мало, — согласился Йоссариан.

— Именно это я и хочу сказать, Йоссариан. Вам придется держать ухо востро. С утра до вечера и с вечера до утра. Чтобы изловить вас, они обшарят небеса и землю.

— Я буду держать ухо востро.

— Вам придется петлять и прыгать, как зайцу.

— Что ж, буду петлять и прыгать, как заяц.

— Прыгайте! — закричал майор Дэнби.

Йоссариан прыгнул. Рванулся — и был таков.

[1] Уоррэнт-офицер — в американской армии звание, промежуточное между сержантским и офицерским.

, напуганный единственным комариным укусом в зад и микробами малярии в крови.

Напротив, через проход между койками, лежал Данбэр, а рядом с ним — артиллерийский капитан, с которым Йоссариан до недавнего времени часто играл в шахматы. Артиллерист был прекрасным шахматистом и разыгрывал интересные комбинации, до того интересные, что Йоссариану надоело постоянно чувствовать себя идиотом, и он бросил играть.

Самой заметной фигурой в палате был шибко образованный техасец, похожий на героя цветного боевика. Он мыслил как патриот и утверждал, что состоятельные люди — публика приличная и поэтому должны иметь больше голосов на выборах, чем разные бродяги, проститутки, преступники, дегенераты, безбожники и всякая прочая неприличная публика, не имеющая ломаного гроша за душой.

Когда в палату внесли техасца, Йоссариан был занят тем, что вымарывал из писем рифмующиеся слова. Это был обычный жаркий и безмятежный день. Зной тяжело давил на. крыши домов. Стояла тишина. Данбэр, как всегда, лежал на спине, уставившись в потолок неподвижным взглядом куклы. Он изо всех сил старался продлить свою жизнь, считая, что скука — лучшее средство для достижения этой цели. Данбэр так

усердно скучал, что Йоссариан подумал: «Уж, часом, не отдал ли он богу душу?»

Техасца уложили на кровать посредине палаты, и он сразу же приступил к обнародованию своих взглядов.

Послушав его, Данбэр подскочил, словно подброшенный пружиной.

— Ага! — возбужденно заорал он. — Я все время чувствовал, что нам чего-то не хватает. Теперь я знаю чего. — И, стукнув кулаком по ладони, изрек: — Патриотизма! Вот чего!

— Ты прав! — громко подхватил Йоссариан. — Ты прав, ты прав, ты прав! Горячие сосиски, «Бруклин доджерс»[1], мамин яблочный пирог — вот за что все сражаются. А кто сражается за приличных людей? Кто сражается за то, чтобы приличные люди имели больше голосов на выборах?.. Нет у нас патриотизма! И даже патриотизма нет!

На уоррэнт-офицера, лежавшего справа от Йоссариана, эти крики не произвели никакого впечатления.

— Дерьмо это все… — проворчал он устало и повернулся на бок, намереваясь уснуть.

Техасец оказался до того душкой, до того рубахой-парнем, что уже через три дня его никто не

мог выносить. Стоило ему раскрыть рот — и у всех пробегал по спине холодок ужаса. Все удирали от неге, кроме солдата в белом, у которого все равно не было пути к отступлению: солдат был упакован с головы до пят в марлю и гипс и не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Его сунули в палату ночью контрабандой. Проснувшись утром, обитатели палаты увидели на пустовавшей койке странно вздыбленные к потолку руки. Все четыре конечности поддерживались в таком состоянии неподвижными свинцовыми противовесами, темневшими над головой солдата.

Его положили рядом с техасцем, и тот, повернувшись к новому соседу, целыми днями о чем-то прочувствованно вещал ему. Солдат не отвечал, но техасца это не смущало.

Температуру мерили дважды. Рано утром и к вечеру в палату входила сестра Крэмер с банкой градусников и раздавала их, чинно шествуя сначала вдоль одного ряда коек, затем вдоль другого. Солдату в белом она всовывала градусник в отверстие в бинтах, под которыми угадывался рот.

Затем она возвращалась к первой койке, брала градусник, записывала температуру больного, шла к следующему и так снова обходила всю па-

лату. Однажды днем, вернувшись, чтобы собрать градусники, она взглянула на градусник солдата в белом и обнаружила, что солдат мертв.

— Убийца, — спокойно произнес Данбэр. Техасец младенчески невинно посмотрел на него.

— Душегуб, — сказал Йоссариан.

— О чем вы, ребята? — не понял техасец.

— Это ты убил его, — сказал Данбэр.

— Это ты отправил его на тот свет, — сказал Йоссариан.

Техасец отпрянул:

— Вы что, ребята, спятили? Я и пальцем его не тронул.

— Это ты его замучил, — твердил Данбэр.

— Я слышал, как ты его убивал, — сказал Йоссариан.

— Ты убил его потому, что он… черномазый, — сказал Данбэр.

— Вы рехнулись, ребята! — закричал техасец. — Черномазых класть сюда не разрешается. Для черномазых у них специальная палата.

— Сержант положил его тайком, — возразил Данбэр.

— Сержант — коммунист, — сказал Йоссариан.

— И ты об этом знал, — сказал Данбэр.

Только на уоррэнт-офицера, лежавшего слева

от Йоссариана, все случившееся не произвело никакого впечатления. Он вообще почти никогда не разговаривал, а если когда и открывал рот, то лишь затем, чтобы излить на кого-нибудь свое раздражение.

...За день до того, как Йоссариан встретился с капелланом, в столовой взорвалась печь. Огонь перекинулся в кухню, и раскаленный воздух хлынул в соседние палаты. Даже в палате Йоссариана, расположенной довольно далеко от столовой, было слышно, как бушевало пламя и сухо потрескивали пылавшие балки. За окнами в оранжевых отблесках валили клубы дыма. Вскоре к месту пожара прибыли аварийные машины с аэродрома. Целых полчаса пожарники работали как сумасшедшие, и все без толку. Наконец они стали брать верх над огнем.

Но тут послышался хорошо знакомый монотонный гул бомбардировщиков, возвращавшихся с задания. Пожарникам пришлось свернуть шланги и поспешить на аэродром: вдруг какой-нибудь самолет разобьется при посадке и загорится. Однако самолеты приземлились благополучно. Как только сел последний, пожарники развернули свои машины и помчались обратно к госпиталю, чтобы возобновить борьбу с огнем. Когда же они

приехали, пожар совсем стих. Пламя погасло само по себе, не осталось ни одной даже тлеющей головешки. Разочарованные пожарники посидели на кухне, попили тепловатого кофе и долго еще слонялись вокруг в надежде потискать медсестричек.

Капеллан появился в госпитале на следующий день после пожара в то самое время, когда Йоссариан искоренял в письмах все, что не относилось к любви. Капеллан сел на стул в проходе между койками и спросил, как он себя чувствует. Священник сидел к Йоссариану боком, так что из его знаков различия можно было рассмотреть только капитанские полоски на воротнике рубашки. Йоссариан и понятия не имел, кто перед ним. Он решил, что это или новый доктор, или очередной псих.

— О, вполне прилично, — ответил он. — У меня побаливает печень, наверное оттого, что в последнее время я не очень-то соблюдал режим. А в общем чувствую себя сносно.

— Это хорошо, — сказал капеллан.

— Да, — согласился Йоссариан, — это хорошо.

— Я бы пришел сюда раньше, — проговорил капеллан, — но, честно говоря, немного прихворнул.

— Это очень плохо, — сказал Йоссариан.

— Просто немного простудился, — поспешно пояснил капеллан.

— А у меня повышенная температура, тридцать восемь и три, — так же поспешно добавил Йоссариан.

— Это очень плохо, — посочувствовал капеллан.

— Да, — согласился Йоссариан, — очень плохо. Капеллан нервно заерзал на стуле и, помолчав, спросил:

— Могу ли я для вас что-нибудь сделать?

— Нет, нет, — со вздохом ответил Йоссариан, — врачи делают все, что в человеческих силах.

— Я не об этом… — мягко возразил капеллан. — Я имел в виду совсем другое. Игрушки, шоколад, жевательную резинку… или… может быть, книги.

— Нет, нет, спасибо, — ответил Йоссариан. — У меня есть все, что нужно. Все, кроме здоровья.

— Это очень плохо.

— Да, — согласился Йоссариан, — очень плохо.

Капеллан опять заерзал на стуле. Он несколько раз оглянулся по сторонам, посмотрел на потолок, на пол. Затем глубоко вздохнул:

— Лейтенант Нейтли передает вам привет.

Йоссариану не понравилось, что у них оказался общий знакомый: чего доброго, это могло послужить поводом для дальнейшего разговора.

— Вы знакомы с лейтенантом Нейтли? — спросил он с ноткой сожаления.

— Да, я знаю лейтенанта Нейтли довольно близко.

— У него, кажется, того… кое-каких винтиков не хватает, а?

Капеллан смущенно улыбнулся:

— Затрудняюсь сказать. Я знаю его не настолько хорошо, чтобы судить об этом…

— Уж можете мне поверить! — сказал Йоссариан. Наступила мучительная для капеллана пауза, которую он нарушил внезапным вопросом:

— Ведь вы капитан Йоссариан?

— Нейтли не повезло с самого начала. Он из слишком приличной семьи.

— Прощу извинить меня, — робко произнес капеллан.

— Возможно, произошло ужасное недоразумение. Вы ведь капитан Йоссариан?

— Да, — признался Йоссариан. — Я капитан Йоссариан.

— Из двести пятьдесят шестой эскадрильи?

— Да, из двести пятьдесят шестой боевой эскад-

рильи. Мне не приходилось слышать ни о каких других капитанах с такой фамилии. Насколько мне известно, я — единственный капитан Йоссариан. Но мне известно далеко не все.

— Понимаю, — печально произнес капеллан.

— Держу пари, вы собираетесь написать о нашей эскадрилье героическую поэму.

— Нет, — пробормотал капеллан, — я не собираюсь писать о вашей эскадрилье героическую поэму.

Йоссариан резко выпрямился. Только сейчас он заметил на воротнике у капеллана тонкий серебряный крестик. Он был крайне удивлен — еще ни разу в жизни ему не доводилось разговаривать с капелланами.

— Вы капеллан? — воскликнул он восторженно. — А я и не знал, что вы капеллан!

— Ну разумеется, — ответил капеллан. — Неужели вы не знали?

— Конечно же нет. Понятия не имел, что вы капеллан…

— Йоссариан завороженно смотрел на него, широко улыбаясь. — Честно говоря, я еще ни разу в жизни не видел настоящего капеллана.

Капеллан вспыхнул и принялся разглядывать свои руки. Это был человек хрупкого сложения,

лет тридцати двух, с рыжеватыми волосами и робким взглядом карих глаз, с лицом узким и бледным. На щеках его розовели ямки, оставшиеся от былых прыщей. Йоссариану стало почему-то жаль капеллана.

— Не могу ли я все же что-нибудь сделать для вас? — повторил капеллан.

Йоссариан, по-прежнему ухмыляясь, покачал головой:

— Нет, вы знаете, у меня есть все, что нужно. Мне очень хорошо. Честно говоря, я даже и не болен.

— Это хорошо, — произнес капеллан и тут же пожалел о сказанном. Он прикрыл рот двумя пальцами и нервно хихикнул. Йоссариан молчал.

— Мне нужно еще навестить других больных из нашего полка, — виновато сказал священник. — Я к вам еще зайду. Может быть, даже завтра.

— Пожалуйста, заходите.

— Я приду, если вы действительно хотите, — проговорил капеллан, скромно наклонив голову. — Я заметил, что многим как-то не по себе в моем присутствии.

Йоссариан горячо запротестовал:

— А мне как раз хочется, чтобы вы зашли. Вы

меня нисколько не стесняете.

Капеллан весь засветился благодарностью. Затем скосил глаза на листок бумаги, который все это время прятал в руке. Шевеля губами, он сосчитал койки в палате, и взгляд его нерешительно остановился на Данбэре.

— Разрешите узнать, — прошептал он тихо, — это не лейтенант Данбэр?

— Да, — ответил Йоссариан громко, — это лейтенант Данбэр.

— Спасибо, — прошептал капеллан, — большое спасибо. Мне надо с ним поговорить. Я должен проведать в госпитале всех наших однополчан.

— И в других палатах тоже?..

— Да, и в других тоже.

— Будьте осторожны в других палатах, отец, — предупредил Йоссариан. — Там держат людей с психическими расстройствами. Там полно сумасшедших.

— Можете не называть меня отцом. Я анабаптист, — пояснил капеллан.

— Я не шучу насчет других палат, — мрачно продолжал Йоссариан. — Там вам не поможет и военная полиция. Там собраны отъявленные психопаты. Я проводил бы вас, но сам чертовски боюсь. К тому же безумие заразно. Тут во всем

госпитале одни мы нормальные. Кроме нас, все идиоты. Может быть, наша палата — единственная в мире, где лежат нормальные.

Капеллан поспешил подняться. Отойдя от Йоссариана, он примирительно кивнул головой и пообещал вести себя с подобающей осторожностью.

— А теперь мне надо поговорить с лейтенантом Данбэром, — сказал он, переминаясь с ноги на ногу. — Как поживает лейтенант Данбэр?

— Хорошо, насколько это возможно в его состоянии, — заверил его Йоссариан. — Истинный принц! Один из прекраснейших, хотя и наименее преданных богу людей на свете.

— Я не об этом, — возразил капелла», снова переходя на шепот. — Он очень болен?

— Нет, он не очень болен. Строго говоря, он вообще здоров.

— Это хорошо, — с облегчением вздохнул капеллан.

— Да, — согласился Йоссариан. — Да, это хорошо…

— От это капеллан! — сказал Данбэр, когда священник, поговорив с ним, ушел. — Видел ты что-нибудь подобное? Настоящий капеллан!

— Приятный человек, а? Может быть, вот та-

ким и будут предоставлять по три голоса на выборах?..

— Кто это ему предоставит? — подозрительно переспросил Данбэр.

…За каких-нибудь десять дней техасец произвел в палате полное опустошение. Первым не выдержал артиллерийский капитан. После этого смылись все. Данбэр, Йоссариан и капитан истребительной авиации сбежали на следующее же утро. У Данбэра прекратились головокружения, у капитана истребительной авиации очистилась носоглотка. Йоссариан сказал врачам, что боль в печени прошла. Даже уоррэнт-офмцер и тот удрал. В десятидневный срок техасец вернул всех к исполнению своих служебных обязанностей, всех, за исключением сотрудника контрразведки, который заразился от капитана истребительной авиации гриппом, осложнившимся воспалением легких.

2. Клевинджер

В некотором смысле контрразведчику здорово повеяло, потому что за стенами госпиталя все еще шла война и конца ей не предвиделось. Единственное, что Йоссариан мог предвидеть, — это свой собственный близкий конец. А ведь он мог

бы отлеживаться в госпитале до Страшного суда, если бы только не этот патриот из Техаса с его массивной взъерошенной башкой и постоянной несокрушимой улыбкой, широкой, как поля ковбойской шляпы.

Да, за стенами госпиталя шла война, и только война, но, казалось, никто этого не замечал, кроме Йоссариана и Данбэра. А когда Йоссариан пытался напомнить людям об этом, они отшатывались от него, как от ненормального. Даже Клевинджер, который как будто бы понимал все лучше других, назвал Йоссариана сумасшедшим. Это было незадолго до того, как Йоссариан сбежал в госпиталь.

Клевинджер тогда уставился на него, багровый от ярости и негодования, и, ухватившись обеими руками за стол, гаркнул:

— Ты сумасшедший!

— Клевинджер, ну чего тебе от него надо? — устало возразил Данбэр.

— Я не шучу. Он псих, — настаивал Клевинджер.

— Они хотят меня убить, — спокойно сказал Йоссариан.

— Никто не помышляет убить именно тебя! — заорал Клевинджер.

— Хорошо, почему же тогда они в меня стреляют? — спросил Йоссариан.

— Они стреляют во всех, — ответил Клевинджер. — Они пытаются убить каждого.

— А какая разница? Значит, и меня!.. Но Клевинджер уже завелся. С помутившимся взглядом и трясущимися побелевшими губами он привстал со стула. Всякий раз, когда Клевинджер вступал в спор, с пеной у рта отстаивая свои идеи, он задыхался, жадно хватал ртом воздух и часто моргал, стряхивая с ресниц слезы — горькие слезы человека непонятого, но убежденного в собственной правоте. У Клевинджера было много идей, которые он отстаивал с пеной у рта. Он сам был ненормальный.

— Кто это «они»? — допытывался Клевинджер. — Кто именно, по-твоему, хочет тебя убить?

— Все они.

— Кто?

— А ты как думаешь, кто?

— Понятия не имею.

— А почему же ты тогда заявляешь, что они не хотят меня убить?

— Потому что… — брызжа слюной, начал Клевинджер, но осекся и умолк с выражением

полного отчаяния.

Клевинджер искренне считал себя правым, но Йоссариан — тоже, так как у него были доказательства: совершенно незнакомые люди палили в него из пушек каждый раз, когда он поднимался в воздух, чтобы сбросить на них бомбы. И это было далеко не, смешно. Да и все остальное тоже. Например, он не находил ничего занятного в том, что приходилось жить как идиоту в палатке на Пьяносе, где позади тебя пузатые горы, а впереди голубая морская гладь, которая проглотит кого хочешь, так что и глазом моргнуть не успеешь, и выкинет обратно на берег денька через три, разбухшего и посиневшего, свободного от всех земных забот.

Палатка, в которой он жил, стояла на опушке реденького леска, отделявшего эскадрилью Йоссариана от эскадрильи Данбэра. Тут же рядом, в выемке заброшенной железной дороги проходил трубопровод, по которому авиационное горючее поступало к бензозаправщикам на летное поле.

Благодаря Орру, соседу Йоссариана по палатке, их жилище было самым роскошным в эскадрилье. Каждый раэ, когда Йоссариан возвращался после очередной отлежки в госпитале или из Рима, где бывал в увольнении, его приятно по-

ражали новые удобства, созданные Орром в его отсутствие: то водопровод, то печка, то цементированный пол.

Место для палатки выбрал Йоссариан, а ставили они ее вдвоем с Орром. Орр, вечно посмеивающийся пигмей с пилотскими нашивками и густой каштановой шевелюрой с пробором посередине, давал идеи и советы, а Йоссариан, который был выше ростом, сильнее, шире в плечах и подвижней, претворял эти идеи и советы в жизнь. Так они вдвоем здесь и жили, хотя палатки хватило бы на шестерых. Когда пришло лето, Орр закатал борта палатки вверх, чтобы свежий морской ветерок выдувал застоявшийся воздух.

Рядом жил Хэвермейер. Он жил один в двухместной палатке, любил грызть земляные орешки и каждую ночь убивал по одной мыши, всаживая в нее пулю из пистолета сорок пятого калибра, который он украл у покойника в палатке Йоссариана.

Дальше за Хэвермейером стояла палатка, которую Макуотт уже больше не делил с Клевинджером. Тот все еще не вернулся с задания, когда Йоссариан вышел из госпиталя. Вместо Клевинджера в палатке жил Нейтли, но сейчас Нейтли был в Риме, где обхаживал одну сопли-

вую потаскушку, в которую влюбился по уши и которой изрядно надоели и ее занятие, и Нейтли с его пылкой любовью.

Макуотт был совершенно ненормальный. При каждом удобном случае он норовил как можно ниже пролететь над палаткой Йоссариана, чтобы насладиться зрелищем насмерть перепуганного приятеля. Еще он любил с диким ревом промчаться над плотом, связанным из досок и пустых бочек из-под горючего, и над песчаной отмелью вдоль чистой белой полосы пляжа, где мужчины купались нагишом.

Жить в одной палатке с чокнутым не так-то легко, но Нейтли это нисколечки не смущало. Он сам был тронутый: каждый свободный день он ходил работать на строительство офицерского клуба. Йоссариан в этом деле участия не принимал.

Вообще было много клубов, в сооружении которых Йоссариан не принимал ни малейшего участия, но больше всего в этом смысле он гордился клубом на Пьяносе. Это был весьма внушительный монумент, воздвигнутый не иначе как в честь железной решимости Йоссариана не пачкать рук на стройке. Йоссариан не подходил к стройке вплоть до полного завершения работ, но зато потом начал захаживать в клуб довольно

часто. Уж больно ему нравилось это большое, просторное, красивое, крытое щепой здание, и он трепетал от удовольствия при мысли, что этакая красотища сооружена без его малейшего участия.

В последний раз Йоссариан и Клевинджер обозвали друг друга психами, когда они и еще двое сидели за столиком в офицерском клубе. Рядом стоял стол для игры в кости, где Эпплби всегда ухитрялся выигрывать. В кости он играл так же здорово, как и в пинг-понг, а в пинг-понге был так же силен, как и во всем прочем. За что бы Эпплби ни брался, он все делал хорошо. Этот белокурый малый из Айовы верил в бога, в святую материнскую любовь и в «американский образ жизни», хотя никогда глубоко не задумывался ни над тем, ни над другим, ни над третьим. И всем он нравился…

— …Ненавижу сукина сына, — проворчал Йоссариан. Их спор с Клевинджером начался несколько раньше, когда Йоссариан пожалел, что у него нет при себе пулемета. В эту ночь клуб был полон. В баре полно, у стола для игры в кости полно, стол для пинг-понга занят. Люди, которых он перестрелял бы с великим удовольствием, толкались у стойки бара, распевая затасканные

душещипательные песенки, которые только одним им еще не надоели. Не имея возможности скосить из пулемета всех подряд, Йоссариан удовлетворился тем, что с остервенением раздавил каблуком подкатившийся к нему целлулоидный пинг-понговый шарик.

— Ох уж этот Йоссариан! — захохотали во все горло оба офицера, игравшие в пинг-понг, и достали новый шарик из коробки на полке.

— Да, этот Йоссариан!.. — отозвался Йоссариан.

— Йоссариан! — предостерегающе прошипел Нейтли.

— Теперь вы поняли, что я имел в виду? — спросил Клевинджер.

Офицеры, услышав, как Йоссариан передразнивает их, снова засмеялись.

— Ох уж этот Йоссариан! — сказал один из них еще громче.

— Да. этот Йоссариан!.. — откликнулся, как эхо, Йоссариан.

— Йоссариан, прошу тебя… — взмолился Нейтли.

— Вы поняли, что я имел в виду? — спросил Клевинджер. — Этот человек — антиобщественный, агрессивный элемент.

— Слушай, заткнись, — сказал Данбэр Клевин-

джеру. Данбэр любил Клевинджера за то, что тот раздражал его и тем самым как-то замедлял слишком быстрое течение жизни.

— …А Эпплби сегодня нет, — торжествующим видом сказал Клевинджер, обращаясь к Йоссариану.

— При чем тут Эпплби? — поинтересовался Иоссарнан.

— И полковника Кэткарта тоже нет. — При чем тут полковник Каткарт?

— А какого же сукина сына ты в таком случае ненавидишь?

— А такого сукина сына, который здесь!

— Я не собираюсь с тобой спорить, — отрезал Клевинджер. — Ты сам не знаешь, кого ты ненавидишь.

— Всякого, кто намеревается отравить меня.

— Никто тебя не собирается отравлять.

— Да? А разве мне не подсыпали яд дважды, а? Разве они не подсыпали мне отраву тогда, под Феррарой, и во время великой осады Болоньи?

— Они всем подсыпали, — объяснил Клевинджер.

— А какая разница — всем или одному?..

— Да к тому же это была и не отрава! — запальчиво крикнул Клевинджер, все более запутываясь

и оттого еще более раздражаясь.

Насколько мог припомнить Йоссариан, он с терпеливой улыбкой объяснял Клевинджеру, что кто-то всегда замышлял убить его. Были люди, которые уважали его и для которых он что-то значил, но были и другие, для которых он ничего не значил и которые ненавидели его и норовили прикончить. Ненавидели же они его за национальность — за то, что он ассириец. Но у них руки коротки, чтобы сладить с ним, объяснял он Клевинджеру, потому что у него слишком здоровый дух в здоровом теле и он силен, как бык. У них руки коротки дотянуться до него, потому что он — Тарзан и фараон Рамзес Второй. Он — Билли Шекспир. Он — Каин, Улисс, Летучий Голландец, он — печальная Дейрдре, он — Лот из Содома, он — Свинопас и сладкозвучный Соловей. Он — таинственный элемент Ц—247, он необъятен…

— Псих ты! — завизжал Клевинджер. — Сумасшедший, вот ты кто!

— Я — подлинный, громоподобный, чистейший душой многорукий Вишну. Я — верх человека.

— Что? — закричал Клевинджер. — Сверхчеловек?

— Верх человека, — поправил Йоссариан.

— Слушайте, ребята, прекратите, — взмолился

встревоженный Нейтли. — На нас все смотрят.

— Ты рехнулся! — истерически заорал Клевинджер, На глазах у него были слезы. — У тебя комплекс Иеговы. Ты думаешь, что миром правит зло…

— Я думаю, что каждый человек — это Нафанаил.

Клевинджер посмотрел на Йоссариана с подозрением, взял себя в руки и уже без крика спросил немного нараспев:

— Кто такой Нафанаил?

— Какой Нафанаил? — спросил невинным тоном Йоссариан.

Теперь Клевинджер решил сам устроить ему ловушку.

— Ты думаешь, что каждый человек — это Иегова. В таком случае ты нисколько не лучше Раскольникова.

— Кого?

— Да-да, Раскольникова, который…

— Раскольникова?!

— …который, да будет тебе известно, считал, что можно оправдать убийство старухи.

— Я, значит, не лучше?

— Да, да, вот именно. Он оправдывал убийство топором. И я сейчас докажу тебе, что ты не

лучше!

Задыхаясь и жадно хватая ртом воздух, Клевинджер перечислил симптомы заболевания Йоссариана: абсурдные утверждения, что все вокруг сумасшедшие; человеконенавистническое желание перестрелять всех вокруг из пулемета;искаженные представления о событиях прошлого; ни на чем не основанные подозрения, что люди ненавидят его и замышляют убить.

Но Йоссариан был убежден в своей правоте, потому что, как объяснил он Клевинджеру, насколько ему известно, он вообще никогда не ошибается. Куда ни взглянешь, всюду одни психи, и среди всеобщего помешательства ему, Йоссариану, человеку молодому и благоразумному, приходится самому заботиться о себе. И все, что он делает, — исключительно важно, потому что он-то хорошо знает, что жизнь его в опасности.

Вернувшись из госпиталя в эскадрилью, Йоссариан поглядывал на всех с осторожностью. Милоу не было, он отправился в Смирну закупать фиги, но столовая в его отсутствие работала, как обычно. Еще по дороге к эскадрилье, когда Йоссариан трясся в кузове санитарной машины, он, плотоядно принюхиваясь, уловил острый запах жареной баранины, доносившийся из

офицерской столовой. Там готовили на завтрак шиш-кебаб. Огромные, дразнящие обоняние куски мяса жарились на вертелах, дьявольски аппетитно шипя над угольями, а перед этим их трое суток вымачивали в таинственном маринаде, секрет которого Милоу выкрал у одного жуликоватого ливанского торговца. Искусные официанты-итальянцы, которых майор де Каверли похитил с Большой земли, ставили на столики, застеленные дорогими полотняными скатертями, огромные порции всякой снеди. Шиш-кебаб подавали с рисом и пармезанской спаржей, на десерт следовал пирог с вишнями и в завершение — душистый свежезаваренный кофе с бенедиктином и брэнди.

Йоссариан обжирался до тех пор, пока не почувствовал, что вот-вот лопнет. Тогда он отвалился от стола и долго сидел в блаженном отупении с жирными слипшимися губами. Никто из офицеров эскадрильи нигде в своей жизни так не наедался, как в столовой у Милоу, и Йоссариан подумал, что, возможно, они и не заслуживают такой жратвы. Но тут он рыгнул и вспомнил, что все только и ищут случая его укокошить. Он, как безумный, выскочил из столовой и помчался искать доктора Дейнику, чтобы тот дал ему осво-

бождение от боевых вылетов и отправил домой. Доктор сидел на высоком табурете около своей палатки и грелся на солнышке.

— Пятьдесят вылетов, — сказал доктор, качая головой, — полковник требует пятьдесят боевых вылетов.

— А у меня только сорок четыре!

Доктор не шелохнулся. Это был унылый человечек с гладким, тщательно выбритым, узким, как клинышек, лицом. Весь он чем-то напоминал выхоленную крысу.

— Пятьдесят боевых вылетов, — повторил он, качая головой. — Полковник хочет пятьдесят вылетов.

3. Хэвермейер

Когда Йоссариан вернулся из госпиталя, в лагере фактически никого не было, кроме Орра и покойника в палатке Йоссариана. Покойник отравлял атмосферу и очень не нравился Йоссариану, хотя Йоссариан его и в глаза не видел. Йоссариана настолько раздражало, что покойник валяется тут целыми днями, что он несколько раз ходил в штаб эскадрильи жаловаться сержанту Таусеру. Сержант же никак не мог взять в толк, что покойник действительно существует, и, ко-

нечно, был прав.

Еще более безнадежным делом было жаловаться непосредственно майору Майору, долговязому и костлявому командиру эскадрильи, чем-то смахивающему на Генри Фонда в минуты печали. Всякий раз, завидев, как Йоссариан, отпихнув сержанта Таусера, прорывается к нему в штаб, командир выпрыгивал из окна кабинета.

Жить с покойником в одной палатке было не так-то просто. Он мешал даже Орру, жизнь с которым, кстати, тоже была не сахар. В тот день когда Йоссариан вернулся из госпиталя, Орр паял трубку, по которой топливо поступало в печку, установленную Орром, пока Йоссариан лежал в госпитале.

— Ты что это делаешь? — настороженно спросил Йоссариан, входя в палатку, хотя сразу же сам все понял.

— Малость протекает, — ответил Орр. — Хочу заделать.

— Будь добр, прекрати, — сказал Йоссариан. — Это действует мне на нервы.

— Когда я был мальчишкой, — ответил Орр, я, бывало, заложу за щеки лесные яблочки, по дичку за щеку, и хожу так целый день.

Йоссариан, начавший было вынимать из рюк-

зака туалетные принадлежности, отложил его в сторону, скрестил руки и с подозрением уставился на Орра. Так прошла минута. Наконец Йоссариан не выдержал и спросил:

— А зачем?

Орр торжествующе хихикнул:

— А потому что лесные яблоки лучше, чем лошадиные каштаны. — Он продолжал работать, стоя на коленях. — Ну а ежели дичков под рукой не окажется, тогда, бывало, берешь каштаны. Каштаны — они размером почти с лесные яблоки и формой на них похожи, хотя форма большой роли не играет.

— Я тебя спрашиваю, зачем ты разгуливал с дичками за щекой? — снова спросил Йоссариан.

— Потому что у них форма лучше, чем у каштанов, — ответил Орр, — я же тебе только что объяснил!

— Почему, — незлобиво набросился на него Йоссариан, — почему ты, бездомный сукин сын, зловредная тварь, помешанная на технике, шлялся, запихнув неизвестно что себе за щеку?

— С чего это ты взял, что я запихивал неизвестно что? Я ходил с дичками за щекой. А когда не мог раздобыть дичков, разгуливал с каштанами за щекой. По одному за каждой щекой.

— Зачем?

— Мне хотелось, чтобы щеки были, как яблоки.

— Щеки, как яблоки? — изумился Йоссариан.

— Да, мне хотелось, чтобы щеки у меня были, как яблоки. Я старался изо всех сил. Клянусь богом, я здорово работал и своего добился. А удалось мне это сделать потому, что я носил за каждой щекой весь день по лесному яблочку. — Он опять хихикнул. — По дичку за щекой.

— Зачем тебе понадобились щеки, как яблоки?

— Мне не нужны были щеки, как яблоки, — сказал Орр. — Я просто хотел, чтобы у меня были большие щеки. Меня не столько интересовал их цвет, сколько размер. Я работал над своими щеками в точности, как эти чокнутые ребята, о которых пишут, что они постоянно сжимают резиновые мячики, чтобы руки стали сильнее. Фактически я тоже был чокнутым. Я тоже обычно ходил весь день с резиновыми мячиками в руках.

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем ты ходил весь день с резиновыми мячиками в руках?

— Потому что резиновые мячики… — начал

Орр.

— Лучше, чем лесные яблоки?

Орр хмыкнул и покачал головой:

— Я ходил с мячиками, чтобы сохранить свое доброе имя, в случае если бы меня увидели с лесными яблоками за щекой. А когда в руках мячик, можно сказать, что никаких дичков за щекой нет. И если меня кто-нибудь спрашивал, зачем я ношу за щекой лесные яблоки, я разжимал руки и показывал, что хожу с мячиками, а вовсе не с яблоками, и в руках, а не за щекой. Интересно получалось. Но я так во сих пор и не знаю, удалось мне кого-нибудь провести или нет. Трудновато заставить людей понять тебя, когда ты разговариваешь, держа за щеками пару лесных яблок.

Йоссариан подумал, что Орра и сейчас трудновато понять, — может быть, он, говоря с ним, подпирает кончиком языка одну из своих яблочных щек?

Йоссариан решил не издавать больше ни звука. Все равно ничего не добьешься. Он знал Орра и понимал, что никакими силами ада не удастся выжать из него, зачем ему понадобились большие щеки. Проку будет не больше, чем спрашивать, почему та девка лупила его туфлей по голове.

Дело было в Риме, утром, в переполненном холле публичного дома, напротив открытых дверей комнаты, где жила младшая сестренка шлюхи, с которой путался Нейтли. Они тогда подняли такой шум и гам, что все обитатели дома сбежались в холл посмотреть, в чем дело. Девка вопила, а Орр хихикал. Каждый раз, когда каблук опускался ему на макушку, Орр хихикал еще громче, отчего девка разъярялась еще пуще и еще выше подпрыгивала, чтобы покрепче ударить его по башке. Но вот она, взвизгнув, всадила ему каблук в висок с такой силой, что он перестал хихикать. Его доставили на носилках в госпиталь с дырой в голове, не столь уж, впрочем, глубокой, и с легким сотрясением мозга, так что он не воевал всего только двенадцать дней.

В тот раз никто не мог понять, что случилось. Когда после этого девка встречала Орра, она с презрением поносила его разными нехорошими словами, а когда он, боязливо хихикая, прятался за спину Йоссарнана, она закатывалась хриплым смехом. Что он там ей сделал, или пытался сделать, или, наоборот, не смог сделать за закрытыми дверями комнаты, по-прежнему оставалось тайной. Девка не говорила об этом ни нейтлевой подружке, ни другим проституткам, ни самому

Нейтли. ни Йоссариану. Орр мог бы пролить свет на это дело, но Йоссариан решил больше ни о чем не спрашивать.

— Так ты хочешь знать, зачем мне были нужны большие щеки?

Йоссариан не разжимал рта.

— А ты помнишь, как тогда, в Риме, эта девка, которая тебя ненавидит, лупила меня туфлей по голове? Сказать тебе, за что она меня била?

Непостижимо, чем он мог разозлить ее до такой степени, что она молотила его по голове чуть ли не двадцать минут. Правда, ярости ее не хватило, чтобы взять его за лодыжки, приподнять и вышибить дух вон. А ей это было под силу: девица была долговязой, а Орр коротышкой. Торчащие вперед зубы Орра и глаза навыкате как нельзя лучше соответствовали его толстым щекам, а ростом он уступал даже молодому Хыоплу, тому, что жил в палатке, поставленной в неположенном месте — в административной зоне, по ту сторону железнодорожного полотна. Хыопл жил в одной палатке с Заморышем Джо, еженощно оравшим во сне.

Административная зона, где по ошибке поставил свою палатку Заморыш Джо, находилась в центре расположения эскадрильи, между выем-

кой, по дну которой тянулось ржавое железнодорожное полотно, и черным асфальтированным шоссе, сбегавшим с возвышен вести. На шоссе иногда можно было встретить девок — простых, улыбчивых, грудастых, правда, частенько с неважными зубами. Пообещаешь подвезти, куда им надо, а там съезжай с дороги в сторону и — прямо на травку. Йоссариан так и делал, когда представлялся случай, но это происходило не так часто, как того хотелось бы Заморышу Джо, постоянно умолявшему Йоссариана отправиться «на охоту». Джо ничего не стоило в любое время раздобыть джип, но водить машину он не умел.

Палатки сержантско-рядового состава эскадрильи стояли по другую сторону дороги, рядом с летним кинотеатром, где по вечерам развлекалось мужественное, но невежественное воинство, для увеселения которого теперь прибыла еще одна труппа ОСКОВ[2].

Эта труппа была прислана генералом Пеккемом, который перевел свой штаб в Рим и не придумал ничего лучшего, чем строить оттуда козни против генерала Дридла. С таким генералом, как Пеккем, требовалось аккуратное обхождение. Это был эрудированный, воспитанный и педантичный генерал, который знал длину окружности

экватора и писал «численно возросли» там, где другой написал бы «увеличились». Вообще-то, конечно, он был порядочной дубиной, и никто не знал этого лучше, чем генерал Дридл, взбешенный последним приказом генерала Пеккема.

Согласно этому приказу, все палатки на Средиземноморском театре военных действий надлежало ставить параллельными рядами, с таким расчетом, чтобы вход каждой палатки гордо глядел в сторону памятника Вашингтону. Генералу Дридлу, как командиру боевой части, это показалось бредом собачьим. Тем более, что вовсе не его, генерала Пеккема, дело — указывать, как ставить палатки в авиабригаде Дридла. Между двумя сюзеренами разыгрался бурный политический диспут, закончившийся в пользу генерала Дридла. Одержать победу ему помог экс-рядовой первого класса Уинтергрин, писарь из штаба двадцать седьмой воздушной армии. Уинтергрин решил исход дела тем, что стал бросать всю корреспонденцию от генерала Пеккема в корзину, так как счел ее слишком многословной. Зато письма генерала Дридла, написанные куда менее напыщенным слогом, пришлись по душе Уинтергрину, и он передавал их на доклад в точном соответствии с уставом. Таким образом, генерал

Дридл победил ввиду неявки противника.

Чтобы вновь утвердить свой утраченный престиж, генерал Пеккем начал посылать больше концертных бригад ОСКОВ, чем когда-либо прежде, и поручил полковнику Карджиллу под личную ответственность обеспечить энтузиазм зрителей.

Но в полку Йоссариана энтузиазма не наблюдалось. Энтузиазм в полку Йоссариана наблюдался только в одном направлении: все больше и больше рядовых и офицеров по нескольку раз в день с торжественным видом шествовали к сержанту Таусеру, чтобы узнать, не поступил ли приказ об отправке их домой. Эти люди сделали по пятьдесят вылетов. Сейчас таких ходоков к Таусеру стало еще больше, чем раньше, когда Йоссариан уходил в госпиталь, и они по-прежнему ждали и надеялись, волновались и грызли ногти от нетерпения. Всем своим видом они напоминали лишних людей времен экономического кризиса. Они расползались по лагерю, как полчища крабов, и ждали приказа об отправке домой, в безопасные края, подальше от штаба двадцать седьмой воздушной армян а Италии, а пока мм не оставалось ничего другого, как нервничать, грызть ногти и торжественно шествовать по

нескольку раз в день к сержанту Таусеру, чтобы узнать, не пришел ли приказ об отправке их в тихие родные края.

Все это походило на скачки с препятствиями, ибо летчики по горькому опыту знали, что полковник Кэткарт может в любое время еще раз увеличить норму вылетов. И им не оставалось ничего другого, как ждать. Только Заморыш Джо, отлетав положенное, умел найти себе занятие. С фотоаппаратом в руках он усаживался в первом ряду на каждом представлении ОСКОВ и нацеливал объектив под юбку желтоволосой певице в усыпанном блестками платье. Снимки у него никогда не получались.

Полковник Карджилл, напористый, розовощекий человек, был личным порученцем генерала Пеккема. До войны он работал агентом по сбыту и зарекомендовал себя как расторопный, беспощадный и агрессивный делец. Он был очень скверным агентом. До того скверным, что за ним гонялись фирмы, желавшие потерпеть убытки, чтобы платить поменьше налогов. Во всем цивилизованном мире, от Баттери-парка до Фултон-стрит, он пользовался репутацией надежного человека, на которого можно положиться, если нужно быстро списать налоги. Он брал дорого, по-

скольку частенько не так-то легко было довести фирму до полного краха: ведь ему приходилось браться за дело, когда фирма процветала, и вести ее к разорению, а это иногда оказывалось не таким уж простым делом, особенно при наличии влиятельных доброжелателей в Вашингтоне. Требовались месяцы напряженной работы для тщательной разработки порочных в своей основе планов. Человек путал, дезорганизовывал, делал просчеты и просмотры всего к вся, распахивал все шлюзы для утечки денег, и в тот момент, когда он считал, что дело сделано, правительство подбрасывало фирме озеро, или лес, или нефтеносный район, и все шло насмарку. Но даже при таких помехах на Карджилла можно было положиться, если требовалось разорить дотла самое преуспевающее предприятие. Этот человек достиг всего в жизни своими руками, он был кузнецом собственных несчастий и за отсутствие успехов мог благодарить только самого себя.

— Господа! — так начал полковник Карджилл свое выступление в эскадрилье Йоссариана. Он говорил, старательно, выдерживая паузы между словами.

— Вы — американские офицеры. Ни в одной другой армии мира офицеры не могут сказать о

себе ничего подобного. Поразмыслите над этим.

Сержант Найт поразмыслил и вежливо сообщил полковнику Карджиллу, что ведь он обращается-то к рядовому и сержантскому составу, а офицеры дожидаются его на другом конце лагеря. Полковник Карджилл горячо поблагодарил Найта и зашагал через весь лагерь, излучая самодовольство.

— Господа! — начал он. обращаясь к офицерам и старательно выдерживая паузы между словами. — Вы — американские офицеры. Ни в одной другой армии мира офицеры не могут сказать о себе ничего подобного. Поразмыслите над этим.

Он сделал маленькую паузу, чтобы дать им время поразмыслить.

— Эти люди — ваши гости! — вдруг закричал он. — Они проехали более трех тысяч миль для того, чтобы развлечь вас. Каково же им, если никто не желает идти на их концерт? Какое у них должно быть после этого настроение? Господа, я же не о своей шкуре пекусь. Но ведь вот эта девушка, которая собирается сегодня играть для вас на аккордеоне, она же вам в матери годится. А как бы вам понравилось, если бы ваша мама проехала больше трех тысяч миль, чтобы поиграть на аккордеоне каким-то военным, а те даже

взглянуть на нее не пожелали? И что скажет ребенок, чья мама играет на аккордеоне, когда он вырастет и узнает, как обошлись с его мамой? А? Мы все знаем, что он скажет. Но, господа, я хочу, чтобы вы правильно меня поняли. Все это, разумеется, на добровольных началах. Я был бы последним полковником на земле, если бы велел вам в обязательном порядке отправиться на концерт ОСКОВ и развлекаться. Но я хочу, чтобы каждый из вас, кто не настолько болен, чтобы валяться в госпитале, отправился сейчас же на концерт ОСКОВ и веселился от души, и это уже приказ.

Что касается Йоссариана, то он действительно чувствовал себя неважно — хоть снова отправляйся в госпиталь, Но совсем плохо он почувствовал себя позднее, когда, сделав еще три боевых вылета, пришел к доктору Дейнике и тот опять меланхолично покачал головой и отказался освободить его от полетов.

— Ты думаешь, неприятности только у тебя? — печально выговаривал ему доктор Дейника. — А мне, думаешь, легко? Я восемь лет перебивался с хлеба на воду, покуда выучился на доктора. Потом, когда обзавелся собственным кабинетом, тоже частенько затягивал ремень потуже, пока

наконец не появилась приличная клиентура и я смог сводить концы с концами. И вот едва только кабинет начал приносить прибыль, меня призвали.

Доктор Дейника был приятелем Йоссариана, но не хотел ради него палец о палец ударить. Йоссариан очень внимательно слушал, как Дейника рассказывал о полковнике Кэткарте из авиаполка, который метил в генералы, о генерале Дридле из авиабригады и о работавшей у него хорошенькой медсестре, а также обо всех других генералах из штаба двадцать седьмой воздушной армии, которые настаивали на том, чтобы выполнение боевого долга сводилось лишь к сорока вылетам.

— А ты бери пример с Хэвермейера, плюй на все и улыбайся, — посоветовал доктор Йоссариану. От такого совета Йоссариана передернуло. Хэвермейер был ведущим бомбардиром. При заходе на цель он никогда не делал противозенитных маневров, подвергая таким образом дополнительной опасности все экипажи, летевшие с ним в одном строю.

— Хэвермейер, какого дьявола ты не делаешь противозенитного маневра? — яростно набрасывались на него летчики после возвращения с задания.

— Эй вы, оставьте капитана Хэвермейера в покое! — обычно говорил в таких случаях полковник Кэткарт. — Он же, черт побери, наш лучший бомбардир.

Хэвермейер ухмылялся, кивал головой и объяснял, как он охотничьим ножом надрезает пулю, превращая ее в «дум-дум», перед тем как всадить в полевую мышь, а проделывал он это в своей палатке еженощно.

Хэвермейер действительно был потрясающим бомбардиром, но он шел по прямой и всегда на одной высоте от исходного пункта до цели, и так же шел дальше, пока не убеждался, что бомбы достигли земли и там взметнулось оранжевое пламя, вырос крутящийся столб дыма, а перемолотые в пыль обломки заклубились и покатились огромной черно-серой волной. В шести машинах, ведомых Хэвермейером, сидели объятые смертным страхом люди, неподвижные, как истуканы. Сам же бомбардир сквозь плексигласовый нос кабины с глубочайшим интересом прослеживал путь каждой бомбы, рискуя попасть под обстрел немецких зенитчиков, которые за это время могли навести орудия и дернуть спусковой крючок, или веревку, или выключатель, или дьявол их там знает, что они дергали, когда хотели убить

совершенно незнакомых им людей.

Ведущий бомбардир Хэвермейер никогда не промахивался. Йоссариан раньше тоже был ведущим бомбардиром, но его понизили в должности, потому что с некоторых пор ему стало плевать, попал он в цель или промазал. Он решил или жить вечно, или умереть, а если умереть, то только во время попытки выжить. И единственное боевое задание, которое он давал себе каждый раз, — это вернуться на землю живым.

Ребята любили летать с Йоссарианом, потому что он выходил на цель, делая «бочки» во все стороны, круто взмывая «свечой» и пикируя, резко крутясь и вертясь, заставляя пилотов пяти других машин делать то же самое, чтобы сохранить подобие строя. Самолеты выравнивались на какие-то две-три секунды, чтобы отбомбиться, и затем снова взмывали, надсадно воя моторами. Пробираясь сквозь огонь проклятых зениток, Йоссариан продолжал так отчаянно петлять, что шесть машин вскоре разлетались по всему небу, как земные молитвы. Каждый самолет при этом мог стать легкой добычей немецких истребителей, однако обычно к этому времени они уже не появлялись в воздухе. Стало быть, опасен был лишь зенитный огонь, а Йоссариан не любил,

если рядом с ним взрывались самолеты. Только когда все эти немцы оставались далеко позади, он устало сдвигал шлем на вспотевшую макушку и переставал рявкать в переговорное устройство команды Макуотту, сидевшему за штурвалом. Теперь Макуотт уже мог позволить себе полюбопытствовать, куда упали бомбы.

— Бомбы сброшены, — докладывал сзади сержант Найт.

— Мост разбомбили? — спрашивал Макуотт.

— Откуда мне знать, сэр. Меня так здорово кидало, что я не разглядел. А теперь все заволокло дымом и ничего не видно.

— Эй, Аарфи, бомбы попали в цель?

— В какую цель? — спрашивал толстенький, вечно попыхивавший трубочкой штурман капитан Аардваарк, роясь в куче разложенных сбоку от Йоссариана карт. — Разве мы уже дошли до цели?

— Йоссариан, бомбы попали в цель?

— Какие бомбы? — спрашивал Йоссариан, единственной заботой которого было не угодить под огонь зениток. Тогда Макуотт принимался напевать:

— Как я рад, как я рад, мы попали к черту в ад! Йоссариану было плевать с самой высокой

колокольни, поразил он цель или нет. А вот Хэвермейеру и другим ведущим бомбардирам это было далеко не безразлично. Бывали случаи, когда кто-нибудь злился на Хэвермейера и лез на него с кулаками.

— Я сказал вам, оставьте капитана Хэвермейера в покое, — сердито предупреждал полковник Кэткарт. — Разве я не говорил, что он, черт возьми, наш лучший бомбардир?

Хэвермейер скалил зубы, когда полковник приходил ему на помощь, и засовывал за щеку очередную плитку прессованных земляных орешков.

Хэвермейер добился больших успехов, стреляя по ночам в полевых мышей из пистолета, украденного из кобуры покойника в палатке Йоссариана. Хэвермейер использовал для приманки конфету и усаживался в темноте, поджидая грызуна. В одной руке он держал пистолет, а палец другой руки продевал в петельку веревки, протянутой от рамы москитной, сетки к выключателю лампы. Веревка была натянута, как струна банджо, и стоило ее чуть потянуть. как рама захлопывалась, а вспышка яркого света ослепляла дрожащую жертву. Хавермейер с восторгом наблюдал, как крохотный зверек

таращил перепуганные глазенки, отыскивая врага. Когда же мышиные глазки встречались с его взглядом, он с громким хохотом нажимал на спусковой крючок и посылал в мечущееся мохнатенькое тельце пулю за пулей, наполняя палатку раскатистым грохотаньем, пока наконец юркая мышиная душа не отправлялась на небеса к своему создателю.

Однажды ночью, когда Хэвермейер выстрелил в мышь, Заморыш Джо выскочил из палатки босой, вопя что было мочи. Разрядив свой собственный пистолет сорок пятого калибра в палатку Хэвермейера, он ринулся вниз по откосу выемки, лихо вскарабкался на противоположную сторону и вдруг исчез, провалившись в одну из земляных щелей, которые, словно по мановению волшебной палочки, появились у каждой палатки на другое же утро после того, как Милоу Миндербиндер разбомбил расположение своей эскадрильи. (Это случилось незадолго до рассвета в дни великой осады Болоньи, когда в ночном воздухе реяли, как привидения, безгласные тени мертвецов.) Заморыш Джо находился в состоянии, близком к помешательству: он снова выполнил норму вылетов и был временно освобожден от полетов, а это выводило его из себя. Когда Заморыша Джо

выудили с сырого дна земляной щели, он бормотал что-то бессвязное о змеях, пауках и крысах. Дно осветили карманными фонариками, но, кроме нескольких дюймов застоявшейся дождевой воды, там ничего не оказалось.

— Вот видите! — крикнул Хавермейер. — Я говорил вам, что он псих, ведь говорил же?

4. Доктор Дейника

Заморыш Джо бесспорно был ненормальным, и никто не знал этого лучше, чем Йоссариан, который изо всех сил старался как-нибудь помочь ему. Но Заморыш Джо не желал и слушать Йоссариана. Он не желал слушать Йоссариана, ибо считал его самого психом.

— А почему он. собственно говоря, обязан тебя слушать? — спрашивал Йоссариана доктор Дейника, не поднимая глаз.

— Но у него же неприятности…

Доктор Дейника презрительно фыркнул.

— У него неприятности! Что же обо мне сказать в таком случае? — продолжал Дейника, мрачно усмехаясь. — О, лично я никому не жалуюсь. Я знаю, что идет война. Я знаю, что масса людей готова на жертвы во имя нашей победы. Но почему я должен быть одним из этих людей? Почему

не призовут в армию кого-нибудь из тех старых врачей, которые посылают публике воздушные поцелуйчики и болтают, будто медики готовы на жертвы? А я не хочу приносить жертвы. Я хочу приносить домой доллары.

Доктор Дейника был аккуратненький, чистенький человек, для которого хорошо провести время — значило всласть побрюзжать. У него были темные волосы и умное мрачное личико со скорбными мешочками под глазами. Постоянно озабоченный своим здоровьем, он чуть ли не каждый день ходил в медчасть, заставляя одного из двух санитаров мерить ему температуру. Эти два парня фактически делали за него всю работу, причем настолько успешно, что доктору оставалось только сидеть на солнышке, греть свой насморочный нос и размышлять, чем это так озабочены все люди вокруг. Рядовых из медчасти звали Гэс и Уэс. Они достигли большого успеха, подняв медицину до уровня точных наук: тех, кто приходил к ним с температурой выше тридцати восьми градусов, они немедленно отсылали в госпиталь. Всем больным, за исключением Йоссариана, с температурой ниже тридцати восьми градусов они, чтобы отделаться, мазали десны и большие пальцы ног раствором марганцовки и

давали таблетку слабительного, которую каждый уважающий себя больной тут же забрасывал в кусты. Если градусник показывал тридцать восемь ровно, посетителя просили зайти через часок — снова измерить температуру. Йоссариан с температурой тридцать семь и девять десятых мог отправляться в госпиталь, когда его душе угодно, — Гэс и Уэс ему были нипочем.

Эта система всех устраивала, и особенно доктора Дейнику: у него, таким образом, оставалось достаточно времени, чтобы наблюдать, как старый майор де Каверли мечет подковы на своей личной спортплощадке. Во время этого занятия майор носил на глазу целлулоидный кружочек, который Дейника выкроил специально для него из куска целлулоида, воровским способом вырезанного из окна служебной палатки майора Майора.

Доктор Дейника отправлялся в медчасть к Гэсу и Уэсу, только когда чувствовал себя ужасно больным, а чувствовал он себя ужасно больным каждый день. Гэс и Уэс осматривали его и ровным счетом ничего не обнаруживали.

Термометр неизменно показывал тридцать шесть и шесть, что, с их точки зрения, было совершенно нормальной температурой, если их

шеф не возражал. Но он возражал. Постепенно он начал терять доверие к Гэсу и Уэсу и подумывал о том, чтобы перевести их обратно в гараж и заменить людьми, более толковыми и способными найти у него в организме какой-нибудь непорядок.

Лично доктору Дейнике было известно множество вещей, которые нельзя было назвать иначе, как вопиющим непорядком. Помимо собственного здоровья, его очень беспокоили Тихий океан и полетное время. Здоровье это такая штука, в которой никогда нельзя быть уверенным. А Тихий океан… Дейника ужасно боялся, что если он освободит Йоссариана от полетов, то тем самым навлечет на себя гнев полковника Кэткарта и тот переведет его на Тихий океан. Полетное же время — это время, которое он должен был налетать в месяц, чтобы получать надбавку к жалованью.

Дейника ненавидел полеты. В самолете он чувствовал себя, как в клетке: в нем лишнего шагу не шагнешь. Доктор слыхал, что люди, которые с удовольствием влезают в кабину самолета, подчиняются подсознательному желанию влезть обратно в утробу матери. Это сказал ему Йоссариан, который устраивал так, что доктор получал свою надбавку за полетное время, не влезая об-

ратно в утробу матери. Йоссариан каждый раз уговаривал Макуотта внести фамилию доктора в полетный лист перед тренировочным заданием или перед путешествием в Рим.

— Вы же понимаете, — лебезил Дейника, заговорщицки подмигивая, — к чему мне понапрасну испытывать судьбу, если я не обязан этого делать?

— Безусловно, — соглашался Йоссариан.

— Какая разница — был я в самолете или я не был в самолете?

— Никакой разницы.

— Именно это я и имею в виду, — говорил Дейника. — Не подмажешь — не поедешь, на этом все в мире держится. Рука руку моет. Понял, о чем я? Почеши мне спинку, и я почешу тебе…

Йоссариан понял.

— Да нет, я имел в виду не это, — сказал Дейника, когда Йоссариан начал чесать ему спину.

— Я говорю о сотрудничестве. Взаимная любезность. Ты мне оказываешь любезность, я — тебе. Понял?

— Вот и окажи мне любезность, — попросил Йоссариан.

— Исключено, — ответил Дейника.

Что-то пугающее было в облике доктора, когда

он сидел, погруженный в меланхолию, около своей палатки. А он при каждом удобном случае посиживал там на солнышке в летних брюках цвета хаки и в рубашке с короткими рукавами, которая от стирки — стирал же он ее в целях дезинфекции ежедневно — вылиняла и стала серой. Доктор был похож на человека, который однажды, похолодев от ужаса, превратился в ледышку, да так с тех пор и не оттаял полностью. Он сидел, уйдя в себя, втянув голову в худые плечи, и потирал загорелыми пальцами голые скрещенные руки, словно ему и впрямь было холодно. На самом деле тепла у доктора было хоть отбавляй, во всяком случае, сам к себе он относился с большой теплотой. — Ну почему именно я? — не уставал он жалостливо вопрошать, и, надо сказать, вопрос этот был интересный.

Йоссариан считал этот вопрос интересным, потому что коллекционировал интересные вопросы, чтобы с их помощью срывать занятия, которые раньше два раза в неделю проводил Клевинджер в палатке капитана Блэка из разведотдела. Клевинджеру помогал очкастый капрал, которого все считали подрывным элементом. Капитан Блэк ни минуты не сомневался, что капрал — подрывной элемент: не случайно он носил

очки и употреблял такие словечки, как «панацея» и «утопия». К тому же капрал не любил Адольфа Гитлера, а ведь Гитлер проделал такую замечательную работу по борьбе с антиамериканской деятельностью в Германии!

Йоссариан посещал занятия, надеясь хоть там докопаться до истины и установить, почему такое множество людей тратит столько сил, чтобы убить его. Помимо Йоссариана, к занятиям проявляли интерес еще несколько человек, и, когда Клевинджер и капрал имели неосторожность спросить, есть ли вопросы, вопросы так и посыпались — один интереснее другого.

— Испания — это кто?

— Для чего Гитлер?

— А правильно — это когда?

— Где был тот сутулый старик с белой как мел физиономией, которого я, бывало, называл Папашка, когда рухнула карусель?

— Какие козыри объявили в Мюнхене?

— Хо-хо, бери-бери!

— Мошонка!

Все это прозвучало одно за другим, и тогда Йоссариан задал свой вопрос, на который не может быть ответа:

— Где прошлогодний Сноуден?

Этим вопросом он уложил их на обе лопатки. Ведь Сноуден был убит под Авиньоном, когда Доббс сошел с ума в воздухе и выхватил штурвал у Хьюпла…

Капрал притворился глухим.

— Что вы сказали? — спросил он. — Где прошлогодний Сноуден?

— Боюсь, что я вас не понял.

— On sont les Neiges d'antan? — сказал Йоссариан, чтобы капралу было легче понять его.

— Parlez en anglais, ради бога. — сказал капрал. — Je ne parle pas francais.[3]

— Я тоже, — ответил Йоссариан.

Он был готов, если бы умел, прогнать капрала сквозь все языки мира, чтобы выжать из него толковый ответ, но тут вмешался Клевинджер, бледный, худой, хватающий ртом воздух, с влажными от закипающих слез глазами дистрофика.

Штаб авиаполка забил тревогу: если людям разрешить задавать любые вопросы, которые им взбредут на ум, трудно сказать, до чего они могут докопаться. Полковник Кэткарт поручил подполковнику Корну прекратить это безобразие. Подполковник Корн издал приказ, определяющий порядок задавания вопросов. Как объяснил подполковник Корн в своем рапорте полковни-

ку Кэткарту, этот приказ был отмечен печатью гениальности. Согласно приказу подполковника Корна, задавать вопросы разрешалось только тем, кто их никогда не задает. Скоро на занятия стали ходить только те, кто никогда не задавал вопросов, и занятия прекратились, поскольку Клевинджер, капрал и подполковник Корн пришли к общему соглашению, что нет никакой возможности, равно как и необходимости, просвещать людей, которые ни о чем не спрашивают.

Полковник Кэткарт и подполковник Корн жили и работали в здании штаба авиаполка, как и все другие штабные офицеры, за исключением капеллана. Штаб полка размещался в огромном, доступном всем сквознякам, старинном здании, примечательном своими стенами из рассыпчатого красного камня да засоренной канализацией. За домом находился отлично оборудованный тир, построенный полковником Кэткартом исключительно в целях развлечения офицеров полка, однако по милости генерала Дридла каждый офицер и рядовой боевых подразделений обязан был проводить там не менее восьми часов в месяц.

Йоссариан ходил в тир, но ни разу не попал в мишень. Эпплби тоже ходил — и ни разу не про-

мазал. Йоссариан стрелял так же плохо, как играл в карты. За всю жизнь ему не удалось выиграть в карты ни цента. Даже когда Он жульничал, он не мог выиграть, потому что люди, которых он пытался надуть, жульничали лучше его. Йоссариану пришлось смириться: он понял, что ему не суждено стать ни чемпионом по стрельбе, ни богачом. «Чтобы не иметь денег, нужна голова на плечах», — писал полковник Карджилл в одном из своих поучительных меморандумов, которые он регулярно готовил для распространения в войсках за подписью генерала Пеккема. «В наше время всякий дурак может делать деньги и большинство дураков этим и занимается. Но так ли поступают люди, наделенные умом и талантом? Назовите мне хотя бы одного поэта, который гонялся бы за деньгами!»

— Т.С. Эллиот, — подал голос экс-рядовой первого класса Уинтергрин из своей почтовой каморки в штабе двадцать седьмой воздушной армии и бросил телефонную трубку, не назвав себя.

Полковник Карджилл в Риме был потрясен.

— Кто это был? — спросил генерал Пеккем.

— Не знаю, — ответил полковник Карджилл.

— Что ему было нужно?

— Не знаю.

— Но что он сказал?

— «Т.С. Эллиот», — доложил полковник Карджилл.

— Что это значит?

— «Т.С. Эллиот», — повторил полковник Карджилл.

— Просто «Т.С... .»?

— Да, сэр. Это все, что он сказал. Просто «Т.С. Эллиот».

— Интересно, что это значит? — задумчиво произнес генерал Пеккем.

Полковнику Карджиллу это было тоже интересно.

— Хм, «Т.С. Эллиот»... — удивлялся генерал Пеккем.

— «Т.С. Эллиот», — как эхо, отзывался полковник Карджилл, погружаясь в мрачные раздумья.

Через секунду генерал Пеккем вскочил с просветленным ликом. На губах его играла пронзительная усмешка, в глазах мерцали алые огоньки.

— Пусть кто-нибудь соединит меня с генералом Дридлом, — приказал он полковнику Карджиллу. — Но не говорите, кто спрашивает.

Полковник Карджилл передал ему трубку.

— Т.С. Эллиот, — сказал генерал Пеккем в труб-

ку и положил ее.

— Кто это? — спросил на Корсике полковник Модэс. Полковник Модэс был зятем генерала Дридла. Уступая настояниям жены, генерал Дридл приобщил зятя к военному бизнесу. Генерал Дридл взирал на полковника Модэса с неизменной ненавистью. Один лишь вид зятя, который постоянно находился при нем в качестве помощника, вызывал у генерала отвращение. Он возражал против брака дочери с полковником Модэсом, потому что терпеть не мог свадебных церемоний.

С угрожающим видом генерал Дридл приблизился к большому, высотой в человеческий рост, зеркалу и, насупившись, уставился на свое грузное отражение. Он видел широколобую голову с сильной проседью, кустистые седеющие брови и тупую, воинственно выдвинутую вперед нижнюю челюсть. Генерал напряженно размышлял над только что полученным загадочным сообщением.

Наконец его осенило, лицо генерала оживилось, губы скривились в садистской улыбке.

— Соедините-ка меня с Пеккемом, — сказал он полковнику Модэсу. — Только не говорите, кто спрашивает.

— …Кто это был? — спросил в Риме полковник Карджилл.

— Тот же самый человек, — ответил явно встревоженный генерал Пеккем. — Теперь ему понадобился я.

— Что ему нужно?

— Не знаю.

— А что он сказал?

— То же самое.

— «Т.С. Эллиот»?

— Да, «Т.С. Эллиот» — и все. — Генералу Пеккему пришла в голову обнадеживающая идея: — Может быть, это какой-то новый шифр или пароль дня? Поручите-ка кому-нибудь проверить в отделе связи, не введен ли новый шифр или что-нибудь вроде пароля дня.

Служба связи ответила, что «Т.С. Эллиот» не является ни новым шифром, ни паролем. Полковник Карджилл высказал еще одно предположение:

— Не позвонить ли мне в штаб двадцать седьмой воздушной армии? Может быть, они что-нибудь знают? У них там служит некий Уинтергрин, я с ним довольно близко знаком. Это он подсказал мне однажды, что наши тексты слишком многословны.

Экс-рядовой первого класса Уинтергрин сообщил полковнику Карджиллу, что штаб двадцать седьмой воздушной армии не располагает сведениями о Т.С. Эллиоте.

— Ну а как наши тексты сегодня? — решил заодно поинтересоваться полковник Карджилл. — Намного короче, чем прежде, верно?

— Воды еще хватает, — ответил Уинтергрин.

— Нисколько не буду удивлен, если узнаю, что за всей этой историей стоит генерал Дридл, — признался наконец генерал Пеккем.

5. Вождь Белый Овес

Доктор Дейника делил пятнистую от грязи палатку с Вождем Белый Овес, которого презирал и боялся.

— Он у меня сидит в печенках, — ворчал Дейника.

— Ты бы лучше поинтересовался моей печенкой, — советовал Йоссариан.

— Твоя печенка в порядке.

— Вот сразу и видно, как мало ты смыслишь, — пытался взять его на пушку Йоссариан. Он поведал доктору о болях в области печени, которые так встревожили сестру Даккит, сестру Крэмер и всех врачей в госпитале, поскольку желтухи не

было, а боли тем не менее не проходили.

Доктор Дейника не проявил интереса к этому сообщению.

— И это ты называешь неприятностями? — сказал он. — А что же в таком случае сказать обо мне?

У доктора Дейники был когда-то свой медицинский кабинет. Приемную украшали золотые рыбки и гарнитур мебели, столь же очаровательный, сколь и дешевый. Все, что было можно, включая и золотых рыбок, Дейника приобрел в кредит. На покупку всего остального, что в кредит не продавалось, доктор раздобыл денег у родственников-скопидомов, которые раскошелились в обмен направо участвовать в будущих прибылях. Его кабинет помещался на Стэйтен Айленде в двухквартирной лачуге всего лишь в четырех кварталах от паромного причала. А рынок, три женские парикмахерские и две аптеки с жуликоватыми аптекарями находились и того ближе — в соседнем квартале. К тому же кабинет был в угловом доме — казалось бы, чего лучше? Но все это не помогало.

Население района все время оставалось постоянным, и люди привыкли за долгие годы иметь дело с одними и теми же врачами. Стопка счетов

быстро росла, и скоро Дейника был вынужден расстаться с самыми нужными медицинскими инструментами — сначала с арифмометром, а затем и с пишущей машинкой. Золотые рыбки подохли. К счастью, когда дело приняло совсем мрачный оборот, разразилась война.

— Это был дар божий! — торжественно признался Дейника. — Большинство других врачей вскоре оказалось на военной службе, и буквально на следующее утро мои дела пошли на лад, То, что кабинет находился на углу, наконец-то оправдало себя. Вскоре я обнаружил, что на прием приходит пациентов даже больше, чем я могу принять. Я договорился с обоими аптекарями и с их помощью стал получать с пациентов гонорар больше прежнего. Соседство с женскими парикмахерскими давало мне два-три аборта в неделю. О лучшем нельзя было и мечтать! Но дальше произошло непоправимое. Из призывной комиссии присылают парня, чтобы он меня освидетельствовал. Я был запасником четвертой категории. Я весьма тщательно сам себя обследовал и пришел к выводу о своей полной непригодности для военной службы. Думаешь, моего слова им было достаточно? Ничего подобного! Не помогло и то, что я врач, и то, что я поддерживал добрые отношения

с медицинским обществом округа и с местным «Бюро содействия бизнесу». Они прислали этого малого, чтобы удостовериться, действительно ли у меня ампутирована нога до бедра и правда ли, что я навечно прикован к постели неизлечимым ревматическим артритом. Ах, Йоссариан, мы живем в век всеобщего недоверия и полной девальвации духовных ценностей! Это ужасно! — патетически воскликнул Дейника.

Голос его дрожал от глубокого и неподдельного волнения.

— Как это ужасно, когда любимое отечество относится с подозрением к честному слову врача, практикующего по государственной лицензии!

Доктора Дейнику призвали, доставили пароходом на Пьяносу и назначили хирургом авиачасти, хотя он панически боялся летать.

— Не я жду неприятностей в самолете, неприятности сами меня там ждут, — говорил он, обиженно моргая карими глазами-бусинками.

Как раз в этот момент в палатку ворвался, нежно баюкая на груди бутылку виски Вождь Белый Овес. С вызывающим видом он уселся между Йоссарианом и доктором Дейникой.

Дейника встал и, не говоря ни слова, вынес свой стул из палатки. Он не переваривал своего соседа

по палатке. Вождь Белый Овес считал Дейнику сумасшедшим. — Не знаю, что творится с этим малым, — заметил он с укоризной. — Безмозглый он, вот в чем штука. Будь у него хоть капля мозгов, он схватил бы лопату и начал копать. Прямо тут, в палатке, начал бы копать, прямо под моей койкой. И в одну секунду нашел бы нефть. Неужели он не слыхал, как тот военный в Штатах одним ударом лопаты добрался до нефти? Что он, не знает, что ли, что случилось с тем парнем, как его звали? Будь он распроклят, этот прыщавый крысеныш из Колорадо!

— Уинтергрин.

— Ага, Уинтергрин.

— Он боится, — пояснил Йоссариан. Вождь Белый Овес покачал головой:

— Тот вонючий сукин сын никого не боится.

— А доктор Дейника боится. Вот в чем его беда.

— Чего же он боится?

— Он за тебя боится, — сказал Йоссариан. — Он боится, что ты можешь помереть от воспаления легких.

— Пусть боится, — сказал Вождь Белый Овес. Его мощная грудь затряслась от раскатов басовитого смеха. — И умру, как только случай, подвернется. Вот увидишь.

Вождь Белый Овес, красивый смуглый индеец из Оклахомы, с массивным скуластым лицом и черными взъерошенными волосами, по каким-то, одному ему известным, мистическим причинам решил умереть от воспаления легких. Это был вспыльчивый, мстительный, озлобленный индеец, который ненавидел иностранцев с такими фамилиями, как Кэткарт, Корн, Блэк и Хэвермейер, и желал одного — чтобы они убрались туда, откуда явились их паршивые предки.

— Ты не поверишь, Йоссариан, — задумчиво сказал он, нарочно повышая голос, чтобы позлить Дейнику, — до чего же хорошо жилось в нашей Стране, пока они не испохабили ее своим чертовым благочестием?

Вождь Белый Овес желал отомстить белому человеку. Он едва умел читать и писать, но служил у капитана Блэка в качестве помощника офицера по разведке.

— А где мне было выучиться читать и писать? — вопрошал Вождь Белый Овес, снова повышая голос, чтобы услышал Дейника. — В каком бы месте мы ни ставили палатки, они тут же принимались бурить нефтяную скважину. И где ни бурят — находят нефть. И как только найдут нефть, заставляют нас свертывать палатки и

перебираться на новое место. Мы были для них живыми магическими палочками.[4]

Наша семья отличалась каким-то врожденным влечением к нефтяным месторождениям, и скоро нас преследовали по пятам изыскатели, подосланные всеми нефтяными компаниями мира. Мы кочевали без конца. В этих условиях воспитать ребенка — дьявольски трудная задача, вы уж мне поверьте. Помнится, больше недели мы на одном месте не жили.

Да, его детские воспоминания были радужны, как лужа нефти.

— Всякий раз, когда рождался новый Белый Овес, — продолжал он, — биржевые акции шли на повышение. Вскоре целые бригады бурильщиков со всем оборудованием преследовали нас повсюду, наступая друг другу на пятки. Компании начали объединяться, чтобы сократить число изыскателей, приставленных к нашему семейству. Но толпа наших преследователей все росла. Мы останавливались, и они останавливались. Мы трогались в путь, и они трогались, со всеми своими полевыми кухнями, бульдозерами, подъемными кранами и движками. Куда бы мы ни шли, с вокруг нас бушевал деловой бум. Лучшие отели присылали нам приглашения посетить

их города, потому что за нами тащились орды бизнесменов. Некоторые из этих приглашений были довольно заманчивы, но мы не могли имя воспользоваться: ведь мы индейцы, а все лучшие отеля. которые приглашали нас, не пускают на постой индейцев. Расовые предрассудки — жуткая вещь, Йоссариан. Я тебе правду говорю.

Вождь Белый Овес убежденно закивал головой:

— И вот, Йоссариан, наконец это случилось — начало конца. Они зашли нам в лоб. Они пытались догадаться, где мы сделаем следующую стоянку, чтобы начать бурить еще до того, как мы придем на это место. Теперь мы не могли даже нигде остановиться. Бывало, только начнем разворачивать одеяла, — нас тут же сгоняют. Они в нас верили Еще не согнав нас с места, они уже принимались бурить. И вот однажды утром мы обнаружили, что нефтепромышленники окружили нас со всех сторон. Куда ни кинь — на вершинах всех холмов стоят нефтепромышленники, похожие на индейцев, изготовившихся к атаке. Все кончено. На старом месте мы не могли оставаться, потому что оттуда нас гнали, а вперед идти было некуда. Меня спасла только армия. К счастью, в это время началась война. Призывная

комиссия выхватила меня прямо из сжимающегося кольца нефтепромышленников и доставила живым и невредимым в лагерь Лоури-Филд в штате Колорадо. Только я один и спасся.

Йоссариан знал, что Вождь Белый Овес врет, но не стал его прерывать. С тех пор, утверждал Белый Овес, он не имел никаких вестей от своих родителей. Впрочем, это обстоятельство не очень-то беспокоило его, потому что он им только на слово верил, что он их сын. Значительно лучше Белый Овес был знаком с судьбой их двоюродного клана. Эти родственнички обманным путем прорвались на север и нечаянно проскочили в Канаду. А когда они попытались вернуться, их остановили на границе американские иммиграционные власти и не впустили обратно в Штаты. Они не смогли вернуться, потому что были красные.

Это было ужасно остроумно, но Дейника все равно не рассмеялся. Смешно ему стало, когда, вернувшись со следующего задания, Йоссариан обратился к нему снова, без особой надежды на успех, с просьбой освободить его от полетов. Дейника разок хихикнул и тут же погрузился в собственные думы. Размышлял он о Вожде Белый Овес, который вызвал его в то утро на соревнование по индейской борьбе, и о Йоссариане,

который, по-видимому, окончательно и бесповоротно решил сойти с ума.

— Понапрасну тратишь время, — вынужден был сказать ему Дейника.

— Ну неужели ты не можешь освободить от полетов летчика, который не в своем уме?

— Разумеется, могу. Даже обязан. Существует правило, согласно которому я обязан отстранять от полетов любого психически ненормального человека.

— Ну а тогда почему же ты меня не отстраняешь. Я псих. Спроси у Клевинджера.

— Клевинджер? А где он? Найди мне Клевинджера, и я у него спрошу.

— Можешь спросить любого. Все скажут, что я псих.

— Они сами сумасшедшие.

— А почему ты и их тогда не отстраняешь от полетов?

— А почему они не просят меня, чтобы я их отстранил?

— Потому что они сумасшедшие, вот почему.

— Конечно, они сумасшедшие, — ответил Дейника — Разве я сам только что не сказал, что они сумасшедшие? Но ведь сумасшедшие не могут решать, сумасшедший ты или нет.

Йоссариан грустно посмотрел на него и начал заход с другой стороны:

— Ну а Орр — псих?

— Этот уж наверняка.

— А его ты можешь отстранить от полетов?

— Могу, конечно. Но сначала он должен сам меня об этом попросить. Так гласит правило.

— Так почему же он не просит?

— Потому, что он сумасшедший, — ответил Дейника.

— Как же, он может не быть сумасшедшим, если, столько раз побывав на волосок от смерти, все равно продолжает летать на задания? Конечно, я могу отстранить его. Но сначала он сам должен попросить меня об этом.

— И это все, что ему надо сделать, чтобы освободиться от полетов? — спросил Йоссариан.

— Все. Пусть он меня попросит.

— И тогда ты отстранишь его от полетов? — спросил Йоссариан.

— Нет. Не отстраню.

— Но ведь тогда получается, что тут какая-то ловушка?

— Конечно, ловушка, — ответил Дейника. — И называется она «уловка двадцать два». «Уловка двадцать два» гласит: «Всякий, кто пытается

уклониться от выполнения боевого долга, не является подлинно сумасшедшим».

Да, это была настоящая ловушка. «Уловка двадцать два» разъясняла, что забота о себе самом перед лицом прямой и непосредственной опасности является проявлением здравого смысла. Орр был сумасшедшим, и его можно было освободить от полетов. Единственное, что он должен был для этого сделать, — попросить. Но как только он попросит, его тут же перестанут считать сумасшедшим и заставят снова летать на задания. Орр сумасшедший, раз он продолжает летать. Он был бы нормальным, если бы захотел перестать летать; но если он нормален, он обязан летать. Если он летает, значит, он сумасшедший и, следовательно, летать не должен; но если он не хочет летать, — значит, он здоров и летать обязан. Кристальная ясность этого положения произвела на Йоссариана такое глубокое впечатление, что он многозначительно присвистнул.

— Хитрая штука эта «уловка двадцать два», — заметил он.

— Еще бы! — согласился Дейника.

Йоссариан ясно видел глубочайшую мудрость, таившуюся во всех хитросплетениях этой ловушки. «Уловка двадцать два» поражала

воображение, как хорошая модернистская картина. Временами Йоссариан не был даже вполне уверен, осознал ли он смысл уловки во всей ее полноте и глубине, так же, как он не всегда был уверен в действительных достоинствах модернистских картин, и так же, как он не всегда был уверен относительно мушек, которых Орр якобы видел в глазах Эпплби. Йоссариану оставалось лишь верить Орру на слово.

— Есть, есть они у него, это точно, — уверял Орр, после того как Йоссариан подрался с Эпплби в офицерском клубе, — хотя Эпплби, вероятно, даже сам об этом не знает. Из-за этих мушек в глазах он не может видеть вещи такими, как они есть на самом деле.

— Как же он сам о них не знает? — допытывался Йоссариан.

— Потому что у него в глазах мушки, — подчеркнуто терпеливо объяснял Орр. — Как же он может видеть, что в глазах у него мушки, если у него мушки в глазах?

Смысла в атом было столько же, сколько во всем остальном, что говорил Орр, но Йоссариан был готов согласиться с утверждением Орра, не требуя доказательств, потому что Орр, в отличие от Йоссариановой матери, отца, сестры, брата,

тетки, дяди, свояка, учителя, духовника, конгрессмена, соседа и газеты, никогда не врал ему в серьезных вопросах. День или два Йоссариан обдумывал про себя сообщенную ему Орром новость, а затем решил, что правильнее всего будет переговорить на эту тему с самим Эпплби.

— Эпплби, у тебя в глазах мушки, — шепнул он самым благожелательным тоном, когда они встретились у входа в парашютный склад в тот день, когда «слетали за молоком» в Парму.[5]

— Что? — резко переспросил Эпплби, смущенный тем, что Йоссариан вообще заговорил с ним.

— У тебя в глазах мушки, — повторил Йоссариан. — Наверное, потому ты их и не видишь.

Эпплби отшатнулся от Йоссариана, как от зачумленного Он надулся и молчал, пока не сел в джип рядом с Хэвермейером. По длинной и прямой дороге они ехали в инструкторскую, где офицер по оперативным вопросам майор Дэнби, нервный и суетливый человек, должен был проинструктировать перед полетом всех командиров, бомбардиров и штурманов ведущих самолетов.

Эпплби говорил, понизив голос так, чтобы его не слышали водитель и капитан Блэк, откинувшийся с закрытыми глазами на переднем

сиденье джипа.

— Скажи, Хэвермейер, — спросил Эпплби довольно уверенно, — у меня нет... есть мухи в глазах?

Хавермейер насмешливо сощурился.

— Нет ли у тебя муки в глазах? — спросил он.

— Мухи! Есть ли у меня мухи?..

Хэвермейер снова сощурился:

— Мухи?

— Ну да, у меня в глазах?!

— Ты в своем уме? — спросил Хэвермейер.

— Я-то в своем. Это Йоссариан — сумасшедший. Ты мне только скажи, есть у меня в глазах какие-то мушки или нет. Ну давай, я не обижусь. Хэвермейер бросил в рот плитку прессованных земляных орешков и пристально всмотрелся в глаза Эпплби.

— Ничего не вижу, — объявил он. Эпплби вздохнул с облегчением. К губам, подбородку щекам Хэвермейера прилипли ореховые крошки. — У тебя на лице крошки от орехов, — заметил ему Эпплби.

— Лучше крошки на лице. чем мушки в глазах, — отпарировал Хэвермейер.

Летчики-офицеры остальных пяти самолетов каждого звена прибывали на грузовиках, и пол-

часа спустя начинался разбор задания. Члены экипажей из рядового и сержантского составов на разборе не присутствовали. Их доставляли прямо на летное поле, к машинам, на которых они должны были в этот день лететь, а пока они дожидались своих офицеров в обществе наземного обслуживающего экипажа Потом подкатывал грузовик, и офицеры, распахнув лязгающие дверцы заднего борта, спрыгивали на землю.

Это значило, что пора садиться в самолеты и заводить моторы.

Моторы работали сначала неохотно, с перебоями, затем глаже, но с ленцой, а потом машины тяжело и неуклюже трогались с места и ползли по покрытой галькой земле, как слепые, глупые, уродливые твари, пока не выстраивались гуськом у начала взлетной полосы. Потом машины быстро взлетали одна за другой, со звенящим нарастающим ревом разворачивались над рябью лесных верхушек и кружили над аэродромом с одинаковой скоростью, затем строились в звенья — по шесть машин в каждом — и ложились на заданный курс.

Так начинался первый этап полета к цели, расположенной где-то в северной Италии или во Франции. Машины постепенно набирали высоту

и в момент пересечения линии фронта находились на высоте девять тысяч футов. Удивительно, что при этом всегда было ощущение спокойствия. Стояла полнейшая тишина, нарушаемая лишь время от времени пробными пулеметными очередями и бесстрастными короткими замечаниями по переговорному устройству. Наконец раздавалось отрезвляюще четкое сообщение бомбардира, что самолеты находятся в исходной точке и сейчас начнется заход на цель. И всегда в этот момент сияло солнце, и всегда чуть першило в горле от разреженного воздуха.

Б—25, на которых они летали, были устойчивые, надежные, окрашенные в скучный зеленый цвет двухмоторные машины с широко разнесенными крыльями. Их единственный недостаток, с точки зрения Йоссариана, сидевшего на месте бомбардира, заключался в слишком узком лазе, соединяющем кабину в плексигласовой носовой части самолета с ближайшим аварийным люком. Лаз представлял собой узкий, квадратный, холодный туннель, проходивший под самыми штурвалами. Такой рослый парень, как Йоссариан, едва протискивался через лаз. Штурман Аарфи, упитанный круглолицый человек с маленькими, как у ящерицы, глазками, с неиз-

менной трубкой в зубах, тоже пролезал с трудом. Когда до цели оставались считанные минуты, Йоссариан обычно выгонял его из носовой кабины, где они сидели вдвоем. После этого наступало напряженное время, время ожидания, когда нечего слушать, не на что смотреть и ничего не остается делать, кроме как ждать, пока зенитные батареи не засекут их и не откроют огонь с недвусмысмысленным намерением отправить их на тот свет. Лаз был для Йоссариана дорогой жизни, в случае если бы самолет начал падать, но Йоссариан крыл этот лаз на все корки. Кипя от злобы, он проклинал его как подножку, которую ему подставила судьба — соучастница заговора — с целью угробить его, Йоссариана. Ведь здесь же, прямо здесь, в носу каждого Б—25, имелось место для дополнительного аварийного люка, но люка почему-то не сделали. Вместо люка был лаз, а со времени той свистопляски, что разыгралась при налете на Авиньон, он научился ненавидеть каждый дюйм лаза, потому что каждый дюйм отделял Йоссариана на долгие-долгие секунды от парашюта, слишком громоздкого, чтобы держать его при себе. А ведь нужны были еще секунды и секунды, чтобы надеть парашют и добраться до аварийного люка в полу между приподнятой

кабиной и ногами невидимого стрелка, сидящего в верхней полусфере. Йоссариан страстно желал сам находиться там, куда он выгонял Аарфи. Он хотел бы сидеть прямо на крышке люка, зарывшись в кучу запасных летных бронекостюмов, один из которых он с удовольствием держал бы всегда при себе, с уже пристегнутым парашютом, сжимая одной рукой красную скобу вытяжного троса, а другой — вцепившись в рычаг люка, через который он мог бы вывалиться в воздух, туда, к земле, едва заслышав жуткий скрежет разваливающейся машины. Вот где он хотел бы находиться, если уж вообще нужно было находиться в самолете, а вместо этого он болтался здесь, в носовой кабине, как какая-то богом проклятая золотая рыбка в каком-то проклятом аквариуме, в то время как проклятые грязно-черные ярусы зенитных разрывов клубились и громоздились, вздымаясь вокруг него снизу и сверху, и вся эта с треском прущая вверх, грохочущая, швыряющая, фантасмагорическая, космическая мерзость трясла их, подбрасывала, молотила, стучала в обшивку, пронизывала и угрожала уничтожить в мгновение ока в одной гигантской вспышке огня.

Аарфи не был нужен Йоссариану ни как штурман, ни в любом другом качестве, поэтому Йос-

сариан каждый раз гнал его в шею, чтобы тот не мешал ему в носовой части, если вдруг придется прокладывать себе путь к спасению. Тем самым Йоссариан предоставлял Аарфи прекрасную возможность дрожать от страха на том месте, где так страстно желал дрожать он сам. Аарфи же вместо этого предпочитал торчать рядом с первым и вторым пилотами, удобно положив свои толстенькие руки на спинки их кресел, и, не выпуская из пальцев трубочки, дружески болтать с Макуоттом и вторым пилотом о всяких пустяках. Правда, оба летчика были слишком заняты для того, чтобы разглядывать в небе какую-нибудь занятную ерунду, на которую пытался обратить их внимание Аарфи. Макуотт был поглощен выполнением отрывистых команд Йоссариана, требовавшего то вывести корабль на боевой курс, то энергично отворачивать от грозных огненных столбов. Его резкие, визгливые выкрики очень напоминали полные мольбы и муки кошмарные вопли Заморыша Джо, голосившего по ночам.

Во время этого громыхающего хаоса Аарфи по привычке посасывал трубку, глядя с безмятежным любопытством сквозь стекло кабины на войну, как будто это была какая-то далекая неприятность, его лично не касавшаяся. Аарфи

свято хранил верность своей молодежной организации, любил повеселиться на сборищах бывших одноклассников, одним словом, был не настолько умен, чтобы испытывать чувство страха. Йоссариан же был достаточно умен, чтобы испытывать страх, и единственное, что мешало ему бросить свой пост, скользнув в лаз, как желтопузая крыса, — это его нежелание доверить кому-нибудь руководство противозенитным маневром при выходе из района цели. В целом мире не было никого, кому он мог бы оказать столь высокую честь и перепоручить такое ответственное дело, ибо он не знал в мире другого такого же величайшего труса. Йоссариан был непревзойденным мастером в авиаполку по части противозенитного маневра.

Никаких установленных правил выполнения противозенитного маневра не существовало. Страх — это все, что было нужно для успеха, а у Йоссариана страха всегда было хоть отбавляй. В нем гнездилось больше страха, чем в Орре или Заморыше Джо и даже в Данбэре, который покорно смирился с мыслью, что все равно когда-нибудь придется подохнуть. Йоссариан же не поддавался этой мысли и в каждом полете отчаянно спасал собственную шкуру. Едва бомбы успевали

оторваться от машины, как он орал Макуотту: «Жми, жми, жми, жми, сволочь ты эдакая, жми!», дико ненавидя при этом Макуотта, как будто именно он, Макуотт, был повинен в том, что они оказались в таком месте, где их могут начисто изничтожить. И тогда все в самолете отключались от переговорного устройства. Было лишь одно прискорбное исключение — во время свистопляски над Авиньоном, когда Доббс рехнулся и начал душераздирающим голосом взывать:

— Помогите ему! Помогите! Помогите! Помогите ему!

— Кому помочь? Помочь кому? — кричал в ответ Йоссариан. Он только что снова включил свой шлемофон в переговорное устройство, после того как связь была временно нарушена по вине Доббса: Доббс выхватил штурвал у Хьюпла и вдруг ни с того ни с сего швырнул их в оглушающее, оцепеняюшее, жуткое пике, отчего Йоссариан беспомощно прилип макушкой к потолку кабины. Хьюпл едва успел вывести их из пике, вырвав штурвал у Доббса, и тут же вернул корабль обратно, прямо в какофонию зенитного огня, в самую гущу вздымающихся пластов дыма, откуда они так благополучно выбрались минутой раньше. «О боже, боже, боже», — беззвучно

твердил Йоссариан, свисая с потолка кабины. Он не мог пошевельнуть пальцем.

— Бомбардиру! Бомбардиру! — кричал Доббс Йоссариану. — Он не отвечает! Он не отвечает! Помогите бомбардиру! Бомбардиру помогите!

— Я — бомбардир! — орал в переговорное устройство Йоссариан. — Я бомбардир. Со мной все в порядке. Все порядке.

— Тогда помогите ему, помогите ему! — умолял Доббс. Помогите ему, помогите ему!

А в хвосте умирал Сноуден.

6. Заморыш Джо

У Заморыша Джо на счету было пятьдесят боевых вылетов. Он уже собрал вещички и теперь сидел на чемоданах, дожидаясь, когда его отпустят домой. По ночам его преследовали кошмары, и он издавал жуткие, душераздирающие вопли, которые будили всю эскадрилью, кроме Хьюпла, пятнадцатилетнего второго пилота. Хьюпл скрыл свой возраст, чтобы попасть в армию, и жил вместе со своим любимым котенком в одной палатке с Заморышем Джо. Хьюпл спал чутко, но утверждал, что не слышит воплей Джо. Заморыш Джо был человек больной.

— Ну и что из этого? — обиженно ворчал доктор

Дейника. — Я зашибал пятьдесят тысяч долларов в год и почти не платил налога, потому что брал с пациентов наличными. Меня поддерживала сильнейшая в мире торговая ассоциация. И посмотрите, что вышло. Как только я все наладил, чтобы развернуться по-настоящему, кому-то понадобилось устроить фашизм и начать войну, да еще такую ужасную, что она коснулась даже меня. Меня смех разбирает, когда я слышу, как какой-то Заморыш Джо исходит криком каждую ночь. Меня просто смех разбирает. Он, видите ли, болен! А каково, интересно, мне?

Заморыш Джо был слишком занят собственными горестями, чтобы еще интересоваться самочувствием доктора Дейники. Взять хотя бы шум. Самый легкий шум приводил Джо в ярость, и он орал до хрипоты: на Аарфи — за то, что тот причмокивает, когда сосет свою трубку; на Орра — когда тот паял; на Макуотта — за то, что тот щелкает картами, когда играет в очко или покер; на Доббса за то, что у него лязгают зубы, когда, спотыкаясь, он налетает на все, что лежит или стоит на его пути. Заморыш Джо был просто комком обнаженных нервов. Часы, монотонно тикавшие в тишине палатки, точно молотком, били его по темени.

Однажды поздним вечером он раздраженно заявил Хьюплу:

— Вот что, малыш, если хочешь жить со мной в одной палатке, тебе придется подчиняться моим правилам. Изволь каждый вечер заворачивать свои часы в шерстяные носки и класть их на дно ящика для обуви, который стоит вон у той стенки.

Хьюпл воинственно выдвинул нижнюю челюсть, давая понять, что уступать не намерен, после чего стал делать то, что от него требовал Джо.

Заморыш Джо был издерганным несчастным существом с костлявой, тощей, землистого цвета физиономией. На этом будто закопченном лице с глубоко запавшими глазами и щеками было написано отчаяние, и это лицо чем-то напоминало заброшенный шахтерский поселок. Заморыш Джо жадно ел, грыз ногти, заикался, задыхался, чесался, потел, брызгал слюной и метался с места на место, как безумный, со своим фотоаппаратом, постоянно пытаясь снимать обнаженных девиц. Снимки никогда не получались. Он забывал или вставить пленку в аппарат, или снять крышку с объектива, или ему не хватало света. Убедить девушек позировать голышом не так-то просто,

но Заморыш Джо знал один хитрый прием.

— Моя большой люди, — кричал он, — моя большой фотограф из журнала «Лайф»! Большой снимок на большой обложка! Звезда Голливуд! Много-много деньги. Много-много разводов. Много-много шуры-муры целый день.

Редкая женщина могла устоять перед таким коварным обольстителем. Проститутки с готовностью шли ему навстречу. Женщины доконали Заморыша Джо. Его отношение к ним можно было назвать идолопоклонством. В его глазах они были прелестным, умопомрачительным, волшебным инструментом наслаждения — слишком сильного, чтобы его измерить, слишком острого, чтобы вынести, и слишком возвышенного, чтобы о нем мог даже помыслить низкий, недостойный мужчина. Когда перед ним оказывались обнаженные девицы, он никак не мог решить: то ли заключать их в объятия, то ли фотографировать. В результате он не делал ни того, ни другого. Во всяком случае, снимки никогда не получались. Однако самым удивительным было то, что в мирное время Заморыш Джо действительно работал фоторепортером в «Лайфе».

Сейчас он был героем, самым большим, по мнению Йоссариана, героем в рядах военно-воз-

душных сил, потому что на его счету было больше боевых вылетов, чем у любого другого героя. Он выполнил шесть норм боевых вылетов. Заморыш Джо выполнил первую норму, когда требовалось всего двадцать пять вылетов, чтобы начать собирать вещички, писать домой жизнерадостные письма и добродушно допекать сержанта Таусера вопросом, не при шел ли приказ об отправке домой, в Штаты. В ожидании этого радостного известия он проводил каждый день, околачиваясь возле палатки оперативного отдела, громко отпускал шуточки по адресу каждого проходившего мимо и, улыбаясь, величал паршивым сукиным сыном сержанта Таусера, когда тот выскакивал из дверей штаба.

Заморыш Джо налетал свои первые двадцать пять заданий в ту неделю, когда шли бои за плацдарм для высадки в Салерно и когда Йоссариана уложили в госпиталь с триппером, который он подцепил в кустах во время бреющего полета над одной дамой из женского вспомогательного корпуса в Маракеше, куда его посылали за боеприпасами. Йоссариан изо всех сил старался догнать Заморыша Джо, и это ему почти удалось — он сделал шесть боевых вылетов за шесть дней, но в день его двадцать третьего вылета в рай-

он Ареццо, когда Йоссариану оставалась самая малость до отправки домой, убили полковника Неверса. А на следующий день появился полковник Кэткарт, в новеньком мундире, сияющий и самодовольный, и отметил свое вступление в должность тем, что увеличил количество обязательных боевых вылетов с двадцати пяти до тридцати. Заморыш Джо распаковал свои чемоданы и написал домой новое письмо, но уже не такое жизнерадостное, как предыдущее. Он перестал добродушно допекать сержанта Таусера. Он начал его ненавидеть лютой ненавистью, хотя и знал, что сержант ни в чем не виноват: ни в том, что прибыл полковник Кэткарт; ни в том, что задержали приказ об отправке Джо домой. А ведь поступи этот приказ на неделю раньше — и все было бы о кей.

Заморыш Джо не мог больше выдержать напряженного ожидания и, едва закончив очередной цикл боевых заданий, впадал а состояние полного душевного расстройства. Всякий раз, когда его снимали с боевых вылетов, он устраивал выпивку для узкого круга друзей. Четыре дня в неделю он летал на связном самолете по тыловым базам и попутно закупал, виски «Бурбон». За сим следовали щедрые возлияния. Заморыш хохотал, пел,

метался и орал в пьяном экстазе, пока хватало сил, и наконец мирно погружался в дремоту. Йоссариан, Нейгли и Даибэр укладывали его в постель, и тут он начинал визжать во сне. Утром Заморыш Джо выходил из палатки измученный, перепуганный, истерзанный чувством собственной вины, — не человек, а изъеденная оболочка человека.

Кошмары посещали Заморыша Джо с потрясающей регулярностью каждую ночь после того, как он, выполнив норму боевых вылетов, перестал летать на задания. Он все ждал приказа об отправке домой, а приказ так и не приходил, и это было для него слишком мучительным испытанием. Впечатлительных людей в эскадрилье, таких, как Доббс и капитан Флюм, жуткие вопли Заморыша Джо настолько выводили из себя, что они тоже начинали вопить в своих палатках.

Подполковник Корн принял решительные меры по пресечению нездоровых тенденций в эскадрилье майора Майора. Он приказал, чтобы Заморыш Джо четыре раза в неделю летал на связном самолете, что освобождало эскадрилью от его присутствия на четыре ночи, и эта мера, как я все меры подполковника Корна, оказалась целительной. Стоило полковнику Кэткаргу

увеличить число боевых полетов и возвратить Заморыша Джо в строй, кошмары прекращались и Заморыш Джо с улыбкой облегчения возвращался в состояние нормального повседневного страха. Йоссариан читал лицо Заморыша Джо так же ясно, как аршинный заголовок в газете. Если Заморыш Джо выглядел хорошо, это было плохо, а если он выглядел плохо, это было хорошо. Ненормальная реакция Заморыша Джо Озадачивала всех, кроме самого Джо, который упрямо отрицал все.

— Кому снилось? — недоумевал он, когда Йоссариан спрашивал, что ему снилось.

— Джо, ты бы наведался к доктору Дейнике, — советовал Йоссариан.

— Зачем мне к нему наведываться? Я не больной.

— Тебя кошмары не мучат?

— Нет у меня никаких кошмаров, — врал Заморыш Джо. — Всем снятся кошмары.

Йоссариану показалось, что он понял его.

— Каждую ночь? — спросил он.

— А почему бы и не каждую? — отрезал Заморыш Джо.

Внезапно во всем этом появился смысл. В самом деле, почему бы и не каждую ночь? Изливать

каждую ночь в крике свою душевную боль — право же, это не лишено смысла. Во всяком случае, в этом больше смысла, чем в поведении Эпплби, который в тупой приверженности уставам заставил Крафта приказать Йоссариану, чтобы тот перед полетом за океан принял таблетки атабрина.

Это случилось после того, как Йоссариан и Эпплби перестали разговаривать друг с другом. И по сравнению с Крафтом Заморыш Джо тоже оказался умнее: Крафт канул в небытие под Феррарой; он погиб при взрыве одного из двигателей, после того как Йоссариан вторично повел на цель свое звено из шести машин. Семь дней кряду авиаполк мазал по мосту у Феррары, несмотря на то, что прицелы на самолетах гарантировали попадание в бочку из-под огурцов с высоты сорока тысяч футов. А ведь сам полковник Кэткарт, которого никто не тянул за язык, дал слово, что его люди в ближайшие двадцать четыре часа разбомбят мост. Крафт был тощий, безобидный малый иэ Пенсильвании, но его убили, и кровоточащей головешкой, запрятанной в чудовищную кучу металла, он упал на землю вместе с машиной, потерявшей крыло. Он упал в районе Феррары на седьмой день недели, когда господь бог отдыхает. А Макуотт тем временем развернул машину, и

Йоссариан вторично повел ее на цель, потому что Аарфи ошибся в расчетах и Йоссариан не смог сбросить бомбы с первого захода.

— Я полагаю, нам надо еще разок зайти, а? — спросил Макуотт по переговорному устройству.

— По-моему, тоже.

— Ты уверен? — спросил Макуотт.

— Ага.

— Как я рад, как я рад, мы попали к черту в ад! — пропел Макуотт.

И они полетели обратно, в то время как машины других звеньев разворачивались вдалеке в полной безопасности, так что теперь каждое изрыгающее смерть орудие дивизии Германа Геринга осыпало снарядами только их самолеты.

Полковник Кэткарт был человек мужественный и без малейших колебаний сам вызывался посылать своих людей на бомбардировку любых целей. Ни один объект не был слишком опасен для его полка, так же, как Эпплби был под силу любой удар в настольном теннисе. Эпплби был хороший летчик, а в настольный теннис играл, как бог. Мушки в глазах не мешали ему выигрывать очко за очком.

Двадцать одна подача — все, что ему было нужно, чтобы повергнуть противника в прах. Его

успехи в настольном теннисе стали легендой. Он выигрывал все встречи подряд, пока однажды вечером Орр, нахлебавшись джину с лимонным соком, не трахнул Эпплби по лбу ракеткой за то, что тот выиграл пять очков с первых пяти подач Орра. Орр швырнул ракетку в Эпплби, а затем вскочил на стол и мощным прыжком сиганул с другого конца стола, угодив обеими подошвами прямо в физиономию Эпплби. И началась заваруха! Эпплби потребовалась добрая минута, чтобы сбросить с себя Орра, который молотил его руками и ногами. Когда Эпплби удалось встать на ноги, Орр ухватил его одной рукой за рубашку, а другой размахнулся, намереваясь вышибить из него дух, но в этот момент вмешался Иоссаоиан и оттащил Орра. Не уступая Йоссариану ни ростом, ни бицепсами, Эпплби двинул его со страшной силой, отчего Вождь Белый Овес почувствовал необычайный прилив радостного возбуждения и, обернувшись, хватил полковника Модэса по носу. Этим он доставил тестю полковника, генералу Дриддлу такое душевное удовлетворение, что генерал приказал Вождю Белый Овес отправиться в палатку к доктору Дейнике и оставаться там под постоянным наблюдением врача для поддержания отличной спортивной формы, чтобы

Вождь мог двинуть по носу полковника Модэса в любую минуту, когда это потребуется генералу Дридлу. Иногда генерал Дридл специально приезжал из штаба авиабригады с полковником Модэсом и своей медсестрой полюбоваться, как Вождь Белый Овес дает по носу его зятю. Вождь Белый Овес с большим удовольствием жил бы не у доктора Дейники, а в трейлере, который он делил раньше с капитаном Флюмом, молчаливым, усталым офицером службы общественной информации. По вечерам капитан Флюм чаще всего проявлял пленки и печатал фотографии, сделанные днем, чтобы разослать их потом вместе с информационными бюллетенями. Капитан Флюм Засиживался допоздна в своей фотолаборатории, а затем укладывался на койку и изо всех сил старался не заснуть. На шею он вешал счастливый талисман — кроличьи лапки — и скрещивал указательный и средний пальцы. Он смертельно боялся Вождя Белый Овес. Капитана Флюма преследовала мысль, что однажды ночью, когда он будет спать крепким сном Вождь Белый Овес подкрадется на цыпочках и перережет ему горло от уха до уха. Эту идею подал капитану Флюму сам Вождь Белый Овес: однажды, когда Флюм засыпал, тот действительно подкрался на

цыпочках и зловеще прошипел, что в одну прекрасную ночь, когда Флюм будет крепко спать, он перережет ему горло от уха до уха. Капитан Флюм похолодел — на него в упор были нацелены пьяные зрачки Вождя Белый Овес. Зрачки мерцали.

— Но за что? — только и смог прохрипеть Флюм.

— А просто так, ни за что, — ответил Вождь Белый Овес.

Каждую ночь после этого капитан Флюм заставлял себя бодрствовать как можно дольше. Этому способствовали кошмары, мучившие Заморыша Джо. Напряженно прислушиваясь к еженощным завываниям Заморыша Джо, капитан Флюм возненавидел его и стал мечтать о том, чтобы Вождь Белый Овес подкрался однажды ночью на цыпочках к койке Джо и перерезал тому горло от уха до уха. На самом же деле капитан Флюм большинство ночей дрыхнул без задних ног, и ему только снилось, что он бодрствует. Эти сны о том, что он будто бы не спит, были настолько убедительны, что он просыпался каждое утро в полном изнеможении и тут же засыпал снова.

Вождь Белый Овес начал проникаться любовью к капитану Флюму за его удивительные превращения. Вечером капитан Флюм укладывался в

постель жизнерадостным гуманистом, а утром просыпался мрачным мизантропом, и Вождь Белый Овес гордился этим новым капитаном Флюмом как творением рук своих. Он вовсе и не помышлял о том, чтобы перерезать капитану Флюму горло от уха до уха. Когда он грозился сделать это, или умереть от воспаления легких, или вызвать доктора Деннику на индейскую борьбу, или стукнуть полковника Модэса по носу, он просто шутил на свой манер. Единственное, чего желал Вождь Белый Овес, когда изрядно поднабирался вечером, — поскорее лечь спать, но из-за Заморыша Джо это частенько оказывалось невозможным. Кошмары Заморыша Джо доводили Вождя Белый Овес до белого каления. Нередко ему хотелось, чтобы кто-нибудь пробрался на цыпочках в палатку Заморыша Джо и перерезал тому горло от уха до уха. Тогда бы вся эскадрилья, за исключением капитана Флюма, могла спокойно спать по ночам. Хотя Вождь Белый Овес продолжал на радость генералу Дридлу регулярно бить по носу полковника Модэса, он все-таки не мог попасть в число любимчиков начальства. И командир эскадрильи майор Майор тоже не мог попасть в их число. Майор понял это, когда узнал, что назначен командиром эскадри-

льи. Эту новость объявил полковник Кэткарт, примчавшись в своем прыгающем козлом джипе на следующий день после того, как над Перуджей был убит майор Дулут. Полковник Кэткарт со скрежетом затормозил свой джип в нескольких дюймах от края железнодорожной выемки. По другую сторону выемки находилась покатая баскетбольная площадка, где майор Майор бегал с мячом в компании офицеров и рядовых, с которыми почти успел подружиться.

— Вы назначены новым командиром эскадрильи! — объявил ему тогда полковник Кэткарт. — Только не воображайте, что это что-то значит. Это ничего не значит. Это значит лишь то, что вы — новый командир эскадрильи.

Круто развернув машину и отбросив бешено крутящимися колесами струю мелкого гравия в лицо Майору Майору, полковник Кэткарт укатил так же внезапно, как приехал. От услышанной новости Майор Майор окаменел. Он стоял разинув рот, безмолвный, неуклюжий, с потертым баскетбольным мячом в худых руках. А между тем семена зла, за один миг посеянные полковником Кэткартом, уже пустили корни в душах солдат, только что дружески игравших в баскетбол с Майором Майором… Подобно всем прочим

офицерам штаба авиаполка, за исключением майора Дэнби, полковник Кэткарт был преисполнен демократического духа: он верил, что все люди рождены равными, и потому с равным усердием помыкал всеми подчиненными. Тем не менее он верил в своих людей. По его словам, они по крайней мере на десять боевых заданий были лучше, чем летчики любой другой части, а те, кто считал иначе, могли убираться ко всем чертям. Однако, как узнал Йоссариан при первой встрече с экс-рядовым первого класса Уинтергрином, единственный способ убраться ко всем чертям заключался в том, чтобы налетать дополнительно десять боевых заданий.

— Я все-таки не понимаю, — горячился Йоссариан, — прав доктор Дейника или нет?

— А сколько, он сказал, нужно заданий?

— Сорок.

— Дейника говорит правду, — подтвердил Уинтергрин.

— Сорок заданий — это все, что требуется налетать, во всяком случае у нас, в двадцать седьмой воздушной армии.

Йоссариан просиял.

— Значит, я могу отправляться домой, а? У меня сорок восемь.

— Нет, ты не можешь отправляться домой, — возразил Уинтергрин. — Ты что, психопат или что-нибудь в этом роде?

— Ну, а если психопат?

— Сразу видно: плохо ты знаешь «уловку двадцать два».

Когда Заморыш Джо доставил Йоссариана обратно на Пьяносу, тот снова обратился за разъяснением к доктору Дейнтое.

— Выходит, я действительно обязан налетать пятьдесят боевых заданий, так, что ли?

— Пятьдесят пять, — уточнил доктор.

— Какие еще пятьдесят пять?

— Теперь полковник хочет, чтобы все выполнили по пятьдесят пять заданий.

Заморыш Джо громко, с облегчением вздохнул и расплылся в улыбке. Йоссариан схватил Заморыша Джо за глотку и заставил его лететь обратно к Уинтергрину.

— А что мне сделают, — спросил Йоссариан доверительным тоном, — если я откажусь налетать эти дополнительные задания?

— Вероятнее всего, мы вас расстреляем, — ответил экс-рядовой первого класса Уинтергрин.

— Мы? — воскликнул изумленный Иоссариаи. — В каком это смысле «мы»? С каких это пор

ты на их стороне?

— Если ты хочешь быть расстрелянным, то на чьей стороне, по-твоему, должен быть я? — сказал Уинтергрин.

Йоссариан растерянно захлопал глазами. Полковник Кэт карт снова обвел его вокруг пальца.

7. Макуотт

Обычно пилотом Йоссариана был Макуотт. Йоссариан считал его самым ненормальным летчиком во всей эскадрилье, потому что Макуотт был полностью в своем уме и тем не менее охотно участвовал в военных действиях. Этот коротконогий, широкоплечий, улыбчивый парень постоянно насвистывал веселые эстрадные мотивчики. Играя в покер, или в очко, он громко щелкал картами по столу и этим доводил Заморыша Джо до истерики.

— Сукин ты сын! Ведь ты щелкаешь нарочно, только потому, что меня это бесит! — свирепо орал Заморыш Джо.

Тогда Йоссариан клал ему руку на плечо и заставлял угомониться.

— Он мне назло это делает, чтобы завести меня. Проклятый сукин сын!

Макуотт виновато морщил прямой веснушча-

тый нос и клялся, что больше никогда не будет щелкать картами, но постоянно забывал и снова щелкал. Макуотт носил ворсистые шлепанцы, ярко-красную пижаму и спал на свежевыглаженных цветных простынях. Половину одной такой простыни ему как-то раз вернул Милоу. Милоу обнаружил ее у хихикающего воришки и уговорил его отдать добычу обмен на финики, взятые в долг у Йоссариана. Похититель оказался сластеной и на сделку согласился. Впрочем, фиников он так и не получил.

Милоу произвел на Макуотта глубокое впечатление. Он поражал всех, особенно своего помощника по офицерской столовой капрала Снарка, тем, что закупал яйца по семь центов за штуку, а продавал их по пять центов. Однако впечатление, которое произвел на Макуотта Милоу, не шло ни в какое сравнение с тем впечатлением, которое произвела на Милоу записка доктора Дейники, касавшаяся Йоссариана.

— Это еще что такое?! — встревоженно закричал Милоу, когда увидел, как два итальянца, работавшие на кухне, намереваются отнести в палатку Йоссариана большую картонную коробку с пакетами сухофруктов и банками фруктового сока.

— Это для капитана Йоссариана, сэр, — с высокомерной ухмылкой сказал капрал Снарк. Капрал был интеллигентом и снобом. — У него есть письменное разрешение от доктора Дейники, дающее ему право получать с кухни любые фрукты и фруктовые соки, какие он только захочет.

— Это еще что такое?! — закричал возмущенный Йоссариан так, что Милоу побелел.

— Это — лейтенант Милоу Миндербиндер, сэр, — сказал капрал Снарк, насмешливо щурясь. — Один из наших новых пилотов. Пока вы находились в госпитале, его назначили начальником офицерской столовой.

— Это еще что такое?! — точно так же закричал Макуотт много позже, когда Милоу вручил ему половину его простыни.

— Это половина простыни, которую украли сегодня утром из вашей палатки, — объяснил Милоу, слегка волнуясь. При этом его усики цвета ржавчины быстро-быстро задергались. — Готов биться об заклад, что вы даже не заметили пропажи.

— Кому могла понадобиться половина простыни? — спросил Йоссариан.

Милоу разволновался не на шутку.

— Вы не понимаете! — запротестовал он.

Йоссариан не понимал еще и другого: зачем Милоу придирается к записке доктора Дейники, в которой все сказано с предельной ясностью: «Отпускайте Йоссариану любые сухофрукты и фруктовые соки, какие он пожелает. Он говорит, что у него больная печень».

— Такая записочка. — грустно пробормотал Милоу, — может пустить по миру любого начальника офицерской столовой. Милоу был похож на безутешную вдову, когда шел через все расположение эскадрильи, сопровождая в последний путь картонную коробку с потерянными для него продуктами.

Милоу пришел в палатку Йоссариана специально для того, чтобы еще раз прочесть записку доктора Дейники.

— Я обязан вам выдавать столько, сколько вы попросите. Но почему в записке не говорится, что вы обязаны все это съесть сами?

— И очень хорошо, что не говорится, — сказал Йоссариан, — потому что я вообще это все в рот не беру. У меня же печень не в порядке.

— Ах да, я и забыл, — сочувственно сказал Милоу. — Это, наверное, плохо?

— Довольно-таки плохо, — весело ответил Йоссариан.

— Понимаю, — сказал Милоу. — Но что значит «довольно-таки плохо»?

— Это значит, что лучше — вряд ли будет…

— Простите, я, кажется, не совсем вас понимаю.

— …а хуже стать может. Теперь вам ясно?

— Теперь ясно. Но я все же не совсем понимаю.

— Пусть вас это не беспокоит. Пусть уж это будет моей заботой. У меня, видите ли, собственно говоря, нет никакого заболевания печени. У меня только симптомы этого заболевания. Так называемый синдром Гернета-Флейшакера, вот что у меня.

— Ясно, — сказал Милоу. — А что это такое «синдром Гернета-Флейшакера»?

— Заболевание печени.

— Ясно, — сказал Милоу и сдвинул свои черные брови с выражением внутренней боли. — В таком случае, — промолвил он, помолчав, — я полагаю, что вам следует быть весьма осторожным в выборе пищи для себя.

— Это верно, — сказал Йоссариан. — Настоящий синдром Гернета-Флейшакера вылечить не так-то просто, и я не собираюсь губить свой синдром. Вот почему я никогда не ем никаких фруктов.

— Ага, теперь мне ясно, — сказал Милоу, — фрукты вредны для вашей печени.

— Нет, фрукты как раз полезны для моей печени. Потому-то я их никогда и не ем.

— В таком случае что же вы с ними делаете? — поинтересовался Милоу и, отчаянным усилием преодолев смущение, выпалил вопрос, вертевшийся у него на кончике языка: — Вы их продаете?

— Я их отдаю.

— Кому? — испуганно вскрикнул Милоу.

— Любому, кто захочет! — гаркнул в ответ Йоссариан.

Милоу испустил протяжный скорбный вопль и отпрянул от Йоссариана. Лицо его посерело и покрылось испариной.

Дрожа всем телом, он рассеянно подергал усы.

— Большую часть я отдаю Данбэру, — продолжал Йоссариан.

— Данбэру? — с трудом ворочая языком, переспросил Милоу.

— Ага. Данбэр может есть любые фрукты в любом количестве, и от этого ему нисколько не становится лучше. Я оставляю коробку прямо здесь, открытой. Всякий, кто хочет, может подойти и взять. Аарфи захаживает сюда за чер-

носливом, потому что, как он говорит, в столовой чернослива не допросишься. Когда у вас будет время, поинтересуйтесь этим вопросом, потому что мне не доставляет удовольствия видеть, как Аарфи околачивается у моей палатки. Ну а когда запас кончается, я прошу капрала Снарка снова пополнить коробку. Нейтли, когда отправляется в Рим, тоже прихватывает с собой фруктов. Он там влюблен в одну шлюху, которая нисколько не интересуется им. У этой красотки целая орава подружек, они постоянно крутятся вокруг Нейтли, и он им всегда привозит фрукты.

— Он продает им фрукты?

— Нет, так дает. Милоу нахмурился.

— М-да, я полагаю, что это весьма великодушно с его стороны, — заметил он без особого воодушевления.

— Да, весьма, — согласился Йоссариан.

— И главное, я убежден, что это — абсолютно законная операция, — сказал Милоу. — Ведь после того как вы получили эти продукты от меня, они принадлежат вам. Если учесть, что положение с продовольствием тяжелое, я полагаю, эти люди весьма рады таким подаркам.

— Ужасно рады, — заверил его Йоссариан. — Две девки сразу подхватывают ящик, относят его

на черный рынок и распродают все дочиста, а потом на вырученные деньги покупают всякие бусы, брошки, побрякушки и дешевые духи.

Милоу заметно оживился.

— Бусы и брошки! Этого я не знал! А сколько там стоит всякая такая галантерея?.. Возьмите меня в партнеры! — выпалил он. В глазах его была мольба.

Йоссариан отверг это предложение, хотя ни секунды не сомневался, что, с помощью записки доктора Дейники получая в офицерской столовой целые грузовики фруктов, они с Милоу смогли бы распорядиться ими наилучшим образом.

Милоу был чрезвычайно огорчен отказом Йоссариана, но с тех пор поверял Йоссариану все свои секреты, проницательно полагая, что человек, не способный обкрадывать любимое отечество, не способен обокрасть и отдельного гражданина. Милоу поведал Йоссариану все свои секреты, кроме одного — местонахождения тайников, которые он вырыл в холме и куда начал прятать денежки, после того как однажды, вернувшись из Смирны с самолетом, полным инжира, узнал от Йоссариана, что в госпиталь приходил сотрудник контрразведки. Для Милоу, который по простоте душевной добровольно взял на себя обязанности

начальника офицерской столовой, его новая должность была священной.

— Я даже не подозревал, что мы подаем офицерам мало чернослива, — признался он в первый же день. — Я думаю, это оттого, что мне еще не хватает опыта. Я поговорю об этом с моим шеф-поваром.

Йоссариан бросил на него злой взгляд.

— С каким еще шеф-поваром? — сурово спросил он. — Нет у вас никакого шеф-повара.

— Капрал Снарк, — объяснил Милоу, — он у меня единственный повар, так что я могу его считать своим шеф-поваром, хотя и собираюсь перебросить его на чисто административную работу. Капрал Снарк, видите ли, натура, пожалуй, слишком творческая. Он полагает, что работа в столовой — это своего рода искусство, и постоянно жалуется, что вынужден проституировать свой талант.

Никто не требует от него таких жертв! Кстати, вы, случайно, не знаете, почему его запихнули в рядовые и он всего-навсего капрал?

— Знаю, — сказал Йоссариан. — Он отравил всю нашу эскадрилью.

Милоу снова побледнел:

— Что он сделал?

— Он намешал в картофельное пюре несколько сот кусков солдатского мыла, желая доказать, что военные — это каннибалы, не способные отличить изысканное блюдо от явной дряни. Весь состав эскадрильи маялся животами. Боевые операции были отменены.

— Ну и ну! — поджал губы Милоу. — Надеюсь, он осознал, что поступил дурно?

— Наоборот. Он убедился, что был прав. Мы уплетали это пюре целыми тарелками и требовали добавки. Мы все чувствовали, что заболели, но мы и понятия не имели, что отравлены.

Милоу фыркнул от возмущения.

— В таком случае я обязательно переведу этого человека на административную работу. Я не желаю, чтобы подобные вещи происходили в то время, как я заведую офицерской столовой. Видите ли, — признался он серьезно, — я намерен обеспечить личный состав этой эскадрильи самым лучшим питанием в мире. Это действительно достойная цель, ведь верно? Если начальник столовой ставит перед собой иную, более скромную цель, то, мне кажется, он не имеет права вообще занимать свою должность. Не правда ли?

Йоссариан медленно повернулся к Милоу и

уставился на него недоверчивым, испытующим взглядом. Он увидел простое, дышащее искренностью лицо человека, не способного на хитрость и коварство, честное открытое лицо с большими глазами, косящими в разные стороны, рыжеватую шевелюру, черные брови и рыже-каштановые усы. У Милоу был длинный тонкий нос с принюхивающимися влажными ноздрями, причем казалось, что нос его всегда повернут не в ту сторону, куда смотрит его хозяин. Это было лицо человека с цельной душой, для которого сознательно изменить своим моральным принципам — гранитному фундаменту всех добродетелей — так же невозможно, как превратиться в гнусную жабу. Один из этих моральных принципов заключался в том, что в торговой сделке не грешно запрашивать максимальную цену. Он был способен на бурные вспышки благородного негодования, и такая вспышка произошла, когда он узнал, что приходил контрразведчик и разыскивал его.

— Он не вас разыскивал, — сказал Йоссариан, пытаясь успокоить Милоу, — он искал в госпитале какого-то человека, который, просматривая письма, подписывал их именем «Вашингтон Ирвинг».

— Я никогда не подписываю своих писем именем «Вашингтон Ирвинг», — торжественно объявил Милоу.

— Разумеется, не подписываете.

— Это трюк! Они хотят заставить меня признаться, что я зарабатываю на черном рынке! — дико взвыл Милоу, топорща свои выцветшие усы. — Не люблю я этих типов. Вечно они суют свой нос в дела таких честных людей, как мы с вами. Почему государство не займется экс-рядовым первого класса Уинтергрином, если оно действительно хочет навести порядок? Этот человек нарушает правила и уставы и постоянно сбивает мне цены.

Усам Милоу не везло — никак не удавалось ровно подстричь обе их половинки. Усы напоминали неспаренные глаза Милоу, которые не могли одновременно смотреть на один и тот же предмет. Милоу видел больше, чем видело большинство людей, но не слишком отчетливо. Если на известие о визите контрразведчика Милоу реагировал весьма бурно, то сообщение Йоссариана о том, что полковник Кэткарт увеличил норму боевых вылетов до пятидесяти пяти, он воспринял исключительно спокойно, и мужественно.

— Что ж, мы на войне, — сказал он. — И нечего

жаловаться на количество боевых заданий. Если полковник говорит, что мы обязаны налетать пятьдесят пять боевых заданий, значит, мы обязаны это сделать.

— Ну а я не обязан, — твердо заявил Йоссариан. — Пойду поговорю с майором Майором.

— Как это вам удастся? Майор Майор никого не принимает.

— Ну тогда я снова лягу в госпиталь.

— Вы только вышли из госпиталя, каких-нибудь десять дней назад, — с упреком напомнил ему Милоу. — Нельзя же убегать в госпиталь всякий раз, когда вам что-то не нравится. Нет-нет, наш долг — выполнять боевые задания. И это самое лучшее, что мы можем сделать.

В тот день, когда у Макуотта украли простыню, Милоу, человек с неподкупной совестью, не возводил себе взять даже взаимообразно коробку с фишками из офицерской столовой: ведь продовольственные запасы столовой это собственность правительства Соединенных Штатов.

— Но я могу взять в долг коробку с финиками у вас, пояснил он Йоссариану, — поскольку все эти фрукты принадлежат вам, раз вы получаете их от меня по записке доктора Денники. Вы можете делать с ними все, что угодно, даже продать их с

большой выгодой, вместо того чтобы раздавать их задаром. Может быть, будем действовать сообща?

— Нет, не будем.

Милоу не решился настаивать.

— Тогда одолжите мне коробку фиников, — попросил он. — Я верну. Клянусь: верну, и даже с небольшими процентами.

Милоу сдержал слово и, вернувшись с нераспечатанной коробкой фиников и хихикающим воришкой, который стянул простыню из палатки Макуотта, вручил Йоссариану четверть желтой простыни Макуотта. Теперь этот кусок простыни переходил в собственность Йоссариана. Он заработал его не ударив палец о палец, хотя и не понимал, каким образом это получилось. Макуотт тоже ровным счетом ничего не понял.

— Это еще что такое?! — закричал Макуотт, озадаченно уставясь на половину простыни.

— Это половина простыни, которую украли сегодня утром из вашей палатки, — объяснил Милоу. — Готов биться об заклад, что вы даже не заметили пропажи.

— Кому могла понадобиться половина простыни? — спросил Йоссариан.

— Вы не понимаете! — взволнованно запроте-

стовал Милоу. — Он украл целую простыню, а я возвращаю ее обратно с коробкой фиников, которые были вашим вкладом в торговую операцию. Вот почему четверть простыни ваша. Вы получили очень недурственную прибыль на вложенный капитал, особенно если принять во внимание, что вам возвращены все ваши финики до одного.

Затем Милоу обратился к Макуотту:

— Вы получаете половину, потому что именно вы были владельцем целой простыни. И право же, вам не на что жаловаться: не вмешайся мы с капитаном Йоссарианом, вы вообще ничего не получили бы.

— Никто и не жалуется, — воскликнул Макуотт, — я просто стараюсь сообразить, что мне делать с половиной простыни.

— О, с половиной простыни вы можете делать что хотите! — заверил его Милоу. — Четвертушку простыни я оставил для себя как премию за мою инициативу, предприимчивость и проделанную работу. Как вы понимаете, не для себя лично, а для синдиката. Это же вы можете сделать со своей половинкой простыни. Передайте ее синдикату и увидите, как ваш вклад будет обрастать процентами.

— О каком синдикате вы говорите?

— О синдикате, который я мечтаю основать в один прекрасный день, чтобы обеспечить вас, господа, высококачественным питанием, которого вы заслуживате.

— Вы собираетесь основать синдикат?

— Да. Точнее говоря, торговый центр. Вы знаете, что такое торговый центр?

— Место, где покупают вещи, так, кажется?

— И продают, — поправил Милоу.

— Да, и продают.

— Ну так вот, всю свою жизнь я мечтал о торговом центре. Если у вас есть торговый центр, вы можете провернуть массу всяких операций. Но для этого вы должны иметь торговый центр.

— Вам нужен торговый центр?

— Каждый будет иметь в нем свою долю.

Йоссариан все еще ничего не понимал, поскольку это была деловая операция, а в деловых операциях его всегда многое озадачивало.

— Разрешите, я вам еще раз объясню, — предложил Милоу, явно утомленный этим разговором. Он ткнул пальцем в сторону воришки, который продолжал хихикать, стоя с ним рядом: — Я знал, что финики ему нужнее, чем простыня. Так как он не понимает ни слова по-английски, я счел необходимым провести всю торговую сделку на

английском.

— А почему вы просто не дали ему по башке и не отобрали простыню? — спросил Йоссариан. С достоинством поджав губы, Милоу отрицательно покачал головой.

— Это было бы в высшей степени несправедливо, — твердо заявил он. — Действовать силой — дурно. Я поступил куда разумней. Когда я предложил ему финики и попросил за них простыню, он, вероятно, решил, что я предлагаю ему торговую сделку.

— А на самом деле?

— И на самом деле я предлагал ему торговый обмен, но, поскольку он не смыслит в английском, я всегда могу отказаться от своих слов.

— Ну а если он, допустим, разозлится и потребует обещанные финики?

— Ну тогда уж мы, конечно, дадим ему но башке — ответил Милоу без колебаний. Он перевел взгляд с Йоссариана на Макуотта и обратно. — Честное слово, я не могу понять, чем вы все недовольны? Мы все что-то выиграли. Каждый из нас счастлив, кроме этого вора, а о нем нечего беспокоиться, потому что он даже не говорит по-нашему и получил по заслугам. Неужели вы все еще не понимаете?

Йоссариан не понимал. Он не понимал еще и другого — как это Милоу может покупать яйца на Мальте по семь центов за штуку и с выгодой продавать их на Пьяносе по пять центов?

8. Лейтенант Шейскопф

Даже Клевинджер не понимал, как это Милоу проделывает такие вещи, а Клевинджер знал все. О войне Клевинджер тоже знал все, кроме одного — почему Йоссариан должен погибнуть, а капралу Снарку суждено остаться в живых или, наоборот, почему капралу Снарку нужно умереть, а Йоссариану суждено остаться в живых.

Йосариан мог бы вполне прожить без войны. Возможно даже, что без войны он жил бы вечно. А сейчас кому-то из его соотечественников предстояло погибнуть во имя победы, но Йоссариан был не настолько честолюбив, чтобы стремиться попасть в их число. История вовсе не требовала преждевременной кончины Йоссариана — дело справедливости восторжествовало бы так или иначе. Судьбы прогресса и победоносный исход войны тоже не зависели от жизни или смерти Йоссариана. Конечно, кто-то неизбежно должен был погибнуть, но кто именно — зависело от обстоятельств, а Йоссариан меньше всего хотел

стать жертвой обстоятельств. Но как бы там ни было, а война шла. И пожалуй, все, что Йоссариан мог сказать в ее пользу, это — во-первых, что ему хорошо платили, а во-вторых, что война освобождала детей от пагубного влияния родителей.

Клевинджер знал уйму вещей, потому что был гением, гением с трепещущим сердцем и вдохновенно-бледным ликом. Он был долговязый, нескладный, нервный, с пытливым беспокойным умом. Он не успел закончить Гарвардский университет, где получал призы и повышенную стипендию почти за все, за что было можно, а за все остальное он не получал наград только потому, что уделял слишком много времени сбору подписей под разными петициями, распространению этих петиций, участию в разных оппозиционных группах, разрывам с этими группами, посещению одних конгрессов молодежи, пикетированию других конгрессов молодежи и организации студенческих комитетов в защиту уволенных преподавателей. Все были убеждены, что Клевинджер наверняка пойдет далеко по стезе науки. Короче говоря, Клевинджер принадлежал к категории людей весьма интеллигентных, но безмозглых, и это почти все замечали с первого взгляда, а кто не видел сразу,

понимал чуть позже.

Говоря еще короче, Клевинджер был болваном. Он часто смотрел на Йоссариана, как один из тех любителей современного искусства, которые слоняются по музейным залам, пялят глаза на картины и видят в линиях и пятнах только то, что им хочется видеть, — таких людей интересует не сам предмет, а свое иллюзорное представление о нем. Таков был и Клевинджер с его неискоренимой склонностью въедаться в любой вопрос с какой-то одной стороны, не обращая никакого внимания на другие стороны. В области политики это был гуманист, который знал как правые, так и левые политические теории, но безнадежно запутался и в тех, и в тех. Он постоянно защищал своих друзей-коммунистов от их врагов из лагеря правых, а своих друзей из лагеря правых — от их врагов-коммунистов, и его терпеть не могли и те, и другие, и они-то уж никогда не защищали его самого ни от каких нападок, потому что считали его болваном.

Он и действительно был очень серьезным, обстоятельным и совестливым болваном. Нельзя было сходить с ним в кино без того, чтобы он не втянул вас потом в дискуссию об абстрактном мышлении, Аристотеле, вселенной, духовных

контактах и долге кинематографии как формы искусства по отношению к обществу. Девушки, которых он приглашал в театр, должны были дожидаться первого антракта, чтобы узнать от него, хорошую или плохую пьесу они смотрят, и тогда уже им все становилось ясно. Это был воинствующий идеалист, объявивший крестовый поход против расового фанатизма, но стоило ему столкнуться с расистами лицом к лицу — и он чуть не падал в обморок. О литературе он знал все, за исключением того, как получать от нее удовольствие. Йоссариан старался помочь ему.

— Не будь таким болваном… — советовал он Клевинджеру, когда оба они учились в военном училище в Санта-Ана, в штате Калифорния.

— А я ему обязательно скажу… — настаивал Клевинджер. Они сидели на дощатой трибуне, глядя вниз на запасной плац, по которому взад-вперед носился разъяренный лейтенант Шейскопф, похожий на короля Лира, только без бороды.

— Почему никто мне не скажет? — орал лейтенант Шейскопф.

— Помалкивай, идиот, — отечески посоветовал Йоссариан Клевинджеру.

— Ты сам не понимаешь, что ты говоришь, — возразил Клевинджер.

— Я понимаю, что надо помалкивать, идиот.

Лейтенант Шейскопф рвал на себе волосы и скрежетал зубами. Его резиновые щеки содрогались от возмущения. Лейтенанта мучило, что кадеты вверенной ему учебной эскадрильи отличались крайне низким боевым духом и маршировали самым гнусным образом на парадах, которые устраивались каждое воскресенье после обеда. Боевой дух кадетов был низок оттого, что они не желали маршировать на парадах каждое воскресенье после обеда, и еще оттого, что лейтенант Шейскопф сам назначал командиров из числа кадетов, вместо того чтобы позволить им самим выбирать, кого им хочется.

— Я хочу, чтобы кто-нибудь мне сказал, — умоляющим тоном обращался к кадетам лейтенант Шейскопф. — Если в чем-то моя вина, скажите мне.

— Вот видишь, он сам хочет, чтобы кто-нибудь ему сказал, — заметил Клевинджер.

— Он хочет, чтобы все помалкивали, идиот, — ответил Йоссариан.

— Разве ты не слышал? — горячился Клевинджер.

— Слышал, — отвечал Йоссариан. — Я слышал, как он очень громко и внятно сказал, чтобы мы

все заткнулись подобру-поздорову.

— Я не буду вас наказывать, — клялся лейтенант Шейскопф.

— Вот увидишь, он меня не накажет, — сказал Клевинджер.

— Он тебя кастрирует, — заверил его Йоссариан.

— Я клянусь, что не накажу вас! — продолжал лейтенант Шейскопф. — Я буду чрезвычайно благодарен человеку, который скажет мне правду.

— Он будет тебя ненавидеть, — сказал Йоссариан. — До гробовой доски будет тебя ненавидеть.

Лейтенант Шейскопф был выпускником училища по подготовке офицеров резерва. Он чрезвычайно обрадовался началу войны, поскольку война давала ему возможность щеголять в офицерской форме и отрывисто, по-военному обращаться со словом «Бойцы!» к ораве молодых парней, которые на два месяца попадали ему в когти. Честолюбивый, начисто лишенный чувства юмора, лейтенант Шейскопф относился к своим обязанностям с исключительной серьезностью и улыбался, только если какой-нибудь из соперничавших с ним офицеров учебной базы ВВС в Санта-Ана тяжело заболевал. У него было плохое зрение и к тому же хронический

гайморит, что делало для него войну особенно привлекательной, поскольку ему не угрожала опасность отправиться на заокеанский театр военных действий. Самое лучшее, что было у лейтенанта Шейскопфа, — это его жена; самое лучшее, что было у жены, — это ее подружка, по имени Дори Дуз, которая грешила при всяком удобном и даже неудобном случае. Она одалживала супруге лейтенанта Шейскопфа на субботу и воскресенье форму женского вспомогательного корпуса, которую та снимала по желанию любого кадета из эскадрильи мужа. Дори Дуз, шустренькая потаскушка с зелеными глазами и копной золотистых волос, предавалась своему любимому занятию в ангарах, телефонных будках, на сторожевых вышках и в автофургонах. Она была бесстыжая, стройная, напористая. Она испробовала все, что могла, и жаждала испробовать все оставшееся. Она растлевала кадетов дюжинами. Йоссариан любил ее. Она же считала Йоссариана красивым — и только. Йоссариан сильно любил Лори Дуз, но не мог удержаться, чтобы раз в неделю не броситься со всей страстью в объятия жены лейтенанта Шейскопфа. Это была его месть лейтенанту Шейскопфу за то, что тот преследовал Клевинджера. Жена лейтенанта

Шейскопфа, со своей стороны, мстительно преследовала лейтенанта Шейскопфа за какой-то его проступок, которого она не могла забыть, но и не могла припомнить. Это была полненькая, розовенькая, томная молодая дама, которая читала умные книги и постоянно убеждала Йоссариана не произносить звук «р» на мещанский лад. Они никогда не ложилась в постель без книги. Она наскучила Йоссариану, но он любил ее. Хотя она была чертовски сильна в математике, каковую постигла в Вартонской школе деловых операций, тем ее менее каждый месяц, считая до двадцати восьми, она сбивалась со счета и впадала в панику.

— Миленький, а мы, кажется, опять ждем ребеночка, что ни месяц говорила она Йоссариану.

— Выкинь из головы этот собачий бред! — отвечал он.

— Нет, правда, родненький, — настаивала она.

— Я тоже говорю правду.

— Миленький, а мы, кажется, опять ждем ребеночка, — говорила она мужу.

— У меня нет времени, — раздраженно огрызался лейтенант Шейскопф.

— Неужели ты не знаешь, что у меня парад на носу?

Лейтенанта Шейскопфа больше всего на свете занимало, как выйти на первое место по строевой подготовке и как подвести Клевинджера под дисциплинарную комиссию, обвинив его в заговоре против офицеров, назначенных Шейскопфом из кадетов. Клевинджер был баламутом и к тому же умничал; он был человеком мыслящим, а лейтенант Шейскопф давно заметил, что люди мыслящие — как правило, продувные бестии. Такие люди опасны. Дело против Клевинджера то начинали, то прекращали. Не хватало сущего пустяка — хоть какого-нибудь состава преступления.

Обвинить Клевинджера даже в малейшем пренебрежения к парадам было невозможно, поскольку Клевинджер относился к парадам почти столь же ревностно, как сам лейтенант Шейскопф. Каждое утро по воскресеньям кадеты спозаранок выходили из казармы и, толкаясь, строились в шеренги по двенадцать человек. Кряхти и охая, они плелись к своему месту на главном плацу, где под нестерпимо знойным солнцем неподвижно выстаивали час или два рядом с шестьюдесятью-семьюдесятью другими учебными эскадрильями. Когда достаточное число кадетов падало в обморок, командование

училища считало, что дело сделано и день не прошел даром. На краю плаца стояли рядами санитарные машины и солдаты с носилками и переносными радиостанциями. На крышах санитарных машин торчали наблюдатели с биноклями. Долговязый писарь вел счет. Общее наблюдение за этой фазой операции осуществлял офицер медицинской службы — большой дока по части таких подсчетов. К нему поступали донесения о частоте пульса у потерявших сознание, и он проверял цифры, сообщаемые ему долговязым писарем. Как только санитарные машины до потолка заполнялись потерявшими сознание кадетами, офицер медицинской службы давал сигнал военному оркестру об окончании парада. Дирижер взмахивал палочкой, гремел оркестр, эскадрильи одна за другой маршировали по полю, производили неуклюжий поворот и шагали через весь плац назад к казармам. Когда эскадрильи проходили мимо трибуны, где среди прочих офицеров стоял тучный полковник с большими пышными усами, каждая эскадрилья получала оценку за строевую подготовку. Лучшая эскадрилья в каждом полку награждалась желтым вымпелом на древке. Этот вымпел не представлял ровно никакой ценности. Лучшая

эскадрилья базы получала красный вымпел на древке подлиннее; проку от него было еще меньше, поскольку длинное древко тяжелее короткого и таскать такой вымпел еще труднее, а таскать надо было всю неделю, пока в следующее воскресенье приз не переходил к какой-нибудь другой эскадрилье. Йоссариану идея награждения вымпелами представлялась абсурдной. За этим не следовало ни денег, ни чинов.

Подобно олимпийским медалям и теннисным кубкам, эти вымпелы означали лишь то, что их обладатель совершил абсолютно бесполезный для человечества поступок с большим блеском и мастерством, чем его соперники.

В равной степени абсурдными представлялись и сами парады. Йоссариан ненавидел парады. Очень уж воинственно они выглядели. Он ненавидел звук парадов, зрелище парадов, ненавидел топать в гуще толпы. Он злился на то. что его заставляют участвовать в парадах и каждое воскресенье маяться на изнурительной жаре. Теперь ему приходилось хуже, чем в ту пору, когда он был простым солдатом: теперь уже было ясно, что война не кончится раньше, чем учеба. А ведь надежда на это была единственной причиной, по которой он сразу, добровольно подался не куда-нибудь,

а в кадеты. В качестве солдата, направленного на учебу в авиационное училище, он должен был долгие-долгие недели дожидаться, пока его определят в какой-нибудь класс, долгие-долгие недели учиться на штурмана-бомбардира и еще больше времени посвятить практическим занятиям в воздухе, чтобы подготовиться к службе за океаном. Казалось совершенно непостижимым, что война может продлиться так долго, ибо бог, как опять же постоянно вдалбливали Йоссариану, мог исполнить все, что захочет. Но войне не было видно конца, а учеба уже заканчивалась.

Лейтенанту Шейскопфу отчаянно хотелось завоевать первое место на параде, и, обдумывая, как это сделать, он просиживал за столом чуть не до рассвета, в то время как его жена, охваченная любовным трепетом, дожидалась его в постели, перелистывая заветные страницы Крафта-Эббинга[6].

Муж в это время читал книги по строевой подготовке. Он закупал коробками шоколадных солдатиков и переставлял их на столе, пока они не начинали таять в руках, и тогда он принимался за пластмассовых ковбоев, выстраивая их по двенадцати в ряд. Этих ковбоев он выписал по почте на вымышленную фамилию и днем держал

под замком, подальше от чужих глаз. Альбом с анатомическими рисунками Леонардо да Винчи стал его настольной книгой. Однажды вечером он почувствовал, что ему необходима живая модель, и приказал жене промаршировать по комнате.

— Голой?! — с надеждой в голосе спросила она. Лейтенант Шейскопф в отчаянии схватился за голову. Он проклинал судьбу за то, что она связала его с этой женщиной, не способной подняться выше похоти и понять душу благородного мужчины, который геройски ведет поистине титаническую борьбу во имя недосягаемого идеала.

— Почему ты меня никогда не постегаешь кнутом, милый? — обиженно надув губки, однажды ночью спросила жена.

— Потому что у меня нет на это времени, — нетерпеливо огрызнулся он. — Нет времени, ясно? Неужели ты не знаешь, что у меня парад на носу?

Ему действительно не хватало времени. Было уже воскресенье, и до следующего парада оставалось всего семь дней, а время летело с немыслимой быстротой. Три парада подряд эскадрилья лейтенанта Шейскопфа занимала последнее место. Репутация лейтенанта Шейскопфа стала весьма незавидной, и он ломал

себе голову, пытаясь найти хоть какой-нибудь выход из положения. Он обдумывал даже такой вариант: прибить по двенадцать кадетов в ряд гвоздями к длинному дубовому брусу и тем самым заставить их точно держать равнение. План этот был неосуществим, поскольку произвести безупречный поворот на девяносто градусов было невозможно без никелированных шарниров, вставленных в поясницу каждому солдату, а лейтенант Шейскопф отнюдь не был уверен, что ему удалось раздобыть у квартирмейстера такое количество никелированных шарниров и тем более уговорить госпитальных хирургов врезать их куда следует.

Через неделю после того, как лейтенант Шейскопф последовал совету Клевинджера и позволил кадетам самим избрать офицеров[7], эскадрилья завоевала желтый вымпел. Лейтенанта Шейскопфа так вдохновила эта неожиданная удача, что древком вымпела он трахнул жену по лбу в тот момент, когда она пыталась затащить его в постель, чтобы отпраздновать успех эскадрильи.

В следующее воскресенье эскадрилья завоевала красный флажок, и лейтенант Шейскопф почувствовал себя на седьмом небе. А еще через неделю эскадрилья добилась исторического успеха, заво-

евав вымпел два раза подряд! Теперь лейтенант настолько уверовал в свои силы, что решил преподнести командованию совсем уж неслыханный сюрприз. Он где-то вычитал во время своих упорных изысканий, что марширующие, вместо того чтобы широко размахивать руками, могут поднимать их не более чем на три дюйма, считая от середины ляжки, — тогда руки будут казаться со стороны почти неподвижными.

Лейтенант Шейскопф готовился к своему триумфу тщательно и скрытно. Все кадеты его эскадрильи поклялись хранить тайну. Репетиции происходили на запасном плацу под покровом ночи. Кадеты маршировали в кромешной тьме и сослепу налетали друг на друга, но даже не чертыхались. Они учились маршировать, не размахивая руками. У лейтенанта Шейскопфа сначала была мыслишка попросить приятеля из слесарной мастерской ввинтить каждому кадету в ляжку по никелированному болту и связать болт с запястьем медной цепочкой трехдюймовой длины, но, во-первых, на это уже не хватило бы времени — его, впрочем, никогда не хватало, — а во-вторых, во время войны довольно трудно раздобыть хорошую медную цепочку. Кроме того, он сообразил, что цепочки могут по-

мешать кадетам, как положено, падать в обморок во время внушительной обморочной церемонии, предшествующей маршировке, а за неспособность должным образом падать в обморок могли еще, пожалуй, снизить оценку всей эскадрилье.

Всю неделю лейтенант Шейскопф, заходя в офицерский клуб, посмеивался в кулак, пряча свою радость. Среди его ближайших друзей поползли слухи.

— Интересно, что задумал наш Дерьмоголовый? — спросил лейтенант Энгл.[8]

На расспросы коллег лейтенант Шейскопф отвечал с многозначительной улыбкой:

— В воскресенье увидите, все увидите

И вот настало воскресенье, и лейтенант Шейскопф с апломбом опытного импрессарио преподнес всем свой эпохальный сюрприз. Он помалкивал, покуда остальные эскадрильи проходили мимо трибуны обычными кривыми колоннами. Он и бровью не повел, когда появились первые ряды его эскадрильи. При виде кадетов, не размахивающих руками, офицеры — приятели Шейскопфа — так и ахнули. Лейтенант Шейскопф держался в тени до тех пор. пока тучный полковник с большими пышными усами не повернул к нему свирепое, налитое кровью

лицо, — тогда лейтенант Шейскопф дал объяснение, которое обессмертило его имя.

— Смотрите, полковник! — возвестил он. — Они не машут руками.

И он тут же предъявил замершей в благоговейном молчании аудитории фотокопию какого-то всеми забытого устава, на основании которого он подготовил свой незабываемый триумф. Это был счастливейший миг в жизни лейтенанта Шейскопфа. Парад принес ему победу. Победу, завоеванную опущенными руками. Красный вымпел перешел в его вечное владение. После этого воскресенья парады вообще прекратились, поскольку уже нечего было присуждать победителю, ибо достать в военное время новый хороший красный вымпел так же тяжело, как хорошую медную цепочку. Лейтенант Шейскопф тут же был произведен в старшие лейтенанты, и с этого момента началось его быстрое восхождение по лестнице чинов и звания, Подавляющее число офицеров сошлось на том, что важное открытие, сделанное лейтенантом Шейскопфом, ставит его ряды истинных военных гениев.

Вот так лейтенант Шейскопф! — заметил как-то лейтенант Трэйверс. — Он у нас военный гений.

— Кому нужны эти парады! — возразил лейте-

нант Энгл.

И в самом деле, кроме лейтенанта Шейскопфа, парады были никому не нужны. Меньше всего нужны они были тучному полковнику с большими пышными усами — председателю дисциплинарной комиссии. Полковник начал орать на Клевинджера, едва тот, робко войдя в комнату, заявил, что не считает себя виновным в злодеяниях, которые приписывает ему лейтенант Шейскопф. Полковник ударил кулаком по столу, основательно ушиб руку, еще пуще разъярился на Клевинджера, еще сильнее ударил по столу еще сильнее ушиб руку. Лейтенант Шейскопф глядел на Клевинджера, поджав губы. Он был огорчен, что его кадет производит такое жалкое впечатление.

— Через шестьдесят дней вам предстоит с оружием в руках сражаться с макаронниками! — ревел полковник с большими пышными усами. — Вы думаете, это вам шуточки?

— Я не считаю это шуточками, сэр, — ответил Клевинджер.

— Не перебивайте!

— Слушаюсь, сэр.

— И говорите «сэр», когда не перебиваете, — приказал майор Меткаф.

— Слушаюсь, сэр.

— Вы не слыхали, что вам было приказано? Не перебивать! — сухо заметил майор Меткаф.

— Но я не перебиваю, сэр, — запротестовал Клевинджер.

— Верно. Но вы и «сэр» не говорите. Добавьте это к выдвинутым против него обвинениям, — приказал майор Меткаф капралу, который знал стенографию. — Не говорит «сэр» вышестоящим офицерам, когда не перебивает их.

— Меткаф, — сказал полковник, — вы круглый дурак. Вам это известно?

— Да, сэр, — поперхнувшись, сказал майор Меткаф.

— Тогда держите ваш проклятый язык за зубами. Вы несете околесицу.

Дисциплинарная комиссия состояла из трех человек: тучного полковника с большими пышными усами, лейтенанта Шейскопфа и майора Меткафа, который изо всех сил старался смотреть на подсудимого холодным, стальным взглядом. Лейтенант Шейскопф был одним из судей, которым предстояло рассмотреть существо выдвинутого против Клевинджера обвинения. Обвинителем был лейтенант Шейскопф. Подсудимый Клевинджер имел и защитника.

Защитником выступал лейтенант Шейскопф.[9]

Все это смущало Клевинджера, и он затрепетал от ужаса, когда полковник взвился, точно гигантский смерч, и пригрозил вытряхнуть из Клевинджера его вонючую трусливую душонку, а также переломать ему руки и ноги. Однажды, идя в класс, Клевинджер споткнулся, и на следующий день ему были официально предъявлены следующие обвинения: «Самовольный выход из строя, нападение с преступными целями, безобразное поведение, отсутствие бодрости и боевого духа, измена родине, провокация, жульничество, увлечение классической музыкой и т.д.» Короче говоря, они хотели применить к нему весь свод военных законов целиком и полностью. И вот он стоял ни жив ни мертв перед полковником, который опять орал, что через шестьдесят дней Клевинджеру предстоит воевать с макаронниками и ему, полковнику, хотелось бы знать, понравится ли распроклятому Клевинджеру, если его вычистят из училища и загонят на Соломоновы острова в похоронную команду закапывать трупы. Клевинджер любезно ответил, что ему это не понравится. Этот болван предпочитал скорее сам стать трупом, чем закапывать чужие трупы. Тогда полковник сел и вдруг сразу стал

спокойным и приторно вежливым.

— Что вы имели в виду, — начал он неторопливо, — когда утверждали, что мы не сможем вас наказать?

— Когда, сэр?

— Вопросы задаю я, а вы извольте отвечать.

— Слушаюсь, сэр. Я…

— Может быть, вы полагаете, что вас вызвали для того, чтобы вы спрашивали, а я отвечал?

— Нет, сэр. Я…

— Для чего мы вас вызвали?

— Чтобы я отвечал на вопросы.

— Верно, черт возьми! — опять заревел полковник. — «Надеюсь, теперь-то ты нам ответишь, не дожидаясь, пока я проломлю твою окаянную башку! Так что же, дьявол тебя задери, ты имел в виду, сволочь ты этакая, когда говорил, что мы не сможем тебя наказать?

— Я не могу припомнить, сэр, чтобы я говорил такое.

— Извольте говорить погромче, я вас не слышу, — Опять стал вежливым полковник.

— Слушаюсь, сэр, я…

— Извольте говорить громче. Он вас не слышит.

— Слушаюсь, сэр, я…

— Слушайте, Меткаф!

— Да, сэр?

— Я вам, кажется, сказал, чтобы вы заткнули свою дурацкую глотку, — повысил голос полковник.

— Слушаюсь, сэр.

— Так вот вы и заткните свою дурацкую глотку, раз я вам велел заткнуть вашу дурацкую глотку. Понятно? Говорите громче, пожалуйста. Я вас не слышу.

— Слушаюсь, сэр. я…

— Меткаф, это на вашу ногу я наступил?

— Нет, сэр, это, должно быть, нога лейтенанта Шейскопфа.

— Это не моя нога, — сказал лейтенант Шейскопф.

— Тогда, может быть, и правда, это моя нога, — сказал майор Меткаф.

— Отодвиньте ее.

— Слушаюсь, сэр. Только сначала вы, полковник, уберите свою ногу. Вы же наступили ею на мою.

— Уж не приказываете ли вы мне убрать мою ногу, майор Меткаф?

— Нет, сэр. О, никоим образом, сэр.

— Тогда уберите ногу и заткните свою дурацкую

глотку. — Он обернулся к Клевинджеру. — Будьте любезны, говорите громче. Я по-прежнему вас плохо слышу.

— Слушаюсь, сэр. Я сказал, что не говорил, что вы не сможете меня наказать.

— Что вы такое болтаете, черт вас побери?

— Я отвечаю на ваш вопрос, сэр.

— Какой вопрос?

— «Так что же, дьявол тебя задери, ты имел в виду, сволочь ты этакая, когда говорил, что мы не сможем тебя наказать?» — громко прочитал капрал свою стенографическую запись.

— Верно, — сказал полковник. — Так что же, черт возьми, вы действительно имели в виду?

— Я не говорил, что вы не сможете меня наказать, сэр.

— Когда? — спросил полковник.

— Что «когда», сэр?

— Опять вы задаете мне вопросы!

— Простите, сэр. Боюсь, что я не понимаю вашего вопроса.

— Ладно, тогда иначе Когда вы не говорили, что мы не сможем наказать вас? Поняли вы мой вопрос или нет?

— Нет, сэр, я не понимаю.

— Это вы уже только что говорили Теперь хоте-

лось бы услышать ответ на мой вопрос.

— Но как я могу ответить?

— Вы опять задаете мне вопросы.

— Извините, сэр, но я не знаю, что ответить. Я никогда не говорил, что вы не сможете наказать меня.

— Речь идет не о том, когда вы это говорили. Я прошу сказать нам, когда вы этого не говорили.

Клевинджер тяжело вздохнул:

— Всегда. Всегда не говорил, что вы не сможете меня наказать, сэр.

— Это уже звучит лучше, мистер Клевинджер, хотя это к явная ложь. Прошлой ночью, в сортире, разве вы не заявили шепотом другому подлому сукину сыну, который тоже нам не нравится, что мы не сможем вас наказать? Кстати, как его фамилия?

— Йоссариан, сэр, — сказал лейтенант Шейскопф.

— Вот-вот, верно, Йоссариан. Йоссариан? Это что — его фамилия? Черт побери! Что это еще за фамилия? У лейтенанта Шейскопфа объяснение было наготове.

— Йоссариан — это фамилия Йоссариана, сэр, — объяснил он.

— Хорошо, допустим, что так. Так вы не шепта-

ли Йоссариану, что мы не сможем вас наказать?

— О нет, сэр. Я сказал ему шепотом, что вы не сочтете меня виновным.

— Может быть, я слишком глуп, — прервал полковник, — но я не улавливаю разницы. Да, я, наверное, здорово глуп, если не улавливаю разницы.

— Ммм…

— Вы — несчастный сукин сын! Вы согласны с этим? Не лезьте со своими объяснениями, когда вас не просят! Если я что-то утверждаю, я ни от кого не требую разъяснений. Так вот, вы — несчастный сукин сын, не так ли?

— Нет, сэр!

— «Нет сэр»? Значит, вы считаете меня жалким лгуном?

— О нет, сэр…

— Тогда вы — несчастный сукин сын, правильно?

— Нет, сэр.

— Вы что, драться со мной собираетесь?

— Нет, сэр.

— Вы признаете себя несчастным сукиным сыном?

— Нет, сэр.

— Будь ты проклят, тебе явно не терпится

подраться со мной! Да я сейчас перепрыгну через этот стол и вытряхну из тебя твою трусливую, вонючую душонку, которой цена два вонючих цента в базарный день, да еще переломаю тебе руки и ноги!

— Переломайте, переломайте! — закричал майор Меткаф.

— Меткаф, вы — вонючий сукин сын! Я же вам приказал заткнуть свою вонючую, трусливую, дурацкую глотку.

— Слушаюсь, сэр. Извините, сэр.

— Вы лучше не извиняйтесь, а заткнитесь.

— Я попробую, сэр. Не попробуешь — не научишься. Это единственный способ научиться, сэр.

— Что это такое? Откуда вы взяли?

— Все так говорят, сэр. Даже лейтенант Шейскопф говорил.

— Вы говорили?

— Да, сэр. — сказал лейтенант Шейскопф. — Так все говорят.

— Ну хорошо, Меткаф. Может быть, вы все-таки попробуете заткнуть вашу дурацкую глотку и тем самым научитесь ее не разевать? Итак, на чем мы остановились? Прочтите мне последнюю строчку стенограммы.

— «Прочтите мне последнюю строчку стенограммы» — прочел капрал, который знал стенографию.

— Да не мою последнюю строчку, идиот! — загремел. полковник. — А чью-нибудь еще!

— «Прочтите мне последнюю строчку стенограммы», — прочитал капрал.

— Да это тоже моя последняя строчка! — завизжал полковник, становясь пунцовым от гнева.

— О нет, сэр, — запротестовал капрал. — Это уже моя последняя строчка, раз я прочитал ее вам секунду назад. Неужели вы не помните, сэр, всего лишь секунду назад…

— Ах боже ты мой! Прочтите мне его последнюю строчку, идиот! Как ваша фамилия, черт побери?

— Попинджей, сэр.

— Отлично, вы — следующий на очереди. Как только кончим его судить, возьмемся за вас. Ясно?

— Да, сэр. В чем меня будут обвинять?

— Какая разница! Вы слышите, господа? И он еще спрашивает! Скоро узнаете, Попинджей. Как только мы покончим с Клевинджером, в ту же секунду вы и узнаете. Ваш отец — миллионер или сенатор?

— Нет, сэр.

— Тогда считайте, Попинджей, что вы сидите по горло в дерьме, и притом без лопаты. А может быть, ваш папенька — генерал или член правительства?

— Нет, сэр.

— Прекрасно. Чем же занимается ваш папенька?

— Он умер, сэр.

— Превосходно. В таком случае вы на самом деле вляпались по уши, Попинджей. Ваша фамилия действительно Попинджей? Вообще, что это еще за фамилия такая — Попинджей? Что-то она мне не нравится.

— Попинджей — это фамилия Попинджея, сэр, — объяснил лейтенант Шейскопф.

— В общем, мне все это не нравится, Попинджей, и мне не терпится вытряхнуть из вас вашу вонючую, трусливую душонку и переломать вам руки и ноги. Кадет Клевинджер, повторите, пожалуйста, черт вас побери, что вы там шептали или не шептали Йоссариану вчера вечером в сортире?

— Слушаюсь, сэр. Я сказал, что вы не сочтете меня виновным…

— Вот отсюда и начнем. Что конкретно вы име-

ли в виду, кадет Клевинджер, когда говорили, что мы не сочтем вас виновным?

— Я не говорил, что вы не сочтете меня виновным, сэр.

— Когда?

— Что «когда», сэр?

— Проклятье! Вы опять решили меня изводить?

— Нет, сэр. Прошу извинения, сэр.

— В таком случае отвечайте на вопрос. Когда вы не говорили, что мы не сочтем вас виновным?

— Вчера поздно вечером, в сортире, сэр.

— Это единственный раз, когда вы этого не говорили?

— Нет, сэр, я всегда не говорил, что вы не сочтете меня виновным, сэр. Йоссарияу я сказал, что…

— Никто вас не спрашивает, что вы сказали Йоссариану! Мы вас спрашиваем, что вы ему не сказали. Нас вовсе не интересует, что вы ему сказали. Ясно вам?

— Да, сэр.

— Тогда продолжаем. Так что вы сказали Йоссарйану?

— Я сказал ему, сэр, что вы не сочтете меня виновным в нарушениях, которые мне приписывают, и восторжествует…

— Что восторжествует? Не бормочите себе под нос!

— Прекратите бормотать!

— Слушаюсь, сэр.

— А уж если вы бормочете, так не забудьте пробормотать слово «сэр».

— Меткаф, опять вы, мерзавец…

— …восторжествует справедливость, сэр, — пробормотал Клевинджер. — Я сказал, что вы не сочтете меня виновным и воет…

— Справедливость? — удивленно спросил полковник. — Что такое справедливость?

— Справедливость, сэр, — это…

— Истинная справедливость — это прежде всего несправедливость, — усмехнулся полковник и стукнул жирным кулаком по столу. — Я тебе сейчас растолкую, что такое справедливость. Справедливость — это удар коленом в живот. Это — когда пыряют снизу ножом в горло, под подбородок, исподтишка. Справедливость — это когда в темноте без предупреждения бьют по голове мешком с песком или прыгают на горло и душат. Вот что такое справедливость! Если мы хотим стать сильными и крепкими, чтобы победить макаронников! Стрелять с бедра! Понял?

— Нет, сэр.

— Ты мне не сэркай.

— Слушаюсь, сэр.

— И когда вы не сэркаете, вы обязаны прибавлять «сэр», — отчеканил майор Меткаф.

Клевинджер, конечно, был виновен: иначе как же можно было бы его в чем-то обвинять! И поскольку единственный способ доказать его виновность заключался в том, чтобы признать его виновным, так и было сделано. Клевинджера приговорили к пятидесяти семи штрафным маршировкам. Попинджея посадили под замок — чтобы впредь было неповадно… А майора Меткафа отправили на Соломоновы острова закапывать трупы. По субботам Клевинджер был обязан пятьдесят минут шагать взад и вперед перед домом начальника военной полиции с незаряженной винтовкой, оттягивающей плечо.

Все это совершенно сбило с толку Клевинджера. На свете происходило много странных вещей, но самым странным для Клевинджера была ненависть — звериная, неприкрытая, не знающая пощады ненависть членов дисциплинарной комиссии; она, как тлеющий уголь, светилась в их злобных прищуренных глазах. Клевинджер был потрясен, обнаружив это. Будь их воля, они бы его линчевали. Три взрослых человека нена-

видели его, совсем еще мальчишку, и желали ему смерти. Они ненавидели его еще до того, как он вошел, ненавидели, когда он стоял перед ними, ненавидели его, когда он ушел, и, даже разойдясь по домам, унесли в душе свою ненависть к нему, лелея ее как сокровище.

Йоссариан всячески предостерегал его еще накануне вечером.

— У тебя нет никаких шансов, малыш, — хмуро говорил он Клевинджеру. — Они ненавидят евреев.

— Но я-то не еврей, — отвечал Клевинджер.

— Это не имеет значения. Они всех ненавидят. Вот увидишь, — сулил Йоссариан, и он был прав. Трое ненавидевших Клевинджера людей говорили на его родном языке и носили форму его родины, но их лица дышали такой непреклонной враждебностью к нему, что он вдруг понял: нигде в мире — ни в фашистских танках, ни в самолетах, ни в подводных лодках, ни в блиндажах среди нацистских пулеметчиков, артиллеристов или огнеметчиков, даже среди самых опытных зенитчиков противовоздушной дивизии Германа Геринга и самых мерзких подонков из мюнхенских пивных, — и вообще нигде нет на земле таких людей, которые ненавидели бы его силь-

нее, чем эти трое.

9. Майор Майор Майор

Майору Майору Майору пришлось туго с самого начала.

Подобно Миниверу Чиви, он родился слишком поздно, а точнее, на тридцать шесть часов позднее, чем следовало. Полтора суток маялась при родах его мать, хрупкая, болезненная женщина, и в результате обессилела настолько, что не смогла переубедить мужа, когда они заспорили, как назвать ребенка. Ее супруг, мужчина хмурый, ростом с каланчу, носивший грубые башмаки и черный шерстяной костюм, вышел в больничный коридор с мрачной решимостью человека, готового биться за свое до конца. Он без раздумий заполнил свидетельство о рождении и с бесстрастным лицом вручил документ дежурной медсестре. Сестра не промолвила ни слова, взяла бумажку и ушла. Он посмотрел ей вслед, пытаясь догадаться, что у нее надето под халатом.

Вернувшись в палату, он подошел к жене. Она лежала под одеялом разбитая, сморщенная, бледная, высохшая, как прошлогодний капустный лист, и от изнеможения не могла пошевельнуть и пальцем. Кровать ее стояла в дальнем углу

палаты, у давно не мытого окошка с разбитыми, грязными стеклами. Сильный дождь неутомимо полосовал землю, день был унылый и промозглый. Самое время умирать, что и делали в других палатах белые как мел люди с посиневшими губами. Мужчина стоял у кровати, потупив взгляд.

— Я назвал мальчика Калеб, — объявил он наконец тихим голосом. — Как ты хотела.

Женщина не ответила. И мужчина медленно улыбнулся. Он здорово все это подстроил: жена спала. Покуда она лежит в бедной сельской больнице, она не узнает, что он ей солгал.

Вот такое-то жалкое начало и привело в конце концов к появлению на Пьяносе никудышнего командира эскадрильи, который тратил теперь большую часть рабочего дня на подделывание подписей Вашингтона Ирвинга под официальными документами. Чтобы не быть пойманным, майор Майор Майор работал левой рукой. Начальственная должность, которую он занял не по своей воле, защищала его от вторжения в палатку посторонних лиц. К тому же он изменил свою внешность, нацепив фальшивые усы и темные очки, — дополнительная страховка на случай, если бы кто-нибудь надумал подглядывать сквозь уродливое оконце, из которого

какой-то вор вырезал кусок целлулоида. Между этими двумя моментами — рождением и первой удачей в карьере — лежало тридцать с лишним безрадостных лет одиночества и разочарований.

Майор Майор родился слишком поздно и слишком посредственным. Некоторые люди страдают врожденной посредственностью, другие становятся посредственными, а третьих упорно считают посредственностями. С Майором Майором случилось и то, и другое, и третье. Среди самых бесцветных он был самым бесцветным, и на людей, которые с ним встречались, производило впечатление то, что этот человек совершенно не способен произвести никакого впеечатления.

С самого рождения над Майором Майором тяготели три проклятия: его мать, его отец и Генри Фонда, на которого он был до жути похож с пеленок. Еще когда Майор Майор даже не подозревал, что на свете существует некий Генри Фонда, он обнаружил, что, куда бы ни пошел, его всюду с кем-то сравнивают, и притом нелестным для него образом. Совершенно незнакомые люди выражали ему свою досаду, что он не тот, за кого они его приняли, и в результате он с ранних лет испытывал перед людьми чувство страха, вины и смиренное желание покаяться перед обществом

в том, что он не Генри Фонда. Нелегкая это была для него задача — пройти через жизнь, неся бремя сходства с Генри Фонда. И все-таки он никогда не помышлял о капитуляции, унаследовав упорство своего отца, наделенного высоким ростом, длинными ручищами и Тонким чувством юмора. Отец Майора Майора любил иной раз неправильно назвать свой возраст, полагая, что тем самым отмочил отличную шутку.

Этот долговязый, богобоязненный, свободолюбивый, за конопослушный фермер был убежденным индивидуалистом и считал, что любая помощь федерального правительства кому-нибудь, кроме фермеров, означает сползание к социализму. Он горячо ратовал за бережливость, труд в поте лица своего и осуждал распущенных женщин, отвергавших его ухаживания. Он занимался люцерной и неплохо зарабатывал на том, что не выращивал ее. Правительство хорошо платило ему за каждый невыращенный бушель. Чем больше люцерны он не производил, тем больше денег платило ему правительство.

Отец Майора Майора в поте лица своего трудился над тем, чтобы не выращивать люцерну. Длинными зимними вечерами он сидел дома, а не корпел в сарае, как некоторые, над починкой

сбруи. В полдень он вскакивал с постели, желая убедиться своими глазами, что по хозяйству ничего не делается. Он расчетливо вкладывал денежки в земледелие и вскоре не выращивал люцерны больше, чем любой из окрестных фермеров. Соседа советовались с ним по всем вопросам, потому что он сколотил приличный капиталец и тем самым подтвердил делом свою мудрость. «Что посеешь, то и пожнешь», — поучал он всех и каждого, и каждый ему отвечал: «Воистину так».

Отец Майора Майора был ярым сторонником строжайшей экономии долларовых ресурсов правительства, при условии, что эта экономия не помешает правительству выполнять его священные задачи — выплачивать фермерам как можно больше долларов за то, что они выращивают люцерну, не пользующуюся спросом, или за то, что они — вообще не выращивают люцерны как таковой. Этот гордый, независимый человек резко возражал против выплаты пособий по безработице и со спокойной душой, скуля и хныча, выклянчивал или урывал сколько можно и у кого только можно. Это был благочестивый, набожный человек, ухитрявшийся проповедовать с любой кочки.

— Господь дал нам, добрым фермерам, пару

сильных рук, дабы мы брали обеими столько, сколько можем ухватить, — с жаром вещал он, стоя на ступеньках суда или у дверей магазина, где дожидался, пока неулыбчивая молоденькая кассирша, ласк которой он домогался, выйдет с жевательной резинкой за щекой и подарит ему злобный взгляд. — Если бы господь не желал, чтобы мы брали столько, сколько можем ухватить, то зачем бы тогда господь дал нам по паре сильных рук? — вопрошал он. И все бормотали:

— Воистину так.

Отец Майора Майора, как истый кальвинист, верил в предопределение свыше и отчетливо сознавал, что все несчастья, кроме его собственных, происходят с людьми по воле божьей. Он курил, пил, любил хороший юмор и умный душевный разговор — главным образом свой юмор и свой разговор, например, когда он врал про свой возраст или рассказывал великолепную шутку о господе нашем и о том, как тяжело достался матери Майор Майор. Эта великолепная шутка заключалась в том, что богу понадобилось шесть дней для сотворения мира, тогда как бедной женщине пришлось потрудиться полтора суток, что бы произвести на свет одного только Майора Майора. Человек послабее духом капитулировал

бы в тот день в больничном коридоре, пошел бы на компромисс и согласился бы на какой-нибудь звонкий эрзац вроде Сержант Майор, Генерал Майор или там Мотор Майор, но не таковский был человек отец Майора Майора. Не для того ждал он четырнадцать лет удобного случая, чтобы вдруг упустить его. Отец Майора Майора знал отличную шутку про удобный случай. «Удобный случай два раза в дверь не постучится», — говаривал он при каждом удобном случае. Жуткое сходство с Генри Фонда было первой проделкой судьбы над несчастным Майором Майором. Второй проделкой судьбы было наречение младенца с фамилией Майор именем Майор. Это была тайна, известная лишь его отцу.

Тайна раскрылась, когда ребенка привели записывать в детский сад. Эффект был катастрофическим. Новость убила мать. Узнав, как зовут ее дитя, она утратила интерес к жизни, зачахла и скончалась. Отец решил, что с ее стороны это весьма мило, поскольку он частенько с грустью подумывал, что в его распоряжении есть только два способа избавиться от супруги: или уплатить ей отступного, или выгнать без цента в кармане. Теперь он решил, что женится на сварливой кассирше из магазина, если уж дело того потребует.

Для самого Майора Майора последствия оказались лишь немного менее кошмарными, чем для его матери. Ужасно узнать в нежном возрасте, что ты вовсе не Калеб Майор, как тебя всегда уверяли, а какой-то незнакомец по имени Майор Майор, о котором ты ровным счетом ничегошеньки не знаешь, а другие и вовсе слыхом не слыхали. Все товарищи бросили его насовсем, поскольку были приучены с младенчества держаться подальше от незнакомцев. А кроме того, разве могли они доверять мальчику, который уже раз обманул их, выдавая себя несколько лет подряд за их старого знакомого? Никто не хотел иметь с ним дело. У него все стало падать из рук, он начал спотыкаться на ровном месте. С робкой надеждой пытался он завести новые знакомства, но дело всегда кончалось крахом. Он отчаянно нуждался в приятелях, но не мог завести ни одного. Он рос неуклюжим, высоким, странным, мечтательным мальчиком с неуверенным взглядом и заискивающей улыбкой на губах, которая при каждой новой неудаче тут же превращалась в кривую, горькую гримасу. Он был вежлив со старшими, которые его не любили. Он исполнял все, что говорили ему взрослые. Ему говорили:

«Семь раз отмерь, один раз отрежь» — он семь

раз мерил, потом резал. Ему говорили: «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня» — и он не откладывал. Ему говорили: «Не убий» — и он не убивал, покуда не попал в армию. Там ему велели убивать, и он убивал. При первом подходящем случае он подставлял другую щеку и всегда наступал с ближним в точности так, как ему хотелось бы, чтобы ближний поступил с ним. Когда он подавал милосыню, его левая рука не знала, что творит правая. Никогда он всуе не поминал имя божье, не занимался прелюбодеянием, любил соседа своего и никогда не лжесвидетельствовал против него. Родители Майора Майора недолюбливали свое чадо за такую, слишком уж пламенную принципиальность.

За неимением более подходящего места он творил добро в школе. В университете штата он учился со всей серьезностью и специализировался по английской истории, что было ошибкой.

— Английская, видите ли, история! — негодующе орал сенатор от их штата, тряся гривой седых волос. — А почему не американская? Американская история нисколько не хуже, чем любая другая история в мире!

Майор Майор немедленно переключился на изучение американской литературы, но ФБР уже

успело завести на чего досье. На далекой ферме, которую Майор Майор называл своим родным домом, проживали шесть человек и шотландский терьер. Пятеро из этих шести, а с ними и терьер, как выяснилось, сотрудничали с ФБР. Скоро они собрали столько компрометирующего материала на Майора Майора, что могли сделать с ним все, что угодно. Однако единственное, что они смогли сделать, — отправить его рядовым в армию. Четырьмя днями позднее он был произведен в майоры, и конгрессмены в Вашингтоне, забросив все прочие дела, бегали взад-вперед по столичным тротуарам, хватаясь за голову и приговаривая: Кто произвел в майоры этого Майора Майора? Нет, вы только скажите, кто его произвел?»

А произвела Майора Майора в майоры электронная счетно-решающая машина, обладающая почти таким же тонким чувством юмора, как и папаша Майора Майора. Когда разразилась война. Майор Майор все еще был послушным и покладистым юношей. Ему велели пойти в армию, и он пошел. Ему велели подать заявление в авиационное училище, и он подал заявление и уже на следующие сутки в три часа ночи стоял босой в холодной грязи перед дюжим свирепым

сержантом с юго-запада, который объявил, что сможет вышибить дух из любого и готов доказать это хоть сию же секунду. За несколько минут до этого капралы грубо растолкали спящих новобранцев и приказали собраться перед палаткой административного отдела. Майор Майор выбежал под дождь и занял место в строю. На нем, как и на других новобранцах, был гражданнский костюм, в котором он явился на призывной пункт и дня назад. Тем, кто замешкался, завязывая шнурки на ботинках, приказали идти обратно в холодные, сырые, темные палатки и разуться. И вот теперь они стояли босые в грязи, а сержант с каменным лицом заверял их, что может вышибить дух из каждого в своем подразделении. Никто не испытывал желания оспаривать это утверждение. Неожиданное производство Майора Майора в майоры уже на следующий день после его прибытия в часть повергло воинственного сержанта в бездонную пучину тоски, поскольку с этой минуты он лишался оснований хвалиться, что может вышибить дух из любого в своем подразделении. Не желая никого видеть, он удалился в свою палатку и, подобно библейскому Саулу, предался горестным размышлениям. Приунывшие капралы — его отборная гвар-

дия — несли наружную охрану. В три часа утра сержанта осенило. Майора Майора и других новобранцев снова грубо растолкали и приказали собраться босиком у палатки административного отдела, где в дождливой предрассветной мгле их уже дожидался, лихо подбоченясь, сержант. Его прямо-таки распирало от желания поскорее высказаться, и он с трудом заставил себя дождаться, пока все соберутся.

— Мы с майором Майором, — хвастливо заявил он таким же, что и накануне, резким, угрожающим тоном, — можем вышибить дух из любого в моем подразделении.

С наступлением дня над проблемой майора Майора принялись размышлять офицеры. Как им следовало относиться к такому майору, как майор Майор? Обращаться с ним, как с низшим чином, — значило бы унизить всех остальных майоров, а также офицеров ниже рангом. С другой стороны, относиться к нему вежливо было тоже немыслимо. К счастью, вспомнили, что майор Майор подал заявление в авиационное училище. К вечеру был отстукан приказ о его переводе в училище, и в три часа утра сержант, грубо растолкав майора Майора, усадил его в самолет, направлявшийся на запад.

Лейтенант Шейскопф побелел как полотно, когда майор Майор, босой, с заскорузлой глиной на пальцах ног, отрапортовал ему о своем прибытии в Калифорнию. Майор Майор считал само собой разумеющимся, что, раз его грубо растолкали в три часа утра, значит, он обязан стоять перед кем-то босиком в грязи, оставив носки и туфли в палатке. Его гражданский костюм, в котором он предстал перед лейтенантом, был как жеваный и весь заляпан грязью. Лейтенант Шейекопф, в ту пору еще не завоевавший репутации гения строевой подготовки, задрожал крупной дрожью, представив на секунду майора Майора, марширующего босиком на воскресном параде.

— Быстро отправляйтесь в госпиталь, — пробормотал лейтенант, когда к нему частично вернулся дар речи. — Скажите, что вы больны, и оставайтесь там, покуда на вас не поступят экипировочные. Вам надо купить кое-что из обмундирования и какую-нибудь обувь. Обязательно купите себе обувь.

— Слушаюсь, сэр!

— По-моему, вы, сэр, не обязаны называть меня «сэр», — заметил лейтенант Шейскопф. — Вы старше меня по званию.

— Так точно, сэр! Может, я и старше вас по зва-

нию, но все же вы — мой командир.

— Так точно, сэр! Это верно, — согласился лейтенант Шейскопф. — Может, вы и старше меня по званию, но все же я — ваш командир. Так что вы лучше поступайте, сэр, как я вам скажу, иначе наживете неприятности. Идите, сэр, в госпиталь и скажите, что вы больны. И оставайтесь там, покуда на вас не поступят экипировочные, и тогда купите себе что-нибудь из обмундирования.

— Слушаюсь, сэр.

— И обувь какую-нибудь, сэр. При первой же возможности купите себе что-нибудь на ноги, сэр.

— Слушаюсь, сэр. Куплю, сэр.

— Благодарю вас, сэр.

Для майора Майора жизнь в военном училище мало чем отличалась от всей его предыдущей жизни. Каждый, кто имел с ним дело, торопился уступить эту честь другому. Преподаватели занимались с ним особенно интенсивно, чтобы поскорее продвинуть его дальше и таким образом от него отделаться. Потребовались буквально считанные дни, чтобы он получил пилотские нашивки и оказался за океаном. И здесь неожиданно судьба ему улыбнулась. Всю жизнь он жаждал одного — раствориться в людях, не быть

отверженным, и вот наконец на острове Пьяноса его желание исполнилось. Чины и ранги мало значат на войне, где люди каждый день рискуют сложить голову, и поэтому отношения между офицерами и сержантско-рядовым составом были свободными и неофициальными. Люди, которых он даже не знал по фамилии, кричали ему: «Эй!» — и приглашали пойти купаться или поиграть в баскетбол. Долгие и упоительные часы проводил он на баскетбольной площадке. Никто там не гнался за победой, счета никогда не вели, а количество игроков на площадке колебалось от одного до тридцати пяти. Прежде майор Майор никогда не играл ни в баскетбол, ни в другие игры, но его высоченный рост и пылкий энтузиазм возмещали врожденную неуклюжесть и отсутствие тренировок. На площадке он почти сдружился со своими партнерами — офицерами и рядовыми — и чувствовал себя подлинно счастливым человеком. Здесь не было победителей, но не было и проигравших, и майор Майор весело скакал по площадке, упиваясь каждым пасом и броском, покуда не погиб майор Дулут и не примчался на своем джипе полковник Кэткарт, который лишил майора Майора его единственной радости в жизни.

— Вы назначены новым командиром эскадрильи! — рявкнул полковник Кэткарт с той стороны железнодорожной выемки. — Только не воображайте, что это что-то значит. Это ничего не значит. Это значит лишь то, что вы — новый командир эскадрильи.

Долгое время полковник Кэткарт копил в душе злобу на майора Майора. Лишний майор в списке личного состава вверенной ему части означал нарушение штатного расписания и давал тем самым козырь в руки джентльменам из штаба двадцать седьмой воздушной армии, которые, по твердому убеждению полковника Кэткарта, были все сплошь его врагами и завистниками. Полковник Кэткарт молил бога о помощи, и помощь пришла в виде смерти майора Дулута — в результате открылась вакантная должность для одного майора. Полковник назначил майора Майора командиром эскадрильи и укатил на своем джипе так же внезапно, как и приехал.

Для майора Майора это означало, что игре в баскетбол пришел конец. Он стоял как вкопанный, с растерянным лицом, отказываясь верить, что тучи снова собрались над его головой. Вернувшись к партнерам по игре, он натолкнулся на стену угрюмого молчания. Одни смотрели на

него деревянным взглядом, другие — с любопытством, третьи — с непонятной враждебностью. Он сгорал от стыда. Игра возобновилась, но без прежнего энтузиазма, Майор Майор овладевал мячом — никто не пытался отобрать его. Он просил паса — любой игрок, свой или противника, тут же давал ему мяч. Если он мазал и мяч, минуя корзину, отскакивал от щита в поле, никто из партнеров даже не пытался помешать ему поймать мяч и повторить бросок. На площадке раздавался только один голос — майора Майора. На следующий день повторилось то же самое, а еще через день майор Майор не вышел на площадку.

Постепенно все в эскадрилье, один за другим, перестали с ним разговаривать, зато каждый пялил на него глаза. Он замкнулся в себе, ходил с опущенными глазами и пылающими щеками. Он вызывал всеобщее презрение, зависть, подозрение, раздражение. Вокруг него роились зловещие слухи. Люди, которые прежде не замечали сходства между ним и Генри Фонда, сейчас только об этом и твердили, а некоторые ядовито намекали, что именно по причине сходства с Генри Фонда майора Майора и сделали командиром эскадрильи. Капитан Блэк, который сам зарился на эту должность, утверждал, что майор Майор и есть в

действительности Генри Фонда, но только боится в этом признаться, потому что он — трусливое дерьмо. Майор Майор растерянно барахтался в потоке неприятностей, а они следовали одна за другой, приводя его в полное замешательство. Не говоря ему ни слова, сержант Таусер перенес все его пожитки в просторный трейлер, который прежде занимал майор Дулут, а когда майор Майор, с трудом переводя дух, влетел на командный пункт доложить о том, что у него украли все вещи, дежуривший там молодой капрал перепугал его до полусмерти, вскочив на ноги и заорав:

— Смир-р-р-но!

Вместе со всеми, кто был в дежурке майор Майор вытянулся и замер по стойке «смирно», мучительно пытаясь догадаться, что за шишка вошла следом за ним. В напряженной тишине текли минуты, и, вероятно, все так и простояли бы по стоике смирно до самого судного дня, если бы полчаса спустя в комнату дежурного не вошел майор Дэиби, прибывший из штаба авиапалка. Он поздравил майора Майора с назначением и подал команду «вольно». Еще более плачевно обернулись дела майора Майора в офицерской столовой, где Милоу, трепеща от восторга, уже поджидал его, чтобы церемонно проводить к от-

дельному столику, который он заранее установил на видном месте, покрыл вышитой скатертью и украсил пышным букетом цветов в хрустальной розовой вазе. Майор Майор в ужасе отпрянул от столика, но не нашел в себе смелости вырваться у всех на глазах из рук Милоу. Чтобы поглазеть на командира, даже Хэвермейер поднял голову над тарелкой, а его тяжелая нижняя челюсть отвисла от изумления. Майор Майор безвольно подчинился тащившему его Милоу, сел за свой персональный столик и до конца обеда сидел, съежившись от стыда.

Пища казалась ему безвкусной, как трава, но он старательно жевал и глотал, опасаясь обидеть людей, причастных к ее изготовлению. Позднее, оставшись наедине с Милоу, майор Майор почувствовал, как впервые в его груди шевельнулось чувство протеста, и он сказал, что предпочел бы по-прежнему обедать вместе со всеми офицерами.

— Не выйдет, сэр, — сказал Милоу.

— Не понимаю, что здесь может выйти или не выйти? — попытался спорить майор Майор. — Раньше же ничего не случалось.

— Раньше вы не были командиром эскадрильи.

— Но ведь майор Дулут был командиром эскадрильи, а ел за одним столом со всеми.

— Майор Дулут — это другое дело, сэр.

— В каком смысле другое?

— Мне не хотелось бы отвечать на этот вопрос, сэр, — сказал Милоу.

— Уж не потому ли, что я похож на Генри Фонда? — призвав на помощь все свое мужество, резко спросил майор Майор.

— Некоторые говорят, что вы и есть Генри Фонда, — ответил Милоу.

— Ну так вот что, — закричал Майор срывающимся от волнения голосом, — никакой я вам не Генри Фонда! И нисколечко я на него не похож. А хоть бы даже я и смахивал на этого Генри Фонда, какая разница?

— Никакой разницы. Вот это я и пытаюсь сказать вам, сэр. Между вами и Генри Фонда — никакой разницы, а вот между вами и майором Дулутом — разница огромная.

Существенную разницу между собой и майором Дулутом майор Майор почувствовал уже за ужином. Когда он вышел из-за отведенного для него столика и хотел сесть вместе со всеми за общий стол, его пригвоздили к месту устремленные на него леденящие душу взгляды. Он точно ударился

лбом о глухую стену неприязни и остолбенел. Поднос с тарелками дрожал в его руках. Не говоря ни слова, Милоу бросился к майору Майору на выручку и повел его, как ручного медведя, к персональному столику. После этого майор Майор перестал сопротивляться и отныне всегда сидел в одиночестве за своим столиком, повернувшись спиной к остальным. Он был уверен, что они относятся к нему плохо оттого, что считают его гордецом, который, едва заделавшись командиром эскадрильи, брезгует есть в их обществе. В присутствии майора Майора все разговоры в столовой смолкали. Офицеры старались не бывать в столовой одновременно со своим командиром. Проведав об этом, майор Майор вообще бросил ходить в столовую и распорядился, чтобы еду ему доставляли в трейлер. Эскадрилья вздохнула с облегчением.

Майор Майор начал ставить под официальными документами подпись «Вашингтон Ирвинг» на следующий день после визита контрразведчика, пытавшегося выяснить, кто из лежавших в госпитале летчиков эскадрильи подписывается «Вашингтон Ирвинг». Контрразведчик и подал майору Майору эту идею. Новая работа была скучна и не приносила никакого удовлетворения. Его

сделали командиром эскадрильи, но он понятия не имел, что входит в обязанности командира, и потому, сидя в крохотном кабинетике, отгороженном в дальнем конце штабной палатки, занимался только двумя делами: ставил подпись Вашингтона Ирвинга под официальными документами и прислушивался к долетавшему издалека лязганью и глухому стуку подков, которые метал майор де Каверли.

Майора Майора мучило сознание, что он не выполняет каких-то наиважнейших своих обязанностей, и он опасался, что рано или поздно за это придется держать ответ, но опасения были напрасными. Он редко выходил из кабинета, разве что в случае крайней нужды, потому что никак не мог привыкнуть к тому, что все пялят на него глаза. бремя от времени монотонное течение рабочего дня нарушал какой-нибудь офицер или рядовой, присланный сержантом Таусером с делом, в котором майор Майор ровным счетом ничего не смыслил. Майор Майор прямехонько возвращал просителя к сержанту Таусеру, а тот уж давал разумные указания. Очевидно, обязанности командира эскадрильи отлично исполнял кто-то другой, не нуждавшийся в помощи майора Майора. Майор впал в задумчивость и уныние.

Временами он серьезно подумывал, не поведать ли обо всех своих горестях капеллану, но капеллан оказался настолько подавленным своими собственными печалями, что майор Майор решил не возлагать на слабые плечи капеллана лишнее бремя. Кроме того, он не был уверен, входит ли в обязанности капеллана утешать командира эскадрильи.

Обращаться за утешением к майору де Каверли он тоже не считал возможным. Майор де Каверли, возвратись из очередной командировки в Рим, где арендовал квартиры для летчиков или похищал официантов для офицерской столовой, целиком отдавался игре в подковы. Майор Майор часами смотрел через оконце палатки на забавы майора де Каверли. Подковы то мягко падали на траву, то звякали, цепляясь за стальные колышки, вбитые в землю. Майора Майора поражало, что такая величественная персона, как майор де Каверли, не находит себе занятия важнее, чем швырять подковы. Частенько майор Майор испытывал соблазн присоединиться к майору де Каверли, но, поразмыслив, приходил к выводу, что кидать с утра до вечера подковы, пожалуй, так же тошно, как подписываться «Майор Майор Майор» под официальными документами. Да

и физиономия у этого майора де Каверли была такая недобрая, что майор Майор просто боялся к нему приблизиться.

Майор Майор пытался разобраться, кто из них кому подчиняется. Он знал, что майор де Каверли числился начальником его штаба, но что это такое — он понятия не имел и потому никак не мог сообразить, то ли судьба наградила его снисходительным, всепрощающим начальником, то ли господь наказал его преступно-халатным, ленивым подчиненным. Можно было спросить у сержанта Таусера, но в глубине души майор Майор побаивался сержанта Таусера, а больше обращаться было не к кому — не спрашивать же у самого майора де Каверли. Мало кто отваживался подступаться к майору де Каверли по какому бы то ни было поводу, а один офицер, у которого хватило глупости подойти и метнуть подкову, на следующий день был наказан такой тяжелой и редкой разновидностью прострела, о которой ни Гас, ни Уэс, ни даже сам доктор Дейника слыхом не слыхали. Все были уверены, что хворобу на бедного офицера накликал майор де Каверли в отместку за вчерашнюю подкову, но как ему удалось это сделать — никто не знал.

Большинство официальных документов, по-

ступавших к майору Майору, не имели к нему абсолютно никакого касательства. Эти бумаги содержали главным образом ссылки на какие-то предшествующие им другие бумаги, которых майор Майор и в глаза не видел. Поднимать же и изучать старую переписку тоже не было никакого резона, поскольку инструкция предписывала игнорировать предыдущие указания и действовать только на основании самого последнего приказа. Когда майор Майор бывал в ударе, он мог за одну минуту расписаться на двадцати различных циркулярах, каждый из которых требовал не обращать никакого внимания на все предшествующие. С Большой земли, из штаба генерала Пеккема, каждый день поступали многословные бюллетени под бодрыми, вдохновляющими и мобилизующими заголовками, как, например: «Боритесь с волокитой — расхитительницей времени!» или «Боритесь за чистоту — бог чистоту любит!»

Призывы генерала Пеккема блюсти чистоту и бороться с волокитой вдохновляли майора Майора: он без всякой волокиты расписывался на этих призывах и очищал от них стол как можно быстрее. Внимание майора Майора задерживалось лишь на документах, касающихся несчастного

лейтенанта, который погиб во время налета на Орвьетто менее чем через два часа после своего прибытия в часть. Вещи его, не полностью распакованные, до сих пор валялись в палатке Йоссариана. Поскольку несчастный лейтенант доложил о своем прибытии не дежурному по части, а в оперативном отделении, сержант Таусер решил, что спокойней будет на все запросы о нем отвечать, что вышеозначенный лейтенант в эскадрилью вообще не прибывал. Из скудной переписки по этому поводу возникало впечатление, будто лейтенант бесследно растворился в прозрачной синеве, что, кстати, некоторым образом соответствовало действительности. В конечном счете майор Майор был даже доволен, что ему приносят на подпись разные официальные бумаги: сидеть с утра до вечера за письменным столом и подмахивать бумаги куда приятнее, чем сидеть с утра до вечера за письменным столом и не подмахивать бумаг. Как-никак, а все-таки работа…

Но не позднее чем в десятидневный срок с фатальной неизбежностью все подписанные им документы приходили обратно с подколотой чистой страничкой для новой подписи. Документы возвращались заметно пополневшими, потому что между листком, ранее завизированным

майором Майором, и чистым листком, предназначенным для его новой визы, помещалась пачечка листков с наисвежайшими подписями офицеров всех частей, разбросанных вокруг Пьяносы: подобно майору Майору, они, не покладая рук, визировали одни и те же бумажонки. Наблюдая за тем, как самые простые циркуляры чудовищно разбухают и превращаются в объемистые и увесистые манускрипты, майор Майор впал в меланхолию. Сколько бы раз майор Майор ни подписывал документ, он все равно исправно возвращался на его стол за очередной подписью. Майор Майор уже совсем было отчаялся избавиться от этого наваждения.

Однажды, точнее на следующий день после первого визита контрразведчика майор Майор вместо своей фамилии написал под одним из циркуляров «Вашингтон Ирвинг» — просто, чтобы посмотреть, как это будет выглядеть. Выглядело симпатично. До того симпатично, что остаток рабочего дня майор Майор украшал подписью «Вашингтон Ирвинг» все официальные документы подряд. Это была вспышка озорства, стихийный бунт, и, выходя вечером из-за стола, он понял, что сурового возмездия ему не миновать. На следующее утро он с трепетом вошел в

канцелярию и стал дожидаться развития событий, но ничего не случилось.

Грех есть зло, но на этот раз грех обернулся добром, потому что ни один из документов с подписью «Вашингтон Ирвинг» обратно не вернулся. Наконец-то произошла радостная перемена, и майор Майор окунулся в свою новую работу с неизведанным прежде наслаждением. Конечно, писать под документами «Вашингтон Ирвинг» — тоже не бог весть какая интересная работа, но все же это менее нудное занятие, чем писать весь день только «Майор Майор Майор». Когда ему приедался «Вашингтон Ирвинг», он менял порядок слов и выводил «Ирвинг Вашингтон», пока и это не приедалось. Теперь он считал, что работает все-таки не совсем впустую: документы, подписанные на новый манер, больше в эскадрилье не появлялись.

Зато в эскадрилье появилось кое-что другое. Это был второй контрразведчик, выдававший себя за летчика. Многие знали, что он из контрразведки: он сам по секрету признавался в этом каждому встречному, строго предупреждая не раскрывать другим его подлинного лица. Но всем этим другим он сам по секрету сообщал, что он из контрразведки.

— Я из контрразведки, — признался он майору Майору. — Кроме вас, никто в эскадрилье об этом знать не должен. Абсолютно никто. Во избежание провала операции. Вы меня поняли?

— Но ведь сержант Таусер знает…

— Да, он знает. Мне пришлось ему сказать, чтобы пройти к вам. Но я уверен, что он ни при каких обстоятельствах не проболтается ни одной живой душе.

— А мне он сказал. Он сказал: «К вам там пришел какой-то из контрразведки».

— Вот мерзавец? Надо будет проверить, что это за фрукт? На вашем месте я бы не держал тут на виду совершенно секретных документов. Во всяком случае, пока я не закончу расследования.

— У меня вообще нет никаких совершенно секретных документов, — сказал майор Майор.

— Вот и прекрасно. Запирайте их у себя в сейфе, чтобы до них не мог добраться сержант Таусер.

— Единственный ключ от сейфа у сержанта Таусера.

— Боюсь, что мы попусту тратим время, — довольно сухо заметил контрразведчик.

Это был нервный, подвижный коротышка, с энергичной и самоуверенной жестикуляцией. Он носил пилотскую кожаную куртку, разри-

сованную на груди. На куртке был изображен самолет, летящий сквозь оранжевые разрывы снарядов, а под ним ряд бомбочек. Рисунок обозначал, что владелец куртки выполнил пятьдесят пять боевых заданий. С заговорщическим видом контрразведчик вытащил из-под полы большую красную папку и извлек из нее несколько фотокопий.

— Это вам знакомо?

Майор Майор с равнодушной миной взглянул на фотокопии писем, посланных из госпиталя. На одних письмах рукой военного цензора было написано «Вашингтон Ирвинг», на других — «Ирвинг Вашингтон».

— Нет, никогда не видел.

— А вот эти?

Майор Майор взглянул на копии адресованных ему циркуляров и узнал свое рукоделие.

— Нет, не видел.

— В вашей эскадрилье есть человек с такой фамилией?

— Который из двух? Здесь две фамилии.

— Или тот, или другой. Впрочем, мы полагаем, что Вашингтон Ирвинг и Ирвинг Вашингтон — одно лицо, но оно пользуется двумя фамилиями, чтобы сбить нас с толку. Так часто делают.

— В моей эскадрилье как будто нет ни того, ни другого. Контрразведчик помрачнел.

— А он, оказывается, гораздо умнее, чем мы предполагали, — заметил контрразведчик. — Значит, у него есть третья фамилия, под которой он и скрывается. И думается мне… М-да, думается мне, эту третью фамилию я знаю. — Вдохновенный и взволнованный, с просветленным лицом, он достал еще одну фотокопию и положил ее перед майором Майором: — А что вы об этом скажете?

Майор Майор слегка подался вперед и увидел перед собой фотокопию странички письма, на которой Йоссариан вымарал все, кроме имени «Мэри», но зато приписал: «Тоскую по тебе ужасно! А.Т. Тэппман, капеллан армии Соединенных Штатов». Майор Майор отрицательно покачал головой:

— Никогда не видел.

— А вы знаете, кто такой А.Т. Тэппман?

— Наш полковой капеллан.

— Так. Круг замкнулся! — сказал контрразведчик. — Вашингтон Ирвинг — это полковой капеллан. Майор Майор слегка забеспокоился.

— А.Т. Тэппман — полковой капеллан, — поправил он.

— Вы уверены?

— Уверен.

— Но зачем полковой капеллан делает такие приписки к чужим письмам?

— Возможно, это сделал кто-то другой…

— Для чего же кому-то другому понадобилось подделывать подпись полкового капеллана?

— Чтобы не разоблачили.

— Может, вы и правы, — поразмыслив секунду, заявил контрразведчик и звонко цокнул языком. — Не исключено, что тут действуют два агента, причем по странной случайности у одного такое же имя, как у другого фамилия, и наоборот. Да, да, теперь я не сомневаюсь, что это так. Один из этой парочки находится в эскадрилье, другой — в госпитале, а третий — с капелланом. Минутку, сколько же это получается? Ага, целых три! Но вы абсолютно уверены, что никогда прежде не видели этих документов?

— Если бы я их видел, я бы на них расписался.

— А как? — хитро прищурившись, спросил контрразведчик. — Как бы вы расписались? Собственной фамилией или «Вашингтон Ирвинг»?

— Конечно, собственной, — ответил майор Майор. — Я и фамилии такой не знаю — «Вашингтон Ирвинг». Контрразведчик расплылся в улыбке:

— Я рад, майор, что вы со мной начистоту. Чувствую, мы с вами сработаемся, а я очень заинтересован в людях, желающих мне помочь. Где-то на европейском театре военных действий притаился субъект, запускающий лапы в вашу служебную переписку. Как по-вашему, кто это может быть?

— Понятия не имею.

— Тогда слушайте меня. Блестящая догадка пришла мне на ум, — сказал контрразведчик, наклонившись к уху майора Майора, и доверительно зашептал: — Это — мерзавец Таусер. А зачем бы иначе он стал горлопанить на всю эскадрилью, кто я такой? Держите ухо востро, и как только кто-нибудь при вас заведет разговор о Вашингтоне Ирвинге, тут же дайте мне знать. А я проверю всю подноготную капеллана и других.

Едва лишь второй контрразведчик вышел, как через окошко в кабинет прыгнул первый контрразведчик и незамедлительно пожелал узнать, кто это туг был только что.

— Один из контрразведки, — ответил майор Майор.

— Черта с два — сказал первый контрразведчик. — В данном районе единственный контрразведчик — это я.

Майор Майор с трудом узнал его. На первом контрразведчике болтался просторный, выцветший вельветовый купальный халат, расползшийся под мышками по швам. Из-под халата виднелись потертые пижамные штаны. На ногах были изношенные шлепанцы, один из которых откровенно просил каши. Майор Майор припомнил, что видел этого человека в госпитале. Контрразведчик носил тогда такой же наряд, но с тех пор поправился фунтов на двадцать и, казалось, вот-вот лопнет от избытка здоровья.

— Я тяжело болен, — заговорил гость простуженным голосом. — В госпитале я заразился от одного летчика гриппом, потом грипп перешел в серьезнейшее воспаление легких, и тем не менее я счел своим долгом приехать к вам сюда.

— Весьма сочувствую, — сказал майор Майор.

— Премного благодарен, но я в вашем сочувствии не нуждаюсь, — огрызнулся контрразведчик, — я просто хочу предупредить вас, что Вашингтон Ирвинг, кажется, сменил свое местопребывание и перебрался из госпиталя в вашу эскадрилью. Вы не слыхали тут никаких разговорчиков насчет Вашингтона Ирвинга?

— Вообще-то слыхал, — ответил майор Майор. — Человек, который только что вышел отсюда,

как раз говорил о Вашингтоне Ирвинге.

— Это правда? — воскликнул первый контрразведчик, вне себя от восторга. — Кажется, теперь-то мы расколем этот орешек. Держите его на мушке, а я помчусь обратно в госпиталь и запрошу у руководства дальнейших указаний.

Контрразведчик выпрыгнул в окошко и скрылся из виду.

Минуту спустя брезентовый полог, отделявший кабинет майора Майора от канцелярии, взметнулся и снова вбежал второй контрразведчик. С трудом переводя дыхание, он закричал:

— Я видел, как только что человек в красной пижаме выпрыгнул из вашего окошка и побежал по дороге. Вы его видели?

— Конечно. Я с ним разговаривал, — ответил майор Майор.

— Мне показалось весьма подозрительным, что человек в красной пижаме выпрыгивает из окошка.

Контрразведчик энергичными шажками мерял кабинет.

— Сначала я подумал, что это вы решили драпануть в Мексику. Но теперь я вижу, что это были не вы. Скажите, он ничего не говорил о Вашингтоне Ирвинге?

— Вообще-то говорил, — сказал майор Майор.

— Говорил?! — воскликнул второй контрразведчик. — Прекрасно! Ну, кажется, теперь-то мы расколем этот орешек. А вы не знаете, где можно найти этого субъекта?

— В госпитале. Он тяжело болен.

— Эврика! Сейчас я прямехонько в госпиталь — и настигну голубчика. Но, пожалуй, лучше появиться в госпитале инкогнито. Зайду-ка я в вашу санчасть, объясню им ситуацию, и пусть они меня направят в госпиталь как больного.

Он ушел и вскоре вернулся с темно-фиолетовыми деснами.

— Посмотрите, что они со мной сделали, — сказал он чуть не плача. Горе его казалось безутешным. В руках он нес носки и туфли. Пальцы ног, так же как и десны, были вымазаны раствором марганцовки. — Вам доводилось когда-нибудь видеть контрразведчика с фиолетовыми деснами? — простонал он.

Печально свесив голову, он вышел из штабной палатки и кувырком полетел в земляную щель, сломав себе при этом нос. И хотя температура у него от этого не поднялась, Гэс и Уэс, в порядке исключения, уложили его в санитарную машину и отправили в госпиталь.

Итак, майор Майор солгал, но ложь пошла ему во спасение. Это его не удивило, потому что он давно заметил, что лгуны, как правило, люди сметливые и добиваются в жизни большего, чем честняги.

После визита второго контрразведчика он стал действовать осмотрительнее. Он расписывался только левой рукой и при этом всегда нацеплял черные очки и фальшивые усы, которые ему нисколько не помогли, когда он отважился снова появиться на баскетбольной площадке. В качестве дополнительной предосторожности он заменил «Вашингтона Ирвинга» «Джоном Милтоном». Так оказалось короче и удобней. Когда надоедало, он с успехом менял имя и фамилию местами, как делал это прежде с «Вашингтоном Ирвингом». Кроме того, майор Майор мог удвоить темпы производства, потому что «Джон Милтон» было куда короче, чем его собственная подпись или «Вашингтон Ирвинг», а следовательно, и времени теперь требовалось меньше. А когда и «Джон Милтон» надоедал, майор Майор снова брался за «Вашингтона Ирвинга».

Темные очки и фальшивые усы майор Майор купил в Риме. То была последняя, но тщетная попытка вырваться из трясины моральной де-

градации, в которую он медленно, но верно погружался. Сначала он испытал ужасные унижения, когда тридцать или сорок сборщиков подписей под «присягой о лояльности» даже не сочли нужным предложить ему подписаться. Затем, когда история с присягой, казалось, отшумела, загадочно исчез, будто растаял, самолет Клевинджера вместе со всем экипажем, и вину за это несчастье возложили на майора Майора, придравшись к тому, что он не подписал ни одной «присяги о лояльности»[10].

Темные очки были в красной толстой оправе. Фальшивые черные усы очень пошли бы шарманщику. Однажды, когда майор Майор почувствовал, что не в силах больше переносить, одиночество, он напялил очки и усы и отправился поиграть в баскетбол. С видом беспечным и непринужденным он заявился на площадку, молясь про себя, чтобы его не узнали. Все сделали вид, будто не узнали его, и майор с наслаждением вступил в игру. Но едва он успел поздравить себя с успехом, который принес ему невинный маскарад, как один из противников резким толчком сбил майора с ног. Вскоре его сбили еще раз, и тут он сообразил, что они очень даже узнали своего командира, а маскарад дает им право без помех

дубасить его, толкать локтями и ставить подножки. Он понял, что они ненавидят его в любом обличий. Игроки его команды и противоположной стороны без колебаний и размышлений слились в одну рычащую толпу. Они навалились на него со всех сторон, размахивая кулаками и оглашая воздух грязными ругательствами. Они сбили его с ног на землю и пинали ногами. Он насилу поднялся, и тогда они снова на него налетели.

Он закрыл лицо ладонями, а они, облепив его со всех сторон, в дьявольском исступлении мордовали его, били, колотили и дубасили. Наконец, его трахнули с такой силой, что он кубарем скатился на дно железнодорожной выемки. Там он встал на ноги, вскарабкался по противоположной стороне выемки и пошел, пошатываясь, сопровождаемый улюлюканьем и градом камней, пока не скрылся за углом штабной палатки. Во время потасовки он мечтал лишь об одном — только бы они не сорвали с него темные очки и фальшивые усы. Маскируясь ими, он мог продолжать делать вид, будто он — это не он, а лишись он усов и очков, ему пришлось бы предстать перед всеми в роли побитого, посрамленного и опозоренного начальника. В кабинете он разрыдался, потом,

успокоившись, смыл кровь с губ и носа, стер грязь с синяков и царапин на щеках и на лбу и вызвал сержанта Таусера.

— Отныне, — сказал он, — я не желаю никого видеть у себя в кабинете. Ясно?

— Да, сэр, — сказал сержант Таусер. — На меня ваш приказ распространяется?

— Да.

— Понятно. У вас все, сэр?

— Да.

— А что мне говорить тем, кто придет к вам, когда вы будете у себя, в кабинете?

— Говори им, что я здесь, и проси подождать.

— Слушаюсь, сэр. А сколько им надо будет ждать?

— Покуда я не уйду из кабинета.

— И что же мне с ними делать, сэр?

— Меня это не касается.

— Могу я впустить их, сэр, к вам в кабинет, когда вы уйдете?

— Можешь.

— Но ведь вас-то в кабинете уже не будет?

— Не будет.

— Понятно, сэр. У вас все, сэр?

— Да.

— Слушаюсь, сэр.

— Отныне, — сказал майор Майор пожилому ординарцу, который убирал его трейлер, — я не желаю, чтобы вы заходили ко мне и спрашивали, что мне нужно. Ясно?

— Так точно, сэр, — ответил ординарец. — А когда же я могу зайти к вам и спросить, что вам нужно?

— Когда меня нет, тогда и заходите.

— Слушаюсь, сэр. А что я вообще должен делать?

— То, что я прикажу.

— А как же вы мне прикажете, если мне нельзя заходить, пока вы здесь? Или все-таки можно иногда?..

— Нельзя.

— В таком случае, что же мне вообще-то делать?

— Что положено.

— Слушаюсь, сэр.

— У меня все, — сказал майор Майор.

— Слушаюсь, сэр, — сказал ординарец. — У вас все, сэр?

— Нет, — сказал майор Майор. — Не все. Не смейте заходить в трейлер, если не уверены, что я ушел.

— Слушаюсь, сэр. Но как же я могу удостове-

риться?

— Если не уверены, вообразите, что я в трейлере, и убирайтесь прочь, пока у вас не появится твердая уверенность, что я ушел. Ясно?

— Да, сэр.

— Мне жаль, что я вынужден говорить с вами в таком тоне, но ничего не поделаешь. До свидания.

— До свидания, сэр.

— И спасибо, за все спасибо.

— Слушаюсь, сэр…

— Отныне. — сказал майор Майор Милоу Миндербиндеру, — я не намерен ходить в столовую. Еду доставляйте мне в трейлер.

— Прекрасная идея, сэр! — ответил Милоу. — Наконец-то я смогу готовить для вас специальное блюдо, и ни одна собака об этом знать не будет. Пальчики оближете, вот увидите, сэр. Полковник Кэткарт говорит, что это — сущее объедение.

— Мне не нужны специальные блюда. Что другим, то и мне. В точности. Тот, кто будет носить еду, пусть ставит поднос на ступеньку и стукнет один раз в дверь трейлера. Ясно?

— Так точно, сэр, — сказал Милоу. — Очень даже ясно. Я припрятал пяток живых омаров и сегодня же вечером могу подать их вам с чу-

десным салатом рокфор и двумя свежайшими пирожными эклер. Все это лишь вчера вывезли контрабандой из Парижа вместе с одним крупным французским подпольщиком. Ну как, подойдет такое меню для начала?

— Нет.

— Слушаюсь, сэр. Я вас понял.

В тот же вечер Милоу прислал ему вареного омара с великолепным салатом рокфор и два эклера. Майор Майор заколебался. Если он отошлет ужин обратно, все выбросят на помойку или скормят кому-нибудь другому, а майор Майор питал слабость к вареным омарам. Он съел ужин, чувствуя себя глубоко виноватым. На следующий день ему подали на второй завтрак черепаховый суп и кварту перно урожая 1937 года. И то и другое майор Майор проглотил без долгих размышлений.

Оставалось еще придумать способ, как проникать в кабинет, не попадаясь на глаза писарям, сидевшим в той же палатке за пологом. И способ был найден Майор Майор научился влезать и вылезать через запыленное окошко кабинета. Окошко были достаточно велико, расположено низко, легко отстегивались и — прыгай себе туда и обратно.

Когда майору Майору нужно были добраться от штаба до трейлера, он проворно заворачивал за угол палатки, высматривал, свободен ли путь, прыгал в железнодорожную выемку и несся вперед, не поднимая головы, пока не оказывался под спасительным покровом леса В том месте, где железнодорожная выемка ближе всего подходила к трейлеру, майор вылезал и стремглав бросался к своему дому через густой подлесок.

Единственной живой душой, которая ему однажды повстречалась в подлеске, был капитан Флюм. С искаженным лицом, страшный, как привидение, капитан Флюм напугал его до полусмерти, когда в сумерках вылез без предупреждения из ежевичных зарослей и пожаловался майору Майору, что Вождь Белый Овес грозится перерезать ему, капитану Флюму, горло от уха до уха.

— Если вы еще раз когда-нибудь меня так напугаете, — сказал ему майор Майор, — я сам перережу вам горло от уха до уха.

Капитан Флюм ахнул и снова растворился в кустах ежевики. Больше он на глаза майору Майору не попадался

Подытожив свои достижения, майор остался доволен. На чужой территории, в окружении

сонмища врагов (под его командованием находилось более двухсот человек), майор ухитрился вести жизнь отшельника. Проявив минимальную изобретательность, он лишил весь личный состав эскадрильи возможности побеседовать с командиром, что, как он заметил, всех весьма обрадовало, потому что никто из его подчиненных не горел желанием беседовать со своим командиром. Исключение составлял, правда, этот психопат Йоссариан, который однажды с помощью натянутого каната сбил с ног майора Майора, мчавшегося во весь опор по дну железнодорожной выемки завтракать в свой трейлер.

Меньше всего майору Майору хотелось, чтобы кто-нибудь сбивал его с ног, и в особенности Йоссариан. Этот тип отличался какой-то врожденной гнусностью: то он нес бестактную ахинею насчет покойника в своей палатке, хотя никакого покойника там не было, то бегал голышом по лагерю. Вернувшись в часть после налета на Авиньон, Йоссариан сбросил с себя всю одежду, и, когда генерал Дридл вызвал его, чтобы приколоть ему орден за героизм, проявленный при налете на Феррару, Йоссариан вышел из строя в чем мать родила. Никто в мире не имел права убрать из палатки Йоссариана наполовину распакованные

пожитки погибшего лейтенанта, хотя изъять их было необходимо. Майор Майор поставил на карту свою репутацию, разрешив лейтенанту Таусеру ответить вышестоящим инстанциям, что лейтенант, погибший над Орвьетто менее чем через два часа после прибытия в эскадрилью, будто бы вовсе не прибывал в эскадрилью. Единственным человеком, который мог бы убрать имущество лейтенанта из палатки, был, по мнению майора Майора, сам Йоссариан, но Йоссариан, по мнению майора Майора, не имел на это права.

Майор Майор застонал, когда Йоссариан с помощью каната сбил его с ног. Он попытался подняться, но Йоссариан и не думал его отпускать

— Капитан Йоссариан, — сказал Йоссариан, — просит разрешения немедленно обратиться к майору по вопросу жизни и смерти.

— Отпустите меня, пожалуйста. Я хочу встать, — слабым голосом взмолился майор Майор. — Не могу же я лежа ответить на ваше приветствие.

Когда Йоссариан освободил его, майор с трудом поднялся с земли. Йоссариан еще раз отдал честь и повторил свою просьбу.

— Пройдемте ко мне в кабинет, — сказал

майор. — Здесь не самое удобное место для разговора.

— Слушаюсь, сэр.

Они стряхнули с себя пыль и в тягостном молчании шли до самого входа в штабную палатку.

— Обождите, пожалуйста, минутку, я смажу царапины йодом, а затем сержант Таусер пригласит вас.

— Слушаюсь, сэр.

Майор Майор с достоинством прошествовал через канцелярию, не поднимая глаз на писарей, склонившихся над своими скоросшивателями, картотечными ящиками и пишущими машинками. Едва зайдя за полог, отделявший кабинет от канцелярии, майор Майор метнулся к окошку и выпрыгнул вон. Под окошком по стойке «смирно» стоял Йоссариан. Отдав честь, он отчеканил:

— Капитан Йоссариан просит разрешения немедленно обратиться к майору Майору по вопросу жизни и смерти.

— Не разрешаю, — отрезал майор Майор.

— Так дело не пойдет. Майор Майор капитулировал.

— Ладно, — согласился он устало. — Давайте поговорим. Прыгайте в мой кабинет.

— Нет, раньше вы.

Они впрыгнули в кабинет. Майор Майор сел, а Йоссариан принялся расхаживать перед письменным столом и втолковывать, что он не желает больше летать на боевые задания. «Ну что я могу сделать?» — размышлял майор Майор. Он мог действовать только согласно инструкции подполковника Корна и уповать на лучшее.

— Почему вы не желаете летать?

— Боюсь.

— Что ж, стыдиться тут нечего, — ласково объяснил майор Майор. — Мы все боимся.

— А я и не стыжусь, — сказал Йоссариан. — Я боюсь, а не стыжусь.

— Если бы вы никогда и ничего не боялись, вы были бы ненормальным. Даже очень храбрые люди испытывают страх. Пожалуй, самое трудное в бою — преодолеть страх.

— Ну вот, поехали, поехали, майор. Неужели нельзя обойтись без этой дерьмовой демагогии?

Майор Майор застенчиво опустил глаза и стал катать между большим и указательным пальцами воображаемую песчинку.

— Ну а что бы вы хотели от меня услышать?

— Что я выполнил норму боевых вылетов и могу отправляться домой.

— Сколько вы налетали?

— Пятьдесят одно задание.

— Вам осталось всего лишь четыре вылета.

— Как бы не так! Он повысит норму. Каждый раз, как только я выполняю норму, он ее повышает.

— Возможно, в этот раз полковник этого не сделает.

— Он еще ни одного человека не отпустил домой. Он только разрешает налетавшим норму поболтаться на земле без дела в ожидании приказа об отправке домой, а потом, когда ему не хватает людей для комплектования экипажей, он опять повышает норму вылетов и снова бросает всех на боевые операции. С тех пор как он сюда прибыл, от только так и действует.

— Вам не следует бранить полковника Кэткарта за задержку с приказами, — сказал майор Майор. — Приказы, поступающие от нас, утверждает штаб двадцать седьмой воздушной армии, он и несет ответственность за быстрое прохождение приказов по инстанциям.

— Он мог бы запросить замену, а нас отослать домой. Но как бы там ни было, а мне говорили, что в штабе двадцать седьмой воздушной армии настаивают лишь на сорока вылетах, а пятьдесят пять вылетов — это собственное изобретение

полковника.

— Об этом мне ничего не известно, — ответил майор Майор, — Полковник Кэткарт — наш командир, и мы обязаны ему подчиняться. Почему бы вам не налетать еще четыре задания и не посмотреть, что из этого получится?

— Не хочу.

«Что же делать? — снова мысленно спросил себя майор Майор. — Ну что делать с человеком, который смотрит вам прямо в глаза и заявляет, что скорее готов умереть, чем быть убитым в бою, с человеком, столь же зрелым и умственно развитым, как вы сами, хотя вы должны делать вид, что вы мудрей и лучше, чем он? Ну что мне ему сказать?»

— Что, если сделать так: вы выполните норму боевых вылетов, а затем мы будем посылать вас «за молоком»? Таким образом, только четыре боевых задания — и вы больше не подвергаетесь никакому риску.

— Не нужны мне ваши полеты «за молоком»! Я не желаю больше ни минуты оставаться на войне!

— Неужели вы хотите видеть свою родину побежденной? — спросил майор Майор.

— Нас не победят. У нас больше народу, больше

денег и сырья. Десять миллионов военнослужащих могут стать на мое место, а то одних убивают, а другие в это время делают деньги и живут припеваючи. Пусть других убивают.

— Но представьте себе, что получится, если каждый американец станет рассуждать подобным образом.

— Только круглый дурак рассуждает иначе. Разве я не прав?

«Ну что ты ему на это скажешь? — горестно размышлял майор Майор. — Сказать, что я ничего не могу поделать, означает, что вообще-то я сделал бы кое-что, будь это в моих силах, но не делаю только из-за ошибочной и несправедливой политики подполковника Корна. Нет, нет, я категорически не имею права сказать ему, что ничего не могу поделать», — решил майор Майор и сказал:

— Очень сожалею, но я ничего не могу поделать.

10. Уинтергрин

Клевинджер погиб. Восемнадцать самолетов нырнули в ослепительно белое облако неподалеку от Эльбы, возвращаясь после еженедельного полета «за молоком» в Парму. Вышли из облака

семнадцать. От пропавшего самолета не осталось и следа — ни в воздухе, ни на гладкой нефтяной поверхности воды. Обломков тоже не было. До захода солнца вокруг злополучного облака кружили самолеты. Ночью облако растаяло, и, когда настало утро, Клевинджера уже не существовало.

Это исчезновение было поразительным, хотя, безусловно, оно поражало меньше, чем великий заговор на учебной базе Лоури-Филд: там как-то в день выплаты жалованья из одной казармы исчезли все шестьдесят четыре человека, и никто о них больше не слышал. До того как Клевинджер непостижимым образом ушел из жизни, Йоссариан по простоте души полагал, что эти шестьдесят четыре взяли и ушли в самоволку. Больше того, он даже обрадовался этому факту массового дезертирства и коллективного отказа от священного воинского долга и, ликуя, помчался к экс-рядовому первого класса Уинтергрину, дабы поделиться с ним сногсшибательной новостью.

— А что тут, собственно говоря, сногсшибательного? — гнусно ощерился Уинтергрин. Он стоял в глубокой квадратной яме, опершись на лопату. Рытье ям было его военной специальностью.

Экс-рядовой первого класса Уинтергрин был

подленькой, лживой тварью и любил создавать всяческую путаницу. Каждый раз, когда он уходил в самоволку, его ловили и в наказание заставляли за определенный срок вырыть яму глубиной, шириной и длиной в шесть футов, а затем закопать ее. Едва отбыв наказание, он снова отправлялся в самоволку. Уинтергрин рыл и закапывал ямы с энтузиазмом подлинного патриота, которому не пристало жаловаться на трудности.

— В сущности, это не так уж плохо, — философски изрекал он. — Ведь кто-то должен копать ямы.

Он был достаточно сообразителен и понимал, что рытье ям в Колорадо — не самое плохое занятие в военное время. Поскольку спрос на ямы был невелик, он мог копать и засыпать их с ленцой, не торопясь. Он редко перенапрягался. И это было хорошо. Зато каждый раз после военного суда его понижали в рядовые, и это было плохо. Это он переносил болезненно.

— Я был рядовым первого класса, — вспоминал он с тоской. — У меня было положение. Ты понимаешь, что я хочу сказать? Я привык вращаться в высших сферах. Но все это уже позади, — смиренно говорил он, и ухмылка сбегала с его лица. — В следующий раз придется идти в самоволку в чине

рядового, а это уже будет совсем не то, я знаю…

Рытье ям представлялось ему делом малоперспективным.

— Очень уж непостоянная работа. Отбыл наказание — и сразу остался без дела. Приходится снова ударяться в бега. А ведь это не шутка! Этак, чего доброго, угодишь в ловушку. Ты ведь знаешь эту «уловку двадцать два»? Стоит мне теперь еще хоть раз смыться в самоволку, и засадят меня в каторжную тюрьму. Не знаю, что тогда со мной будет. Приходится быть осторожным, а то загудишь за океан.

Он не испытывал желания рыть ямы весь остаток жизни, но не возражал против того, чтобы рыть их до конца войны, и в этом видел свой вклад в дело победы.

— У нас есть долг, — говорил он. — И каждый обязан его выполнять. Мой долг заключается в том, чтобы копать и копать ямы, и я тружусь так старательно, что меня представили к медали «За хорошее поведение». Твой долг — околачиваться в училище и надеяться, что война кончится раньше, чем тебя произведут в офицеры. Обязанность фронтовиков — выиграть войну, и мне бы очень хотелось, чтобы они выполнили свой долг так же хорошо, как я выполняю свой. Было бы неспра-

ведливо, если бы я отправился за океан и стал выполнять их работу, ведь верно?

Однажды экс-рядовой первого класса Уинтергрин, копая очередную яму, пробил лопатой водопроводную трубу и чуть не захлебнулся. Он был выловлен в бессознательном состоянии. Разнесся слух, что нашли нефть, в результате чего Вождя Белый Овес быстренько вытурили и с учебной базы. И скоро каждый, кто сумел обзавестись лопатой, как сумасшедший вгрызался в землю в поисках нефти. База утопала в грязи. Похожую картину можно было увидеть семь месяцев спустя на Пьяносе наутро после того, как Милоу всеми самолетами своего синдиката «М. и М.» разбомбил расположение эскадрильи — не только палаточный городок, но и бомбовый склад, и летное поле, и ремонтные мастерские. Все, кто уцелел, долбили твердую землю и делали землянки и убежища, покрывая их листами брони, украденными в полевых мастерских, или лохматыми полотнищами брезента, оторванными от палаток.

Вождь Белый Овес, переведенный из Колорадо при первых же слухах о нефти, прибыл в конце концов на Пьяносу заменить лейтенанта Кумбса, который в один прекрасный день отправился в

боевой вылет по своей охоте (просто посмотреть, что такое война) и погиб над Феррарой в самолете Крафта. Вспоминая Крафта, Йоссариан чувствовал себя виноватым. Ведь Крафт погиб из-за того, что Йоссариан вторично повел машину на цель, и еще из-за того, что Крафт, сам того не желая, оказался замешанным в «великом» восстании противников атабрина. Восстание началось в Пуэрто-Рико на первом этапе их полета за океан и закончилось десятью днями позже, когда Эпплби, движимый чувством долга, едва приземлившись на Пьяносе, направился в штабную палатку официально доложить об отказе Йоссариана принимать таблетки атабрина. Сержант предложил ему посидеть.

— Благодарю, сержант, — сказал Эпплби. — Можно и посидеть. А вы не знаете, сколько придется ждать? Мне еще надо сегодня сделать кучу дел, чтобы завтра ранним утром по первому приказу отправиться на боевое задание.

— Как вы сказали, сэр?

— Вы о чем, сержант?

— А вы о чем спрашивали?

— О том, сколько придется ждать, прежде чем можно будет пройти к майору.

— Как только он уйдет завтракать, так вы тут

же сможете пройти в кабинет, — ответил сержант Таусер.

— Но, если я верно понял вас, его там не будет?

— Да, сэр, майор вернется к себе только после завтрака.

— Понятно, — неуверенно протянул Эпплби. — Тогда я, пожалуй, зайду после завтрака.

Эпплби покидал палатку в полнейшем недоумении. Когда он выходил, ему почудилось, будто высокий темноволосый офицер, слегка смахивающий на Генри Фонда, выпрыгнул из окошка штабной палатки и проворно шмыгнул за угол. Эпплби застыл как вкопанный и даже зажмурился. Тревожное сомнение закралось в его душу. «Уж не галлюцинация ли у меня на почве малярии или, того хуже, от сверхдозы атабрина?!» — подумал он. Эпплби принял в четыре раза больше таблеток атабрина, чем положено, потому что хотел быть в четыре раза лучше любого пилота в эскадрилье. Он все еще стоял с зажмуренными глазами, когда сержант Таусер легонько похлопал его по плечу и сказал, что теперь, если ему угодно, он может пройти в кабинет: майор Майор только что ушел. Эпплби снова почувствовал себя уверенно.

— Спасибо, сержант. Он скоро вернется?

— Он вернется после завтрака. Тогда вам придется сразу выйти из палатки и дожидаться его у двери, пока он не отправится на обед. Майор Майор не желает видеть никого в своем кабинете, пока он у себя в кабинете.

— Сержант, вы понимаете, что вы говорите?

— Я сказал, что майор Майор не желает видеть никого в своем кабинете, пока он в своем кабинете.

Эпплби выкатил глаза на сержанта Таусера. В голосе его появилось больше твердости.

— Сержант, вы, наверное, пытаетесь меня одурачить только потому, что я новенький в эскадрилье, а вы в Европе уже давно?

— О нет, сар, — ответил сержант почтительно. — Мне так приказано. Спросите у майора Майора, когда его увидите.

— Именно это я и собираюсь сделать, сержант. Когда я могу его увидеть?

— Никогда.

Побагровев от такого унижения, Эпплби тут же написал рапорт о Йоссариане, приложил к нему таблетки атабрина, которые Йоссариан отказался принимать, и быстро вышел. При атом Эпплби подумал, что Йоссариан, видно, не единственный психопат в офицерской форме.

Когда полковник Кэткарт повысил норму боевых вылетов до пятидесяти пяти, сержант Таусер начал всерьез подозревать, что каждый человек в военной форме — психопат. Сержант Таусер был тощим, угловатым парнем с красивыми русыми волосами, такими светлыми, что они казались вовсе бесцветными, с запавшими щеками и крупными, как лепестки большой ромашки, зубами. Он был фактически командиром эскадрильи, хотя это и не доставляло ему никакого удовольствия. Типы, подобные Заморышу Джо, пылали к нему ничем не обоснованной ненавистью, а Эпплби, дороживший своей репутацией пилота-сорвиголовы и непобедимого игрока в настольный теннис, затаил против него мстительное чувство. Сержант Таусер командовал эскадрильей, потому что больше никто ею не командовал. Военное дело и карьера очень мало его интересовали. Больше всего его интересовали керамика и антикварная мебель.

Почти не отдавая себе в этом отчета, сержант Таусер, как и Йоссариан, привык говорить о покойнике в палатке Йоссариана. На самом деле никакого покойника не существовало. Речь шла о пилоте, который был прислан в порядке замены и убит в бою, прежде чем успел официально

доложить о своем прибытии для прохождения службы. Он зашел в оперативное отделение спросить, как пройти в штаб, и тут же был послан на задание, ибо большинство летчиков уже налетало свои тридцать пять боевых заданий, что тогда считалось нормой. Капитаны Пилтчард и Рен испытывали трудности с комплектованием экипажей в том количестве, в каком этого требовал штаб полка. Поскольку формально лейтенант не поступал в распоряжение эскадрильи, то формально его нельзя было и отчислить, и сержант Таусер чувствовал, что переписка касательно этого бедняги будет разбухать до бесконечности.

Фамилия лейтенанта была Мадд. Сержанту Таусеру, не терпевшему ни насилия, ни пустых затрат, казалось возмутительной расточительностью доставлять воздушным путем человека через океан только для того, чтобы его разнесло в клочья над Орвьетто менее чем через два часа после прибытия в часть. Никто не мог припомнить, что это был за человек и как он выглядел, и меньше всего это могли сказать капитаны Пилтчард и Рен, которые помнили только, что вновь прибывший офицер показался в палатке оперативного отделения в самое время, чтобы не опоздать на свидание со смертью. Оба капитана

чувствовали себя неловко, и, когда заходил разговор о покойнике в палатке Йоссариана, слегка краснели. Хорошо рассмотреть Мадда смогли только те, кто летел с ним в одной машине, но их тоже разнесло в клочья.

Только Йоссариан знал точно, что представлял собой этот Мадд. Мадд был неизвестным солдатом, которому не повезло, ибо единственное, что известно о неизвестных солдатах, — это то, что им не повезло. Им было суждено погибнуть. И этот погибший был действительно неизвестен, хотя его пожитки лежали кучей на койке в палатке Йоссариана, почти в том же виде, как их бросил три месяца назад вновь прибывший пилот в тот день, когда он официально еще не прибыл в эскадрилью. Уже тогда эти вещи были пронизаны тлетворным запахом смерти, через два часа этот дух стал сильнее, а на следующей неделе, во время великой осады Болоньи, висевший в воздухе влажный туман вонял серой, плесенью и смертью, пропитывая каждого, кто готовился к вылету.

Избежать участия в налете на Болонью было невозможно: полковник Кэткарт заявил, что его полк добровольно берется разбомбить склады боеприпасов в Италии, поскольку для тяжелых

бомбардировщиков, летающих на большой высоте, эта задача оказалась непосильной. Операция откладывалась со дня на день, и с каждым днем усиливалась смертная тоска.

Мрачные предчувствия переходили в прочную уверенность. Цепкий, непреодолимый страх перед верной смертью расползался по эскадрилье, как заразная болезнь, а дождь все лил и лил, и казалось, он протекает в души пилотов, разъедая их самообладание. От каждого разило формалином. И некуда было обратиться за помощью, даже санчасть по приказу подполковника Корна была закрыта, чтобы никто не мог сказаться больным, как это случилось в один прекрасный день, когда всех пробрал какой-то загадочный эпидемический понос и командованию пришлось отменить полеты. На сей раз дверь санчасти была наглухо закрыта, жалобы на болезни не принимались. Когда дождь ненадолго прекращался, доктор Дейника влезал на свою высокую табуретку и безмолвно и безучастно выслушивал разнообразные жалобы, за которыми таился страх. Он сидел на своем табурете, похожий на нахохлившуюся сову, а над ним, над закрытой дверью, висела прицепленная капитаном Блэком зловещая надпись. Капитан Блэк считал, что это шутка,

но Дейника не стал снимать плакатик как раз потому, что не видел в нем ничего смешного. Надпись, обведенная черной рамкой, гласила: «Закрыто по случаю смерти в семье. Об открытии будет сообщено особо».

Страх витал и в эскадрилье Данбэра. Данбэр с любопытством заглянул в палатку санчасти, где царил полумрак, и заметил неясный силуэт доктора Стаббса, который сидел в палатке перед бутылкой виски и пузатым графином с питьевой водой.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он уважительным тоном: надо же было с чего-то начать разговор.

— Скверно, — ответил доктор Стаббс.

— А что вы здесь делаете?

— Сижу.

— Я полагаю, больных нет?

— Нет.

— Тогда зачем же вы тут сидите?

— А где мне сидеть? В этом проклятом офицерском клубе с полковником Кэткартом и Корном? Вы знаете, что я здесь делаю?

— Сидите.

— Я имею в виду, что я делаю в эскадрилье, а не в санчасти. Вы лучше не умничайте, а по-

пробуйте сообразить, что может делать доктор в эскадрилье.

— Во всех других эскадрильях санчасти наглухо заколочены, — заметил Данбэр.

— Если хоть один больной войдет ко мне, я освобожу его от полетов, — поклялся, доктор Стаббс. — И плевал я на всякие указания свыше.

— Вы не имеете права никого освобождать от полетов, — напомнил Данбэр. — Разве вы не знаете приказа?

— А я всажу ему укол в мягкое место и все равно освобожу от полетов, — саркастически расхохотался доктор Стаббс, заранее радуясь такому обороту дела. — Они думают, что могут запретить людям жаловаться на болезни, мерзавцы!

— Ух, опять какой пошел…

Снова зарядил дождь, сначала он зашуршал в листве, потом забарабанил по грязным лужам, застучал по крыше палатки.

— Все промокло, — сказал доктор Стаббс с отвращением. — Все выгребные ямы в лагере переполнены водой, к уборным не подойдешь. Весь мир, будь он проклят, провонял, как морг.

Они замолчали. Со стороны казалось, что они никогда уже больше не раскроют рта. Спустилась ночь. С необычайной остротой они ощутили свою

отчужденность от всего мира.

— Включите свет, — предложил Данбэр.

— Здесь нет света. Мне не хочется пускать движок. Знаете, больше всего я радуюсь, когда спасаю человеку жизнь. И вот что мне интересно: какой, черт побери, смысл их лечить, если им все равно так или иначе суждено погибнуть?

— Смысл есть, не сомневайтесь, — заверил его Данбэр.

— Есть смысл? Так в чем он?

— Смысл в том, чтобы как можно дольше не дать им умереть.

— Да, но каков все-таки смысл их лечить, если им все равно придется умереть?

— Вся штука в том, чтобы вообще об этом не думать.

— Штука штукой, а в чем же, черт побери, смысл?

Данбэр секунду поразмыслил и сказал:

— Дьявол его знает.

Казалось бы, ожидание предстоящего налета на Болонью должно было чрезвычайно радовать Данбэра, ибо минуты текли, как недели, а часы тянулись, как столетия. А вместо этого минуты ожидания казались ему пыткой, потому что он знал, что, скорее всего, живым ему не вернуться.

— Вам действительно нужен еще кодеин? — спросил доктор Стаббс.

— Да. Для моего друга Йоссариана. Он уверен, что живым ему не вернуться.

— Йоссариана? Это еще кто такой? Что это еще за дурацкая фамилия? Это не тот ли, что надрызгался вчера вечером в офицерском клубе и затеял драку с подполковником Корном?

— Он самый. Ассириец.

— А-а, этот сумасшедший мерзавец.

— Не такой уж он сумасшедший, — сказал Данбэр. — Он поклялся, что не полетит на Воловью.

— Вот его я и имею в виду, — ответил доктор Стаббс. — Может быть, этот сумасшедший мерзавец — единственное разумное существо среди нас.

11. Капитан Блэк

Первым об этом узнал капрал Колодный, принявшие телефонограмму из штаба авиаполка. Новость потрясла его настолько, что он тут же на цыпочках пересек палатку разведотдела и испуганным шепотом передал сообщение капитану Блэку. Тот мирно клевал носом, положив на стол голенастые ноги.

Капитан Блэк вспыхнул, подобно магнию.

— Болонья? — закричал он в полном восторге. — Великолепно, будь я проклят? — Он громко расхохотался. — Неужто Болонья? — Он снова засмеялся и затряс головой в радостном изумлении. — Ну, парень, мне просто не терпится увидеть морды этих мерзавцев, когда они услышат, что им лететь на Болонью. Ха-ха-ха!

С тех пор как майор Майор обвел его вокруг пальца и получил должность командира эскадрильи, капитан Блэк впервые смеялся так весело и так искренне. Сдерживая ликование, он неторопливо вышел из-за стола и подошел поближе к барьеру: ему хотелось получить максимум удовольствия при виде летчиков, когда они придут за комплектами карт и узнают, что их ждет.

— Да, да, субчики, вы не ослышались — Болонья! — отвечал он пилотам, которые недоверчиво переспрашивали, действительно ли их ждет Болонья. — Ха-ха-ха! Язви вас в печенку, мерзавцы! Ну теперь-то вы влипли.

Капитан Блэк вышел из палатки, желая насладиться тем эффектом, который произведет новость на всех офицеров и сержантов. Они уже собрались со своими бронекостюмами у четырех грузовиков, стоявших в центре расположения эскадрильи.

Капитан Блэк был высокий, поджарый, унылый, апатичный и раздражительный человек. Он брил свое бледное, заостренное книзу лицо раз в три-четыре дня, и, как правило, над его верхней губой торчала рыжевато-золотистая щетина. Сцена, разыгравшаяся у входа в палатку, не обманула его лучших ожиданий. Все лица вокруг разом одеревенели. Капитан Блэк плотоядно ухмылялся, приговаривая: «Язви вас в печенку!»

После гибели над Перуджей майора Дулута, когда капитан Блэк чуть было не занял место командира, приказ о налете на Болонью оказался самым праздничным событием в его жизни. Получив известие о гибели майора Дулута, капитан Блэк едва не запрыгал от радости. Хотя прежде он никогда всерьез не задумывался о возможности стать строевым командиром, теперь он сразу сообразил, что по логике вещей именно ему предназначено стать преемником майора Дулута. В эскадрилье он занимался такой тонкой работой, как разведка, и, следовательно, считал себя самым проницательным человеком во всей части. Правда, в отличие от майора Дулута и командиров других эскадрилий, капитан Блэк не участвовал в боевых операциях, но зато в его пользу можно было привести другой, довольно

веский аргумент: поскольку его жизнь не подвергалась опасности, он мог занимать свой пост столь долго, сколь родина нуждалась в его услугах. Чем больше капитан Блэк размышлял над этим, тем более неизбежным казалось ему новое назначение. Требовалось только, чтобы кто-то быстренько замолвил за него нужное словцо в нужном месте. Он поспешил к себе в кабинет, чтобы наметить план действий. Усевшись на вращающемся стуле, забросив ноги на стол и смежив веки, он дал волю воображению: он видел себя в роли командира эскадрильи, и зрелище это было прекрасно!

Капитан грезил, а полковник Кэткарт действовал, и капитан Блэк был потрясен скоростью, с которой, как казалось ему, майор Майор обвел его вокруг пальца.

Узнав о назначении майора Майора, Блэк был не только ошарашен, но и глубоко уязвлен и не пытался этого скрыть. Когда его друзья, офицеры административной службы, выразили удивление по поводу того, что выбор полковника Кэткарта пал на майора Майора, капитан Блэк невнятно пробормотал, что вообще в части происходят занятные вещи. Затем офицеры стали строить догадки, имеет ли политическое значение сходство

майора Майора с Генри Фонда, и капитан Блэк заявил, что майор Майор на самом деле и есть не кто иной, как Генри Фонда. А на замечание друзей насчет некоторых странностей майора Майора капитан Блэк объявил, что майор Майор — коммунист.

— Они просачиваются повсюду! — провозгласил капитан Блэк воинственно. — Вы, друзья, если желаете, можете сидеть сложа руки и заниматься попустительством. Но я не намерен сидеть сложа руки. Отныне я заставлю каждого сукина сына, который переступит порог разведотдела, подписать «присягу о лояльности». Но этому мерзавцу майору Майору я подписать не дам, даже если он этого очень захочет.

На следующее утро славный крестовый поход за принятие «присяги, о лояльности» был в полном разгаре. Во главе его, охваченный энтузиазмом, стоял капитан Блэк. Идея оказалась действительно плодотворной. Весь сержантский и офицерский состав должен был подписать одну «присягу о лояльности» перед получением планшеток из разведотдела, другую — перед получением на стаде бронекостюмов и парашютов. Третью «присягу о лояльности» нужно было принести лейтенанту Балкинктону, начальнику

автороты, чтобы получить разрешение на проезд в грузовике от палаточного городка до летнего поля. «Присяга о Лояльности» подстерегала людей за каждым углом. Ее приходилось подписывать, чтобы получить денежное довольствие в финчасти или летный паек. Даже стрижка и бритье у парикмахера-итальянца не обходились без этой процедуры. Каждый офицер, поддержавший славный крестовый поход, как бы соперничал с капитаном Блэком в патриотизме. И капитан сутки напролет ломал себе голову, как превзойти прочих. В преданности родине он не желал знать себе равных. Когда другие офицеры, следуя его примеру, составили свои «присяги о лояльности», он пошел еще дальше и заставил каждого сукина сына, который приходил к нему в разведотдел, подписывать по две «присяги о лояльности», затем по три, а потом и по четыре. Вскоре он ввел новшество — подписывать «присягу о лояльности» с последующим исполнением «Звездного флага». Сначала пели хором по одному разу, затем по два, по три и, наконец, по четыре раза. Стоило капитану Блэку оставить своих соперников позади, как он презрительно отчитывал их за то, что они не следуют его примеру. А когда они следовали его примеру, он умолкал и ломал

голову над новыми стратегическими планами, дабы снова получить возможность презрительно отчитывать своих сослуживцев за отставание.

Не понимая, как все это могло случиться, летный состав эскадрильи вдруг обнаружил, что офицеры административной службы, призванные обслуживать летный состав, вдруг подмяли его под себя. Изо дня в день пилотов запугивали, оскорбляли, изводили и шпыняли. Когда они осмеливались протестовать, капитан Блэк отвечал, что лояльный гражданин не должен возражать против принятия «присяги о лояльности». Каждому, кто ставил под сомнение эффективность «присяги о лояльности», он отвечал, что человек, поклявшийся в верности своей родине, обязан с гордостью присягать столько раз, сколько от него потребуют. А тем, кто ставил под вопрос нравственную сторону дела, он отвечал, что «Звездный флаг» — величайшее музыкальное произведение всех времен. Чем больше «присяг о лояльности» подписал человек, тем более он лоялен, — для капитана Блэка это было ясно как божий день. И он заставлял капрала Колодного с утра до ночи проставлять под присягами «Капитан Блэк» на тот случай, если потребуется доказать, что он — самый лояльный

гражданин во всей эскадрилье.

— Главное — заставить присягать их без передышки, — объяснял он своей когорте. — Вникают они в смысл присяги или нет, не имеет значения. Ведь заставляют же ребятишек присягать на верность, когда они даже не знают, что такое присяга и верность.

Капитану Пилтчарду и капитану Рену славный крестовый поход за принятие «присяги о лояльности» был нужен, как собаке пятая нога, ибо эти процедуры до предела усложняли комплектование экипажей перед боевыми вылетами. Вся эскадрилья с утра до вечера занималась присяганием, подписанием и хоровым пением, и теперь, чтобы отправить самолет на задание, требовалось намного больше времени, чем прежде. Срочные боевые вылеты стали вообще невозможны, но оба капитана, Пилтчард и Рен, были слишком робки, чтобы дать отпор капитану Блэку, рьяно и неукоснительно проводившему в жизнь доктрину «каждодневного подтверждения». Эта лично им изобретенная доктрина имела целью выявить и изловить всякого, кто утратил лояльность за день, истекший с момента подписания предыдущей «присяги о лояльности». Видя, как капитаны Пилтчард и Рен мечутся в

поисках выхода из труднейшей ситуации, капитан Блэк решил помочь им советом. Он явился к ним во главе делегации единомышленников и сухо предложил, чтобы, прежде чем давать разрешение на вылет, они сами заставляли каждого подписывать «присягу о лояльности».

— Разумеется, как хотите, — подчеркнул капитан Блэк, — никто не собирается на вас давить. Но учтите, командиры других эскадрилий заставляют всех принимать «присягу о лояльности», и ФБР может показаться, что вам двоим просто наплевать на свою родину, раз вы не считаете нужным требовать от подчиненных принятия присяги. Ну что ж, если вы не боитесь скверной репутации — дело ваше, других это не касается. Нам хотелось только помочь вам.

Милоу подобные разговоры не убедили, и он категорически отказался не кормить майора Майора, даже если майор Майор и коммунист, в чем, правда, Милоу в глубине души сомневался. Милоу по своей натуре был противником любых нововведений, которые угрожали нормальному ходу деловых операций. Он твердо стоял на своих позициях и наотрез отказался принимать участие в великом крестовом походе за принятие «присяги о лояльности». Капитан Блэк пожало-

вал к нему во главе целой делегации.

— Национальная оборона — наше общее дело, — сказал капитан Блэк в ответ на возражения Милоу. — Вся эта программа добровольная, не забудьте это, Милоу. Летчики не обязаны, если они не желают, принимать «присягу о лояльности». Но вы, Милоу, можете нам помочь, если начнете морить голодом тех, кто увиливает от принятия присяги. Это вроде «уловки двадцать два». Понимаете? Надеюсь, вы не против «уловки двадцать два»?

Доктор Дейника был тверд, как кремень:

— Почему вы так уверены, что майор Майор — коммунист?

— Потому что никто не слышал, чтобы он это отрицал, пока мы не обвинили его в принадлежности к коммунистической партии. И. пока что никем не замечено, чтобы он подписал хоть одну из наших «присяг о лояльности».

— Так вы же ему и не предлагали.

— Конечно, не предлагали, — ответил капитан Блэк и пояснил: — Тогда бы весь наш крестовый поход пошел насмарку. Послушайте, если вы не хотите, вы не обязаны сотрудничать с нами. Но подумайте, что получается: мы будем стараться изо всех сил, а вы, как только Милоу почти умо-

рит голодом майора Майора, начнете оказывать командиру эскадрильи медицинскую помощь? Интересно, что подумают в штабе полка о человеке, который подрывает всю нашу программу обеспечения безопасности? Скорее всего, вас переведут на Тихий океан.

Доктор Дейника поспешно капитулировал:

— Ладно. Я скажу Гэсу и Уэсу, и они сделают все, что вы пожелаете.

В штабе авиаполка полковник Кэткарт не без удивления наблюдал за тем, что происходит в эскадрилье.

— Весь шум поднял этот идиот Блэк в угаре патриотизма, — доложил Кэткарту подполковник Корн с улыбкой. — Думаю, вам стоило бы ему малость подыграть: ведь именно вы назначили майора Майора командирам эскадрильи.

— Нет уж, это была ваша идея, — возразил полковник Кэткарт оскорбленным тоном. — И прошу на меня не наговаривать.

— Кстати, это была весьма неплохая идея, — ответил подполковник Корн. — Тем самым мы избавились от одного лишнего майора в эскадрилье: он был у вас как бельмо на глазу. Не беспокойтесь, полковник, все скоро войдет в свою колею. Наша задача номер один — направить ка-

питану Блэку письмо с выражением полнейшей поддержки. Будем надеяться, что он выдохнется прежде, чем успеет серьезно навредить. — И тут подполковника Корна осенило: — Послушайте, вы не допускаете, что этот безумец постарается вытряхнуть майора Майора из его трейлера?..

— Наша задача номер два заключается в том, чтобы вытурить майора Майора из его трейлера, — решительным тоном заявил капитан Блэк. — Я бы с удовольствием выгнал вон его жену и детей, но это не в моих силах: у него нет жены и детей. Поскольку мы можем делать только то, что мы можем делать, — вытурим его самого. Кто ведает размещением людей в палатках?

— Он сам.

— Вот видите! — закричал капитан Блэк. — Коммунисты просочились повсюду! Ну нет, я этого терпеть не намерен! Я доложу самому майору де Каверли! Я заставлю Милоу поговорить с майором, как только он вернется из Рима!

Капитан Блэк питал безграничную веру в мудрость, власть и справедливость майора де Каверли, хотя сам он с ним никогда не говорил: на это у него не хватало смелости. Поэтому он поручил Милоу вести переговоры с майором де Каверли и нетерпеливо дожидался, когда этот

штабной офицер вернется из Рима. Вместе со всей эскадрильей капитан Блэк относился с глубоким почтением и благоговейным трепетом к величественному седовласому майору де Каверли с лицом, будто высеченным из камня, и осанкой Иеговы.

Наконец майор де Каверли вернулся из Рима. Он вернулся с поврежденным глазом, прикрытым кусочком целлулоида, и одним ударом прикончил славный крестовый поход. Майор де Каверли вошел в столовую, преисполненный сурового достоинства. Когда он обнаружил, что на его пути к завтраку стоит стена офицеров, дожидающихся своей очереди, чтобы подписать «присягу о лояльности», единственный глаз майора свирепо сверкнул. В дальнем конце зала, у буфетной стойки, офицеры, пришедшие в столовую несколько раньше, держали в одной руке на весу подносы с тарелками, а другой отдавали честь флагу, перед тем как получить разрешение сесть за стол. А за столами группа, прибывшая еще раньше, распевала хором «Звездный флаг», дабы получить допуск к соли, перцу и горчице. Гул голосов начал медленно стихать, когда озадаченный майор де Каверли, заметив нечто из ряда вон выходящее, застыл в дверях и неодоб-

рительно нахмурился. Он решительно двинулся вперед, глядя прямо перед собой, и стена офицеров расступилась перед ним, как Красное море перед пророком Моисеем. Ни на кого не глядя, он железным шагом прошествовал к раздаточному окну и громким голосом, в котором слышались старческая хрипотца и древнее аристократическое происхождение, властно произнес:

— Па-апрашу пожрать!

Вместо того, чтобы тут же удовлетворить это требование, майору подали на подпись «присягу о лояльности». Поняв, что ему предлагают, майор де Каверли с величественным негодованием смахнул бумажку со стола. Его здоровый глаз ослепительно вспыхнул от ярости и презрения, а морщинистое стариковское лицо потемнело от неописуемого гнева.

— Па-апрашу пожрать. Слышите? — рявкнул он. Голос его прокатился по притихшей столовой, как эхо дальнего грома.

Капрал Снарк побледнел и затрепетал. Он посмотрел на Милоу, моля о помощи. Несколько ужасных мгновений в столовой стояла могильная тишина. Затем Милоу утвердительно кивнул головой:

— Дайте ему поесть.

Капрал Снарк начал передавать майору де Каверли тарелку за тарелкой. Майор де Каверли с полным подносом в руках повернул от раздаточного окошка и вдруг остановился, заметив группу офицеров, уставившихся на него с безмолвной просьбой во взоре. Голосом, полным праведного гнева, майор де Каверли прогремел:

— Дать всем пожрать!

— Дать всем пожрать, — как эхо, откликнулся Милоу с радостным облегчением, и славный крестовый поход за принятие «присяги о лояльности» на этом закончился.

Капитан Блэк был глубоко огорчен таким предательским ударом в спину, да еще от столь высокопоставленного человека, на поддержку которого он так рассчитывал. Майор де Каверли обманул его надежды.

— О, меня это нисколько не волнует, — весело отвечал капитан Блэк каждому, кто приходил к нему со словами утешения. — Мы свою задачу выполнили. Нашей целью было добиться, чтобы нас боялись те, кого мы не любим, и открыть людям глаза на опасность, которую представляет собой майор Майор. И мы, безусловно, добились и того, и другого. Мы и не собирались давать майору на подпись «присягу о лояльности», поэтому

вовсе не важно, получили мы от него эту подпись или нет.

Глядя, как все, кого он не любит в эскадрилье, напуганы жуткой и бесконечной великой осадой Болоньи, капитан Блэк с щемящей тоской в груди припоминал старое доброе время своего крестового похода за принятие «присяги о лояльности», когда он был большим человеком, когда даже такие шишки, как Милоу Миндербиндер, доктор Дейника и Пилтчард с Реном, трепетали при его приближении и валялись у него в ногах.

Желая доказать новичкам, что он когда-то был большим человеком, капитан Блэк постоянно носил при себе благодарственное письмо от полковника Кэткарта.

12. Болонья

Фактически не капитан Блак, а сержант Найт дал толчок чудовищной панике. Услыхав о том, что цель — Болонья, он молча спрыгнул с грузовика и побежал получать дополнительно еще два летных бронекостюма. За ним следом на парашютный склад устремились остальные. Первые шли гуськом, понурив головы, но уже через несколько минут вся эскадрилья, как обезумевшее стадо, мчалась за дополнительными

бронекостюмами.

— Эй, что происходит? — нервно спросил Малыш Сэмпсон. — Неужели над Болоньей придется так туго?

Нейтли, сидевший на полу грузовика в состоянии, близком к трансу, нахмурился, уткнул лицо в ладони и ничего не ответил.

Сержант Найт создал панику, но нервотрепка еще больше усилилась оттого, что вылет несколько раз откладывался. Когда летчики уже рассаживались по машинам, прибыл джип и привез сообщение, что в Болонье идет, дождь и вылет временно отменяется. На Пьяносе тоже шел дождь. Вернувшись в расположение эскадрильи, летчики столпились под навесом у палатки разведотдела и до самого вечера тупо глазели на карту, где четко выделялась линия фронта. Разговор был один — о том, что спасения, как ни крути, ждать неоткуда. Узкая красная тесьма, прикнопленная к карте материка, наглядно подтверждала. что сухопутные силы в Италии застряли в сорока двух милях к югу от объекта атаки. Быстро преодолеть это расстояние и захватить город танки и пехота были не в состоянии. Ничто не могло спасти эскадрилью на Пьяносе от налета на Болонью. Капкан захлопнулся.

Оставалась единственная надежда на то, что дождь никогда не прекратится, но его была слабая надежда: все понимали, что дождь рано или поздно кончится. Правда, когда кончался дождь на Пьяносе, лило в Болонье. Когда переставало лить в Болонье, возобновлялся дождь на Пьяносе. Когда дождя не было ни там, ни тут, начинали происходить странные, необъяснимые вещи, такие, например, как эпидемия диарреи или таинственное изменение линии фронта на карте.

В течение первых шести дней людей четырежды собирали, инструктировали и отсылали обратно. Однажды уже поднялись в воздух и построились в боевые порядки, но с командно-диспетчерского пункта приказали идти обратно на посадку. Чем дольше лил дождь, тем сильнее все взвинчивались. Чем сильнее взвинчивались, тем горячее молились, чтобы дождь не переставал. Всю ночь напролет люди смотрели в небо и приходили в отчаяние, когда проглядывали звезды. Весь день напролет они изучали изгибы линии фронта на большой карте Италии. Карта болталась на фанерном стенде и надувалась от ветра, как парус. Когда начинался дождь, стенд переставляли под навес палатки разведотделения. Алая сатиновая ленточка обозначала передовые

позиции союзнических сухопутных войск на всем итальянском материке.

Наконец как-то утром дождь сразу кончился — и на Пьяносе, и в Болонье. Взлетная полоса стала подсыхать. Чтобы затвердеть, ей требовались полные сутки. Небо оставалось безоблачным. Нервное напряжение, в котором находились летчики, перешло в ненависть. Сначала возненавидели пехоту за то, что у нее не хватает силенок захватить Болонью. Затем возненавидели линию фронта как таковую. Часами летчики простаивали у карты, не сводя глаз с красной сатиновой тесьмы, люто ненавидя ее за то, что она не поднимается и не захватывает Болонью. Когда наступила ночь, они собрались у стенда, и кошмарное бдение продолжалось при свете карманных фонарей. Люди сверлили линию фронта глазами, полными тоски, как будто надеялись, что от их молитв тесьма сама по себе продвинется к северу.

— Я отказываюсь в это поверить! — удивленно-протестующе воскликнул Клевинджер, обращаясь к Йоссариану. — Это возврат к древним суевериям! Они, кажется. действительно верят, что, если кто-нибудь среди ночи подойдет на цыпочках к карте и перенесет тесемку за Болонью,

мы не полетим завтра на задание. Представляешь себе? Это все равно, что стучать по деревяшке или скрещивать пальцы на счастье. Мы с тобой здесь единственные, кто не сошел с ума.

Среди ночи Йоссариан постучал по деревяшке, скрестил на счастье пальцы и вышел на цыпочках из палатки, чтобы перенести алую тесьму за Болонью.

На следующий день рано утром капрал Колодный прокрался на цыпочках в палатку капитана Блэка. влез под москитную сетку и принялся трясти капитана аа потное, костлявое плечо, покуда тот не открыл глаза.

— Зачем вы меня разбудили? — простонал капитан Блэк.

— Взяли Болонью, сэр, — сказал капрал Колодный. — Я думал, вам будет интересно узнать. Вылет отменяется?

Капитан Блэк сел на койке и принялся неторопливо скрести свои худые длинные ляжки. Вскоре он оделся я вышел из палатки, алой и небритый. Небо было ясным и теплым. Капитан Блэк равнодушно взглянул на карту: сомнений не было — Болонью взяли.

В палатке разведотделения капрал Колодный уже изымал карты Болоньи из штурманских

планшеток. Капитан Блэк сел, звучно зевнул, закинул ноги на стол и позвонил подполковнику Корну.

— Зачем вы меня разбудили? — простонал подполковник Корн.

— Ночью взяли Болонью, сэр. Как вылет, отменяется?

— О чем вы толкуете, Блэк? Почему вылет отменяется?

— Потому что захватили Болонью, сэр. Разве не следует отменить вылет?

— Конечно, надо отменить. Не бомбить же своих.

— …Зачем вы меня разбудили? — простонал полковник Кэткарт в ответ на звонок Корна.

— Взяли Болонью, — сообщил подполковник Корн. — Я думал, вам будет интересно узнать.

— Кто взял Болонью?

— Мы.

Полковник Кэткарт был вне себя от радости, поскольку он тем самым освобождался от нелегкого обязательства разбомбить Болонью и при этом нисколько не страдала его репутация героя, которую он заработал, когда добровольно вызвался послать своих людей бомбить город.

Генерал Дридл тоже был доволен взятием Бо-

лоньи, хотя и обозлился на полковника Модэса, разбудившего его, чтобы сообщить эту новость. В штабе армии были тоже довольны и решили наградить медалью офицера, взявшего город.

Поскольку офицера, взявшего город, не существовало, медалью наградили генерала Пеккема: он сам попросил себе медаль, ему давно хотелось ее нацепить.

Как только генерал Пеккем нацепил медаль, он начал требовать, чтобы перед ним ставили еще более ответственные задачи. Генерал Пеккем предложил, чтобы все боевые соединения на данном театре военных действий были переданы в распоряжение Корпуса специальной службы под командованием самого генерала Пеккема[11].

«Если уж бомбежка вражеских позиций не является задачей специальной службы, то я тогда вообще не знаю, для чего на свете существует Корпус специальной службы», — частенько размышлял он вслух со страдальческой улыбкой борца за правду; улыбка эта была его верным союзником в каждом споре.

Выразив вежливое сожаление, он отклонил предложение занять строевую должность пол командованием генерала Дридла.

— Выполнять боевые задания для генерала

Дридла — это не совсем то, что я имею в виду, — объяснял он снисходительно, с мягкой улыбкой. — Я, скорее, имел в виду некоторым образом заменить генерала Дридла или, скажем, стать несколько выше генерала Дридла, с тем, чтобы осуществлять общее руководство деятельностью не только генерала Дридла, но и деятельностью многих других генералов. Дело в том, что я, видите ли, наделен ярко выраженным административным талантом. Я обладаю счастливой способностью приводить самых различных людей к общему мнению.

— Он обладает счастливой способностью приводить самых различных людей к общему мнению о том, что он круглый идиот, — доверительно поведал полковник Карджилл экс-рядовому первого, класса Уинтергрину в надежде, что тот распространит эту нелестную оценку по всему штабу двадцать седьмой воздушной армии. — Если кто-то и заслуживает назначения на эту строевую должность, так это я. Кстати, это я надоумил генерала выклянчить себе медаль.

— А вы действительно рветесь в бой? — поинтересовался Уинтергрин.

— В бой? — ужаснулся полковник Карджилл. — Что вы?! Нет, нет, вы меня не поняли. Разумеется,

я ничего не имею против того, чтобы лично участвовать в бою, но я, видите ли, наделен ярко выраженным административным талантом. Я тоже обладаю счастливой способностью приводить самых различных людей к общему мнению.

— Он тоже обладает счастливой способностью приводить различных людей к общему мнению, что он — круглый идиот, — со смехом поведал Йоссариану Уинтергрин, когда прибыл на Пьяносу, чтобы выяснить, верны ли слухи насчет Милоу и египетского хлопка. — Если уж кто-нибудь и заслуживает повышения, так это я.

И действительно, не успели его перевести писарем в штаб двадцать седьмой воздушной армии, как он перемахнул через несколько ступеней лестницы чинов и званий и превратился в экс-капрала. Потом уж за громогласные и нелестные замечания в адрес вышестоящих офицеров его разжаловали в рядовые. Звучный титул экс-капрала вскружил ему голову, он почувствовал себя еще увереннее и воспылал честолюбивым желанием добиться большего.

— Не хочешь ли приобрести у меня партию зажигалок? — спросил он Йоссариана. — Украдены прямо у квартирмейстера.

— А Милоу знает, что ты продаешь зажигалки?

— Его это теперь не волнует. Насколько я знаю, Милоу сейчас не занимается зажигалками.

— Очень даже занимается, — сказал Йоссариан. — Только его зажигалки не краденые.

— Ты так думаешь? — ответил Уинтергрин, презрительно хмыкнув. — Я продаю свою по доллару за штуку, а он — почем?

— Доллар и один цент.

Экс-рядовой первого класса Уинтергрин победоносно заржал.

— Во всем я затыкаю его за пояс, — злорадно заявил он. — Послушай-ка, а что там говорят насчет египетского хлопка, который он не знает, куда девать? Сколько он закупил его?

— Весь.

— Со всего белого света? — воскликнул Уинтергрин, хищно блеснув глазами. — Ну и кретин! Ты ведь был вместе с ним в Каире. Почему же ты его не отговорил?

— Я? — Йоссариан пожал плечами. — Я не имею на него никакого влияния. Во всем виноваты телетайпы, которые у них стоят в хороших ресторанах. Милоу прежде никогда не видел биржевого телетайпа. И вот, когда мы сидели в ресторане, поползла лента с сообщением о египетском хлопке. Милоу тут же попросил метрдотеля объяснить

ему, что это такое. «Египетский хлопок? — улыбнулся Милоу. — Почем же продают египетский хлопок?» А потом взял да и купил весь урожай. А теперь не может продать ни клочка.

— Милоу не хватает смекалки. Я могу сбыть огромное количество хлопка на черном рынке.

— Милоу без тебя знает, какова ситуация на черном рынке. Там нет спроса на хлопок.

— Но там есть спрос на предметы медицинского снабжения. Можно накрутить на деревянную зубочистку клочок хлопка и продавать в розницу под видом стерильных тампонов. Он согласится продать мне хлопок, если я дам хорошую цену?

— Он не продаст тебе хлопок ни за какие деньги, — ответил Йоссариан. — Он на тебя здорово обижен за то, что ты пытаешься с ним конкурировать. И вообще он на всех обижен, в прошлую субботу всех прохватил понос, и теперь его столовую клянут на чем свет стоит. — Вдруг Йоссариан схватил Уинтергрина за руку: — Послушай, ты можешь нам помочь. Не подделаешь ли ты, на вашем штабном гектографе приказ об отмене налета на Болоньо?

Экс-рядовой первого класса Уинтергрин с презрением отодвинулся от Йоссариана.

— Мочь-то я могу, — пояснил он гордо, — но не

стану. Даже не заикайся.

— Почему?

— Потому что бомбить — это ваша работа. Каждый обязан заниматься своим делом. Мое дело, если удастся, — с выгодой распродать зажигалки и скупить у Милоу часть хлопка. А ваше дело — бомбить склады с боеприпасами в Болонье.

— Но мне не хочется подохнуть над Болоньей, — взмолился Йоссарнан. — Нас всех там убьют.

— Значит, так тому я быть, — ответил Уинтергрин. — В таких вопросах надо быть фаталистом. Бери пример с меня. Если мне суждено с выгодой распродать зажигалки и купить у Милоу по дешевке египетский хлопок, значит, так тому и быть. А если тебе суждено быть убитым над Болоньей, значит, будешь убит. Так что давай лети себе и погибай, как полагается мужчине. Мне больно это говорить тебе, Йоссариан, но ты превращаешься в хронического нытика.

Клевинджер согласился с экс-рядовым первого класса Уинтергрином, что долг Йоссариана — погибнуть при налете на Болонью, и побагровел от возмущения, когда Йоссариан признался, что это он передвинул на карте линию фронта и, стало быть, вылет отменили из-за него.

— А почему, черт возьми, я не должен был этого

делать? — огрызнулся Йоссариан. Чувствуя свою неправоту, он принялся ожесточенно спорить с Клевинджером.

— Ну а что же делать пехотинцам на материке? — спросил Клевинджер с такой же горячностью, как Йоссариан, — Выходит, они обязаны подставлять себя под огонь только потому, что ты не желаешь летать? Эти люди имеют полное право на поддержку с воздуха!

— Но не обязательно на мою поддержку. Им все равно, кто расколошматит склады боеприпасов.

Секунду Клевинджер сидел с таким видом, будто ему дали пощечину.

— Поздравляю! — воскликнул он с горечью и с такой силой поджал губы, что они молочно побелели. — Трудно придумать философию более приятную для противника, чем твоя.

— Противник, — возразил Йоссарнан, тщательно взвешивая каждое слово, — это всякий, кто желает тебе смерти, независимо от того, на чьей он стороне воюет. Стало быть, понятие «противник» включает в себя и полковника Кэткарта. И не забывай об этом: чем дольше будешь помнить, тем дольше проживешь.

Но Клевинджер забыл об этом и теперь был мертв. А в ту минуту Клевинджер был огорчен

спором с Йоссарианом, и Йоссариан не осмелился признаться ему в том, что, помимо всего прочего, он, Йоссариан, повинен в повальном поносе, который повлек за собой еще одну, отнюдь не вызванную военными соображениями отсрочку налета на Болонью. Милоу, чрезвычайно удрученный тем, что кто-то еще раз отравил всю эскадрилью, примчался к Йоссариану просить помощи.

— Пожалуйста, узнай у капрала Снарка, не подбросил ли он хозяйственное мыло в картофельное пюре? — попросил он шепотом. — Капрал Снарк тебе верит и скажет правду, если ты пообещаешь не проболтаться. Как только что-нибудь у него выведаешь, тут же расскажи мне.

— Ну конечно, я подбросил в картофельное пюре хозяйственное мыло, — признался капрал Снарк Йоссариану. — Ты ведь сам меня просил. Для такого дела лучше хозяйственного мыла ничего не придумаешь.

— Он клянется богом, что ничего не знает, — вернувшись к Милоу, доложил Йоссариаи. Милоу скептически скривил губы:

— Данбэр говорит, что бога нет.

Надежды не оставалось. Через неделю каждый в эскадрилье стал походить на Заморыша Джо.

Заморыш Джо не должен был лететь на Болонью и жутко вопил во сне. Джо был единственным в эскадрилье, кто в то время не страдал бессонницей. Всю ночь напролет люди, как немые привидения, бродили в потемках по дорожкам палаточного городка, попыхивая сигаретами. Днем они унылыми кучками толпились у карты, уставясь на линию фронта, или молча взирали на неподвижную фигуру доктора Дейники, сидевшего перед закрытой дверью санчасти пол страшной надписью. Они изощрялись в мрачных шутках на собственный счет и распускали чудовищные слухи об ужасах, ожидающих их на подступах к Болонье.

Однажды вечером в офицерском клубе пьяный Йоссариан бочком-бочком подобрался к подполковнику Корну и потехи ради объявил, что у немцев появились новые пушки Лепажа.

— Что это за пушки Лепажа? — полюбопытствовал подполковник.

— Новая трехсотсорокачетырехмиллиметровая клеевая пушка Лепажа, — ответил Йоссариан. — Она склеивает в воздухе целое звено самолетов.

Ошарашенный подполковник Корн резко высвободил свой локоть из цепких пальцев Йоссариана.

— Оставьте меня в покое, идиот! — исступленно заорал подполковник Корн. Он со злорадством смотрел, как Нейтли, вынырнувший из-за спины Йоссариана, оттащил Йоссариана прочь. — Кто этот лунатик?

Полковник Кэткарт довольно усмехнулся:

— Вы настояли, чтобы я наградил этого человека медалью за Феррару. А потом еще заставили произвести его в капитаны. Это послужит вам уроком.

Нейтли был легче весом, чем Йоссариан, и ему стоило большого труда дотянуть шатающегося Йоссариана через весь зал к свободному столику.

— Ты рехнулся? — испуганно шипел Нейтли. — Ведь это подполковник Корн. Ты с ума сошел!

Йоссариану хотелось выпить, и он пообещал уйти без скандала, если Нейтли принесет ему еще рюмку виски. Потом он заставил Нейтли принести еще две. Когда Нейтли в конце концов удалось заманить Йоссариана к самой двери, в клуб вошел капитан Блэк. Вода лилась по складкам его одежды, как по водосточным трубам, и он громко топал ногами, сбивая с ботинок налипшую грязь.

— Ну, черти, попались! — объявил он, ликуя, и переступил через грязную лужу, образовавшуюся

у его ног. — Только что мне звонил подполковник Корн. Вы знаете, что вас ждет в Болонье? Ха-ха! Они обзавелись новой клеевой пушкой Лепажа, она склеивает в воздухе целое звено самолетов.

— Боже мой, это правда! — взвизгнул Йоссариан и в ужасе повалился на Нейтли.

— Бога нет, — спокойно заметил Данбэр, слегка пошатываясь.

— Эй, помоги мне с ним справиться! Слышишь? Надо отвести его в палатку.

— Кто сказал?

— Я сказал. Эй, ребята, смотрите — дождь.

— Придется достать машину.

— Свистнем машину у капитана Блэка, — сказал Йоссариан, — я всегда так делаю.

— Теперь никакую машину не украдешь. С тех пор как ты начал угонять все машины подряд, никто не оставляет ключей от зажигания.

— Залезайте, — пригласил Вождь Белый Овес. Он сидел пьяный за рулем крытого джипа. Едва они набились в машину, он взял с места так резко, что все повалились назад. В ответ на их ругань Вождь разразился хохотом. Выехав со стоянки, он резко газанул и тут же врезался в насыпь на противоположной стороне дороги. Их швырнуло вперед, снова все повалились друг на друга и

опять начали поносить Вождя на чем свет стоит.

— Забыл повернуть, — объяснил он.

— Осторожней, слышишь! — предупредил Нейтли. — Ты бы лучше включил фары.

Вождь Белый Овес дал задний ход, развернул машину и на предельной скорости понесся по шоссе. Черная лента шоссе с визгом вырывалась из-под колес.

— Не так быстро, — попросил Нейтли.

— Сначала заедем в нашу эскадрилью, я помогу уложить его в постель. А потом завезете меня в мою эскадрилью.

— А ты что за гусь?

— Я — Данбэр.

— Эй, включи фары! — заорал Нейтли. — И следи за дорогой.

— Уже включил. А Йоссариан здесь? Ведь я вас, гады, только из-за Йоссариана впустил в машину. — Вождь Белый Овес повернулся всем корпусом и уставился на сидящих сзади.

— Смотри на дорогу!

— Йоссариан! Ты здесь?

— Здесь я. Вождь. Гони домой. Ну так почему вы так уверены? Вы не ответили на мой вопрос.

— Вот видите! Я говорил вам, что Йоссаркан с нами.

— Какой вопрос?

— Ну о чем мы тогда говорили.

— Что-нибудь важное?

— Не помню, важное или не важное. Сам не знаю, ей-богу.

— Бога нет.

— Во! Вот об этом мы и говорили! — закричал Йоссариан. — Ну так почему вы так уверены, что бога нет?

— Эй, а ты уверен, что у тебя действительно включены фары? — спросил Нейтли.

— Включены, включены. Что он ко мне привязался? Просто ветровое стекло забрызгано дождем, а вам там сзади кажется, что темно.

— Чудный, чудный дождь.

— Хорошо бы он никогда не кончился. Дождик, дождик, пуще… дам тебе гущи…

— Йоссариан даст ложку…

— …хлебай понемно…

Вождь Белый Овес не заметил еще одного поворота, я джип птицей взлетел вверх, по откосу. Скатившись вниз, джип завалился набок и мягко шлепнулся в грязь. Все испуганно смолкли.

— Все целы? — осведомился шепотом Вождь Белый Овес. Убедившись, что никто не пострадал, он с облегчением вздохнул. — Ну прямо беда со

мной, — сокрушался Вождь Белый Овес, — никогда я людей не слушаю. Ведь просили меня включить фары — не послушался.

— Я тебя двадцать раз просил включить фары.

— Знаю, знаю. А я не послушался. Ладно уж, был бы я пьяный. А то и выпил-то самую малость. Гляди-ка, а она не разбилась.

Вождь Белый Овес откупорил бутылку виски, отхлебнул и передал бутылку назад. Там копошилась груда тел. Каждый отхлебнул из бутылки, кроме Нейтли, который безуспешно пытался нащупать ручку дверцы. Бутылка со звоном упала ему на голову, и виски полилось за ворот. Нейтли поежился.

— Здесь протекает, — заметил он. — Я промок… Слушайте, надо же как-то выбираться отсюда. Мы здесь утонем.

— Кто-нибудь есть тут? — встревоженно спросил Клевинджер, светя фонариком откуда-то сверху.

— Ура! Клевинджер! — заорали они и попытались втащить его через окошко в машину, когда он протянул им руку помощи.

— Посмотрите на них! — с негодованием воскликнул Клевинджер, обращаясь к Макуотту, который сидел, посмеиваясь, за рулем штабной

машины. — Валяются, как пьяные свиньи. Нейтли, и вы тут? Уж вам-то должно быть стыдно! Ну-ка помогите мне вытащить их, а то, чего доброго, умрут от воспаления легких.

— А это неплохая мысль, — отозвался Вождь Белый Овес. — Я давно знаю, что умру от воспаления легких.

— Откуда вам это известно?

— А почему бы мне и не умереть от воспаления легких? — спросил Вождь Белый Овес и с удовольствием разлегся в грязи в обнимку с бутылкой виски.

— Нет, вы только посмотрите, что он делает! — рассердился Клевинджер. — Может быть, вы соблаговолите встать и сесть в машину? Надо возвращаться в эскадрилью.

— Все мы вернуться не можем. Кому-то придется остаться здесь и помочь Вождю привести в порядок машину. Ему выдали джип в гараже под расписку.

Вождь Белый Овес, довольно посмеиваясь, уселся в штабную машину.

— Это джип капитана Блэка, — торжественно объявил он. — Я свистнул его только что у офицерского клуба. Блэн думает, что потерял связку ключей, а ключики-то вот они.

— Может быть, хватит? — снова рассердился Клевинджер, когда машина тронулась. — Посмотрите на себя. Неужели вы не боитесь, что когда-нибудь, нализавшись до смерти, утонете в кювете?

— Главное, не налетаться до смерти.

— Эй, откупорь-ка, откупорь-ка, — упрашивал Макуотта Вождь Белый Овес, — и включи фары. Иначе ничего не получится.

— Доктор Дейника прав, — продолжал Клевинджер, — люди недостаточно образованны, чтобы заботиться о себе. На вас смотреть противно.

— Ладно, ты, губошлепый, вытряхивайся из машины, — приказал Вождь Белый Овес. — И вообще все вытряхивайтесь из машины, кроме Йоссариана. Йоссариан, ты где?

— Отстань от меня, — засмеялся Йоссариан, отпихивая Вождя. — Ты весь в грязи. Клевинджер взялся за Нейтли.

— А вот вы действительно меня удивляете. От вас разит виски. Вместо того чтобы уберечь Йоссариана от беды, вы напились с ним заодно. Ну а представьте себе, если бы он снова затеял драку с Эпплби? — Йоссариан хихикнул, и Клевинджер спросил тревожно: — Надеюсь, на этот раз он не подрался с Эпплби?

— На этот раз нет, — сказал Данбэр.

— Нет, на этот раз нет. На этот раз я устроил кое-что почище.

— На этот раз он подрался с подполковником Корном.

— Не может быть! — ахнул Клевинджер.

— Неужели с Корном? — восторженно воскликнул Вождь Белый Овес. — По этому поводу надо выпить.

— Но это ужасно, — с чувством произнес Клевинджер. — Скажи на милость, зачем тебе понадобилось связываться с подполковником Корном? Послушайте, что там со светом? Почему такая темень?

— Я выключил, — ответил Макуотт, — Ты знаешь, Белый Овес прав: без света лучше.

— Вы что, с ума сошли? — взвизгнул Клевинджер и подался вперед, чтобы включить фары. Он был близок к истерике. — Видишь, что ты натворил? Они стали брать пример с тебя. А что, если дождь кончится и нам завтра придется лететь на Болонью? В хорошеньком же вы будете состоянии!

— Дождь никогда не кончится. Нет, сэр, такие дождички идут до скончания века.

— Дождь кончился! — сказал кто-то, и в машине

сразу же стало тихо.

— Эх, подонки мы несчастные, — проговорил жалостно Вождь Белый Овес.

— Неужели и правда перестал? — спросил Йоссариан слабым голосом. Макуотт выключил «дворники».

Да, дождь прекратился. Небо прояснилось. Острый серп луны проглядывал сквозь редкий туман.

— Как я рад, как я рад, мы попали прямо в ад! — невесело пропел Макуотт.

— Не беспокойтесь, ребятки, — сказал Вождь Белый Овес. — Взлетную полосу так расквасило, что она завтра еще будет непригодна. А пока поле высохнет, может, глядишь, и снова дождь зарядит.

— У, проклятый, вонючий сукин сын! — вопил в своей палатке Заморыш Джо, когда они въехали в расположение эскадрильи.

— Господи Исусе, он вернулся! А я-то думал, что он еще в Риме со связным самолетом.

— У! У-у-у-у! Уууууууу! — исходил воплями Заморыш Джо.

Вождя Белый Овес передернуло.

— Этот малый вгоняет меня в дрожь, — прошипел он. — Слушай-ка, а что случилось с капитаном

Флюмом?

— О, Флюм — тот действительно заставит кого хочешь дрожать. На той неделе я встретил его в лесу. Он жрал дикую вишню. Он вовсе перестал ночевать в трейлере и стал похож на черта.

— Заморыш Джо боится, что ему придется заменить кого-нибудь из больных, хотя, правда, освобождать по болезни запрещено. Ты бы видел его в ту ночь, когда он пытался убить Хэвермейера и свалился в канаву около палатки Йоссариана!

— Уууу! — завывал Заморыш Джо. — Уууу! Уууууу!

— А это, пожалуй, хорошо, что капитан Флюм перестал ходить в столовую. Теперь мы больше не услышим его надоевшее: «Подайте мне соль, пожалуйста, Поль».

— Или «Фред, почему нет котлет?»

— Или «Пилот, передай компот».

— Убирайся вон, вон, вон! — завывал Заморыш Джо. — Говорю тебе, убирайся вон, проклятый, вонючий, паршивый сукин сын!

— Наконец-то мы узнали, что ему снится, — с кривой усмешкой заметил Данбэр. — Ему снятся проклятые, вонючие, паршивые сукины дети.

Прошло несколько часов, и той же ночью Заморышу Джо приснилось, будто кот Хьюпла спит у

него на лице и душит его, а когда Заморыш Джо проснулся, он обнаружил, что кот Хьюпла и в самом деле устроился у него на лице. Заморыш Джо забился в чудовищной истерике, пронзительный нечеловеческий вопль разорвал тишину и, подобно взрывной волне, прокатился по залитым лунным светом окрестностям. Наступила мертвая тишина, и вскоре из палатки донесся дикий грохот.

Одним из первых на шум прибежал Йоссариан. Когда он ворвался в палатку. Заморыш Джо держал в руках пистолет, пытаясь высвободиться из рук Хьюпла и пристрелить кота, который хищно фыркал и осуществлял серию блистательных отвлекающих маневров, стараясь вызвать огонь на себя и тем самым спасти Хьюпла от неминуемой смерти. Оба двуногих демонстрировали свои солдатские подштанники, а четвероногое прыгало в чем мать родила, Лампочка без абажура металась, как безумная, на длинном проводе, а черные тени скакали, кружились и плясали по стенам, отчего казалось, что вся палатка ходит ходуном. В первую секунду у Йоссариана все поплыло перед глазами, и он с трудом сохранил равновесие. Затем он одним невероятным прыжком достиг поля бор и поверг наземь всех троих участников

схватки. Потом Йоссариан вышел из палатки, держа одной рукой за шиворот Заморыша Джо, а другой, за шкирку, — кота. Заморыш Джо и кот испепеляли друг друга свирепыми взглядами. Кот осатанело фыркал на Заморыша Джо, а тот норовил нокаутировать кота прямым в челюсть.

— Леди и джентльмены, сейчас вы станете свидетелями честного спортивного поединка, — торжественно возвестил Йоссариан, и перепуганные летчики, прибежавшие на шум, с облегчением перевели дух.

— Попрошу вести бой честно, — обратился Йоссариан к Заморышу Джо и коту. — Разрешается применять кулаки, клыки и когти. Все — кроме пистолетов, — предупредил он Заморыша Джо. — И не фыркать, — сурово предупредил он кота. — Как только я вас обоих отпущу, можно начинать. В случае клинча — быстро расходиться и продолжать бой. Начали!

Толпа развеселившихся зрителей стояла вокруг, предвкушая развлечение, но едва Йоссариан отпустил кота, тот струхнул и, как последняя дворняжка, позорно бежал с поля боя. Заморыш Джо был объявлен победителем. Счастливый, с гордой улыбкой чемпиона на устах, он удалился важной походкой, выпятив хилую грудь и высоко

подняв свою похожую на печеное яблоко головку. С победоносным видом он залез под одеяло, и ему снова приснилось, будто он задыхается оттого, что на его лице свернулся клубочком кот Хьюпла.

13. Майор де Каверли

Передвижка на карте линии фронта одурачила не противника, а майора де Каверли, который упаковал свой рюкзак, взял самолет и, полагая, что Флоренция уже захвачена союзниками, направился туда, намереваясь снять две квартиры для отпускников. К тому времени, когда Йоссариан выпрыгнул из окошка кабинета майора Майора и размышлял, к кому бы обратиться за помощью, майор де Каверли еще не вернулся из Флоренции.

Майор де Каверли, блистательный старец с суровой внешностью, вызывал у окружающих благоговейный трепет. У него была массивная львиная голова и внушительная седая грива, которая, подобно снежной метели, бушевала вокруг его строгого патриаршего лица. Его обязанности как начальника штаба эскадрильи, по мнению доктора Дейники и майора Майора, ограничивались метанием подков, похищением

итальянских официантов и наймом квартир для отпускников. Со всеми тремя обязанностями он справлялся превосходно.

Когда падение таких городов, как Неаполь, Рим или Флоренция, казалось неминуемым, майор де Каверли складывал свой рюкзак, брал самолет с пилотом и улетал, не произнося при этом ни единого слова: достаточно было одного его внушительного, властного вида и мановения сморщенного пальца. Через день или два после занятия города он возвращался обратно с договорами на аренду двух просторных шикарных квартир, одна из которых предназначалась для офицеров, другая — для рядовых, причем обе были уже укомплектованы опытными поварами и разбитными горничными.

Спустя несколько дней газеты всего мира помещали фотографии первых американских солдат, прокладывающих себе путь в город сквозь руины и пожарища. С этими передовыми отрядами неизменно следовал майор де Кавер ли. Прямой, как шомпол, в раздобытом неизвестно откуда джипе, он всегда смотрел прямо перед собой. Над его головой то и дело рвались снаряды, а стройные молодые пехотинцы с карабинами перебегали по тротуарам от одного горящего здания к другому

или падали замертво в подъездах. Опасности угрожали ему со всех сторон, но он сидел в джипе с таким видом, точно был застрахован от смерти: казалось, черты его лица застыли, превратившись в свирепую царственную маску, которую узнавали и почитали все летчики эскадрильи.

Для немецкой разведки майор де Каверли являл собой мучительную загадку. Никто из сотен пленных американцев не мог сообщить ничего конкретного о престарелом, с угрожающе изогнутой бровью и пылающим, повелительным взглядом, седовласом офицере, который, как казалось, бесстрашно и успешно руководил наступлением на самых важных участках. И для американских властей майор де Каверли был таинственной фигурой. Целый полк первоклассных разведчиков был брошен на передовую с заданием установить личность этого человека, а батальон закаленных в боях офицеров по связи с прессой сутками стоял в боевой готовности, имея при себе приказ немедленно предать гласности фамилию загадочного старика, как только его удастся найти.

В Риме по части найма квартир майор де Каверли превзошел самого себя. Офицеры, прибывавшие в Рим группами по четыре-пять человек,

получали каждый по одной-две комнаты в новом белокаменном доме. На этаже имелись три просторные ванные, стены которых мерцали аквамариновыми плитками, и тощая горничная, по имени Микаэла, хихикавшая по всякому поводу, но содержавшая квартиру в образцовом порядке. Этажом ниже жили владельцы дома, державшиеся весьма подобострастно. Этажом выше — красивая богатая темноволосая графиня и ее красивая богатая темноволосая невестка.

Нижние чины — сержанты и рядовые — прибывали в Рим дюжинами, привозя с собой аппетиты Гаргантюа и тяжелые корзины, набитые консервами. Корзины вручались женщинам, которые стряпали и подавали на стол. В квартире для нижних чинов было веселее, чем у офицеров. Кроме того, там всегда хватало веселых, молодых, соблазнительных девчонок. Приводил их туда Йоссариан. Нижние чины после семидневного разгула оставляли девчонок на милость, всякому, кому они понадобятся, и возвращались со слипающимися глазами на Пьяносу. Покуда девчонки оставались в этих квартирах, у них были кров и еда. Все, что от них требовалось в обмен, — это ублажить каждого, кто их об этом попросит. И кажется, такое условие их вполне устраивало.

Несмотря на многочисленные опасности, которым майор де Каверли подвергал себя, снимая квартиры, свое единственное ранение он получил, по иронии судьбы, возглавляя триумфальное вступление в «открытый» город Рим. Его ранило в глаз цветком, который швырнул в него с близкого расстояния жалкий, хихикающий, пьяный старикашка. Сущий дьявол, со зловещим блеском в глазах, он впрыгнул в машину майора де Каверли, грубо и бесцеремонно облапил осанистую седую голову майора и, паясничая, расцеловал его в обе щеки. Изо рта его несло кислым винным духом, сыром и чесноком. Рассмеявшись пустым, дребезжащим, колючим смехом, старикашка спрыгнул с машины и скрылся в веселой, праздничной настроенной толпе.

Майор де Каверли вел себя в беде как истый спартанец. В течение всей этой сцены он не дрогнул перед лицом ужасного испытания. И только завершив все свои дела в Риме и вернувшись на Пьяносу, он обратился к врачам.

Решив по-прежнему взирать на мир двумя глзами, он приказал доктору Дейнике прикрыть его поврежденный глаз чем-нибудь прозрачным. Он хотел по-прежнему ловко метать подковы, похищать итальянских официантов и снимать

квартиры, глядя при этом в оба.

Для всей эскадрильи майор де Каверли был колоссом, но сказать ему об этом никто не осмеливался. Единственным человеком, посмевшим обратиться к майору, был Милоу Миндербиндер. На второй неделе своего пребывания в эскадрилье он подошел к площадке для метания подков, держа в руках сваренное вкрутую яйцо, которое он поднял высоко над головой, чтобы майор де Каверли мог хорошенько его рассмотреть. Майор де Каверли остолбенел от наглости Милоу и обратил против него всю силу своей устрашающей внешности: резко очерченный, тяжело нависающий, изборожденный глубокими, как канавы, морщинами, лоб, гневно торчащий, подобно огромной скале, нос. Милоу стоял на том же месте, спрятавшись за крутым яйцом. Он держал его перед собой как некий магический талисман. Через некоторое время буря начала стихать и опасность миновала.

— Что это такое? — вопросил майор де Каверли.

— Яйцо, — ответил Милоу.

— Какое яйцо? — резко спросил майор де Каверли.

— Крутое, — отетил Милоу.

— Какое еще крутое яйцо? — рявкнул майор де Каверли.

— Свежее крутое яйцо, — ответил Милоу.

— Откуда взялось это свежее яйцо? — поинтересовался майор де Каверли.

— Курочка снесла, — ответил Милоу.

— Где эта курочка? — спросил майор де Каверли.

— Курочка — на Мальте, — ответил Милоу.

— И много курочек на Мальте?

— Вполне достаточно, чтобы они несли свежие яйца для каждого офицера эскадрильи, причем яйцо обошлось бы столовой в пять центов.

— Я питаю слабость к свежим яйцам, — признался майор де Каверли.

— Если бы мне дали самолет, чтобы я мог летать раз в неделю на Мальту, я обеспечил бы всех свежими яйцами, — ответил Милоу. — В конце концов, Мальта — не так уж и далеко.

— Да, до Мальты не так уж и далеко, — заметил майор де Каверли. — Пожалуй, вы могли бы летать рай в неделю и обеспечивать всех свежими яйцами.

— Да, — согласился Милоу, — пожалуй, мог бы. Мне бы только самолет…

— Я люблю яичницу из свежих яиц, — вспом-

нил майор де Каверли, — на свежем масле.

— Свежее масло не так уж трудно закупить на Сицилии по двадцать пять центов за фунт, — ответил Милоу. — Двадцать пять центов за фунт свежего масла — это совсем недорого. У нашей столовой хватят денег и на масло. А часть масла можно с выгодой перепродать другой эскадрилье и почти полностью оправдать собственные расходы.

— Как тебя зовут, сынок? — спросил майор де Каверли.

— Меня зовут Милоу Миндербиндер, сэр. Мне двадцать семь лет.

— Ты хороший начальник столовой, Милоу.

— Благодарю вас, сэр. Сделаю все, что в моих силах, и стану хорошим начальником столовой.

— Благословляю тебя, мой мальчик. Возьми-ка подкову.

— Благодарю вас, сэр. А что мне с ней делать?

— Метнуть.

— Метнуть подальше?

— Вон на тот колышек. А потом подбери ее и метни на этот. Это такая игра, понимаешь? Подкова должна вернуться на место.

— Понятно, сэр. А почем нынче подковы?

Запах свежих яиц, романтично потрескива-

ющих на сковородке в лужице свежего масла, пронесся над Средиземным морем и достиг ноздрей генерала Дридла, пробудив у него волчий аппетит. Генерал Дридл в сопровождении медсестры, следовавшей за ним повсюду, и своего зятя полковника Модэса примчался на Пьяиосу. Для начала генерал Дридл съел не моргнув глазом все, что ему подали в столовой у Милоу, после чего остальные три эскадрильи, входившие в полк Каткарта, передали свои столовые под начало Милоу. Каждая эскадрилья выдала ему самолет и пилота для доставки свежих яиц и масла. Семь дней в неделю самолеты Милоу совершали челночные операции, и офицеры всех четырех эскадрилий начали с ненасытной жадностью уплетать свежие яйца. Это была какая-то яичная оргия. Генерал Дридл пожирал свежие яйца на завтрак, обед и ужин, а между завтраком, обедом и ужином он пожирал яйца в еще большем количестве, покуда Милоу не обнаружил месторасположение обильных источников свежей телятины, говядины, молодой баранины, утятины, грибов, южноафриканских омаров, креветок, ветчины, пудингов, винограда, мороженого, клубники к артишоков.

В авиабригаду генерала Дридла входили еще

три полка бомбардировочной авиации, и все они, умирая от зависти, снарядили свое собственные самолеты в экспедицию на Мальту за свежими яйцами, но обнаружили, что там свежие яйца продаются по семь центов за штуку. Поскольку они могла покупать те же яйца у Милоу по пять центов, имело смысл передать и их столовые в синдикат Милоу. Так они и поступили, предоставив в распоряжение Милоу самолеты и пилотов для доставки по воздуху не только яиц, но и других продуктов, которые он им обещал.

Всех окрылил такой поворот событий, а больше всего полковника Каткарта, вообразившего, что на него посыпались пироги и пышки. Он игриво приветствовал Милоу при каждой встрече и в порыве великодушия, а может быть, желая заглушить угрызения совести, рекомендовал майора Майора на повышение. Штаб двадцать седьмой воздушной армия в лице экс-рядового первого класса Уинтергрина тут же отверг эту рекомендацию. Уинтергрин нацарапал довольно резкую по тону бумажку без подписи, в которой напоминал, что армия располагает только одним майором Майором и из-за какого-то повышения не намерена терять столь уникальную личность в угоду полковнику Кэткарту. Полковник Кат-

карт был уязвлен до глубины души столь грубым выговором и виновато забился в свою комнату. Он считал майора Майора виновником нахлобучки и в тот же день решил разжаловать его в лейтенанты.

— Скорее всего, вам не позволят это сделать, — заметил подполковник Корн со снисходительной улыбкой, явно наслаждаясь создавшейся ситуацией. — По тем же причинам, по каким вам не позволили повысить его. И потом вы, право, выглядели бы довольно глупо, пытаясь разжаловать его в лейтенанты сразу после попытки присвоить ему такой же чин, как у меня.

Полковник Кэткарт чувствовал, что под него подкапываются со всех сторон. Куда больше ему повезло с ходатайством о награждении Йоссариана за бомбардировку Феррары. Семь дней прошло, как полковник Кэткарт добровольно вызвался уничтожить мост через реку По, а мост все еще стоял целехонький. За шесть дней его люди сделали девять вылетов и не смогли разрушить мост.

На седьмой день состоялся десятый боевой вылет. Тогда-то Йоссариан и погубил Крафта вместе со всем экипажем, вторично поведя на цель звено из шести самолетов. Йоссариан старательно

выполнил второй боевой заход — тогда он еще был храбрецом. Он не отрывал глаз от бомбового прицела, пока бомбы не пошли к земле. Когда же он поднял голову и глянул вверх, корабль был залит изнутри неестественным оранжевым светом. Сначала Йоссариан подумал, что в самолете пожар. Потом он заметил, что прямо над ними летит самолет с горящим мотором, и завопил, чтобы Макуотт взял резко влево. Секундой позже у самолета Крафта взрывом оторвало крыло. Объятая пламенем развалина камнем пошла к земле — сначала фюзеляж, потом крутящееся в воздухе крыло. Град мелких металлических осколков отбивал чечетку по верхней обшивке самолета Йоссариана, и непрерывное «ба-бах! ба-бах! ба-бах!» зениток грохотало вокруг.

Когда они приземлились, десятки глаз хмуро наблюдали за тем, как подавленный Йоссариан прошел к капитану Блэку, стоявшему у зеленого дощатого домика инструкторской, докладывать о разведнаблюдениях. Оказалось, что там его ждали полковник Кэткарт и подполковник Корн, желавшие с ним побеседовать.

Майор Дэнби, загораживавший собой вход в инструкторскую, взмахом руки приказал всем прочим удалиться. Стояла гробовая тишина.

Йоссариан едва передвигал свинцовые от усталости ноги и мечтал поскорее сбросить пропотевшую одежду. Он вошел в инструкторскую со сложным чувством, не зная, что будет говорить.

Полковник Кэткарт был потрясен случившимся.

— Дважды?.. — спросил он.

— С первого раза промазал бы. — ответил Йоссариан вполголоса, не поднимая глаз.

В длинном узком деревянном сарае гуляло эхо, слабо вторя их голосам.

— Но почему дважды? — повторил полковник Кэткарт с явным недоверием.

— С первого раза промазал бы, — повторил Йоссариан.

— Но Крафт остался бы жив.

— Мост остался бы тоже…

— Опытный бомбардир должен сбрасывать бомбы с первого раза, — напомнил полковник Кэткарт. — Остальные пять бомбардиров отбомбились с первого раза.

— И промазали, — сказал Йоссариан. — Пришлось бы лететь еще не раз к этому проклятому мосту.

— Но тогда, возможно, вы попали бы в него с первого захода.

— А может быть, вообще не попали бы.

— Возможно, дело обошлось бы без жертв.

— А возможно, и жертв было бы больше, и мост остался бы невредим.

— Не смейте возражать! — сказал полковник Кэткарт. — Мы все попали в довольно неприятную историю.

— Я вам не возражаю, сэр.

— Нет, возражаете. Даже то, что вы сказали, — это уже возражение.

— Так точно, сэр. Виноват.

Полковник Кэткарт яростно стучал по столу костяшками пальцев. Подполковник Корн, приземистый, темноволосый, апатичный человек с брюшком, сидел, небрежно развалясь, на одной из передних скамеек, положив сцепленные руки на загорелую лысину. За поблескивающими стеклами очков глаза его насмешливо щурились.

— Давайте подойдем к этому делу абсолютно объективно, — подал он идею полковнику Кэткарту.

— Давайте попытаемся подойти к этому делу абсолютно объективно, — с внезапным вдохновением сказал Йоссариану полковник Кат-карт. — Не подумайте, что я сентиментален или что-нибудь в этом роде. Гроша ломаного не дам

за тот самолет и его экипаж. Просто этот случай ужасно глупо выглядит в донесении. Как я сумею преподнести его в своем рапорте?

— А почему бы вам не наградить меня орденом? — застенчиво предложил Йоссариан.

— За то, что вы второй раз зашли на цель?

— Вы же наградили Заморыша Джо, когда он сбил самолет по ошибке.

Полковник Кэткарт засмеялся недобрым смешком:

— Если мы вас не предадим военно-полевому суду, считайте, что вам повезло.

— Но ведь я со второго захода уничтожил мост, — запротестовал Йоссариан. — Мне казалось, вы хотели, чтобы мост был уничтожен?

— Ах, я и сам не знаю, чего я хотел! — раздраженно крикнул полковник Каткарт. — Конечно, я — за то, чтобы мост был разрушен. С тех пор как я решился послать людей на бомбежку этого моста, я только о нем и думаю. Но почему вы не могли разбомбить его с первого раза?

— Не хватило времени. Мои штурман не был уверен, что мы вышли на нужный город.

— На нужный город? — полковник Кэткарт был озадачен. — Теперь вы, кажется, пытаетесь свалить всю вину на Аарфи?

— Нет, сэр. Это моя ошибка, что я позволил ему сбить меня с толку. Я пытаюсь лишь вам доказать, что не считаю себя непогрешимым.

— Непогрешимых нет, — отрезал полковник Каткарт и добавил многозначительным тоном: — Незаменимых — тоже.

Опровержений не последовало. Подполковник Корн лениво потянулся.

— Нам нужно прийти к какому-то решению, — небрежно заметил он, обращаясь к полковнику Кэткарту.

— Нам нужно прийти к какому-то решению, — сказал Йоссариану полковник Кэткарт. — Вы сами во всем виноваты. Зачем вам понадобилось заходить на цель дважды? Почему, как и все остальные, вы не смогли сбросить бомбы с первого раза?

— С первого раза я бы промазал.

— Сдается мне, что теперь мы уже заходим на цель вторично, — прервал их подполковник Корн, смеясь.

— Так что же нам делать? — в отчаянье воскликнул полковник Кэткарт. — Нас ждут.

— А почему нам и в самом деле не дать ему орден? — предложил подполковник Корн.

— За что? За то, что он дважды зашел на цель?

— За то, что он второй раз зашел на цель, — ответил подполковник Корн с задумчивой и самодовольной улыбкой. — В конце концов, по-моему, требуется немалое мужество, чтобы зайти на цель вторично, когда рядом нет самолетов, которые отвлекали бы на себя зенитный огонь противника. И ведь он действительно разбомбил мост. В этом-то и спасенье: не стыдиться, а гордиться надо. Нас никто не осудит за то, что мы сделаем.

— Думаете, получится?

— Не сомневаюсь. А для верности — давайте произведем его в капитаны.

— Вам не кажется, что мы немножко пересаливаем?

— Нет, не кажется. Лучше всего — играть наверняка.

— Ну хорошо, — решился полковник Кэткарт. — За то, что он проявил мужество, зайдя на цель дважды, дадим ему орден и произведем в капитаны.

Подполковник Корн протянул руку за фуражкой.

— А теперь под занавес улыбнитесь, — пошутил он в дверях и обнял Йоссариана за плечи.

14. Малыш Сэмпсон

К тому времени, когда надо было лететь на Болонью, у Йоссариана храбрости было ровно столько, сколько требовалось, чтобы не заходить на цель даже единожды. Сидя в носовой части самолета Малыша Сэмпсона, он нажал кнопку переговорного устройства и спросил:

— Ну что там стряслось с машиной?

— Разве что-нибудь стряслось? — взвизгнул Малыш Сэмпсон. — Что случилось?

От крика Малыша Сэмпсона Йоссариан похолодел.

— Что случилось? — заорал он в ужасе. — Будем прыгать?

— А я откуда знаю! — истерически закричал в ответ Малыш Сэмпсон. — Говорят, надо прыгать? Кто это сказал? Кто?

— Я — Йоссариан, в носовой части! Йоссариан! В носовой части! Я слышал, ты сказал «что-то случилось». Ведь ты сказал «что-то случилось»?

— Мне показалось, это ты сказал «что-то стряслось». Вроде все нормально.

У Йоссариана оборвалось сердце. Если все идет нормально и у них нет повода, чтобы повернуть обратно, значит, действительно случилось ужасное. Йоссариан напряженно размышлял.

— Я тебя не слышу, — сказал он.

— Я сказал: все идет нормально.

Ослепительное солнце играло на голубой, фарфоровой глади моря, сверкало на обшивке соседних самолетов. Йоссариан вцепился в разноцветные шнуры переговорного устройства и выдернул их из коммутаторного гнезда.

— Я все равно тебя не слышу, — сказал он. Он ничего не слышал. Неторопливо сложив карты и прихватив с собой три летных бронекостюма, он пополз в главный отсек. Нейтли, застывший неподвижно в кресле второго пилота, уголком глаза наблюдал за тем, как Йоссариан вполз в кабину и стал позади Малыша Сэмпсона. Тот слабо улыбнулся Йоссариану. Скованный и придавленный бронекостюмом, парашютом, шлемом и наушниками, он выглядел хрупким, очень молодым и застенчивым. Иоссариан наклонился к уху Малыша Сэмпсона.

— Я все равно тебя не слышу! — прокричал он, перекрывая ровный гул моторов.

Малыш Сэмпсон удивленно оглянулся. У него было угловатое смешное лицо с изогнутыми бровями и жидкими белесыми усиками.

— Что? — крикнул он через плечо.

— Я тебя по-прежнему не слышу, — повторил Йоссариан.

— Говори громче, — сказал Малыш Сэмпсон. — Я тебя по-прежнему не слышу.

— Я тебя по-прежнему не слышу! — заголосил Йоссариан.

— Ничего не могу поделать! — заголосил в ответ Малыш Сэмпсон. — Я кричу изо всех сил!

— Тебя не слышно в переговорном устройстве! — взревел Йоссариан с еще большим отчаянием в голосе. — Придется поворачивать обратно.

— Из-за переговорного устройства? — недоверчиво спросил Малыш Сэмпсон.

— Поворачивай обратно, пока я тебе не проломил башку!

Малыш Сэмпсон взглянул на Нейтли, ища у него поддержки, но тот отвернулся с подчеркнутым безразличием.

По званию Йоссариан был старше каждого из них. Малыш Сэмпсон поколебался еще секунду, а затем, издав ликующий вопль, охотно капитулировал.

— Меня это вполне устраивает! — радостно объявил он и весело присвистнул. — Да, ваше величество, Малыша Сэмпсона это вполне устраивает! — Он свистнул еще разок и крикнул в переговорное устройство: — А ну слушайте меня,

птички мои небесные! Это орет во всю глотку адмирал Малыш Сэмпсон, гордость королевского флота. Так вот, ваши величества. Мы поворачиваем домой, ребятки, будь я неладен. Обратно поворачиваем!

Торжествующим взмахом руки Нейтли сорвал с себя шлем и наушники и от избытка чувств начал раскачиваться, будто шаловливое дитя на высоком стульчике. Сержант Найт, как тяжелый мешок, грохнулся вниз из верхней турельной установки и в лихорадочном возбуждении принялся колотить летчиков по спине. Малыш Сэмпсон развернул машину, описал широкую изящную дугу и, покинув звено, взял курс на свой аэродром. Когда Йоссариан сунул штырек наушников в гнездо запасного переключателя, два стрелка в хвостовом отсеке дуэтом распевали «Кукарачу».

На аэродроме их веселье быстро улетучилось. Наступило неловкое молчание. Спускаясь на самолета и усаживаясь в поджидавший их джип, Йоссариан трезво отдавал себе отчет в том, что он натворил. На обратном пути никто не проронил ни слова. Гнетущее гипнотизирующее безмолвие обволакивало горы, море и леса. Чувство одиночества усилилось, когда, свернув с шос-

се, они покатили к расположению эскадрильи. Йоссариан вышел из машины последним. Успокоительная, как наркотик, тишина висела над опустевшими палатками. Эскадрилья точно вымерла, не видно было ни одной живой души, если не считать доктора Дейники, который печально восседал у закрытой двери санчасти, нахохлившись, как курица на насесте. Он тщетно пытался прогреть свой заложенный нос, подставив его солнечным лучам. Йоссариан знал, что доктор купаться с ним не пойдет. Дейника вообще никогда не купался. В воде человеку может стать плохо, и он может утонуть, даже если воды по щиколотку. В воде у человека может произойти закупорка коронарных сосудов, и его придется вытаскивать на берег волоком. Кроме того, плаванье приводит к перенапряжению и охлаждению организма, а от этого можно заболеть полиомиелитом или менингитом. Страх, которым была охвачена эскадрилья перед налетом на Болонью, вселил в доктора еще более мучительное беспокойство за собственную жизнь. Теперь по ночам ему мерещилось, что к нему в палатку лезут грабители.

Заглянув в лиловатую тьму палатки оперативного отделения, Йоссариан увидел Вождя Белый Овес, поглощенного присвоением чужого виски,

каковым он усердно отравлял свой организм. В данный момент он расписывался в соответствующем списке за непьющих и проворно переливал спиртное в прихваченные с собой бутылки. Вождь спешил, чтобы успеть урвать побольше, до того как капитан Блэк спохватится и приплетется, чтобы украсть остальное.

Мотор джипа мягко заворчал. Малыш Сэмпсон, Нейтли и другие бесшумно разбрелись каждый в свою сторону и растворились в золотистом безмолвии. Пару раз кашлянув, джип укатил. Йоссариан остался один. Вокруг все было скована чугунной, первозданной дремотой. Зелень казалась черной, все прочее отливало гнойной желтизной. Даль была прозрачна, воздух сух, и слышно было, как где-то у моря бриз шуршит листвой. На душе у Йоссариана было неспокойно и тревожно, а ввалившиеся от усталости глаза слипались. Но когда он, еле волоча ноги, вошел в парашютную палатку, где стоял длинный полированный стол, совесть разом перестала грызть его и червь сомнения, не причинив особой боли, тихо уполз в глубины сознания.

Оставив в палатке бронекостюм и парашют, Йоссариан вышел обратно и мимо цистерн с водой направился в разведотделение, чтобы

вернуть планшет капитану Блэку. Тот сидел в кресле, забросив костлявые ноги на стол, и клевал носом. Завидев Йоссариана, он равнодушно осведомился, почему они вернулись. Не удостоив его ответом, Йоссариан положил планшет на деревянный барьер и вышел.

У себя в палатке он сбросил парашютные лямки и разделся. Орр находился в Риме и должен был вернуться сегодня к вечеру из отпуска, который ему дали за то, что он утопил свой самолет в море близ Генуи. Нейтли, поди, уже складывает вещи, чтобы отправиться в Рим, как только вернется Орр. Он, конечно, на седьмом небе от счастья, что остался жив, и ждет не дождется минуты, когда снова начнет бесплодно и мучительно ухаживать за своей римской красоткой. Раздевшись догола, Йоссариан присел на койку отдохнуть — без одежды он чувствовал себя намного лучше. В одежде ему всегда было как-то не по себе. Потом он надел чистые трусики, тапочки и, перекинув через плечо купальное полотенце цвета хаки, отправился на пляж.

Тропинка из эскадрильи привела его на артиллерийскую позицию в лесу, о существовании которой он прежде не подозревал. Двое рядовых спали на мешках с песком. Третий ел гранат.

Откусывая большие куски, он энергично работал челюстями и выплевывал косточки в кусты. Когда он жевал гранат, по его подбородку стекал пурпурный сок. Йоссариан углубился в лес, любовно поглаживая свой живот, будто желая убедиться, что все на месте. Вдруг на земле по обе стороны от тропинки он заметил полчища грибов, выросших после дождя. Они торчали из липкой земли, как пальцы мертвецов. Они росли в огромном изобилии, повсюду, куда хватало глаз. Их были тысячи, и они лезли из-под каждого куста. Казалось, они пухнут, раздуваются и множатся прямо у него на глазах. Он быстро зашагал прочь, охваченный мистическим ужасом, и не сбавлял ходу до тех пор, пока не почувствовал под ногами сухой песок. Теперь грибы остались позади. Он опасливо оглянулся, боясь, что сейчас увидит, как эти мягкие, безглазые, белые существа ползком преследуют его или карабкаются, извиваясь, по деревьям беспорядочной. колышущейся массой.

На пляже было пустынно. Йоссариан слышал лишь неясное бормотание ручья, приглушенный шелест травы и кустарника за своей спиной, немые вздохи прозрачных волн. Прибой был слабым, вода — чистой и прохладной. Йоссариан

оставил на песке вещи и вошел в воду сначала по колено, потом окунулся с головой. На горизонте тянулась едва видимая, окутанная зыбкой дымкой, узенькая полоска земли. Йоссариан лениво подплыл к плоту, подержался за край и неторопливо поплыл обратно, покуда ноги не коснулись песчаного дна. Здесь он несколько раз окунулся с головой в зеленоватую воду и почувствовал себя чистым и свежим. Потом он растянулся на песке лицом вниз и заснул. Мощный слитный гул десятков моторов ворвался в его сон, как грохот землетрясения: над самой головой шли самолеты, возвращавшиеся после налета на Болонью.

Он проснулся, зажмурился от легкой головной боли и открыл глаза, чтобы взглянуть на мир, бурлящий в хаосе — хаосе, в котором царил свой порядок. И ахнул от изумления при виде фантастического зрелища: двенадцать звеньев шли спокойно и уверенно, строго выдерживая строй. Картина была слишком необычная, чтобы в нее можно было поверить: не видно было даже самолетов с ранеными, торопившихся первыми зайти на посадку; не было поврежденных самолетов, плетущихся в хвосте; не было в воздухе и дыма сигнальных аварийных ракет. Все машины были на месте, — кроме его собственной. На мгновение

он оцепенел: он почувствовал, что сходит с ума. Когда он понял, какую злую шутку сыграла с ним судьба, он чуть не расплакался. Он понял, что, видимо, облака закрыли цель до того, как самолеты успели сбросить бомбы, и, стало быть, налет на Болонью придется повторить.

Йоссариан ошибся. Облаков не было. Бомбы сбросили. Слетали спокойно, как «за молоком», — вражеских зениток в Болонье не оказалось вообще.

15. Пилтчард и Рен

Штабные офицеры — капитан Пилтчард и капитан Рен — отвечали за координацию совместных боевых действий всех звеньев эскадрильи. Оба — невысокого роста, оба — незлобивые и спокойные, они обожали летать на боевые задания и молили судьбу и полковника Кэткарта не лишать их и впредь такого удовольствия. Они уже сделали сотню боевых вылетов и жаждали налетать еще одну. Они сами себя назначали на каждый вылет. Война была самым лучшим событием в их жизни, и они боялись, что ничего подобного с ними больше не повторится. Они исполняли свои обязанности скромно, сдержанно, без шума, изо всех сил стараясь ни с кем не портить добрых от-

ношений. Они с готовностью улыбались каждому встречному. Говорили они невнятно, запинаясь. Но этим толковым, веселым, сноровистым ребятам легко было только друг с другом. При встрече с другими они отводили глаза, и даже с Йоссарианом они боялись встречаться взглядом, когда устроили собрание под открытым небом, чтобы при всех объявить Йоссариану выговор за то, что он заставил Малыша Сэмпсона повернуть обратно во время налета на Болонью.

— Ребята, — сказал капитан Пилтчард, застенчиво улыбаясь, — когда вы поворачиваете домой с полпути во время выполнения боевого задания, вы уж, пожалуйста, прежде удостоверьтесь, что стряслось действительно что-то серьезное. Ну а если какая-нибудь чепуха, вроде неисправности переговорного устройства или там что-нибудь еще вроде этого, тогда уж лучше не надо… Идет? Вот сейчас капитан Рен выступит, он хочет сказать подробнее по этому вопросу…

— Капитан Пилтчард прав, ребята, — сказал капитан Рен, — Вот и все, что я собирался вам сказать по этому вопросу. Сегодня мы, значит, наконец слетали на Болонью, и оказалось, что ничего страшного — слетали «за молоком». Все мы, понятно, малость того… нервничали и бом-

били не бог весть как удачно. Ну ладно, теперь слушайте. Полковник Кэткарт разрешил нам слетать на Болонью еще разок. И уж завтра мы действительно сотрем в порошок их склады боеприпасов. Ну что вы на это скажете?

И чтобы доказать Йоссариану, что они не питают к нему злых чувств, они назначили его ведущим бомбардиром на машину Макуотта, поручив возглавить первое звено в завтрашнем налете на Болонью.

Йоссариан зашел на цель, как Хэвермейер, — уверенно, без всяких противозенитных маневров, и внезапно попал под такой огонь, что чуть не наложил в штаны. Да, их встретил плотный зенитный огонь! Итак, Йоссариана усыпили и заманили в ловушку. Теперь он должен сидеть как идиот и дожидаться, пока отвратительное черное облачко взрыва окутает его и перенесет на тот свет. И пока он не сбросил бомбы, ему не оставалось ничего другого, как глазеть в прицел, где тонкое перекрестие визирных нитей лежало на цели, как притянутое магнитом, в точности там, куда он навел, — над двором закамуфлированных складских помещений, как раз у цоколя первого здания. Самолет полз тягостно медленно. Йоссариан не мог унять

дрожь во всем теле. До него то и дело доносилось: «бум-бум-бум-бум!» — слитные четырехтактные взрывы грохотали вокруг. И вдруг почти рядом с резким пронзительным «трах» разорвался одиночный снаряд. Тысячи молоточков застучали в голове Йоссариана. «Господи, помоги мне скорее отбомбиться», — взмолился он. Ему хотелось рыдать. Моторы гудели монотонно, как жирные ленивые мухи. Наконец индексы в прицеле пересеклись и восемь пятисотфунтовых бомб одна за другой пошли вниз. Самолет, став легче, бодро взмыл вверх. Йоссариан оторвался от прицела и, изогнувшись, посмотрел на индикатор слева. Когда стрелка коснулась нуля, он закрыл дверцы бомбового люка и срывающимся голосом крикнул в переговорное устройство:

— Круто вправо!

Макуотт молниеносно выполнил приказание. Надсадно взвыли моторы. Макуотт безжалостно положил воющую машину на крыло и отвернул ее в сторону. Не сделай он этого — два снаряда вонзились бы им прямо в фюзеляж. Потом Йоссариан приказал Макуотту набирать высоту, и они полезли все выше и выше, покуда не прорвались наконец в безмятежный, бриллиантово-голубой небесный оазис, солнечный и чистый, окаймлен-

ный на горизонте тонкими и редкими, как пух, облачками. Ветер успокаивающе тренькал, ударяясь о выпуклое остекление кабины. Йоссариан с наслаждением расслабился, но это продолжалось недолго, потому что они увеличили скорость, и он приказал Макуотту взять влево, а потом заставил его резко идти вниз, — и от радости у него перехватило дыхание, потому что грибообразные кучи зенитных разрывов поднимались прямо у них над головой и сзади справа, как раз на том месте, где машина должна была оказаться, если бы они не взяли влево и не вошли в пике. Еще одним грубым окриком Йоссариан велел Макуотту выровнять машину, и потом они опять взмыли, и к тому моменту, когда внизу начали рваться бомбы, машина, сделав круг, вернулась на стерильно-голубую небесную прогалину. Первая бомба упала во дворе, точно там, куда целил Йоссариан. А потом одна за другой начали рваться их бомбы и бомбы, сброшенные с самолетов его звена. Оранжевые вспышки побежали по крышам, и в тот же миг здания рухнули, и пенистые клубы розового, серого и угольно-черного дыма буйно повалили во всех направлениях, и в недрах дыма что-то тряслось и содрогалось под ударами красных, белых и золотых молний.

— Ты только посмотри! — громко восторгался Аарфи, стоя рядом с Йоссарианом. На его толстом, круглом лице сияло восхищение. — Там, должно быть, склады боеприпасов.

Йоссариан совсем забыл об Аарфи.

— Убирайся! — закричал он ему. — Убирайся из носа! Аарфи вежливо улыбнулся и показал на цель, великодушно приглашая Йоссариана полюбоваться. Свирепым жестом Йоссариан указал ему на вход в лаз и начал подталкивать туда Аарфи.

— Иди в машину! — неистово заорал он. — Иди в машину!

Аарфи добродушно пожал плечами.

— Я тебя не слышу! — объяснил он.

Йоссариан ухватил его за лямки парашюта и толкнул к лазу. В этот момент самолет тряхануло так, что у Йоссариана загремели кости и остановилось сердце. Он понял — это конец. — Вверх! — завизжал он в переговорное устройство, сообразив, что еще жив. — Вверх, паскуда! Вверх! Вверх! Вверх! Вверх!

Самолет взвыл и, дрожа всем корпусом, пошел ввысь, пока Йоссариан не выровнял его, еще раз рявкнув на Макуотта, который снова беспощадно повернул ревущую машину на сорок пять

градусов, отчего Йоссариана чуть не вывернуло наизнанку. Расслабляющая тошнота подступила к горлу, и он, не чувствуя собственного веса, повис в воздухе, пока не заставил Макуотта снова выровнять машину, но только для того, чтобы тут же развернуться через правое крыло и ринуться в умопомрачительное пике. Они мчались сквозь бесконечные, похожие на привидения клочья черного дыма. Висевшая в воздухе гарь липла к гладкому плексигласовому носу самолета, и у Йоссариана было ощущение, будто прокопченный пар зло хлещет его по щекам. Сердце его снова ныло и колотилось от ужаса, а самолет по его команде метался то вверх, то вниз сквозь многочисленные разрывы, пытавшиеся в смертельной ненависти настичь Йоссариана. Пот ручьями струился по шее Йоссариана. Строй звена нарушился, но Йоссариана это не интересовало — он был занят только собой. В горле саднило от истошных криков Макуотту. Каждый раз, когда Макуотт менял направление, рев моторов становился оглушающим и захлебывающимся. А далеко впереди перед ними небо по-прежнему кишело взрывами зенитных снарядов, выпущенных другими батареями: понатыканные вокруг, они вели заградительный огонь точно на задан-

ную высоту, поджидая, как садисты, пока самолет Йоссариана окажется в пределах досягаемости.

Вдруг самолет ударило, взрыв подбросил машину так, что она чуть не перевернулась брюхом кверху. В носовую часть повалили клубы сладковатого голубого дыма. Что-то горело! Йоссариан рванулся к выходу и уперся в Аарфи, который преспокойно чиркая спичкой, зажигал свою трубочку. Йоссариан в полном замешательстве уставился на усмехающегося круглолицего штурмана. Кто-то из них, вероятно, сошел с ума.

— Боже мой, да что же это такое! — с удивлением и мукой в голосе завопил Йоссариан. — Убирайся ты к чертовой матери из носа! Ты спятил, что ли? Убирайся!

— Что? — спросил Аарфи.

— Убирайся! — истерично взвизгнул Йоссариан и начал колотить кулаками Аарфи, стоявшего заложив руки за спину. — Убирайся!

— Я тебя все равно не слышу! — с мягкой укоризной отозвался Аарфи. Вид у него был самый невинный и чуточку озадаченный. — Говори, пожалуйста, погромче!

— Убирайся из носа! — завопил Йоссариан, совсем отчаявшись. — Нас убьют! Неужели тебе не ясно? Нас хотят убить.

— Как держать, черт возьми? — рассвирепев, крикнул Макуотт по переговорному устройству страдальческим, срывающимся голосом. — Куда курс держать?

— Поворачивай влево! Левее, проклятый, вонючий сукин сын! Круто влево!

В это время Аарфи незаметно, но пребольно ткнул Йоссариана под ребро кончиком трубки. Ойкнув, Йоссариан подскочил и рухнул на колени, бледный как полотно и дрожащий от ярости. Аарфи ободряюще подмигнул ему и, показав большим пальцем через плечо на Макуотта, спросил со смехом:

— Какая блоха его укусила?

Йоссариану показалось, что все это происходит в каком-то нереальном, призрачном мире.

— Ты уберешься отсюда? — простонал он и изо всех сил толкнул Аарфи. — Ты оглох или что? Уходи в машину! — И крикнул Макуотту: — Пикируй! Пикируй!

Внизу они снова попали в треск и уханье плотного зенитного огня, и Аарфи еще раз украдкой ткнул Йоссариана под ребро концом трубки. Снова ойкнув, Йоссариан испуганно отпрянул.

— Я все равно тебя не слышу, — сказал Аарфи.

— Я сказал: «Убирайся отсюда!» — крикнул Йос-

сариан и расплакался. Он начал обеими руками изо всех сил бить Аарфи в живот: — Убирайся от меня! Убирайся!

Лупить Аарфи было все равно что бить слабо надутую кислородную подушку. Аарфи не оказывал сопротивления, его мягкая бесчувственная туша никак не реагировала на удары. Йоссариан в изнеможении опустил руки. Его охватило унизительное чувство бессилия, хотелось плакать от жалости к самому себе. — Что ты сказал? — спросил Аарфи.

— Уйди от меня, — сказал Йоссариан теперь уже умоляющим голосом. — Уйди в машину!

— Я тебя все равно не слышу.

— Это неважно, — продолжал Йоссариан. — Это неважно. Просто оставь меня одного.

— Что неважно?

Йоссариан начал колотить себя кулаком по лбу. Потом ухватил Аарфи за грудки, покрепче уперся ногами и швырнул его к лазу, как битком набитый неуклюжий мешок. И тут, когда он полз обратно в переднюю часть носа самолета, точно чудовищной силы пощечина прозвенела у него над ухом — это разорвался снаряд. На миг в сознании Йоссариана вспыхнуло: «А я все-таки жив!» Машина снова набирала высоту. Снова выли

моторы, точно мучась от адской боли. В самолете едко запахло машинным маслом, завоняло бензиновой гарью. А потом Йоссариану показалось, будто идет снег.

Тысячи крошечных кусочков бумаги, как белые хлопья, медленно плавали в самолете, кружились над головой Йоссариана, порхая, влетали ему в ноздри и в рот при каждом вдохе. Пораженный, он замотал головой, в то время как Аарфи, улыбаясь во весь рот гордой улыбкой деревянного божка, держал перед носом Йоссариана изодранную в клочья карту. Крупный осколок зенитного снаряда пробил пол кабины, прошел сквозь толстую пачку навигационных карт и вылетел через потолок. Аарфи был вне себя от радости.

— Ты посмотри! — воскликнул он и, просунув два пальца сквозь дыру в карте, сделал Йоссариану «козу». — Ты только посмотри!

Бурная радость совершенно ошарашила Йоссариана. Аарфи был похож на страшного великана-людоеда из кошмарного сна — его нельзя было ни обойти, ни столкнуть с места. Йоссариан панически боялся Аарфи по многим причинам. Ветер со свистом врывался сквозь рваную пробоину в полу, и мириады кусочков белой, как гипс, бумаги порхали в самолете, отчего у Йоссариана

еще больше усилилось ощущение, будто вся эта фантасмагория происходит в каком-то нереальном, подводном царстве. Все казалось странным, бутафорским, гротескным. Голова у Йоссариана раскалывалась от шума, в ушах гудело и пищало: это рассвирепевший Макуотт настойчиво требовал указаний курса. С болезненным интересом Йоссариан продолжал изучать лунообразную физиономию Аарфи, который в свою очередь уставился на него сквозь бумажную метель таким сияющим, безоблачным и бессмысленным взглядом, что Йоссариан окончательно убедился, что имеет дело с ненормальным. В это время один за другим справа разорвались восемь зенитных снарядов, потом еще восемь — левее, и еще восемь — еще левее.

Последняя восьмерка взрывов оказалась прямо по курсу самолета.

— Круто влево! — заорал Йоссариан Макуотту.

Аарфи захихикал. Макуотт взял круто влево, но и зенитные разрывы вместе с ними перекинулись влево, быстро нагоняя самолет.

— Я говорю: круче, круче, круче, круче, паскуда, круче! — завывал Йоссариан.

Макуотт еще круче развернул самолет, и вдруг точно произошло чудо — они ушли из зоны огня.

Обстрел кончился. Орудия перестали палить в них, и они остались живы.

А там позади еще умирали люди. Растянувшись на целые мили потрепанной, истерзанной, извивающейся цепочкой, другие звенья совершили столь же рискованное путешествие над целью и теперь прокладывали себе путь сквозь разбухшие клубы новых и старых разрывов, подобно стае крыс, пробегающих мимо кучек собственного помета.

Один подбитый самолет горел, одиноко болтаясь в воздухе, точно его несла невидимая крутая волна. Он то взмывал, то проваливался, похожий на чудовищную кроваво-красную комету. Потом Йоссариан увидел, что горящий самолет завалился набок и медленной спиралью пошел вниз, описывая сначала широкие, а потом все более узкие и неровные витки. За ним, развеваясь, как красно-черный плащ, тянулось гигантское рыжее пламя, отороченное черным дымом. В воздухе раскрылись парашюты: один, другой, третий, четвертый… А самолет вошел в штопор и весь остаток пути до земли извивался, как труп в пылающей поленнице погребального костра, пока не упал на землю комочком сгоревшей папиросной бумаги.

В другой эскадрилье погибло целиком одно звено. Йоссариан перевел дух: теперь уже можно ни о чем не думать, он свое дело сделал. Он сидел безучастный, весь мокрый от пота. Гул моторов казался ему музыкой. Макуотт, сбавив скорость, сделал круг, чтобы дать время подтянуться остальным самолетам его звена. Неожиданно наступившая тишина казалась недоброй, странной, чреватой подвохом. Йоссариан расстегнул бронекостюм, снял шлем, глубоко вздохнул, закрыл глаза и попытался расслабиться. Но покоя не было.

— А где Орр? — раздался чей-то голос в переговорном устройстве.

Йоссариан вскрикнул, вскочил. Он мог дать только одно разумное объяснение загадочному появлению зенитных батарей в Болонье: Орр! Он подался вперед и приник к прицелу, пытаясь разглядеть сквозь плексиглас какие-нибудь следы Орра — человека, обладающего способностью, как магнит, притягивать к себе зенитный огонь. Наверняка это он привлек в Болонью весь противовоздушный дивизион Германа Геринга, который немцы перебросили сюда прошлой ночью черт знает откуда. Секунду спустя Аарфи подскочил к Йоссариану и острым краем шлема

ударил его по кончику носа. Из глаз Йоссариана брызнули слезы, и он рявкнул на Аарфи.

— Вон он! — похоронным тоном объявил Аарфи, указывая трагическим жестом вниз на фургон с сеном и двух лошадей, стоявших близ каменного амбара. — Разбился вдребезги. Наверное, весь экипаж уже на небесах.

Йоссариан обругал Аарфи и продолжал тщательно рассматривать землю. Он был спокоен, но в душе переживал за своего хвастливого и чудаковатого соседа с зубами торчком, который ухитрился до смерти перепугать его.

Наконец Йоссариан заметил двухмоторный, двухкилевой самолет, вынырнувший из-за леса над желтеющим полем. Один из винтов был расщеплен и висел неподвижно. Но самолет сохранял высоту и правильный курс. Йоссариан машинально пробормотал благодарственную молитву, а потом с облегчением бурно и горячо излил на Орра все, что у него накипело на душе.

— Вот подонок! — начал он. — Вот чертова коротышка, крысеныш красномордый, толстощекий, курчавый, зубастый сукин сын!

— Что? спросил Аарфи.

— Этот проклятый лупоглазый недомерок, зубастый хмырь, сумасбродный сукин сын и подонок

с тощим задом и яблоками за щеками! — брызгал слюной Йоссариан.

— Что?

— Не твое дело!

— Я все равно тебя не слышу, — ответил Аарфи. Йоссариан неторопливо обернулся к Аарфи и, глядя ему в лицо, начал:

— А ты — хрен собачий…

— Кто я?

— Ты — чванливый, толстопузый, добренький, пустоголовый, самодовольный…

Аарфи невозмутимо чиркнул спичкой и принялся громко посасывать трубку, всем своим видом красноречиво показывая, что милостиво и великодушно прощает Йоссариана. Аарфи дружелюбно улыбнулся и открыл рот, намереваясь поболтать. Йоссариан зажал ему рот ладонью и устало оттолкнул от себя. Закрыв глаза, он весь обратный путь притворялся спящим, чтобы не слышать и не видеть Аарфи.

В инструкторской Йоссариан сделал разведдоклад капитану Блэку и потом вместе с другими, бормоча себе что-то под нос, стоял в напряженном ожидании на аэродроме, пока не приковылял самолет Орра. Он довольно бодро тянул на одном моторе. Все затаили дыхание. У самолета Орра не

выпустилось шасси. Йоссариан не находил себе места, покуда Орр благополучно не совершил аварийную посадку. И тогда Йоссариан украл первый попавшийся джип с оставленным в нем ключом от зажигания и помчался к своей палатке, чтобы начать лихорадочно собирать вещи для внеочередного отпуска. Он решил провести его в Риме и в тот же вечер нашел там Лючану — девушку со шрамом под сорочкой.

16. Лючана

Йоссариан впервые увидел Лючану в ночном клубе для офицеров союзных армий, куда ее привел пьяный майор из австрало-новозеландского корпуса. Она сидела в одиночестве за столом: дурак майор не придумал ничего умнее, как бросить ее ради того, чтобы присоединиться к компании своих дружков, оравших непристойные песни у стойки.

— Вот и прекрасно. Я с тобой потанцую, — сказала она, прежде чем Йоссариан успел раскрыть рот. — Но спать со мной я тебе не позволю.

— А кто тебя об этом просит? — спросил Йоссариан.

— Ты не хочешь со мной спать? — воскликнула она с изумлением.

— Я не хочу с тобой танцевать.

Она схватила Йоссариана за руку и вытащила на танцевальную площадку. Танцевала она еще хуже, чем Йоссариан, но она скакала под звуки джаза с таким безудержным весельем, какого Йоссариан отроду не видывал, и это продолжалось, пока ноги у Йоссариана не налились свинцом. Ему стало скучно, он вытащил ее из толпы танцующих и подвел к столу, где в обществе Хьюпла, Орра, Малыша Сэмпсона и Заморыша Джо сидела подвыпившая девица в оранжевой сатиновой блузке, обнимавшая Аарфи за шею. Но едва Йоссариан приблизился к ним, Лючана резко и неожиданно подтолкнула его к другому столу, где они оказались в одиночестве. Лючана была высокого роста, свойская, жизнерадостная, длинноволосая, кокетливая и очень привлекательная девчонка.

— Ну ладно, — сказала она. — Я разрешаю тебе угостить меня обедом Но спать со мной все равно не разрешу.

— А кто тебя об этом просит? — удивленно спросил Йоссариан.

— Ты не хочешь спать со мной?

— Я не хочу угощать тебя обедом.

Она вытащила его из ночного клуба на улицу,

потом они спустились по лестнице в ресторан, где кормили по ценам черного рынка. Ресторан был набит хорошенькими, оживленно щебечущими девушками, которые, казалось, давно были знакомы друг с другом. Их привели сюда самодовольные офицеры в мундирах чуть ли не всех союзнических армий. В зале было шумно. Смех и тепло, казалось, волнами перекатывались над головами. Лючана уплетала обед со зверским аппетитом и не обращала на Йоссариана никакого внимания, покуда не очистила последнюю тарелку. Насытившись, она положила вилку и нож, словно ставя точку, и лениво откинулась в кресле.

— Прекрасно, Джо, — промурлыкала она. В ее черных, слегка подернутых дремотой глазах светилась признательность.

— Меня зовут Йоссариан.

— Прекрасно, Йоссариан, — ответила она с виноватым смешком. — Так и быть, я позволю тебе переспать со мной, — объявила она снисходительным тоном, в котором, однако, чувствовалась настороженность. — Но не теперь.

— Я понимаю. Не теперь, а когда придем ко мне. Девушка покачала головой.

— Нет, сейчас я должна идти домой, к мамуле,

потому что моя мамуля не любит, когда я хожу в ресторан. Она очень рассердится, если я сейчас же не вернусь домой. Но ты напиши, где ты живешь, — это я тебе разрешаю, — и завтра утром я приду к тебе до работы, а потом я побегу в свою французскую контору. Capisci?[12]

Йоссариан не сопротивлялся, когда она чуть ли не целую милю тащила его по великолепным улицам ночного весеннего Рима. Наконец они дошли до автобусного парка, встретившего их оглушительной какофонией гудков, вспышками красных и желтых огней и руганью небритых шоферов, осыпавших чудовищной бранью друг друга, пассажиров и прохожих. Прохожие беззаботными табунками пробегали перед носом у автобусов и, если автобусы их задевали, не оставались в долгу и щедро изрыгали хулу в адрес шоферов. Лючана укатила в облезлом зеленом драндулете, а Йоссариан изо всех сил поднажал обратно в кабаре к волоокой химической блондинке в оранжевой сатиновой блузке. Вот уж действительно находка! Она сама платила за вино, у нее были свой автомобиль, квартира и перстень с камеей цвета лососины. Эта камея с изящно вырезанными фигурками обнаженного юноши и девушки доводила Заморыша Джо до

исступления. Девица не соглашалась продать ему перстень, хотя он предлагал ей отдать все, что у всех у них было в карманах, плюс свой мудреный фотоаппарат впридачу.

Когда Йоссариан вернулся, ее уже не было. Никого не было. Йоссариан тут же покинул клуб и в глубоком унынии побрел по темным опустевшим улицам. Йоссариан редко скучал, когда бывал в отпуске, но теперь ему было грустно. Он остро завидовал Аарфи: тот сейчас наверняка развлекается где-нибудь со своей кошечкой. Он брел по улице, возвращаясь в офицерскую квартиру, и чувствовал себя по уши влюбленным и в Лючану, и в блондинку в оранжевой блузке, и в красивую богатую графиню и ее красивую богатую невестку, которые жили этажом выше, хотя уж они-то никогда не позволили бы ему дотронуться до себя или хотя бы пофлиртовать с ними. Они были людьми экстра-класса: Йоссариан не знал точно, что такое экстра-класс, но он знал, что графиня и ее невестка относятся к этой категории, а он — нет, и ему было известно, что они об этом догадываются. Ему опять захотелось оказаться на месте Аарфи и чтобы рядом была та блондинка. А ведь он знал, что в ее глазах он и ломаного гроша не стоит. Она о нем наверняка

даже не вспомнит.

Однако, когда Йоссариан вернулся в квартиру, Аарфи был уже там. Йоссариан уставился на него так же пристально и удивленно, как утром над Болоньей, когда Аарфи торчал в носовой части самолета — зловещий, таинственный и неистребимый.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Йоссариан.

— Вот-вот, спроси его! — воскликнул разъяренный Заморыш Джо. — Пусть он расскажет, что он здесь делает.

С протяжным театральным стоном Малыш Сэмпсон изобразил большим и указательным пальцами пистолет и сделал вид, что стреляет себе в висок. Пятнадцатилетний Хьюпл мерно жевал разбухший комок жевательной резинки и с наивным, бездумным выражением на лице жадно слушал разговоры взрослых. Аарфи выколачивал свою трубочку, лениво постукивая ею по ладони, и ходил взад-вперед по комнате с чрезвычайно самодовольным видом, явно гордясь произведенным им замешательством.

— Разве ты не пошел домой к этой девке? — спросил Йоссариан.

— Разумеется, я не пошел к ней домой, — отве-

тил Аарфи. — Надеюсь, вы понимаете, что я не мог отпустить ее одну искать дорогу домой?

— Что ж она не позволила тебе остаться?

— Она хотела, чтобы я остался, можешь не сомневаться, — хихикнул Аарфи. — Не беспокойтесь за старого, доброго Аарфи. Но я не мог разрешить себе воспользоваться тем, что очаровательное дитя выпило чуточку больше, чем нужно. За кого вы меня принимаете?»

— Подонок ты! — воскликнул Йоссариан и устало опустился на диван рядом с Малышом Сэмпсоном. — Какого дьявола ты не уступил ее, если она самому тебе не нужна?

— Вот видишь, — сказал Заморыш Джо, — у него не все дома.

Йоссариан утвердительно кивнул и с любопытством взглянул на Аарфи:

— Слушай, Аарфи, а может, ты девственник? Аарфи снова захихикал. Разговор его забавлял.

— За меня не беспокойтесь. Со мной все в порядке. Но милых и славных девушек я не трогаю. Я знаю, с кем что можно, а с кем — нельзя. А эта — очень милый ребенок. Она из богатого семейства. Да, между прочим, я заставил ее снять перстень и выкинуть его из окна машины.

Заморыш Джо взвился, как от приступа невы-

носимой боли.

— Что ты сделал! — завизжал он. Чуть не плача, он набросился с кулаками на Аарфи. — За это тебя убить мало, тварь паршивая! Грязный греховодник! У него грязные мысли, ведь верно? Ведь верно — у него грязные мысли?

— Грязнее не бывает, — согласился Йоссариан.

— Слушайте, ребята, о чем вы говорите? — спросил с неподдельным изумлением Аарфи, втягивая голову в свои пухлые, как подушки, округлые плечи. — Эй, послушай, Джо, — попросил он с мягкой неловкой улыбкой, — перестань меня колотить.

Но Заморыш Джо не переставал его колотить до тех пор, пока Йоссариан не вытолкал Заморыша в спальню. Потом и сам Йоссариан понуро поплелся к себе, разделся и лег спать.

Утром кто-то начал тормошить Йоссариана.

— Зачем вы меня будите? — пробормотал он. Это была Микаэла, добродушная, жилистая горничная с приветливым желтоватым лицом. Она разбудила его, чтобы сказать, что там за дверью его дожидается гостья, по имени Лючана. Йоссариан не поверил своим ушам. Лючана вошла…

Его заинтересовало, почему она отказывается снять розовую сорочку, скроенную наподобие

мужской майки с узенькими лямками на плечах. Он заставил ее признаться, что сорочка скрывает шрам на спине. Она долго отказывалась показать шрам и напряглась, как стальная пружина, когда он кончиком пальца провел по длинному изломанному рубцу от лопатки до поясницы. Он вздрогнул, представив себе госпиталь ночью, когда в коридорах призрачно мерцают редкие лампочки и дежурные врачи бесшумно ступают на мягких подошвах. Сколько кошмарных ночей провела Лючана под наркозом или извиваясь от боли в госпитальной палате, где все навечно пропахло эфиром, испарениями, дезинфекцией и человеческим мясом, гниющим под наблюдением людей в белых халатах. Лючана была ранена во время воздушного налета.

— Где? — спросил он и, затаив дыхание, ожидал ответа.

— В Неаполе.

— Немцы?

— Американцы.

У него защемило сердце. Она сразу стала ему симпатична, и он спросил, пойдет ли она за него замуж.

— Ты сумасшедший, — сказала она с довольным смехом.

— Почему же это я сумасшедший? — спросил он.

— Потому что я не могу замуж…

— Почему ты не можешь замуж?..

— Потому что я не девственница, — ответила она. — А кому нужна девушка, которая не девственница?

— Мне нужна. Я на тебе женюсь.

— Я не могу выйти за тебя…

— Почему ты не можешь выйти за меня?

— Потому что ты сумасшедший.

Йоссариан наморщил лоб.

— Ты не хочешь выйти за меня замуж, потому что я сумасшедший, и говоришь, что я сумасшедший, потому что я хочу на тебе жениться? По-твоему, это правильно?

— Да.

— Ну, раз мне нельзя на тебе жениться, значит, остается просто…

Она резко, с угрожающим видом выпрямилась.

— Почему это ты не можешь на мне жениться? — в ярости спросила она, готовая влепить ему затрещину в случае нелестного ответа. — Только потому, что я не девственница?

— Что ты, что ты, дорогая! Потому, что ты — сумасшедшая.

Она уставилась на него вне себя от возмущения и вдруг откинула голову и расхохоталась от всего сердца. Отсмеявшись, она ласково посмотрела на него. Великолепная нежная кожа на смуглом лице стала еще темнее, кровь, прилившая к щекам, сделала Лючану еще красивее, глаза подернулись дымкой. Он затушил свою и ее сигареты, и, не говоря ни слова, они опять обнялись. Но именно в эту секунду в комнату, не постучавшись, ввалился томившийся без дела Заморыш Джо. Он намеревался узнать, не хочет ли Йоссариан прошвырнуться по городу. На мгновение Заморыш Джо остолбенел, затем попятился и пулей выскочил из комнаты. Йоссариан еще проворнее вскочил с постели и закричал Лючане, чтобы она одевалась. Девушка растерянно глядела на него. Он поспешил захлопнуть дверь перед носом Заморыша Джо, который уже успел вернуться с фотоаппаратом в руках. Однако Заморыш Джо ухитрился-таки вклинить башмак между дверью и косяком и не собирался убирать ногу.

— Впустите меня! — настойчиво умолял он, кривляясь и дергаясь, как маньяк. — Впустите меня!

Заморыш Джо на секунду перестал давить на дверь и улыбнулся сквозь щель обворожитель-

ной, по его мнению, улыбкой.

— Моя не есть Заморыш Джо, — начал он объяснять совершенно серьезно. — Моя есть ужасно известный фотокорреспондент из журнала «Лайф». Ужасно большая картинка на ужасно большая обложка. Я сделаю из тебя большую звезду Голливуда, Йоссариан. Много-много динаров.

Когда Заморыш Джо чуть-чуть отступил, чтобы взвести затвор и снять одевающуюся Лючану, Йоссариан захлопнул дверь.

Заморыш Джо решил фотографировать через замочную скважину. Йоссариан услышал щелчок затвора аппарата. Потом Заморыш Джо бросился в атаку на дверь. Когда Лючана и Йоссариан были полностью одеты, Йоссариан дождался очередной атаки Заморыша Джо и неожиданным рывком распахнул дверь. Заморыш Джо влетел в комнату и плюхнулся на пол, как лягушка. Йоссариан проворно проскочил мимо него, ведя за собой Лючану. Они выбежали на лестничную площадку. С шумом и грохотом, задыхаясь от смеха, они вприпрыжку побежали по лестнице и, когда останавливались перевести дух, касались друг друга лбами, не переставая смеяться.

Внизу, почти у самых дверей, они встретили Нейтли, замученного, грязного и несчастного.

Галстук съехал набок, рубашка была измята, он брел, держа руки в карманах. Вид у него был виноватый и подавленный. Они сразу перестали смеяться.

— Что случилось, малыш? — сочувственным тоном поинтересовался Йоссариан.

— Опять промотался дотла, — смущенно ответил Нейтли, криво усмехаясь. — Не знаю, что теперь делать.

Йоссариан тоже не знал. Последние тридцать два часа Нейтли тратил по двадцать долларов в час на свою обожаемую красотку и в результате промотал все жалованье, а также солидное вспомоществование, которое он получал ежемесячно от своего состоятельного и щедрого папаши. А это значило, что он долго теперь не сможет проводить время со своей пассией. Она не позволяла ему ходить рядом с ней, когда разгуливала по панели, приставая к другим военным, и впадала в ярость, если замечала, что он плетется за ней на расстоянии. Он мог бы, конечно, околачиваться у ее дома, но никогда не был уверен, дома ли она. Без денег она ему ничего не разре шала. Секс сам по себе ее не интересовал.

Капитан Блэк бывая в Риме, ставил своей целью купить именно возлюбленную Нейтли — толь-

ко для того, чтобы позднее помучить Нейтли подробным рассказом о проведенном с ней времени. Нейтли при этом чуть ли не лез на стену, доставляя тем самым капитану Блэку огромное удовольствие.

Лючану растрогал несчастный вид Нейтли, но едва они с Йоссарианом вышли на залитую солнцем улицу, как она снова начала хохотать, как сумасшедшая. Высунувшись в окно. Заморыш Джо умолял их вернуться и божился, что он вправду фотокорреспондент журнала «Лайф». Лючана весело бежала по тротуару, постукивая высокими белыми каблучками, и тащила за собой Йоссариана, как на буксире. Она и на улице оставалась такой же страстной, озорной и изобретательной девчонкой, какой была накануне во время танца и, видимо, вообще всегда. Йоссариан обнял ее за талию, и так они дошли до угла. Там она высвободилась, достала зеркальце, поправила волосы и намазала губы.

— Почему бы тебе не попросить у меня разрешения записать на бумажке мою фамилию и адрес, чтобы разыскать меня, когда в следующий раз приедешь а Рим? — предложила она.

— Действительно, — согласился он, — почему бы тебе не разрешить мне записать на бумажке

твою фамилию и адрес?

— Почему? — спросила она задиристо, и рот ее внезапно скривился в горькой усмешке, а в глазах блеснул гнев. — Чтобы ты разорвал эту бумажку на мелкие клочья, едва я скроюсь за углом?

— Почему я должен ее разорвать? — смутившись, запротестовал Йоссариан. — Что за чертовщину ты мелешь?

— Разорвешь, я знаю, — настаивала она. — Разорвешь на мелкие клочья через секунду после того, как я уйду, и пойдешь, важно задрав нос, очень гордый тем, что высокая, молодая, красивая девушка, по имени Лючана, позволила тебе переспать с ней и не попросила денег.

— Сколько ты хочешь попросить? — спросил он.

— Дурак! — крикнула она с чувством. — Я не собираюсь просить у тебя денег.

Она топнула ногой и замахнулась на него. Йоссариан испугался, как бы она не трахнула его сумкой по физиономии. Но вместо этого она написала фамилию и адрес и сунула ему листок.

— Держи. И не забудь разорвать на мелкие клочья, как только я уйду, — съехидничала она и закусила губу, чтобы не расплакаться. Потом она улыбнулась ему безоблачной улыбкой, пожала

руку, прошептала с сожалением: «Addio», на миг еще раз прижалась к нему и, высоко подняв голову, удалилась — грациозно, с полным сознанием собственного достоинства.

Минуту спустя Йоссариан разорвал полоску бумаги и пошел в противоположном направлении, важно задрав нос, очень гордый тем, что красивая молодая девушка переспала с ним и не попросила денег. Он был весьма доволен собой, покуда не заглянул в столовую Красного Креста, где принялся за бифштекс, сидя рядом с другими военнослужащими, щеголявшими военной формой самых немыслимых цветов и покроев. И тут внезапно на него нахлынули мысли о Лючане. Сейчас он безумно скучал по ней. Вокруг него в столовой сидели грубые безликие люди в военной форме. Он почувствовал непреодолимое желание снова очутиться с ней наедине и стремглав выскочил из-за стала. Он выбежал на улицу, намереваясь отыскать в водосточной канаве клочки бумаги, но дворник, поливавший из шланга мостовую, давно смыл их.

Йоссариану не удалось найти Лючану и вечером — ни в ночном клубе для офицеров союзных армий, ни в душном шикарном ресторане, где под стук деревянных подносов с изысканными

блюдами и под щебетание яркой стайки очаровательных девиц резвились прожигатели жизни. Йоссариан не мог даже найти тот ресторан, где встретился с Лючаной. Он лег в постель и во сне снова уходил от зенитного огня, и Аарфи снова подло крутился около него, бросая недобрые взгляды.

Утром он отправился искать Лючану. Он был готов обойти все французские конторы в любом конце города. Но никто из прохожих не понимал, о чем он спрашивает, и тогда он в ужасе побежал куда глаза глядят.

А потом он вернулся к себе, быстро собрал пожитки, оставил для Нейтли все деньги, которые были у него в бумажнике, и на транспортном самолете помчался обратно на Пьяносу, чтобы принести извинения Заморышу Джо за то, что выставил его из спальни. Но извинений не потребовалось, потому что Заморыш Джо находился в преотличнейшем настроении. Заморыш Джо улыбался от уха до уха, и от этого Йоссариану стало не по себе: он сразу понял, чем это пахнет.

— Сорок боевых заданий, — с готовностью отрапортовал Заморыш Джо. Он чуть не пел от радости. — Полковник снова подняв норму.

Новость ошеломила Йоссариана.

— Но ведь я налетал тридцать два задания, черт побери. Еще три — и я свободен.

Заморыш Джо безучастно пожал плечами.

— А полковник хочет сорок, — повторил он. Йоссариан оттолкнул его с дороги и опрометью кинулся в госпиталь.

17. Солдат в белом

Йоссариан кинулся в госпиталь, решив, что скорее останется в нем до конца дней своих, чем сделает еще хоть один боевой вылет свыше тех тридцати двух, что уже были на его счету. Десять дней спустя он передумал и вышел из госпиталя, но полковник увеличил количество боевых вылетов до сорока пяти. Йоссариан снова кинулся в госпиталь, решив, что скорее останется там до конца дней своих, чем сделает еще хоть один вылет свыше тех шести, которые он успел прибавить к своему счету.

Йоссариан мог ложиться в госпиталь в любое время — как из-за болей в печени, так и из-за своих глаз: докторам никак не удавалось установить, что с его печенью и что с его глазами, ибо каждый раз, жалуясь на печень, он отводил глаза в сторону. Он мог вкушать блаженство на госпитальной койке до тех пор, пока в палату не привозили хоть

одного настоящего больного. Йоссариан был еще достаточно крепок, чтобы перенести без излишних треволнений чужую малярию или грипп. Он отлично переносил удаление чужих миндалин, а чужие геморрой и грыжа вызывали у него всего лишь слабую тошноту и легкое отвращение. Но более серьезные заболевания соседей дурно отражались на его собственном здоровье. В таких случаях ему хотелось поскорее смотать удочки.

В госпитале было так тихо и спокойно: никто не требовал от Йоссариана никакой полезной деятельности.

Все, что от него требовалось, — это или умереть, или поправиться. А поскольку он и ложился вполне здоровым, то поправиться ему особого труда не стоило.

Жить в госпитале было гораздо приятнее, чем летать над Болоньей или кружиться над Авиньоном с Хьюплом и Доббсом у штурвалов и со Сноуденом, умирающим в хвостовом отсеке. За стенами госпиталя Йоссариану доводилось видеть больше нездоровых людей, чем в самом госпитале, а серьезно больных в палатах лежало совсем немного. Смертность в госпитале была гораздо ниже, чем за его стенами, да и сама смерть выглядела жизнерадостней, хотя, разумеется, и

здесь некоторые умирали без особой нужды.

Процесс переселения в мир иной был изучен в госпитале досконально. Здесь умирали четко и по правилам. Одолеть смерть врачи не могли, но зато ее заставляли вести себя прилично. Врачи научили смерть хорошим манерам. Держать ее за порогом было невозможно, но, уж коль скоро она поселилась под крышей госпиталя, ей приходилось вести себя, как воспитанной леди. Людей отправляли из госпиталя на тот свет тактично и со вкусом. Смерть здесь не бросалась в глаза, не была такой грубой и уродливой, как за стенами госпиталя. Здесь не взрывались в воздухе, подобно Крафту или покойнику из палатки Йоссариана, и не коченели в ослепительном сиянии летнего дня, как окоченел Сноудеи в хвостовом отсеке самолета.

Здесь люди не исчезали в загадочном облачке, как это произошло с Клевинджером. Их не разрывало на куски окровавленного мяса. Они не тонули в реке, их не убивало громом, не засыпало горным обвалом, их тела не кромсали зубчатые колеса заводских станков. Их не изрешечивали пулями-грабители, им не всаживали нож под ребро во время пьяной потасовки в пивной, им не раскраивали черепа топорами в семейной

междоусобице. Здесь никого не душили. Здесь люди умирали корректно, как джентльмены, от потери крови на операциях или без лишнего шума испускали дух в кислородной палатке, В госпитале не вели со смертью игры в прятки или в кошки-мышки, как это делалось за стенами госпиталя. Здесь не было ни голода, ни мора, здесь детей не душили в колыбелях, не замораживали в холодильниках и они не попадали под колеса грузовиков. Здесь никого не забивали до смерти, здесь никто не травился газом на кухне и не бросался под поезд метро, не выбрасывался в окно отеля, летя камнем с ускорением шестнадцать футов в секунду в квадрате, чтобы шлепнуться о тротуар с жутким стуком и лежать на глазах у прохожих отвратительной кучей, истекая кровью и розовея вывихнутыми пальцами ног.

Одним словом, Йоссариан был уверен, что в госпитале лучше, хотя и здесь имелись кое-какие недостатки. Его лечили, но как-то без души. Распорядок дня, вздумай человек ему следовать, был слишком жестким, а обслуживающий персонал — не всегда тактичным. Поскольку настоящим больным все же удавалось иной раз пробиться в госпиталь, Йоссариан не мог рассчитывать на то, что в палате его ждет интересная и весе-

лая компания. К тому же и развлечения были довольно скудные. Йоссариану пришлось признать, что в госпиталях нынче стало не то: ведь шла война, и чем ближе госпиталь находился к линии фронта, тем более заметно ухудшался качественный состав его обитателей. Особенно это чувствовалось, когда госпиталь оказывался в зоне боев. Напряженность на фронте немедленно давала себя знать в госпитале. Со здоровьем у людей становилось все хуже и хуже, по мере того как они глубже увязали в войне.

Когда Йоссариан в последний раз очутился в госпитале, он встретил там солдата в белом, у которого со здоровьем дело обстояло так плохо, что, стань оно хоть чуточку хуже, он бы умер, что, впрочем, вскоре и произошло.

Солдат в белом походил на толстую пачку бинта с темной дыркой наверху, надо ртом, и из этой дырки, как украшение, торчал градусник. Когда обитатели палаты наутро обнаружили, кого им ночью тайком подложили в палату, — все, за исключением техасца, стали шарахаться от солдата с сострадательно-брезгливыми гримасами на лице. Люди собирались в дальнем углу палаты и злобным, раздраженным шепотом судачили о нем, возмущались тем, что их так подло прове-

ли, подсунув им этого солдата, крыли его на все корки, поскольку он был живым напоминанием о тошнотворно-неприглядной реальности. Всех пугало, что солдат будет стонать.

— Не знаю, что и делать, — мрачно изрек летчик-истребитель, бравый юнец с золотистыми усиками. — Увидите, он будет стонать ночь напролет.

Но за все время пребывания в палате солдат в белом не издал ни звука. Единственным человеком, отважившимся подойти взглянуть на солдата, был общительный техасец. Несколько раз в день он подходил потолковать с солдатом насчет того, что порядочным людям надо бы предоставлять больше голосов на выборах. Он начинал разговор одним и тем же неизменным приветствием:

— Ну что скажешь, приятель? Как делишки? Остальные обитатели, облаченные в казенные вельветовые халаты коричневого цвета и облезлые фланелевые пижамы, избегали их обоих. Все мрачно размышляли, откуда взялся этот солдат в белом, кто он такой и как он там выглядит под бинтами.

— Он вполне здоров, поверьте мне, — сообщал техасец бодрым тоном после очередного визита

вежливости к солдату. — Сними с него бинты — и он окажется самым обыкновенным малым. Просто он малость стесняется, пока не пообвык. К тому же он ни с кем здесь не знаком. Почему бы вам не подойти к нему и не познакомиться? Он вас не укусит.

— О чем ты, черт тебя побери, болтаешь? — вспылил Данбэр. — Да понимает ли он вообще, о чем ты мелешь?

— Конечно. Он понимает все, что я говорю. Не такой уж он глупый. Парень как парень, все в норме.

— Да он хоть слышит тебя?

— Вот этого я не знаю, но в том, что он понимает, — нисколько не сомневаюсь.

— А ты хоть раз видел, чтобы у него шевелилась марля надо ртом?

— Что за идиотский вопрос? — беспокойно спрашивал техасец.

— Почему же ты уверен, что он дышит, если марля и то не шевелится?

— Как ты вообще можешь утверждать, что это он, а не она?

— А вот ты скажи: глаза у него там, под бинтами, прикрыты марлевыми салфеточками?

— Он хоть раз шевельнул пальцами ног или

дернул мизинцем?

Техасец пятился, все более и более конфузясь:

— Что за идиотские вопросы? Вы, друзья, должно быть, все с ума тут спятили? Лучше бы подошли к нему да познакомились. Я вам серьезно говорю: он славный парень.

На самом деле солдат походил не столько на славного парня, сколько на туго набитое, стерилизованное чучело. Благодаря стараниям сестер Даккит и Крэмер солдат выглядел ухоженным. Они аккуратно проходились щеточкой по бинтам, намыленной тряпочкой обтирали гипс на руках, ногах, плечах, груди и бедрах. Несколько раз в день они влажными полотенцами стирали пыль с тонких резиновых трубок, тянувшихся от солдата к двум большим закупоренным бутылям. Одна бутыль стояла на подставке рядом с кроватью, и жидкость из нее сочилась в руку сквозь прорезь в бинтах, другая — на полу, и в нее через цинковую трубку стекала жидкость из паха. Сестры то и дело до блеска протирали стеклянные сосуды. Они гордились этой работой, как исправные домохозяйки. Особенно старалась сестра Крэмер, хорошо сложенная девица с полноватым лицом, вроде бы красивым, но начисто лишенным обаяния женственности. У

сестры Крэмер был хорошенький носик и отличная, нежная кожа, усыпанная очаровательными веснушками, которые Йоссариан терпеть не мог. Солдат в белом чрезвычайно волновал сестру Крэмер. Часто ни с того ни с сего ее бледно-голубые, невинные, круглые, как блюдца, глаза извергали такой бурный поток слез, что Йоссариан чуть с ума не сходил.

— Откуда вы, черт вас возьми, знаете, что здесь, под этими бинтами, вообще кто-то есть?

— Не смейте так говорить со мной! — негодующе отвечала она.

— Но все-таки — откуда? Вы ведь даже не знаете, кто это такой!

— Что значит «кто такой»?

— Ну кто, по-вашему, под этими бинтами? Вы бы лучше оплакивали кого-нибудь другого. И с чего вы вообще взяли, что он еще жив?

— Какие чудовищные вещи вы говорите! — воскликнула сестра Крамер. Она в отчаянии повернулась к Данбэру, ища у него защиты. — Заставьте его прекратить эти разговоры, — попросила она Данбэра.

— А может, под бинтами вообще никого нет? — отозвался Данбэр. — Может, эти бинты прислали сюда шутки ради?

Она в испуге попятилась от Данбэра.

— Вы с ума сошли! — вскричала она, затравленно озираясь. — Вы оба сумасшедшие.

Затем появилась сестра Даккит, и, пока сестра Крэмер меняла солдату в белом бутыли, сестра Даккит загнала Йоссариана и Данбэра в кровати. Менять бутыли для солдата в белом было делом нетрудным, поскольку та же самая светлая жидкость протекала через него снова и снова без заметных потерь. Когда бутыль с питательным раствором, стоявшая у локтя солдата, опорожнялась, бутыль на полу наполнялась почти доверху. Тогда из обеих бутылей выдергивали соответствующие шланги, бутыли меняли местами, и жидкость снова струилась по прежнему маршруту.

Менять бутыли для солдата в белом было простым делом для тех, кто этим занимался, но не для тех, кому приходилось чуть ли не каждый час наблюдать за этой процедурой. У обитателей палаты эта процедура вызывала недоумение.

— Почему бы не соединить бутыли напрямую и не ликвидировать промежуточное звено? — спрашивал артиллерийский капитан, с которым Йоссариан бросил играть в шахматы. — За каким чертом им нужен солдат?

— Интересно, чем он заслужил такую честь? — вздохнул уоррэнт-офицер, малярик, пострадавший от комариного укуса.

Разговор происходил после того, как сестра Крэмер, взглянув на градусник, обнаружила, что солдат в белом мертв.

— Тем, что пошел на войну, — высказал предположение летчик-истребитель с золотистыми усиками.

— Мы все пошли на войну, — возразил Данбэр.

— А я о чем? — продолжал уоррэнт-офицер, малярик. — Почему это случилось именно с ним? Я не вижу никакой логики в божественной системе наград и наказаний. Посмотрите-ка, что произошло со мной. Подцепи я за пять минут блаженства на пляже вместо проклятого комариного укуса сифилис или триппер, тогда я, может, и сказал бы, что на свете есть справедливость. Но малярия! Малярия! Почему, скажите на милость, человек должен расплачиваться за свой блуд малярией?

Уоррэнт-офицер в недоумении покачал головой.

— А взять, к примеру, меня, — сказал Йоссариан. — Однажды вечером в Маракеше я вышел из палатки, чтобы раздобыть плитку шоколада, а

получил триппер, предназначенный для тебя. Девица из женского вспомогательного корпуса, которую я прежде в глаза не видел, заманила меня в кусты.

— Да, похоже, что тебе и в самом деле достался мой триппер, — согласился уоррэнт-офицер. — А я подхватил чью-то малярию. — Хотел бы я, чтобы все раз и навсегда встало на свои места: пусть каждый получает то, что заслужил. Тогда я, пожалуй, еще поверю, что мир устроен справедливо.

— А я получил чьи-то триста тысяч долларов, — признался бравый капитан истребительной авиации с золотистыми усиками. — Всю жизнь я только и делал, что гонял лодыря. Подготовительную школу и колледж кончил чудом. Единственное, чем я занимался в жизни по-настоящему, — это любил смазливых девчонок: они почему-то считали, что из меня получится хороший муж. Все, что мне надо от жизни после войны, — жениться на девушке, у которой деньжат побольше, чем у меня, и продолжать любить других смазливых девчонок. А триста тысяч монет достались мне еще до того, как я родился, — от дедушки. Старик разбогател на торговле помоями в международном масштабе. Я знаю, что не заслужил этих денег, но будь я

проклят, если от них откажусь. Интересно, кому они предназначались по справедливости?

— Может быть, моему отцу? — высказал догадку Данбэр. — Он всю жизнь работал не покладая рук, но ему все время не хватало денег, чтобы послать нас с сестрой учиться в колледж. Теперь он умер, так что можешь держать свои доллары при себе.

— Ну а если мы теперь выясним наконец, кому принадлежит по праву моя малярия, тогда все будет в порядке, — сказал уоррэнт-офицер. — Не то что я против малярии. Есть у меня малярия или нет, богаче я все равно не стану. Но не могу же я смириться с тем, что свершилась несправедливость. Почему мне должна была достаться чужая малярия, а тебе — мой триппер?

— Мне достался не только твой триппер, — сказал ему Йоссариан, — но и твои боевые вылеты. Ты их не выполнил, и мне придется летать, пока меня не укокошат.

— Тогда еще хуже. Где же здесь справедливость?

— Две с половиной недели назад у меня был друг, по имени Клевинджер, который считал, что здесь заложена величайшая справедливость…

— …Все устроено в высшей степени разумно, —

злорадствовал Клевинджер, весело посмеиваясь. — Как тут не вспомнить еврипидовского «Ипполита»: распущенность Тезея вынудила его сына стать аскетом, а это, в свою очередь, привело к трагедии, погубившей их всех. Эпизод с девицей из женского вспомогательного корпуса послужит тебе уроком и заставит понять, как пагубна половая распущенность.

— Этот эпизод заставит меня понять, как пагубно ходить за шоколадом.

— Неужели ты не видишь, что во всех своих неприятностях частично виноват ты сам? — с явным удовольствием продолжал Клевинджер. — Не попади ты тогда в Африке в госпиталь из-за своего венерического заболевания, ты вовремя отлетал бы свои двадцать пять заданий и отправился бы домой до того, как погибшего полковника Неверса заменил полковник Кэткарт.

— Ну а ты? — спросил Йоссариан. — Ты же не подцепил триппер в Маракеше, а оказался в таком же положении.

— Не знаю, — признался Клевинджер с напускной озабоченностью. — Наверное, я чем-то прогневил бога.

— Ты серьезно этому веришь? Клевинджер расхохотался:

— Нет, конечно, нет. Просто захотелось тебя подразнить…

…Слишком много опасностей подстерегало Йоссариана, и он не мог предусмотреть каждую. Гитлер, Муссолини и Тодзио, например, задались целью его прикончить. Лейтенант Шейскопф с его фанатичной приверженностью к парадам и усатый высокомерный полковник, обуреваемый желанием чинить суд и расправу, тоже жаждали его доконать. Под стать им были Эпплби, Хэвермейер, Блэк, Корн, сестры Крэмер и Даккит. Йоссариан почти не сомневался, что все они желают ему погибели. А уж относительно техасца и контрразведчика он и подавно не заблуждался. Буфетчики, каменщики, кондукторы автобусов всего мира — даже они желали его смерти. Землевладельцы и арендаторы, предатели и патриоты, линчеватели, вымогатели, злопыхатели — все жаждали вышибить из него мозги. Это была та самая тайна, которую приоткрыл ему Сноуден во время налета на Авиньон: они норовят его прикончить, Сноуден доказал это своей кровью, расплескавшейся по полу хвостового отсека.

К тому же существовали еще и лимфатические железы. Они тоже могли свести Йоссариана в могилу. Почки, нервные клетки, кровяные

тельца. Опухоль мозга. Лейкемия. Рассеянный склероз. Рак. Болезни кожи. Костные, легочные, желудочные и сердечно-сосудистые заболевания. Болезни головы, болезни шеи, болезни груди, кишечные заболевания и множество всяких других. Миллиарды доброкачественных клеток день и ночь молча бились, как дикие звери, выполняя чудовищно сложную работу по поддержанию в добром здравии организма Йоссариана, но каждая из них в любой момент могла оказаться предателем и врагом. Болезней было такое множество, что только люди с больной психикой, такие, как Йоссариан и Заморыш Джо, были способны постоянно о них думать.

Заморыш Джо вел список смертельных заболеваний и располагал их в алфавитном порядке, чтобы в любой момент разыскать любую болезнь, занимавшую в данный момент его воображение. Он буквально не находил себе места, когда какая-нибудь болезнь попадала не в ту графу или когда он не был в состоянии добавить к своему списку ничего новенького. Обливаясь холодным потом, он врывался в палатку к доктору Дейнике, моля о помощи.

— Скажи ему, что у него опухоль Юинга, — подсказывал Йоссариан доктору Дейнике, когда

тот приходил посоветоваться, как поступить с Заморышем Джо. — И подкинь еще к этому меланомку. Заморыш Джо обожает продолжительные болезни, но еще больше ему нравятся болезни, бурно протекающие.

Ни о той, ни о другой болезни доктор Дейника и понятия не имел.

— Как ты ухитряешься удерживать в памяти столько названий? — спросил он, и в голосе его послышалось высокое профессиональное уважение.

— Я выучил их в госпитале читая «Ридерс дайджест». Боясь всяких заболеваний, Йоссариан порой испытывал искушение навсегда переселиться в госпиталь и прожить там остаток дней своих, распростершись в кислородной палатке, в окружении сонма врачей и сестер. И чтоб обязательно поблизости точил нож о нож хирург, готовый по первому сигналу броситься что-нибудь вырезать у Йоссариана. А на что можно надеяться в эскадрилье? Взять хотя бы аневризму. Разве в эскадрилье ему спасут жизнь, если вдруг у него обнаружится аневризма аорты? Нет, что ни говорите, а в госпитале Йоссариан чувствовал себя куда спокойней чем за его стенами, хоть и испытывал к хирургу и к скальпелям такое же

отвращение, как и ко всей прочей медицине. Но в госпитале он мог в любое время поднять крик, и к нему, по крайней мере, бросились бы на помощь. А начни он орать за стенами госпиталя о том, о чем, собственно говоря, все должны кричать во весь голос, его попросту упрятали бы в тюрьму или в психиатрическую больницу. Он часто думал: распознает ли он первый озноб, лихорадку, колотье в боку, головную боль, отрыжку, чих, сонливость, покраснение на коже, хрипоту, головокружение, провалы памяти и другие симптомы заболеваний, могущие оказаться неизбежным началом неизбежного конца?

Кроме того, он боялся, что доктор Дейника откажет ему в помощи. После того как он выпрыгнул в окошко из кабинета майора Майора, он еще раз пришел к доктору Дейнике. Предположение Йоссариана подтвердилось.

— Чего тебе бояться? — спросил доктор Дейника, поднимая свою миниатюрную черноволосую головку и недовольно глядя на Йоссариана слезящимися глазами. — Что же тогда сказать обо мне? На этом паршивом островишке я растерял весь свой бесценный медицинский опыт, а в это время другие врачи пополняют свои знания. Ты думаешь, мне приятно сидеть тут целыми днями

и отказывать тебе в помощи? Я бы особенно не переживал, доведись мне отказать тебе в Штатах или, скажем, в Риме. Но говорить тебе каждый раз «нет» на Пьяносе, поверь, — это нелегко.

— Ну так и не говори. Освободи меня лучше от полетов.

— Да не могу я освободить тебя, — пробубнил доктор Дейника. — Сколько раз тебе повторять?

— Нет, можешь. Майор сказал, что ты — единственный человек в эскадрилье, который имеет право освободить меня от полетов.

Доктор Дейника опешил:

— Так тебе сказал майор Майор? Когда?

— Когда я настиг его в железнодорожной выемке.

— Так сказал майор Майор? В выемке?

— Нет, он сказал это в кабинете, после того как мы вылезли из выемки и впрыгнули в окно. Он просил не говорить об этом никому. Так что ты не очень-то трезвонь.

— Какой ты все-таки гнусный тип! Трепач и лгун! Ему видите ли, велели никому не говорить! А не сказал ли он, каким это образом я смогу освободить тебя от полетов?

— Черкануть на бумажке, что я на грани нервного истощения, и отправить бумажку в штаб

полка. Доктор Стаббс в своей эскадрилье то и дело списывает людей, а почему ты не можешь?

— А что дальше происходит с людьми, которых Стаббс списывает? — насмешливо спросил доктор Дейника. — Может быть, ты не знаешь, что их прямехонько отправляют обратно на боевые задания? А доктор садится в лужу. Конечно, я могу освободить тебя, заполнив бумажку, что ты не годен для полетов, но ты забыл об «уловке».

— «Уловке двадцать два»?

— Именно. Допустим, я освобожу тебя от полетов, но мое решение должно быть одобрено штабом полка. Там и не подумают его утвердить. Тебя-то вернут на боевые задания, а вот что будет со мной? Скорее всего, отправят на Тихий океан. Нет уж, благодарю. Я вовсе не собираюсь ради тебя испытывать судьбу.

— А может, все-таки стоит попытаться? — не сдавался Йоссариан. — Что хорошего ты нашел здесь, на Пьяносе?

— Пьяноса — ужасная гадость. Но все-таки это лучше, чем Тихий океан. Я был бы не против, если бы меня отправили куда-нибудь в цивилизованное место, где время от времени я сумел бы подработать на абортах. Но на тихоокеанских островах нет ничего, кроме джунглей и муссонов.

Я сгнию там заживо.

— Ты и здесь гниешь.

Доктор Дейника рассвирепел не на шутку.

— Вот как? Зато по крайней мере я приду с войны живым, а вот о тебе этого с уверенностью я не могу сказать.

— Черт побери, ведь как раз об этом и идет речь! Именно поэтому я и прошу тебя спасти мне жизнь.

— Спасение жизней — не мое дело, — хмуро возразил доктор Дейника.

— А что же — твое дело?

— Не знаю. Мне сказали, что я обязан соблюдать профессиональные этические нормы и никогда не давать показаний против других врачей. Послушай, ты думаешь, что только твоя жизнь в опасности? А что в таком случае сказать обо мне? Эти два шарлатана, которые помогают мне в медсанчасти, до сих пор не установили, что со мной.

— Может быть, у тебя опухоль Юинга? — саркастически спросил Йоссариан.

— Ты всерьез так думаешь? — испугался доктор Дейника.

— Откуда мне знать, — нетерпеливо ответил Йоссариан. — Я твердо знаю только одно: что мне еще придется полетать. Как ты думаешь, меня

собьют? У меня уже пятьдесят один вылет.

— Уж налетал бы пятьдесят пять, — посоветовал доктор Дейника. — С твоим дурацким характером ты еще ни разу не выполнил нормы.

— Так как же, черт побери, я ее выполню? Стоит мне приблизиться к норме, как полковник Кэткарт снова ее увеличивает.

— Ты никогда не выполнишь норму, потому что то и дело убегаешь в госпиталь или уезжаешь в Рим. Выполнил бы свои пятьдесят пять заданий — и все было бы в порядке. Тогда ты имел бы право отказаться летать. А я подумал бы, как тебе помочь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Что ты обещаешь?

— Обещаю, что я, возможно, подумаю, как тебе помочь, если ты выполнишь свои пятьдесят пять заданий и если уговоришь Макуотта отметить меня в полетном листе. Мне надо получить надбавку, за полетное время, не садясь в самолет. Я боюсь самолетов. Ты читал об авиационной катастрофе в Айдахо три недели назад? Шестеро погибли. Кошмар!.. Не знаю, кому это нужно, чтобы я летал четыре раза в месяц ради какой-то надбавки. Мне и без того хватает нервотрепки. А

тут еще дрожи от страха, что разобьешься.

— Я треплю себе нервы по той же самой причине. Не ты один.

— Угу, но я еще здорово нервничаю из-за этой опухоли Юинга, — похвалился доктор Дейника. — Тебе не приходило в голову, почему у меня все время озноб и заложен нос? Пощупай мой пульс.

Йоссариана тоже волновали опухоль Юинга и меланома. Словом, несчетные беды лезли из всех щелей. Когда он размышлял над тем, какое множество болезней и трагических происшествий подстерегает его на каждом шагу, он просто поражался, как это он ухитрился до сих пор сохранить отличное здоровье. Это было какое-то чудо. Каждый день его жизни был рискованной и опаснейшей схваткой со смертью. И целых двадцать восемь лет ему удавалось ежедневно выходить победителем из этих схваток.

18. Солдат, у которого двоилось в глазах

Своим крепким здоровьем Йоссариан был обязан физкультуре и спорту, свежему воздуху и благотворному влиянию коллектива. Однако в один прекрасный день, когда инструктор по физической подготовке на базе в Лоури Филд

приказал всем выходить на зарядку, рядовой Йоссариан поспешил в амбулаторию и пожаловался на боли в боку.

— Мотай отсюда, — сказал дежурный врач, который в это время ломал себе голову над кроссвордом.

— Мы не имеем права говорить ему: «Мотай отсюда», — сказал капрал. — Относительно желудочных больных поступило новое распоряжение. Мы обязаны держать их под наблюдением в течение пяти дней, потому что многие из них умирают, после того как мы их выставляем за дверь.

— Ну ладно, — проворчал врач. — Подержите его под наблюдением пять дней, а потом пусть мотает отсюда.

У Йоссариана отобрали одежду и поместили его в палату, где он был вполне счастлив, поскольку поблизости никто не храпел. Наутро в палату влетел молоденький англичанин — подающий большие надежды ординатор — и осведомился у Йоссариана насчет его печени.

— По-моему, у меня что-то не в порядке с аппендиксом, — сказал ему Йоссариан.

— Да, с аппендиксом у вас неважно, — с апломбом заявил англичанин. — Если ваш аппендикс

не в порядке, мы вас оперируем. Оглянуться не успеете, как вернетесь в часть. А вот приди вы к нам с жалобой на печень, вы могли бы целый год водить нас за нос. Видите ли, печень для нас — темный лес. На сегодняшний день мы знаем твердо только то, что печень существует. Мы имеем более или менее ясное представление о том, как функционирует здоровая печень, но все остальное для нас, откровенно говоря, — туман. В конце концов, что такое печень? Возьмем, к примеру, моего отца. Он умер от рака печени, хотя ни разу в жизни не болел, пока его не свалил рак. Человек понятия не имел, что такое боль. Правда, меня все это мало трогало, поскольку я отца терпеть не мог. Но мать обожал. Вы знаете, так бывает…

— А чем здесь занимается офицер английской медицинской службы? — захотелось узнать Йоссариану. Офицер засмеялся:

— Расскажу, когда увидимся завтра утром. И снимите вы этот дурацкий пузырь со льдом, пока не умерли от воспаления легких.

Больше Йоссариан англичанина не видел. Самой приятной особенностью госпитальных врачей было то, что Йоссариан никогда не видел их дважды. Они приходили, уходили и исчезали

навсегда. На следующий день вместо английского ординатора в палату пожаловала группа незнакомых Йоссариану врачей. Они принялись расспрашивать Йоссариана об аппендиксе.

— Аппендикс как аппендикс, — сообщил им Йоссариан. — Вчера доктор сказал, что все дело в печени.

— Может быть, и в самом деле это печень, — заметил седовласый врач, начальник отделения. — Что говорит анализ крови?

— Анализа крови еще не делали.

— Сделать немедленно. Мы не можем рисковать с подобными пациентами. Нужно застраховаться на случай, если он умрет. — Начальник отделения сделал пометку в записной книжке и обратился к Йоссариану: — Пока что положите на живот пузырь со льдом. Это очень важно.

— У меня нет пузыря.

— Так достаньте. Здесь где-то должен быть пузырь со льдом. Если боль станет невыносимой, дайте нам знать.

На десятый день появилась новая группа врачей и принесла Йоссариану скверную новость: он абсолютно здоров и должен немедленно убираться из госпиталя. В самую последнюю секунду его спас пациент, лежавший напротив через проход:

у этого человека вдруг начало все в глазах двоиться. Ни с того ни с сего он сел в постели и заорал:

— У меня все в глазах двоится!

Медсестра взвизгнула и упала в обморок. Со всех сторон сбежались врачи со шприцами, рефлекторами, трубками, резиновыми молоточками и сверкающими скальпелями. Более громоздкий инструментарий вкатили на тележке. Поскольку на всех врачей не хватало пациентов, специалисты выстроились в очередь, толкая друг друга, препираясь и покрикивая, чтобы передние поторапливались, — ведь и другие тоже хотят отличиться. Вскоре лобастый полковник в очках с роговой оправой установил диагноз.

— Менингит, — с пафосом провозгласил он. — Хотя… особых оснований для такого диагноза нет.

— Тогда почему же менингит? — спросил майор, сдержанно хихикнув. — А почему, скажем, не острый нефрит?

— А потому, что я менингитчик, а не остронефритчик, вот почему, — возразил полковник. — И я не намерен уступать парня кому-нибудь из вас, уважаемые почковеды. Только через мой труп. Я прибежал сюда раньше вас всех. В конце концов врачи пришли к согласию. Они сошлись

на том, что понятия не имеют, почему у солдата все в глазах двоится. Солдата увезли из палаты в изолятор и объявили в госпитале двухнедельный карантин.

В госпитале Йоссариан встретил День благодарения; праздник прошел спокойно, без суматохи. К сожалению, обед все-таки привнес долю праздничной суеты, хотя индейка, надо отдать ей должное, была весьма недурна. Столь разумно Йоссариан еще никогда не проводил День благодарения и посему дал священную клятву, что отныне каждый День благодарения будет проводить в тихом госпитальном уединении. Но уже на следующий год он на рушил клятву и провел праздник в номере гостиницы за интеллектуальной беседой с женой лейтенанта Шейскопфа, на шее которой болтался медальон, подаренный ей подругой Дори Дуз специально для подобных случаев жизни. Жена лейтенанта Щейскопфа распекала Йоссариана за то, что он относится к Дню благодарения цинично, без души, хотя она, так же, как и он, не верила в бога.

— Пусть я такая же атеистка, как и ты, — заявила она тоном превосходства, — но все-таки я чувствую, что нам есть за что благодарить бога. Так зачем же стыдиться своих чувств и прятать

их?

— За что же, например, я должен благодарить бога? Ну назови, — нехотя вызвал ее на спор Йоссариан.

— Ну... — жена лейтенанта Шейскопфа запнулась на секунду, подумала и не совсем уверенно проговорила: — За меня.

— Еще чего! — усмехнулся Йоссариан. Она удивленно изогнула брови.

— А разве ты не благодарен богу за то, что встретил меня? — спросила она и обиженно надулась. Гордость ее была уязвлена.

— Ну конечно, я благодарен, милая.

— А еще будь благодарен за то, что ты здоров.

— Но ведь здоровым всю жизнь не будешь. Вот что огорчает.

— Радуйся тому, что ты просто жив.

— Но я могу в любой момент умереть. И это бесит.

— И вообще все могло быть гораздо хуже! — закричала она.

— Но все могло быть, черт возьми, и неизмеримо лучше! — запальчиво ответил он. — И не уверяй меня, будто пути господни неисповедимы, — продолжал Йоссариан уже более спокойно. — Ничего неисповедимого тут нет. Бог

вообще ничего не делает. Он забавляется. А скорее всего, он попросту о нас забыл. Ваш бог, о котором вы все твердите с утра до ночи, — это темная деревенщина, недотепа, неуклюжий, безрукий, бестолковый, капризный, неповоротливый простофиля!.. Сколько, черт побери, почтения к тому, кто счел необходимым включить харкотину и гниющие зубы в свою «божественную» систему мироздания. Ну вот скажи на милость, зачем взбрело ему на ум, на его извращенный, злобный, мерзкий ум, заставлять немощных стариков испражняться под себя? И вообще, зачем, скажи на милость, он создал боль?

— Боль? — подхватила жена лейтенанта Шейскопфа. — Боль — это сигнал. Боль предупреждает нас об опасностях, грозящих нашему телу.

— А кто придумал опасности? — спросил Йоссариан и злорадно рассмеялся. — О, действительно, как это милостиво с его стороны награждать нас болью! А почему бы ему вместо этого не использовать дверной звонок, чтобы уведомлять нас об опасностях, а? Или не звонок, а какие нибудь ангельские голоса? Или систему голубых или красных неоновых лампочек, вмонтированных в наши лбы? Любой мало-мальски стоящий слесарь мог бы это сделать. А почему он не смог?

— Это было бы довольно грустное зрелище — люди разгуливают с красными неоновыми лампочками во лбу!

— А что, по-твоему, это не грустное зрелище, когда люди корчатся в агонии и обалдевают от морфия? О, бесподобный и бессмертный бракодел! Когда взвешиваешь его возможности и его власть, а потом посмотришь на ту бессмысленную и гнусную карусель, которая у него получилась, становишься в тупик при виде его явной беспомощности. Видно, ему сроду не приходилось расписываться в платежной ведомости. Ни один уважающий себя бизнесмен не взял бы этого халтурщика даже мальчиком на побегушках. Жена лейтенанта Шейскопфа боялась поверить своим ушам. Она побледнела и впилась в Йоссариана тревожным взглядом.

— Милый, не надо говорить о нем в таком тоне, — сказала она шепотом. — Он может покарать тебя.

— А разве он и так мало меня наказывает? — горько усмехнулся Йоссариан. — Ну нет, это ему даром не пройдет. Нет, нет, мы обязательно проучим его за все несчастья, которые он обрушивает на наши головы. Когда-нибудь я предъявлю ему счет. И я знаю когда — в день Страшного суда. Да,

в тот день я окажусь совсем близко около него. И тогда стоит мне протянуть руку — и я схвачу этого деревенского придурка за шиворот и…

— Перестань! Перестань! — завизжала жена лейтенанта Шейскопфа и принялась колотить его по голове.

Йоссариан прикрылся рукой, а она лупила его в припадке бабьей ярости, пока он решительно не схватил ее за запястья.

— Какого черта ты так разволновалась? — спросил он недоуменно и, как бы извиняясь, добавил: — Я думал, ты не веришь в бога.

— Да, не верю, — всхлипнула она и разразилась бурным потоком слез. — Но бог, в которого я не верю, — он хороший, справедливый, милостивый. Он не такой низкий и глупый, как ты о нем говорил.

Йоссариан рассмеялся и выпустил ее руки.

— Давай не будем навязывать друг другу своих религиозных взглядов, — любезно предложил он. — Ты не верь в своего бога, я не буду верить в своего. По рукам?..

Это был самый бестолковый День благодарения в его жизни. Йоссариан с удовольствием вспоминал прошлогодний безмятежный двухнедельный карантин в госпитале. Правда, идиллия потом

была нарушена: срок карантина истек, и ему снова напомнили, что он должен убираться вон и отправляться на войну. Услышав эту скверную новость, Йоссариан сел в постели и заорал:

— У меня все в глазах двоится!

В палате началось вавилонское столпотворение. Отовсюду сбежались специалисты и окружили его плотным кольцом. Носы самой разнообразной конфигурации склонились над ним так низко, что каждый квадратный дюйм его тела ощущал прохладные ветерки, вырывавшиеся из ноздрей господ специалистов. Врачи пускали ему в уши и глаза тоненькие лучики света, атаковали его колени и подошвы резиновыми молоточками и вибрирующими иглами, брали кровь из его вен и высоко поднимали первые попавшиеся под руку предметы, чтобы проверить его периферийное зрение.

Бригаду врачей возглавлял солидный, дотошный джентльмен, который поднял палец перед носом Йоссариана и требовательно спросил:

— Сколько пальцев вы видите?

— Два! — сказал Йоссариан.

— А сколько пальцев вы видите сейчас? — спросил врач, подняв два пальца.

— Два, — сказал Йоссариан.

— А сейчас? — спорсил доктор и не показал ничего.

— Два, — сказал Йоссариан. Лицо врача расплылось в улыбке.

— Клянусь святым Иовом, он прав! — ликуя, объявил врач, — У него действительно все в глазах двоится.

Йоссариана отвезли на каталке в изолятор, где лежал солдат, у которого двоилось в глазах, а в палате объявили еще один карантин на две недели.

— У меня все в глазах двоится! — заорал, солдат, у которого все в глазах двоилось, когда вкатили Йоссариана.

— У меня все в глазах двоится! — заорал изо всех сил Йоссариан, подмигивая солдату.

— Стены! Стены! — заорал солдат. — Отодвиньте стены!

— Стены! Стены! — заорал Йоссариан. — Отодвиньте стены!

Один из врачей сделал вид, будто отодвигает стены.

— Вот так достаточно?

Солдат, у которого двоилось в глазах, слабо кивнул головой и рухнул на подушки. Йоссариан тоже слабо кивнул головой, не сводя восхищен-

ного взора с талантливого соседа. Солдат работал по классу мастеров. У такого таланта стоило поучиться — равняться на мастеров всегда, полезно. Однако ночью талантливый сосед скончался. Йоссариан понял, что, подражая ему, пожалуй, можно зайти слишком далеко.

— Я все вижу раз! — поспешно закричал он. Новая группа специалистов, вооруженных медицинскими инструментами, собралась у его постели, дабы удостовериться, что он говорит правду.

— Сколько пальцев вы видите? — спросил главный, подняв один палец.

— Один, — ответил Йоссариан. Врач поднял два пальца.

— А сколько теперь?

— Один.

— А теперь? — спросил он, подняв десять пальцев.

— Один.

Врач обернулся к коллегам в крайнем изумлении.

— Он действительно все видит в единственном числе! — воскликнул он. — Наш курс лечения оказался весьма эффективным.

— И весьма своевременным, — проговорил

врач, задержавшийся у постели Йоссариана после ухода специалистов. Это был высокий свойский парень с заостренным, как головка снаряда, черепом и с подбородком, заросшим рыжеватой щетиной. Из его нагрудного кармана торчала пачка сигарет. Прислонившись к стене, он с беспечным видом прикуривал новую сигарету от старой.

— Дело в том, что тебя приехали проведать родственники. Ты не беспокойся, — добавил он, смеясь, — это не твои родственники. Это мать, отец и брат того парня, который умер ночью. Они ехали к умирающему из самого Нью-Йорка. Ты самый подходящий из того, что у нас есть.

— О чем вы говорите? — подозрительно спросил Йоссариан. — Я пока что еще не умираю.

— То есть, как это не умираешь? Мы все умираем. А куда же еще ты держишь путь с утра и до вечера, если не к могиле?

— Но ведь они приехали повидать не меня, — возразил Йоссариан. — Они приехали повидать своего сына.

— Им придется довольствоваться тем, что мы им предложим. Для нас один загибающийся малый нисколько не хуже и не лучше другого. Для людей науки все умирающие на одно лицо. Так

вот что я хочу тебе предложить. Ты им разреши войти, и пусть они на тебя полюбуются несколько минут, а я за это никому не скажу, что ты втираешь очки насчет печеночных приступов.

Йоссариан отодвинулся от него подальше.

— А вы знаете, что я втираю очки?

— Конечно, знаю. Доверься нам, — дружески усмехнулся доктор и прикурил новую сигарету. — Неужели ты думаешь, что кто-нибудь верит в твою больную печень? А зачем ты пристаешь к медсестрам? Если ты хочешь убедить людей, что у тебя больная печень, забудь о бабах.

— Чертовски высокая цена за то, чтобы выжить. Что же вы меня не разоблачили, если видели, что я симулирую?

— А на кой черт мне это нужно? — удивился доктор. — Мы все тут втираем очки друг другу. Я всегда не прочь протянуть руку помощи и договориться с хорошим человеком, чтобы помочь ему остаться в живых, при условии, что он готов оказать мне такую же услугу. Эти люди приехали издалека, и мне бы не хотелось их разочаровывать. Стариков мне всегда жалко.

— Но ведь они приехали повидать сына.

— Они прибыли слишком поздно. Возможно, они даже и не заметят никакой разницы.

— Ну а вдруг они начнут плакать?

— Это уж наверняка. Для этого они, собственно, и приехали. Я буду стоять за дверью и слушать и, если дело примет скверный оборот, тут же вмешаюсь.

— Все это звучит довольно дико, — задумчиво проговорил Йоссариан. — Зачем им нужно видеть, как умирает их сын?

— Этого я не понимаю, — признался доктор. — Но так уж водится. Ну, договорились? Все, что от тебя требуется, — немного поумирать. Разве это так уж трудно?

— Ладно, — сдался Йоссариан. — Если всего несколько минут… И вы обещаете постоять за дверью… — Он начал входить в роль. — Послушайте, а вы, может, меня забинтуете для большей убедительности?

— По-моему, это прекрасная мысль, — одобрил врач.

Йоссариана щедро забинтовали.

Дежурные сестры повесили на обоих окнах шторы, приспустивших так, что комната погрузилась в унылый полумрак. Йоссариан вспомнил о цветах. Врач откомандировал дежурную сестру, и вскоре та вернулась с двумя куцыми букетиками увядших цветочков, источавших резкий

тошнотворный запах. Когда все было готово, Йоссариану велели улечься в постель. Затем впустили посетителей. Они нерешительно переступили порог, словно чувствовали себя незваными гостями. Они вошли на цыпочках с жалким, виноватым видом: впереди — убитые горем мать и отец, за ними — брат, коренастый, широкоплечий, насупившийся моряк.

Мать и отец стояли, прижавшись друг к другу, точно только что сошли с пожелтевшей фотографии, сделанной по случаю какого-то ежегодного семейного торжества. Оба были маленькие, сухонькие и важные. У женщины было продолговатое, овальное, задумчивое лицо цвета жженой умбры. Строгий пробор разделял ее жесткие, черные, седеющие волосы, гладко зачесанные назад. Она скорбно поджала тонкие губы. Отец стоял как одеревенелый и выглядел довольно забавно в своем двубортном, с подложенными плечами пиджаке, который был ему явно тесен. Несмотря на малый рост, старик был широкоплеч и жилист. На его морщинистом лице курчавились серебряные усы, из-под морщинистых век текли слезы. Было видно, что чувствовал он себя в высшей степени неловко. Он неуклюже переминался с ноги на ногу, держа в обожженных солнцем

натруженных руках черную фетровую шляпу и прижимая ее к лацканам пиджака. Бедность и постоянный труд наложили на этих людей свой отпечаток. У брата вид был весьма воинственный: круглая белая шапочка лихо сдвинута набекрень, кулаки сжаты, из-под насупленных бровей он метал по комнате свирепые взгляды. Все трое тесной кучкой устремились вперед. Они ступали бесшумно, как на похоронах, и, подойдя вплотную к кровати, уставились на Йоссариана.

Возникла мучительно тяжелая пауза, грозившая затянуться до бесконечности. Наконец Йоссариану стало невмоготу, и он покашлял. Первым заговорил старик.

— Он выглядит ужасно, — сказал он.

— Он ведь болен, па.

— Джузеппе… — сказала мать, усевшись на стул, и положила на колени свои жилистые руки.

— Меня зовут Йоссариан, — сказал Йоссариан.

— Его зовут Йоссариан, ма. Йоссариан, ты что, не узнаешь меня? Я твой брат Джон. Ты меня знаешь?

— Конечно, знаю. Ты мой брат Джон. — Вот видите, он узнал меня! Па, он знает, кто я. Йоссариан, это па. Скажи папе «Здравствуй».

— Здравствуй, папа, — сказал Йоссариан.

— Здравствуй, Джузеппе.

— Его зовут Йоссариан, па.

— Как он ужасно выглядит! Я не могу этого вынести, — сказал отец.

— Он очень болен, па. Врач сказал, что он умрет.

— Не знаю, можно ли верить докторам. Они ведь такие мошенники.

— Джузеппе… — снова тихонько сказала мать, и в ее надтреснутом голосе послышалось невыразимое страдание.

— Его зовут Йоссариан, ма. У нее уже память стала не та, Йоссариан. Как они к тебе здесь относятся, малыш? Уход сносный?

— Вполне сносный, — ответил Йоссариан.

— Это хорошо. Только никому не позволяй помыкать собой. Ты здесь нисколько не хуже других, хоть ты и итальянец. У тебя такие же права, как у всех.

Йоссариан поморщился и закрыл глаза, чтобы не видеть своего брата Джона. Ему стало не по себе.

— Нет, ты посмотри, как он ужасно выглядит, — заметил отец.

— Джузеппе… — сказала мать.

— Ма, его зовут Йоссариан, — нетерпеливо пре-

рвал ее брат, — ты что, забыла?

— Неважно, — перебил его Йоссариан. — Если ей хочется, она может называть меня Джузеппе.

— Джузеппе… — сказала мать.

— Не беспокойся, Йоссариан, — сказал брат. — Все будет в порядке.

— Не беспокойся, ма, — сказал Йоссариан. — Все будет в порядке.

— У тебя есть священник? — поинтересовался брат.

— Есть, — соврал Йоссариан и снова поморщился.

— Это хорошо, — заключил брат. — Раз ты все понимаешь, значит, ты приходишь в себя. Мы к тебе из самого Нью-Йорка ехали. Боялись, не поспеем вовремя.

— Куда не поспеете?

— Не успеем повидать тебя перед смертью…

— А что бы от этого изменилось?

— Нам не хотелось, чтобы ты умирал в одиночестве.

— А что бы от этого, изменилось?

— Он, должно быть, начинает бредить, — сказал брат.

— Он без конца повторяет одно и то же.

— Это действительно занятно, — отозвался ста-

рик. — Я всегда думал, что его эовут Джуэеппе, а он, оказывается, Йоссариан. Это, право, занятно.

— Ма, утешь его, — настаивал брат. — Скажи что-нибудь, чтобы приободрить его.

— Джузеппе…

— Это не Джузеппе, ма, а Йоссариан.

— А не все ли равно? — ответила мать тем же скорбным тоном, не поднимая глаз. — Он умирает.

Ее распухшие глаза наполнились слезами, и она заплакала, медленно раскачиваясь взад и вперед. Руки ее лежали на коленях в подоле, как две подстреленные птицы. Йоссариан испугался, как бы она сейчас не завопила в голос. Отец и брат тоже заплакали. Йоссариан вдруг вспомнил, почему они плачут, и тоже заплакал. Врач, которого Йоссариан прежде никогда не видел, вошел в палату и вежливо напомнил посетителям, что им пора выходить. Отец сразу принял официальный вид и стал прощаться.

— Джузеппе… — начал он.

— Йоссариан, — поправил его сын.

— Йоссариан… — сказал отец.

— Джузеппе… — поправил его Йоссариан.

— Ты скоро умрешь…

Йоссариан снова заплакал. Опустив голову,

отец торжественно продолжал.

— Когда ты предстанешь пред ликом всевышнего, — сказал он, — будь добр, скажи ему кое-что от моего имени. Скажи ему, что это неправильно, когда люди умирают молодыми. Вот что. Передай ему: раз уж людям суждено умереть, пусть они умирают в старости. Ты уж обязательно ему скажи. По-моему, он не знает, что на земле творится такая несправедливость. Разве можно, чтобы это тянулось долго, так долго? Ведь он же милостив… Скажешь, ладно?

— И не позволяй никому помыкать собой, — посоветовал брат. — На небесах ты будешь нисколько не хуже других, хоть ты и итальянец.

— Одевайся теплее… — сказала мать, будто она знала, что на небесах недолго и простудиться.

19. Полковник Кэткарт

Полковник Кэткарт был блестящим, преуспевающим, несобранным, несчастным человеком тридцати шести лет от роду, с прихрамывающей походкой и мечтой прорваться в генералы. Он бывал то энергичным, то вялым, то спокойным, то хмурым. Благодушный и вспыльчивый, он прибегал к всевозможным административным уловкам, чтобы привлечь к себе внимание вы-

шестоящего начальства, но при этом отчаянно трусил, опасаясь, что его хитроумные планы могут бумерангом ударить и по нему. Красивый и непривлекательный здоровяк, предрасположенный к полноте, тщеславный и лихой до удали, он постоянно находился в когтях дурных предчувствий. Тщеславие полковника Кэткарта проистекало от сознания, что в свои тридцать шесть лет он уже полковник и строевой командир, а в подавленном состоянии он находился оттого, что, хотя ему уже и тридцать шесть, он всего лишь полковник.

Полковника не интересовали абсолютные категории. Он оценивал свои успехи только в сравнении с успехами других. По его мнению, преуспеть в жизни — значило уметь делать по крайней мере то же самое, что делали самые удачливые из его ровесников. То обстоятельство, что тысячи людей его возраста и старше не достигли даже ранга майора, делало полковника чванливым и возвышало в собственных глазах. Но встречались люди его возраста и даже моложе, уже ставшие генералами, — и это отравляло душу полковника мучительным ощущением неудачи и заставляло грызть ногти в безутешном отчаянии, еще более сильном, чем отчаяние За-

морыша Джо.

Полковник Кэткарт был крупным, широкоплечим, капризным человеком с вьющимися, коротко стриженными, начинающими седеть темными волосами. Гордостью полковника был инкрустированный мундштук, который он приобрел ровно за день до прибытия на Пьяносу, где принял авиаполк. При каждом удобном случае полковник величественно демонстрировал свой мундштук и научился обращаться с ним весьма ловко. Совершенно нечаянно он обнаружил в себе склонность курить с мундштуком. Насколько ему было известно, его мундштук был единственным на всем Средиземноморском театре военных действий, и мысль эта одновременно и льстила полковнику, и не давала покоя. Он абсолютно не сомневался, что такие светские и интеллигентные люди, как генерал Пеккем, безусловно, должны одобрить его мундштук, однако встречался он с генералом Пеккемом довольно редко, и расценивал это само по себе как большую удачу, ибо кто его знает, генерал Пеккем мог и не одобрить его мундштук. Когда дурные предчувствия такого рода посещали полковника Кэткарта, он чуть не задыхался от рыданий и порывался выбросить к чертовой матери свой

мундштук, но от этого шага полковника удерживало твердое убеждение, что мундштук так идет к его мужественной, воинственной наружности, что он придает его героической натуре особый шик и резко подчеркивает его преимущества по сравнению со всеми конкурентами — другими полковниками американской армии. Впрочем, разве в таких вещах можно быть уверенным?

Полковник Кэткарт шел по избранному пути, не ведая устали, трудолюбивый, ревностный, преданный своему делу военный тактик, который денно и нощно вынашивал планы, направленные на дальнейшее процветание собственной персоны. Этот человек был сам для себя ходячей камерой пыток. Смелый, непогрешимый дипломат, он беспрестанно хоронил себя заживо, беспощадно поносил за малейший упущенный шанс; распинал за каждую допущенную ошибку. Он был всегда возбужден, раздражен, огорчен и исполнен самодовольства. Он отважно охотился за удачей и плотоядно впивался зубами в каждое казавшееся ему удачным предложение подполковника Корна, но тут же впадал в отчаяние при мысли о последствиях, могущих оказаться для него пагубными. Он алчно коллекционировал слухи и копил сплетни, как скупец — бриллиан-

ты. Он принимал близко к сердцу все новости, но не верил ни одной. Он готов был вскочить на ноги по первому сигналу тревоги. Он исключительно болезненно реагировал на перемены в отношениях с начальством, если даже никаких перемен на самом деле и не происходило. Хотя он был полностью в курсе всех дел, его все-таки всегда снедало страстное желание узнать, что происходит вокруг. Хвастливый, чванливый по природе, он впадал в безутешную меланхолию по поводу непоправимо ужасного впечатления, которое, как ему казалось, он производил на начальство, хотя высокое командование едва догадывалось о существовании полковника Кэткарта.

Ему казалось, что все его преследуют, и посему ум полковника Кэткарта судорожно метался в зыбком мире арифметических выкладок, где слагались и вычитались пироги и пышки, синяки и шишки, которые могли бы ему достаться в результате потрясающих побед и катастрофических поражений. Он то впадал в отчаяние, то воспламенялся восторгом, чудовищно преувеличивая трагизм поражений и величие побед. Застать полковника Кэткарта врасплох было невозможно. Если до него доходили слухи, что генерал Дридл или генерал Пеккем улыбались,

хмурились или не делали ни того, ни другого, он не успокаивался, пока не находил этому подходящего объяснения. Он скулил и ворчал до тех пор, пока подполковнику Корну не удавалось уговорить его успокоиться и смотреть на вещи проще.

Подполковник Корн был преданным, незаменимым союзником и действовал полковнику Кэткарту на нервы. Полковник Кэткарт клялся в вечной благодарности подполковнику Корну за искусно придуманные комбинации, а потом, когда понимал, что из этого может ничего не получиться, яростно клял в душе своего заместителя. Полковник Кэткарт был в большом долгу перед подполковником Корном и поэтому не любил его. Они были связаны одной веревочкой. Полковник Кэткарт завидовал уму подполковника Корна и вынужден был часто напоминать себе, что Корн — всего лишь подполковник, хотя почти на десять лет старше его, и образование получил в каком-то захолустном университете. Полковник Кэткарт оплакивал свою несчастную судьбу, ниспославшую ему в качестве незаменимого помощника столь заурядную личность, как подполковник Корн. Стыдно было так явно зависеть от человека, который получил образование в каком-то захолустном университете. Если уж

кому-то и суждено было стать его незаменимым помощником, плакался Кэткарт, то, безусловно, человеку более состоятельному, тоньше воспитанному, на лучшей семьи, человеку более зрелому, чем подполковник Корн, н не относившемуся так насмешливо к желанию полковника Кэткарта стать генералом. В глубине своей души полковник Кэткарт подозревал, что подполковник Корн в глубине своей души посмеивается над его желанием стать генералом.

Полковнику Кэткарту так отчаянно хотелось стать генералом, что для достижения этой цели он решил испробовать все средства, даже религию. Однажды утром — неделю спустя после того, как он увеличил норму боевых вылетов до шестидесяти, — Кэткарт вызвал к себе в кабинет капеллана и ткнул пальцем в номер журнала «Сатердэй ивнинг пост». Полковник носил рубашку цвета хаки с распахнутым воротничком, который обнажал белую, словно яичная скорлупа, шею, поросшую темными жесткими волосами. Полковник Кэткарт принадлежал к тому типу людей, которые никогда не загорают: они всячески избегают солнца, чтобы, чего доброго, не обжечь кожу. Полковник был более чем на голову выше капеллана и почти вдвое шире его в плечах. От

всей его фигуры исходила гнетущая властность. Рядом с ним капеллан чувствовал себя слабым и щуплым.

— Взгляните-ка, капеллан, — приказал полковник Кэткарт, вставляя сигарету в свой мундштук. Он небрежно развалился во вращающемся кресле за столом, выпятив свою отвислую, пористую нижнюю губу. — Хотел бы знать ваше мнение.

Капеллан испуганно взглянул в раскрытый журнал и увидел редакционный разворот, посвященный американскому бомбардировочному полку в Англии, капеллан которого в инструкторской читал молитвы перед каждым вылетом. Поняв, что полковник вызвал его не для очередной головомойки, капеллан чуть не пустил слезу от счастья. После бурного вечера, когда по приказу генерала Дридла полковник Кэткарт вышвырнул капеллана из офицерского клуба, а Вождь Белый Овес двинул по носу полковника Модэса, полковник Кэткарт и капеллан почти не разговаривали друг с другом.

На сей раз капеллан боялся, что полковник отчитает его за то, что накануне вечером он побывал без разрешения в офицерском клубе. Он пришел в клуб с Йоссарианом и Данбэром: они вдруг пожаловали в его палатку на лесной

поляне и пригласили пойти с ними. Хотя капеллан панически боялся Кэткарта и понимал, что рискует навлечь на себя неудовольствие полковника, он тем не менее решил принять любезное приглашение своих новых друзей. Он познакомился с ними несколько недель назад, во время одного из визитов в госпиталь, и с тех пор они довольно успешно ограждали его от бесчисленных превратностей судьбы, с которыми сталкивался капеллан при исполнении своих служебных обязанностей: ведь ему приходилось быть накоротке более чем с девятьюстами совершенно незнакомыми ему офицерами и рядовыми, считавшими его белой вороной.

Капеллан не отрывал взгляда от журнала. Он дважды просмотрел все фотографии и внимательно прочитал заголовки, подготавливая в уме ответ: он несколько раз мысленно произнес его, потом перестроил всю фразу, грамматически отшлифовал ее и наконец, набравшись духу, произнес вслух.

— По-моему, молитва перед вылетом — это высоконравственное и весьма похвальное деяние, сэр, — высказался он застенчиво и застыл в ожидании.

— Угу, — сказал полковник. — Но мне хотелось

бы знать, как по-вашему, подойдет это нам?

— Так точно, сэр, — помедлив несколько секунд, ответил капеллан. — По-моему, подойдет.

— В таком случае я за то, чтобы попробовать. — Толстые, мучнисто-белые щеки полковника покрылись пятнами от внезапного прилива энтузиазма. Он встал и возбужденно заходил по кабинету. — Журнал здорово помог этим ребятам в Англии. Видите, фото командира полка тоже попало в «Сатердэй ивнинг пост», а все потому, что его капеллан проводит богослужение перед каждым вылетом. Если богослужения помогли им, то почему они не помогут нам? Кто знает, если мы будем молиться, возможно, «Сатердэй ивнинг пост» поместит и мою фотографию?

Улыбаясь своим мыслям, полковник уселся в кресло: он уже предвкушал, какие обильные плоды принесет его затея. Капеллан понятия не имел, что бы еще сказать полковнику, и осмелился задержать свой задумчивый взгляд на кулях с помидорами, которые рядком стояли вдоль стен кабинета. Он делал вид, что обдумывает ответ, но вскоре понял, что попросту пялит глаза на эти бесчисленные кули, крайне заинтригованный тем, каким образом в кабинете командира полка оказались кули, доверху наполненные помидо-

рами. Капеллан совершенно забыл о разговоре насчет богослужения. И вдруг полковник Кэткарт великодушно предложил:

— Не хотите ли немного купить, капеллан? Их только что доставили с нашей фермы. У нас с подполковником Корном ферма в горах. Могу уступить один куль по оптовой цене.

— О нет, сэр. Не стоит.

— Ну хорошо, — согласился полковник. Он был настроен либерально. — И не надо. Милоу будет рад скупить весь урожай целиком. Эти были собраны только вчера. Вы заметили, какие они тверденькие и спелые? Как груди молодой девушки.

Капеллан вспыхнул, и полковник сразу понял, что допустил ошибку. Ему стало стыдно. Он опустил голову и не знал, куда девать ставшие вдруг деревянными руки. Полкрвник Кэткарт сейчас ненавидел капеллана за то, что тот был капелланом, поскольку в его присутствии замечание грудях оказалось грубой ошибкой, а ведь в другой обстановке его замечание нашли бы остроумным, даже изысканным. Он безуспешно пытался придумать какой-нибудь выход из ужасно неприятного положения, в котором оба они очутились. Но вдруг полковник вспомнил,

что капеллан — всего лишь капитан. Полковник сразу выпрямился, от ярости у него сперло дыхание. Попасть в унизительное положение из-за человека, который, будучи его ровесником, ходил еще только в капитанах! Лицо полковника искривилось от гнева, и он метнул в капеллана такой мстительный, такой убийственно-враждебный взгляд, что тот весь затрепетал.

— Мы, кажется, говорили совсем о другом? — язвительно напомнил он наконец капеллану. — Мы, кажется, говорили с вами не о грудях молоденьких девушек, а совсем о другом? Мы говорили об отправлении религиозных обрядов в инструкторской перед боевыми вылетами? У вас есть возражения?

— Нет, сэр, — пробормотал капеллан.

— Тогда начнем завтра же, с послеобеденного вылета…

— По мере того как полковник входил в детали, он все больше и больше смягчался. — Ну а теперь мне хотелось бы высказать кое-какие соображения относительно тех молитв, которые мы будем читать. Я решительно против слишком глубокомысленных и грустных молитв. Я — за то, чтобы это звучало легко и живо. Что-нибудь такое, что бы поднимало ребятам настроение. Вы

понимаете? Я решительно против всякого там царства божьего и разных юдолей печали. Это удручающе действует на пилотов. Почему у вас такая кислая физиономия?

— Виноват, сэр, — запнулся капеллан. — Я как раз думал о псалме двадцать третьем.

— Как он звучит?

— Как раз об этом вы и говорили, сэр. «Господь мой, пастырь, я…»

— Да, как раз об этом-то я и говорил. Не годится. Что у вас еще?

— «Спаси меня, о господи, и да ниспошли спасение от вод…»

— Никаких вод, — категорически отверг полковник. Он выкинул сигаретный окурок в медную пепельницу и решительно продул мундштук. — А не попробовать ли нам что-нибудь музыкальное?

— Там упоминаются реки Вавилона, сэр, — ответил капеллан. — «… И мы сидели и плакали, когда вспоминали Сион».

— Сион? Забудьте об этом немедленно. Вообще непонятно, как он попал в молитву. Нет ли у вас чего-нибудь веселенького, не связанного ни с водами, ни с господом? Хотелось бы вообще обойтись без религиозной тематики.

— Весьма сожалею, сэр, — проговорил виноватым голосом капеллан, — но почти все известные мне молитвы довольно печальны и в каждой из них хотя бы раз да упоминается имя божье.

— Тогда давайте придумаем что-нибудь новое. Мои люди и так уже рычат, что я посылаю их на задания, а тут мы еще будем лезть со своими проповедями насчет господа, смерти, рая. Почему бы нам не внести в дело положительный элемент? Почему бы нам не помолиться за что-нибудь хорошее, например за более кучный узор бомбометания?

— Ну… что ж… пожалуй, сэр, — поколебавшись, ответил капеллан. — Но если это все, что вам надо, то вы, пожалуй, можете обойтись и без меня. Вы справитесь сами.

— Знаю, что справлюсь. — ответил полковник. — ну а вы, по-вашему, для чего? Я мог бы сам закупать продукты, но это входит в обязанности Милоу, и он обеспечивает продовольствием весь авиаполк. Ваша обязанность — перед каждым боевым вылетом читать нам молитвы, и отныне вы будете молиться за более кучный узор бомбометания. Ясно? По-моему, кучное бомбометание действительно заслуживает того, чтобы за него помолиться. За это от генерала Пеккема нам

перепадут пироги и пышки. Генерал Пеккем считает, что данные фоторазведки выглядят гораздо эффектнее, когда бомбы ложатся кучно.

— Генерал Пеккем, сэр?

— Именно, капеллан. — ответил полковник, отечески рассмеявшись при виде растерянной физиономии капеллана.

— Не хотел бы. чтобы это стало достоянием гласности, но похоже, что генерал Дридл уйдет наконец со своего поста, а на его место сядет генерал Пеккем. Откровенно говоря, случись это, я не буду особенно огорчен. Генерал Пеккем — прекрасный человек, и, по-моему, при нем всем нам будет гораздо лучше. Но, с другой стороны, этого может и не случиться, и тогда мы останемся под началом генерала Дридла. Если быть откровенным, случись такое, я не буду огорчен, поскольку генерал Дридл — тоже прекрасный человек и, по-моему, под его началом нам тоже будет хорошо. Надеюсь, вы умеете держать язык за зубами? Мне бы не хотелось, чтобы кто-то из двоих подумал, что я поддерживаю его соперника.

— Слушаюсь, сэр.

— Ну вот и хорошо! — воскликнул полковник и поднялся, повеселевший. — Но оставим слухи о перемещениях. Нам ведь надо попасть на страни-

цы «Сатердэй ивнивг пост», не так ли, капеллан? Давайте лучше посмотрим, как конкретно будут выглядеть наши богослужения. Между прочим, капеллан, пока об этом ни слова подполковнику Корну. Понятно?

Полковник Кэткарт принялся задумчиво расхаживать по узкому проходу между кулями с помидорами и письменным столом.

— Я полагаю, мы сделаем это следующим образом. Пока идет инструктаж, вы стоите за дверью, поскольку вся информация засекречена. Вас впустят, когда майор начнет сверять часы. Думаю, что сверка часов — не военная тайна. Мы предусмотрим для вас в нашем графике полторы минуты. Полутора минут вам достаточно?

— Да, сэр. Если не считать времени, необходимого, чтобы вышли атеисты и вошли нижние чины.

Полковник Кэткарт замер на месте.

— Какие еще атеисты? — прорычал он недовольно, Настроение его круто изменилось, в душе вскипел праведный гнев. — Во вверенной мне части не может быть атеистов! Атеизм — дело противозаконное, не так ли?

— Не так, сэр.

— Не так? — удивился полковник — Тогда уж

это конечно, явление антиамериканское!

— Не сказал бы, сэр, — ответил капеллан.

— Ну а я бы сказал! — заявил полковник. — И я не намерен прерывать богослужение в угоду кучке паршивых атеистов. От меня они привилегий не дождутся. Пусть остаются на своих местах и молятся вместе со всеми. И потом, причем здесь нижние чины? За каким чертом они должны присутствовать на этой церемонии?

Капеллан почувствовал, что лицо его заливает краска.

— Виноват, сэр, но я полагал, что вы не против присутствия нижних чинов на богослужении: ведь они тоже полетят на выполнение задания.

— А я и не против. У них есть свой бог и свой капеллан, не так ли?

— Нет, сэр.

— Да о чем вы говорите? Вы хотите сказать, что они молятся тому же богу, что и мы?

— Совершенно верно, сэр.

— И наш бог слушает их?

— Полагаю, что так, сэр.

— Ну и ну, будь я проклят! — изумился полковник. У него снова испортилось настроение, и он нервно пригладил свои короткие, черные, седеющие кудряшки, — Вы серьезно думаете, капеллан,

что нужно допустить рядовых? — спросил он озабоченным тоном.

— По-моему, это будет только справедливо, сэр.

— А я бы их не впускал, — признался полковник и принялся расхаживать взад-вперед, потирая кулак о кулак и стуча при этом костяшками пальцев. — Поймите меня правильно, капеллан. Я отнюдь не считаю, что нижние чины — грязные, пошлые и неполноценные люди. Но ведь в комнате всем не хватит места. Сказать по правде, я еще опасаюсь, как бы в инструкторской между офицерами и нижними чинами не произошло братания. По-моему, достаточно и того, что они находятся вместе во время полетов. Поймите, капеллан, у меня много друзей из нижних чинов, я держусь с ними накоротке, но настолько, насколько считаю это нужным. Будем говорить откровенно, капеллан, вы ведь не хотели бы, чтобы ваша сестра вышла замуж за сержанта или за рядового?

— Моя сестра, сэр, сержант, — ответил капеллан. Полковник снова замер на месте и вперил в капеллана пристальный взгляд; уж не смеется ли тот над ним?

— Что вы хотите сказать, капеллан? Шутить изволите?

— Да нет, сэр, — поспешил заверить его капеллан, чувствуя мучительную неловкость. — Она действительно старший сержант морской пехоты.

Полковнику никогда не нравился капеллан, а сейчас он почувствовал к нему отвращение. Весь насторожившись в предчувствии опасности, он размышлял: уж не плетет ли капеллан против него интриги? А вдруг смирение и скромность капеллана. — просто коварная маска, за которой скрываются дьявольская гордыня, пронырливость и беспринципность? Было и что-то смешное в капеллане, и вдруг полковник понял, что именно: капеллан стоял по стойке «смирно», поскольку полковник забыл сказать ему «вольно». «Пусть постоит», — злорадно подумал полковник. Ему хотелось дать капеллану почувствовать, кто здесь на самом деле хозяин, и оградить свой авторитет, который мог бы быть поколеблен, признай полковник еще одну свою промашку.

Полковник Кэткарт, как лунатик, проследовал к окну и, уставившись в него тяжелым, невидящим взглядом, погрузился в раздумья. «Все нижние чины — предатели», — решил он. С убитым видом полковник смотрел вниз на тир для

стрельбы по летящей цели, который он приказал построить для офицеров своего штаба. Теперь ему припомнился тот кошмарный день, когда генерал Дридл безжалостно измордовал его, Кэткарта, в присутствии подполковника Корна и майора Дэнби и распорядился открыть тир для всех строевых офицеров, сержантов и рядовых. Полковник Кэткарт вынужден был признать, что тир принес ему одни лишь синяки и шишки. Он считал, что генерал Дридл не забудет ему тира во веки веков, хотя, с другой стороны, он надеялся, что генерал Дридл уже и не помнит об этом случае, что было, в сущности, очень несправедливо… Да, идея постройки тира должна была принести ему пироги и пышки, а принесла лишь синяки и шишки. Впрочем, подсчитать точно свои потери и прибыли в этой проклятой истории с тиром полковник не мог, и ему хотелось, чтобы подполковник Корн оказался рядом с ним и снова, взвесив все «за» и «против» в эпизоде с тиром, разогнал бы все его страхи.

Полковник Кэткарт стоял растерянный и обескураженный. Он вынул мундштук изо рта, сунул его в нагрудный карман и с горя принялся грызть ногти. Все были против него, и душа полковника страдала оттого, что в эту трудную минуту рядом

с ним нет подполковника Корна: уж он помог бы ему в этом вопросе с богослужениями. Капеллану он не доверял — ведь тот был всего-навсего капитаном.

— Так как вы думаете, — спросил он, — если мы не разрешим присутствовать рядовым, это может отразиться на конечных результатах богослужений?

Капеллан снова почувствовал, что почва уходит у него из-под ног.

— Да, сэр, — наконец ответил он, — по-моему, без рядовых будет меньше надежды на то, что бог услышит наши молитвы о кучном бомбометании.

— Пожалуй, вы правы! — воскликнул полковник. — И что же, по-вашему, бог может меня покарать и бомбы лягут вразброс?

— Совершенно верно, сэр. Само собой разумеется, он может поступить и так. — Тогда пусть эти молитвы катятся к черту? — заявил полковник, проявив при этом неслыханную самостоятельность. — Я не намерен устраивать молитвенные сборища для того, чтобы дела пошли еще хуже.

Он уселся за стол, сунул пустой мундштук в рог и на несколько секунд погрузился в сосредоточенное молчание.

— Ну вот что, по-моему, — сказал он скорее себе, чем капеллану. — Будут летчики молиться или не будут, — в конце концов, не самое главное. Эти издатели «Сатердэй ивнинг пост», чего доброго, и не захотят о нас писать.

Полковник не без сожаления расстался со своим проектом, поскольку он выдумал его без посторонней помощи и надеялся тем самым ярко продемонстрировать всем и каждому, что он прекрасно может обойтись и без подполковника Корна. Ну а раз уж с этим проектом ничего не вышло, он был рад от него избавиться: с самого начала у него было неспокойно на душе, так как эта затея казалась ему чреватой опасностями, тем более что он предварительно не проконсультировался с подполковником Корном. Теперь полковник вздохнул с облегчением. Отказавшись от своего замысла, он более возвысился в собственных глазах: ведь он принял мудрое решение, и, что самое важное, это мудрое решение он принял самостоятельно, не посоветовавшись с подполковником Корном.

— У вас все, сэр? — спросил капеллан.

— Угу, — сказал полковник Кэткарт, — если, конечно, у вас нет другого предложения.

— Нет, сэр, вот разве только…

Полковник посмотрел на капеллана так, будто тот нанес ему оскорбление, и, словно не веря ушам своим, спросил:

— Что «разве только», капеллан?

— Сэр, — сказал капеллан, — некоторые пилоты весьма обеспокоены тем, что вы увеличили норму вылетов до шестидесяти. Они просили меня поговорить с вами.

Полковник молчал. В ожидании ответа капеллан покраснел до самых корней своих светлых волос. Полковник вперил в него долгий, пристальный, безразличный, бесчувственный взгляд, от которого капеллан корчился, как на раскаленной сковородке.

— Передайте им, что идет война, — посоветовал полковник невозмутимо.

— Благодарю вас, сэр. Передам, — ответил капеллан, благодарный полковнику уже за то, что он хоть что-то ответил. — Люди хотят знать: почему вы не затребуете те сменные экипажи, что дожидаются своей очереди в Африке? Тогда наши могли бы отправиться домой.

— Это сугубо административный вопрос, — сказал полковник. — Это никого не касается. — Ленивым жестом он указал на кули: — Возьмите помидорчик, капеллан. Не стесняйтесь, я уго-

щаю.

— Благодарю, сэр. Сэр…

— Не стоит. Ну как вам нравится жизнь в лесу, капеллан? Все ли вам по душе?

— Да, сэр.

— Вот и прекрасно. Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь к нам.

— Хорошо, сэр. Благодарю вас, сэр. Сэр…

— Спасибо, что заглянули, капеллан. Ну а теперь — меня ждут дела. Если придумаете, как нам попасть на страницы «Сатердэй ивнинг пост», дайте мне знать, ладно?

— Хорошо, сэр, обязательно дам. — Капеллан собрал остатки мужества и очертя голову бросился в омут. — Меня, в частности, беспокоит судьба одного из бомбардиров, сэр. Его фамилия Йоссариан, сэр.

Полковник быстро поднял глаза, что-то смутно припоминая.

— Кто? — тревожно спросил он.

— Йоссариан, сэр.

— Йоссариан?

— Да, сэр, Йоссариан. Его дела обстоят очень неважно, сэр. Боюсь, что у него не хватит сил больше мучиться и он решится на какой-нибудь отчаянный поступок.

— В самом деле, капеллан?

— Да, сэр, боюсь, что да.

Несколько секунд полковник предавался тяжким раздумьям.

— Передайте ему, что бог его не оставит, — посоветовал он наконец.

— Благодарю вас, сэр, — сказал капеллан. — Передам.

20. Капрал Уитком

Августовское утро было жарким и душным. На открытой галерее не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Выйдя из кабинета полковника, капеллан, подавленный, недовольный собой, медленно брел по галерее, бесшумно ступая коричневыми башмаками на резиновых подошвах. Он жестоко казнил себя за трусость. Он собирался держаться с полковником Кэткартом твердо, хотел говорить смело, логично, красноречиво, потому что принимал близко к сердцу вопрос о норме боевых вылетов. А вместо этого, столкнувшись с более сильной личностью, потерял дар речи и стушевался самым жалким образом. Хорошо знакомое чувство стыда жгло душу. Он был весьма низкого мнения о себе.

Секундой позже, заметив бочкообразную

бесцветную фигуру подполковника Корна, он вторично потерял дар речи. Подполковник вышел из обветшалого вестибюля, высокие стены которого были облицованы темным, потрескавшимся мрамором, а затоптанный пол выложен потрескавшимися плитками. С претензией на грациозность Корн рысцой взбегал по витой широкой лестнице из желтого камня. Подполковника Корна капеллан боялся даже больше, чем полковника Кэткарта. Смуглый, средних лет, в холодно поблескивающих очках без оправы, с лысым, шишковатым, куполообразным черепом, который он то и дело осторожно потрагивал кончиками крючковатых пальцев, подполковник не любил капеллана и не баловал его любезным обхождением. Его короткие циничные замечания и насмешливый, проницательный взгляд заставляли капеллана трепетать. Случайно встретившись с Корном взглядом, капеллан выдерживал не долее секунды и тут же отводил глаза. При каждой встрече капеллан съеживался от страха и взгляд его неизменно упирался в то место на животе подполковника Корна, где из брюк вылезала рубашка и пузырями нависала над съехавшим вниз ремнем.

Подполковник Корн был неопрятным, высоко-

мерным человеком с жирной кожей, глубокими жесткими складками на щеках, с квадратным раздвоенным подбородком. Сохраняя непреклонное выражение лица, он мельком взглянул на капеллана, будто не узнавая его, и, когда они почти поравнялись на лестнице, хотел пройти мимо.

— А-а-а, святой отец, — бросил он безразличным тоном, не глядя на капеллана. — Как дела?

— Доброе утро, сэр, — ответил капеллан, справедливо рассудив, что ничего другого подполковник Корн не ожидает от него услышать.

Подполковник Корн продолжал подниматься по лестнице, не замедляя шага, и капеллан испытывал сильное искушение напомнить ему еще раз, что он вовсе не католик, а анабаптист, и поэтому вовсе не следует, и даже просто невежливо, называть его святым отцом. Но он нисколько не сомневался, что подполковнику Корну все это прекрасно известно и что он с невинным видом величает его святым отцом только для того, чтобы лишний раз поглумиться над ним за то, что он анабаптист. И вдруг, когда они же почтиразминулись, подполковник Корн остановился, резко обернулся и устремил на капеллана недобрый, подозрительный взгляд. Капеллан оцепенел.

— Что это у вас за помидор, капеллан? — грубо спросил Корн.

Капеллан удивленно взглянул на свою руку с помидором, который предложил ему взять полковник Кэткарт.

— Я взял его в кабинете полковника Кэткарта.

— А полковник об этом знает?

— Да, сэр. Он сам мне дал.

— О, в таком случае, полагаю, все в порядке, — смягчившись, сказал подполковник Корн. Он холодно улыбнулся, запихивая мятую рубашку в штаны. Но в глубине его глаз светилось самодовольное лукавство.

— По какому делу вас вызывал полковник Кэткарт? внезапно спросил подполковник Корн. Капеллан замялся в нерешительности:

— Не знаю, имею ли я право…

— Молиться издателям «Сатердэй ивнинг пост»?

Капеллан с трудом удержался от улыбки:

— Совершенно верно, сэр.

Подполковник Корн пришел в восторг от собственной проницательности и покровительственно рассмеялся: — Я так и знал, что, когда он увидит последний номер «Сатердэй ивнинг пост», ему взбредет на ум какая-нибудь чепуха.

Надеюсь, вам удалось доказать ему всю чудовищность этой затеи?

— Он решил отказаться от нее, сэр.

— Вот и прекрасно. Рад, что вы сумели разубедить его. Издатели «Сатердэй ивнинг пост» вряд ли стали бы публиковать дважды одинаковый материал только ради того, чтобы создать популярность какому-то неизвестному полковнику. Ну как там вам на лоне природы, святой отец? Пообжились, привыкли?

— Да, сэр, нормально.

— Прекрасно, прекрасно. Приятно слышать, что жалоб нет. Если возникнут какие-либо неудобства, дайте знать. Нам всем хочется, чтобы вам там было хорошо.

— Благодарю вас, сэр. Постараюсь.

Снизу из вестибюля донесся нарастающий шум. Приближалось время ленча, и первые посетители потянулись в расположенную в старинной ротонде штабную столовую. Сержанты и офицеры разошлись по разным обеденным залам.

Улыбка сбежала с лица подполковника Корна.

— Вы, кажется, только вчера или позавчера завтракали с нами, не так ли, святой отец? — спросил он многозначительно.

— Да, сэр, позавчера.

— Об этом-то я как раз и подумал, — сказал подполковник Корн и сделал вескую паузу, чтобы его мысль лучше дошла до сознания капеллана. — Ну не грустите, святой отец. Увидимся, когда снова придет ваша очередь обедать с нами.

— Благодарю вас, сэр.

Капеллан нетвердо знал, в которой из пяти офицерских столовых и в которой из пяти столовых для нижних чинов он должен был завтракать сегодня по расписанию, поскольку скользящий график, составленный для него подполковником Корном, был весьма сложен, а листок, где все было записано, он оставил у себя в палатке. Среди офицеров, приданных штабу полка, капеллан был единственным, кому не позволили поселиться ни в облезлом здании из красного кирпича, где размещался штаб, ни даже в одном из каменных домишек по соседству со штабом. Капеллан жил на лесной поляне в четырех милях от штаба полка, между офицерским клубом и участком одной из четырех эскадрилий. Капеллан один занимал просторную палатку, служившую ему также и кабинетом. Часто по ночам ему мешали спать звуки пьяного веселья, доносившиеся из офицерского клуба, и он вертелся с боку на бок на койке — покорный, полудобровольный изгнанник.

Он не знал, насколько сильно действуют таблетки снотворного, которые он время от времени принимал, и иногда, переборщив, ходил несколько дней подряд полусонный и мучимый угрызениями совести.

Единственным соседом капеллана на лесной поляне был его помощник капрал Уитком. Подчиненный капеллана в бога не верил и вечно ходил недовольный, так как считал, что мог бы выполнять обязанности капеллана с большим успехом, чем его патрон. Жил он в отдельной палатке, такой же просторной и квадратной, как палатка капеллана. Уразумев однажды, что все ему сойдет с рук, он стал хамить в лицо капеллану и не ставил его ни в грош. Их палатки разделяла нейтральная полоска земли шириной в пять футов.

На отшельнический образ жизни капеллана обрек подполковник Корн. Для этого, по словам подполковника Корна, была веская причина: обитая в палатке подобно своей пастве, святой отец получит возможность более тесно общаться с прихожанами. Была и другая веская причина: если капеллан постоянно, околачивается близ штаба, офицеры чувствуют себя не в своей тарелке. Одно дело — обращаться к богу время от

времени, против этого офицеры ничего не имели. И совсем другое дело, когда господь напоминает вам о себе круглые сутки в виде постоянно околачивающегося рядом капеллана. Одним словом, как рассказывал подполковник Корн майору Дэнби, суматошному, лупоглазому штабному оперативнику, работа у капеллана не пыльная: выслушивать чужие беды, хоронить убитых, навещать прикованных к постели и совершать богослужения. «Да и с покойниками-то нынче не густо, — замечал подполковник Корн, — поскольку сопротивление немецкой истребительной авиации фактически прекратилось, а если люди гибнут, то главным образом над вражеской территорией или же, неизвестно почему, испаряются в облаках». В таких случаях даже капеллан не найдет их останков. Богослужения тоже не требовали от капеллана особого напряжения, поскольку они совершались всего раз в неделю в здании штаба полка при весьма малочисленной аудитории.

Со временем капеллан полюбил свою жизнь на лесной поляне. Его и капрала Уиткома снабжали всем необходимым, дабы лишить их малейшего предлога просить разрешения переехать в штабное здание. Капеллан завтракал, обедал и

ужинал по очереди в восьми столовых четырех эскадрилий. Каждый пятый день он обедал в штабной столовой для рядовых, а каждый десятый — в штабной офицерской столовой. У себя дома, в штате Висконсин, капеллан с любовью занимался садоводством, и теперь, когда он созерцал сучковатые, низкорослые деревья, пышный бурьян и заросли кустарника, стеной обступавшие поляну, на душе у него теплело при мысли о великолепном плодородии и щедрости матери-земли. Он мечтал с наступлением весны посадить вокруг палатки бегонии и цинии, но боялся навлечь на себя гнев капрала Уиткома. Капеллану нравилось жить в уединении, отгородившись от мира зеленой лесной чащей, где он мог без помех предаваться мечтам и размышлениям о божественном провидении. Теперь к нему мало кто приходил делиться своими горестями, но он был доволен этим. Общение с людьми давалось капеллану трудно, в разговорах он чувствовал себя скованно. Он скучал по своим троим детишкам и жене, и она скучала по нему.

Особенно бесило капрала Уиткома, что капеллан, мало того что верит в бога, к тому же еще полностью лишен инициативы и напористости. Капрал Уитком был убежден, что скверное посе-

щение богослужений — прямой результат его, Уиткома, подчиненного положения. В уме его лихорадочно рождались блестящие новаторские планы оживления религиозной жизни в полку. Себе он отводил место главного реформатора. Будь его воля, он учредил бы званые завтраки, церковно-общественные мероприятия, отправлял бы родственникам убитых и раненых заранее заготовленные письма с соболезнованием, цензуровал бы почту и устраивал бы игры в лото. Но капеллан стоял на его пути.

Капрала Уиткома выводила из себя пассивность капеллана, ибо сам он на каждом шагу видел возможности для всяческих нововведений. Он пришел к выводу, что именно из-за таких, как капеллан, люди поносят религию: недаром их с капелланом обходят как зачумленных. В отличие от капеллана капрал Уитком терпеть не мог уединенную жизнь на лесной поляне. И первое, что он намеревался сделать после свержения капеллана — это перебраться в здание штаба полка, чтобы находиться в гуще событий.

Когда капеллан, расставшись с подполковником Корном, вернулся к себе на поляну, капрал Уитком стоял под деревом близ палатки в косых дымчатых лучах солнца и заговорщически шеп-

тался со странным розовощеким человеком в госпитальном наряде — коричневом бархатном халате, надетом поверх серой фланелевой пижамы. Капрал и незнакомец не удостоили капитана вниманием. Десны человека в халате были вымазаны марганцовкой, а халат украшен на спине рисунком, изображавшим бомбардировщик, мчащийся сквозь оранжевые разрывы зенитных снарядов. На груди красовались нарисованные аккуратными рядками шестьдесят бомбочек. Это значило, что владелец халата сделал шестьдесят боевых вылетов. Капеллан был так поражен этим зрелищем, что остановился и удивленно вытаращил глаза.

Капрал Уитком и незнакомец прервали разговор и с каменными физиономиями дожидались, пока капеллан пройдет. Капеллан поспешил к себе в палатку. Ему послышалось, а может быть и показалось, что те двое хихикнули ему вслед.

Через секунду в палатку вошел капрал Уитком и спросил:

— Как дела?

— Ничего нового, — ответил капеллан, стараясь не встречаться глазами со своим помощником. — Меня никто не спрашивал?

— Опять заходил этот чокнутый — Йоссариан.

Вот уж настоящий смутьян!

— Я бы не сказал, что он чокнутый, — заметил капеллан.

— Ну ладно, ладно, защищайте его, — сказал капрал обиженным тоном и, стуча башмаками, вышел из палатки. Капеллану не верилось, что капрал Уитком настолько обиделся, что больше не вернется. И едва только он успел это подумать, как капрал Уитком вошел снова.

— Других вы всегда защищаете! — набросился капрал Уитком на капеллана. — А вот своих не подерживаете! Это главный ваш недостаток!

— Я и не думал защищать его, — сказал капеллан виноватым тоном. — Я сказал то, что есть.

— Зачем вы понадобились полковнику Кэткарту?

— Ничего особенного. Он просто хотел обсудить со мной, можно ли читать молитвы в инструкторской перед боевыми вылетами.

— Ну ладно, не хотите — не рассказывайте, — огрызнулся капрал Уитком и снова вышел.

Капеллан чувствовал себя ужасно. Сколь тактичным он ни пытался быть, всегда получалось так, что он задевал самолюбие капрала Уиткома. Испытывая раскаяние, капеллан опустил голову и тут заметил, что ординарец, которого навязал

ему подполковник Корн, чтобы прибирать в палатке и содержать в порядке его вещи, опять не удосужился почистить ему ботинки. Вошел капрал Уитком.

— Вы никогда меня не информируете! — взвизгнул он.

Вы не доверяете вашим подчиненным! Это еще один ваш недостаток!

— Я вам верю, — поспешил успокоить его капеллан виноватым тоном. — Я вам полностью доверяю.

— Ну а как насчет писем соболезнования?

— Нет, только не сейчас, — весь съежившись, попросил капеллан. — Не надо писем. И, пожалуйста, не будем снова заводить разговор на эту тему. Если я изменю точку зрения, я вам сообщу.

Капрал Уитком рассвирепел:

— Такое, значит, отношение? Вы будете сидеть сложа руки, а я — тащи всю работу?.. Вы, случайно, не заметили там одного дядю с картинками на халате?

— Он пришел ко мне?

— Нет, — сказал капрал Уитком и вышел. В палатке было жарко и душно, и капеллан почувствовал, что он весь взмок. Невольно прислушиваясь к приглушенному неразборчивому гудению

двух голосов, он сидел неподвижно за шатким столиком, который служил ему и письменным столом. Губы его были плотно сжаты. Взгляд рассеянно блуждал, кожа на лице, испещренном ямками от застарелых прыщей, напоминала своей шершавостью и бледно-охристым оттенком скорлупу миндаля. Капеллан до боли в висках ломал себе голову, пытаясь догадаться, чем он заслужил такую неприязнь капрала Уиткома. Он был убежден, что совершил по отношению к капралу какую-то непростительную несправедливость, но когда и при каких обстоятельствах — не мог припомнить. Казалось немыслимым, что упорная злоба капрала Уиткома возникла только из-за того, что капеллан отверг игры в лото и письма соболезнования семьям. От сознания своей беспомощности капеллан пал духом. Вот уже несколько недель он собирался поговорить с капралом Уиткомом по душам, чтобы выяснить, чем тот недоволен, но не осмеливался, заранее стыдясь того, что может услышать в ответ.

За стеной палатки капрал Уитком прыснул со смеху. а его собеседник довольно захихикал. Капеллан вздрогнул от таинственного, смутного ощущения, что когда-то в своей жизни он находился точно вот в такой же ситуации. Изо всех сил

он попытался удержать и усилить это мгновенное ощущение, чтобы предугадать дальнейший ход событий, но мимолетное озарение исчезло без следа. Это едва уловимое смешение иллюзорного и реального — de'ja vu (характерный симптом парамнезии, что нередко испытывал капеллан) — сильно его занимало, и он много слышал и читал об этом. Он знал, например, что это явление называется парамнезией. Его также интересовал такой наблюдаемый в природе оптический феномен, как jamais vu («никогда не виденное прежде») и presque vu («почти виденное»). Порой вдруг предметы, понятия, даже люди, с которыми капеллан прожил бок о бок почти всю жизнь, непостижимым и пугающим образом представали перед ним в незнакомом и необычном свете, такими, какими он их никогда не видел прежде: jamais vu. И бывали другие мгновения, когда он почти видел абсолютную истину с такой ясностью, как будто все вокруг озарялось вспышкой ослепительного света: presque vu. Появление голого мужчины на дереве во время похорон Сноудена чрезвычайно его озадачило. Это не было deja vu, ибо тогда ему не почудилось, что он уже когда-то прежде видел голого человека на дереве во время похорон Сноудена. Это

нельзя было назвать и jamais vu, поскольку это не был призрак чего-то или кого-то знакомого, но появившегося перед ним в незнакомом облике. И уж, конечно, это нельзя было назвать presque vu, поскольку капеллан явственно видел на дереве голого мужчину.

За стеной палатки джип стрельнул выхлопной трубой и с ревом умчался. Неужели голый человек на дереве во время похорон Сноудена был всего лишь галлюцинацией? Или это было божественное откровение? От этой мысли капеллана бросило в дрожь. Ему отчаянно хотелось поведать об этом Йоссариану, но всякий раз, когда он думал о случившемся, он давал себе зарок вообще выкинуть это из головы, хотя теперь, думая об этом, он не был уверен, что прежде когда-либо об этом думал.

В палатку вразвалочку вошел капрал Уитком. На его физиономии играла ухмылка, какой капеллан еще не видывал. Кривя рот, Уитком нахально оперся о стояк.

— А вы знаете, кто был этот дядя в коричневом халате? — спросил он хвастливо. — Это контрразведчик. Он лежит в госпитале с поломанным носом, а сюда прибыл по делам службы. Он ведет расследование.

Капеллан быстро взглянул на капрала и спросил с подчеркнутым сочувствием:

— Надеюсь, вы не попали в беду? Может быть, нужна моя помощь?

— Нет, я-то не попал в беду, — усмехнулся капрал Уитком. — А вот вы попали. Они собираются прищемить вам хвост за то, что вы ставили подпись Вашингтона Ирвинга на письмах. Как вам это нравится?

— Я никогда не подписывался именем Вашингтона Ирвинга, — сказал капеллан.

— Ну мне-то можете не врать, — ответил капрал Уитком. — Передо мной можете не оправдываться.

— Но я вовсе не лгу.

— А мне все равно — врете вы или нет. Они собираются вас привлечь за перехват служебной переписки майора Майора. А там что ни бумажка, то секрет.

— Какая переписка? — жалобно спросил капеллан, начиная нервничать. — Я не видел никакой переписки майора Майора.

— Мне-то можете не врать, — ответил капрал Уитком.

— Но я вовсе не лгу, — запротестовал капеллан.

— Не пойму, почему вы кричите на меня? — с оскорбленным видом возразил капрал. Он отошел от стояка и погрозил капеллану пальцем: — Только что я оказал вам такую большую услугу, какую вам никто сроду не оказывал, а вы этого даже не цените. Этот контрразведчик десятки раз пытался донести на вас начальству, а какой-то госпитальный цензор вычеркивал из его доносов все подробности. Он лез из кожи вон, пытаясь упечь вас за решетку. А я взял да и начал ставить цензорский штамп на его письма, даже в них не заглядывая. Это создаст о вас очень хорошее впечатление в управлении контрразведки. Они там поймут, что мы нисколько не боимся, если вся правда о вас выплывет наружу.

Капеллан заерзал на стуле.

— Но ведь вы не имеете права цензуровать письма.

— Конечно, нет, — ответил капрал Уитком. — Только офицеры имеют право. Я цензуровал от вашего имени.

— Но я тоже не уполномочен проверять чужие письма.

— Я и это предусмотрел, — заверил его капрал Уитком.

— Я расписывался за вас чужим именем.

— Но ведь это подделка!

— Об этом тоже не беспокойтесь. Пожаловаться может только человек, чью подпись я подделал, а я, заботясь о ваших интересах, взял фамилию покойника. Я подписывался: «Вашингтон Ирвинг». — Капрал Уитком тщательно изучал выражение лица капеллана, отыскивая на нем признаки возмущения, и доверительно, но не без лукавства прошептал: — А ловко я все это устроил, правда?

— Не знаю, — промямлил капеллан. Голос его дрогнул а лицо искривила уродливая, страдальческая гримаса полнейшего недоумения. — Кажется, я ничего не понял из того, что вы мне говорили. Почему я должен произвести на них хорошее впечатление, если вы подписывались не моим именем, а Вашингтоном Ирвингом?

— Да потому, что они убеждены, что вы — это Вашингтон Ирвинг. Понимаете?

— Но ведь именно это заблуждение мы и должны развеять. А то, что вы сделали, поможет им доказать обратное.

— Знай я раньше, что вы такой тупой, я бы ради вас и пальцем не пошевелил, — с негодованием объявил капрал Уитком и вышел из палатки. Через секунду он вернулся.

— Я оказал вам такую услугу, какую вам сроду никто не оказывал, а вы этого даже не цените. Вы понятия не имеете, что такое благодарность. Это еще один ваш недостаток.

— Весьма сожалею, — покаянным тоном произнес капеллан, — искренне сожалею. Просто я так ошарашен вашим сообщением, что сам не ведаю, что говорю. В самом деле, я очень вам признателен.

— Тогда, может быть, вы мне разрешите приступить к рассылке писем соболезнования? — тут же спросил капрал Уитком. — Не набросать ли мне примерное содержание?

От удивления у капеллана отвисла челюсть.

— Нет, нет, — простонал он, — только не сейчас.

Капрал Уитком взорвался.

— Я ваш самый близкий друг, а вы этого не цените! — заявил он задиристо и вышел из палатки. И тут же вошел обратно.

— Я за вас горой, а вы этого не цените? Вы даже не догадываетесь в какую серьезную историю влипли. Ведь этот контрразведчик сломя голову помчался в госпиталь сочинять свеженькое донесение насчет помидора.

— Какого помидора? — моргая ресницами,

спросил капеллан.

— Помидора, который вы прятали в кулаке, когда появились на поляне. Вы его и сейчас держите в руке.

Капеллан разжал пальцы и с удивлением увидел у себя на ладони помидор, взятый в кабинете полковника Кэткарта. Он поспешно положил его на стол.

— Я взял этот помидор у полковника Кэткарта, — сказал он и поразился, насколько абсурдно прозвучало его объяснение. — Я взял помидор по настоянию полковника.

— Ну мне-то вы можете не врать, — ответил капрал Уитком. — Мне-то все равно — украли вы помидор или нет.

— Украл? — изумленно воскликнул капеллан. — Зачем мне было красть помидор?

— Мы тоже над этим ломали голову, — сказал капрал Уитком. — А потом контрразведчик высказал предположение, что, возможно, вы спрятали в помидор какие-нибудь важные секретные документы.

У капеллана затряслись поджилки.

— Вовсе я не прятал в нем никаких секретных документов, — заявил он напрямик. — Я и брать-то его не хотел. Вот можете посмотреть.

Возьмите и убедитесь сами.

— На что он мне сдался?

— Ну возьмите, пожалуйста, — упрашивал капеллан еле слышным голосом. — Я буду рад от него избавиться.

— Да на что он мне сдался? — снова отрезал капрал Уитком и, сердито нахмурившись, важной походкой направился к выходу. При этом он с трудом сдерживал улыбку торжества: ему удалось хитроумным способом заполучить могущественного союзника в лице контрразведчика, а также убедить капеллана, что на сей раз он обижен не на шутку.

«Бедный Уитком», — вздохнул капеллан, коря себя за то, что так озлобил своего помощника. Капеллан сидел молчаливый, задумчивый, обескураженный, меланхолично дожидаясь возвращения капрала Уиткома. Он был разочарован, услышав, как энергичные шаги капрала Уиткома постепенно стихают вдали. Капелланом овладела полнейшая апатия. Он решил пропустить ленч в столовой и ограничиться кусочком шоколада «Млечный путь», хранившимся в его дорожном чемоданчике, а также несколькими глотками тепловатой воды из фляги. Ему казалось, что вокруг него — плотный, непроницаемый туман.

Он ужасался при мысли, что подумает полковник Кэткарт, узнав о возникших подозрениях, что капеллан-то и есть Вашингтон Ирвинг. И еще капеллан терзался, пытаясь догадаться, какого теперь о нем мнения полковник Кэткарт, после того как он, капеллан, затеял разговор об этих шестидесяти вылетах. В мире столько несчастья, думал капеллан, все ниже и ниже опуская голову, полную горестных мыслей, и ничем, ровным счетом ничем, он не может помочь никому, а себе — тем более.

21. Генерал Дридл

На самом деле полковник Кэткарт вообще не думал о капеллане. Теперь его всецело занимала свеженькая, только что обрушившаяся на его голову грозная проблема: Йоссариан!

Йоссариан! От одного звука этого мерзкого, уродливого имени стыла кровь в его жилах и учащалось дыхание. Когда капеллан впервые упомянул имя «Йоссариан», оно отозвалось в сознании полковника зловещим набатом. Едва за капелланом закрылась, щелкнув замком, дверь, унизительные воспоминания о голом человеке в строю хлынули на полковника каскадом кошмарных, жалящих подробностей, от которых

захватывало дух. Полковника прошиб пот, и он задрожал. Это было опасное и невероятное совпадение, по своей дьявольской сути оно могло оказаться только самым дурным предзнаменованием: человека, стоявшего голым в строю в день, когда генерал Дридл вручал ему крест «За летные боевые заслуги», тоже звали Йоссариан! А теперь некто, по имени Йоссариан, грозился наделать неприятностей по поводу только что установленной нормы — шестьдесят вылетов. Полковник мрачно раздумывал:

— Неужели это тот самый Йоссариан?

Он поднялся из-за стола с ощущением невыносимого страха и принялся расхаживать по кабинету. Полковник чувствовал, что здесь кроется какая-то тайна. Он пришел к невеселому выводу, что такие события, как появление голого человека в строю, а также передвижение линии фронта на карте накануне рейда на Болонью и семидневная проволочка с уничтожением моста у Феррары, принесли ему синяки и шишки, хотя, вспомнил он с радостью, мост у Феррары в конце концов удалось разбомбить, и это принесло ему пироги и пышки. Но вот потеря самолета во время второго захода на цель, вспомнил он с отвращением, принесла ему синяки и шишки. Правда, то,

что он добился ордена для бомбардира, принесло ему пироги и пышки, хотя сам бомбардир, зайдя дважды на цель, сначала принес ему синяки и шишки. Имя этого бомбардира, с изумлением вспомнил он, тоже было Йоссариан!

Теперь их было трое! Господи, да не наваждение ли это? В испуге полковник обернулся: ему показалось, что кто-то стоит у него за спиной. Еще минуту назад в его жизни не было никакого Йоссариана, а сейчас Йоссарианы множились и кружились вокруг него, как ведьмы на шабаше. Он пытался успокоиться. Йоссариан — фамилия необычная. Возможно, на самом деле существовало не три Йоссариана. а лишь два или, может быть, даже только один, но это уже существенной роли не играло. Полковник по-прежнему спиной чувствовал дыхание опасности. Интуиция подсказывала ему, что перед ним какая-то огромная, непостижимая, космическая загадка. Широкоплечего, грузного полковника пробирала дрожь при одной мысли, что Йоссариану, кем бы он в конце концов ни оказался, суждено стать его, полковника Кэткарта, Немезидой.

Полковник Кэткарт не был человеком суеверным, но он верил в приметы. Он решительно сел за письменный стол и сделал в своем служебном

блокноте несколько закодированных пометок, чтобы тут же, не откладывая в долгий ящик, детально обдумать всю эту подозрительную историю с Йоссарианом. Энергичным почерком с нажимом он составил для себя памятку, украсив ее серией глубокомысленных пунктуационных знаков и дважды подчеркнув все написанное. Памятка стала выглядеть так:

Йоссариан!!!

Закончив работу, полковник откинулся в кресле, чрезвычайно довольный экстренными мерами, которые он предпринял, чтобы приблизиться к разгадке зловещей тайны. «Йоссариан» — один лишь вид этой фамилии повергал его в трепет. А если ее произнести вслух, то в ней слышится что-то рычащее. И даже что-то подрывное, как, впрочем, и в самом слове «подрывное». Рычащее «р» роднило эту фамилию с такими словами, как «бунтарский», «коварный», «крамольный», «революционный», «подозрительный», «красный». Это была гнусная, враждебная, мерзкая фамилия, которая абсолютно не внушала доверия. То ли дело такие чистые, честные, благородные, истинно американские фамилии, как Кэткарт, Пеккем и Дридл.

Полковник Кэткарт медленно поднялся и снова

начал бродить по кабинету. Почти машинально он выбрал помидорчик из куля и жадно впился в него зубами. Лицо его тут же скривилось, он швырнул недоеденный помидор в мусорную корзину. Полковник терпеть не мог помидоров, даже собственных, а эти, по сути дела, ему не принадлежали. Они были скуплены подполковником Корном, действовавшим под чужими фамилиями на разных рынках Пьяносы, перевезены глухой ночью в горы на ферму полковника Кэткарта, а на следующее утро их переправили в штаб полка, где Милоу уплатил за них полковнику и подполковнику баснословные деньги. Полковник Каткарт часто задумывался, была ли эта операция с помидорами вполне законной, но подполковник Корн подтвердил, что сделка вполне законна, и полковник Кэткарт старался поменьше ломать себе голову над этим вопросом. Он понятия не имел также, законно или незаконно владеет домом в горах. Все необходимые формальности проделал подполковник Корн. Полковник Кэткарт не знал, принадлежит ли ему дом или он просто его арендует, а если дом приобретен, то у кого и сколько пришлось за него заплатить, если вообще пришлось платить. Подполковник Кори был юристом по образованию,

и, коль скоро он твердо заверил полковника, что мошенничество, вымогательство, валютные махинации, присвоение чужого, уклонение от уплаты налогов и спекуляция на черном рынке — самое что ни на есть законное дело, у полковника Кэткарта не возникало пылкого желания вступать в спор.

Полковник Кеткарт знал о своем доме в горах лишь то, что таковой существует и что дом этот он ненавидит. Нигде он так отчаянно не скучал, как в своем доме. Он наезжал туда два-три раза в неделю, чтобы создать иллюзию, будто этот сырой каменный дом, продуваемый сквозняками, — этакое злачное местечко, наиболее подходящее для плотских утех. По всем офицерским клубам ходили неясные, но многозначительные слухи о тайных пьянках, роскошных пиршествах и разнузданных оргиях в доме полковника. На самом деле ни выпивок втихомолку, ни разнузданных оргий не происходило. Они могли бы происходить, если бы генералы Дридл и Пеккем проявили интерес к участию в этих оргиях вместе с полковником, но никто из них никогда не проявлял подобного интереса, а сам полковник, разумеется, не был намерен тратить время и силы на красивых женщин, поскольку это не

сулило ему никаких выгод по службе.

Полковник смертельно боялся одиноких промозглых ночей и тусклых безрадостных дней в своем доме. В полку было куда веселее, здесь он развлекался, запугивая каждого, кого не боялся. Однако подполковник Корн не раз напоминал ему, что некрасиво иметь ферму в горах и не пользоваться ею. Полковник отправлялся на ферму, охваченный жалостью к себе. Он держал в своем джипе пистолет и убивал время, стреляя в птиц и в помидоры, которые и в самом деле росли там на неухоженных грядках: ухаживать за ними было бы слишком хлопотно.

Среди офицеров ниже его званием, к которым полковник Кэткарт считал необходимым и благоразумным относиться почтительно, был майор де Каверли, хотя полковник вовсе не хотел относиться к нему с уважением, да и не был уверен, что обязан это делать. Майор де Каверли был величайшей загадкой для полковника Каткарта, как, впрочем и для майора Майора и для всех, кто хоть раз видел майора де Каверли. Полковник Кэткарт понятия не имел, взирать ли ему на майора де Каверли сверху вниз или снизу вверх. Майор де Каверли, несмотря на свой возраст, был только майором. В то же время многие относи-

лись к майору де Каверли с таким глубочайшим и трепетным благоговением, что полковник Кэткарт подозревал, что другие знают о нем что-то такое, чего не знает он, полковник Кэткарт. Майор де Каверли был для него существом зловещим и непостижимым, с таким надо было постоянно держать ухо востро — даже подполковник Корн держался настороже с майором. Все боялись майора де Каверли, а почему — сами не знали. Никто не знал даже имени майора де Каверли, ибо ни у кого не хватало отваги спросить майора, как его зовут. Полковник Кэткарт знал, что майор де Каверли сейчас находится в отъезде, и радовался его отсутствию. Но вдруг ему пришло на ум, что сейчас майор де Каверли где-нибудь интригует против него, и полковнику захотелось, чтобы майор де Каверли поскорее вернулся в эскадрилью, где с него можно было не спускать глаз.

Вскоре у полковника Кэткарта от ходьбы взад-вперед заныло в паху. Он снова сел за письменный стол, решив дать сложившейся военной обстановке зрелую и тщательную оценку. С видом делового человека, который знает, как взяться за работу, он достал большой блокнот и провел посредине листа вертикальную линию, разделив таким образом лист на две равные

колонки, а наверху — горизонтальную линию. С минуту он критически разглядывал дело рук своих. Затем навалился грудью на стол и вверху, над левой колонкой, неразборчивым, кудреватым почерком написал: «Синяки и шишки!!!», а над колонкой справа — «Пироги и пышки!!!!!». Затем откинулся на спинку кресла, чтобы взглянуть на свою схему взглядом стороннего наблюдателя. Схема радовала взор. После нескольких секунд торжественного обдумывания он старательно послюнявил кончик карандаша и под заголовком «Синяки и шишки!!!» аккуратно, соблюдая интервалы, написал:

«Феррара.

Болонья (передвижка линии фронта на карте).

Тир.

Голый человек в строю (после Авиньона)». Затем приписал:

«Пищевое отравление (во время Болоньи).

Стоны (эпидемия во время инструктажа перед вылетом на Авиньон)». И добавил:

«Капеллан (каждый вечер околачивается в офицерском клубе)».

Хотя полковник и не любил капеллана, он решил проявить к нему милосердие и под заголовком «Пироги и пышки!!!!!» тоже написал:

«Капеллан (каждый вечер околачивается в офицерском клубе»). Тем самым две записи о капеллане нейтрализовали друг друга. Рядом с «Феррара» и «Голый человек в строю (после Авиньона)» он приписал:

«Йоссариан!» Рядом с «Болонья (передвижка линий фронта на карте)», «Пищевое отравление (во время Болоньи)» и «Стоны (эпидемия во время инструктажа перед вылетом на Авиньон)» он смело и решительно вывел:

»?»

Приписка «?» означала, что он хотел немедленно выяснить, сыграл ли Йоссариан в этих событиях какую-либо роль.

Внезапно рука его задрожала, и дальше писать он не смог. Он с ужасом поднялся на ноги и, чувствуя, как липкий пот течет по его тучному телу, кинулся к открытому окну глотнуть свежего воздуха. Взгляд его упал на тир, затем полковник вдут с горестным воплем обернулся, и его глаза с безумным, лихорадочным блеском неистово заметались по стенам кабинета, словно из каждого угла лезли полчища Йоссарианов.

Никто не любил полковника. Генерал Дридл его ненавидел, хотя генерал Пеккем любил его: впрочем, полковник был в этом уверен, поскольку

ку помощник генерала Пеккема полковник Карджилл — человек, обуреваемый честолюбивыми замыслами, — пакостил полковнику при каждом удобном случае. «Кроме меня, — думал Кэткарт, — единственный хороший полковник — это мертвый полковник», а единственным полковником, который внушал ему доверие, был полковник Модэс, но даже он действовал заодно со своим тестем, генералом Дридлом. Милоу, конечно, приносил полковнику Кэткарту пироги и пышки, хотя тот факт, что самолеты Милоу разбомбили свой собственный полк, принес ему обильный урожай синяков и шишек, несмотря на то, что Милоу полностью утихомирил всех недовольных, обнародовав цифры огромных прибылей, вырученных синдикатом в результате сделки с противником. Милоу убедил всех, что бомбардировка своего аэродрома — хоть и удар со стороны частного предпринимательства, но удар похвальный и весьма прибыльный. Полковник не чувствовал себя спокойным за Милоу: командиры других полков все время пытались переманить Милоу. Кроме того, на шее у полковника висел этот паршивый Вождь Белый Овес, который, как утверждал паршивый лентяй капитан Блэк, был единственным виновником того,

что во время осады Болоньи кто-то передвинул на карте линию фронта. Полковнику Кэткарту нравился Вождь Белый Овес, ибо каждый раз, напившись, Вождь Белый Овес давал по носу этому паршивому полковнику Модэсу, если тот оказывался под рукой. Полковнику Кэткарту хотелось, чтобы Вождь Белый Овес начал бить по толстой морде и подполковника Корна, который тоже был паршивым пронырой. В штабе двадцать седьмой воздушной армии кто-то имел зуб на полковника Кэткарта и возвращал каждый раз его доклады с оскорбительной резолюцией. Подполковник Корн подкупил тамошнего писаря, умного малого по фамилии Уинтергрин, чтобы через него попытаться выяснить, кто там гадит полковнику Кэткарту. Полковнику пришлось признать, что потеря самолета над Феррарой при втором заходе на цель, разумеется, не принесла ему ничего хорошего, как и исчезновение в облаке другого самолета — событие, которое он забыл занести в соответствующую рубрику. Он пытался изо всех сил вспомнить, исчез ли Йоссариан вместе с самолетом в облаке или нет, но сообразил, что этого никак не могло быть, поскольку он слоняется вокруг и распускает вонь по поводу каких-то пяти паршивых дополнительных вылетов.

«Может, и вправду, норма в шестьдесят вылетов слишком велика для летчиков, — рассуждал полковник Каткарт, — если Йоссариан отказывается выполнять ее». Но тут он вспомнил, что, заставив пилотов своего полка сделать больше вылетов, чем летчики других частей, н добился блестящего успеха. Как часто говаривал подполковник Корн:

— Война войной, а служба службой. Чтобы отличиться, командиру необходимо сделать какой-то драматический жест, скажем, установить более высокую, чем у соседей, норму боевых вылетов. Никто из генералов пока, кажется, не возражал против действий полковника, хотя, насколько он мог заметить, его рвение и не произвело на них особого впечатления, и это навело его на мысль, что, наверное, шестьдесят вылетов — мало и придется повысить норму сразу до семидесяти, восьмидесяти, сотни, даже до двух сотен, трех сотен или до шести тысяч вылетов.

Конечно, ему было бы гораздо лучше служить под началом столь учтивого человека, как генерал Пеккем, чем под началом невоспитанного мужлана генерала Дридла, ибо на стороне генерала Пеккема были проницательность, ум и образованность, следовательно, он мог в полной

мере понять полковника Кэткарта и оценить его по заслугам. Правда, генерал Пеккем не давал полковнику ни малейшего повода думать, что он понимает его и ценит по заслугам. Но полковник Кэткарт отдавал себе отчет в том, что явная, грубая похвала или одобрение вовсе ни к чему в отношениях между такими утонченными, уверенными в себе личностями, как он и генерал Пеккем, которые могут издали симпатизировать друг другу и понимать друг друга без слов. Вполне достаточно того, что они — люди одного круга, и полковник Кэткарт знал, что его повышение — дело времени и нужно, набравшись терпения, благоразумно ждать, хотя самолюбие его страдало оттого, что генерал Пеккем никогда намеренно не искал его общества, и оттого, что, когда полковник Кэткарт оказывался рядом с Пеккемом, генерал старался произвести на него впечатление своими афоризмами и эрудицией точно в такой же степени, как и на других офицеров и даже на нижние чины, стоящие поблизости. То ли полковник Кэткарт не раскусил генерала Пеккема, то ли генерал Пеккем вовсе и не был такой уж тонкой, блестящей, умной, дальновидной личностью, какой он старался казаться. Может быть, на самом-то деле как раз генерал Дридл

был отзывчивым, очаровательным, блестящим и утонченным и под его началом полковнику Кэткарту было бы куда лучше.

Внезапно полковник Кэткарт, потеряв всякое представление о том, с кем он в каких отношениях, начал стучать кулаком по кнопке звонка: ему хотелось, чтобы подполковник Корн как можно скорее вбежал в кабинет и заверил его, что все его, полковника Кэткарта, любят, что Йоссариан — всего лишь плод его больного воображения и что он, полковник, добился ошеломительных успехов в своей блестящей и доблестной борьбе за генеральские погоны.

На самом же деле у полковника Кэткарта не было ни малейших шансов стать генералом. Во-первых, потому что на свете существовал экс-рядовой первого класса Уинтергрин, который тоже хотел стать генералом и посему всегда искажал, портил, отвергал или засылал по неправильному адресу любую проходящую через его руки корреспонденцию, имеющую касательство к полковнику Кэткарту и могущую пойти полковнику на пользу. А во-вторых, потому что один генерал уже имелся в наличии — генерал Дридл, который, в свою очередь, знал, что генерал Пеккем метит на его место, но не знал, как этому

воспрепятствовать. Генерал Дридл, командир авиабригады, был грубоватый приземистый человек. Ему едва перевалило за пятьдесят. У него был приплюснутый красный нос, серые глазки, запрятанные в припухшие веки с белыми пупырышками, и грудь колесом. При нем постоянно находились медсестра и зять. Когда генерал Дридл недобирал спиртного, он впадал в глубокую задумчивость. Старательно выполняя свои прямые обязанности, генерал Дридл потерял в армии понапрасну слишком много лет, а сейчас наверстывать упущенное было уже поздно. Омоложенные кадры высшего командного состава сомкнули свои ряды, в которых для Дридла не нашлось места, и, растерявшись, он не знал, как ему наладить с ними сотрудничество. Стоило ему забыться, и его тяжелое одутловатое лицо становилось грустным и озабоченным, как у человека, сломленного жизнью. Генерал Дридл крепко пил. Настроение у него постоянно менялось, и предсказать его было совершенно невозможно. «Война — это ад», — частенько говаривал он, пьяный или трезвый, и он в самом деле так думал, но это не мешало ему неплохо наживаться на войне и вовлечь в этот бизнес своего зятя, хоть они то и дело цапались.

— Ну и подонок! — с презрительной миной ворчливо жаловался он на своего зятя первому встречному у стойки бара в офицерском клубе. — Всем, что он имеет, он обязан мне. Я сделал из этого паршивого сукина сына человека. Разве у него хватило бы мозгов продвинуться собственными силами?

— Ему кажется, что он постиг все на свете! — говорил обиженным тоном полковник Модэс своим слушателям у другого конца стойки. — Он не выносит никакой критики и не слушает ничьих советов.

— Он только и умеет давать советы! — замечал генерал Дридл, презрительно фыркая. — Не будь меня, он и по сей день ходил бы в капралах.

Генерала Дридла всегда сопровождали полковник Модэс и медсестра — по общему мнению, весьма лакомый кусочек. У этой маленькой розовощекой блондинки были пухлые щечки с ямочками, сияющие счастьем голубые глаза, аккуратно подвитые на концах волосы и пышная грудь. Медсестра улыбалась каждому и никогда ни с кем не заговаривала первой. Все у нее было ясное и четкое. Она была так неотразима, что мужчины старались обходить ее стороной. Вся как налитая, миленькая, послушная и туповатая,

она сводила с ума всех, кроме генерала Дридла.

— Он специально ее держит, чтобы свести меня с ума! — сокрушенно жаловался полковник Модэс. — Как только я дотронусь до нее или до какой-нибудь другой девчонки, он вышибет меня в рядовые и отправит на целый год в наряд на кухню. Она меня сводит с ума.

— С тех пор как мы прибыли в Европу, у него не было ни одной женщины, — сообщал по секрету генерал Дридл своим собеседникам, и его квадратная седая голова тряслась садистского смеха. — Я не спускаю с него глаз, потому что не хочу, чтобы он спутался с какой-нибудь… Можете себе представить, каково приходится этому несчастному сукину сыну!

— С тех пор как мы прибыли из Штатов, у меня не было ни одной женщины, — хныкал полковник Модэс. — Можете себе представить, каково мне приходится.

Стоило генералу Дридлу невзлюбить кого-нибудь, и он становился так же непримирим к этому человеку, как к полковнику Модэсу. Он не считал нужным притворяться, щадить чужие чувства и соблюдать условности. Своих подчиненных он различал только по их военным качествам. Все, что он требовал, — чтобы они делали свое дело;

во всем остальном они могли делать все, что им заблагорассудится. Полковник Кэткарт был волен заставить своих подчиненных сделать и шестьдесят вылетов, раз это ему нравилось. Йоссариан был волен стоять в строю голым, если ему этого хотелось, хотя от такого зрелища у генерала Дридла тогда отвисла гранитная челюсть. Генерал железной поступью приблизился к шеренге, желая убедиться, что на человеке, который стоит перед ним в строю по стойке «смирно» и ждет, когда ему вручат орден, действительно нет ничего, кроме тапочек. Генерал Дридл потерял дар речи. Полковник Кэткарт был близок к обмороку, когда заметил Йоссариана, и подполковнику Корну пришлось подойти сзади и крепко ухватить полковника за руку. Стояла неправдоподобная тишина. Ровный теплый ветерок дул с пляжа. На шоссе, грохоча, выехала повозка с грязной соломой. Крестьянин в шляпе с обвислыми полями и в потертом коричневом костюме погонял черного ослика, не обращая никакого внимания на официальную военную церемонию, происходившую на небольшом поле справа от него. Наконец генерал Дридл заговорил:

— Возвращайся в машину, — рявкнул он через плечо медсестре, которая следовала за ним вдоль

строя. Сестра, улыбаясь, засеменила к коричневой штабной машине, стоявшей ярдах в двадцати у края квадратного плаца. Храня суровое молчание, генерал дождался, пока захлопнется дверца машины, и затем спросил:

— Это еще кто такой?

Полковник Модэс сверился со списком.

— Это Йоссариан, папа. Он получает крест «За летные боевые заслуги».

— М-да, будь я проклят! — пробормотал генерал Дридл. Его румяное массивное лицо смягчила веселая улыбка: — Почему вы не одеты, Йоссариан?

— Не хочу.

— Что значит «не хочу»? Какого черта вы не хотите одеться?

— Не хочу — и все, сэр.

— Почему он без одежды? — спросил через плечо генерал Дридл Кэткарта.

— Он с вами разговаривает, — шепнул подполковник Корн из-за плеча полковнику Кэткарту и сильно толкнул его локтем в спину.

— Почему он без одежды? — спросил полковник Кэткарт подполковника Корна, морщась от боли и нежно поглаживая то место, куда его ткнул локтем подполковник Корн.

— Почему он без одежды? — спросил подполковник Корн капитанов Пилтчарда и Рена.

— На прошлой неделе во время налета на Авиньон был убит один из членов его экипажа и перепачкал его всего кровью, — ответил капитан Рен. — И он поклялся, что больше никогда не наденет форму.

— На прошлой неделе во время налета на Авиньон был убит один из членов его экипажа и перепачкал его всего кровью, — доложил подполковник Корн непосредственно генералу Дридлу. — Его форма еще не вернулась из прачечной.

— А где его другая форма?

— Она тоже в прачечной.

— А нижнее белье?

— Все его нижнее белье тоже в прачечной, — ответил подполковник Корн.

— Все это похоже на собачий бред, — изрек генерал Дридл.

— Это и есть собачий бред, сэр! — подтвердил Йоссариан.

— Не беспокойтесь, сэр, — заверил полковник Кэткарт генерала Дридла, метнув в сторону Йоссариана угрожающий взгляд. — Я даю вам честное слово, что этот человек будет сурово наказан.

— Да какое мне, черт побери, дело, будет он наказан или нет! — ответил генерал Дридл раздраженно. — Он только что заработал орден. Если он хочет получить его нагишом, на кой черт тут вмешиваться?..

— Я точно такого же мнения, — горячо откликнулся полковник Кэткарт и вытер лоб носовым платком. — Но как понимать ваши слова, сэр, в свете недавнего распоряжения генерала Пеккема по вопросу о надлежащем виде военнослужащих, находящихся в зоне боевых действий?

— Пеккем? — Лицо генерала Дридла помрачнело.

— Да-да, сэр, — подобострастно поддакнул полковник Кэткарт. — Генерал Пеккем даже рекомендовал нам посылать наших людей в бой в полной парадной форме, чтобы, если их собьют, они могли произвести хорошее впечатление на врага.

— Пеккем? — в недоумении переспросил генерал Дридл.

— Какое, черт возьми, отношение имеет к этому Пеккем?

Подполковник Корн снова больно толкнул полковника Кэткарта локтем в спину.

— Абсолютно никакого, сэр! — лихо отрапор-

товал полковник Кэткарт, морщась от боли и яростно потирая место, куда его ткнул подполковник Корн. — Именно поэтому я и решил не обращать никакого внимания на это распоряжение, пока мне не представится случай обсудить его с вами. Должны ли мы полностью игнорировать это распоряжение, сэр?

Генерал полностью проигнорировал полковника Кэткарта, отвернувшись от него с презрительной усмешкой, и вручил Йоссариану орден в коробочке.

— Приведите сюда из машины мою девчонку, — приказал он полковнику Модэсу кислым тоном и не двинулся с места, пока сестра не присоединилась к нему.

— Немедленно передайте в штаб, чтобы уничтожили только что изданный мною приказ, обязывающий летный состав быть при галстуках во время выполнения боевых заданий, — торопливо зашептал сквозь зубы полковник Кэткарт подполковнику Корну.

— Я же советовал вам не делать этого, — усмехнулся подполковник Корн. — Но вы меня не послушали.

— Тсс, — остановил его полковник Кэткарт. — Черт побери. Корн, что вы наделали с моей

спиной?

Подполковник Корн снова усмехнулся. Медсестра всегда сопровождала генерала Дридла, куда бы он ни пошел. Даже перед вылетом на Авиньон, глупо улыбаясь, она стояла в инструкторской у трибуны рядом с генералом Дридлом. Одетая в розово-зеленую форму, она была ярка и свежа, как цветочная клумба. Йоссариан взглянул на нее и влюбился до беспамятства. В душе у него все оборвалось, он сидел опустошенный и онемевший. Слушая, как майор Дэнби монотонно и назидательно гудит, расписывая плотный концентрированный зенитный огонь, который ждет их у Авиньона, Йоссариан во все глаза глядел на ее полные красивые губы, на ее щеки с ямочками и вдруг застонал от глубокого отчаяния при мысли о том, что он может никогда больше не увидеть эту очаровательную женщину, с которой он даже не перекинулся словом и которую он сейчас любил так страстно. Он смотрел на нее, и все в нем вибрировало — так она была красива. Он благословлял землю, на которой она стояла. Он облизнул кончиком языка пересохшие губы и снова застонал от горя — на сей раз достаточно громко, чтобы привлечь к себе удивленные взгляды летчиков, сидевших на грубых деревян-

ных скамьях в своих шоколадно-коричневых комбинезонах, перетянутых белыми парашютными ремнями. Встревоженный Нейтли резко повернулся к нему.

— Что такое? — прошептал он. — Что случилось?

Но Йоссариан его не слышал. Жалость к самому себе, словно токами, пронизывала душу. В конце концов, медсестра генерала Дридла была не более чем румяная пышечка, но сердце его до самых краев переполняло любовное чувство. Он ненасытно вбирал ее взором — всю, от макушки до накрашенных ногтей на ногах. Ах, как ему не хотелось терять ее!

— Ооооооооооооооооооо! — снова застонал он, и от его крика по рядам прошел гул. Волна замешательства и неловкости докатилась до стоявших на помосте офицеров и накрыла их с головой. Даже майор Дэнби, начавший было сверять часы, на мгновение чуть было не сбился со счета, и ему едва не пришлось начата отсчет заново. Нейтли проследил пронзительный взгляд Йоссариана, устремленный через весь длинный каркасно-панельный зал, пока не уперся глазами в медсестру генерала Дридла. Догадавшись, что мучает Йоссариана, Нейтли побледнел от

волнения.

— Прекрати, — предостерег Нейтли свирепым шепотом.

— Ооооооооооооооооооо! — застонал Йоссариан уже в четвертый раз и на сей раз так громко и отчетливо, что услышали все.

— Ты с ума сошел! — яростно зашептал Нейтли. — Влипнешь в неприятность.

— Ооооооооооооооооооо! — поддержал Йоссариана Данбэр из противоположного угла.

Нейтли узнал голос Данбэра. Поняв, что дело принимает катастрофический оборот, Нейтли отвернулся и еле слышно простонал:

— Оо!

— Ооооооооооооооооо! — тут же откликнулся Данбэр.

— Ооооооооооооооооо! — в отчаянии застонал Нейтли еще громче, поняв, что у него только что вырвался стон.

— Ооооооооооооооооооо! — снова откликнулся Данбэр.

— Ооооооооооооооооо! — включился чей-то совершенно незнакомый голос из другого конца зала. У Нейтли волосы стали дыбом.

Йоссариан и Данбэр отозвались дуэтом, а Нейтли, сжавшись от страха, тщетно искал ка-

кую-нибудь дыру, в которую мог бы провалиться сам и затащить туда Йоссариана. Кое-кто из летчиков уже давился смехом. Таинственный вирус заразил Нейтли, и он еще раз преднамеренно застонал. Ему снова эхом ответил еще один незнакомый голос. Ряды бурлили, инструкторская неудержимо превращалась в бедлам. Удивительный, жуткий, ни на что не похожий гомон становился все сильнее. Летчики топали ногами, из их рук выпадали вещи: карандаши, навигационные линейки, планшеты; со стуком ударялись об пол стальные бронешлемы. А те, кто не стонал, теперь хихикали в открытую. Неизвестно, чем бы кончился этот стихийный бунт, если бы генерал Дридл лично не вмешался и не прекратил стоны. Он решительно вышел на середину помоста, заслонив собой майора Дэнби, который с серьезным видом, упрямо наклонив голову, по-прежнему сосредоточенно смотрел на свои наручные часы и отсчитывал:

— …Двадцать пять секунд… двадцать… пятнадцать…

Гримаса недоумения исказила крупное, властное, багровое лицо генерала Дридла, но тут же сменилась выражением мрачной решимости.

— Прекратить! — коротко приказал он, выпя-

тив свою твердую, квадратную челюсть; глаза его сердито сверкнули. И сразу все кончилось.

— Я командую боевой частью, — проговорил он сурово, когда в комнате установилась полная тишина и летчики на скамьях съежились, оробев. — И пока я здесь командир, в этом полку не будет никаких стонов. Ясно?

Всем было ясно, кроме майора Дэнби. По-прежнему уставившись на часы, он отсчитывал вслух секунды.

— Четыре, три, два, один, ноль! — выкрикнул майор Дэнби и, торжествующе подняв глаза, обнаружил, что никто его не слушал и что ему придется начать все сначала.

— Оооо! — от растерянности застонал он.

— Что такое? — взревел разгневанный генерал Дридл, не веря ушам своим, и резко повернулся к майору Дэнби, который отшатнулся в полном замешательстве, сразу весь вспотел и задрожал от страха.

— Кто это такой?

— М-м-м-майор Дэнби, сэр, — пробормотал полковник Кэткарт, — это мой начальник оперативного отдела.

— Убрать и расстрелять! — распорядился генерал Дридл.

— Простите, с-с-сэр?..

— Я сказал: убрать и расстрелять. Вы что, оглохли?

— Слушаюсь, сэр, — отчеканил полковник Кэткарт, с усилием проглотил слюну, суетливо обернулся к своему шоферу и своему синоптику и приказал:

— Уберите майора Дэнби и расстреляйте!

— Простите, с-с-сэр?.. — запинаясь, пробормотали шофер и синоптик.

— Я сказал: уберите майора Дэнби и расстреляйте его, — отрезал полковник Кэткарт. — Вы что, оглохли?

Два молоденьких лейтенанта неловко кивнули толовой и уставились друг на друга, разинув рты. Они явно не горели желанием бросаться выполнять приказание полковника Каткарта, и каждый из них предоставлял другому инициативу в этом деле. Ни тому, ни другому раньше не доводилось выводить и расстреливать майора Дэнби. Нерешительными шажками они с двух сторон приближались к майору Дэнби. Майор побелел от ужаса. Ноги его вдруг подкосились, и оба молоденьких лейтенанта кинулись к нему, подхватили под руки и не дали ему рухнуть на пол. Теперь, когда майор Дэнби был в их ру-

ках, оставалась самая легкая часть работы, но у лейтенантов не было пистолетов. Майор Дэнби заплакал. Полковник Кэткарт едва не ринулся к майору, чтобы утешить его, но спохватился: он не желал выглядеть размазней в присутствии генерала Дридла. Он вспомнил, что Хэвермейер и Эпплби берут с собой на боевые задания пистолеты сорок пятого калибра, и начал высматривать их среди сидящих летчиков.

Когда майор Дэнби заплакал, полковник Модэс, до этой минуты терзавшийся в нерешительности, не смог более сдержаться и робко, как ягненок, которого ведут на заклание, приблизился к генералу Дридлу.

— По-моему, надо бы обождать минутку, папа, — предложил он неуверенным тоном. — По-моему, вы не имете права его расстреливать.

Вмешательство зятя привело генерала Дридла в ярость.

— Кто это еще, черт возьми, сказал, что я не имею права? — запальчиво спросил он таким громовым голосом, что казалось — здание сейчас рухнет, как от звука иерихонской трубы.

Полковник Модэс с пылающим от волнения лицом нагнулся к уху тестя и что-то прошептал.

— Почему это, черт возьми, я не могу? — заре-

вел генерал Дридл.

Полковник Модэс зашептал снова.

— По-твоему, я не могу расстрелять, кого захочу? — спросил генерал Дридл с тем же негодованием, внимательно прислушиваясь, однако, к шепоту полковника Модэса. — Это действительно так? — поинтересовался он. Любопытство заставило его умерить пыл.

— Да, папа. Боюсь, что так.

— Не иначе, как ты считаешь себя великим хитрецом, а? — вдруг набросился генерал Дридл на полковника Модэса.

Полковник Модэс снова побагровел.

— Нет, папа, я не…

— Ладно, отпустите этого недисциплинированного сукина сына, — буркнул генерал Дридл и, раздраженно отвернувшись от зятя, сварливо рявкнул шоферу и синоптику полковника Кэткарта: — Уведите его и больше сюда не пускайте. Продолжим этот проклятый инструктаж, а то так до конца войны не управимся. Сроду не видел такой бестолковщины.

В знак согласия с генералом полковник Кэткарт дернул головой, как паралитик, и поспешил подать знак своим подчиненным, чтобы он вытолкали майора Дэнби из здания. Однако, когда

майора Дэнби вытолкали на улицу, выяснилось, что вести инструктаж некому. Все как идиоты изумленно уставились друг на друга. Видя, что дело не двигается с места, генерал Дридл стал пунцовым. Не зная, что предпринять, полковник Кэткарт уже собрался громко застонать, но подполковник Корн пришел ему на выручку и, шагнув вперед, взял бразды правления в свои руки. Полковник Кэткарт вздохнул с огромным облегчением, он был растроган почти до слез и исполнен благодарности к подполковнику Корну.

— А теперь нам предстоит сверить часы, — скороговоркой начал с места в карьер подполковник Корн. Он говорил резким командирским тоном и кокетливо строил глазки генералу Дридлу. — Мы должны сверить часы с одного-единственного раза, а тем, у кого с первого раза это не получится, придется дать объяснение генералу Дридлу и мне. Ясно? — Он снова стрельнул глазами в сторону генерала Дридла. — Попрошу всех поставить часы на девять восемнадцать.

Сверку часов подполковник Корн провел без сучка, без задоринки и уверенно двинулся дальше. Он сообщил летчикам пароль дня и дал обзор метеорологической обстановки, бойко, без запинки перечислив разные подробности. При этом

через каждые несколько секунд он бросал льстивые взоры в сторону генерала Дридла, обретая все большую и болыпую уверенность: он видел, что производит на генерала отличное впечатление. Кокетничая и ломаясь, преисполненный тщеславия, он важно расхаживал по помосту и жал на всю железку: еще раз сообщив пароль дня, он ловко сменил тему и со все нарастающим жаром заговорил о важности авиньонского моста в свете дальнейшего развития военных действий, а также о святой обязанности каждого участвующего в выполнении боевого задания поставить любовь к родине превыше любви к жизни. Закончив свою вдохновенную речь, он еще раз сообщил пароль дня, особо подчеркнул угол прицеливания и снова дал обзор метеоусловий. Подполковник Корн чувствовал, что в полной мере продемонстрировал свои способности. Он оказался в центре внимания у начальства.

Полковник Кэткарт не сразу сообразил, к чему клонится дело, но когда он постиг смысл происходящего, то чуть было не потерял дар речи. По мере того как он ревниво следил за предательскими маневрами подполковника Корна, лицо его вытягивалось и вытягивалось. Он испытал чувство, весьма похожее на страх, когда к нему

подошел генерал Дридл и громовым шепотом, услышанным в самых дальних рядах, вопросил:

— Кто это такой?

Полковник Кэткарт ответил, смутно предчувствуя недоброе. Тогда генерал Дридл, сложив ладонь лодочкой, прикрыл рот и прошептал на ухо полковнику Кэткарту слова, от которых лицо полковника Кэткарта озарилось неописуемой радостью. При виде этого зрелища подполковник Корн задрожал, будучи не в силах сдержать охвативший его восторг. Неужели генерал Дридл прямо здесь произвел его в полковники? Он не мог выдержать напряжения. Мастерски закруглив выступление цветистой фразой, он объявил инструктаж законченным и обернулся к генералу Дридлу, ожидая принять от него поздравления. Но генерал Дридл, не оглядываясь, уже выходил из зала. Медсестра и полковник Модэс поспешили за ним. Такое поведение генерала поразило и огорчило подполковника Корна, правда, всего лишь на миг. Отыскав глазами полковника Кэткарта, который все еще стоял столбом с застывшей на губах улыбкой, он с торжествующим видом подлетел к нему и потянул за руку.

— Что он сказал обо мне? — спросил он, трепеща от гордости и сладостного предвкушения. — Что

сказал генерал Дридл?

— Он хотел знать, кто вы.

— Это я понимаю. Это понятно. Но что он сказал обо мне? Ведь он что-то сказал?

— Сказал, что его от вас тошнит.

22. Милоу — мэр

Это был тот самый вылет, во время которого Йоссариан окончательно потерял мужество. Йоссариан окончательно потерял мужество при налете на Авиньон, потому что Сноуден потерял несколько фунтов кишок и жизнь впридачу. И все потому, что самолет в тот день вел пятнадцатилетний паренек Хьюпл. Вторым пилотом был Доббс, тот самый, что хотел в тайном сговоре с Йоссарианом убить полковника Кэткарта. Как летчик Доббс и в подметки не годился Хьюплу. Йоссариан знал, что Хьюпл — хороший летчик, но ведь он был совсем ребенок. Доббс тоже не доверял парнишке. Едва они отбомбились, Доббс без всякого предупреждения вырвал у Хьюпла штурвал и, ошалев, вогнал самолет в такое убийственное пике, что Йоссариан беспомощно повис, прилипнув макушкой к потолку кабины. Ему казалось, что вот-вот у него остановится сердце и лопнут барабанные перепонки. С Йоссариана

сорвало наушники.

— О господи! — беззвучно визжал он, чувствуя, что самолет камнем летит вниз. — О господи! О господи! О господи! — взывал он не в силах разомкнуть губ, а самолет все падал, а Йоссариан невесомо болтался под потолком, пока наконец Хыоплу не удалось вырвать у Доббса штурвал и выровнять самолет. Они оказались будто на дне жуткого оранжево-черного скалистого каньона: слева и справа стеной вставали зенитные разрывы, от которых они недавно увернулись. Теперь мм предстояло сделать это еще раз. Почти сразу же самолет толкнуло, и в плексигласе образовалась дыра величиной с кулак. Сверкающие осколки впились Йоссариану в скулы, однако крови не было.

— Что случилось? Что случилось? — заорал он и, не услышав собственного голоса, задрожал всем телом. Испугавшись мертвой тишины в переговорном устройстве и боясь сдвинуться с места, он стоял на четвереньках, словно мышь в мышеловке. Он ждал, не смея перевести дыхание до тех пор, пока не заметил наконец блестящий цилиндрический штеккер шлемофона, болтавшийся у него перед носом. Он воткнул его в гнездо дрожащими пальцами.

— О господи! — продолжал он вопить с тем же ужасом в голосе, ибо вокруг рвались зенитные снаряды и грибами вырастали взрывы. — О господи!

Когда Йоссариан воткнул штеккер в гнездо внутренней связи, он услышал, как плачет Доббс.

— Помогите ему, помогите ему! — всхлипывал Доббс.

— Кому помочь? Кому помочь? — переспросил Йоссариан. — Кому помочь?

— Бомбардиру, бомбардиру! — закричал Доббс. — Он не отвечает! Помогите бомбардиру, помогите бомбардиру!

— Я бомбардир! — заорал Йоссариан в ответ. — Я бомбардир. У меня все в порядке. У меня все в порядке.

— Тогда помоги ему, помоги ему! — запричитал Доббс. — Помоги ему, помоги ему!

— Кому помочь, кому помочь?

— Стрелку-радисту! — молил Доббс. — Помоги стрелку-радисту!

— Мне холодно, — послышалось затем в наушниках вялое хныканье Сноудена. Это было невнятное и жалобное бормотанье умирающего. — Пожалуйста, помогите. Мне холодно.

Йоссариан нырнул в лаз, перелез через бомбовый люк и спустился в хвостовой отсек самолета, где на полу, коченея, весь в ярких солнечных пятнах, лежал смертельно раненный Сноуден. Рядом с ним в глубоком обмороке распростерся на полу новый хвостовой стрелок.

Доббс был самым никудышным пилотом в мире, о чем он и сам знал. От былого мужества Доббса остались жалкие крохи. Он изо всех сил пытался доказать начальству, что больше не пригоден водить самолет. Но начальство и слушать его не желало. И в тот день, когда норма вылетов была доведена до шестидесяти, он, воспользовавшись отсутствием Орра (тот отправился на поиски сальника), прокрался в палатку Йоссариана и изложил ему свой план убийства полковника Кэткарта. Доббс нуждался в помощи Йоссариана.

— Ты хочешь, чтобы мы укокошили его? — не моргнув глазом спросил Йоссариан.

— Именно, — подтвердил Доббс с жизнерадостной улыбкой, довольный тем, что Йоссариан так быстро ухватил суть дела. — Я прихлопну его из «люгера». Никто не знает, что у меня есть пистолет, я привез его из Сицилии.

— Мне кажется, я не смогу этого сделать, — поразмыслив, сказал Йоссариан.

— Но почему? — удивился Доббс.

— Видишь ли, я был бы счастлив узнать, что этот сукин сын сломал себе шею или погиб в катастрофе, или если бы выяснилось, что кто-то пристрелил его. Но мне кажется, сам я не смогу его убить.

— Зато он бы уж тебя не пожалел, — возразил Доббс. — Ведь ты сам говорил, что, заставляя нас летать до бесконечности, он обрекает нас на верную гибель.

— И все-таки я, пожалуй, не смог бы ответить ему тем же. Ведь он, согласись, тоже имеет право на жизнь.

— Но не на такую долгую, чтобы лишить нас с тобой этого права. Что с тобой случилось? — Доббс был огорошен. — Не ты ли сам твердил Клевинджеру то же самое, что твержу тебе я? Он тебя не послушал, и вот, пожалуйста, — сгинул прямо в облаке…

— Перестань орать, — шикнул на него Йоссариан.

— Я не ору! — заорал Доббс еще громче, и лицо его налилось кровью. Веки и ноздри вздрагивали, а на дрожащей розовой нижней губе вскипала слюна. — Когда он увеличил норму до шестидесяти, наверное, около сотни человек в полку

отлетало свои пятьдесят пять заданий. И по крайней мере, еще сотне летчиков, вроде тебя, осталось сделать пару вылетов. Он угробит нас всех, если мы будем сидеть сложа руки. Мы должны убить его прежде, чем он убьет нас.

Йоссариан в знак согласия вяло кивнул головой. Рисковать он, однако, не хотел.

— Ты думаешь, нам удастся выйти сухими из воды?

— Я все хорошенько продумал! Я…

— Перестань кричать, ради бога!

— Я не кричу. Я все…

— Да перестанешь ты кричать?

— Я все тщательно обмозговал, — прошептал Доббс, ухватившись побелевшими пальцами за койку Орра: наверное, чтобы не махать руками. — В четверг утром, когда он обычно возвращается с этой проклятой фермы в горах, я проберусь через лес, к повороту на шоссе, и спрячусь в кустах. Здесь ему придется сбавить скорость. С этого места дорога просматривается в оба конца, и мне легко будет убедиться, что поблизости никого нет. Когда я увижу, что он приближается, я выкачу на дорогу большое бревно и заставлю его затормозить. Потом я выйду из кустов с «люгером» в руках и выстрелю ему в голову. Я закопаю

«люгер», вернусь лесом в эскадрилью и как ни в чем небывало займусь своими делами. Как видишь, просчет исключен.

Йоссариан мысленно проследил ход предстоящей операции.

— Ну, а в каком месте вхожу в игру я? — спросил он, недоумевая.

— Без тебя я не возьмусь, — объяснил Доббс. — Мне нужно, чтобы ты сказал: «Давай, Доббс, действуй!»

Йоссариан не верил своим ушам.

— Это все, что тебе от меня нужно? Только сказать:

— «Давай, Доббс, действуй»?

— Это все, что мне от тебя нужно, — подтвердил Доббс. — Скажи мне: «Давай, действуй!» и послезавтра я вышибу ему мозги. — Голос его снова зазвенел. — Уж коль на то дело пошло, я бы выстрелил в голову заодно и подполковнику Корну, хотя, если ты ничего не имеешь против, я бы пощадил майора Дэнби. Затем я бы укокошил Эпплби и Хэвермейера, а после того как мы покончили бы с Эпплби и Хэвермейером, я бы пристукнул Макуотта.

— Макуотта? — вскрикнул Йоссариан, чуть не подпрыгнув от ужаса. — Макуотт — мой прия-

тель. Чем тебе не угодил Макуотт?

— Не знаю, — смущенно пробормотал Доббс. — Я просто подумал: раз уж мы решили пристукнуть Эпплби и Хэвермейера, может, мы заодно пристукнем и Макуотта? А ты разве не хочешь пристукнуть Макуотта?

Йоссариан занял твердую позицию.

— Послушай, возможно, я и примкну к тебе, но только если ты перестанешь орать на весь остров и ограничишься убийством одного полковника Кэткарта. Но если ты собираешься устроить кровавую баню, обо мне забудь.

— Ну ладно, ладно. — Доббс готов был идти на попятную. — Только полковника Кэткарта. Скажи мне:

«Давай, Доббс, действуй!»

Йоссариан покачал головой:

— Кажется, я не смогу сказать тебе: «Действуй!»

Доббс вышел из себя. — Ладно, я предлагаю компромисс. Можешь не говорить мне: «Действуй!» Скажи только, что это хорошая идея. Ведь это хорошая идея?

Йоссариан снова покачал головой:

— Это была бы просто великолепная идея, если бы ты осуществил ее, не говоря мне ни слова. А

теперь уж поздно. Наверное, я тебе так. ничего и не скажу. Повремени, может, я и передумаю.

— Вот тогда-то действительно будет поздно.

Но Йоссариан по-прежнему отрицательно качал головой. Доббс был разочарован. Некоторое время он сидел с видом затравленной собаки, а затем вдруг вскочил и выбежал из палатки с намерением броситься в стремительную атаку на доктора Деннику, чтобы заставить доктора списать его на землю. По дороге он стукнулся бедром об умывальник Йоссариана и споткнулся об трубку для горючего, тянувшуюся к печке, которую еще монтировал Орр. Доббс отчаянно жестикулировал, но доктор Дейника ответил на эту нахальную атаку серией нетерпеливых кивков и отослал Доббса в санчасть, предложив обратиться к Гэсу и Уэсу. А те, едва он раскрыл рот, вымазали ему десны и большие пальцы ног раствором марганцовки. А когда он снова раскрыл рот, чтобы пожаловаться, — насильно впихнули в глотку таблетку слабительного и выставили за дверь.

С психикой у Доббса дело обстояло еще хуже, чем у Заморыша Джо: последний по крайней мере был способен летать, когда его не одолевали кошмары. Доббс был почти таким же сумасшедшим,

как Орр, хотя Орр с виду казался беззаботной пташкой, самозабвенно распевающей на ветке, — он постоянно хихикал. Однако что-то судорожное и неестественное было в смешке Орра. Очередной отпуск Орру было приказано провести в обществе Милоу и Йоссариана, отправившихся в Каир за яйцами. Правда, вместо яиц Милоу закупил хлопок, и на рассвете их самолет, набитый до самой турельной установки экзотическими пауками и незрелыми красными бананами, взял курс на Стамбул.

Орр был одним из самых безобидных чудаков, которых Йоссариану доводилось встречать, и наверняка — самым приятным. У него было одутловатое красное лицо, карие глазенки поблескивали, как два одинаковых кусочка коричневого мрамора, а напомаженные густые, волнистые, пегие волосы торчали на макушке домиком. Ни один вылет Орра добром не кончался: стоило ему отправиться на задание — и он шлепался со своим самолетом в море или зенитка разносила ему один из двигателей. Из Стамбула Милоу, Йоссариан и Орр вылетели в Неаполь, но приземлились в Сицилии. Когда они подъехали к отелю, где была заказана комната для Милоу, Орр как безумный начал дергать Йоссариана за рукав:

на тротуаре у входа в отель их поджидал, попыхивая сигарой, жуликоватый юнец, который предложил немедленно познакомить американских синьоров с его двумя двенадцатилетними сестренками-девственницами. Йоссариан решительно вырвался из рук Орра, уставившись с некоторым смущением и замешательством на вулкан Этна, который высился на том месте, где, по расчетам Йоссариана, должен был выситься вулкан Везувий. Он недоумевал, почему их занесло в Сицидию, когда они должны быть в Неаполе. Но Орр умолял Йоссариана последовать за жуликоватым юнцом к его сестрам, которые оказались не совсем девственницами и не совсем сестрами, а годочков им оказалось всего лишь по двадцати восьми каждой.

— Иди с ним, — лаконично приказал Милоу Йоссариану. — Помни о своей миссии.

— Хорошо, — согласился Йоссариан со вздохом, вспомнив о своей миссии. — Только разреши мне для начала найти свободную комнату в отеле. Должен же я ночью как следует выспаться.

— Ночью ты как следует выспишься с этими девочками, — ответил Милоу все с тем же загадочным видом. — Помни о своей миссии.

Но спать им не пришлось вовсе: Йоссариан и

Орр втиснулись в двуспальную кровать, сжатые с боков двумя тучными «девственницами», которые не давали им заснуть до утра. Вскоре Йоссариан уже плохо соображал, что к чему, и не обратил внимания, что на голове его толстой партнерши почему-то всю ночь красовался бежевый тюрбан. И только на следующее утро тайна тюрбана раскрылась: прибежал жуликоватый юнец с сигарой в зубах и на глазах у всех из дьявольского озорства сдернул тюрбан с головы толстухи. В ослепительных лучах сицилийского солнца сверкнул лысый, пугающе уродливый женский череп. Девицу выбрили наголо соседи в отместку за то, что она спала с немцами. Она завизжала и, переваливаясь с боку на бок, как гусыня, кинулась за малым. Ее чудовищная, поруганная нагая голова смешно болталась из стороны в сторону. По контрасту с темным, как древесная кора, лицом бритый череп сиял непристойной белизной. Йоссариану отроду не доводилось видеть ничего более голого. Размахивая тюрбаном, как трофеем, юный сводник улепетывал, держась на расстоянии нескольких сантиметров от разгневанной девицы. Прохожие хохотали, а Йоссариан чувствовал себя препаршиво.

В это время появился мрачный и озабоченный Милоу. При виде столь гнусного и фривольного спектакля он укоризненно поджал губы и потребовал, чтобы они немедленно отправлялись на Мальту.

— А мы спать хотим, — прохныкал Орр.

— Простите, но это уже не моя вина, — тоном праведника осудил их Милоу. — Если бы вы соизволили провести ночь у себя в номере, а не с безнравственными девицами, вы бы чувствовали себя сейчас столь же прекрасно, как и я.

— Но ведь вы сами велели нам идти к ним, — упрекнул его Йоссариан. — И потом у нас не было номера в гостинице. Вы — единственный, кто мог бы устроить нас на ночлег.

— Простите, но это тоже не моя вина, — надменно возразил Милоу. — Откуда я мог знать, что в связи с хорошим урожаем турецкого горошка в город съедется столько покупателей?

— Все вы знали заранее, — накинулся на него Йоссариан. — Неспроста мы, вместо того чтобы лететь в Неаполь, оказались в Сицилии. Вы уже небось битком набили самолет этим самым турецким горошком.

— Тссс, — сердито прошипел Милоу, бросая многозначительный взгляд в сторону Орра. —

Помните о своей миссии.

И точно: как только они прибыли на аэродром, чтобы лететь на Мальту, выяснилось, что бомбовый люк, задний и хвостовой отсеки самолета, а также большая часть выгородки для верхней турельной установки забиты мешками с турецким горошком.

Миссия Йоссариана в этой поездке заключалась в том, чтобы отвлекать Орра: Орр не должен был знать, где Милоу покупает яйца, хотя Орр тоже состоял членом синдиката Милоу и, как каждый член синдиката, имел в в нем свой пай. Йоссариан считал свою миссию лишенной всякого смысла, ибо все знали, что Милоу покупает яйца на Мальте по семь центов за штуку, а продает их офицерским столовым, то есть своему синдикату, по пять центов за штуку.

— Не доверяю я ему, — задумчиво проговорил Милоу в самолете, кивнув затылком в сторону Орра, который ужом извивался на мешках с горошком, мучительно пытаясь заснуть. — Я могу заниматься покупкой яиц, только когда его нет поблизости, иначе он раскроет секрет моего бизнеса. Ну что еще вам непонятно?

Йоссариан сидел рядом с Милоу на месте второго пилота.

— Непонятно, почему вы покупаете яйца на Мальте семь центов за штуку, а продаете их по пять?

— Чтобы иметь прибыль.

— Но как вы ухитряетесь получить прибыль? Вы ведь теряете по два цента на каждом яйце.

— И все-таки я получаю прибыль — по три с четвертью цента с яйца, потому что продаю их по четыре с четвертью цента жителям Мальты. Потом я у них скупаю эти яйца по семь центов. Разумеется, прибыль получаю не я. Ее получает синдикат, и у каждого в нем свой пай.

Йоссариану показалось, что он начинает что-то понимать

— А жители, которым вы продаете яйца по четыре с четвертью цента за штуку, получают прибыль в размере по два и три четверти цента за яйцо, когда продают их вам обратно по семь центов за штуку. Правильно? Так почему бы вам не продавать яйца непосредственно самому себе и вовсе не иметь дела с этим народом?

— А потому, что я и есть тот самый народ, у которого я покупаю яйца, — объяснил Милоу. — Когда народ покупает у меня яйца, я получаю прибыль по три с четвертью цента за штуку. Таким образом, в итоге доход составляет шесть центов

за яйцо. Продавая яйца офицерским столовым по пять центов, я теряю только по два цента на яйце. Вот так я и получаю прибыль — покупаю по семь центов за штуку и продаю по пять. Я плачу только по одному центу за яйцо в Сицилии.

— На Мальте, — поправил Йоссариан. — Ведь вы в покупаете яйца на Мальте, а не в Сицилии.

Милоу гордо усмехнулся.

— Я не покупаю яйца на Мальте, — признался он с нескрываемым удовольствием. Впервые при Йоссариане Милоу изменил своей обычной сверхсерьезности. — Купив яйца в Сицилии по центу за штуку, я затем тайно их переправляю на Мальту, но уже по четыре с половиной цента. С тем чтобы, когда спрос на Мальте возрастет, повысить цену до семи центов за штуку.

— А зачем вообще люди ездят на Мальту за яйцами, если они там так дороги?

— Потому что у людей так принято.

— А почему они не покупают в Сицилии?

— Потому что у людей так не принято.

— Ну теперь-то я действительно ничего не понимаю. Почему бы вам не продавать офицерским столовым яйца по семь центов за штуку, а не по пять?

— А зачем же я тогда буду нужен столовым? Ку-

пить яйца по семь центов каждый дурак сможет.

— А почему бы столовым не покупать яйца у вас прямо на Мальте по четыре с четвертью цента за штуку?

— Потому что так я им не продам.

— Но почему?

— Как же я бы тогда извлек прибыль? А так по крайней мере и мне кое-что перепадает, как посреднику.

— Стало быть, и к вашим рукам кое-что прилипает? — заявил Йоссариан.

— А как же иначе! В целом вся прибыль поступает в синдикат. А у каждого в нем пай. Понятно? В точности то же самое происходит с помидорчиками, которые я продал полковнику Кэткарту.

— Купил, — поправил его Йоссариан. — Ведь вы же не продали их полковнику Кэткарту и подполковнику Корну, а купили эти помидоры у них.

— Нет, продал, — поправил Милоу Йоссариана. — Я, выступая под вымышленной фамилией, выбросил помидоры на рынки Пьяносы, а полковник Кэткарт и подполковник Корн — тоже под вымышленными фамилиями — купили их у меня по четыре цента за штуку. Затем на следующий день они продали мне помидоры по пять центов за штуку, в результате они получили по

центу с каждого помидора, я по три с половиной, и все остались довольны.

— Все, кроме синдиката. — усмехнувшись, заметил Йоссариан. — Синдикат платит по пять центов за каждый помидор, а он, оказывается, стоит всего-навсего полцента. Какая же тут выгода синдикату?

— То, что выгодно мне, то выгодно синдикату, — пояснил Милоу, — поскольку у каждого в нем свой пай. А в результате сделки с помидорами синдикат заручился поддержкой полковника Кэткарта и подполковника Корна. Разве бы они иначе разрешили мне такие полеты? Через пятнадцать минут мы сядем в Палермо, и вы увидите, какой мы сделаем бизнес.

— Не в Палермо, а на Мальте, — поправил Йоссариан. Ведь мы летим на Мальту, а не в Палермо.

— Нет, в Палермо, — ответил Милоу. — Там меня ждет экспортер цикория. Я должен повидаться с ним на минутку и договориться об отправке в Берн грибов, которые, правда, уже немножко прихвачены плесенью. — Милоу, как вам это все удается? — изумился Йоссариан. — Вы указываете в полетной карте один пункт, а сами отправляетесь в другой. Неужели диспетчеры ни

разу не подняли шума?

— Они же члены синдиката! — сказал Милоу. — Они знают: что хорошо для синдиката, то хорошо для родины. На этом все держится. Поскольку диспетчеры тоже имеют свою долю, они обязаны делать для синдиката все, что в их силах.

— И у меня есть пай?

— У каждого свой пай.

— И у Орра пай?

— У каждого свой пай.

— И у Заморыша Джо? У него тоже пай?

— У каждого свой пай.

— Ну и дела, будь я проклят, — задумчиво протянул Йоссариан, на которого идея о всеобщем паевом участии в синдикате впервые произвела глубокое впечатление. Милоу обернулся, в глазах у него сверкнули озорные искорки.

— Послушайте, у меня есть хороший планчик, как надуть федеральное правительство на шесть тысяч долларов. Мы можем получить с вами по три тысячи на брата, абсолютно ничем не рискуя. Согласны?

— Нет!

Милоу взглянул на Йоссариана с глубокой признательностью.

— Именно за это я вас и люблю. Вы честный

человек, Йоссариан. Вы единственный из моих знакомых, кому я верю безоговорочно. Позвольте мне почаще прибегать к вашей помощи. Вот почему, когда вчера в Катании вы бросились за этими двумя потаскухами, я был безмерно огорчен.

Йоссариан недоверчиво посмотрел на Милоу.

— Милоу, так вы ведь сами велели мне идти с ними. Вы что, забыли?

— Нет уж, увольте! Это не моя вина! — негодующе возразил Милоу. — Мне любым путем нужно было избавиться от Орра. В Палермо все будет иначе. Я хочу, чтобы, как только мы приземлимся, вы с Орром прямо с аэродрома ушли с девочками.

— С какими еще девочками?

— Я связался по радио и все устроил. Они будут вас ждать на аэродроме в лимузине. Отправляйтесь сразу, как только выйдете из самолета.

— Ничего не получится, — сказал Йоссариан, покачав головой. — Я пойду туда, где можно выспаться.

Милоу посинел от негодования. Его тонкий длинный нос судорожно затрепетал, точно бледное узкое пламя свечи, в отведенном ему господом пространстве между черными бровями

и неровными рыжевато-оранжевыми усами.

— Йоссариан, не забывайте о своей миссии, — напомнил он торжественно.

— А пропади она пропадом, моя миссия, — устало отозвался Йоссариан. — И пусть туда же катится этот чертов синдикат вместе с моим паем.

Орру тоже хотелось спать, а не развлекаться, и поэтому он и Йоссариан поехали вместе с Милоу в город, где выяснилось, что и на сей раз в отеле для них нет места. Но, что гораздо важнее, оказалось, что Милоу — мэр города Палермо.

Неправдоподобный, поистине фантастический прием был оказан Милоу уже на аэродроме, где служащие, узнав Милоу, побросали свои дела и взирали на него с едва сдерживаемым обожанием и раболепством. Слухи о его прибытии уже проникли в город, и, когда все трое в маленьком открытом грузовике подъехали к окраинам города, их встретили веселые толпы. Йоссариан и Орр, онемев от удивления, испуганно жались к Милоу.

По мере того как грузовичок, замедляя ход, приближался к центру города, приветственные возгласы становились все громче. В этот день школьников специально отпустили с занятий, и

принаряженные мальчуганы и девчушки стояли на тротуарах, размахивая флажками. Йоссариан и Орр начисто лишились дара речи. На улицах над радостно бурлящими толпами плыли огромные знамена с портретами Милоу. Милоу был изображен в потертой крестьянской блузе с высоким воротником. Его строгое лицо добропорядочного папаши выражало терпимость, мудрость и силу. Усы непокорно топорщились, а косящие глаза проницательно взирали на толпу. Свесившись из открытых окон, инвалиды посылали Милоу воздушные поцелуи. Из узких дверей своих лавок торговцы в фартуках с воодушевлением приветствовали Милоу. Гремели трубы. То там, то сям кто-то падал, и толпа затаптывала несчастного насмерть. Обезумевшие старухи, рыдая, лезли вперед, чтобы коснуться плеча Милоу или пожать ему руку. Среди этого волнующего празднества Милоу держался царственновеликодушно. Не оставаясь в долгу, он элегантно делал народным массам ручкой и щедрыми пригоршнями разбрасывал сладкие, как трюфели, воздушные поцелуи. Стайка пылких юношей и девиц вырвалась из толпы и, взявшись за руки и блестя остекленевшими от обожания глазами, бежала за грузовиком, хрипло скандируя:

— Ми-лоу! Ми-лоу! Ми-лоу!

Теперь, когда его секрет выплыл наружу, Милоу стал держаться с Йоссарианом и Орром гораздо непринужденнее. Этого скромного от природы человека распирала гордость. Кровь прилила к его щекам. Милоу был избран мэром Палермо и близлежащих городов — Карина, Монреаля, Багерии, Термини-Имерезе, Кефали, Мистретты, а также Никозии, — и все потому, что он привез в Сицилию шотландское виски.

Йоссариан был потрясен.

— Неужели здесь так любят виски?

— Понятия о нем не имеют, — объяснил Милоу. — Шотландское виски — штука дорогая, а народ здесь очень бедный.

— Но если в Сицилии вообще не пьют виски, зачем ты его сюда импортируешь?

— Чтобы взвинтить цену. Я доставляю сюда виски с Мальты, чтобы с большей прибылью продать его себе или кому-нибудь другому. Я создал здесь целую новую отрасль промышленности. Сегодня Сицилия занимает третье место в мире по экспорту виски. Потому-то меня и избрали мэром.

— Раз уж ты такая большая шишка, может, ты нам достанешь номер в гостинице? — совсем не

к месту устало проворчал Орр.

— Вот этим я и намерен сейчас заняться, — пообещал Милоу, и в голосе его послышалось раскаяние. — К сожалению, я забыл радировать заранее, чтобы вам забронировали номера. Пойдемте в мой кабинет, и я прямо сейчас поговорю с моим заместителем.

Кабинет Милоу находился в парикмахерской, а его заместителем оказался пухленький коротышка парикмахер. Сердечные приветствия пенились на его подобострастных губах так же обильно, как мыльная пена, которую он взбивал в чашечке, чтобы побрить Милоу.

— Ну, Витторио, — сказал Милоу, лениво развалившись в кресле. — Как вы тут без меня поживали?

— Очень плохо, синьор Милоу, очень плохо. Но теперь вы вернулись, и мы снова счастливы.

— Удивительно, какая уйма народу на улицах! Почему полны все отели?

— Да потому что много народу понаехало из других городов специально, чтобы увидеть вас, синьор Милоу. И еще потому, что приехали закупщики на аукцион артишоков.

Милоу взмахнул руками, как орел крыльями, и схватился за бритвенную кисточку Витторио.

— Что еще за артишоки? — спросил он.

— Артишоки, синьор Милоу? Артишоки — это очень вкусные овощи, их все любят. Пока вы здесь, вам обязательно надо попробовать артишоков, синьор Милоу. У нас растут лучшие в мире артишоки.

— В самом деле? — спросил Милоу. — А хорошо ли в нынешнем году идут артишоки?

— Я бы сказал, очень хорошо. Урожай был скверный.

— Вот как? — удивился Милоу и исчез. Он соскользнул с кресла с такой быстротой, что полосатая простыня, Прежде чем упасть на пол, несколько секунд хранила очертания его тела. Когда Йоссариан и Орр бросились за ним к дверям, Милоу уже не было и в помине.

— Следующий! — гаркнул заместитель мэра. — Кто следующий?

Йоссариан и Орр вышли из парикмахерской, не зная, куда себя девать. Покинутые Милоу, они пробирались сквозь веселые толпы в поисках ночлега. Йоссариан валился с ног от усталости. Голова его раскалывалась от тупой, одуряющей боли. К тому же его раздражал Орр, который раздобыл где-то два диких лесных яблока и шел, засунув их за щеки. Заметив это, Йоссариан за-

ставил его выплюнуть дички. Затем Орр нашел где-то два лошадиных каштана и сунул их в рот. Но Йоссариан, заметив, что щеки у Орра опять раздулись, велел ему выплюнуть дички. Орр, ухмыльнувшись, ответил, что это не дички, а лошадиные каштаны и что они у него не во рту, а в руках. Но из того, что говорил ему Орр, Йоссариан не смог разобрать ни слова, потому что во рту Орра были лошадиные каштаны, которые он все-таки в конце концов выплюнул по настоянию Йоссариана.

В глазах Орра блеснули лукавые огоньки. Он потер лоб костяшками пальцев и хитро заржал.

— Помнишь ту девку? — спросил он сквозь смех. — Ты помнишь ту девку в Риме, которая лупила меня туфлей по башке?

Он выжидающе глядел на Йоссариана. Когда Йоссариан наконец осторожно кивнул головой, Орр продолжал:

— Разреши мне засунуть каштаны в рот, и я расскажу тебе, за что она меня била. Идет?

Йоссариан утвердительно кивнул, и Орр поведал ему фантастическую историю, почему девка в публичном доме, где жила подружка лейтенанта Нейтли, била его туфлей по голове, но Йоссариан не понял ни единого слова: рот у Орра был набит

лошадиными каштанами. Поняв, что Орр его провел, Йоссариан зло рассмеялся.

Когда наступил вечер, им пришлось довольствоваться скверным обедом в грязном ресторане, после чего они добрались до аэродрома с попутной машиной и улеглись спать на холодном металлическом полу самолета, ворочаясь, дергаясь и мучительно стеная во сне. Не прошло и двух часов, как водители грузовиков начали с грохотом загружать самолет ящиками с артишоками и вытурили Йоссариана с Орром из машины. Пошел проливной дождь, и, когда погрузка кончилась, они промокли до нитки. Потом они снова втиснулись в самолет и свернулись клубочками на ящиках с артишоками, как анчоусы в консервной банке. Потом ящики запрыгали: это ни свет ни заря Милоу погнал самолет в Неаполь, чобы поменять артишоки на палочки корицы, ваниль, гвоздику и стручки перца. Весь этот товар он перебросил в тот же день обратно на Мальту, где, как выяснилось, он был заместителем генерал-губернатора.

В гостинице на Мальте номера для них тоже не оказалось. Зато на Мальте Милоу величали сэром майором Милоу Миндербиндером и в резиденции генерал-губернатора ему отвели

гигантских размеров кабинет. Посередине кабинета стоял огромный стол красного дерева. На стене, облицованной дубовыми панелями, между скрещенными британскими знаменами висела бросавшаяся в глаза фотография сэра майора Милоу Миндербиндера в форме королевских валийских фузильеров. На фотографии у Милоу был колюче-пронзительный взгляд, побритые в ниточку усы и как будто высеченный из камня подбородок. Оказалось, что здесь Милоу произвели в рыцари и пожаловали чин майора королевских валийских фузильеров, а также назначили заместителем генерал-губернатора Мальты в знак признания его исключительных заслуг в деле торговли яйцами. Милоу великодушно позволил Йоссариану и Орру провести ночь на ковре в кабинете, но, едва он ушел, появился часовой в полном боевом снаряжении и, тыча им в спину острием штыка, выгнал Йоссариана и Орра на улицу. Падая от усталости, они добрались до аэродрома в такси, причем нахальный водитель содрал с них втридорога. Спать им пришлось снова в самолете, на сей раз загруженном потертыми джутовыми мешками, из которых сыпались какао и кофе нового урожая, источавшие одуряющий запах. Почувствовав

приступ тошноты, Йоссариан и Орр сломя голову выскочили наружу и облевали шасси.

Утро началось с того, что прикатил Милоу, свеженький, как огурчик, и взял курс на Оран, где для них снова не оказалось номера в гостинице и где, как выяснилось, Милоу был вице-шахом. Здесь в распоряжение Милоу были представлены обширные покои в розовом, как лососина, дворце, но Йоссариану и Орру даже не разрешили переступить порог дворца, поскольку они были христианами и, следовательно, неверными. У ворот их остановили циклопического роста стражники с кривыми саблями наголо и прогнали прочь.

Орр, видимо, простудился: он сопел и шмыгал носом. Широкая спина Йоссариана ссутулилась и ныла от усталости. Йоссариану хотелось бы свернуть Милоу шею, но, поскольку тот как-никак был вице-шахом Орана, его персона была священна. Как оказалось, Милоу был не только вице-шахом Орана, но и калифом Багдада, имамом Дамаска и шейхом Аравии. Милоу был богом урожая и богом дождя в глухих отсталых уголках, где невежественные суеверные люди еще поклонялись столь жестоким богам. А в дебрях африканских джунглей, сообщил им Милоу с

присущей ему скромностью, можно было обнаружить даже каменных идолов с усатым ликом, возвышавшихся над примитивным каменным алтарем, красным от человеческой крови. Где бы Милоу ни появился, повсюду его встречали с почестями, и триумфальные овации следовали одна за другой. Они снова пересекли Средний Восток в обратном направлении и вернулись в Каир, где Милоу по спекулятивным ценам скупил все имевшиеся на рынке запасы хлопка, которые не хотел брать ни один человек в мире. Этой операцией Милоу сразу же поставил себя на грань финансовой катастрофы.

В Каире наконец для Йоссариана и Орра в отеле нашлись номера с мягкими постелями, взбитыми пуховыми подушками и чистыми хрустящими простынями, а также шкафом с вешалками для одежды и ванной. Йоссариан и Орр до красноты напарились в дымящейся ванне и вышли вместе с Милоу из отеля, чтобы выпить по коктейлю и съесть филе «миньон» в отличном ресторанчике, где в вестибюле стоял биржевой телетайп. Когда Милоу осведомлялся у метрдотеля, что это за аппарат, телетайп как раз выстукивал биржевой курс хлопка. Милоу и не подозревал, что на свете существуют столь прекрасные аппараты.

— В самом деле? — спросил он, когда метрдотель закончил свои пояснения. — И почем же нынче египетский хлопок?

Метрдотель назвал цифру, и Милоу закупил весь урожай.

Но Йоссариана напугали не столько закупки египетского хлопка, сколько связки незрелых красных бананов, которые во время их прогулки по городу Милоу обнаружил на местном рынке. И страх оказался не напрасным. Вскоре после полуночи, когда Йоссариан беспробудно спал, Милоу растолкал его и сунул ему очищенный банан. Рыдания подступили к горлу Йоссариана.

— Попробуйте-ка, — настаивал Милоу, тыча бананом в лицо Йоссариана. искаженное страдальческой гримасой.

— Вы мерзавец, Милоу, — застонал Йоссариан. — Дайте мне хоть немного поспать.

— Съешьте и скажите, как они на вкус, — упорствовал Милоу. — И не говорите Орру, что я вас угощал бесплатно. С него я возьму два пиастра.

Йоссариан покорно съел банан и, сказав Милоу, что бананы хороши, смежил веки, но Милоу снова растолкал его и приказал одеваться как можно скорее, чтобы немедленно лететь на Пьяносу.

— Сейчас вам с Орром придется погрузить бана-

ны в самолет, — объяснил Милоу. — Мне сказали, что при погрузке надо остерегаться пауков.

— Слушайте, Милоу, а почему нельзя подождать до утра? Должен же я хоть немного выспаться.

— Поскольку бананы быстро портятся, мы не можем терять ни минуты. Только подумайте, как обрадуются ребята в эскадрилье, когда получат к столу бананы.

Но ребята в эскадрилье так и не увидели ни одного банана, ибо оказалось, что бананы хорошо шли в Стамбуле, а семена тмина по дешевке продавались в Бейруте, и, сбыв бананы, Милоу ринулся с тмином на борту в Бенгази. Когда шесть дней спустя, по окончании отпуска Орра, они высунув языки от усталости вернулись на Пьяносу с грузом первоклассных яиц из Сицилии, Милоу, заявив, что яйца из Египта, продал их в офицерскую столовую всего лишь по четыре цента за штуку. Почему так дешево? А для того, чтобы весь командный состав, входящий в синдикат, стал умолять Милоу как можно скорее отправиться в Каир, приобрести незрелые красные бананы, продать их в Турции, а взамен закупить тминное семя, которое пользуется спросом в Бенгази. И в результате каждый должен был получить свою долю.

23. Старик лейтенанта Нейтли

Единственным человеком в эскадрилье, которому довелось увидеть красные бананы Милоу, был Аарфи. Когда созревшие бананы начали поступать в Италию нормальным путем — через черный рынок, он получил парочку бананов от своего влиятельного дружка по молодежной организации, тоже служившего квартирмейстером. Это было в тот вечер, когда Аарфи вместе с Йоссарианом сидел в Риме в офицерской квартире, куда Неитли, отыскавший наконец после долгих недель печальных и бесплодных поисков свою красотку, заманил ее вместе с двумя подружками, пообещав всем троим по тридцати долларов.

— По тридцатке каждой? — протянул Аарфи, похлопывая и поглаживая рослых девиц с видом брюзгливого, скептически настроенного аукциониста. — Тридцать долларов за такой товар многовато. Кроме того, я вообще никогда за это не плачу.

— Разве я тебя прошу им платить, — поспешно ответил Нейтли. — Я заплачу сам. Я только хочу, ребята, чтобы вы взяли на себя двух остальных. Неужели вы меня не выручите?

Аарфи благодушно улыбнулся и отрицательно покачал своей толстощекой, круглой головой.

— В таких случаях еще никто не платил за старого доброго Аарфи. Когда мне понадобится, я сам найду… А сейчас я просто не в настроении.

— Сделай так: заплати за всех, а двоих выстави, — предложил Йоссариан.

— Тогда моя разозлится: подружкам я дал деньги ни за что, а ее за ту же сумму заставлю работать, — ответил Нейтли, опасливо поглядывая на свою даму, которая буравила его сумрачным взглядом и что-то бормотала себе под нос. — Она говорит, что если я и вправду ее люблю, то должен именно ее отправить домой, а тех оставить у себя.

— А у меня идея! — хвастливо объявил Аарфи. — Давайте продержим их всех до комендантского часа, а потом пригрозим, что, если они не отдадут нам свои денежки, мы выставим всех троих на улицу, где их наверняка арестуют. А еще лучше — пригрозим, что вышвырнем их в окошко.

— Аарфи! — ужаснулся Нейтли.

— Я только хочу вам помочь, — застенчиво сказал Аарфи.

Он всегда старался помочь Нейтли, поскольку у Нейтли отец был богатым и влиятельным человеком, занимавшим высокое положение, и, следовательно, после войны мог бы помочь

Аарфи.

— Подумаешь, какие цацы! — пробрюзжал Аарфи, оправдываясь. — Когда я был школьником, мы часто проделывали такие штучки. Помню, однажды мы заманили двух дурех-старшеклассниц в загородный дом нашей молодежной организации и делали с ними, что хотели. Мы продержали их там часов десять, а когда они стали скулить, слегка набили им морды. А потом выгребли у них все деньжата, а заодно и жевательную резинку и прогнали. Эх, ребятки, и здорово мы, бывало, веселились в нашей молодежной организации! — воскликнул Аарфи, размякнув от этих дорогих его сердцу воспоминаний. На его мясистых щеках заиграл горячий, жизнерадостный румянец.

Но в данную минуту Аарфи ничем не мог помочь Нейтли, поскольку девица, в которую Нейтли был влюблен без памяти, надулась и начала поносить своего поклонника все более визгливым и угрожающим голосом. К счастью, в этот момент ворвался Заморыш Джо, и все пошло хорошо, если не считать, что минуту спустя ввалился пьяный Данбэр и начал обнимать хихикающих девок — всех подряд. Теперь было четверо мужчин и трое девиц, и все семеро, оставив Аарфи в квартире, взгромоздились в

извозчичью пролетку, которая, пока девицы требовали деньги вперед, ждала у обочины тротуара. Нейтли занял двадцать долларов у Йоссариана, тридцать пять — у Данбэра и семнадцать — у Заморыша Джо и галантно-торжественным жестом вручил девицам девяносто долларов. Они сразу растаяли и дали извозчику адрес. Лошадка, цокая копытами, повезла их в другой конец города, где мужчинам прежде не доводилось бывать, и остановилась на темной улице напротив высокого облезлого дома. По крутой скрипучей деревянной лестнице с длинными пролетами они поднялись на четвертый этаж и вошли в блистательные чертоги где их ждал волшебный букет молодых гибких бесстыжих девиц. Казалось, что букет прямо на глазах разрастается, становится все ярче и пышнее. Сначала в тускло освещенной, обшарпанной коричневой гостиной находились только три знакомые им девицы. Затем из разных коридоров в гостиную притащились еще две красотки, потом — еще три и остались в гостиной поболтать, затем — еще парочка. Стайка из четырех девиц, поглощенная разговором, проследовала через комнату. Трое из них шли босиком, а на четвертой на каждом шагу подворачивались серебряные бальные ту-

фельки, явно с чужой ноги. Затем появилась еще одна, доведя таким образом количество членов ассамблеи до одиннадцати, причем все девицы, кроме одной, были в чем мать родила. Заморышу Джо стало невмоготу. Он окаменел. И вдруг с пронзительным воплем стремглав кинулся к дверям за своим фотоаппаратом, который оставил в квартире для сержантско-рядового состава. Но затем Заморыш Джо замер на всем скаку и издал еще один отчаянный вопль: его охватило ужасное, леденящее душу предчувствие, что весь этот красивый, соблазнительный, роскошный и цветистый языческий рай исчезнет бесследно, если он хоть на мгновение оставит его, потеряет из виду. Заморыш Джо остановился в дверях и сплюнул. Каждая жилка, каждая вена на его лице и шее надулась и неистово пульсировала.

Старик — хозяин борделя, присутствовавший на этой ассамблее, — наблюдал за Джо с веселым торжеством. Старик восседал в своем потертом голубом кресле, краденое одеяло с маркой «Армия США» укутывало его худые, как палки, ноги. Он был под хмельком. Нейтли почувствовал явную неприязнь к этому старому греховоднику, порочному, нечестивому, лишенному всякого патриотизма человеку. Старик отпускал обидные

шуточки в адрес Америки.

— Америка, — сказал он, — проиграет войну, а Италия ее выиграет.

— Америка — самая сильная и самая преуспевающая нация в мире, — объявил Нейтли с горячностью. — А что касается американских солдат, то по мужеству они не знают себе равных в мире.

— Совершенно верно, — любезно согласился старикашка, и в голосе его послышались насмешливые интонации. — А вот Италия — одна из наименее преуспевающих наций на земле. Что же касается итальянских солдат, то они не знают себе равных в мире по трусости. Вот поэтому-то дела нашей страны в этой войне идут так хорошо, а вашей так скверно.

Нейтли удивленно загоготал, затем, шокированный собственной невежливостью, виновато покраснел.

— Простите, что я над вами смеялся, — сказал он вполне искренне и продолжал почтительно-снисходительным тоном: — Но ведь Италия была оккупирована немцами, а теперь — нами. И после этого вы утверждаете, что дела у вас идут хорошо?

— Конечно, утверждаю! — весело воскликнул

старик. — Немцев гонят отсюда в шею, а мы, как были здесь, так и остались. Через несколько лет вы тоже уйдете, а мы по-прежнему останемся. Как видите, Италия и вправду очень бедная и слабая страна, но именно это и делает нас такими сильными. Итальянские солдаты больше не умирают на поле боя, а немецкие и американские продолжают умирать. Я сказал бы, что дела у нас идут как нельзя лучше. Да, я совершенно уверен, что Италия выживет в этой войне и будет существовать даже после того, как ваша страна погибнет.

Нейтли не верил ушам своим. Ему сроду не приходилось слышать столь чудовищных речей, и он невольно удивлялся, почему до сих пор не упрятали этого предателя-старикашку за решетку.

— Америка не погибнет никогда! — крикнул он запальчиво.

— Так уж и никогда? — поддел его старикашка. — Рим пал, Греция пала, Персия пала, Испания пала. Все мелкие державы рано или поздно погибали. Почему же вы думаете, что ваша страна представляет собой исключение? Как вы думаете, сколько лет будет существовать ваша страна? Вечно? Не забудьте, что сама земля обречена на гибель. Через двадцать пять миллионов лет или

что-то в этом духе померкнет солнце.

Нейтли беспокойно заерзал.

— Ну знаете, это довольно длительный срок. Целая вечность.

— Что вы называете вечностью? — посмеиваясь, допытывался настырный старикашка. — Миллион лет? Полмиллиона? Лягушачье племя, например, существует около пятисот миллионов лет. Можете ли вы сказать наверняка, что Америка со всей ее силой и преуспеянием, с ее солдатами, с ее самым высоким уровнем жизни на земле будет существовать так же долго, как лягушачье племя?..

Нейтли так и подмывало дать по этой ехидной морде. Он пристально осмотрелся, словно хотел призвать кого-нибудь на помощь, чтобы защитить будущее своей страны от несносной клеветы. Но, к его огорчению, Йоссариан и Данбэр были слишком увлечены девицами, устроившись в дальнем углу комнаты, а Заморыш Джо вообще исчез из поля зрения.

На душе у Нейтли скребли кошки. Его девица грациозно возлегала на тугой, пружинистой софе с выражением ленивой скуки. Из-за ее полнейшего равнодушия к нему Нейтли совсем пал духом. Вот точно так же сонно и вяло посмотрела она

на него во время их первой встречи на квартире сержантско-рядового состава, когда рядовые резались в очко, — посмотрела и отвернулась. Сколько раз потом с такой отчетливостью, сладостью и горечью вспоминал он этот взгляд. Ее безвольный рот был слегка приоткрыт, будто она собиралась произнести «О», и одному богу было известно, на чем она остановила ленивый, как у коровы, подернутый дымкой, апатичный взгляд. Старик спокойно дожидался ответа, наблюдая за Нейтли с гнусной улыбкой. Нейтли ввязался с ним в спор не только из решимости опровергнуть порочную логику и клеветнические утверждения, но и желая привлечь к себе внимание и вызвать восхищение этой скучающей флегматичной девицы, в которую он был так страстно влюблен.

— Ну… честно говоря, я не знаю, сколько просуществует Америка, — отважно продолжал он. — Я так полагаю, если рано или поздно погибнет мир, то и Америка не вечна. Но зато я знаю точно: сейчас мы выживем, и наш триумф будет продолжаться долго, очень долго.

— Но все же, как долго? — подначивал старикашка в порыве злорадного воодушевления. — Надеюсь, не дольше, чем проживет лягушачье

племя?

— Во всяком случае, гораздо дольше, чем проживем мы с вами, — неудачно выпалил Нейтли.

— Только и всего-то! Это не так уж много, если учесть, что вы слишком храбры и легковерны, а я слишком стар.

— Сколько же вам лет? — полюбопытствовал Нейтли.

— Сто семь. — Заметив досаду Нейтли, старикашка добродушно захихикал: — Я вижу, вы не верите?

— Я не верю ни единому вашему слову, — ответил Нейтли. Застенчивая улыбка тронула его губы. — Я твердо верю только в одно: эту войну Америка выиграет.

— Что вы все твердите выиграет да выиграет, — усмехнулся шальной, замызганный старикашка. — Надо знать, какие войны можно проигрывать, и уметь это делать — в этом вся штука. Италия столетиями проигрывала войны, а тем не менее посмотрите, как отлично у нас идут дела. Франция выигрывает войны и никогда не вылезает из кризиса. Германия проигрывает и процветает. Возьмем, к примеру, недавнее прошлое нашей страны, Италия победила Эфиопию и тут же влипла в неприятнейшую историю.

В результате победы мы стали страдать такой безумной манией величия, что помогли развязать мировую войну, выиграть которую у нас не было ни малейшего шанса. Зато теперь мы снова проигрываем войну, и все оборачивается к лучшему. И мы наверняка снова пойдем в гору, если ухитримся, чтобы нас хорошенько расколошматили.

Нейтли смотрел на него с нескрываемым недоумением.

— Теперь я в самом деле не понимаю, о чем вы толкуете. Вы рассуждаете, как ненормальный.

— Наоборот. Я самый нормальный. Я был фашистом при Муссолини, а теперь его свергли и я — антифашист. Я был до фанатизма настроен пронемецки, когда немцы пришли сюда, чтобы защитить нас от американцев. Теперь, когда сюда пришли американцы, чтобы защитить нас от немцев, я — фанатичный проамериканец. Позвольте заверить вас, мой юный разгневанный друг, что у вас в вашей стране не найдется более преданного сторонника в Италии, чем я. Разумеется, пока вы здесь остаетесь.

— Так вы хамелеон! — воскликнул Нейтли, не веря своим ушам. — Вы — флюгер! Бесстыжий, неразборчивый приспособленец!

— Мне сто семь лет, — учтиво напомнил старикашка.

— Неужели у вас нет никаких принципов?

— Конечно, нет.

— И морали?

— О, я человек суровой морали, — с иронической серьезностью заверил его старый негодяй, похлопывая по бедру пухлую брюнетку, примостившуюся на подлокотнике его кресла.

— Не верится… — проворчал Нейтли.

— Все это истинная правда! Ей-богу! Когда немцы вступали в город, я приплясывал на улице, как молоденькая балерина и до хрипоты кричал: «Хайль Гитлер!» Я даже размахивал нацистским флажком, который вырвал у одной славной девчушки, когда ее мама отвернулась. Но вот немцы оставили город, и я выскочил на улицу с бутылкой отличного брэнди и корзиной цветов, чтобы приветствовать американцев. Бренди, конечно, предназначалось для меня самого, а цветы — чтобы осыпать наших освободителей. Помню, в головной машине ехал суровый, чванливый пожилой майор: я угодил ему красной розой прямо в глаз. Великолепный бросок! Видели бы вы, какую он скорчил рожу!

Нейтли так и ахнул:

— Майор де Каверли!..

— А вы его знаете? — восторженно воскликнул старик.

— Какое милое совпадение!

Нейтли не слушал его: он был слишком огорошен.

— Так это вы ранили майора де Каверли! — воскликнул вне себя от негодования. — Да как у вас рука поднялась?

Старый черт и бровью не повел:

— Вы лучше спросите, мог ли я удержаться? Видели бы вы этого надменного старого болвана, который восседал в машине с таким важным видом, будто он всемогущий бог. Он сидел, не поворачивая своей дурацкой и торжественной морды. Это была такая соблазнительная мишень. Я вмазал ему прямо в глаз розой сорта «американская красавица». По-моему, вполне подходящий снаряд, а?

— Это ужасно! — крикнул Нейтли возмущенно. — Это злодейство, преступление. Майор де Каверли — начальник штаба нашей эскадрильи.

— Ах вот оно что! — издевательски проговорил старикашка. Он с плутоватым раскаянием ущипнул себя за остренький подбородочек. — Прошу вас поверить, что я действовал совершенно бес-

пристрастно. Когда в город въезжали немцы, я пребольно уколол веткой эдельвейса здоровенного молодого обер-лейтенанта.

Больше всего Нейтли смущало и даже пугало то, что этот противный старикашка не способен был даже понять всю низость своей хулиганской выходки.

— Да как вы не понимаете, что вы наделали! — бушевал Нейтли. — Майор де Каверли — благородный, чудесный человек, им восхищаются все.

— Он старый болван, который не имеет права вести себя, как молодой болван. Где он теперь? Что с ним сталось? Умер?

Нейтли ответил почтительно, с мягкой печалью в голосе:

— Никто не знает… Он исчез…

Нейтли обернулся на своих приятелей и обнаружил, что Йоссариан и Данбэр, как и Заморыш Джо, исчезли. При виде озадаченного лица Нейтли старикашка разразился оскорбительным смехом. Нейтли вспыхнул, щеки его заалели. Несколько мгновений он беспомощно озирался, а затем ринулся в ближайший коридор на поиски Йоссариана и Данбэра, намереваясь рассказать им об удивительном случае — о том, что произо-

шло между старикашкой и майором де Каверли, но в коридоре все двери быт заперты. Ни под одной дверью не пробивался свет. Было уже слишком поздно. Помрачневший Нейтли прекратил поиски. Вскоре он понял, что самое лучшее — вернуться к своей возлюбленной и поговорить с ней о будущем. Но когда он появился в гостиной, его девица уже ушла спать. Нейтли решил было возобновить бесплодную дискуссию с забубенным старикашкой. Однако тот встал с кресла и, извинившись с утрированной вежливостью, оставил Нейтли в гостиной, где ему предстояло ночевать в одиночестве на крохотном ухабистом диванчике — все девицы к тому времени уже разошлись кто куда.

На следующее утро Нейтли проснулся чуть свет, с болью в затылке, с трудом соображая, куда он попал.

Нейтли был чувствительным парнем с приятной наружностью. У него были темные волосы, доверчивые глаза, счастливое детство и обеспеченные родители. Неизменно вежливый, мягкий по натуре, он прожил свои девятнадцать с лишним лет без душевных травм, потрясений и неврозов. Для Йоссариана все это было лишним доказательством ненормальности Нейтли.

Нейтли с детства прививалось отвращение к таким людям, как Аарфи. Его мать, происходившая из старинного семейства, называла таких «пронырами», а людей типа Милоу отец Нейтли называл «рвачами», но что это значит на деле, Нейтли так и не удалось узнать, ибо ему и близко не позволялось подходить к подобным типам. Насколько Нейтли мог припомнить, в многочисленных домах его родителей — в Филадельфии, Нью-Йорке, Мейне, Палм-Биче, Саутгемптоне, Лондоне, Довилле, Париже и на юге Франции — его всегда окружали леди и джентльмены, которые не были ни «пронырами», ни «рвачами».

— Помни всегда, — часто напоминала ему мать, — что ты — Нейтли. Ты — не Вандербильд, чье состояние заработано вульгарным капитаном буксира, не Рокфеллер, чье богатство накоплено с помощью грязных нефтяных махинаций, не Рейнолдс и не Дьюк — они нажились на продаже легковерным людям продуктов, от которых появляются раковые опухоли. И, разумеется, ты — не Астор, чья семья, не сомневаюсь, до сих пор еще сдает комнаты. Ты — Нейтли, а Нейтли еще не сделали ничего ради денег.

— Твоя мать хочет сказать, сынок, — как-то вежливо вмешался отец, — что старое состояние

лучше вновь приобретенного и что недавно разбогатевшие никогда не пользуются таким уважением, как недавно обедневшие. Правильно, дорогая?

Нейтли всегда восхищала в отце способность обходиться короткими изящными формулировками. Отец Нейтли постоянно изрекал подобные мудрые и глубокомысленные сентенции. Краснолицый и горячий, он напоминал сыну подогретый кларет, хотя Нейтли любил отца, но не любил подогретого кларета. Когда разразилась война, семья Нейтли решила, что их сын должен пойти в армию, поскольку он слишком молод для дипломатической службы и поскольку отец Нейтли располагал надежной информацией, что гибель России — дело нескольких недель или месяцев, после чего Гитлер, Черчилль, Рузвельт, Муссолини, Ганди, Франко, Перон и японский император подпишут мирный договор и заживут в вечном счастии и согласии. Именно по совету отца Нейтли пошел в авиацию. Пока он безмятежно учится на пилота, полагал отец, русские капитулируют, будет подписано перемирие, и Нейтли-младший, который к тому времени станет офицером, будет общаться с одними лишь джентльменами.

А вместо этого Нейтли-младший очутился вме-

сте с Йоссарианом, Данбэром и Заморышем Джо в Риме, в публичном доме, терзаясь от любви к равнодушной девке. Наутро, после одинокой ночевки в гостиной, он все-таки разыскал ее. Не успели они как следует устроиться в постели, как в комнату без предупреждения ворвалась двенадцатилетняя сестренка нейтлевой девицы. Пришлось одеться и спуститься вниз позавтракать. Сестренка увязалась за ними, и, когда они втроем чинно завтракали в ближайшем кафе, Нейтли чувствовал себя гордым главой семейства. Но на обратном пути нейтлева подружка заскучала и, не желая тратить попусту время с Нейтли, решила прошвырнуться по улице со своими двумя товарками.

Нейтли вернулся в кафе и угостил девочку шоколадным мороженым, отчего она заметно повеселела. Когда они вернулись в бордель, утомившиеся Йоссариан и Данбэр валялись в гостиной в обществе изможденного Заморыша Джо, на помятой морде которого застыла туповатая, блаженная, победоносная улыбка. С этой улыбкой он и появился поутру в гостиной, приковыляв из своего обширного гарема походкой человека, которому переломали все кости.

Распухшие губы и синяки под глазами Заморы-

ша Джо привели старикашку-хозяина в восторг. Одетый в ту же изжеванную рубаху, что и накануне, старик тепло приветствовал Нейтли. Обтрепанный, непристойный вид старика глубоко удручал Нейтли. Всякий раз, когда он входил в публичный дом, ему хотелось, чтобы этот беспутный старик надел бы новую рубашку из магазина «Братья Брукс», побрился, причесался, облачился в пиджак из твида и отрастил бы щеголеватые седые усы, такие же, как у отца Нейтли.

24. Милоу

Апрель был самым любимым месяцем Милоу. В апреле распускались лилии, а на виноградных лозах наливались соками гроздья. Сердце билось чаще, и прежние желания вспыхивали с новой силой. В апреле оперение голубей еще ярче отливало радужным сияньем. Апрель — это весна, а весной мечты Милоу Миндербиндера как-то сами собой обращались к мандаринам.

— Мандарины?

— Да, сэр.

— Моим ребятам мандарины пришлись бы по душе, — согласился полковник с Сардинии, командовавший четырьмя эскадрильями бомбардировщиков Б—25.

— У них будет столько мандаринов, сколько душе угодно, если ваша столовая раскошелится, — заверил его Милоу.

— А дыни из Касабы?

— Почти задаром продаются в Дамаске.

— Дыни из Касабы — моя слабость. Я всегда был неравнодушен к дыням из Касабы…

— Одолжите мне по самолету из каждой эскадрильи, всего по одному самолету, и у вас будет столько дынь из Касабы, сколько душе угодно, если ваша столовая раскошелится.

— Мы покупаем у синдиката?

— Разумеется. И у каждого члена синдиката свой пай.

— Поразительно, право, поразительно! Как вам это удается?

— Оптовые закупки имеют свои преимущества. Возьмем, к примеру, телячьи отбивные…

— Я не в восторге от телячьих отбивных, — проворчал скептически настроенный командир бомбардировщика Б—25 на севере Корсики.

— Но телячьи котлеты очень питательны, — тоном проповедника увещевал его Милоу. — В них добавляется яичный желток, и к тому же они обваляны в сухарях. Кстати, бараньи отбивные не уступают телячьим.

— О, бараньи отбивные! — оживился командир. — И хорошие отбивные?

— Самые лучшие, которые может предложить черный рынок, — ответил Милоу.

— Из молодых барашков?

— И даже с косточкой, обернутой в элегантные розовые салфеточки. Вы и не видели таких. Почти задаром продаются в Португалии.

— Я не могу послать самолет в Португалию. Не имею права.

— Зато я могу, как только вы дадите мне самолет. И пилота. И не забудьте — к вам пожалует генерал Дридл.

— Неужели генерал Дридл опять заявится в мою столовую?

— Разумеется. Особенно если вы угостите его яичницей из свежих синдикатских яиц, зажаренной на чистейшем сливочном масле. Кроме того, будут мандарины, дыни иа Касабы, филе по-дуврски, устрицы и лангусты.

— И каждый имеет свой пай?

— В том-то и вся прелесть, — сказал Милоу.

— Мне это не нравится, — буркнул один летчик-истребитель, человек несговорчивый и вообще не любивший Милоу.

— Есть один летчик-истребитель с севера, ко-

торый не желает сотрудничать и мешает мне работать, — пожаловался Милоу генералу Дридлу. — Из-за одного человека может развалиться все дело, и вы не сможете больше есть яичницу из свежих яиц, поджаренную на чистейшем сливочном масле.

Генерал Дридл перевел несговорчивого летчика-истребителя рыть могилы на Соломоновы острова, а на его место назначил дряхлого полковника с острым геморроем и нежной любовью к земляным орехам. Этот полковник познакомил Милоу с генералом, который служил на материке, командовал соединением бомбардировщиков Б—17 и обожал краковскую колбасу.

— В Кракове колбаса хорошо идет в обмен на земляные орехи, — сообщил ему Милоу.

— Ах, краковская колбаса, — с тоской вздохнул генерал. — Я отдал бы все на свете за хороший кусок краковской колбасы. Почти все на свете.

— Для этого не нужно отдавать все на свете. Дайте мне только по одному самолету из расчета на каждую столовую и пилота, который будет делать все, что ему прикажут. И кроме того, пусть мне по вашей записке выдадут скромную сумму наличными — в знак вашего доверия ко мне.

— Но ведь Краков — на вражеской территории,

за сотню миль по ту сторону фронта. Как же вы собираетесь добывать колбасу?

— Да будет вам известно, сэр, что в Женеве существует международная биржа по обмену краковской колбасы. Я только отвезу в Швейцарию земляные орехи и обменяю их по существующим на открытом рынке ценам на колбасу. Оттуда земляные орехи отвезут в Краков, а я доставлю вам колбасу. Вы сможете купить у синдиката столько колбасы, сколько душе угодно. Кроме того, я могу предложить чуть-чуть недозревшие мандарины (вы не волнуйтесь, мы их подкрасим!), а также яйца с Мальты и виски из Сицилии. Покупая у синдиката, пайщиком которого вы являетесь, вы будете платить деньги как бы самому себе. Таким образом, все, что вы купите, вам ничего не будет стоить. Разумно, а?

— Просто гениально. И как вы только до этого додумались?

— Меня зовут Милоу Миндербиндер. Мне двадцать семь лет.

Самолеты Милоу Миндербиндера летели отовсюду: истребители, бомбардировщики, транспортные садились на аэродром полковника Кэткарта. Пилоты беспрекословно выполняли приказы Милоу. Яркие эмблемы эскадрильи

на фюзеляжах самолетов, символизирующие такие высокие идеалы, как Смелость, Мощь, Справедливость, Истина, Свобода, Любовь, Честь и Патриотизм, механики Милоу сразу же замазывали двойным слоем белой краски и выводили по трафарету: «Фирма М. и М. Свежие фрукты и другие продукты». «М. и М.» в этой надписи означало «Милоу и Миндербиндер», а союз «и», как откровенно признался Милоу, был вставлен, чтобы не создавалось впечатления, будто синдикатом управляет один человек.

Самолеты Милоу прибывали из Италии, Северной Африки и Англии, с аэродромов воздушной транспортной службы в Либерии, с острова Вознесения, из Каира и Карачи. Милоу менял самолеты-истребители на дополнительные транспортные машины или использовал их для срочной переброски накладных и бандеролей.

Грузовики и танки, закупленные в наземных войсках, использовались для перевозок на короткие расстояния. Каждый имел свой пай, люди толстели на глазах и лениво бродили с зубочистками, поблескивая сальными губами. Милоу лично руководил всеми этими обширными операциями. Глубокие коричневатые морщины, избороздившие его утомленное лицо, казалось,

навсегда запечатлели на нем озабоченность, спешку, настороженность и серьезность. Все, кроме Йоссариана, считали, что Милоу просто хлопотун по натуре: во-первых, потому, что добровольно работает в офицерской столовой; во-вторых, потому, что принимает ее нужды так близко к сердцу. Йоссариан тоже считал, что Милоу — хлопотун, но, кроме того, он знал, что Милоу — гений.

Однажды Милоу вылетел в Англию за турецкой халвой, а на обратном пути пригнал с Мадагаскара четыре немецких бомбардировщика, груженных джемом, горчицей и зеленым горошком. Милоу был оскорблен до глубины души, когда, ступив на землю, увидел наряд вооруженной военной полиции, прибывшей на аэродром, чтобы арестовать немецких пилотов и конфисковать самолеты. Конфисковать! Само это слово звучало для него анафемой. Он заметался, изрыгая проклятия и укоризненно махая пальцем перед носом виновато съежившихся Кэткарта и Корна. На исполосованное шрамами лицо бедняги капитана, командовавшего военной полицией, было жалко смотреть.

— Конфисковать? — набросился на него Милоу. — С каких это пор полиция американского

правительства конфискует частную собственность своих граждан? Позор! Позор! Стыдитесь! И как вам могло прийти такое в голову!

— Но, Милоу, — робко прервал его майор Дэнби, — мы находимся в состоянии войны с Германией, а ведь это вражеские самолеты.

— Ничего подобного! — пылко возразил Милоу. — Самолеты принадлежат синдикату, в котором каждый имеет свою долю. Конфисковать? Как вы можете конфисковать свою собственную частную собственность? Подумать только — конфисковать! Ничего более безнравственного я не встречал в своей жизни.

Разумеется, Милоу оказался прав. Когда они взглянули на самолеты, то выяснилось, что механики уже успели замазать двойным слоем белой краски фашистскую свастику на крыльях, хвостах и фюзеляжах и вместо свастики вывели по трафарету: «Фирма М. и М. Свежие фрукты и другие продукты». Прямо у всех на глазах Милоу превращал свой синдикат в международный картель.

Торговые каравеллы Милоу бороздили небо вдоль и поперек. Самолеты мчались стаями из Норвегии, Дании, Франции, Германии, Австрии, Италии, Швеции, Финляндии — словом, из всех

уголков Европы. Когда все желающие подписали торговые соглашения с фирмой «М. и М. Свежие фрукты и другие продукты», Милоу создал находившийся в его безраздельном владении филиал «М. и М. Оригинальные сладости» и стал добиваться новых самолетов и новых денег из фондов столовых, чтобы закупать лепешки и сдобные булочки на Британских островах, чернослив и датский сыр в Копенгагене, эклеры, взбитый крем и пирожные наполеон в Париже, Реймсе и Гренобле, кугельхопф и пфеферкухен в Берлине, торты в Вене, штрудель в Венгрии и пахлаву в Анкаре. Каждое утро Милоу рассылал по всей Европе и Северной Африке самолеты, которые тащили за собой рекламные полотнища. Огромными буквами на них было начертано: «ЯИЧНИЦА-ГЛАЗУНЬЯ — 79 центов, ФОРШМАК — 21 цент». Милоу увеличил наличные поступления в кассу синдиката, выделив несколько самолетов под рекламу собачьих консервов Гейнца и изделий других известных фирм. Проявляя дух сотрудничества, Милоу регулярно предоставлял свободную часть своей летающей рекламы в распоряжение пропагандистского аппарата генерала Пеккема для таких глубоко поучительных лозунгов, как «ЧИСТОТА — ЗАЛОГ ЗДОРОВЬЯ»,

«ПОСПЕШИШЬ — ЛЮДЕЙ НАСМЕШИШЬ», «СЕМЬЯ, ЧТО ВМЕСТЕ МОЛИТСЯ, ВОВЕКИ НЕ РАСКОЛЕТСЯ». Во избежание застоя в делах Милоу приобрел право передавать свою рекламу через местные радиостанции лорда Хау-Хау и Эксис Сэлли в Берлине. В общем, бизнес процветал на всех фронтах. Все привыкли к самолетам Милоу. Они беспрепятственно летали повсюду. Однажды Милоу заключил контракт с американскими военными властями, подрядившись разбомбить немецкий шоссейный мост у Орвьетто, а с германскими военными властями — защищать тот же самый объект огнем зенитной артиллерии от собственного нападения. Его гонорар за налет на мост во имя Америки складывался из общей стоимости всей операции плюс шесть процентов. Гонорар со стороны немцев составлял такую же сумму плюс поощрительная премия — по тысяче долларов за каждый сбитый самолет. Реализация этих сделок, указывал Милоу, знаменовала важную победу частного предпринимательства, поскольку до этого армии обеих держав были национализированными предприятиями. Как только контракты были подписаны, оказалось, что нет нужды тратить деньги синдиката на то, чтобы бомбить или защищать мост, ибо оба пра-

вительства располагали у Орвьето достаточным количеством войск и материальных средств и могли решить эти задачи без помощи Милоу. Они были просто счастливы израсходовать и то и другое. В итоге Милоу извлек фантастический доход из обеих сделок, хотя его роль свелась к тому, что он только дважды поставил свою подпись.

Соглашения были справедливыми по отношению к обеим сторонам: поскольку Милоу пользовался неограниченной свободой передвижения, его самолеты могли незаметно подкрасться и застать врасплох немецких зенитчиков. С другой стороны, поскольку Милоу знал о своей атаке заблаговременно, он мог предупредить немецких зенитчиков, чтобы они успели вовремя открыть огонь. Это было идеальное соглашение для всех, кроме покойника из палатки Йоссариана, убитого над целью в день своего, прибытия.

— Я не убивал его! — с жаром возражал Милоу возмущенному Йоссариану. — Говорю же, меня там даже не было. Уж не думаешь ли ты, что я стоял у зениток и стрелял по самолетам?

— А разве не ты затеял все это дело? — закричал Йоссариан в ответ.

— Ничего я не затевал! — с негодованием возразил Милоу и от возбуждения громко зашмыгал

своим бледным, подрагивающим носом. — Мы так или иначе собирались бомбить этот мост независимо от моего намерения включиться в это дело. Просто я увидел прекрасную возможность извлечь кое-какой доход из этой операции, и я извлек его. Что тут ужасного?

— Что ужасного, Милоу? А то, что мой сосед по палатке был убит прежде, чем успел распаковать свой чемодан.

— Но не я же убил его!

— Ты получил за это тысячу долларов прибыли.

— Но я не убивал его! Меня даже не было там! Я был в Барселоне и закупал оливковое масло и сардины. Я могу доказать это товарными накладными, И потом я не получал денег. Эта тысяча долларов пошла синдикату, а в нем каждый, даже ты, имеет свой пай. — Милоу говорил искренне, от всего сердца. — Послушай, Йоссариан, что бы там ни твердил этот чертов Уинтергрин, не я затеял эту войну, Я только пытаюсь поставить ее на деловую основу. Ну что здесь такого особенного? Знаешь, тысяча долларов — не такая уж и плохая цена за бомбардировщик среднего радиуса действия вместе с экипажем. Если имеется возможность договориться с немцами платить

мне за каждый сбитый самолет, почему я должен отказываться от денег?

— Потому что ты имеешь дело с врагами, вот почему. Неужели ты не можешь понять, что мы ведем войну? Люди умирают. Посмотри вокруг себя, ради бога.

Милоу нетерпеливо затряс головой.

— Но немцы нам не враги, — заявил он. — О, я знаю, что ты собираешься сказать. Конечно, мы находимся с ними в состоянии войны. Но немцы к тому же и члены хорошо организованного синдиката, и в мои обязанности входит охранять их права как держателей акций. Допустим, войну начали они; допустим, они убивают миллионы людей, но они платят, по счетам более аккуратно, чем некоторые наши союзники, — я мог бы назвать их... Неужели ты не понимаешь, что я должен свято блюсти мои контракты с Германией? Неужели ты не можешь этого понять?

— Нет, — отрезал Йоссариан. Милоу был оскорблен в своих лучших чувствах и не пытался этого скрывать. Стояла душная лунная ночь, кишевшая мошками, молью и комарами. Неожиданно Милоу поднял руку и указал в сторону открытого кинотеатра, где из проектора бил пыльный луч света — молочно-белесый конус на черном

фоне — и упирался в светящийся прямоугольник экрана. Зрители, подавшись вперед, словно загипнотизированные, смотрели на алюминиевый блеск киноэкрана. Глаза Милоу увлажнились от избытка высоких чувств. Его простоватое лицо честняги блестело от пота и антикомарной мази.

— Взгляни на них, — воскликнул он, задыхаясь от волнения, — это мои друзья, мои соотечественники, мои товарищи по оружию. Лучших друзей у меня не было, Неужели ты думаешь, я способен сделать хоть что-нибудь им во зло, если, конечно, меня не принудят к этому обстоятельства? Что мне, мало других забот? Разве ты не видишь — я себе места не нахожу из-за этого хлопка, что валяется на пристанях Египта?

Голос его задрожал. Милоу вцепился Йоссариану в куртку, словно утопающий. Прорези его карих глаз то сужались, то расширялись, словно две коричневые гусеницы.

— Йоссариан, что мне делать с такой уймой хлопка? Ведь это твоя ошибка: ты позволил мне его купить.

Хлопок лежал, сваленный в кучи на пристанях Египта, — никто не хотел его брать. Милоу и не подозревал, что долина Нила столь плодородна и что на урожай, который он скупил целиком, вовсе

не будет спроса. Офицерские столовые — члены его синдиката — ничем не могли ему помочь. Более того, они встретили в штыки его предложение о равном денежном взносе, который должен был сделать каждый, чтобы получить свою долю урожая египетского хлопка. Даже верные немецкие друзья отступились от Милоу в это трудное для него время: они предпочитали эрзац хлопка. Офицерские столовые не могли оказать ему помощи даже в хранении хлопка, и кривая расходов на содержание складов взвилась до пугающе высокого уровня. изрядно опустошив карманы Милоу. Деньги, заработанные на операции у Орвьетто, иссякли. Милоу пришлось обратиться к родным с просьбой выслать ему те сбережения, которые он отправил домой в лучшие времена. Скоро высох и этот родничок. А тюки хлопка все прибывали и прибывали к пристаням Александрии. К тому же, стоило ему выбросить хлопок на мировой рынок по демпинговым ценам, как тюки подхватывались ловким маклером — египтянином из Ливана и снова продавались Милоу по первоначальной цене. Словом, дела его пошли еще хуже.

Фирма «М. и М.» стояла на краю гибели. Милоу часами проклинал себя за чудовищную жадность

и глупость, проявленные им при закупке всего урожая египетского хлопка. Но контракт есть контракт, его нужно уважать. И вот однажды вечером после великолепного ужина пилоты Милоу подняли в воздух свои бомбардировщики и истребители, прямо над головой построились в боевой порядок и начали сбрасывать бомбы на расположение своего полка. Дело в том, что Милоу заключил другой контракт с немцами: на сей раз он подрядился разбомбить свою часть. Один за другим заходя на цель, самолеты Милоу наносили удары по бензоскладам, зенитной батарее, ремонтным мастерским и бомбардировщикам Б—25, стоявшим на бетонированной площадке. Пилоты оставили нетронутыми только взлетно-посадочную полосу да столовую, чтобы, закончив дело, благополучно приземлиться и перед отходом ко сну хорошенько закусить. Они бомбили с включенными посадочными фарами, ибо самолеты никто не обстреливал. Они бомбили все четыре эскадрильи, офицерский клуб и задание штаба полка. Люди в ужасе выскакивали из палаток, не зная, куда бежать. Повсюду стонали раненые. Несколько осколочных бомб взорвалось во дворе офицерского клуба, продырявив деревянную стенку, а заодно живо-

ты и спины лейтенантов и капитанов, рядком стоявщих у бара. Скорчившись, в агонии, они повалились замертво. Остальные офицеры в панике кинулись к дверям, сбившись в плотный воющий ком человеческих тел: никто не желал выходить на улицу.

Полковник Кэткарт локтями и кулаками прокладывал себе дорогу сквозь непослушную ошалевшую толпу, пока наконец не оказался на улице. Он смотрел в небо с изумлением и ужасом. Самолеты Милоу спокойно плыли над самыми верхушками цветущих деревьев — с открытыми бомбовыми люками и выпущенными закрылками, с включенными посадочными фарами, походившими на глаза чудовищных насекомых. Фары бросали на землю слепящий, зловеще мерцавший, таинственный свет. Такого апокалипсического зрелища Кэткарту еще не приходилось видеть. Полковник Кэткарт, чуть не плача, кинулся к джипу.

Он нащупал акселератор и зажигание и помчался на аэродром со всей скоростью, на которую была способна его подскакивавшая козлом машина. Его побелевшие от усилий огромные пухлые руки то сжимали руль, то изо всех сил давили на сигнал.

Один раз он чуть не разбился, когда резко, так что шины завизжали предсмертным визгом, свернул в сторону, чтобы не врезаться в толпу обезумевших людей, бежавших в горы. Лица их были бледны от испуга, а ладонями они, как щитками, прикрывали виски. Желтое, оранжевое, красное пламя плясало вдоль дороги. Палатки и деревья тоже были охвачены огнем, а самолеты Милоу, освещая все вокруг белым, мигающим светом посадочных фар, все кружили и кружили с открытыми бомбовыми люками.

Полковник Кэткарт так яростно надавил на тормозную педаль, поравнявшись с контрольно-диспетчерским пунктом, что чуть было не перевернул джип вверх тормашками. Он выпрыгнул из скользившей по инерции машины и ринулся по лестнице наверх, где у пульта управления сидели три человека. Двоих он отшвырнул в сторону от никелированного микрофона. Глаза его лихорадочно блестели, а мясистое лицо тряслось от возбуждения. Мертвой хваткой он вцепился в микрофон и истерически заорал:

— Милоу, сукин сын! Ты с ума сошел? Что ты делаешь, дьявол тебя разрази! Иди на посадку! Иди на посадку!

— Хватит драть глотку! — ответил Милоу, сто-

явший рядом с полковником в диспетчерской, тоже с микрофоном в руках. — Я тут.

Милоу неодобрительно посмотрел на Кэткарта и продолжал заниматься своим делом.

— Очень хорошо, ребята, очень хорошо, — пел он в микрофон. — Но я вижу, один склад еще цел. Это никуда не годится, Пурвис. Сколько раз я тебя предупреждал: не халтурь. Сейчас же зайди еще раз и попытайся снова. Поспешишь — людей насмешишь, Пурвис. Я уже говорил тебе это и буду твердить тысячу раз: поспешишь — людей насмешишь.

Над головой заверещал динамик:

— Милоу, докладывает Алвин Браун. Я закончил бомбометание. Что мне делать дальше?

— Начинать обстрел, — сказал Милоу.

— Обстрел? — Алвин Браун был потрясен.

Ничего не поделаешь, — сообщил ему Милоу смиренным тоном. — Это оговорено в контракте.

— Ну, коли так… — согласился Алвин Браун нехотя — В таком случае я начинаю обстрел.

На сей раз Милоу зашел слишком далеко. Налет на свой аэродром и свою часть — этого не могли переварить даже самые флегматичные наблюдатели. Похоже было, что Милоу пришел конец.

Высокопоставленные правительственные

чиновники взялись за расследование. Газеты клеймили Милоу в статьях под кричащими заголовками, а конгрессмены произносили громовые речи, требуя наказать его за жестокость. Солдатские матери сплотились в воинствующие группы и требовали отмщения. Никто не поднял голоса в защиту Милоу. Во всех уголках страны приличные люди негодовали, и от Милоу летели клочья, пока он не открыл гроссбух и не обнародовал цифры своих доходов. Он мог возместить павительству все — и материальный ущерб, и стоимость убитых. У него остались деньги даже на дальнейшие закупки египетского хлопка. Разумеется, каждый получил свою долю, и самым приятным в этом деле было то, что возмещать убытки правительству оказалось совсем не обязательно.

— При демократии правительство — это народ, — обьяснял Милоу. — А ведь народ — это мы. Следовательно, мы можем сэкономить деньги и избавиться от посредника в лице правительства. Откровенно говоря, мне бы хотелось, чтобы правительство вообще не занималось военными делами и оставило все на попечение частного предпринимательства. Если мы станем выполнять все наши финанансовые обязательства

перед правительством, то этим самым будем только поощрять его вмешиваться в наши дела и отобьем охоту у отдельных лиц бомбить собственные войска и самолеты. А это скует частную инициативу.

Скоро все согласились, что Милоу, конечно, прав. Все, кроме отдельных озлобленных неудачников, вроде доктора Дейники, который хмурился, что-то ворчал насчет моральной стороны всего случившегося и возводил обидную напраслину на Милоу. Он дулся до тех пор, пока Милоу не умаслил его от имени синдиката складным алюминиевым стульчиком. Доктор складывал его и выносил из палатки всякий раз, когда в палатку входил Вождь Белый Овес, и вносил обратно, как только Вождь Белый Овес уходил.

Доктор Дейника совсем потерял голову во время бомбардировки: вместо того чтобы бежать в укрытие, он остался под открытым небом и занимался своими обязанностями врача, ползая под градом пуль, осколков и зажигалок от раненого к раненому, словно ящерица. Он делал перевязки, накладывал лубки, впрыскивал морфий и давал таблетки сульфидина — и все это с выражением скорби на потемневшем лице, без единого лиш-

него слова, как будто в каждой рдевшей ране он читал предсказание своего скорого конца.

Он работал всю ночь напролет, не щадя себя, до полного изнеможения и к утру схватил насморк. Хлюпая носом и ворча, он поспешил в санитарную палатку, где Гэс и Уэс смерили ему температуру, поставили горчичники и сделали ингаляцию.

Доктор Дейника ухаживал за каждым раненым, и на лице его можно было прочесть выражение глубочайшего горя, как в день налета на Авиньон, когда Йоссариан вернулся на свой аэродром почти в невменяемом состоянии, с головы до пят перепачканный кровью Сноудена. Он молча показал на самолет, внутри которого лежал уже похолодевший юный стрелок-радист рядом с еще более юным хвостовым стрелком, который иногда приоткрывал глаза, но при виде умиравшего Сноудена тут же снова падал в глубокий обморок. Как только Сноудена вытащили из самолета и отнесли на носилках в карету скорой помощи, доктор Дейника почти с нежностью накинул на плечи Йоссариана одеяло и повел его к своему джипу. Макуотт подхватил Йоссариана с другой стороны, и все трое молча поехали в санчасть. Макуотт и доктор Дейника усадили Йоссариана

на стул и мокрыми тампонами смыли с него кровь Сноудена. Доктор Дейника дал ему таблетку и сделал укол, от которого Йоссариан проспал двенадцать часов кряду. Как только Йоссариан проснулся и пришел к доктору Дейнике, тот дал ему еще таблетку, сделал еще один укрл, и Йоссариан проспал еще двенадцать часов. Когда Йоссариан снова проснулся и снова пришел в санчасть, доктор Дейника опять собрался было дать ему таблетку и сделать укол.

Долго вы еще будете пичкать меня таблетками и водить уколами? — спросил Йоссариан.

— До тех пор, пока вам не станет лучше.

— Я вполне здоров.

Загорелый лобик доктора Дейники сморщился от удивления:

— Тогда почему вы не оденетесь? Почему вы разгуливаете в чем мать родила?

— Я не желаю больше носить форму.

Выслушав это заявление, доктор Дейника отложил шприц.

— Вы уверены, что вы вполне здоровы?

— Я чувствую себя прекрасно. Только вот малость ошалел от таблеток и уколов.

До самого вечера Йоссариан расхаживал нагишом. На следующий день Милоу, обыскав все

вокруг, нашел наконец его на дереве, неподалеку от удивительно маленькой могилки, где собирались хоронить Сноудена. На Милоу был его обычный, повседневный наряд: грязно-оливкового цвета брюки, новая куртка того же цвета и галстук. На воротничке отливали серебром лейтенантские нашивки, а на голове красовалась форменная фуражка с жестким кожаным козырьком.

— И где я тебя только не искал! — крикнул Милоу, задрав голову, и в голосе его прозвучал упрек.

— Нужно было искать меня на этом дереве, — ответил Йоссариан. — Я здесь сижу с утра.

— Спускайся, попробуй кусочек вот этого и скажи, каково на вкус. Мне это очень важно знать.

Йоссариан отрицательно помотал головой. Он сидел в чем мать родила на самом нижнем суку, держась за ветку, торчаввшую у него над головой, и не желал двинуться с места. Милоу пришлось облапить ствол и карабкаться наверх. Милоу взбирался неуклюже, тяжело дыша и причитая. Наконец он сел верхом на сук и отдышался. Вид у него был мятый и истерзанный. Милоу поправил съехавшую на затылок фуражку. Капли пота блестели на его усах, как прозрачные жемчужины.

Йоссариан наблюдал за ним без всякого интереса. Милоу осторожно передвинулся вокруг ствола, чтобы видеть лицо Йоссариана, и, сорвав папиросную бумагу с какого-то коричневого мягкого шарика, вручил его Йоссариану.

— Пожалуйста, попробуй и скажи свое мнение. Я хочу подавать это на сладкое к обеду.

— А что это? — спросил Йоссариан и отгрыз большой кусок.

— Пирожное «Хлопок в шоколаде».

Йоссариан поперхнулся и выплюнул кусок прямо в физиономию Милоу.

— На, возьми! — заорал он раздраженно. — Бог мой, да ты что, спятил? Хоть бы от семян очистил свой хлопок!

— А ты хорошо распробовал? — вопрошал Милоу. — Не может быть, чтобы пирожное никуда не годилось! В самом деле оно никуда не годится?

— Не годится — это не то слово.

— Но я должен добиться, чтобы в офицерских столовых ели мои пирожные.

— Его невозможно проглотить.

— Если надо, проглотят, — жестко изрек Милоу и, отпустив ветку, погрозил пальцем, отчего чуть не свернул себе шею.

— Перебирайся сюда, — пригласил его Йоссари-

ан. — Мой сук покрепче, и отсюда будет виднее.

Уцепившись обеими руками за ветку над головой, Милоу с величайшей осторожностью и опаской начал продвигаться по суку. Каждый мускул на его лице напрягся, и, лишь надежно усевшись наконец рядом с Йоссарианом, он вздохнул с облегчением и любовно постучал по дереву.

— Отличное дерево, — заметил Милоу хозяйским тоном.

— Древо жизни… — ответил Йоссариан, шевеля пальцами ног. — А также древо познания добра и зла…

Милоу пристально оглядел своими косящими глазами кору и ветви.

— Нет, — возразил он. — Это каштан. Уж я-то знаю. Я торгую каштанами.

— Ладно, пусть будет каштан.

Несколько секунд они сидели на ветке молча, болтая ногами и вцепившись руками в сук над головой: один — совершенно голый, если не считать сандалий на ногах; другой — наоборот, затянутый в плотную грязно-оливковую шерстяную форму, с туго завязанным галстуком. Милоу краешком глаза наблюдал за Йоссарианом, но из деликатности не решался задать ему вопрос,

вертевшийся на языке.

— Я хотел тебя спросить кое о чем, — сказал он конец. — Вот ты сидишь голый… Я не собираюсь вмешиваться, но просто интересно: почему ты не носишь форму?

— Не желаю.

Милоу торопливо кивнул, словно воробей, склевавший зернышко.

— Понимаю, понимаю, — согласился он поспешно, сильно смутившись. — Вполне понимаю. Я слышал, как Эпплби и капитан Блэк говорили, что ты сошел с ума. Мне только хотелось убедиться, что это действительно так. — и опять поколебался, тщательно обдумывая следующий вопрос: — Собираешься ли ты вообще надевать форму?

— Не думаю.

Энергичным кивком Милоу подтвердил, что он все понял. Снова наступило молчание. Оба, мрачно нахмурившись, обдумывали каждый свое. Прилетела какая-то птаха с алой грудкой и села внизу на закачавшийся кустик почистить свои упругие черные крылышки. Йоссариан и Милоу сидели, как в беседке, скрытые ярусами нежной зелени, свисавшей над ними, а также стволами соседних каштанов и голубой канад-

ской елью. Солнце стояло прямо над головой в сапфировой голубизне неба, цепочки низких, редких, пушистых облачков радовали глаз безупречной белизной. Воздух был неподвижен, листва повисла безжизненно. Кружевные тени лежали на Милоу и Йоссариане. Кругом царил мир. Вдруг Милоу, сдавленно вскрикнув, выпрямился и взволнованно протянул руку.

— Посмотри-ка туда! — тревожно воскликнул он. — Посмотри. Там кого-то хоронят. Похоже, что там могила. Йоссариан ответил:

— Хоронят того малыша, что погиб в моем самолете над Авиньоном. Его звали Сноуденом.

— Что с ним случилось? — Милоу перешел на почтительный шепот.

— Убит.

— Это ужасно. — В больших карих глазах Милоу блеснули слезы. — Бедный! Это действительно ужасно. — Он крепко прикусил свои дрожащие губы, и, когда снова заговорил, голос его зазвенел от избытка чувств.

— Но будет еще хуже, если столовые не согласятся покупать мой хлопок. Йоссариан, что с ними творится? Разве они не знают, что они наряду со всеми имеют свой пай?

— У покойника из моей палатки тоже свой

пай? — спросил Йоссариан язвительно.

— Конечно, — охотно заверил его Милоу. — У каждого в эскадрилье свой пай.

— Он был убит прежде, чем его зачислили в эскадрилью.

Милоу отвернулся с гримасой невыразимого огорчения.

— Прошу тебя, прекрати попрекать меня этим покойником из твоей палатки, — сказал он капризным тоном. — Я уже говорил, что нисколько не повинен в его гибели. Моя ошибка в том, что я просчитался, закупив весь урожай египетского хлопка, и навлек на всех вас беду. Разве я мог предвидеть, что возникнет такой завал хлопка? — Я даже не знал, что в момент покупки на рынке наблюдался избыток хлопка. Случай завоевать рынок подворачивается не так уж часто. И я постарался не упустить этот редкий шанс.

Милоу едва не застонал, когда увидел, как шестеро военных вытащили из санитарной машины простой сосновый гроб и осторожно поставили на землю рядом с зияющим провалом свежевырытой могилы.

— И теперь я не могу сбыть ни клочка, чтобы выручить хоть пару центов, — причитал Милоу с траурным видом.

Йоссариана не трогали ни напыщенный и загадочный церемониал похорон, ни переживаемая Милоу горечь тяжелой утраты. Голос капеллана доносился до него издалека плохо различимым, еле слышным бормотаньем. Йоссариан узнал долговязую, возвышавшуюся над толпой фигуру майора Майора, и ему показалось, что он узнал майора Дэнби, вытиравшего лоб носовым платком. Позади трех офицеров выстроились подковой рядовые, неподвижные, как чурбаны. Четверо могильщиков в полосатых робах, скучая, опирались на лопаты, воткнутые в страшную, нелепую кучу медно-красной земли Йоссариан увидел, как капеллан воздел очи в сторону Йоссариана, горестным жестом дотронулся до глаз пальцами, снова посмотрел в сторону Йоссариана, на этот раз пристально, и опустил голову. Йоссариан расценил это как конец погребальной церемонии. И действительно, четверо в робах подняли гроб на ремнях и опустили в могилу. Милоу резко вздрогнул.

— Я не могу смотреть на это! — вскричал он с душевной болью и отвернулся. — Я не могу сидеть здесь и смотреть на все это, в то время как столовые позволяют разоряться моему синдикату! — Он заскрипел зубами и затряс головой

от невыразимой скорби и обиды. — Будь я на их месте, я развел бы костер и сжег нижнее белье и летнюю форму, лишь бы увеличить спрос на хлопок. Но они не хотят делать ничего. Йоссариан, попытайся проглотить остаток шоколадно-хлопкового пирожного — ради меня. Может быть, оно все-таки тебе понравится…

Йоссариан оттолкнул его руку:

— Отстань, Милоу. Хлопок не едят.

Милоу хитро сощурился.

— Это ведь не просто хлопок, — уговаривал он Йоссариана. — Это хлопковые пирожные, восхитительные хлопковые пирожные. Попробуй и увидишь.

— Восхитительные? Ну уж не ври.

— Я никогда не лгу, — возразил Милоу с горделивым достоинством.

— А сейчас врешь.

— Я лгу только в случае необходимости, — объяснил Милоу, на мгновенье опустив глаза, но тут же победоносно вскинул ресницы. — Эти штуки лучше, чем обыкновенные пирожные, ей-богу, лучше. Они же начинены настоящим хлопком. Йоссариан, ты должен заставить всех есть эти пирожные. Не забывай, что египетский хлопок — лучший в мире.

— Но он несъедобен! — воскликнул Йоссариан. — У меня от него будут колики в желудке, понимаешь? Почему ты не испробуешь его на себе, если мне не веришь?

— Я пытался, — признался Милоу мрачно. — У меня от него несварение желудка.

Трава на кладбище отливала желтизной сухого сена и зеленью вареной капусты. Молча, неторопливо люди шли к машинам, поджидавшим их на обочине пыльной, ухабистой дороги. Горестно склонив голову, капеллан, майор Майор и майор Дэнби двигались на почтительном расстоянии друг от друга к своим джипам, стоявшим отдельной группкой.

— Все кончено, — сказал Йоссариан.

— Конец, — уныло согласился Милоу. — Никакой надежды… И все потому, что я дал им возможность решать самим. Ну что ж, это послужит мне хорошим уроком. Я уж заставлю их слушаться, если в следующий раз решусь на что-нибудь подобное.

— А почему бы тебе не продать хлопок правительству? — небрежно предложил Йоссариан, глядя, как четверо солдат в полосатых робах швыряют в могилу лопатами медно-красную землю.

Милоу сразу же забраковал эту идею.

— Это дело принципа, — убежденно заявил он. — Суть правительственного бизнеса — не лезть в частный бизнес, и я был бы последним негодяем, попытайся я впутать правительство в свой бизнес. Но основной бизнес правительства — забота о частном бизнесе, — тут же припомнил он и продолжал с подъемом: — Это сказал Кальвин Кулидж. а Кальвин Кулидж был президентом, так что, должно быть, это верно. И если правительство несет ответственность за процветание частного бизнеса, оно обязано скупить мой хлопок, раз никто другой не желает его покупать. Должен же я получить прибыль, а? — Но неожиданно лицо Милоу омрачилось, он снова стал серьезным и озабоченным. — Да, но как я добьюсь этого от правительства?

— Дай взятку, — сказал Йоссариан.

— Взятку? — Милоу рассвирепел и, покачнувшись, опять чуть было не свалился с сука и не свернул себе шею.

— Стыдись? — сурово отчитывал он Йоссариана. Казалось, огонь праведного негодования вырывался из его раздувавшихся ноздрей и из гневно скривившегося рта. — Взятка — дело противозаконное, и ты об этом прекрасно-знаешь. Хотя… Хм… Ведь получить прибыль — это не

противозаконно, а? Нет, конечно, нет? Следовательно, я не сделаю ничего противозаконного, если дам взятку с целью получения основательной прибыли. — И с несчастным, жалобным лицом он снова углубился в размышления. — Но откуда я знаю, кому надо дать взятку?

— О, об этом не беспокойся, — усмехнувшись, утешил его Йоссариан. В это время джипы, санитарные машины и стоявшие позади грузовики, нарушив сонную тишину, стали разъезжаться. — Пообещай хорошую взятку, и они сами тебя найдут. Только дай понять, что ты не из робкого десятка. Пусть все точно знают, что тебе нужно и сколько ты собираешься заплатить. Но если ты будешь держаться стыдливо или виновато, сразу же попадешь в беду.

— Пошел бы ты со мной, а? — попросил Милоу. — Я побаиваюсь взяточников. Это же шайка мошенников.

— Ничего с тобой не случится, — заверил его Йоссариан. — А попадешь в беду. скажи, что безопасность страны требует сильной отечественной промышленности, перерабатывающей египетский хлопок, купленный у спекулянтов.

— И ведь, правда, требует. — подхватил Милоу торжественно. — Сильная промышленность,

перерабатывающая египетский хлопок, — это сильная Америка.

— Ну конечно, а если не поможет, напомни о многих американских семьях, чей доход зависит от этой отрасли промышленности.

— Уйма американских семей зависит от этого.

— Понял? — спросил Йоссариан. — У тебя это получится лучше, чем у меня. В твоих устах это звучит почти как истина.

— А это и есть истина, — воскликнул Милоу.

— И я о том же. Ты сумеешь это изложить достаточно убедительно.

— Так ты твердо решил не ходить со мной? Йоссариан отрицательно покачал головой. Милоу не терпелось приступить к делу. Он сунул в Карман остаток хлопкового пирожного и стал осторожно пробираться по ветке к гладкому седому стволу. Заключив ствол в сердечные, хотя и неуклюжие объятия, он начал спускаться. Его кожаные подошвы то и дело соскальзывали, и казалось, что он вот-вот упадет и расшибется. Спустившись до середины ствола, Милоу вдруг замер, а затем опять стал карабкаться вверх. Кусочек коры прилип к его усам. Лицо покраснело от напряжения.

— Чем расхаживать голым, ты все-таки оделся бы, — Посоветовал он, думая о чем-то своем. — А

то еще, чего доброго, подашь пример другим, и я вовек не сумею сплавить этот распроклятый хлопок. — Он заскользил вниз и, ступив на землю, поспешил прочь…

25. Капеллан

С некоторых пор капеллан стал задумываться над тем, что творится вокруг. Имеет ли бог ко всему этому отношение? А если имеет, то где тому доказательства? Служить в американской армии священником-анабаптистом трудно даже при самых благоприятных обстоятельствах, а без твердой, догматической веры — почти невыносимо.

Горластые люди внушали капеллану страх. Энергичные, напористые, вроде полковника Кэткарта, вызывали у него чувство беспомощности и одиночества. Где бы капеллан ни появился, для всех он был чужим. И нижние чины, и офицеры держались с ним иначе, чем с другими нижними чинами и офицерами, и даже остальные капелланы были между собой в более коротких отношениях, чем с ним. В мире, где успех — единственная добродетель, он сам обрек себя на неудачу Он болезненно осознавал, что лишен апломба и ловкости — качеств, столь необхо-

димых для духовника, помогавших идти в гору столь многим его коллегам других вероисповеданий и сект. Скорее всего он не был рожден для преуспеяния. Он считал себя уродом, и единственное, о чем он мечтал денно и нощно, — оказаться дома, возле своей жены. На самом деле капеллан был почти привлекательным: у него было приятное, нежное лицо, бледное и хрупкое, как известняк, и живой, открытый ум.

А может, он и правда был Вашингтон Ирвинг? Может, он и правда ставил имя Вашингтона Ирвинга на тех неведомых ему письмах? Он знал, что подобные подвохи памяти не раз описаны в анналах медицины. Но ему было известно также, что ничего нельзя знать наверняка. Нельзя знать наверняка и то, что ничего нельзя знать наверняка. Он весьма отчетливо помнил, или ему это только казалось, что он отчетливо помнил, что где-то он уже видел Йоссариана еще до того, как впервые увидел его на госпитальной койке. Он помнил, что испытал такое же беспокойное чувство две недели спустя, когда Йоссариан зашел к нему в палатку с просьбой помочь избавиться от участия в боевых операциях. Но к тому-то времени он уже действительно встречал Йоссариана — в палатке госпиталя.

Сомнения неотвязно грызли душу капеллана, мечущуюся в бренной хрупкой телесной оболочке. Существуют ли единая, истинная вера и загробная жизнь? Сколько ангелов или чертей могут усесться на острие булавки? Чем занимался господь бог в безбрежном океане вечности, до того как сотворил мир? Производили Адам и Ева на свет дочерей или нет? Словом, множество вопросов мучило капеллана. И все же ни один из них не был для него столь тяжким крестом, как вопрос доброты и умения держаться с людьми. До седьмого пота он бился в тисках труднейшей дилеммы: с одной стороны, он был не в состоянии разрешить свои проблемы; с другой — он не желал отбросить их как неразрешимые. Он страдал постоянно, он надеялся всегда. Возможно, что ничего из того, о чем он размышлял, в действительности не имело места, что это — всего лишь аберрация памяти, а не реальное ощущение, что на самом деле он никогда и не думал о том, что раньше видел то, о чем думал сейчас, что просто однажды он думал, что видел это, и его нынешнее впечатление, будто он когда-то о чем-то думал, — всего лишь иллюзия иллюзии и что теперь он просто вообразил, будто когда-то видел голого человека на дереве, неподалеку от кладбища.

Для капеллана стало очевидным, что он не очень-то подходит для своей должности, и он частенько раздумывал над тем, что, служи он в других родах войск, скажем, рядовым в пехоте или артиллерии или даже десантником, возможно, он был бы гораздо счастливей. У него не было настоящих друзей. До встречи с Йоссарианом он не чувствовал себя свободно ни с одним человеком в полку, да и с Йоссарианом он не мог чувствовать себя особенно непринужденно.

Грубые выходки Йоссариана, его наскоки на начальство постоянно держали капеллана в нервном пряжении: он и радовался, и одновременно трепетал от страха. Капеллан чувствовал себя в своей тарелке, когда приходил в офицерский клуб в обществе Йоссариана и Данбэра или хотя бы Нейтли и Макуотта. Он сидел с ними, и этого ему было вполне достаточно, ибо, во-первых, тем самым разрешалась проблема, где и с кем сидеть, а во-вторых, он избавлялся от нежелательной компании молодых офицеров, которые, стоило ему приблизиться, неизменно приветствовали его с подчеркнутой сердечностью, а сами, нетерпеливо ерзая, ожидали, когда он от них отойдет. От одного его присутствия многим становилось не по себе. Все относились к нему дружески, а

душевно — никто. Все перекидывались с ним парой пустых фраз, и никто не говорил ни о тем существенном. Непринужденней всех вели себя с ним Йоссариан и Данбэр, и капеллан чувствовал себя в их обществе почти свободно. В тот вечер, когда полковник Кэткарт пытался вышвырнуть его из офицерского клуба, друзья отстояли его. Дрожа от ярости, Йоссариан поднялся и хотел вмешаться, но Нейтли удержал его криком: «Йоссариан!» Едва заслышав это имя, полковник Кэткарт побледнел как полотно и, к всеобщему изумлению, обратился в беспорядочное бегство, но вдруг столкнулся с генералом Дридлом. Тот сердито отпихнул полковника локтем и тут же заставил его приказать капеллану, чтобы тот посещал офицерский клуб каждый вечер.

Официальный статус капеллана в офицерском клубе был весьма мудрен, соблюдать его было столь же хлопотно, как и припоминать, в которой из десяти столовых авиаполка он должен сегодня обедать по расписанию. Собственно, он мог бы махнуть рукой на офицерский клуб, если бы не удовольствие, которое он получал от общения в клубе со своими новыми друзьями. Если капеллан вечером не шел в офицерский клуб, то ему просто некуда было деться. А в клубе он

мог провести время за столиком с Йоссарианом и Данбэром. Обычно он говорил только в том случае, если к нему обращались, почти не прикасался к своему бокалу густого, сладкого вина и, скованно, застенчиво улыбаясь, неловко вертел в руках трубочку, которую время от времени набивал табаком, и изредка затягивался — только для виду. Он с удовольствием слушал Нейтли, чьи сентиментальные, сладостно-грустные жалобы в значительной степени перекликались с мыслями капеллана о собственном одиночестве и вызывали в нем прилив тоски по жене и детям. Капеллан охотно соглашался с Нейтли и, подбадривая его сочувственными кивками, удивлялся его искренности и неопытности. Нейтли особенно не трезвонил о том, что его подружка — проститутка, и сведения на этот счет капеллан получал главным образом от капитана Блэка. Проходя вразвалку мимо их столика, капитан Блэк не упускал случая грубовато подмигнуть капеллану и уколоть Нейгли какой-нибудь хамской, оскорбительной шуточкой по поводу его подружки. Капеллан не одобрял капитана Блэка и считал, что трудно не пожелать зла такому человеку.

Но никто, даже Нейтли, кажется, по-настояще-

му не отдавал себе отчета в том, что он, Альберт Тейлор Тэппман, не только капеллан, но и живой человек, что у него могла быть очаровательная, нежная, красивая жена, которую он любил безумно, и трое голубоглазых детишек, черты которых потускнели в его памяти. Повзрослев, они будут смотреть на своего отца как на чудака и, быть может, никогда не простят ему, что из-за его сана им приходится испытывать некоторую неловкость в обществе. Почему никто не хочет понять, что на самом деле он вовсе не чудак, а нормальный, взрослый, но одинокий человек, пытающийся вести нормальную жизнь одинокого взрослого человека? Разве из него не заструится кровь, если его уколоть ножом? Разве он не засмеется, если его пощекотать? Кажется, им никогда не приходило в голову, что у него, как и у них, есть глаза, руки, внутренние органы, рост, вес, чувства, привязанности! Разве его ранит не то же оружие, что ранит их, разве его не так же согревает лето и знобит зима, как остальных людей, и разве не та же пища питает его, даже если его вынуждают питаться по очереди в разных столовых? Единственный, кто действительно понимал, что у капеллана есть нервы, был капрал Уитком, который успешно действовал на нервы

капеллану тем, что через его голову обращался к полковнику Кэткарту с предложением рассылать официальные письма-соболезнования семьям убитых или раненых в бою.

Жена капеллана была единственным существом на свете, которому он мог верить, и он просил у судьбы только одного: прожить с женой и детьми до гробовой доски. Жена капеллана была миниатюрная, сдержанная, покладистая, темноволосая, необыкновенно привлекательная, живая и изящная женщина лет тридцати с лишним. У нее была тонкая талия, спокойные, умные глаза и мелкие, острые зубки, сверкавшие на ее детском личике. Капеллан стал забывать, как выглядят его дети, и всякий раз, рассматривая снимки, испытывал ощущение, будто видит их лица впервые. Капеллан любил свою жену и детей с такой необузданной силой, что ему часто хотелось пасть на землю и рыдать, как беспомощному, бесприютному калеке. Его неотвязно мучили кошмарные картины: фантазия рисовала ему жену и детей, погибающих от страшной болезни или от несчастного случая.

От жены, милой и рассудительной, веяло покоем, и капеллан мечтал коснуться ее теплой, тонкой руки, погладить ее гладкие черные во-

лосы, услышать ее родной, ласковый голос. Ему хотелось излить свои горести, поведать о своем невыносимом одиночестве, отчаянье и заодно предупредить, чтобы она не оставляла на виду у детей борную кислоту и аспирин, а также, чтобы она переходила улицу только при зеленом свете.

Капеллан остро ощущал всю вопиющую фальшь своего главенствующего положения на похоронах, и он бы не удивился, узнав, что появление призрака на дереве свидетельствует об осуждении господом богохульства и гордыни, свойственной профессии священника. Напускать на себя серьезность, симулировать горе, прикидываться, будто понимаешь мистический смысл потусторонней жизни (и все это перед лицом столь устрашающего и непостижимого явления, как смерть), казалось капеллану самым тяжким преступлением. Он помнил — или был почти убежден, что помнит, — сцену похорон до мельчайших подробностей. Он до сих пор видел перед собой как наяву майора Майора и майора Дэнби — они стояли по бокам от него, оба мрачные, как каменные изваяния; он мог бы мысленно пересчитать всех солдат и описать место, где стоял каждый; он видел четверых неподвижных солдат с лопатами, отвратительный

гроб и большую, рыхлую, торжественно возвышавшуюся кучу красновато-коричневой земли. А небо в тот день было массивным, спокойным, плоским, точно лишенным глубины, безмолвным, поразительно чистым и ядовито-голубым. И все эти подробности он не забудет никогда, ибо они были неотъемлемыми деталями самого экстраординарного события в жизни капеллана. Событие это принадлежало не то к области чудес, не то к области патологии: ему привиделся голый человек на дереве. Как все это объяснить? Это не было «уже виденное» или «никогда не виденное», и наверняка это не было «почти виденным». Тогда, может быть, это был призрак? Или душа покойного? Ангел небес или исчадье ада? А может быть, весь этот фантастический эпизод — только плод его больного воображения, продукт его собственного меркнущего сознания и умственной деградации? Мысль о том, что на дереве действительно сидел голый человек, никогда не приходила капеллану в голову. Впрочем, если говорить точнее, капеллан видел двоих, ибо вскоре к первому присоединился второй — с каштановыми усами, в зловеще-темном одеянии; взгромоздившись на сук, он с ритуальным поклоном предложил первому отпить нечто из

коричневого кубка. Капеллан искренне стремился помочь всем и каждому, но ему не удавалось помочь никому, даже Йоссариану. Капеллан в конце концов решил тайком посетить майора Майора, чтобы узнать, прав ли Йоссариан, утверждая, что полковник Кэткарт заставляет своих летчиков делать больше боевых вылетов, чем делают летчики других полков. Это был дерзкий поступок, на который капеллан отважился после очередной ссоры с капралом Уиткомом и очередного унылого завтрака — кусочка шоколада «Млечный путь» и нескольких глотков тепловатой водички из фляжки. Он отправился к майору Майору пешком, стараясь, чтобы его не заметил капрал Уитком. Капеллан бесшумно прокрался в лес и, когда обе палатки на поляне исчезли из виду, нырнул в заброшенную железнодорожную выемку, где идти было удобнее. Он торопливо ступал по высохшим шпалам, и в груди его нарастало чувство протеста и злости. В это утро его поочередно унижали и запугивали полковник Кэткарт, подполковник Корн и капрал Уитком. Нет, он должен дать им почувствовать, что он тоже чего-то стоит!

Вскоре он начал задыхаться: его слабая грудь заходила ходуном. Он спешил что было мочи, ед-

ва не бежал, боясь, что, стоит ему замедлить шаг, и его решимость улетучится. Вдруг он заметил военного, шедшего ему навстречу по шпалам. Чтобы остаться незамеченным, капеллан тут же вскарабкался по склону выемки и нырнул в густой подлесок. По узкой, заросшей мхом тропинке, вившейся под сенью деревьев, он заспешил в прежнем направлении. Идти здесь было трудней, но он стремился вперед все с той же безрассудной, самозабвенной решимостью, то и дело скользя и спотыкаясь. Ветки упрямо преграждали ему путь и царапали руки. Но вот наконец кусты и высокие папоротники расступились, и капеллан, пошатываясь, прошагал мимо стоявшего на шлакоблоках грязно-оливкового трейлера, хорошо видного сквозь поредевший кустарник. Он миновал палатку, возле которой грелся на солнышке кот с жемчужно-серой переливчатой шерстью, миновал еще один трейлер на шлакоблоках и выскочил на поляну, где размещалась эскадрилья Йоссариана. Соленый пот стекал на губы. Не мешкая, капеллан устремился прямо через поляну в штабную палатку, где навстречу ему поднялся тощий, сутулый, скуластый сержант-штабист с длинными светлыми волосами и любезным тоном сообщил, что капел-

лан может войти в кабинет, поскольку майора Майора там нет.

Капеллан поблагодарил его отрывистым кивком и мимо столов с пишущими машинками прошел к брезентовому пологу, разделявшему палатку надвое. Откинув угол полога, он оказался в пустом кабинете. Брезент опустился за его спиной. Кабинет по-прежнему был пуст. Ему почудилось, что он слышит приглушенные голоса. Прошло десять минут. Стиснув зубы, капеллан недовольно осмотрелся, и внезапно слезы подступили к горлу — до него только сейчас дошел истинный смысл слов сержанта: он может войти, поскольку майора Майора нет. Нижние чины попросту разыграли его! Капеллан в ужасе отпрянул от стены. Горькие слезы навернулись ему на глаза, с дрожащих губ сорвался жалкий стон. Майор Майор куда-то ушел, а жестокие писаря сделали из капеллана посмешище. Он ясно представлял себе эту стаю лукавых, злорадных, ненасытных бестий: сбившись в кучу по ту сторону брезентового занавеса, они нетерпеливо ожидают его появления, готовые обрушить на него шквал диких, издевательских насмешек. Он клял себя за легковерие и в панике озирался по сторонам, словно надеясь найти что-нибудь

вроде маски, или пары темных очков, или фальшивых усов. чтобы стать неузнаваемым. Ах, будь у него зычный бас, как у полковника Кэткарта, широкие мускулистые плечи и бицепсы, тогда бы он бесстрашно вышел к своим преследователям и властно заставил бы их поджать хвосты и трусливо улизнуть — они бы еще крепко пожалели о своей проделке.

Но встретиться с ними лицом к лицу капеллану не хватило смелости. К счастью, он заметил другой путь на свободу — через окно. Путь был свободен. Капеллан выскочил в окошко кабинета майора Майора, шмыгнул за угол палатки и спрыгнул в железнодорожную выемку, боясь, как бы его не заметили.

Согнувшись в три погибели, он мчался по дну выемки. Лицо его скривилось, изображая на случай непредвиденной встречи беспечную, любезную улыбку. Однако, завидев какого-то человека, шедшего навстречу, он проворно взвился по склону выемки и метнулся как безумный в чащобу, точно за ним гнались с собаками. Щеки его горели от стыда. Ему чудились громкие раскаты издевательского хохота, от которого сотрясалось все вокруг. Он чувствовал на себе мутные взгляды злобных бородачей, ухмылявшихся из кустов

и с верхушек деревьев. Жгучая боль пронзила его грудь, и он заковылял, с трудом волоча ноги. Судорожно и жадно хватая ртом воздух, он брел, пошатываясь, вперед, пока окончательно не выбился из сил. Ноги его вдруг подкосились. Падая, он больно ударился головой о яблоню и наверняка бы рухнул на землю, если б не успел обеими руками обхватить кривой ствол яблони. Дыхание с хрипом вырывалось из груди капеллана, в ушах звенело. Минуты казались часами, но когда он наконец пришел в себя, то понял, что источник оглушительного шума, столь поразившего его, — он сам. Боль в груди ослабла. Скоро он почувствовал, что может держаться на ногах. Он напряженно прислушался: в лесу было тихо — за ним никто не гнался, не слышно было демонического хохота. Но легче ему от этого не стало — слишком он устал и перенервничал. Дрожащими, онемелыми пальцами он оправил на себе перепачканную, измятую одежду, твердо взял себя в руки и весь остаток пути до самой поляны прошел спокойным шагом: он побаивался умереть от сердечного приступа. Джип капрала Уиткома по-прежнему стоял на поляне. Капеллан, крадучись, обошел сзади палатку капрала Уиткома: он не хотел попадаться капралу на глаза,

чтобы не нарваться на оскорбление. Облегченно вздохнув, он проскользнул в свою палатку.

На его койке, задрав нога, удобно расположился капрал Уитком. Облепленные засохшей грязью башмаки капрала покоились на одеяле капеллана, а сам капрал, ухмыляясь, листал капелланову библию и грыз плитку шоколада из запасов хозяина.

— Где вы были? — спросил капрал Уитком безразличным тоном, не отрывая глаз от библии. Капеллан покраснел и ответил уклончиво:

— Гулял в лесу.

— Хорошо, — огрызнулся капрал Уитком, — не хотите доверять — не надо. Но учтите, своим недоверием вы подрываете мои моральные устои. — Он отгрыз большой кусок шоколада и продолжал с набитым ртом: — Пока вас не было, к вам приходил майор Майор.

Чуть не подпрыгнув от удивления, капеллан воскликнул:

— Майор Майор? Здесь был майор Майор?

— А я о ком толкую?

— Где же он?

— Он спрыгнул в железнодорожную выемку и понесся, как перепуганный кролик, — заржал капрал Уитком. — Шустрый малый!

— Он не сказал, что ему было нужно?

— Сказал, что вы ему нужны по чрезвычайно важному делу.

— Это майор Майор так сказал? — ахнул капеллан.

— Он не сказал это, — язвительно поправил капрал Уитком, — он написал это и оставил в запечатанном конверте на вашем столе.

Капеллан взглянул на карточный столик, который служил ему письменным столом, яо там ничего не было, кроме противного оранжево-красного, похожего на грушу помидорчика, которым в это утро угостил его полковник Кэткарт. Помидор лежал в том же самом положении, на том же самом месте, где он его оставил, — как нерушимый рдеющий символ капелланової беспомощности.

— А где же письмо?

— Я его прочитал, разорвал и выбросил. — Капрал с треском захлопнул библию и вскочил. — В чем дело? Вы что, не верите мне на слово? — Он вышел и тут же вошел, едва не столкнувшись с капелланом, который хотел было отправиться на поиски майора Майора. — Вы боитесь поручать своим подчиненным ответственную работу, — обиженнным тоном заявил капрал Уитком. — Это

еще один ваш недостаток.

Капеллан виновато кивнул и так заторопился, что даже забыл извиниться. Он почувствовал властную и искусную руку судьбы. Теперь он понял, что дважды в этот день майор Майор спешил ему навстречу по железнодорожной выемке и дважды, метнувшись в лес, капеллан сам по глупости отсрочил эту судьбой предопределенную встречу. Он торопился изо всех сил, шагая по рассохшимся вкось вкривь шпалам, и клял себя последними словами. Песок и мелкий гравий набились ему в ботинки и до крови растирали ноги. Он не замечал, что его бледное, усталое лицо скривилось от острой боли. Августовский полдень был жарким и душным. Почти миля отделяла палатку капеллана от эскадрильи Йоссариана. Покуда он добрался до места, его летняя рубашка взмокла от пота. С трудом переводя дух, капеллан ворвался в штабную паалатку, где его решительно остановил все тот же вероломный, сладкоречивый, очкастый сержант-штабист с впалыми щеками. Он попросил капеллана обождать, поскольку майор Майор находится у себя в кабинете. Сержант добавил, что капитан сможет войти в кабинет, как только майор майор оттуда выйдет.

Капеллан уставился на него с недоумением. «За что это сержант так меня ненавидит?» — думал он. Губы капеллана побелели и задрожали. Помимо всего прочего, его мучила жажда. Что творится с людьми? Разве и без того мало трагедий?

Сержант вытянул руку и преградил капеллану путь.

— Виноват, сэр, — сказал он вежливо, — но таков приказ майора Майора. Он никого не хочет видеть.

— Но меня он хочет видеть, — умоляюще произнес капеллан. — Как раз, когда я был здесь, он заходил ко мне.

— Майор Майор заходил? — переспросил сержант.

— Да, заходил. Прошу вас, загляните к нему и спросите сами.

— Боюсь, что не смогу этого сделать, сэр. Он меня не хочет видеть. Вот разве вы оставите ему записку…

— Но я не хочу оставлять записку. Он же делает для кого-то исключение?

— Только в крайних случаях. Последний раз он покинул палатку, чтобы присутствовать на похоронах одного солдата. А в своем кабинете он принимал только раз, и то потому, что его к этому

принудили. Бомбардир, по имени Йоссариан, заставил…

— Йоссариан? — услышав о таком совпадении, капеллан весь так и вспыхнул. Неужели на его глазах творится новое чудо? — Именно об этом человеке я и хотел поговорить. Они обсуждали количество вылетов, которые Йоссариан должен сделать?

— Да, сэр, как раз об этом они и говорили. У капитана Йоссариана пятьдесят один вылет, и он обратился к майору Майору с просьбой списать его на землю и избавить от оставшихся четырех вылетов. В ту пору полковник Кэткарт требовал только пятьдесят пять вылетов.

— И что сказал майор Майор?

— Майор Майор сказал, что он ровным счетом ничего не может сделать.

Лицо капеллана вытянулось.

— Это майор Майор так сказал?

— Да, сэр. Точнее говоря, он посоветовал Йоссариану обратиться за помощью к вам. Так вы уверены, сэр, что не хотите оставить записку? Вот вам карандаш и бумага.

Покусывая запекшиеся губы, капеллан досадливо покачал головой и вышел на улицу. До вечера еще было далеко, а произошло уже столь-

ко событий. В лесу воздух был прохладней. Горло капеллана пересохло и саднило. Он медленно брел по лесу, грустно вопрошая себя, какие новые неприятности судьба еще обрушит на его голову, как вдруг из-за тутовых зарослей выскочил безумный лесной отшельник. Капеллан завопил что было мочи.

Высокий, похожий на покойника незнакомец, перепуганный криком капеллана, отпрянул и завизжал:

— Не трогайте меня!

— Кто вы? — выкрикнул капеллан.

— Прошу вас, не трогайте меня! — завопил в ответ человек.

— Я капеллан!

— Тогда что вам от меня нужно?

— Ничего мне от вас не нужно! — подтвердил капеллан уже с явным раздражением в голосе, по-прежнему не в силах сдвинуться с места. — Только скажите мне, кто вы и что вам от меня нужно?

— Я просто хочу узнать, не умер ли еще Вождь Белый Овес от воспаления легких? — заорал в ответ человек. — Это все, что мне нужно. Я живу здесь, в лесу. Это вам каждый подтвердит.

Капеллан пристально рассмотрел странную,

сьежившуюся фигуру и постепенно успокоился. Капитанские кубики на потертом воротнике незнакомца были прихвачены ржавчиной. На ноздре у него смолянисто темнела волосатая родинка, а под носом топорщились густые жесткие усы цвета тополиной коры.

— Но если вы из эскадрильи, почему вы живете в лесу? — полюбопытствовал капеллан.

— Я вынужден жить в лесу, — ответил капитан сварливым тоном, как будто капеллан был обязан знать об этом. Хотя капитан Флюм был на целую голову выше капеллана, он по-прежнему не спускал с капеллана настороженного взгляда. — Разве вы ничего не слышали обо мне? Вождь Белый Овес поклялся, что однажды ночью, как только я усну, он перережет мне глотку. Поэтому, покуда он жив, я боюсь спать в эскадрилье.

Капеллан недоверчиво выслушал это маловразумительное объяснение.

— Но это невероятно, — сказал он. — Ведь это было бы преднамеренное убийство. Почему бы вам не доложить об этом майору Майору?

— Я докладывал, — горестно сказал капитан, — но майор Майор пообещал, что, если я хоть еще раз заикнусь об этом, он сам перережет мне глотку. — Отшельник не отрывал от лица капеллана

испуганного взгляда. — Вы тоже собираетесь перерезать мне глотку?

— Да нет же, нет, — заверил его капеллан. — Разумеется, нет. Вы и вправду живете в лесу?

Капитан кивнул головой, и капеллан посмотрел на его бледно-серое от тоски и недоедания лицо с чувством жалости и уважения. Фигура незнакомца походила на скелет, спрятанный под ворохом лохмотьев, к которым пристали пучки травы. Волосы незнакомца явно соскучились по парикмахерским ножницам. Под глазами расплылись большие темные круги. Издерганный, замызганный капитан являл собой такую печальную картину, что капеллан растрогался почти до слез, а при мысли о бесчисленных суровых лишениях, которые ежедневно приходится испытывать бедняге, капеллан преисполнился к нему сочувствием и почтением. Смиренно понизив голос, он спросил:

— А кто вам стирает белье?

Капитан озабоченно поджал губы:

— Это делает прачка тут с одной фермы. Вещи я держу в трейлере и раз или два в неделю пробираюсь в трейлер, чтобы сменить носовой платок или нижнее белье.

— А что вы будете делать, когда наступит зи-

ма?

— О, к этому времени я рассчитываю вернуться в эскадрилью, — ответил капитан с убежденностью великомученика. — Вождь Белый Овес объявил во всеуслышанье, что он скоро умрет от воспаления легких, и я думаю, что мне надо набраться терпения и подождать наступления сырой и холодной погоды. — Капитан озадаченно уставился на священника: — Разве вы об этом ничего не знали? Неужели не слышали? Ребята обо мне только и говорят.

— Я вроде не слышал, чтобы кто-нибудь говорил о вас.

— Хм, ничего не понимаю. — Капитан явно был уязвлен, хотя и продолжал бодро: — Так вот, скоро уже будет сентябрь, так что, думаю, осталось недолго. Если ребята будут спрашивать обо мне, скажите, что, как только Вождь Белый Овес умрет от воспаления легких, я вернусь и начну по-прежнему корпеть над выпусками информационных бюллетеней. Передадите? Скажите, что, как только наступит зима и Вождь Белый Овес умрет от воспаления легких, я вернусь. Хорошо?

Капеллан благоговейно заучил эти вещие слова наизусть — их мистический смысл очаровал его.

— Вы перебиваетесь ягодами, травами и коре-

ньями? — спросил он.

— Что вы, конечно нет! — удивился капитан. — Я прокрадываюсь в столовую через черный ход и обедаю на кухне. Милоу дает мне сэндвичи и молоко.

— А что вы делаете, когда идет дождь?

— Промокаю до нитки, — ответил капитан с подкупающей откровенностью.

— А где же вы спите?

Капитан присел от страха и попятился.

— И вы тоже? — закричал он в отчаянье.

— Да нет же! — закричал капеллан. — Клянусь вам, нет!

— Я знаю, вы тоже хотите перерезать мне глотку! — стоял на своем капитан.

— Даю вам слово, — жалобно начал капеллан, но было слишком поздно: гривастое привидение уже исчезло в пестрой, лоскутной мешанине листвы, теней и бликов. Оно растворилось бесследно, так что капеллан начал сомневаться, видел ли он его вообще. Вокруг происходило столько нелепых событий, что капеллан уже не был уверен, какое из них абсурдная фантасмагория, а какое имело место в действительности. Ему хотелось по возможности скорее навести справки об этом лесном безумце, чтобы узнать,

существует ли на самом деле капитан Флюм. Однако первым делом, вспомнил капеллан без всякого энтузиазма, придется умасливать капрала Уиткома, обиженного нежеланием капеллана возлагать ответственность на своих подчиненных.

Подходя к поляне, капеллан молил бога, чтобы капрал Уитком ушел, — тогда бы он мог спокойно раздеться, тщательно вымыться по пояс, напиться воды, полежать на кровати и, возможно даже, вздремнуть. Но его ждало еще одно огорчение и еще один удар: когда он вернулся в палатку, капрал Уитком уже был сержантом Уиткомом и в качестве такового сидел на его стуле и его иголкой и ниткой пришивал к рукаву своей рубашки сержантские нашивки. Капрала Уиткома повысил в звании полковник Кэткарт, который хотел немедленно видеть капеллана на предмет беседы по поводу писем.

— О нет! — простонал капеллан, опускаясь на койку. Его нагревшаяся фляжка была пуста, и сейчас он был слишком подавлен, чтобы вспомнить о мешке Листера[13], висевшем в холодке между палатками. — Не могу поверить. Просто не могу поверить, что кто-то всерьез полагает, будто я подделывал подпись Вашингтона Ирвинга.

— Да не о тех письмах идет речь, — уточнил капрал Уитком, упиваясь досадой капеллана. — Он хочет поговорить насчет писем родственникам убитых и раненых.

— Об этих письмах? — удивился капеллан.

— Совершенно верно, — злорадствовал капрал. — Он собирается всерьез намылить вам шею за то, что вы не разрешили мне рассылать их. Видели бы, как он уцепился за мою идею, когда я сказал, что письма можно отправлять за его подписью. За это он и повысил меня в звании. Он абсолютно убежден, что письма помогут ему попасть на страницы «Сатердэй ивнинг пост».

В голове у капеллана окончательно все перепугалось.

— Но откуда он знает о существовании самой этой идеи?

— Я пошел к нему и сказал.

— Что?! Что вы сделали? — визгливо переспросил капеллан и вскочил на ноги в припадке несвойственной ему ярости. — Вы хотите сказать, что и вправду обратились через мою голову к полковнику, даже не спросив на то моего разрешения?

На лице капрала Уиткома появилась бесстыжая, презрительная ухмылка.

— Совершенно верно, капеллан, — ответил он. — И если желаете себе добра, не вздумайте что-нибудь предпринимать. Вряд ли полковнику Кэткарту понравится, что вы поцапались со мной из-за того, что я подал ему эту идею. Поняли, что к чему, капеллан? — продолжал капрал Уитком, перекусывая черную нитку и застегивая рубашку…

— …Это поможет мне даже попасть на страницы «Сатердэй ивнинг пост», — самодовольно улыбаясь, хвастался полковник Кэткарт. Он энергично расхаживал по кабинету и срамил капеллана: — А у вас не хватило извилин оценить эту идею. Вы обрели хорошего помощника, капеллан, в лице капрала Уиткома. Надеюсь, что у вас хватит извилин оценить хотя бы это.

— Сержанта Уиткома, — поправил капеллан и тут же спохватился.

Полковник Кэткарт свирепо вытаращил глаза. — Я и сказал «сержанта Уиткома», — возразил он. — Хотелось бы, чтобы вы слушали хорошенько, вместо того чтобы выискивать у других ошибки. Вы ведь не хотите всю жизнь быть капитаном, а? Решительно не понимаю, как вы сможете достигнуть большего, если будете вести себя подобным образом. Капрал Уитком считает, что, когда на дворе сорок четвертый год двадца-

того столетия, нужны свежие идеи, а вы еще живете по старинке, и я склонен согласиться с ним. Замечательный парень, этот капрал Уиткомом! Ну ладно, отныне все будет по-другому.

Полковннк Кэткарт с решительным видом уселся за стол к, отыскав чистую страницу в своей памятной книжке, ткнул в нее пальцем.

— Я хочу, чтобы, начиная с завтрашнего дня, — сказал он, — вы с капралом Уиткомом писали письма соболезнования всем ближайшим родственникам убитых, раненых или попавших в плен летчиков нашего полка. Я хочу, чтобы это были искренние письма. Пусть они изобилуют подробностями из личной жизни погибшего, чтобы не возникало ни малейшего сомнения, что я прекрасно знаю людей, о которых вы пишете. Ясно?

Капеллан непроизвольно сделал шаг к столу с намерением протестовать.

— Но, сэр, это невозможно! — выпалил он. — Мы не настолько хорошо знаем наших людей.

— Это неважно, — резко сказал полковник Кэткарт и вдруг дружески улыбнулся. — Капрал Уитком принес мне проект письма, годного на все случаи жизни. Послушайте:

«Дорогая миссис, мистер, мисс или дорогие

мистер и миссис! Трудно выразить словами то глубокое личное горе, которое я испытал, когда ваш муж, сын, отец или брат был убит, ранен или пропал без вести». Ну и так далее. Мне кажется, что эта начальная фраза довольно точно выражает мои чувства. Послушайте, поскольку у вас к этому делу не лежит душа, может быть, вы предоставите капралу Уиткому полную свободу действий? — Полковник Кэткарт выхватил из нагрудного кармана свой длинный, упругим мундштук и, сгибая его двумя руками, точно это был не мундштук, а инкрустированное слоновой костью и ониксом кнутовище, продолжал: — Это один из ваших недостатков, капеллан. Капрал Уитком сказал мне, что вы не доверяете своим подчиненным ответственную работу. Он говорит, что вы лишены инициативы. Надеюсь, вы не собираетесь спорить со мной, а?

— Нет, сэр, — капеллан покачал головой. Он чувствовал себя постыдно нерадивым — и потому, что не доверял подчиненным ответственную работу, и потому, что был лишен инициативы, и потому, что его действительно так и подмывало поспорить с полковником Кэткартом. Неподалеку от штаба находился тир, и всякий раз, когда раздавался выстрел из пистолета, внутри

у капеллана все обрывалось. Он никак не мог привыкнуть к звукам выстрелов. Его окружали кули с помидорами, и сейчас он был почти убежден, что когда-то в далеком прошлом он уже стоял в кабинете полковника Кэткарта, точно при таких же обстоятельствах; окруженный такими же кулями с помидорами. Сцена казалась такой знакомой, хотя и всплывала откуда-то из глубин памяти. Поношенная одежда капеллана запылилась, и он смертельно боялся, что от него пахнет потом.

— Вы все принимаете слишком близко к сердцу, капеллан, — сказал полковник Кэткарт грубоватым тоном взрослого человека, втолковывающего ребенку очевидные истины. — Это еще один ваш недостаток. Ваша вытянутая физиономия повергает всех в уныние. Хоть бы увидеть когда-нибудь, как вы смеетесь. Ну-ка, капеллан. Если вы сейчас насмешите меня до колик, я подарю вам целый куль помидоров. — Он помолчал несколько мгновений, не сводя глаз с капеллана, и торжествующе расхохотался: — Вот видите, капеллан, я оказался прав. Вы не смогли меня насмешить до колик.

— Нет, сэр, — кротко согласился капеллан, медленно, с заметным усилием проглатывая

слюну. — Только не сейчас. Я умираю от жажды.

— Тогда выпейте. Подполковник Корн держит в своем столе виски. Вам надо заглянуть как-нибудь вместе с нами в офицерский клуб и хорошенько повеселиться. Почему бы вам не попытаться иногда развеяться? Надеюсь, вы не считаете себя лучше других только потому, что вы — лицо духовное.

— О нет, сэр, — поспешно заверил его капеллан. — К тому же я все последнее время посещал вечерами офицерский клуб.

— Как вам известно, вы всего-навсего капитан, — продолжал полковник Кэткарт, пропустив мимо ушей замечание капеллана. — Хоть вы и священник по профессии, по званию вы — всего лишь капитан.

— Да, сэр. Я это знаю.

— Вот и прекрасно. Кстати, вы правильно сделали, что сейчас не засмеялись. Я все равно не дал бы вам помидоров, тем более, как сообщил мне капрал Уитком, вы уже взяли один, когда были здесь сегодня утром.

— Утром? Но позвольте, сэр! Ведь вы сами мне его дали.

Полковник Кэткарт настороженно поднял голову.

— Разве я сказал, что не давал вам? Я просто сказал, что вы взяли его. Не понимаю, если вы его не украли, почему вас так мучает совесть? Я вам дал его?

— Да, сэр. Клянусь вам, что вы сами мне его дали.

— Тогда придется поверить вам на слово. Хотя ума не приложу, почему мне вдруг захотелось дать вам помидор. — Полковник Кэткарт многозначительно переложил стеклянное пресс-папье с одного края стола на другой и взял остро отточенный карандаш. — Хорошо, капеллан, если у вас все, то я должен заняться чрезвычайно важными делами. У меня уйма дел. Как только капрал Уитком разошлет с дюжину этих писем, дайте мне знать, и мы свяжемся с издателями «Сатердэй ивнинг пост». — Лицо полковника, осененное внезапной мыслью, просветлело. — Послушайте! По-моему, мне нужно еще разок добровольно предложить командованию послать наш полк на Авиньон. Это ускорит дело.

— На Авиньон? — Сердце капеллана забилось с перебоями, а по спине поползли мурашки.

— Совершенно верно, — поспешил подтвердить полковник. — Чем скорее у нас будут убитые, тем скорее мы добьемся своего. Мне хотелось бы, если

удастся, попасть в рождественский номер. У него тираж больше, я полагаю. — И, к ужасу капеллана, полковник снял трубку, чтобы предложить свой полк для налета на Авиньон.

А после полковник снова допытался вышвырнуть капеллана из офицерского клуба. Это было в тот вечер, когда пьяный Йоссариан поднялся из-за стола, опрокинув стол и намереваясь нанести Кэткарту удар карающей десницей, что вынудило Нейтли окликнуть Йоссариана, а полковника побледнеть, постыдно обратиться в бегство и по пути наступить на ногу генералу Дридлу, который брезгливо поморщился и приказал немедленно вернуть капеллана в офицерский клуб. Все это ужасно расстроило полковника Кэткарта — и страшное, как смерть, имя «Йоссариан», прозвучавшее подобно похоронному колоколу, и ушибленная нога генерала Дридла. Кроме того, полковник Кэткарт обнаружил еще один недостаток в капеллане: было совершенно невозможно предсказать заранее, как отнесется генерал Дридл к капеллану при очередной встрече. Никогда не забыть полковнику Кэткарту вечера, когда генерал Дридл впервые заметил капеллана в офицерском клубе. Подняв свое багровое, распаренное от духоты и виски лицо,

он пристально посмотрел сквозь желтоватые клочья табачного дыма на капеллана, который, стараясь не бросаться в глаза, в одиночестве стоял у стены.

— Н-да, дьявол меня разрази, — прохрипел генерал Дридл, и его косматые седые брови грозно сдвинулись, — А ведь это, никак, капеллан? Хорошенькое дело: служитель господа бога околачивается в таких местах и якшается с кучкой грязных пропойц и картежников.

Полковник Кэткарт чопорно поджал губы.

— Не могу, сэр, не согласиться с вами, — живо откликнулся он подчеркнуто-пренебрежительным тоном. — Просто не понимаю, что творится с нынешними священниками.

— Они стали лучше — вот что с ними творится, — глубокомысленно пробормотал генерал Дридл.

У полковника Кэткарта застрял ком в горле, но он быстро овладел собой.

— Так точно, сэр. Они стали лучше. Вот это самое я и хотел сказать, сэр.

— В таких заведениях капеллану самое место. Находясь в гуще пьяниц и картежников, он лучше поймет их душу и скорее завоюет их доверие. А как же, черт побери, иначе он добьется, чтобы

они верили в бога?

— Вот это самое я и имел в виду, сэр, когда приказал капеллану приходить сюда, — вкрадчиво пролепетал полковник Кэткарт.

Фамильярно обняв капеллана за плечи, он отвел его в угол и суровым тоном вполголоса приказал каждый вечер являться на дежурство в офицерский клуб, чтобы находиться среди офицеров, когда они пьют и играют в карты, ибо только так можно понять их душу и завоевать их доверие.

Капеллан согласился и стал каждый вечер приходить на дежурство в офицерский клуб, чтобы быть в гуще офицеров, которые хотели всеми правдами и неправдами избавиться от его общества. Это продолжалось до тех пор, пока однажды вечером за столом для пинг-понга не вспыхнула потасовка и Вождь Белый Овес без всякого повода, просто так, развернулся и двинул полковника Модэса прямо в нос, отчего полковник Модэс шлепнулся задом на пол, а генерал Дридл неожиданно разразился плотоядным смехом. И в эту минуту генерал заметил капеллана, который, по-совиному выпучив глаза, удивленно смотрел на него. Генерал Дридл окаменел. На мгновение он вперил в капеллана злобный взгляд — его

веселого настроения как не бывало, — затем раздраженно повернул обратно к бару, покачиваясь на своих коротких кривых ногах, как матрос на палубе. За ним испуганно трусил полковник Каткарт, тщетно надеясь, что подполковник Корн придет ему на помощь.

— Хорошенькое дельце, — проворчал генерал Дридл, усаживаясь за стойку и хватая жилистой рукой пустую стопку. — Да, хорошее дело, когда служитель господа бога околачивается в подобных местах и якшается с кучей грязных пропойц и картежников.

Полковник Кэткарт вздохнул с облегчением.

— Так точно, сэр! — с готовностью подхватил он. — Разумеется, это хорошее дело.

— Тогда какого же черта вы ничего не предпринимаете?

— Что вы сказали, сэр? — переспросил полковник Каткарт, хлопая ресницами.

— Вы думаете, если ваш капеллан околачивается здесь каждый вечер, это делает вам честь? Стоит мне появиться здесь, и он тут как тут.

— Вы правы, сэр, абсолютно правы, — ответил полковник Кэткарт. — Это вовсе не делает мне чести, и я намерен сию же минуту что-нибудь предпринять.

— А разве это не вы приказали ему приходить сюда?

— Нет, никак нет, сэр, это подполковник Корн. Я намерен его сурово наказать.

— Не будь он капелланом, — пробормотал генерал Дридл, — я бы вывел его на улицу я пристрелил на месте.

— А он вовсе не капеллан, сэр, — услужливо сообщил полковник Кэткарт.

— Не капеллан? Тогда какого черта он носит на воротничке крест?

— А он носит на воротничке не крест. Он носит серебряный лист. Он подполковник.

— Так у вас капеллан в звании подполковника? — спросил изумленный генерал Дридл.

— О нет, сэр. Мой капеллан всего лишь капитан.

— Тогда какого черта он носит на воротничке серебряный лист, если он всего лишь капитан?

— Он носит на воротничке не серебряный лист, сэр. Он носит крест.

— Вон отсюда, болван! — закричал генерал Дридл. — Или я тебя выведу на улицу и пристрелю на месте!

— Слушаюсь, сэр.

Полковник Кэткарт вышел от генерала Дридла

и вышвырнул капеллана из офицерского клуба, в точности так же, как два месяца спустя он выставил капеллана, когда тот попытался настоять, чтобы полковник Кэткарт отменил свой приказ об увеличении нормы боевых вылетов до шестидесяти. Попытка окончилась жестокой неудачей.

Теперь капеллан находился на грани полного отчаяния, его поддерживала лишь мысль о жене, которую он любил всей душой, да с пеленок привитая ему вера в мудрость и справедливость бессмертного, всемогущего, всеведущего, человеколюбивого, вездесущего, антропоморфического, говорящего по-английски, англо-саксонского, проамериканского господа. Правда, вера эта уже начала колебаться. Слишком много раз жизнь испытывала крепость его веры. Конечно, существовала библия, но ведь библия — это книга, как «Холодный дом», «Остров сокровищ», «Этан Фром» и «Последний из могикан». Однажды он случайно подслушал, как Данбэр сказал, что загадку мироздания, возможно, разгадают круглые невежды, не способные даже понять, откуда берется дождь. А что, если Данбэр прав? Неужели шесть тысяч лет назад всемогущий бог со всей его безграничной мудростью действительно боялся, что людям удастся построить башню

до небес? И где вообще, черт побери, находятся эти самые небеса? Наверху? Внизу? Но ведь ни низа, ни верха нет в конечной, но беспредельно расширяющейся вселенной, в которой даже огромное, горящее, ослепительное, царственное солнце постепенно остывает, что в конце концов приведет к гибели Земли. Чудес на свете нет. Молитвы остаются без ответа, и несчастья с равной жестокостью обрушиваются на праведников и грешников. И капеллан, уступая здравому смыслу, усомнился в вере своих отцов. Быть может, он отказался бы и от своего призвания, и от своей миссии и подался бы рядовым в пехоту или в артиллерию или, возможно, даже капралом в десантные войска, если бы не пара таинственных явлений, таких как голый человек на дереве, привидевшийся ему несколько недель назад во время похорон несчастного сержанта, и загадочное, не выходящее у него из головы вдохновенное обещание пророка Флюма, данное им только сегодня: «Как только наступит зима, я вернусь».

26. Аарфи

В известном смысле все это случилось по вине Йоссариана: не передвинь он на карте во время великой осады Болоньи линию фронта, майор де

Каверли не улетел бы в командировку и пришел бы ему на помощь. А не набей майор де Каверли квартиру для нижних чинов бездомными девицами, Нейтли, возможно, и не влюбился бы в свою красотку. Впервые он встретил ее в комнате, где ярые картежники резались в очко, не обращая никакого внимания на полуголую девку. Сидя в жестком желтом кресле и украдкой поглядывая на нее, Нейтли был очарован той непробиваемой флегматичностью и скукой, с которыми она принимала всеобщее пренебрежение к собственной персоне. Она так искренне, от души зевнула, что это произвело на Нейтли сильнейшее впечатление. Он был потрясен ее героическим поведением.

Вскоре она зашевелилась, натянула блузку, застегнула туфли и ушла. Нейтли выскользнул за ней. И, когда два часа спустя Йоссариан и Аарфи вошли в офицерскую квартиру, они застали там Нейтли и эту девку.

— Она собирается уходить, — сказал Нейтли каким-то слабым, странным голосом.

— А почему бы тебе не дать ей денег, чтобы она осталась с тобой до вечера? — посоветовал Йоссариан. — Она мне вернула деньги, — признался Нейтли. — Сейчас она устала от меня и хочет

поискать кого-нибудь еще.

Девица, совсем одевшись, остановилась и с явным призывом поглядывала на Йоссариана и Аарфи. Она показалась Йоссариану привлекательной, он подарил ей ответный, красноречивый взгляд, но отрицательно покачал головой.

— Э… барахло! Скатертью дорога. — невозмутимо заявил Аарфи.

— Не говори так о ней — горячо запротестовал Нейтли, и в голосе его послышались мольба и упрек. — Я хочу, чтобы она осталась со мной.

— А чего в ней такого особенного? — с шутовским удивлением ухмыльнулся Аарфи. — Обыкновенная шлюха.

— Не смей называть ее шлюхой!

Немного постояв, девица равнодушно пожала плечами и прогарцевала к выходу. Убитый Нейтли кинулся открывать ей дверь. Он приплелся назад, словно оглушенный, на его нервном лице было написано неподдельное горе.

— Не беспокойся, — посоветовал Йоссариан как можно мягче, — ты, наверное, сумеешь ее найти. Мы ведь знаем, где околачиваются все шлюхи.

— Пожалуйста, не зови ее шлюхой, — попросил Нейтли чуть не плача.

— Прощу прощения, — пробормотал Йосса-

риан.

— По улицам слоняются сотни шлюх, нисколько не хуже этой, — хохотнув, проговорил Аарфи с презрительными нотками в голосе. — Ну с какой стати ты ринулся открывать ей дверь, будто ты в нее влюблен?

— А мне кажется, что я в нее влюблен, — признался Нейтли стыдливым, отчужденным голосом.

В комическом недоумении Аарфи наморщил свой выпуклый багровый лоб.

— Ха-ха-ха! — засмеялся он, довольно хлопая себя по бокам. — Шикарно! Ты — и вдруг влюблен в нее! Ей богу, шикарно!

В этот день у Аарфи должно было состояться свидание с девицей из Красного Креста, окончившей Смитовский колледж[14], дочерью владельца крупного химического завода.

— Я хочу, чтобы ты заткнулся! — в отчаянии закричал Нейтли. — Я даже не желаю об этом говорить с тобой.

— Аарфи, заткнись, — сказал Йоссариан.

— Ха-ха-ха! — продолжал Аарфи. — Представляю, что бы сказали твои родители, если бы узнали, около кого ты здесь увиваешься. Ведь твой отец — выдающаяся личность.

— Я не собираюсь ему ничего говорить, — решительно заявил Нейтли. — Я не собираюсь говорить ему о ней ни слова, пока мы не поженимся.

— Поженитесь? — Аарфи прямо-таки лопался от самодовольства и веселья. — Хо-хо-хо-хо! Теперь ты несешь явную чушь. Да ты еще молод, чтобы понимать толк в истинной любви.

Сам Аарфи был большим специалистом по части истинной и бескорыстной любви, поскольку он уже был искренне и бескорыстно влюблен в отца Нейтли, надеясь после войны получить у него тепленькое местечко в качестве вознаграждения за дружбу с Нейтли. Окончив колледж, Аарфи так и не нашел места в жизни. Теперь это был ведущий штурман, который легко прощал своим однополчанам, когда они поносили его на чем свет стоит каждый раз, когда он сбивался с курса и вел самолеты прямехонько в зону зенитного огня. На сей раз он сбился с курса на улицах Рима и так и не нашел свою девицу из Красного Креста — выпускницу Смитовского колледжа, дочь владельца химического завода. Он сбился с курса и во время налета на Феррару, когда погиб самолет Крафта. Он еще раз сбился с курса во время еженедельного «полета за молоком» в Парму.

А однажды, когда Йоссариан, сбросив. бомбы на беззащитный объект, закрыл глаза и с душистой сигаретой в руке прислонился к бронированной стенке, Аарфи решил вывести самолеты к морю через Ливорно. Внезапно они попали под огонь зениток. В ту же секунду Макуотт завизжал в переговорное устройство:

— Зенитки, зенитки! Где мы, черт возьми? Что за дьявольщина?

Йоссариан тревожно захлопал глазами и нежданно-негаданно увидел вспухающие черные клубочки зенитных разрывов, которые рушились на них сверху, и благодушное, дынеобразное лицо Аарфи. Тот с приятным изумлением таращил свои крохотные глазки на подбиравшиеся к ним взрывы. Йоссариан остолбенел и потерял дар речи. Ноги у него внезапно стали как ватные. Набирая высоту, Макуотт затявкал в переговорное устройство — он требовал указаний. Йоссариан вскочил было, чтобы посмотреть, где они находятся, но не смог не только сдвинуться с месте, но даже шевельнуть пальцем. Он весь взмок. Замирая от ужасного предчувствия, он взглянул на свой пах. Страшное бурое пятно быстро ползло вверх по рубашке, точно некое морское чудовище намеревалось сожрать его. В него попали! Сквозь

набухшую штанину на пол стекали струйки крови. У Йоссариана остановилось сердце. Еще один мощный удар потряс самолет. Йоссариана передернуло от отвращения, и он завопил, призывая Аарфи на помощь.

— Мне оторвало мошонку! Аарфи, мне оторвало мошонку! — Но Аарфи не слышал, и Йоссариан, наклонившись, потянул его за руку: — Аарфи, помоги мне! — взмолился он чуть не плача. В меня попали! В меня попали!

Аарфи медленно обернулся, неизвестно чему ухмыляясь.

— Что?

— Я ранен, Аарфи! Помоги мне!

Аарфи дружески улыбнулся и пожал плечами.

— Я тебя не слышу, — ответил он.

— Но ты хоть видишь меня? — недоверчиво вскричал Йоссариан и указал на лужу крови. — Я ранен! Помоги мне, ради бога! Аарфи, помоги мне!

— Я по-прежнему тебя не слышу, — невозмутимо пожаловался Аарфи, приставив пухлую ладонь рупором к побелевшей ушной раковине. — Что ты говоришь?

— Так… пустяки, — ответил Йоссариан упавшим голосом. Внезапно он устал от собственного

крика, от всей этой безнадежной, выматывающей нервы, нелепой ситуации. Он умирал, и никто этого даже не замечал.

— Что? — заорал Аарфи.

— Я говорю: мне оторвало мошонку! Ты что, не слышишь меня? Меня ранило в пах!

— Я опять тебя не слышу, — гаркнул Аарфи.

— Я говорю: пустяки! — завопил Йоссариан, чувствуя безысходный ужас.

Аарфи снова с сожалением покачал головой и приблизил вплотную к лицу Йоссариана свое непристойное, молочно-белое ухо.

— Друг мой, говори, пожалуйста, громче. Говори громче!

— Оставь меня в покое, мерзавец! Ты, тупой, бесчувственный гад, оставь меня в покое! — Йоссариан зарыдал. Ему хотелось молотить Аарфи кулаками, но у него не было сил даже приподнять руку. Он свалился в глубоком обмороке.

Его ранило в бедро, и, когда, придя в себя, он увидел, что над ним на коленях хлопочет Макуотт, он испытал облегчение, несмотря на то, что румяная, одутловатая морда Аарфи с безмятежным любопытством выглядывала из-за плеча Макуотта. Йоссариан чувствовал себя скверно. Он слабо улыбнулся Макуотту и спросил:

— А кто остался за штурвалом?

Макуотт никак не отреагировал. С возрастающим ужасом Йоссариан набрал воздуху в легкие и что было сил громко повторил свой вопрос. Макуотт поднял глаза.

— О боже, как я рад, что ты жив! — воскликнул он, шумно и облегченно вздохнув. Добрые, славные морщинки у его глаз, запачканные маслом, побелели от напряжения. Макуотт накручивал один виток бинта за другим, прижимая толстый тяжелый ком ваты к внутренней стороне бедра Йоссариана. — За штурвалом Нейтли. Бедный малыш чуть не разревелся, когда услышал, что в тебя попали. Он все еще думает, что тебя убили. Тебе перебило артерию, но, по-моему, мне удалось остановить кровь. Я впрыснул морфий.

— Впрысни еще.

— Так часто нельзя. Когда почувствуешь боль, я впрысну еще.

— У меня и сейчас болит.

— Как я рад, как я рад, мы попали к черту в ад! — Сказал Макуотт и впрыснул еще одну ампулу морфия в руку Йоссариана.

— Когда ты скажешь Нейтли, что я жив… — начал Йоссариан и снова потерял сознание. Перед глазами его поползла клубнично-красная жела-

тиновая пленка, и густой баритональный гул накрыл его с головой.

Йоссариан очнулся в санитарной машине и, увидев унылый птичий нос Дейники и его пасмурную физиономию, ободряюще улыбнулся доктору, но через несколько секунд сознание покинуло его, перед глазами закружились лепестки роз, потом все почернело, и непроницаемая тишина поглотила его.

Он проснулся в госпитале и тут же снова уснул. Когда он опять проснулся, запах эфира улетучился, а на кровати через проход лежал Данбэр в пижаме и утверждал, что он вовсе не Данбэр, а Фортиори. Йоссариану почудилось, что Данбэр тронулся. Когда Данбэр сообщил, что он Фортиори, Йоссариан скептически скривил губы и после этого день или два проспал непробудным сном, а открыв глаяа, увидел, что вокруг суетятся сестры. Он поднялся и осмотрел себя. Нитки шва у паха впивались в его тело, как рыбьи зубы. Когда, прихрамывая, он пересек проход между койками, чтобы рассмотреть фамилию на температурном листе, висевшем над кроватью Данбэра. Пол под ним покачивался, как плот у пляжа. Оказалось, что Данбэр прав: он был уже вовсе не Данбэр, а второй лейтенант Антони Фортиори.

— Что за чертовщина?

А. Фортиори встал с постели и сделал знак Йоссариану следовать за ним. Хватаясь за все, что попадалось на пути, Йоссариан захромал за ним по коридору. Они вошли в соседнюю палату, где лежал суетливый прыщавый молодой человек со скошенным подбородком. При их приближении суетливый молодой человек поспешно поднялся на локте. А. Фортиори ткнул большим пальцем через плечо и сказал:

— Сгинь, мразь!

Суетливый молодой человек спрыгнул с кровати и убежал. А. Фортиори залез в кровать и снова стал Данбэром.

— Это был А. Фортиори, — пояснил Данбэр. — В твоей палате не было пустых коек, так что мне пришлось надавить на него своим чином и заставить перебраться на мою койку. Давить чином — очень приятная штука. Тебе надо как-нибудь тоже попробовать. А впрочем, попробуй прямо сейчас, потому что, судя по твоему виду, ты вот-вот грохнешься на пол.

Йоссариан и вправду чувствовал, что вот-вот грохнется на пол. Он обернулся к соседу Данбэра, пожилому человеку с морщинистым лицом и впалыми щеками, ткнул пальцем через плечо

и сказал:

— Сгинь, мразь!

Человек оцепенел от ярости и выпучил глаза.

— Он майор, — пояснил Данбэр. — Почему бы тебе не поставить перед собой более скромную цель и не попытаться стать на некоторое время уоррэнт-офицером Гомером Ламли? Кстати, в этом случае отец у тебя будет губернатором штата, а сестра — невестой чемпиона по лыжам. Скажи ему просто, что ты капитан.

Йоссариан повернулся к опешившему больному, на которого указал ему Данбэр.

— Я капитан. Сгинь, мразь! — сказал он, ткнув большим пальцем через плечо.

Опешивший больной, услышав команду Йоссариана, выпрыгнул из постели и убежал. Йоссариан влез на его кровать и стал уоррэнт-офицером Гомером Ламли, который страдал от приступов тошноты и внезапных приливов пота. Йоссариан проспал добрый час, после чего ему снова захотелось стать Йоссарианом. Оказалось, что иметь отца-губернатора и сестру — невесту чемпиона по лыжам не бог весть как интересно. Данбэр вернулся в палату Йоссариана, где выкинул из кровати А. Фортиори, предложив ему некоторое время снова побыть Данбэром. Здесь не было

и следов уоррэнт-офицера Гомера Ламли. Зато появилась сестра Крэмер и в приступе ханжеского возмещения зашипела, как сырое полено в огне. Она приказала Йоссариану немедленно лечь в постель, но, поскольку она преградила ему дорогу, он не мог выполнить этого приказания. Ее хорошенькое личико выглядело, как никогда, противным. Сестра Крэмер была мягкосердечным, сентиментальным созданием. Она совершенно бескорыстно радовалась известиям о чужих свадьбах, помолвках, днях рождения, юбилеях, даже если была вовсе незнакома с людьми, о которых шла речь.

— Вы с ума сошли! — распекала она Йоссариана и Данбэра добродетельным тоном и негодующе махала пальцем перед носом Йоссариана. — Вам что, жизнь не дорога?

— Жизнь-то моя, — напомнил Йоссариан.

— Мне кажется, вы совершенно не боитесь потерять ногу!

— Так нога-то моя.

— Не только ваша, — возразила сестра Крэмер. — Эта нога принадлежит правительству Соединенных Штатов. Все равно как какой-нибудь тягач иди ночной горшок. Военное министерство вложило в вас массу денег, чтобы сделать из

вас пилота, и вы не имеете права не слушаться врачей.

Йоссариан не был в восторге от того, что в него вкладывают деньги. Сестра Крэмер все еще стояла перед ним, так что он не мог пройти к постели. Голова у него раскалывалась. Сестра Крамер о чей-то его спросила, но он не понял вопроса. Он ткнул большим пальцем через плечо и сказал: «Сгинь, мразь!»

Сестра Крэмер влепила ему такую пощечину, что чуть не сбила его наземь. Йоссариан отвел кулак, намереваясь двинуть сестру в челюсть, но нога его подломилась, и он начал падать. Сестра Даккит вовремя шагнула вперед и подхватила его под руки.

— Что здесь происходит? — спросила она жестким тоном, обращаясь к сестре Крэмер и Йоссариану.

— Он не желает ложиться в постель, — отрапортовала обиженным тоном сестра Крэмер. — Он сказал мне нечто совершенно ужасное, Сью Энн. Я не могу даже повторить.

— А она обозвала меня тягачом, — проворчал Йоссариан.

Сестра Даккит не проявила сочувствия.

— Вы сами пойдете в постель или мне взять вас

за ухо и отвести силой? — спросила она.

— Возьмите меня за ухо и отведите силой, — вызывающе ответил Йоссариан.

Сестра Даккит взяла его за ухо и повела в постель.

27. Сестра Даккит

Сестра Сью Энн Даккит была высокой, поджарой женщиной с прекрасной осанкой и угловатым, аскетическим, типичным для уроженок Новой Англии лицом, которое можно было одновременно назвать весьма привлекательным и весьма невыразительным. У нее была бело-розовая кожа, небольшие глаза, острые и изящные нос и подбородок. Способная, исполнительная, строгая и умная, с большим чувством ответственности, она не теряла головы в любой трудной ситуации. Она была вполне сложившимся, уверенным в себе человеком. Йоссариану стало жаль ее.

На следующее утро, когда она склонилась над его постелью, расправляя у него в ногах простыню, он проворно залез ей рукой под юбку. Сестра Даккит взвизгнула и подпрыгнула до потолка, но этого ей показалось мало, и она добрых пятнадцать секунд извивалась, скакала и

раскачивалась взад-вперед, изгибая свой божественный стан, пока наконец с посеревшими, дрожащими губами не отступила в проход между койками. Но она отступила слишком далеко, и Данбэр, наблюдавший с самого начала за этой сценой, приподнялся на кровати и, не говоря ни слова, набросился на нее сзади, ухватив обеими руками за грудь. Издав еще один вопль, она высвободилась и отскочила от Данбэра, но опять-таки слишком далеко, так что Йоссариан сделал выпад и облапил ее еще раз. Сестра Даккит снова сиганула через проход, словно мячик для пинг-понга на двух ногах. Данбэр зорко, как тигр, следил за ней, готовый к новому броску, но она вовремя о нем вспомнила и отпрыгнула не назад, а в сторону. Данбэр промазал и, пролетев мимо, приземлился на пол, но не на три точки, а на одну — на голову.

Когда он пришел в себя, из носа у него текла кровь и голова раскалывалась от такой же ужасной боли, какую он до этого симулировал. В палате стоял невообразимый шум. Сестра Даккит обливалась слезами, а Йоссариан, сидя рядышком с ней на кровати, виновато ее утешал. Разгневанный начальник госпиталя кричал на Йоссариана, что не потерпит со стороны больных

никаких вольностей по отношению к сестрам.

— Чего вы от него хотите? — жалобным тоном спросил Данбэр, лежа на полу и морщась от сверлящей боли в темени. Даже звук собственного голоса причинял ему страдания. — Он ничего такого не сделал.

— Я говорю о вас! — взревел во весь голос тощий, величественный полковник. — Вы будете за это наказаны!

— Чего вы от него хотите? — подал голос Йоссариан. — Человек шлепнулся головой об пол — только и всего.

— Я говорю и о вас тоже! — обрушился полковник на Йоссариана. — Вы у меня еще пожалеете, что схватили сестру Даккит за грудь.

— А я не хватал сестру Даккит за грудь, — сказал Йоссариан.

— Это я схватил ее за грудь, — сказал Данбэр.

— Вы что, оба с ума сошли? — пронзительно закричал доктор. Он побледнел и отпрянул в замешательстве.

— Так точно, доктор, — заверил его Данбэр. — Он и вправду сумасшедший. Каждую ночь ему снится, будто он держит в руке живую рыбу.

Доктор застыл на месте, изящно изогнув бровь. В палате стало совсем тихо.

— Снится что?.. — спросил он с отвращением.

— Ему снится, что он держит в руке живую рыбу.

— Какую рыбу? — резко спросил, доктор.

— Не знаю, — ответил Йоссариан. — Я плохо разбираюсь в рыбах.

— А в какой руке вы ее держите?

— То в той, то в этой, — ответил Йоссариан.

— Все зависит от рыбы, — поспешил ему на помощь Данбэр.

Полковник обернулся и, подозрительно сощурившись, уставился на Данбэра.

— Да? А вы-то откуда знаете?

— Так ведь это сон-то мой, — ответил Данбэр без тени улыбки.

Полковник побагровел. Он уставился на обоих холодным, жестким, неприязненным взглядом.

— Встаньте с пода и отправляйтесь в постель, — процедил он сквозь зубы. — Я не желаю больше слушать ни слова об этих снах. У нас есть специалист, чтобы выслушивать такую отвратительную чепуху…

— А как вы считаете, — осторожно, с мягкой, вкрадчивой улыбкой спросил майор Сэндерсон, штатный психиатр, присланный полковником к Йоссариану, — почему полковник Ферридж

нашел ваши сны отвратительными?

— Наверное, что-то отвратительное действительно есть или в самом этом сне, или, может быть, а полковнике Ферридже, — почтительно ответил Йоссариан.

— Неплохо сказано, — одобрил майор Сэндерсон. Он носил поскрипывающие солдатские ботинки, а его черные, как смоль, волосы стояли дыбом. — Полковник Ферриндж, — признался он, — напоминает мне морскую чайку. Он ни в грош, знаете ли, не ставит психиатрию.

— А вы, наверное, не любите морских чаек? — спросил Йоссариан.

— Да, не очень, — признался майор Сэндерсон с колючим, нервным смешком. — По-моему, ваш сон просто очарователен. Я надеюсь, что он будет часто повторяться и мы еще сможем не раз его обсудить. Не хотите ли сигаретку?

Йоссариан покачал головой, и майор улыбнулся. — Как вы объясните, — спросил он многозначительно, — почему вы испытываете такое сильное нежелание взять у меня сигарету?

— Потому что я только что одну выкурил. Вот она, еще дымится в пепельнице. Майор Сэндерсон хохотнул.

— Ну что ж, весьма искреннее объяснение. Но

я надеюсь, что мы скоро докопаемся до истинной причины. — Завязав бантиком развязавшийся шнурок ботинка, он взял со стола блокнот желтой линованной бумаги и положил его на колени. — Итак, рыба, которую вы видите во сне… Давайте о ней побеседуем. Это всегда одна и та же рыба?

— Не знаю, — ответил Йоссариан. — Я плохо разбираюсь в рыбах.

— А что напоминает вам эта рыба?

— Другую рыбу.

— А что напоминает вам другая рыба?

— Другую рыбу.

Майор Сэндерсон разочарованно откинулся на спинку стула:

— А вы любите рыбу?

— Не особенно.

— Так почему же вы считаете, что у вас патологическое отвращение к рыбам? — спросил с триумфом майор Сэндерсон.

— А потому что они слишком скользкие, — ответил Йоссариан. — И костлявые.

Майор Сэндерсон понимающе кивнул головой, улыбаясь приятной, фальшивой улыбкой.

— Очень интересное объяснение. Но я полагаю, что скоро мы докопаемся до истинной причины. А в частности, та конкретная рыба, которую вы

держите во сне, вам нравится?

— Признаться, я не испытываю к ней никаких особых чувств.

— Следовательно, вам не нравится эта рыба? А не питаете ли вы к ней враждебное, агрессивное чувство?

— О, нисколько. В сущности, она мне даже нравится.

— Следовательно, на самом деле вы любите эту рыбу?

— О нет. Я не испытываю к ней никаких особых чувств.

— Но вы только что сказали, что рыба вам нравится, а теперь заявляете, что не испытываете к ней никаких чувств. Я уличил вас в противоречии. Вот видите?

— Да, сэр, кажется, вы уличили меня в противоречии.

Толстым черным карандашом майор Сэндерсон с гордостью начертал в блокноте: «Противоречие». Закончив писать, он поднял голову и сказал:

— Как вы объясните, что вы сделали два взаимоисключающих заявления, выражающих ваши противоречивые эмоции по отношению к рыбе?

— Я думаю, это оттого, что у меня к рыбам двой-

ственное отношение.

Услышав слова «двойственное отношение», майор Сэндерсон радостно вскочил:

— Вы же все понимаете! — воскликнул он, ломая в экстазе пальцы. — О, вы даже не представляете себе, как я одинок: ведь изо дня в день мне приходится разговаривать с пациентами, которые не имеют ни малейшего понятия о психиатрии. Мне приходится лечить людей, совершенно равнодушных к моей работе. От этого у меня возникает ужасное ощущение собственной никчемности. — Тень озабоченности на секунду легла на его лицо. — И я не могу избавиться от этого ощущения.

— В самом деле? — спросил Йоссариан, не зная, что еще сказать. — Но зачем корить себя за пробелы в чужом образовании?

Я сам понимаю, что это глупо, — с тревогой в голосе ответил майор Сэндерсон. — Но меня всегда волновало, что обо мне подумают люди. Видите ли, в половом отношении я созрел несколько позже своих сверстников. И на этой почве у меня возник психический комплекс, я бы даже сказал, уйма комплексов. Я бы с удовольствием обсудил с вами мои комплексы. Мне так не терпится это сделать, и я с величайшей неохотой возвращаюсь

к вашему комплексу. Что поделаешь — обязан. Полковник Ферридж рассердится, если узнает, что мы потратили время на меня. Мне бы хотелось показать вам набор чернильных клякс и выяснить, что они вам напоминают формой и цветом.

— Не затрудняйтесь понапрасну, доктор. Мне все напоминает о сексе.

— Правда? — пришел в восторг майор Сэндерсон, словно не веря своим ушам. — Вот теперь мы действительно добрались до главного. А не снятся ли вам настоящие сексуальные сны?

— А как же! Конечно снятся. Вот этот мой сон с рыбой — это ведь сексуальный сон.

— Нет, я имею в виду настоящий секс, — горячо перебил его майор.

— Бывает. Вот, например, про рыбу…

Майор Сэндерсон отшатнулся, будто ему дали пощечину.

— Да, конечно, — согласился он ледяным тоном. Отношение его к Йоссариану разом переменилось, став настороженно-враждебным. — На сегодня достаточно. Весьма желательно, чтобы вам приснились ответы на некоторые поставленные мною вопросы. Поверьте, что наши занятия доставляют мне так же мало удовольствия, как

и вам.

— Я передам это все Данбэру, — ответил Йоссариан.

— Данбэру?

— Конечно, ведь это он все затеял. Сон-то ведь его.

— Ах, Данбэр! — усмехнулся майор Сандерсон. К нему вернулась его уверенность. — Держу пари, что этот зловредный Данбэр творит все безобразия, за которые попадает вам.

— Не такой уж он зловредный.

— И вы готовы положить за него голову на плаху?

— Ну, так уж далеко я не зайду.

Майор Сэндерсон ехидно улыбнулся и записал в блокноте: «Данбэр».

— А почему вы хромаете? — отрывисто спросил он, когда Йоссариан направился к дверям. — И за каким чертом у вас повязка на ноге? Вы — психический больной или нет?

— Я ранен в ногу. Поэтому я в госпитале.

— О нет, не поэтому вы в госпитале, — злорадно сказал майор Сэндерсон. — Вас уложили в госпиталь с камнем в слюнной железе. Хитрец из вас плохой. Вы даже не знаете, с чем вы попали в госпиталь.

— Я попал в госпиталь с раненой ногой, — стоял на своем Йоссариан.

Майор Сэндерсон пропустил это объяснение мимо ушей и саркастически рассмеялся.

— В таком случае передайте вашему другу Данбэру мои наилучшие пожелания и скажите, чтобы ему почаще снились сексуальные сны.

Но Данбэр страдал от приступов тошноты и головокружений, которые сопровождались постоянными головными болями, и не был расположен сотрудничать с майором Сэндерсоном. Даже Заморыш Джо, у которого кошмаров было хоть отбавляй, потому что он сделал положенные шестьдесят боевых вылетов и опять ждал отправки домой, не желал делиться своими кошмарами, когда приходил в госпиталь проведать друзей.

— Нет ли у кого-нибудь подходящих снов для майора Сандерсона? — спросил Йоссариан. — Мне было бы больно его огорчить. Он чувствует себя отщепенцем.

— После того как вас ранили, мне стал сниться один и тот же странный сон, — признался капеллан. — Прежде я обычно каждую ночь видел, как убивают мою жену или как душат моих детей. Теперь же мне снится, что я плаваю под водой и акула кусает меня за ногу как раз в том месте, где

у вас повязка.

— Чудесный сон! — воскликнул Данбэр. — Пальчики оближешь! Клянусь, что майору Сэндерсону он придется по душе.

— Да это же ужасный сон! — закричал майор Сэндерсон. — В нем и боль, и увечье, и смерть. Я уверен, что он вам приснился назло мне. Я, знаете ли, сильно сомневаюсь, имеет ли право человек с такими гнусными снами служить в армии.

Перед Йоссарианом мелькнул луч надежды.

— А может, вы и правы, сэр, — лукаво согласился он. — Наверное, меня надо списать на землю и вернуть в Штаты.

— Не приходило ли вам в голову, что ваша неразборчивость в женщинах — это просто попытка подавить подсознательный страх перед половым бессилием?

— Да, сэр, это верно.

— Тогда зачем же вы это делаете?

— Чтобы подавить страх перед половым бессилием.

— А почему бы вам не найти себе подходящее хобби?

— участливо спросил майор Сэндерсон. — Например, рыбную ловлю. Вы действительно находите сестру Даккит привлекательной?

По-моему, она довольно костлява. Костлявая и скользкая. Как рыба.

— Я почти незнаком с сестрой Даккит.

— Тогда зачем же вы ее хватаете за грудь? Только потому, что у нее есть грудь?

— Это все Данбэр.

— Э, вы опять за старое! Сколько можно?.. — воскликнул майор Сэндерсон с кислой, презрительной усмешкой и брезгливо отбросил карандаш. — Вы что, действительно думаете, что вам все будет сходить с рук, если вы будете прикрываться чужими фамилиями? Что-то вы мне не нравитесь, Фортиори, совсем не нравитесь…

Предчувствие опасности сырым холодным сквознячком прошмыгнуло по спине Йоссариана.

— Я вовсе не Фортиори, сэр. — робко проговорил он. — Я — Йоссариан.

— Кто?

— Моя фамилия Йоссариан, сэр, и я попал в госпиталь с раненой ногой.

— Ваша фамилия Фортиори, — воинственно отпарировал майор Сэндерсон. — Вы попали в госпиталь с камнем в слюнной железе.

— Бросьте, майор! — взорвался Йоссариан. — Уж я то знаю, кто я такой.

— А я берусь это доказать с помощью официальных военных документов, — возразил майор. — Советую вам: уймитесь, пока не поздно. Сначала вы были Данбэром, теперь вы — Йоссариан, а потом заявите, что вы Вашингтон Ирвинг. Знаете, чем вы страдаете? У вас раздвоение личности, вот в чем ваша трагедия.

— Может, вы и правы, — дипломатично согласился Йоссариан.

— Я в этом уверен. У вас мания преследования в тяжелой форме. Вы считаете, что люди стараются причинить вам зло.

— Люди действительно стараются причинить мне зло.

— Вот видите! Вы не признаете авторитетов и не уважаете традиций. Вы — опасный и развращенный субъект, которого нужно поставить к стенке и расстрелять.

— Это вы серьезно?

— Вы — враг народа.

— Вы что — псих? — закричал Йоссариан.

— ...Нет, я не псих! — яростно ревел Доббс в палате, воображая, что говорит приглушенным шепотом. — Я вам говорю, что Заморыш Джо сам их вчера видел, когда летал в Неаполь на черный рынок за кондиционерами для фирмы полков-

ника Кэткарта. А в Неаполе — центр подготовки пополнений. Так вот там по пути домой собрались сотни пилотов, бомбардиров и стрелков. Ведь они выполнили всего только по сорок пять боевых заданий — и все. А несколько человек, награжденных «Пурпурными сердцами»[15] — и того меньше. В другие бомбардировочные полки из Штатов потоком вливаются пополнения. Правительство хочет, чтобы каждый военнослужащий, даже из административного состава, побывал хоть разок за океаном. Вы что, газет не читаете? Теперь-то уж мы обязаны его убить.

— Тебе осталось отлетать всего два задания, — урезонивал его Йоссариан вполголоса. — Почему бы тебе не попробовать выполнить норму?

— Двух боевых вылетов тоже вполне достаточно, чтобы сложить голову, — ответил Доббс дрожащим от возбуждения голосом. — Мы должны кокнуть его завтра утром, когда он будет возвращаться с фермы. У меня с собой пистолет.

Йоссариан вытаращил глаза от удивления, когда Доббс выхватил из кармана пистолет и помахал им в воздухе.

— Ты сошел с ума! — исступленно прошипел Йоссариан. — Спрячь! И не голоси, как идиот!

— А чего ты беспокоишься? — обиделся Доббс. —

Нас никто не слышит.

— Эй, кончайте там! — прозвенел голос из дальнего угла палаты. — Не видите что ли, люди задремали.

— Это еще что за умник сыскался? — гаркнул в ответ Доббс, оборачиваясь на голос, стиснув кулаки, готовый к драке. Потом он круто повернулся к Йоссариану и, не успев выговорить ни слова, громоподобно чихнул шесть раз подряд, в интервалах раскачиваясь из стороны в сторону на гнущихся, будто резиновых, ногах. Веки его глаз покраснели. — Кого он из себя строит? — сердито вопрошал он, судорожно шмыгая и вытирая нос тыльной стороной здоровенной ладони. — Полицейского или еще кого?

— Он контрразведчик, — спокойно уведомил его Йоссариан. — Их здесь уже трое и еще пачка на подходе. Но ты не бойся. Они разыскивают мистификатора, подделывающего подпись Вашингтона Ирвинга. Убийцы их не интересуют.

— Убийцы? — Доббс оскорбился. — На каком таком основании ты называешь нас убийцами? Только потому, что мы собираемся убить полковника Кэткарта?

— Да тише ты, черт тебя побери, — сказал Йоссариан.

— Ты шепотом говорить умеешь?

— Я и так шепчу. Я…

— Ты орешь во все горло.

— Нет, я не…

— Эй, заткнись ты там, слышишь? — загомонила вся палата.

— Я вас перестреляю! — взвыл Доббс и вскочил на рахитичный деревянный стульчик, неистово размахивая пистолетом. Йоссариан схватил его за руку и стянул вниз. Доббс снова расчихался. — У меня аллергический насморк, — извинился он, кончив чихать. Из носа у него текло, глаза слезились.

— Эх, Доббс, Доббс. Не будь у тебя насморка, ты бы стал величайшим вожаком народных масс.

— Полковник Кэткарт — убийца, — хрипло жаловался Доббс, запихивая в карман мокрый скомканный носовой платок цвета хаки. — Полковник Кэткарт погубит нас всех, если мы сами ничего не предпримем.

— Может быть, он больше не увеличит норму вылетов? Может, дальше шестидесяти он не пойдет?

— Он всегда повышает норму, и ты это знаешь лучше, чем я. — Доббс проглотал слюну и наклонился вплотную к Йоссариану. Лицо его

напряглось, под бронзовой кожей на каменных челюстях заплясали желваки. — Скажи «валяй», и я завтра утром все сделаю. Ты понимаешь, что я тебе говорю? Я ведь говорил шепотом, правда?

Йоссариан отвел глаза, чтобы не видеть устремленного на него взгляда Доббса, полного жгучей мольбы.

— Почему, черт возьми, ты один не пойдешь? — запротестовал Йоссариан. — Перестал бы трепаться со мной об этом, а пошел бы сам да и сделал.

— Один я боюсь. Я вообще в одиночку боюсь действовать.

— Тогда не впутывай меня в это дело. Я был бы последним кретином, если бы сейчас влип в подобную историю. Моей ране цена миллион долларов. Меня хотят отпустить домой.

— Ты в своем уме? — воскликнул Доббс. — Кроме шрама, ты ничего не приобретешь. Едва ты высунешь нос из госпиталя, Кэткарт тут же пошлет тебя на боевое задание. Разве что нацепит перед этим «Пурпурное сердце».

— Вот тогда я действительно убью его, — поклялся Йоссариан. — Я отыщу тебя, и мы сделаем это вместе.

— Давай провернем все завтра, покуда у нас

еще есть возможность, — взмолился Доббс. — Капеллан говорит, что. Кэткарт опять добровольно вызвался бросить наш полк на Авиньон. Меня могут убить до того, как ты выйдешь из госпиталя. Посмотри, как у меня дрожат руки. Я не могу управлять самолетом. Не гожусь.

Йоссариан не рискнул сказать «да».

— Я, пожалуй, обожду. Посмотрим, что будет. А там что-нибудь сделаем…

— Ты вообще ничего не будешь делать, вот в чем беда! — громким взбешенным голосом сказал Доббс.

— …Я делаю все, что в моих силах, — кротко объяснил капеллан Йоссариану после ухода Доббса из госпиталя. — Я даже ходил в санчасть, чтобы переговорить с доктором Дейнйкой: не может ли он вам чем-нибудь помочь.

— Да, я вижу, что вы ходили в санчасть, — Йоссариан подавил улыбку. — И что же из этого вышло?

— Они намазали мне марганцовкой десны, — застенчиво ответил капеллан.

— И пальцы на ногах тоже, — добавил Нейтли с возмущением, — да еще дали слабительного.

— Но сегодня утром я снова отправился, чтобы повидать доктора Дейнику.

— А они снова намазали ему десны марганцовкой, — сказал Нейтлн.

— Но я все-таки поговорил с ним, — жалобно запротестовал капеллан. — Доктор Дейника показался мне таким несчастным. Он подозревает, будто кто-то строит козни, чтобы его перевели служить на Тихий океан. Все это время он, оказывается, собирался обратиться ко мне за помощью. Когда я сказал ему, что сам нуждаюсь в его помощи, он поинтересовался, неужели нет другого капеллана, к которому я мог бы обратиться. — Опечаленный капеллан терпеливо подождал, пока Йоссариан и Данбэр отсмеются.

— Я всегда считал, что быть несчастным — безнравственно, — причитал он. — Теперь я даже не знаю, что и думать. Я бы посвятил теме безнравственности мою проповедь, назначенную на это воскресенье, но я не уверен, пристойно ли проповеднику появляться перед прихожанами с деснами, вымазанными марганцовкой. Подполковник Корн был бы очень этим недоволен.

— Капеллан, а почему бы вам не лечь в госпиталь? Побыли бы с нами несколько деньков и отдохнули бы душой, — пригласил Йоссариан. — Здесь вам будет удобно и хорошо.

На какое-то мгновение это нахальное, проти-

возаконное предложение показалось капеллану соблазнительным.

— Нет, думается, не стоит, — нехотя решил он. — Я собираюсь предпринять путешествие на материк, чтобы повидаться со штабным писарем по фамилии Уинтергрин. Доктор Дейника говорит, что он может помочь.

— Да, Уинтергрин, пожалуй, самая влиятельная личность на всем театре военных действий. Он не просто штабной писарь. У него есть доступ к гектографу. Но он никому не помогает. Вот потому-то он далеко пойдет.

— Тем не менее мне хотелось бы с ним поговорить. Должен же сыскаться на свете человек, который сможет вам помочь.

— Сделайте это не для меня, а для Данбэра, капеллан, — поправил его Йоссариан барским тоном. — У меня рана на ноге, цена ей миллион долларов. С такой раной меня не вернут в строй. Но если и рана не поможет, тогда вся надежда на психиатра, который считает, что я не пригоден для службы в армии.

— Это я не вполне пригоден к службе в армии, — ревниво проскулил Данбэр. — Это был мой сон.

— Не в сне дело, Данбэр, — объяснил Йоссариан. — Твой сон ему нравится. Дело в моей

личности. Он думает, что она у меня раздвоенная.

— …Ваша личность раскололась на две равные половинки, — сказал майор Сэндерсон. Ради такого случая он завязал шнурки на своих неуклюжих солдатских ботинках и прилизал черные, как смоль, волосы с помощью какой-то удушающе-благоухающей дряни. Стараясь показаться здравомыслящим и приятным, он наигранно улыбнулся. — Я это говорю не потому, что хочу быть жестоким и оскорбить вас, — продолжал он жестоким, оскорбительным тоном. — Я это говорю не потому, что питаю к вам злое, мстительное чувство из-за того, что вы оттолкнули меня и наплевали мне в душу. Я медик и всегда смотрю на вещи трезво и объективно. Так вот, у меня для вас очень скверные новости. У вас хватит мужества выслушать их?

— Не надо, бога ради, пощадите! — завизжал Йоссариан. — Меня хватит удар. Майор Сэндерсон разъярился.

— Вы хоть изредка можете вести себя по-человечески? — взмолился он. От злости лица его стало красным, как свекла, а кулаки обрушились на крышку стола. — Ваша беда в том, что вы ставите себя выше всяких условностей. Вы, вероятно,

ставите себя даже выше меня только потому, что половая зрелость у меня наступила слишком поздно. Так вот, знаете, кто вы на самом деле? Вы — неудачливый, несчастный, разочарованный, недисциплинированный, не приспособленный к жизни молодой человек. — Протараторив эту серию нелестных эпитетов, майор Сэндерсон как будто бы немного оттаял.

— Так точно, сэр, — охотно согласился Йоссариан, — По-моему, вы правы.

— Конечно, я прав. Вы еще незрелы. Вы не в состоянии свыкнуться с самой идеей войны.

— Так точно, сэр.

— У вас патологическое отвращение к смерти. Вас, вероятно, раздражает сам факт, что вы на войне и можете в любую минуту сложить голову.

— «Раздражает» — это не то слово, сэр… Я просто вне себя от бешенства.

— Вас постоянно мучит забота о собственной безопасности. Вы не выносите хвастунов, фанатиков, снобов и лицемеров. У вас подсознательная ненависть ко многим людям.

— Почему подсознательная? Вполне сознательная, сэр! — поправил Йоссариан, горя желанием помочь психиатру.

— Я ненавижу их совершенно сознательно.

— Вы настроены антагонистически к грабежам, эксплуатации, неравенству, унижениям и обману. Вас морально угнетает нищета, вас угнетает невежество. Вас угнетают преследования. Вас угнетает насилие. Вас угнетают трущобы. Вас угнетает жадность. Вас угнетает преступность. Вас угнетает коррупция. Знаете, я совсем не удивлюсь, если у вас окажется маниакально-депрессивный психоз.

— Так точно, сэр. Может быть, у меня как раз этот самый психоз.

— И не пытайтесь это отрицать.

— А я и не отрицаю, сэр, — сказал Йоссариан, весьма довольный чудесным контактом, установившимся наконец между ними. — Я согласен со всем, что вы сказали.

— Следовательно, вы должны согласиться, что вы сумасшедший.

— Сумасшедший? — Йоссариан был поражен. — О чем вы говорите? Почему это я сумасшедший? Это вы сумасшедший!

Майор Сэндерсон снова покраснел от негодования и хлопнул себя кулаками по бедрам.

— Назвав меня сумасшедшим, — заорал он, брызжа слюной, — вы тем самым изобличили

в себе типичного, мстительного параноика с садистскими наклонностями! Вы действительно сумасшедший!

— Тогда почему же вы не отправите меня домой?

— А я и намерен отправить вас домой.

— Меня собираются отправить домой! — ликуя, объявил Йоссариан, когда приковылял обратно в палату.

— Меня тоже! — радостно откликнулся А. Фортиори. — Только сейчас приходили в палату и объявили.

— А как насчет меня? — обиженно осведомился у врачей Данбэр.

— Насчет вас? — строго ответили ему. — Вы отправляетесь вместе с Йоссарианом. Обратно в строй.

И они отправились обратно в строй.

Йоссариан был вне себя от ярости, когда санитарная машина доставила его в эскадрилью, и он сразу же заковылял искать справедливости у доктора Дейники. Доктор хмуро уставился на него унылым, презрительным взглядом.

— Эх вы! — скорбно воскликнул доктор Дейника брюзгливым тоном. — Все вы только и думаете, что о себе. Если хочешь узнать, что произошло,

пока ты валялся в госпитале, пойди-ка к карте и посмотри на линию фронта.

— Мы отступаем? — спросил огорошенный Йоссариан.

— Отступаем? — закричал доктор Дейника. — С тех пор как мы взяли Париж, военная обстановка стала ни к черту. Я знал, что так случится. — Он помолчал, его мрачная злость перешла в уныние. Он насупился, точно во всем виноват был Йоссариан. — Американские войска вступили на территорию Германии. Русские — в Румынии. Только вчера греки в составе Восьмой армии захватили Римини. Немцы повсюду отступают. — Доктор Дейника снова помолчал немного, набрал воздуху в легкие и издал горестный вопль. — От «Люфтваффе» больше ничего не осталось! — Казалось, вот-вот он разревется. — Вся «Готическая линия» — на грани катастрофы.

— Ну и что? — спросил Йоссариан. — Что же тут плохого?

— Что плохого? — закричал доктор Дейника. — Если в ближайшем будущем не произойдет какого-то чуда, Германия капитулирует. И тогда всех нас отправят на Тихий океан.

Йоссариан вытаращил глаза от ужаса:

— Ты с ума сошел? Ты отдаешь себе отчет в том,

что говоришь?

— Да, тебе-то легко смеяться! — усмехнулся доктор Дейника.

— Какой тут, к черту, смех!

— У тебя по крайней мере есть шансы: ты летаешь — тебя могут убить. А каково мне? У меня нет никаких надежд.

— Ты окончательно выжил из ума! — заорал на него Йоссариан и схватил доктора за грудки. — Ты понимаешь это? Заткни свою глупую пасть и слушай меня!

Доктор Дейника вырвался из лап Йоссариана.

— Да как ты смеешь говорить со мной таким тоном? Я дипломированный врач!

— Тогда заткни свою дурацкую дипломированную пасть и послушай, что мне сказали в госпитале. Я — сумасшедший. Тебе это известно?

— Ну и что?

— Я действительно сумасшедший.

— Ну и что?

— Я псих. Я того… с приветом. Понимаешь? У меня шариков не хватает. Они по ошибке отправили домой вместо меня кого-то другого. В госпитале меня исследовал дипломированный психиатр, и вот его приговор: я действительно не в своем уме.

— Ну и что?

— Как «ну и что»? — Йоссариана озадачила неспособность доктора Дейники понять суть дела. — Ты соображаешь, что это значит? Теперь ты можешь освободить меня от строевой службы и отправить домой. Не будут же они посылать сумасшедших на верную смерь?

— А кто же тогда пойдет на верную смерть?

28. Доббс

Пошел Макуотт. А Макуотт вовсе не был сумасшедшим. Так же поступил и Йоссариан, хоть он еще и прихрамывал. Он сделал еще два боевых вылета, но туг до него дошли грозные слухи о предстоящем налете на Болонью. И вот в один погожий день Йоссариан с решительным видом приковылял к Доббсу в его палатку и, приложив палец к губам, прошептал:

— Тссс!

— Чего ты на него шикаешь? — спросил Малыш Сэмпсон. Он сдирал зубами кожуру с мандарина и увлеченно листал потрепанный комикс. — Человек рта не раскрывал.

— Сгинь, мразь! — сказал Йоссариан, тыча пальцем через плечо по направлению к выходу.

Малыш Сэмпсон проницательно изогнул бе-

лесые брови и с готовностью поднялся со своего места. Он четырежды присвистнул в свои понурые пшеничные усы и, вскочив на помятый, месяц назад купленный с рук мотоцикл, ринулся в горы. Йоссариан обождал, покуда наконец последнее тявканье мотора не замерло вдали. Палатка выглядела не совсем обычно. Вещи были прибраны чересчур аккуратно. Покуривая толстенную сигару, Доббс с любопытством посматривал на Йоссариана. Теперь, когда Йоссариан решился наконец быть храбрым, Доббс вдруг смертельно перепугался.

— Ладно, — сказал Йоссариан, — давай убьем полковника Кэткарта. Сделаем это вместе.

Доббс вскочил с койки, дико вытаращив глаза.

— Тссс! — зашипел он громко, как паровоз. — Убить полковника Кэткарта? Да о чем ты говоришь?

— Тише ты, черт тебя побери! — рявкнул на него Йоссариан. — А то весь остров слышит. Пистолет у тебя цел?

— Ты в своем уме? — заорал Доббс. — С какой стати я должен убивать полковника Кэткарта?

— С какой стати? — Йоссариан остановил на Доббсе хмурый, подозрительный взгляд. — С какой стати? А разве это не твоя затея, а? Разве ты

не предлагал мне то же самое в госпитале?

Губы Доббса расплылись в улыбке.

— В ту пору я, видишь ли, сделал только пятьдесят восемь вылетов, — пояснил он, шикарно попыхивая сигарой. — А сейчас я собрал свои монатки и жду, когда меня отпустят домой. Сейчас у меня шестьдесят.

— Ну и что? — спросил Йоссариан. — Он вот-вот вновь повысит норму.

— Может, на сей раз не повысит.

— Всегда повышал, повысит и теперь. Какого черта. Доббс, что с тобой? Спроси Заморыша Джо, сколько раз он собирал свои вещички.

— Поживем — увидим, — упрямо гнул свое Доббс. — Что я, не в своем уме, чтобы сейчас, когда я больше не летаю, ввязываться в такие дела? — Он стряхнул пепел с сигары. — Послушайся моего совета: выполни, как и все мы свою норму, а там увидишь.

Йоссариана так и подмывало плюнуть Доббсу в морду.

— Прежде чем я выполню норму, меня могут убить, — увещевал он Доббса унылым голосом. — Ходят слухи, что он снова добровольно вызвался послать нас на Болонью.

— Это только слухи, — заявил Доббс, раздуваясь

от спеси. — Советую тебе не верить слухам.

— Может, ты перестанешь пичкать меня советами?

— Почему бы тебе не поговорить с Орром? — посоветовал Доббс. — На прошлой неделе во время второго налета на Авиньон его опять сбили, и он плюхнулся в море. Может, он настолько отчаялся, что согласится прихлопнуть Кэткарта?

— Орр слишком туп, чтобы отчаиваться.

Совсем недавно, когда Йоссариан еще лежал в госпитале, Орра снова подбили, но он посадил свой изувеченный самолет на прозрачно-голубую гладь близ Марселя так мягко, с таким безупречным искусством, что ни один из шести членов его экипажа не получил царапины. Волны вскипали вокруг самолета зелеными и белыми гребешками, передние и задние спасательные люки были распахнуты настежь, и члены экипажа, облаченные в оранжевые спасательные жилеты, поспешно выбрались наружу. Жилеты не надулись и болтались на летчиках, дряблые и никчемные. А не надувались жилеты потому, что Милоу вытащил из надувных камер двойные баллончики с углекислотой, которая понадобилась ему для приготовления газированной воды с клубничным и яблочным сиропом. Газирован-

ную воду он подавал в офицерской столовой, а к спасательным жилетам вместо баллончиков приложил отпечатанные на гектографе записочки: «Что хорошо для фирмы „М. и М.“, то хорошо для родины!» Орр выбрался из тонувшего самолета последним.

— Видели бы вы его! — рассказывал сержант Найт Йоссариану, покатываясь со смеху. — Дьявольски забавная история — ничего подобного вам сроду не приходилось видеть. Ни один из спасательных жилетов не сработал: Милоу украл углекислоту для той самой газировки, которую вы, мерзавцы, лакали в своей столовой. Но, как выяснилось, это не так уж страшно. Мы все, кроме одного парня, который не умел плавать, вынырнули из машины и взобрались на фюзеляж, а Орр тем временем за веревку подтянул аварийный плот к самолету, и мы втащили того малого на плот. Ей-богу, этот чокнутый коротышка Орр в таких делах мастак. К тому же второй плот оторвало и унесло, так что пришлось всем шестерым влезть на один плот. Сидели так тесно, будто спрессованные, и стоило одному пошевелиться, как кто-нибудь из ребят, сидевших с краю, плюхался в воду. Секунды через три после того как мы покинули самолет, он затонул, и мы остались в

море одни-одинешеньки. Ну, сразу же начали отвинчивать колпачки на спасательных жилетах: нам хотелось выяснить, что там в них сломалось. И вот тут-то мы наткнулись на эти проклятые записки Милоу, в которых он сообщал, что все, что хорошо для него, хорошо для всех нас. Вот мерзавец! Уж как мы его кляли, все как один, кроме вашего дружка Орра. Он только посмеивался, будто и в самом деле все, что хорошо для Милоу, оказалось хорошо и для нас.

Черт побери! Видели бы вы его, как он сидел на бортике плота, словно капитан корабля, а мы глядели ему в рот и ждали распоряжений, что делать дальше. То и дело он хлопал себя по ляжкам, будто его тряс озноб, и твердил: — «Теперь все в порядочке, все в порядочке». И все хихикал, как помешанный. Потом снова говорил: «Ну теперь все в порядочке» — и снова хихикал. Мы глядели на него, как на дурачка. Если б мы на него не глазели, нам сразу же пришел бы конец, потому что волна то обрушивалась на плот, захлестывая нас с головой, то вышвыривала сразу нескольких в море. Мы карабкались обратно на плот, а новая волна снова смывала нас в море. Можете не сомневаться — смеху хватало. Мы только и знали, что шлепались в море и карабкались обратно

на плот. Парня, который не умел плавать, мы положили на середину плота, но и там он чуть не потонул, потому что воды на плоту набралось столько, чтопарень едва не захлебнулся. Бедный мальчик!

Затем Орр начал открывать на плоту разные тайнички с припасами, и вот тут то и пошло настоящее веселье. Сначала он отыскал коробку с шоколадом и раздал каждому по плитке. И вот мы, значит, сидим и жрем мокрый, соленый шоколад, а волны по-прежнему то м дело смывают нас в море. Потом он нашел несколько кубиков концентрисованного бульона, алюминиевые чашки и сделал нам немного супу. Потом откуда-то извлек щепотку чаю. И вы не поверите — приготовил нам чай! Посмотрели бы вы, как мы сидели с головы до ног мокрые, а он угощал нас чаем. Мы все помирали со смеху и со смеху падали в воду. А он был ужасно серьезный, если не считать его дурацкого хихиканья и идиотской ухмылки. Ну тип! Что ни найдет, тут же приспособит к делу. Нашел жидкость для отпугивания акул и побрызгал ею вокруг плота. Нашел опознавательную краску — тоже в воду. Потом он обнаружил удочку и сухую приманку и весь засиял, как будто увидел катер спасательной службы.

А катеру, к слову сказать, и впрямь надо было появиться, покуда нас не хватил солнечный удар, да и немцы вполне могли выслать судно и захватить нас в плен, а то и расстрелять из автоматов. Мы и глазом моргнуть не успели, а Орр закинул удочку в воду, распевая при этом, как беззаботный жаворонок. «Лейтенант, что вы собираетесь поймать?» — спросил я его. «Треску», — отвечает. И он говорил это серьезно. Хорошо, что он ничего не поймал, а то он сам бы начал есть сырую треску и нас бы заставил: он, видите ли, нашел там книжонку, в которой говорится, что сырая треска годится в пищу. Затем он где-то откопал крохотное голубое весло размером с солдатскую ложку, ну и, разумеется, начал им грести, пытаясь этой палочкой сдвинуть с места все девятьсот фунтов. Представляете? Наконец, он нашел компас и большую непромокаемую карту, расстелил ее на коленях, а сверху положил компас. Вот так он и проводил время: сидел с удочкой, с компасом и картой на коленях и греб изо всех сил этим пижонским голубым веслецом, будто спешил на Майорку. А полчаса спустя нас подобрал катер.

Сержант Найт, как и Орр, все знал про Майорку, потому что Йоссариан часто рассказывал им о таких прибежищах, как Испания, Швей-

цария, Швеция: стоит только американскому летчику туда перелететь, как его интернируют и приятная, роскошная жизнь до конца войны обеспечена. В своей эскадрилье Йоссариан считался высшим авторитетом по вопросам интернирования. Он даже начал подговаривать свой экипаж имитировать вынужденную посадку в Швейцарии. Разумеется, он предпочел бы Швецию, где уровень сознания выше и где он мог бы развлекаться с красивыми девочками и наплодить там целое племя озорных, счастливых, внебрачных Йоссарианчиков. Государство заботилось бы о них с самых пеленок и выпустило бы их в жизнь без позорного клейма внебрачного дитяти. Но Швеция была вне пределов досягаемости. Йоссариан только и ждал случая, когда где-нибудь над итальянскими Альпами осколок снаряда выведет из строя мотор, и тогда будет предлог направиться в Швейцарию. Даже своему пилоту он не сказал бы, что ведет самолет через границу. Йоссариан часто думал о том, что надо бы войти в сговор с каким-нибудь надежным пилотом, инсценировать поломку самолета и, чтобы уничтожить все улики, посадить самолет на брюхо. Но единственный человек, на которого можно было положиться, — Макуотт был и без

того счастлив. Макуотт по-прежнему захлебывался от удовольствия, когда с ревом проносился над палаткой Йоссариана или над головами купающихся, причем так низко, что свирепая струя ветра от пропеллера оставляла темные борозды на воде, а пелена водяной пыли опадала только через несколько секунд после того, как самолет пролетал.

О Доббсе и Заморыше Джо не могло быть и речи. Об Орре — тоже. Когда Доббс дал Йоссариану от ворот поворот и тот в подавленном состоянии приплелся в палатку, Орр паял клапан печной форсунки. Печь, которую Орр смастерил из железной бочки, стояла посередине палатки на гладком цементном полу; пол этот тоже был делом рук Орра. Стоя на коленях, Орр прилежно работал. Стараясь не обращать на него внимания, Йоссариан устало прохромал к своей койке и опустился, замычав от изнеможения. Струйки пота холодили ему лоб. Разговор с Доббсом подействовал на него угнетающе. Угнетал его и доктор Дейника, угнетали и зловещие, роковые предчувствия. Сейчас Йоссариан дрожал всем телом. Каждая жилка тикала, как часовой механизм, каждый мускул дергался, вена на запястье начала пульсировать.

Орр через плечо пристально посмотрел на Йоссариана. Влажные губы Орра расплылись в улыбке, обнажив полукружье торчащих зубов. Потянувшись в сторону, он вытащил из своего ящика бутылку теплого пива и, откупорив, вручил Йоссариану. Оба не проронили ни слова. Йоссариан схлебнул пену и запрокинул голову. Хитро прищурясь, Орр молча, с ухмылкой следил за Йоссарианом. Тот настороженно смотрел на Орра. У Орра вырвался короткий, свистящий смешок. Присев на корточки, он занялся своим делом. Йоссариан весь напрягся.

— Брось, — попросил он с угрозой в голосе, стискивая обеими руками бутылку. — Брось ты возиться с этой печкой.

Орр гоготнул:

— Я почти кончил.

— Какое там кончил! Ты еще не начал.

— Видишь этот клапан? Он уже почти собран.

— А ты собираешься его разобрать. Знаю я тебя, мерзавец. Я уже триста раз видел, как ты это делаешь.

Орр затрепетал от счастья.

— Какого черта ты вообще торопишься с этой печью? На дворе жара. Мы еще наверное, покупаемся. Чего тебя так беспокоят холода?

— Дни становятся короче, — философски заметил Орр, — и, пока не поздно, я хотел бы с этим разделаться ради твоего же блага. Когда я кончу, у тебя будет лучшая печь в эскадрилье. Я приделал регулятор топлива, и поэтому печь может гореть всю ночь, а от металлических радиаторов тепло пойдет по всей палатке. Если ты перед сном поставишь на эту штуку шлем с водой, к утру у тебя будет теплая вода для умывания. Правда, здорово? Если ты захочешь сварить яйца или разогреть суп, поставь кастрюлю вот сюда и открой огонь.

— Что ты затвердил «ты» да «ты»? А ты сам-то где будешь?

Тощенькое тело Орра вздрогнуло от едва сдерживаемого удовольствия.

— Не знаю, — воскликнул он, и из его рта, словно из сопла реактивного двигателя, вырвалась волна странного хихиканья. Продолжая говорить, он давился слюной от смеха. — Если меня будут и дальше так сбивать, то одному богу известно, где я окажусь.

Йоссариан был растроган.

— А почему бы тебе не попытаться покончить с полетами? У тебя есть уважительная причина.

— У меня всего восемнадцать вылетов.

— Но тебя сбивают чуть не каждый раз, стоит

тебе только подняться. Ты или шлепаешься в море, иди делаешь вынужденную посадку.

— Задания — что, это меня не тревожит. Это, по-моему, одно удовольствие. Когда не будешь ведущим, тебе бы надо полетать малость со мной. Просто для смеха. Хи-хи-хи… — Уголком глаза Орр с живейшим любопытством следил за Йоссарианом.

Йоссариан отвел взгляд в сторону.

— Меня опять назначили ведущим.

— А ты попробуй увильни. Будь у тебя мозги, тебе знаешь что надо было бы сделать? Пойти к Пилтчарду и Рену и сказать, что ты хочешь летать со мной.

— Чтобы каждый раз меня сбивали? Вот радость-то!

— Ты должен летать со мной, — настаивал Орр. — По части ныряния в море и аварийных посадок я, можно сказать, — лучший пилот в полку. Для тебя это будет хорошей практикой.

— Хорошей практикой для чего?

— Хорошей практикой на тот случай, если тебе когда-нибудь придется зарыться носом в море или делать аварийную посадку. Хи-хи-хи…

— Не найдется ли у тебя еще бутылки пива? — угрюмо спросил Йоссариан.

— Ты хочешь двинуть меня по башке?

На сей раз захохотал Йоссариан.

— Как та шлюха в Риме?

Теперь и Орр заржал. Его толстые щеки, будто он держал по дичку за каждой, раздулись от удовольствия.

— А ты и вправду хочешь знать, почему она лупила меня туфлей по башке? — подзадоривал он Йоссариана.

— А я и без тебя знаю, — подзадоривал его в ответ Йоссариан. — Мне рассказала нейтлева любовница.

Орр сразу же ощерился.

— Ничего она тебе не рассказывала.

Йоссариан почувствовал жалость к Орру. Он был таким маленьким и уродливым. Кто прикроет его от всех напастей, если он, конечно, останется жив? Кто защитит этого мягкосердечного, простодушного гнома от шайки головорезов и тренированных атлетов, таких как Эпплби, у которого в глазах летают мухи? Такие типы не упустят возможности с чванливой и самоуверенной миной на лице растоптать его — и даже не оглянутся. Йоссариан часто беспокоился за Орра. Кто защитит его от вражды и обмана, от гордецов, от озлобленного снобизма жен боль-

шого начальства, от грязных, безнравственных, низких охотников за барышом, таких как мясник из соседней лавочки, сбывающий гнилое мясо? Для них Орр был всего лишь детской игрушкой. Они отберут у него деньги, переспят с его женой и не пощадят даже его детей. Йоссариана захлестывала волна сострадания к Орру.

Орр был счастливым доверчивым простачком с густой копной разделенных пробором волнистых пегих волос. Эксцентричный лилипут, чудаковатый славный карлик с бесхитростным умом, он был мастером на все руки и как раз по этой причине был обречен всю жизнь принадлежать к категории лиц с низкими доходами. Он искусно владел паяльником и мог сколотить две доски вместе так, что дерево не раскалывалось, а гвозди не гнулись. Он умел высверливать дыры. Покуда Йоссариан находился в госпитале, Орр много чего намастерил в палатке. Он выдолбил в цементном полу превосходную канавку и заподлицо уложил в нее тоненькую трубочку, по которой газолин поступал в печь из бака, установленного на улице, на сколоченном Орром помосте. Из деталей авиабомб он изготовил подставку для дров в камине и уложил на нее охапку толстых березовых поленьев, а из деревянных планок склеил

цветные рамочки для фотографий грудастых девиц, которые он вырезал из порнографических журналов, и повесил над камином. Орр умел открывать банки с краской. Он умел смешивать краски, разбавлять краску, соскабливать краску. Он умел колоть дрова и пользоваться рулеткой. Он знал, как разводить огонь. Он умел копать ямы и был большим докой по части таскания воды в консервных банках и фляжках из цистерны близ столовой. Он был способен уйти с головой в, казалось бы, никчемное дело, при этом он не ведал ни скуки, ни усталости, всегда неутомимый и молчаливый. Он обладал фантастическим знанием природы и не боялся ни собак, ни кошек, ни жуков, ни мошкары и с удовольствием ел рубец и прочие потроха.

Йоссариан тяжело вздохнул и стал размышлять о слухах относительно налета на Болонью. Клапан, который разбирал Орр, был размером с большой палец и состоял из тридцати семи деталей, не считая кожуха. Многие детали были настолько крохотными, что Орру приходилось брать их кончиками ногтей. Он раскладывал их на полу в строгом порядке, как по каталогу, не убыстряя и не замедляя движений, работая методично и монотонно, без перерывов, оста-

навливаясь разве только на мгновение, чтобы бросить на Йоссариана лукавый взгляд одержимого. Йоссариан наблюдал за Орром, и ему казалось, что вот сейчас он сойдет с ума. Он отворачивался, зажмуривал глаза, но так выходило еще хуже: он слышал слабенькое, сводящее с ума, беспрерывное, отчетливое звяканье легоньких винтиков и пластинок. А кроме того, Орр ритмично, хрипло и противно дышал носом. Йоссариан сжимал кулаки и смотрел на длинный, с костяной рукояткой охотничий нож покойника, болтавшийся в ножнах над койкой. Как только он доходил до мысли зарезать Орра, его напряжение спадало. Мысль об убийстве Орра была настолько смехотворной, что он начинал обдумывать ее серьезно, находя в этом странное очарование. Он присматривался к ложбинке на шее Орра, прикидывая, где там у него находится продолговатый костный мозг. Даже легчайший удар в это место был бы смертельным и разрешил бы для них обоих множество серьезных, мучительных проблем.

— А это больно? — вдруг спросил Орр, будто повинуясь инстинкту самосохранения.

Йоссариан остановил на нем пристальный взгляд:

— Что больно?

— Я про твою ногу, — сказал Орр со странным, загадочным смешком. — Ты еще малость хромаешь.

— Эти я, наверное, по привычке, — сказал Йоссариан, с облегчением переводя дух. — Скоро пройдет.

— Почему ты со мной никогда не летаешь? — внезапно спросил Орр и впервые посмотрел Йоссариану прямо в глаза. — Вот вопрос, на который я хочу услышать ответ. Почему ты никогда со мной не летаешь?

Йоссариан отвернулся, испытывая стыд и замешательство:

— Я тебе говорил почему. Меня почти все время заставляют летать ведущим.

— Не поэтому, — покачивая головой, сказал Орр. — После первого налета на Авиньон ты пошел к Пилтчарду и Рену и сказал им, что больше никогда не будешь летать со мной. Так ведь было?

Йоссариану стало жарко.

— Я им этого не говорил, — соврал он.

— Говорил, говорил, — спокойно настаивал Орр. — Ты просил их не назначать тебя на машины, которые пилотирую я, Доббс или Хьюпл, потому что ты нам не доверяешь. А Пилтчард и

Рен сказали, что они не могут сделать для тебя исключение, потому что это будет несправедливо по отношению к тем, кому придется с нами летать.

— Ну и что? — спросил Йоссариан. — Выходит, от этого все равно ничего не изменилось.

— Да, только с тех пор они тебя уже не заставляют летать со мной, — стоя на коленях, говорил Орр без горечи и упрека. Но оттого, что в глубине души он был уязвлен, смотреть на него стало совсем невозможно, хотя он по-прежнему продолжал скалить зубы, как будто речь шла о чем-то очень смешном. — А ведь тебе стоило бы полетать со мной. Я ведь пилот что надо, со мной не пропадешь. Может, меня и часто сбивают, но это уж не по моей вине, да к тому же никто из экипажа ни разу не пострадал. Да, да, уважаемый сэр, будь у тебя голова на плечах, тебе бы знаешь что надо сделать? Пойти прямехонько к Пилтчарду и Рену и сказать, что отныне на все боевые задания ты летаешь со мной.

Йоссариан подался вперед и впился взглядом в лицо Орра, на котором непостижимым образом, словно на карнавальной маске, соседствовали противоречивые чувства.

— Ты хочешь мне что-то сказать?

— Хи-хи-хи… — ответил Орр. — Я хочу тебе сказать, почему та здоровая девка лупила меня по голове туфлей. Но ты ведь не дашь мне сказать?

— Ну говори.

— А ты со мной будешь летать?

Йоссариан рассмеялся и покачал головой:

— Тебя же опять собьют над морем.

И действительно, во время налета на Болонью Орра подбили над морем, и он с одним мотором шлепнулся на беспокойные, гонимые ветром, плясавшие волны, над которыми воинственными ратями собирались черные грозовые тучи. Он замешкался в самолете и в итоге оказался один на аварийном плоту, который понесло в сторону от плота с другими членами экипажа. Скоро катер спасательной службы, с трудом продвигаясь сквозь ветер и пелену дождя, прибыл, чтобы забрать их на борт, но Орр уже скрылся из виду. Когда экипаж Орра вернулся в эскадрилью, наступила ночь. О самом Орре не было ни слуху ни духу.

— Не беспокойтесь, — уверял Малыш Сэмпсон, кутаясь в толстое одеяло и дождевик, которые ему выдали спасатели. — Его уже, наверное, подобрали, если он, конечно, не потонул во время шторма. Но шторм продолжался недолго. Держу

пари, что он объявится с минуты на минуту.

Йоссариан вернулся к себе в палатку, ожидая, что Орр объявится с минуты на минуту. Он развел огонь, чтобы к приходу Орра стало тепло. Печка работала безупречно: сильное, буйное пламя бушевало вовсю, его можно было отрегулировать поворотом крана — Орр все-таки успел ее починить. Сеял мелкий дождичек, мягко барабаня по палатке, деревьям и земле. Йоссариан разогрел банку с супом для Орра, но время шло, и он съел суп сам. Он сварил для Орра яйца вкрутую и тоже съел их сам. А потом умял целую банку сыра из пайка Орра.

Как только Йоссарианом овладевало беспокойство, он твердил себе, что Орр нигде не пропадет, и смеялся про себя, вспоминая рассказ сержанта Найта. Он представлял себе, как Орр сидит на плоту, деловито и сосредоточенно разглядывая у себя на коленях карту и компас, и отправляет в хихикающий, ухмыляющийся рот одну за другой размякшие плитки шоколада; не обращая внимания на дождь, гром и молнии, он прилежно гребет ярко-голубым игрушечным веслецом, а позади волочится удочка с сушеной приманкой. В живучести Орра Йоссариан абсолютно не сомневался. Если вообще этой дурацкой удочкой

можно поймать рыбу, то уж Орр ее поймает, а если он захочет выловить именно треску, то он треску и выловит, даже если а этих водах никто прежде не встречал трески. Йоссариан поставил на огонь еще одну банку супа и тоже съел его, покуда горячий. Стоило хлопнуть дверце машины — Йоссариан радостно улыбался и выжидательно оборачивался к двери, прислушиваясь к звуку шагов. Он знал, что в любой момент в палатку может войти Орр, большеглазый, с мокрыми от дождя ресницами, щекастый, зубастый, забавный в своем клеенчатом капюшоне и широковатом для него макинтоше, похожий на ловца устриц из Новой Англии, — войдет, гордо потрясая, к удовольствию Йоссариана, огромной дохлой треской. Но Орр не появился.

29. Пеккем

Прошел день, а Орр не давал о себе вестей, и сержант Уитком с похвальной быстротой и с надеждой в сердце бросил в папку трудных дел записочку с напоминанием самому себе послать через девять дней близким родственникам Орра официальное письмо за подписью полковника Кэткарта. Зато подал о себе весточку штаб генерала Пеккема. Йоссариан увидел толпу офицеров

и рядовых в шортах и трусиках, сгрудившихся у доски объявлений, рядом со штабом эскадрильи. Толпа удивленно гудела, и Йоссариан не смог пройти мимо.

— Что такого особенного в этом воскресенье, скажи на милость? — шумел Заморыш Джо, наседая на Вождя Белый Овес. — Почему именно в это воскресенье у нас не будет парада, если у нас по воскресеньям вообще не бывает парадов? А?

Йоссариан, работая локтями, пробился сквозь толпу и завыл смертным воем, прочитав следующее лаконичное извещение:

«По причинам, от меня не зависящим, в это воскресенье большой дневной парад не состоится.

Полковник Шейскопф»

Доббс оказался прав. За океан посылали всех, даже полковника Шейскопфа, который сопротивлялся, как черт, используя все силы и всю мудрость, отпущенные ему матушкой-природой. В весьма подавленном состоянии духа он явился в кабинет генерала Пеккема, чтобы доложить о своем прибытии к месту дальнейшего прохождения службы.

Полный обаяния генерал Пеккем приветствовал полковника Шейскопфа и заявил, что он в

восторге от его прибытия. Один лишний полковник в его штабе означал, что теперь он мог начать требовать двух дополнительных майоров, четырех дополнительных капитанов, шестнадцать дополнительных лейтенантов и неисчислимое количество дополнительных рядовых и сержантов, пишущих машинок, письменных столов, шкафов, автомашин и другое столь же необходимое оборудование и снаряжение, которое способствовало бы приумножению престижа генерала Пеккема и увеличило бы его ударную мощь в войне против генерала Дридла. Теперь у генерала Пеккема стало два полковника, в то время как у генерала Дридла их было пять, но четверо из них были строевыми командирами. Таким образом, почти без всяких интриг генерал Пеккем умелым маневром удвоил свою мощь. И если учесть, что генерал Дридл закладывал за воротник все основательней, будущее рисовалось генералу Пеккему в самом восхитительном свете, и он созерцал своего новенького полковника с лучезарной улыбкой.

Ко всем важным вопросам генерал Пеккем подходил с реалистических позиций. Во всяком случае, так он обычно заявлял перед тем, как публично учинить разнос своим ближайшим

подчиненным. Это был красивый, розовощекий мужчина пятидесяти трех лет от роду. Он ходил в форме, сшитой на заказ, держал себя свободно и непринужденно. Волосы его отливали серебром, глаза были слегка близорукие, а губы — выпуклые и чувственные. Это был внимательный, приятный, утонченный, человек, чутко реагирующий на любые, даже самые ничтожные ошибки окружающих, только не на свои собственные. Все, что делали другие, он считал абсурдным. Будучи натурой тонкой и привередливой, генерал Пеккем придавал грандиозное значение всяким мелочам в области литературного стиля и вкуса. Он не преувеличивал, а «гипертрофировал» значение каких-то вещей. Он ходил не на концерт, а «в концерт». Неверно, что он сочинял меморандумы, в которых, набивая себе цену, требовал предоставить ему широкие полномочия и передать руководство боевыми операциями, — нет, он требовал «расширения своих прерогатив с тем, чтобы курировать военные операции». Язык меморандумов, написанных другими офицерами, всегда был «выспренним, ходульным или сомнительным». Чужие ошибки неизменно были «прискорбными». Его указания были «обязательны к исполнению». Он располагал не

просто верными сведениями, а «информацией», полученной обычно из «хорошо осведомленных источников». Генерал Пеккем часто действовал с величайшей неохотой, но «подчиняясь диктату сложившихся обстоятельств».

Никогда он не забывал, что черное и белое — не цвета, и никогда не ошибался в употреблении слов «одевать» и «надевать». Он бойко цитировал Платона, Ницше, Монтеня, Теодора Рузвельта, маркиза де Сада и Уоррена Гардинга. Новые слушатели (в данном случае — такая неподнятая целина, как полковник Шейскопф) были бесценной находкой для генерала Пеккема, поскольку перед ним открывалась вдохновляющая возможность продемонстрировать свою блестящую эрудицию и пригоршнями метать перлы из сокровищницы каламбуров, острот, едких характеристик, проповедей, анекдотов, пословиц, эпиграмм, афоризмов и крылатых выражений. Галантно улыбаясь, генерал Пеккем ознакомил полковника Шейскопфа с обстановкой.

— Моя единственная ошибка, — заметил он с наигранным добродушием и одновременно наблюдая, какой эффект производят его слова, — в том, что я никогда не ошибаюсь.

Полковник Шейскопф не засмеялся, чем весьма

озадачил генерала Пеккема. Энтузиазм генерала несколько поостыл: обычно этот парадокс действовал без промаха. Генерала прямо-таки встревожило, что на непроницаемом лице полковника Шейскопфа не отразилось ни малейшего проблеска понимания. Лицо полковника внезапно напомнило генералу цветом и фактурой непочатую мыльную палочку для бритья. Возможно, полковник Шейскопф устал с дороги, великодушно предположил генерал Пеккем, полковник проделал длинный путь и попал в совершенно незнакомую среду. Отношение генерала Пеккема к подчиненным, будь то офицерский или сержантско-рядовой состав, отличалось духом терпимости и либерализма. Он часто указывал, что если работающие с ним люди идут ему навстречу, то он со своей стороны готов бежать им навстречу, но, добавлял он с хитрой улыбкой, его частенько приводит к тому, что мнения обеих сторон сталкиваются и одно из мнений разлетается вдребезги. Генерал Пеккем считал себя эстетом и интеллигентом. Когда люди с ним не соглашались, он убеждал их быть объективными. Вот и теперь генерал Пеккем решил отнестись к полковнику Шейскопфу со всей возможной объективностью. В генераль-

ском взгляде можно было прочесть поощрение и великодушную снисходительность.

— Вы приехали к нам как раз вовремя, Шейскопф. Летнее наступление выдохлось благодаря некомпетентному руководству, не обеспечившему должного снабжения наших войск, и я отчаянно нуждаюсь в твердом, опытном, компетентном офицере, как вы, который помог бы мне выпускать меморандумы. Меморандумы — один из важнейших видов нашей работы. Читая их, люди узнают, что мы не покладая рук делаем большое, полезное дело. Я надеюсь, что вы хорошо владеете пером.

— Я в писанине не разбираюсь, — возразил полковник Шейскопф и надулся.

— Хорошо, пусть вас это не беспокоит, — продолжал генерал Пеккем, небрежно махнув рукой. — Вы будете попросту передавать порученную вам мною работу кому-нибудь другому и полагаться на удачу. Мы называем это «передоверять ответственность». Где-то на самом низком уровне высокоцентрализованной организации, которой я руковожу, сидят люди, которые делают всю работу, и дело идет вполне гладко без особых усилий с моей стороны. Я полагаю, это происходит оттого, что я — хороший работник.

Фактически в своем огромном учреждении мы не делаем никакой особо важной работы, спешить нам некуда. С другой стороны, необходимо поддерживать у людей впечатление, что мы заняты по горло, и вот это — очень важная работа. Если вам потребуются дополнительные сотрудники, дайте мне знать. Я уже послал заявку на двух майоров, четырех капитанов и шестнадцать лейтенантов, чтобы у вас был свой аппарат. Поскольку мы не занимаемся никакой важной работой, очень важно, чтобы мы делали как можно больше этой не важной работы. Вы согласны со мной?

— А как насчет парадов? — перебил полковник Шейскопф.

— Каких парадов? — спросил генерал Пеккем, чувствуя, что его изысканные манеры не приносят желанных плодов.

— Я смогу проводить парады по воскресеньям? — раздраженно спросил полковник Шейскопф.

— Нет. Разумеется, нет. Как вам вообще пришла в голову эта мысль?

— А мне сказали, что я буду руководить парадами.

— Кто это вам сказал?

— Офицеры, которые посылали меня за океан. Они сказали, что я смогу гонять людей на парады, когда только захочу.

— Вам солгали.

— Но ведь это нечестно с их стороны, сэр!

— Очень сожалею, Шейскопф. Я готов сделать все, чтобы вам здесь было хорошо, но о парадах не может быть и речи. В нашем учреждении слишком мало сотрудников, чтобы выводить их на парады, а строевики поднимут открытый мятеж, если мы попытаемся заставить их маршировать. Боюсь, что вам придется несколько обождать, покуда мы не возьмем все под свой контроль. Вот тогда уж вы сможете делать с летчиками все, что вам заблагорассудится.

— А как насчет моей жены? — раздраженно спросил полковник Шейскопф, подозрительно глядя на генерала. — Я смогу послать ей вызов, это хоть можно?

— Жене? На каком основании, скажите на милость?

— Муж и жена должны быть вместе.

— Об этом тоже не может быть и речи.

— Но мне сказали, что я смогу ее вызвать.

— Вам и на этот раз солгали.

— Но они не имели права врать мне! — запро-

тестовал полковник Шейскопф, и от негодования на глаза его навернулись слезы.

— Разумеется, они имели право, — отрезал генерал Пеккем с холодной и рассчитанной жесткостью. Он решил, не откладывая, испытать характер своего нового полковника. — Не будьте таким ослом, Шейскопф. Люди имеют право делать все, что не возбраняется законом, а закона против *лжи* не существует. Так что впредь не отнимайте у меня времени вашими сентиментальными пошлостями. Слышите?

— Так точно, сэр, — пробормотал полковник Шейскопф.

Полковник Шейскопф поник головой, вид у него был самый жалкий, и генерал Пеккем благословил судьбу, пос лавшую ему в подчиненные такого размазню. Генерал не мыслил себе вспыльчивых подчиненных. Одержав победу, генерал Пеккем смягчился. Он не тешился унижением своих подчиненных.

— Если бы ваша жена состояла в женском вспомогательном корпусе, тогда бы я, возможно, перевел ее к нам. Но это — максимум того, что я могу сделать.

— У нее есть подруга в женском вспомогательном корпусе, — сообщил полковник Шейскопф с

надеждой в голосе.

— Боюсь, что этого мало. Пусть миссис Шейскопф, если желает, вступит в женский вспомогательный корпус, и я возьму ее сюда. Ну, а пока что, мой дорогой полковник, вернемся к нашей маленькой войне. Сейчас я вас вкратце ознакомлю с боевой обстановкой на нашем театре военных действий.

Генерал Пеккем встал и направился к вращающимся полкам, на которых лежали гигантские, ярко раскрашенные карты.

Полковник Шейскопф побелел.

— Но мы ведь не собираемся воевать! — в ужасе выпалил он.

— Ну конечно, нет, — дружелюбно рассмеявшись, снисходительно заверил его генерал Пеккем. — Уж мне-то вы можете поверить. Именно потому, что мы не лезем в бой, мы все еще сидим здесь, в Риме. Конечно, я тоже был бы рад перебраться во Флоренцию, чтобы поддерживать более тесный контакт с экс-рядовым первого класса Уинтергрином. Но Флоренция меня пока что не устраивает — близковато к линии фронта. — Генерал Пеккем поднял деревянную указку и провел резиновым наконечником линию от одного побережья до другого. — Вот здесь, Шей-

скопф, стоят немцы. Они прочно вкопались в горы и создали «Готическую линию». Вышибить их не удастся до будущей весны, хотя это не значит, что наши высокопоставленные олухи не попытаются сделать этого раньше. Таким образом, наша специальная служба располагает почти девятью месяцами для достижения цели. А цель наша состоит, в том, чтобы подчинить себе все бомбардировочные полки американских военно-воздушных сил. В конце концов, — сказал генерал Пеккем с бархатистым, хорошо отработанным смешком. — если уж бомбардировка вражеских позиций — это не специальная служба, то я вообще не знаю, для чего на свете существует наш Корпус специальной службы. Вы согласны?

Полковник Шейскопф ничем не выказал своего согласия, но генерал Пеккем слишком упивался собственной болтовней, чтобы еще следить за реакцией Шейскопфа.

— В данный момент наше положение великолепно. Прибывают подкрепления — такие, как вы, например. Кроме того, в нашем распоряжении более чем достаточно времени для тщательной разработки стратегических планов. Вот объект нашей ближайшей атаки, — генерал

Пеккем ткнул указной в остров Пьяноса и со значением постучал по буквам, выведенным жирным черным карандашом. Надпись гласила: «Дридл».

Полковник Шейскопф подошел к самой карте, покосился на карандашную надпись, и впервые с той минуты, как он переступил порог кабинета, на его грубой физиовемии забрезжил слабый отсвет мысли.

— Кажется, я понимаю! — воскликнул он. — Ну конечно, я понимаю! Наша первейшая задача — отбить Дридла у врага. Правильно?

Генерал Пеккем милостиво рассмеялся.

— Нет, Шейскопф. Дридл — на нашей стороне, и в то же время Дридл — наш враг. Генерал Дридл командует четырьмя бомбардировочными полками, которые мы должны захватить, чтобы успешно продолжать наше наступление. Опрокинув генерала Дридла, мы тем самым завладеем мощными воздушными силами и жизненно необходимыми базами, а затем перенесем операции на другие фронты. Кстати говоря, эта битва почти уже нами выиграна. — Генерал Пеккем приблизился к окну, еще раз рассмеялся и, скрестив руки, привалился к подоконнику, чрезвычайно удовлетворенный своим остроумием и эруди-

цией. Он играл умело подобранными словами и получал от этого острое наслаждение. Генерал Пеккем обожал слушать самого себя, особенно когда говорил о себе. — Генерал Дридл просто не знает, как со мной справиться, — похвалялся он. — Я вторгаюсь в сферу его юрисдикции со своими комментариями и критическими замечаниями, хотя, конечно, это абсолютно не мое дело. А он теряется и не знает, как на это реагировать. Когда он обвиняет меня в том, что я под него подкапываюсь, я без обиняков отвечаю, что моя единственная цель — привлечь внимание к его ошибкам, ликвидировать недостатки и тем самым усилить нашу военную мощь. Затем я невинно осведомляюсь, не возражает ли он против усиления нашей военной мощи. Ну, тут он ощетинивается, ворчит и наконец вопит в голос, но практически он совершенно беспомощен. Он просто-напросто отстал от жизни. Слава богу, он долго не продержится. — Генерал Пеккем беспечно рассмеялся и привел свой излюбленный, отлично вызубренный пример из классического наследия. — Иногда я кажусь себе Фортинбрасом, ха-ха, из шекспировского «Гамлета», который кружил-кружил вокруг да около, покуда все не рухнуло, а затем в конце концов выдвинулся на

передний край и все прибрал к рукам. Шекспир — это…

— Я в пьесах не разбираюсь, — оборвал его полковник Шейскопф.

Генерал Пеккем взглянул на него с изумлением. Никогда доселе его ссылку на прославленного шекспировского «Гамлета» не втаптывали в грязь и не игнорировали с таким тупым безразличием. Его стало не на шутку занимать, что за типа подсунул ему Пентагон.

— А в чем вы разбираетесь? — ядовито спросил генерал.

— В парадах, — с воодушевлением ответил полковник Шейскопф. — Я могу разослать оповещение о парадах?

— Оповещение разослать можно, парады назначать нельзя. — Генерал Пеккем, хмуря брови, снова уселся в кресло. — Разослать оповещение можно при условии, что это не будет мешать вашей главной задаче, которая заключается в агитации за передачу военных операций под эгиду нашей специальной службы.

— А могу я назначать парады, а потом их отменять?

Генерал Пеккем просиял.

— Блестящая идея! Немедленно приступайте

к рассылке еженедельных объявлений, отменяющих парады! Можете даже не трудиться назначать их. Представляю себе чудовищное замешательство в стане Дридла! — Генерал Пеккем снова начал излучать доброжелательство. — Да, Шейскопф, — сказал он, — мне кажется, вы действительно попали в точку. В самом деле, какой строевой командир станет с нами ссориться, если мы оповестим его людей, что в ближайшее воскресенье не будет парада? Тем самым мы лишь подтверждаем широкоизвестный факт. Но скрытый смысл этого мероприятия великолепен. Да, да, Шейскопф, это прямо-таки великолепно. Ведь тем самым мы даем понять, что при желании мы могли бы назначать парады. Вы мне начинаете нравиться, Шейскопф. Отправляйтесь к полковнику Карджиллу, представьтесь ему и расскажите, чем вы будете нас заниматься. Я уверен, вы понравитесь друг другу.

Минуту спустя полковник Карджилл ураганом ворвался в кабинет генерала Пеккема и набросился на него в припадке трусливой, кроличьей ярости.

— Я здесь служу дольше, чем полковник Шейскопф, — пожаловался он. — Почему не мне поручили отменять парады?

— Потому что у Шейскопфа есть опыт по части парадов, а у вас нет. Если хотите, можете отменять представления концертных бригад ОСКОВ. В самом деле, почему бы вам этим не заняться? Только вообразите, во скольких частях и подразделениях ежедневно не бывает концертов ОСКОВ. Подумайте, во скольких подразделениях не может побывать известный актер или музыкант? Да, Карджилл, я думаю, вы попали в точку. По-моему, вы открыли для нас новую сферу действий. Пусть полковник Шейскопф под вашим наблюдением занимается отменой концертов. Так ему и передайте. А после того, как вы его проинструктируете, пусть зайдет ко мне.

— Полковник Карджилл говорит, будто вы хотите, чтобы я под его наблюдением занимался концертными бригадами, — пожаловался полковник Шейскопф.

— Ничего подобного я ему не говорил. Сугубо между нами, Шейскопф: я не в восторге от полковника Карджилла. Он чванлив и к тому же медлителен. Я попрошу вас не спускать с него глаз и заставлять его пошевеливаться.

— Он лезет не в свои дела и не дает мне работать, — примчался с протестом полковник Карджилл.

— М-да… занятный тип, этот Шейскопф, — согласился генерал Пеккем. — Не спускайте с него глаз и постарайтесь выяснить, годен ли он вообще на что-нибудь.

— Ну вот, а теперь он лезет в мои дела! — кричал полковник Шейскопф.

— Пусть это вас не беспокоит, Шейскопф, — сказал генерал Пеккем, мысленно поздравляя себя с тем, как он умело обуздал Шейскопфа при помощи своего стандартного приема: оба его полковника уже сквозь зубы разговаривали друг с другом. — Полковник Карджилл завидует вам, поскольку вы так блестяще справляетесь с парадами. Он боится, как бы я не поручил вам наблюдать за узором бомбометания.

Полковник Шейскопф навострил уши:

— Что значит «узор бомбометания»?

— «Узор бомбометания»? — повторил чрезвычайно довольный собой генерал Пеккем, добродушно подмигивая. — «Узор бомбометания» — это термин, придуманный мною несколько недель назад. Он, собственно говоря, ничего не означает, но вы удивитесь, узнав, как быстро привилось это выражение. Видите ли, я сумел всех убедить, что самое важное, чтобы бомбы рвались как можно ближе друг к другу, ибо тогда снимки

воздушной разведки получаются очень четкими. На Пьяносе есть один полковник, которого, по-видимому, больше вообще не беспокоит, накрыл он цель или промазал. Его заботит только узор. Давайте сегодня слетаем на Пьяносу и немножко развлечемся. Пусть полковник Карджилл побесится от зависти. К тому же сегодня утром я узнал от Уинтергрина, что генерал Дридл полетит на Сардинию. Дридл сойдет с ума, когда узнает, что я инспектировал одну из его баз, в то время как он отправился инспектировать другую. Мы сможем даже поспеть к предполетному инструктажу. Им предстоит бомбить беззащитную деревушку и превратить ее в груду щебня. От Уинтергрина я узнал, — кстати, Уинтергрин сейчас — экс-сержант, — что это абсолютно никому не нужное задание. Его единственная цель — задержать подход немецких подразделений на тот случай, если мы вздумаем наступать на этом участке, однако никакого наступления там даже не планируется. Вот что получается, когда мы доверяем ответственные посты жалким посредственностям. — Генерал Пеккем томным жестом указал на гигантскую карту Италии: — Смотрите, эта горная деревушка настолько ничтожна, что ее даже не обозначили на карте.

Они прибыли в полк полковника Кэткарта слишком поздно и потому не слышали, как во время предварительного предполетного инструктажа майор Дэнби настаивал:

— Но она там есть, уверяю вас. Вот здесь, здесь.

— Где здесь? — вызывающе спросил Данбэр, притворяясь, что не видит.

— Точно в том месте, где на карте дорога слегка, поворачивает. Неужели вы не видите на своих картах поворота?

— Нет, не вижу.

— А я могу показать, — вызвался Хэвермейер и ткнул в нужную точку на карте Данбэра. — А на этих фотографиях деревня и вовсе хорошо видна. Мне все ясно. Цель задания — сшибить всю деревушку под откос, чтобы из ее обломков получился завал на дороге, который немцам придется расчищать. Верно?

— Верно. — сказал майор Дэнби, вытирая носовым платком вспотевший лоб. — Я рад, что хоть кто-то начинает понимать. По этой дороге из Австрии в Италию должны пройти две бронетанковые дивизии. Деревушка построена на таком крутом склоне, что все обломки жилых домов и прочих строений в результате бомбардировки посыплются вниз и завалят дорогу.

— Ну и что, черт побери, от этого изменится? — пожелал узнать Данбэр, в то время как взволнованный Йоссариан следил за ним со смешанным чувством страха и благоговения. — Немцам потребуется какая-нибудь пара дней на расчистку

Майор Дэнби попытался избежать словопрений.

— Очевидно, для штаба кое-что изменится, — ответил он примирительным тоном. — Думается, поэтому они и отдали приказ о налете.

— А жителей деревушки предупредили? — спросил Макуотт.

Обнаружив, что даже Макуотт оказался в рядах оппозиции, майор Дэнби испугался:

— По-моему, нет.

— Неужели не сбросили листовки с предупреждением о предстоящей бомбардировке? — спросил Йоссариан. — Разве нельзя было предупредить жителей, чтобы они заблаговременно убрались подальше?

— По-моему, нельзя. — Майора Дэнби снова прошиб пот. Глаза его беспокойно шныряли из стороны в сторону. — Листовки могут попасть к немцам, и тогда они выберут другую дорогу. Я, правда, в этом не уверен. Я только предполагаю.

— Они даже не пойдут в убежище, — с горечью доказывал Данбэр. — Завидев наши самолеты, они высыпят на улицы и будут махать нам руками. Вся деревня выбежит — старики, дети, собаки. Господи Иисусе! Неужто нельзя оставить их в покое?

— А почему бы нам не нагромоздить завал где-нибудь в другом месте? — спросил Макуотт. — Почему обязательно здесь?

— Не знаю, — с горестным видом ответил майор Дэнби. — Я не знаю.

— В чем дело? — спросил подполковник Корн, ленивой походкой входя в инструкторскую. Он держал руки в карманах, выгоревшая рубашка сидела мешком.

— О, все в порядке, подполковник, — нервно ответил майор Дэнби, стараясь сделать вид, будто ничего не случилось. — Мы просто обсуждаем задание.

— Они не хотят бомбить деревню, — выдал всех Хэвермейер и заржал.

— Подонок! — сказал Йоссариан.

— Оставьте Хэвермейера в покое! — отрывисто приказал подполковник Корн. В Йоссариане он узнал того пьяницу, который нахамил ему в офицерском клубе накануне первого налета на

Болонью, и поэтому счел за благо переадресовать свое неудовольствие Данбэру. — Почему вы не хотите бомбить деревню?

— Это жестоко, вот почему.

— Жестоко? — переспросил подполковник Корн с холодной насмешливостью. Его не более чем на миг напугала нескрываемая лютая враждебность Данбэра. — Вы считаете менее жестоким пропустить эти две немецкие дивизии, чтобы они обрушились на наши войска? На карту поставлены жизни американцев, вы это знаете? Или вы хотите, чтобы пролилась американская кровь?

— Американская кровь и так льется. Но эти люди тихо, мирно живут у себя в горах. Какого черта они должны из-за нас страдать?

— Вам, конечно, легко говорить, — издевательским тоном сказал подполковник Корн, — на Пьяносе вы как у Христа за пазухой. Вам безразлично, пройдут или не пройдут эти немецкие подкрепления.

От замешательства Данбэр побагровел и ответил, заметно оробев:

— А почему нельзя сделать завал в другом месте? Разве нельзя просто разбомбить склон горы или само шоссе?

— А слетать еще разок на Болонью не желаете?

Это было сказано вполне спокойно, но вопрос прогремел, как выстрел. В комнате нависла неловкая, грозная тишина. Стыдясь самого себя, Йоссариан горячо молился, чтобы Данбэр держал язык за зубами. Данбэр опустил глаза, и подполковник Корн понял, что бой выигран.

— Кажется, вы не испытываете особого желания еще разок навестить Болонью? — продолжал он с нескрываемым презрением. — Учтите: мы с полковником Кэткартом приложили много сил, чтобы получить для вас этот «полет за молоком». Но если вам больше хочется лететь на Болонью, Специю и Феррару, то это мы можем организовать в два счета. — Его глаза угрожающе поблескивали за стеклами очков без оправы, на квадратном тяжелом подбородке темнела щетина. — Только дайте мне знать, и я вам это тут же устрою.

— Я готов, — бойко откликнулся Хэвермейер и опять хвастливо заржал. — Мне нравится летать на Болонью, прямо с горизонтального полета заходить на цель, засунув башку в прицел, и слушать, как вокруг рвутся снаряды, Мне только весело делается, когда после полета на меня набрасываются с руганью и обзывают всякими похабными словами. Даже рядовые до того распаляются, что костерят меня на чем свет стоит.

Того и гляди, двинут в зубы.

Подполковник Корн, не глядя на Хэвермейера, ласково потрепал его по щеке и сухо обратился к Данбэру и Йоссариану:

— Клянусь вам всеми святыми, никто больше нас с полковником Кэткартом не переживает из-за паршивых итальяшек, что живут в той деревушке. Не забывайте: войну начали не мы, а Италия. И агрессорами были не мы, а Италия. Продолжайте инструктаж, Дэнби. И позаботьтесь, чтобы они уяснили себе всю важность получения на снимках кучного узора бомбометания.

— О нет, подполковник, — выпалил майор Дэнби и часто-часто замигал. — Для данной мишени это не годится. Я приказал им класть бомбы на расстоянии двадцати метров друг от друга, чтобы перекрыть дорогу на всю длину деревни, а не в одном только месте. При рассеянием бомбометании завал получится более эффективным.

— Завал как таковой нас не волнует, — сообщил подполковник Корн. — Полковник Кэткарт хочет получить хорошие, четкие фотоснимки, которые не стыдно будет послать в вышестоящие инстанции. Не забудьте, что генерал Пеккем прибудет сюда на основной инструктаж, а вы ведь знаете, как он неравнодушен к узору бомбометания.

Кстати, майор, вам бы следовало поторопиться и убраться отсюда до его прихода. Генерал Пеккем вас не выносит.

— О нет, подполковник, — услужливо поправил майор Дэнби, — это генерал Дридл меня не выносит.

— Генерал Пеккем вас тоже не выносит. Фактически вас никто не выносит. Кончайте свое дело, Дэнби, и исчезайте. Инструктаж проведу я.

— …Где тут майор Дэнби? — спросил полковник Кэткарт, прибывший на основной инструктаж вместе с генералом Пеккемом и полковником Шейскопфом.

— Едва завидев вашу машину, он попросил разрешения уйти, — ответил подполковник Корн. — Он подозревает, что генерал Пеккем его не любит. А инструктаж все равно собирался проводить я. У меня это получится лучше.

— Чудесно, — сказал полковник Кэткарт. — А впрочем, нет, — секундой позже поправился он, припомнив, как выступил подполковник Корн в присутствии генерала Дридла на инструктаже перед налетом на Авиньон. — Я буду инструктировать сам.

Полковник Кэткарт вбил себе в голову, что он один из любимцев генерала Пеккема. Взяв руко-

водство инструктажем в свои руки, он швырял в лицо чутко внимающих ему подчиненных отрывистые фразы с бесстрастной, твердой, грубоватой интонацией, заимствованной им у Дридла. Он знал, что, стоя на помосте в своей рубашке с расстегнутым воротником, черными с проседью волосами, он выглядит весьма колоритно. Он несся по волнам собственного красноречия, непроизвольно утрируя свойственные генералу Дридлу отдельные неправильности в произношении, и его нисколько не пугал неизвестный полковник, прибывший вместе с генералом Пеккемом, пока он вдруг не вспомнил, что генерал Пеккем ненавидит генерала Дридла. Тут его голос осекся, а всю его самоуверенность как ветром сдуло. Сгорая от конфуза, он еле ворочал языком и едва соображал, что говорит. И тут он вдруг безумно испугался полковника Шейскопфа. Еще один полковник на этом участке фронта означал нового соперника, нового врага, еще одного ненавистника. А этот к тому же был, очевидно, жесткий малый. Страшная догадка осенила полковника Кэткарта: а вдруг полковник Шейскопф уже успел подкупить всех находящихся в зале, чтобы они застонали хором, как тогда, перед налетом на Авиньон? Удастся ли ему ути-

хомирить их? Какими синяками и шишками все это чревато? Полковника Кэткарта объял такой страх, что он уже был готов призвать на помощь подполковника Корна. Кое-как он сумел взять себя в руки и провести сверку часов. Сделав это, он понял, что выиграл свой бой, поскольку теперь он мог закончить инструктаж, когда ему заблагорассудится. Критический момент остался позади. Ему хотелось с торжеством и злорадством рассмеяться в лицо полковнику Шейскопфу. Он с блеском вышел из трудной ситуации и завершил инструктаж вдохновенным эпилогом, который — он ощущал это каждой клеточкой своего тела — явился мастерской демонстрацией красноречия и хорошего тона.

— Итак, — воззвал он, — сегодня у нас весьма почетный гость, генерал Пеккем из специальной службы, человек, который снабжает нас бейсбольными битами, комиксами и развлекает нас выступлениями концертных бригад ОСКОВ. Генералу Пеккему посвящаю я предстоящий налет. Идите и бомбите — во имя меня, во имя родины, во имя бога и во имя великого американца генерала Пеккема. И позаботьтесь влепить все ваши бомбы в пятачок!

30. Данбэр

Йоссариана больше не волновало, куда упали его бомбы, хотя он и не позволил себе зайти так далеко, как Данбэр: тот сбросил бомбы в нескольких сотнях метров от деревни и вполне мог угодить под военно-полевой суд, если бы кому-нибудь удалось доказать, что он сделал это преднамеренно. После этого налета Данбэр, не сказав ни слова никому, даже Йоссариану, смылся в госпиталь. Пребывание в госпитале внесло в его душу не то просветление, не то полную сумятицу — трудно сказать, что именно.

Теперь Данбэр смеялся редко и производил впечатление человека конченого. Он вызывающе рычал на старших по званию, даже на майора Дэнби. С капелланом он держался угрюмо, грубил и богохульствовал. Капеллан, который тоже казался конченым человеком, стал побаиваться Данбэра. Поход капеллана к Уинтергрину не привел ни к чему. Уинтергрин был слишком занят, чтобы лично принять капеллана. Его помощник — малый с нахальной рожей — вынес капеллану краденую зажигалку «Зиппо» в качестве подарка и снисходительно сообщил, что Уинтергрин по горло занят фронтовыми делами и не может тратить время на такие пошлые пустяки, как норма боевых вылетов. Капеллана сильно беспокоило

состояние Данбэра, а еще больше, особенно после исчезновения Орра, — состояние Йоссариана. Капеллану, который жил в мрачном одиночестве в просторной палатке с остроконечной крышей, казавшейся ему по ночам крышей гробницы, было непонятно, как это Йоссариан предпочитал жить один, без соседей по палатке.

Снова назначенный ведущим бомбардиром, Йоссариан летал с Макуоттом. В этом было единственное утешение, хотя все равно Йоссариан чувствовал себя абсолютно беззащитным. Ведь в случае чего он не мог бы ни отбиться, ни отстреляться. Со своего кресла в носовой части он даже не видел Макуотта и второго пилота. Единственное, что он мог видеть, — это лунообразную физиономию Аарфи. Из-за этого напыщенного идиота Йоссариану в конце концов изменила выдержка и были минуты в полете, когда его охватывали судорожная ярость и отчаяние и он жаждал, чтобы его понизили в должности и перевели на ведомый самолет. Там бы он сидел перед заряженным пулеметом, а не перед этим совершенно ему не нужным прицелом точного бомбометания. Будь у него мощный, тяжелый пулемет, он в порыве злобной мстительности схватил бы его двумя руками и разрядил во всех

тиранивших его демонов: в темные, дымчатые клубки зенитных разрывов; в невидимых с воздуха немецких зенитчиков, которым он не причинил бы ни малейшего вреда своим пулеметом, даже если бы ему хватило времени открыть огонь; в Хэвермейера и Эпплби, что сидели в ведущем самолете, за их бесстрашный лобовой заход на цель с горизонтального полета во время второго рейда на Болонью, когда Орру в последний раз разнесли один из двигателей и его машина зарылась в море где-то между Генуей и Специей незадолго до того, как разыгрался короткий шторм.

На самом же деле он и тяжелым пулеметом мало что мог бы сделать — разве зарядить его и дать несколько пробных очередей. Проку от пулемета было не больше, чем от бомбового прицела. Он мог бы разрядить обойму в немецкие истребители, но немецкие истребители больше не показывались. Он не мог даже развернуть пулемет и наставить дуло в жалкие физиономии Хьюпла и Доббса, чтобы заставить их повернуть домой и бережно посадить самолет, как он это уже однажды проделал с Малышом Сэмпсоном. Именно так он и хотел поступить с Доббсом и Хьюплом во время их жуткого первого налета

на Авиньон в тот момент, когда понял, в какой фантастический переплет попал; он находился тогда в ведомом самолете с Доббсом и Хьюплом, а звено вели Хэвермейер и Эпплби. Доббс и Хьюпл, Хьюпл и Доббс — да кто они вообще такие? Какая дикость — нестись в воздухе на высоте двух миль, когда от смерти тебя прикрывают всего лишь один-два дюйма металла и судьба твоя вверена двум неумелым, скудоумным, жалким и совершенно чужим тебе людям, таким как безусый сопляк Хьюпл и психопат Доббс.

Да, конечно, летать с Макуоттом было куда спокойнее. Но и с Макуоттом летать было опасно: он слишком любил летать, и, когда они с Йоссарианом возвращались с тренировочного полета, Макуотт повел воющую машину в дюйме от земли. Макуотт хотел выдрессировать нового бомбардира из резервного экипажа, истребованного полковником Кэткартом после исчезновения Орра. Учебный полигон находился в другом конце Пьяносы, и, возвращаясь на аэродром, Макуотт едва не касался горных вершин брюхом лениво ползущего самолета. Перевалив через хребет, он нажал на всю железку и вместо того чтобы набрать высоту, к удивлению Йоссариана, на предельной скорости, накренив

самолет, пустил его вниз вдоль склона горы, и самолет, весело помахивая крыльями, с густым, надсадным, грохочущим ревом помчался над бегущими навстречу скалами и впадинами, словно ошалелая чайка над дикими, бурыми волнами. Йоссариан окаменел. Новый бомбардир сидел рядом с ним, завороженный, с застенчивой улыбкой и только присвистывал: «Фюить!» Йоссариану хотелось трахнуть его по идиотской морде. Сам он шарахался из стороны в сторону при виде бугров, валунов, веток деревьев, маячивших где-то впереди и по бокам. Все это проносилось прямо под самолетом, сливаясь в расплывчатые полосы, и исчезало позади. Никто не имел права подвергать его жизнь такому страшному риску.

— Вверх, вверх, вверх! — истерически кричал он Макуотту, жгуче ненавидя его.

Но в переговорном устройстве слышалось только задорное пение Макуотта, который, по всей вероятности, ничего не слышал. Йоссариан, пылая яростью и чуть не плача от бессильной злобы, кинулся в лаз, сражаясь с земным притяжением и инерцией, добрался до главного отсека, влез в пилотскую кабину и, дрожа всем телом, стал позади Макуотта. Он мечтал, чтобы сейчас под рукой у него оказался вороненый пистолет, что-

бы, не мешкая, размозжить Макуотту затылок. Но пистолета не было. Охотничьего ножа — тоже. И вообще у него не было никакого оружия, которым он мог бы ударить или заколоть Макуотта. Тогда Йоссариан мертвой хваткой схватил Макуотта за воротник комбинезона, резко дернул и заорал, чтобы Макуотт набирал, набирал, набирал высоту. Земля все еще неслась под ними, холмы мелькали слева и справа выше самолета. Макуотт глянул через плечо на Йоссариана и весело рассмеялся, точно Йоссариан пришел порадоваться вместе с ним. Руки Йоссариана скользнули по шее Макуотта, сдавили горло. Макуотт одеревенел.

— Набирай высоту, — сквозь стиснутые зубы недвусмысленно приказал Йоссариан тихим, угрожающим голосом, — или я придушу тебя.

Настороженно застыв, Макуотт увеличил обороты и начал постепенно набирать высоту. Пальцы Йоссариана ослабли, соскользнули с плеч Макуотта и бессильно повисли. Он больше не сердился. Ему было стыдно. Когда Макуотт обернулся, Йоссариан не знал, куда ему девать руки: он стыдился своих рук, они словно омертвели. Макуотт уперся в него взглядом, в котором не было и тени дружелюбия.

— Парень, — сказал он холодно, — ты, должно

быть, в скверной форме. Тебе бы лучше отправиться домой.

— Не отпускают, — ответил Йоссариан, пряча глаза, и незаметно ретировался.

Спустившись из пилотской кабины, он уселся на полу, понурив голову. Его мучили угрызения совести. Он был весь в поту.

Макуотт взял курс прямо на аэродром. Интересно, подумал Йоссариан, побежит ли Макуотт в оперативный отдел к Пилтчарду и Рену, чтобы пожаловаться на Йоссариана и потребовать, чтобы Йоссариана никогда не назначали на его самолет, как бегал тайком сам Йоссариан с просьбой избавить его от полетов с Доббсом, Хьюплом и Орром, а также с Аарфи, хотя неизменно наталкивался на отказ. Никогда прежде он не видел Макуотта недовольным — тот всегда пребывал в наилучшем расположения духа. И теперь Йоссариан размышлял, не потерял ли он в лице Макуотта еще одного друга.

Но, выходя из самолета, Макуотт ободряюще подмигнул ему и, когда они в джипе возвращались в эскадрилью, беззлобно разыгрывал легковерного нового второго пилота и бомбардира, хотя ни словом не обмолвился с Йоссарианом. Только когда все четверо сдали на склад

парашюты и Макуотт с Йоссарианом вдвоем направились к палаткам, загорелое веснушчатое шотландско-ирландское лицо Макуотта внезапно осветилось улыбкой и он игриво ткнул кулаком Йоссариана под ребро.

— Подонок ты этакий, — засмеялся он. — Ты что, правда хотел меня убить?

Йоссариан виновато ухмыльнулся и покачал головой:

— Да нет, вряд ли.

— Не думал, что на тебя это так скверно подействует. Слушай, парень, ты бы поговорил с кем-нибудь насчет своего состояния.

— Я со всеми об этом говорю. Но ты-то какого дьявола вытворяешь такие штуки? Ты что, не слышал меня по переговорному устройству?

— Слышал, но не верил, что ты это всерьез.

— А тебе самому бывает страшно?

— Надо бы, чтоб было, да не боюсь.

— Даже в бою?

— Наверное, у меня извилин не хватает, — застенчиво засмеялся Макуотт.

— Мне и так угрожает тысяча смертей, — заметил Йоссариан, — а ты, кажется, задался целью найти еще один способ укокошить меня.

Макуотт опять улыбнулся:

— Держу пари, когда я проношусь над твоей палаткой, у тебя душа уходит в пятки, а?

— Я чуть не умираю со страху. Я ведь тебе говорил.

— Я думал, что ты жаловался только на шум. — Макуотт пожал плечами. — Как я рад, как я рад, мы попали к черту в ад! — пропел он. — В общем, я так понимаю, мне с этим придется кончать.

И все-таки Макуотт был неисправим. Хотя он действительно перестал летать над палаткой Йоссариана, но не упускал случая молнией, с пронзительным ревом пронестись над самым пляжем, над плотом и над уединенной песчаной ложбинкой, где Йоссариан или нежился с сестрой Даккит, или играл в покер, безик или черви-козыри с Нейтли, Данбэром и Заморышем Джо. Йоссариан встречался с сестрой Даккит почти ежедневно под вечер, когда оба бывали свободны, и отправлялся с ней на пляж. Узкая длинная полоса дюн высотой по плечо отделяла их от того места, где офицеры и рядовые плавали голышом. Нейтли, Данбэр и Заморыш Джо обычно тоже приходили в это время. Иногда к ним присоединялся Макуотт, частенько и Аарфи, который, как правило, являлся на пляж в полной форме и не снимал ничего, кроме ботинок и фуражки:

Аарфи никогда не купался. Все остальные носили плавки — из уважения к сестре Даккит, а также к сестре Крэмер. Сестра Крэмер всегда сопровождала сестру Даккит и Йоссариана на пляж и обычно с высокомерным видом усаживалась поодаль, метрах в десяти от них. Никто, кроме Аарфи, не обращал внимания на голых летчиков, загоравших неподалеку или нырявших с огромного, добела отмытого морем плота, который прыгал на волнах за песчаной косой. Сестра Крэмер сидела в одиночестве: она сердилась на Йоссариана и была разочарована в сестре Даккит.

Сестра Даккит презирала Аарфи, и это было одно из ее достоинств, ценимых Йоссарианом. Иногда в сумерках Они лежали на пляже, и в такие минуты ее близость давала ему утешение и успокоение. Он любил ее — безмятежную, мягкую, отзывчивую, любил за преданность, которую она демонстрировала с гордостью. Заморыш Джо тоже жаждал приласкать сестру Даккит, и Йоссариан не раз осаживал его сердитым взглядом. Сестра Даккит кокетничала с Заморышем Джо, желая распалить его посильней, а когда Йоссариан унимал ее, толкнув локтем или кулаком, в ее круглых светло-карих глазах мелькало

огорчение.

Пока они играли в карты на полотенце, на белье или одеяле, сестра Даккит, сидя спиной к дюнам, тасовала запасную колоду. А когда не тасовала карты, косилась в карманное зеркальце и подмазывала тушью загнутые рыжеватые ресницы. Иногда она ухитрялась спрятать несколько карт из колоды, и они обнаруживали пропажу только в процессе игры. Когда, раздраженно отшвырнув карты, они колотили ее по рукам и ногам, обзывали разными нехорошими словами и требовали, чтобы она перестала дурачиться, сестра Даккит хохотала во все горло и вся светилась от удовольствия. Заметив, что игроки как-то особенно напряженно задумались, она принималась бессмысленно болтать, а когда они начинали еще сильней бить ее кулаками по рукам и ногам, требуя, чтобы она заткнулась, на щеках сестры Даккит разгорался счастливый румянец. Когда взоры Йоссариана и его приятелей устремлялись на нее, сестра Даккит упивалась подобным вниманием и радостно трясла короткой каштановой челкой.

По вечерам, когда Йоссариана одолевала душевная маята, он брал два одеяла и отправлялся с сестрой Даккит на пляж. Над ними, на холодном,

черном, как тушь, небе, светились крохотные ледяные звезды. На призрачной лунной дорожке покачивался плот: казалось, его уносит в открытое море.

Сестра Крамер перестала разговаривать со своей лучшей подругой, сестрой Даккит, из-за ее связи с Йоссарианом. Но она по-прежнему ходила повсюду с сестрой Даккит: ведь та была ее лучшей подругой. Сестра Крэмер не одобряла поведения Йоссариана и его друзей. Когда они вставали и шли купаться вместе с сестрой Даккит, сестра Крамер тоже вставала и шла купаться, сохраняя все ту же десятиметровую дистанцию. И в воде она молчаливо держалась от них на расстоянии десяти метров, презрительно вздернув нос. Если они смеялись и плескались, то и она смеялась и плескалась;если они ныряли — и она ныряла;если они заплывали на песчаную косу и отдыхали там, то сестра Крэмер тоже заплывала на песчаную косу и тоже отдыхала там. Они выходили из воды — она тоже выходила, вытирала плечи полотенцем и усаживалась в сторонке, на свое место, прямая, как доска, и вокруг ее льняных волос сиял радужный солнечный нимб. Сестра Крэмер была готова заговорить с сестрой Даккит, если бы та покаялась и принесла извинения. Но

сестра Даккит предпочитала, чтобы все оставалось, как есть. Ей уже давно хотелось дать сестре Крэмер хорошего шлепка, чтобы та заткнулась.

Сестра Даккит находила Йоссариана очаровательным и уже занялась его перевоспитанием. Она любила смотреть на него, когда, уткнувшись лицом в песок, он дремал, обняв ее одной рукой, или когда с мрачным видом наблюдал, как бесконечной чередой катились незлобивые волны, прирученные, точно щенки, резвились у берега, прыгали на песок и затем рысцой убегали обратно. Когда он молчал, сестра Даккит чувствовала себя спокойно. Она знала, что не докучает ему, и, пока он дремал или предавался размышлениям, старательно полировала и красила ногти. Дрожащие струи теплого предвечернего бриза осторожно ворошили песок. Ей нравилось глядеть на его широкую, длинную, мускулистую спину, покрытую безупречной бронзовой кожей.

С сестрой Даккит Йоссариан никогда не чувствовал себя одиноким. Хотя характер у сестры Даккит был достаточно капризный, она умела вовремя и смолчать. Вид обширного и бескрайнего океана преследовал и терзал Йоссариана. В то время как сестра Даккит полировала ногти, он оплакивал всех людей, нашедших смерть

под волнами. Наверняка их было уже больше миллиона. Что сталось с ними? Какие твари изъели их плоть? Он представил себе ужасающее бессилие легких, которым нечем дышать под многотонной толщей воды. Йоссариан следил за рыбачьими лодками, военными катерами, снующими взад-вперед; они казались нереальными, не верилось, что там, на борту, люди обычного, нормального роста занимаются своими делами. Он посмотрел в сторону каменистой Эльбы и машинально поднял глаза в поисках пушистого, белого, похожего на луковицу облака, в котором исчез Клевинджер. Он вглядывался в туманный итальянский горизонт и думал об Орре. Клевинджер и Орр. Куда они девались?

Однажды в час заката Йоссариан стоял на дамбе и заметил замшелое бревно, которое прибой нес прямо на него. И вдруг он неожиданно понял, что перед ним утопленник со вздувшимся лицом. Это был первый покойник, которого он видел в своей жизни. Ему безумно захотелось жить. И он бросился к сестре Даккит, чтобы прильнуть к ее телу. С тех пор он начал пристально всматриваться в каждый плывущий по волнам предмет, боясь опознать обезображенный труп Клевинджера или Орра.

Он был готов к любому ужасному сюрпризу, но только не к тому, что преподнес ему однажды прямо средь бела дня Макуотт. Среди полного покоя и тишины откуда-то издалека бурей налетел самолет Макуотта. С неистовым ревом и грохотом он пронесся над береговой полосой, над пляшущим плотом, на котором голышом стоял светловолосый бледный Малыш Сэмпсон. Даже издали было видно, насколько он худ. Паясничая, он подпрыгнул, но в этот момент мчащийся самолет, то ли в результате шаловливого порыва ветра, то ли в результате чепухового просчета Макуотта, будто слегка провалился и пропеллером рассек тело Малыша Сэмпсона пополам.

Даже те, кто не был на пляже, живо, со всеми подробностями помнили, что произошло дальше. Сквозь сокрушительный, оглушающий рев моторов просочилось коротенькое, тихонькое, но отчетливо слышимое:

— «Тссс!»

На плоту остались стоять только две белые костлявые ноги Малыша Сэмпсона, каким-то образом еще связанные между собой сухожилиями у окровавленных, перерезанных бедер. Казалось, ноги простояли как вкопанные целую минуту, а потом со слабым всплеском опрокинулись в море

и перевернулись так, что из воды торчали только гипсово-белые пятки и ступни с карикатурными пальцами.

На берегу разразился ад. Невесть откуда появилась сестра Крамер и истерически зарыдала на груди у Йоссариана. Одной рукой он поддерживал ее, а другой — сестру Даккит, которая тоже, дрожа всем телом и рыдая, уткнулась ему в грудь длинным, угловатым, смертельно-бледным лицом. Весь пляж с визгом побежал. Мужчины голосили, как женщины. Согнувшись в три погибели, люди в панике неслись к своим вещам. Те, кто еще был в воде, отчаянно торопились к берегу. Началось всеобщее беспорядочное отступление с пляжа. Оборачиваясь через плечо, люди бросали назад взгляды, полные муки и ужаса. Тенистый, густой. шелестящий лес наполнился стонами и криками. Йоссариан подгонял растерянных, спотыкающихся женщин, заставляя их поторапливаться, потом с руганью побежал назад, чтобы помочь Заморышу Джо. Тот, перебираясь через ручей, наступил не то на одеяло, не то на футляр фотоаппарата и упал лицом в грязную жижу.

В эскадрилье уже все знали. Люди в военной форме, охваченные мистическим ужасом, кричали и бегали или застывали на месте. Другие, как

сержант Найт и доктор Дейника, задрав головы, сосредоточенно следили за провинившимся, несчастным, одиноким самолетом Макуотта, который, виражируя, медленно кружил и кружил, набирая высоту.

— Кто это? — тревожно закричал Йоссариан. Задыхаясь и прихрамывая, он подбежал к доктору Дейнике. — Кто в машине?

— Макуотт, — ответил сержант Найт. — И с ним два новых пилота, которых он взял в учебный полет. И доктор Дейника тоже там.

— Да здесь я, — возразил доктор Дейника странным, встревоженным голосом и метнул острый взгляд в сторону сержанта Найта.

— Почему он не идет на посадку? — в отчаянии воскликнул Йоссариан. — Зачем он набирает высоту?

— Наверное, боится идти на посадку, — ответил сержант Найт, не отрывая взгляда от одинокой машины Макуотта, карабкавшейся все выше и выше. — Он ведь понимает, в какую влип беду.

Не меняя угла подъема, Макуотт все продолжал набирать высоту и вел гудящий самолет по правильно очерченной овальной спирали. Все дальше удаляясь от моря и держа курс на юг, он развернулся над отрогами бурых гор, сделал еще

один круг над аэродромом и полетел на север. Скоро он был на высоте более пяти тысяч футов. Звук моторов стал едва слышен. Внезапно в воздухе со странным хлопком раскрылся белый парашют. Через несколько мгновений раскрылся второй парашют и, подобно первому, поплыл вниз, точно в направлении посадочной полосы. На земле никто не шелохнулся. Еще полминуты самолет продолжал лететь на юг, по тому же самому, уже изведанному маршруту, а затем Макуотт начал разворот.

— Еще двое должны прыгнуть, — сказал сержант Найт, — Макуотт и доктор Дейника.

— Да я же здесь, сержант Найт, — жалобно проговорил доктор Дейника. — Меня нет в самолете.

— Почему они не прыгают? — упорствовал сержант Найт. — Почему они не прыгают?

— Это не имеет смысла, — убитым тоном сказал доктор Дейника, кусая губы. — Явно не имеет смысла.

Но Йоссариан вдруг понял, почему Макуотт не прыгает и, не в силах владеть собой, побежал через весь палаточный городок вдогонку за самолетом Макуотта. Йоссариан махал руками и кричал с мольбой в голосе:

— Садись, Макуотт! Иди на посадку!

Но Макуотт, конечно, его не слышал. Протяжный, душераздирающий вопль вырвался из груди Йоссариана: он увидел, как Макуотт еще раз развернулся, приветственно покачал крыльями и, пропев, наверное, свое: «Как я рад, как я рад, мы попали прямо в ад!», — врезался в гору.

Полковник Кэткарт был так потрясен смертью Малыша Сэмпсона и Макуотта, что поднял норму боевых вылетов до шестидесяти пяти.

31. Миссис Дейника

Когда полковник Кэткарт узнал, что доктор Дейника тоже погиб в самолете Макуотта, он увеличил норму боевых вылетов до семидесяти.

Раньше всех в эскадрилье о гибели доктора Дейники услышал сержант Таусер: дежурный из контрольно-диспетчерского пункта передал ему первому, что фамилия доктора Дейники значилась в полетном листе, который Макуотт заполнил перед вылетом. Сержант Таусер смахнул слезу и вычеркнул фамилию доктора Дейники из списка личного состава эскадрильи. Губы его дрожали, когда он нехотя встал из-за стола и поплелся к Гэсу и Уэсу, чтобы сообщить им дурную новость. Проходя мимо самого доктора Дейники, он благоразумно постарался не вступать с ним в

разговор. С безнадежно унылым, погребальным видом, освещенный лучами заходящего солнца, доктор сидел между штабом эскадрильи и санчастью, взгромоздившись на свой стульчик, как на насест.

На сердце у сержанта было тяжело: теперь на нем висели целых два покойника — Мадд, покойник из палатки Йоссариана, который был всего лишь фикцией, и доктор Дейника — новый покойник в эскадрилье, чье физическое присутствие не только не вызывало никаких сомнений, но и означало для сержанта Таусера еще одну жгучую административную проблему.

Гэс и Уэс стоически выслушали сержанта Таусера, но никому не сказали ни слова о постигшей их тяжелой утрате, покуда час спустя к ним не пожаловал сам доктор Дейника, чтобы в третий раз за день измерить температуру и кровяное давление. Термометр показал на полградуса ниже обычной пониженной температуры доктора Дейники. Доктор встревожился. Пристальные, пустые, неподвижные взгляды его подчиненных раздражали его сегодня больше, чем обычно.

— Черт бы вас побрал! — заявил доктор Дейника с необычной для него раздражительностью. — Что, в конце концов, с вами происходит? Ведь это

же ненормально, что человек все время ходит с пониженной температурой и заложенным носом. — Исполненный жалостью к самому себе, доктор мрачно шмыгнул носом и с безутешным видом прошествовал через палатку, намереваясь принять таблетки аспирина и стрептоцида и смазать горло ляписом. Скрестив руки, он начал потирать плечи. В эту минуту он со своей худенькой удрученной физиономией напоминал осеннюю ворону. — Вы только посмотрите, какой у меня озноб. Вы ничего от меня не скрываете?

— Вы мертвец, сэр. — объяснил один из его подчиненных.

Доктор Дейника оскорбление вскинул голову и недоверчиво переспросил:

— Что?

— Вы мертвец, сэр — ответил другой. — Поэтому-то вам, наверное, всегда и холодно.

— Это верно, сэр, — подтвердил его коллега. — Вы, вероятно, давно уже мертвец, а мы этого даже не замечали.

— Что за чертовщину вы городите? — пронзительно закричал доктор Дейника. В нем нарастало жуткое ощущение неумолимо надвигающегося несчастья.

— Нет, это правда, сэр, — сказал один из его по-

мощников. — Документы свидетельствуют, что вы полетели с Макуоттом, чтобы набрать нужное количество летных часов. С парашютом вы не выбросились, значит, разбились в самолете.

— Это верно, сэр, — сказал другой помощник. — Радуйтесь, что у вас осталась хоть какая-то температура.

Голова у доктора Дейники пошла кругом.

— Вы что, рехнулись? — спросил он. — Я сообщу сержанту Таусеру, что вы не подчиняетесь старшему по званию.

— Сержант Таусер нам и сказал, что вы мертвец, — возразил не то Гэс, не то Уэс. — Военное министерство собирается даже послать вашей жене «похоронку».

Доктор Дейника взвизгнул и, выскочив из санчасти, побежал к сержанту Таусеру заявить протест. Но сержант суеверным ужасом отшатнулся от него и посоветовал доктору Дейнике не попадаться никому на глаза, покуда не будет принято решение, как распорядиться его останками.

— Ну и дела, а ведь он, кажется, и вправду мертвец, — горестно заметил один из помощников доктора Дейники, почтительно понизив голос. — Боюсь, что буду скучать по нему. Какой был добрый, отзывчивый человек…

— Да-а, это уж точно, — скорбным тоном откликнулся другой. — Но вообще-то я рад, что этот недоносок отдал концы: осточертело с утра до вечера мерить ему давление.

Зато супруга доктора Дейники отнюдь не обрадовалась, узнав, что муж отдал концы. Получив телеграфное извещение от военного министерства, что муж ее погиб при исполнении боевого долга, она раскололa мирную, ночную тишину Стейтен-Айленда[16] жалобным, замогильным воплем. Женщины поспешили утешить ее, а их мужья — нанести визит соболезнования, надеясь в глубине души, что вдова скоро переберется в другой район и избавит их от необходимости постоянно выражать ей сочувствие. Целую неделю бедная женщина не помнила себя от горя. Постепенно она нашла в себе силы мужественно взглянуть в лицо будущему, сулившему ей и ее детям жестокую нужду. Когда она почти уже смирилась с ударом судьбы, на нее как гром среди ясного неба обрушился почтальон — он доставил ей письмо мужа из-за океана. Доктор Дейника отчаянно умолял ее не верить никаким дурным слухам касательно его судьбы Миссис Дейника была совершенно сбита с толку. Дату на письме разобрать не удалось. Почерк был

трясущийся и торопливый, но меланхоличный, жалостный тон показался ей очень знакомым, хотя и более мрачным, чем обычно. Вне себя от радости, миссис Дейника разразилась рыданиями и принялась целовать мятый, замызганный конверт со штампом военно-полевой почты. Она поспешила послать мужу благодарное письмо, требуя от него подробностей, и сообщила телеграммой военному министерству, что произошла ошибка. Военное министерство обиженно заявило в ответ, что никакой ошибки нет и что миссис Дейника, без сомнения, стала жертвой какого-то садиста-мистификатора из эскадрильи ее мужа. Письма ее к мужу вернулось нераспечатанным со штампом: «Погиб в бою».

Миссис Дейника снова превратилась в несчастную вдову. Но на сей раз ее горе смягчило уведомление из Вашингтона о том, что она является единственной владелицей военного страхового полиса своего супруга на сумму в десять тысяч долларов, каковая сумма может быть ею получена по первому требованию. Мысль о том, что ей и ее детям не угрожает скорая голодная смерть, осветила лицо вдовы улыбкой надежды. С тех пор в ее вдовьих делах наметился коренной перелом. На следующий день управление по делам

ветеранов войны письменно сообщило ей, что в связи с кончиной мужа она получает право на пожизненную пенсию; кроме того, ей положено пособие на похороны мужа в размере двухсот пятидесяти долларов. В письмо был вложен правительственный чек на указанную сумму. Медленно, но неотвратимо горизонт очищался от туч. На той же неделе пришло письмо из управления социального обеспечения, уведомлявшее, что в соответствии с законом 1935 года о страховании лиц преклонного возраста и оставшихся в живых иждивенцев миссис Дейника будет ежемесячно получать вспомоществование на себя и на своих несовершеннолетних детей, а также может получить пособие на похороны в размере двухсот пятидесяти долларов. Имея на руках эти официальные письма как доказательство смерти супруга, миссис Дейника потребовала выплаты ей страховки по трем полисам мужа на сумму в пятьдесят тысяч долларов каждый. Просьба ее была удовлетворена охотно и быстро. Каждый день приносил ей новые нежданные-негаданные сокровища. Ключи от личного банковского сейфа мужа дали ей четвертый страховой полис на сумму пятьдесят тысяч долларов и восемнадцать тысяч долларов наличными, с которых подоход-

ный налог никогда не взимался и теперь уже никогда не будет взиматься. Студенческая организация, в которую когда-то входил ее супруг, предоставила вдове участок на кладбище. Еще одна молодежная организация, членом которой доктор Дейника состоял с незапамятных времен, прислала ей на похороны двести пятьдесят долларов. Окружная медицинская ассоциация выделила двести пятьдесят долларов на те же похороны.

Мужья ближайших подруг начали заигрывать с миссис Дейникой. Восхищенная таким оборотом дел, она выкрасила волосы. Фантастическая гора денег непрерывно росла, и миссис Дейнике приходилось напоминать самой себе, что все эти сотни тысяч долларов не стоят и гроша, ибо ее бедный муж не может разделить с ней радости от этого гигантского богатства. Ее поражало, что такое множество учреждений горело желанием похоронить ее мужа.

Между тем на Пьяносе доктор Дейника переживал ужасные времена. Стараясь окончательно не пасть духом, обуреваемый мрачными предчувствиями, он ломал себе голову. почему жена не ответила на его письмо.

Эскадрилья подвергла доктора остракизму. Лю-

ди всячески оскверняли память покойного, ибо он дал повод полковнику Кэткарту увеличить норму боевых вылетов. Документы, свидетельствовавшие о факте его смерти, размножались, как насекомые: один документ подтверждался другим, не оставляя места никаким сомнениям. Доктору перестали выплачивать жалованье и сняли его с довольствия. Теперь он существовал только за счет благотворительности сержанта Таусера да Милоу, хотя оба они знали, что он погиб.

Полковник Кэткарт отказывался принимать доктора, а подполковник Корн сообщил майору Дэнби, что, если доктор Дейника посмеет появиться в штабе полка, он кремирует его на месте. Майор Дэнби сделал вывод, что штаб полка зол на всех военных врачей из-за доктора Стаббса — лохматого, брудастого, неряшливого человека, — врача из эскадрильи Данбэра. Стаббс сознательно, с явным вызовом заварил кашу, под разными предлогами освобождая от полетов тех, кто выполнил шестьдесят боевых заданий. Штаб полка с негодованием отверг решения Стаббса и приказал вернуть к исполнению боевых обязанностей обескураженных пилотов, бомбардиров, штурманов и стрелков. Боевой дух эскадрильи

катастрофически падал, а Данбэр оказался под подозрением у начальства. В штабе полка были рады гибели доктора Дейники и не собирались просить ему замену.

При такой обстановке даже капеллан не мог вернуть доктора Дейнику в категорию живых. Вначале доктор был встревожен, но постепенно сдался и все больше и больше становился похож на больного грызуна. Мешочки под его глазами почернели и обвисли. Неприкаянный, словно привидение, слонялся он по лагерю. Даже капитан Флюм отпрянул от него, когда доктор, разыскав его в лесу, попросил о помощи. Жестокие Гэс и Уэс прогнали его из санчасти, даже не измерив ему температуры. И тогда, только тогда доктор Дейника наконец понял, что он — всамделишный мертвец и что, если он хочет спасти свою шкуру, нужно что-то срочно предпринять.

Кроме, как к жене, обращаться ему было не к кому. Он нацарапал ей пылкое послание, заклиная супругу обратить внимание военного министерства на его судьбу. Он умолял ее немедленно списаться с командиром полка полковником Кэткартом, чтобы получить от него заверение в том, что, вопреки ложным слухам, ее муж, доктор Дейника, жив и это именно он обращается к ней,

а не труп и не самозванец. Миссис Дейника была потрясена, получив такое послание. Ее терзали угрызения совести, и она была почти готова поверить, что муж жив, но в тот же день пришло еще одно письмо — от самого полковника Кэткарта, командира полка, в котором служил ее супруг. Письмо начиналось следующими словами:

«Дорогая миссис, мистер, мисс или мистер и миссис Дейники! Нет слов, чтобы выразить мое глубокое личное горе в связи с тем, что ваш муж, сын, отец или брат убит, ранен или пропал без вести».

Миссис Дейника подхватила своих детей и переехала в город Лансинг (штат Мичиган), даже не оставив своего нового адреса.

32. Йо-Йо и его соседи

Йоссариану было тепло, хотя наступили холода и низкие, похожие на китов тучи бесконечной чередой потянулись по тусклому грифельно-серому небу. Вот так же два месяца наэад, в день вторжения в Южную Францию, тянулись, гудя, темные железные стаи бомбардировщиков дальнего действия Б—17 и Б—24, поднявшиеся с авиабаз в Италии.

Погожие деньки миновали. Легких заданий больше не перепадало. Хлестал колючий дождь, стлался густой промозглый туман, пилоты летали примерно раз в неделю, когда небо прояснялось. По ночам завывал ветер. Сучковатые, низкорослые деревья скрипели и стонали, и каждое утро, еще в полусне слыша эти звуки, Йоссариан неизбежно возвращался мыслью к костлявым ногам Малыша Сэмпсона. А еще Йоссариана неотвязно преследовало воспоминание о том, как в хвостовом отсеке самолета жалобно скулил коченеющий Сноуден. По ночам, пытаясь уснуть, Йоссариан мысленно разворачивал свиток с именами всех известных ему мужчин, женщин и детей, ушедших из жизни. Он пытался припомнить всех солдат и воскресить в памяти стариков из своего детства — теток, дядей, соседей, родителей, бабушек и дедушек, своих собственных и чужих, и даже этих жалких, суетливых торговцев, которые на рассвете открывали свои пыльные лавчонки и как идиоты крутились до полуночи за прилавком. Все они тоже умерли. Казалось, число покойников все увеличивается, а немцы воюют и воюют. Теперь он остро, как никогда, почувствовал, что смерть необратима: из смерти нет пути назад, в жизнь, и ему стало казаться, что

он вот-вот тронется умом.

Хотя наступили холода, Йоссариану было тепло благодаря чудесной печке Орра; он мог бы и дальше блаженствовать в своей теплой палатке, если бы его не мучили мысли об Орре и если бы не шайка жизнерадостных новых соседей, которые однажды с гиканьем ворвались к нему в палатку. Эти парни прибыли в составе двух экипажей, истребованных полковником Кэткартом и присланных в эскадрилью менее чем через сорок восемь часов взамен Малыша Сэмпсона и Макуотта. Когда, вернувшись с задания, Йоссариан обнаружил их у себя в палатке, он недовольно вздохнул, громко я протяжно.

Их было четверо, и они резвились вовсю, помогая друг другу устанавливать койки. Они топали, как лошади. Едва взглянув на них, Йоссариан понял, что жить с ними будет невозможно. Они были шустрые, озорные, буйно-жизнерадостные. Сдружились они еще в Штатах. Вынести общество этих шумливых, простодушных, безмозглых мальчишек двадцати одного года от роду представлялось немыслимым. До армии они учились в колледже, были помолвлены с хорошенькими чистыми девочками, фотографии которых они уже успели расставить на цементном камине,

сооруженном Орром. Они катались на моторных лодках и играли в теннис. Они ездили верхом на лошадях. У них было полно общих знакомых, и они ходили в школу с кузинами друг друга. Они регулярно слушали репортажи о чемпионате по бейсболу, и их страшно волновали результаты футбольных матчей. Их боевой дух был высок — чего же еще ждать от тупиц? Они радовались тому, что война затянулась и, следовательно, они успеют понюхать пороху. Они еще не успели распаковать свои чемоданы, как Йоссариан уже выставил их за порог.

— О совместном проживании с ними в одной палатке не может быть и речи, — с металлом в голосе объяснил Йоссариан сержанту Таусеру.

С печальным выражением на своем желтоватом лошадином лице сержант Таусер объявил Йоссариану, что тот обязан впустить вновь прибывших офицеров, поскольку сержант Таусер не имеет права взять с полкового склада шестиместную палатку, в то время как Йоссариан проживает в своей в одиночестве.

— В каком же это я одиночестве! — насупившись, сказал Йоссариан. — Со мной еще покойник, по фамилии Мадд.

— Прошу вас, сэр, — устало вздохнув, взмолился

сержант Таусер и покосился на четверку вновь прибывших офицеров, которые молча, ничего не понимая, слушали, стоя у входа. — Мадд убит во время налета на Орвьетто, и вам об этом хорошо известно. Он летел в соседнем с вами самолете.

— Тогда почему же вы не забираете его вещи?

— А потому, что формально он к нам не поступал, и прошу вас, капитан, не будем начинать все сначала. Можете, если хотите, переселиться к лейтенанту Нейтли. Я пришлю писарей из штаба помочь вам перенести вещи.

Но оставить палатку Орра — значило оставить самого Орра на милость четырех жизнерадостных идиотиков, которые, едва переступив порог, попрали бы и оскорбили память Орра. Было бы несправедливо подарить горластым, зеленым юнцам самую комфортабельную палатку на всем острове, после того как в нее было вложено столько труда. Но таков порядок, объяснил сержант Таусер, и Йоссариану оставалось лишь с сердито-виноватым видом наблюдать, как новенькие занимают его владения и устраиваются в них как дома, да острить по их адресу.

Более назойливых и обременительных людей Йоссариан в жизни своей не встречал. У них всегда было прекрасное настроение. Они

смеялись по всякому поводу. Они шутливо называли его Йо-Йо и, возвращаясь поздно ночью под хмельком, старались его не потревожить, но неуклюже наталкивались друг на друга, шумели, хихикали и в конце концов будили его, а когда он, чертыхаясь, садился на койке и жаловался, что ему не дают спать, они перекрывали его жалобы ослиными криками и веселым дружелюбным гомоном. В такие минуты ему хотелось устроить им Варфоломеевскую ночь. Эти люди напоминали Йоссариану шкодливых племянников Дональда Дака[17]. Они побаивались Йоссариана и непрерывно досаждали ему своим простодушием и раздражающе-настойчивыми попытками оказать разные мелкие услуги. Они были отважными, наивными, непосредственными, самонадеянными, почтительными и шумливыми. Они были тупоголовы и потому всем довольны. Они восторгались полковником Кэткартом, а подполковника Корна считали остряком. Они боялись Йоссариана, но ни капельки не боялись нормы в семьдесят боевых вылетов, установленной полковником Кэткартом. Эта четверка гладковыбритых мальчишек веселилась без устали и доводила Йоссариана до исступления. Он никак не мог втемяшить в их глупые

головы, что в свои двадцать восемь лет он уже старик с укоренившимися странностями, что он принадлежит к другому поколению, к другой эпохе, к другому миру, что их веселье не стоит выеденного яйца и претит ему и что сами они тоже претят ему Ему никак не удавалось заставить их заткнуться и умерить свои восторги.

Их дружки из других эскадрилий начали бесцеремонно захаживать в палатку, превратив ее в притон. Йоссариану некуда было деться. Хуже всего, что он не мог приводить к себе сестру Даккит. А теперь, когда стояла гнусная погода, вести ее было больше некуда. Это было подлинным бедствием, которого он не мог предусмотреть заранее. Ему хотелось взять каждого из них за шиворот и перекидать всех по очереди, как котят, в мокрый, колючий. бурьян, растущий между его личным писсуаром — ржавой кастрюлей с дыркой на дне — и общей уборной, сколоченной из сучковатых сосновых досок и походившей на купальную кабинку.

Но, вместо того чтобы как-то расправиться с ними, Йоссариан темным вечером под моросящим дождем потащился в галошах и черном дождевике уговаривать Вождя Белый Овес переселиться к нему, чтобы Вождь своей чудовищной руганью

и свинскими привычками заставил убраться куда-нибудь подальше этих благовоспитанных мерзких чистюль. Но Вождь Белый Овес простудился и собирался в госпиталь, чтобы умереть там от воспаления легких. Инстинкт подсказывал Вождю, что его час пробил. Грудь болела, кашель беспрестанно сотрясал его. Спиртное больше не грело. Самым тяжким проклятьем для него было то, что капитан Флюм вернулся в их трейлер. Это уж, несомненно, было дурным предзнаменованием.

— Ему пришлось вернуться, — доказывал Йоссариан в тщетной попытке развеселить мрачного широкоплечего индейца, чье литое медно-красное лицо с каждым днем тускнело и приобретало известково-серый оттенок. — При такой погоде в лесу он бы сдох.

— Нет, желтопузая крыса вернулась не поэтому, — упрямо гнул свое Вождь Белый Овес. Жестом провидца он постучал себя пальцем по лбу. — Нет, ваше высочество, он что-то чует. Он чует, что настал мой час помирать от воспаления легких, вот что он почуял. И поэтому я знаю, что мой час пробил.

— А что говорит доктор Дейника?

— Мне не разрешают ничего говорить, — пе-

чально сказал доктор Дейника, сидя на своем стульчике в темном углу палатки. Его гладкое остренькое личико казалось мертвенно-зеленоватым в мерцающем пламени свечи. От всего вокруг разило плесенью. Несколько дней назад лампочка в палатке разбилась, и оба обитателя палатки все никак не могли собраться с силами, чтобы заменить ее новой.

— Мне больше не позволяют заниматься медициной, — добавил доктор Дейника.

— Он мертвец, — злорадно заявил Вождь Белый Овес и рассмеялся хрипло и вяло. — Вот уж действительно потеха.

— Я даже жалованья больше не получаю.

— Вот уж действительно потеха, — повторил Вождь Белый Овес. — Он все время измывался надо мной, и вот посмотри, что с ним стало. Его погубила собственная жадность.

— Нет, не это меня погубило, — заметил доктор Дейника спокойным, бесстрастным голосом. — Жадность здесь ни при чем. Во всем виноват этот паршивый доктор Стаббс. Он восстановил полковника Кэткарта и подполковника Корна против всех полковых врачей. Из-за его принципиальности слово «врач» стало бранным словом. Если он не будет вести себя осторожней, меди-

цинская ассоциация штата его забаллотирует и не пустит на порог ни одной больницы.

Йоссариан смотрел, как Вождь Белый Овес осторожно разливает виски в три пустых пузырька из-под шампуня и засовывает их в рюкзак вместе с другими пожитками.

— Ты не мог бы по дороге в госпиталь зайти ко мне в палатку и двинуть по носу одному из моих соседей? Сделай это ради меня, — задумчиво сказал Йоссариан. — Их четверо, и они норовят выжить меня из палатки.

— А знаешь, нечто вроде этого стряслось однажды со всем моим племенем, — сочувственно заметил Вождь Белый Овес и со смешком откинулся на койке. — Почему бы тебе не попросить капитана Блэка вышвырнуть этих мальчишек? Капитан Блэк любит выставлять людей за порог.

Йоссариана передернуло при одном упоминании о капитане Блэке. Капитан Блэк постоянно издевался над новыми летчиками, приходившими в разведотдел за картами или разведданными. Вспомнив про Блэка, Йоссариан сразу почувствовал жалость к своим соседям по палатке, ему захотелось взять их под свое крыло. Не их вина, что они так молоды и веселы, говорил он себе, посвечивая в темноте карманным фонариком, и

ему тоже захотелось стать молодым и веселым. Не их вина, что они такие бесшабашные, доверчивые и беззаботные. Просто надо терпеливо обождать, покуда убьют одного или двух из них, а остальных ранят, и тогда все пойдет, как надо. Он поклялся быть с ними более терпимым и великодушным, но, когда он с самыми дружескими намерениями нырнул в свою палатку, высокое золотистое пламя трещало в камине, и он, ужаснувшись, застыл на месте. Чудесные березовые поленья Орра горели, окутанные дымом! Его соседи предали их огню. Он уставился на бездушные раскрасневшиеся физиономии, и ему захотелось облаять их последними словами и столкнуть друг с другом лбами, а они громко, компанейски приветствовали его и великодушно пригласили разделить с ними каштаны и печеную картошку. Ну что с такими поделаешь?

А на следующее утро они спровадили покойника из его палатки. Просто взяли и вымели. Они вынесли его койку и пожитки прямо в кусты, и все это свалили там в кучу, а сделав дело, отряхнули руки и бодрым шагом вернулись в палатку. Йоссариана поразила их бьющая через край энергия и задор, их простой, практичный подход к делу. За какие-то несколько секунд они

так легко и просто разрешили проблему, над которой Йоссариан и сержант Таусер безуспешно бились долгие месяцы. Йоссариан не на шутку встревожился: чего доброго, они так же лихо избавятся и от него! Он помчался к Заморышу Джо я смылся с ним в Рим.

33. Нейтлева красотка

В Риме Йоссариан так сильно тосковал по сестре Даккит, что начал рыскать по римским улицам в надежде найти Лючану с ее незабываемым смехом и шрамом под сорочкой или хотя бы ту самую пьяную, волоокую потаскушку в расстегнутой оранжевой сатиновой блузке. Но он тщетно разыскивал их. Вместо Лючаны он нашел Аарфи, который прибыл в Рим вместе с Данбэром, Нейтли и Доббсом. Аарфи не пожелал идти в этот вечер с хмельной ватагой однополчан выручать нейтлеву красотку, которую какие-то военные заточили в отеле и не хотели выпускать, покуда она не скажет «дядя».

— С какой стати я должен рисковать собой только ради того, чтобы помочь ей оттуда выбраться? — высокомерно вопрошал Аарфи. — Но вы не передавайте Нейтли моих слов. Скажите ему просто, что у меня на сегодня назначена

встреча с крупным деятелем из моей молодежной организации.

Уже немолодые, важные шишки не хотели отпускать нейтлеву красотку, покуда она сама, добровольно, без принуждения не скажет «дядя».

— Скажи «дядя», — говорили они ей.

— Дядя.

— Нет, нет. Ты сама скажи «дядя».

— Дядя.

— Никак она не поймет.

— Ну что ты, не понимаешь? Ты не должна говорить «дядя», когда я велю тебе говорить «дядя». Договорились? Ну скажи «дядя».

— Дядя, — сказала она.

— Нет, ты не говори «дядя». Ну скажи «дядя».

На сей раз она промолчала.

— Вот это хорошо!

— Прекрасно.

— Так, начало положено. Ну скажи «дядя».

— Дядя, — сказала она.

— Вот это нехорошо.

— Нет, так дело не пойдет. Мы для нее — пустое место. Что за интерес добиваться от нее, чтобы она по своей охоте сказала «дядя», когда ей плевать, хотим мы от нее услышать «дядя» или нет.

Она относилась к ним с полнейшим безраз-

личием, и это их ужасно огорчало. Стоило ей зевнуть, как они принимались ее грубо тормошить. Казалось, что девку ничто не волновало, даже их угрозы выкинуть ее из окошка. Ей все наскучило, ее ничто не интересовало, и больше всего ей хотелось спать. Сквозь одолевавшую ее дрему она размышляла, зачем им все это надо. «Интересно, — думала она, — что означает слово „дядя“? С приоткрытым ртом она сидела на тахте, флегматичная, вялая, оцепенелая. Сидела и думала, долго ли еще они будут требовать, чтобы она сказала „дядя“. Тем временем старая подружка Орра, то и дело хихикая над пьяными выходками Йоссариана и Данбэра, привела в отель Нейтли и других участников шутовской спасательной экспедиции.

Нейтли, увидев через приоткрытую дверь комнаты свою девчонку, сидящую на тахте, проскочил вперед, ватага его друзей хлынула за ним и ворвалась в самую гущу развлекающейся компании. При виде их всех Заморыш Джо истерически расхохотался. Он хватался за голову, держался за бока и, не веря глазам своим, тыкал в каждого пальцем. Двое дородных джентльменов с воинственным видом двинулись было им навстречу, но вовремя обратили внимание

на необычайную агрессивность пришельцев, а также на то, что Доббс, словно двуручным мечом, размахивает сварной железной пепельницей. Нейтли уже стоял подле своей девицы. Несколько секунд она взирала на него, не узнавая. Потом слабо улыбнулась и, закрыв глаза, уронила голову ему на плечо. Нейтли пришел в восторг — прежде она ему никогда не улыбалась.

— Господи, да забирайте ее, — обрадованно воскликнул один из джентльменов. — С ней одна морока. За те сто долларов, что мы ей дали, она могла хотя бы злиться и ругаться. Но она даже этого не пожелала делать. Ваш очаровательный юный друг, кажется, не на шутку к ней привязан?

Йоссариан помог Нейтли вывести его девицу в коридор и посадить в лифт. На лице ее блуждала улыбка, как будто ей снился сладкий сон, а голова покоилась на плече Нейтли. Доббс и Данбэр побежали за извозчиком.

Когда они вышли из пролетки, нейтлева девица приоткрыла глаза. Покуда они поднимались по крутой лестнице к ней домой, она сонно причмокивала, а когда Нейтли раздевал ее и укладывал в постель, она уже крепко спала. Она проспала как убитая восемнадцать часов подряд, и все следую-

щее утро Нейтли носился по борделю и каждому встречному говорил: «Тссс». Девчонка проснулась преисполненная самой горячей любви к Нейтли. Таким образом, как показали события, все, что требовалось для завоевания ее сердца, — это дать ей хорошенько выспаться ночью.

Открыв глаза, она увидела Нейтли и блаженно заулыбалась, а затем, томно вытянув под шуршащей простыней свои длинные ноги, с идиотской улыбкой женщины, охваченной любовным жаром, поманила Нейтли к себе. Однако ее сестренка, влетев в комнату, снова помешала им. Нейтлева красотка шлепнула ее и отругала, на сей раз беззлобно. Нейтли почувствовал себя могучим покровителем двух слабых существ. «Чудесная семья у нас будет, — решил он. — Малышка, когда подрастет, пойдет в колледж Смита Рэдклифа или Брайна Морона». И тут же Нейтли поспешил к друзьям, чтобы сообщить им, какое счастье ему привалило. С ликующим видом он пригласил их войти, но, едва они подошли, захлопнул дверь перед самым их носом, чем немало их удивил: он вовремя вспомнил, что его любимая совершенно раздета.

— Оденься, — скомандовал он, благодаря себя за бдительность.

— Почему? — спросила она с любопытством.

— Почему? — переспросил он со снисходительным смешком. — Потому что я не хочу, чтобы тебя видели раздетой.

— Почему не хочешь? — полюбопытствовала она.

— Почему не хочу? — Он удивленно взглянул на нее. — Потому что нехорошо, чтобы другие мужчины видели тебя голой, вот почему.

— Почему нехорошо?

— Потому что я говорю «нельзя», — взорвался Нейтли, приходя в отчаяние. — И прекрати мне возражать. Я мужчина, и тебе придется поступать, как я велю. С этой минуты я запрещаю тебе выходить из комнаты, если ты не одета, как полагается. Ясно?

Девица взглянула на него, как на психопата.

— Ты с ума сошел? В чем дело?

— Я отвечаю за каждое свое слово.

— Ты сумасшедший! — крикнула она, крайне смущенная, и выпрыгнула из постели. Бормоча себе под нос ругательства, она нацепила панталоны и направилась к двери.

Не желая ронять свой авторитет мужчины, Нейтли постарался взять себя в руки.

— Я запрещаю тебе в таком виде выходить из

комнаты, — сказал он.

— Сумасшедший, — выпалила она ему в лицо и недоверчиво покачала головой. — Идиот! Дурак!

Чувствуя свое бессилие, Нейтли несколько секунд в волнении бегал по комнате, а потом бросился в гостиную, чтобы запретить друзьям смотреть на свою возлюбленную. Она же тем временем, стоя перед ними в одних трусиках, жаловалась на Нейтли.

— А почему, в самом деле, нельзя? — спросил Данбэр.

— Почему нельзя? — воскликнул Нейтли. — Потому что теперь она моя, и это нехорошо, если вы увидите ее неодетой.

— Почему нехорошо? — спросил Данбэр.

— Слышишь? — сказала нейтлева девица, пожимая плечом.

— Если не хочешь, чтобы мы на нее смотрели, заставь ее одеться, — запротестовал Заморыш Джо. — Какого черта тебе от нас-то нужно?

— Она меня не послушается, — робко признался Нейтли. — С этой минуты, если она появится в таком виде, вы все обязаны закрывать глаза или смотреть в другую сторону. Договорились?

— Мадонна! — в отчаянии закричала его дама и зашагала прочь из комнаты.

— Ты сумасшедший! — добродушно заметил Йоссариан. — Я вынужден его констатировать.

— Эй, ты с ума сошел или что? — спросил Заморыш Джо, обращаясь к Нейтли. — Тебе еще только осталось запретить ей шляться по улицам.

— С этой минуты, — заявил Нейтли своей девице, — я запрещаю тебе шляться во улицам.

— Почему? — спросила она с любопытством.

— Почему? — взвизгнул он от изумления. — Потому что это некрасиво, вот почему.

— Почему некрасиво?

— Потому что нельзя, — настаивал Нейтли. — Нехорошо, когда такая славная девушка, как ты, ищет себе мужчин. Я буду давать денег, сколько тебе надо, и тебе больше не придется заниматься этим делом.

— И что же я вместо этого буду делать целый день?

— Что делать? — сказал Нейтли. — То же, что делают все твои подруги.

— Мои подруги ходят по улицам и выискивают мужчин.

— Тогда заведи себе новых подруг. Я не желаю, чтобы ты вообще зналась с такими девицами. Проституция — это позор. Это знают все, даже он. — И Нейтли доверчиво обернулся к своему

постоянному оппоненту — противному старикашке: — Я прав?

— Нет, не прав, — ответил старик. — Проституция дает ей возможность встречаться с людьми. Благодаря своей профессии она проводит много времени на свежем воздухе и занимается полезными физическими упражнениями.

— Отныне, — сурово заявил Нейтли своей подруге, — запрещаю тебе общаться с этим аморальным типом!

— Пошел ты к черту! — ответила девица, закатывая глаза под потолок. — Что он от меня хочет? — взмолилась она и сжала кулаки. — Убирайся! — сказала она угрожающе. — Тупица! Если ты думаешь, что у меня такие скверные подруги, скажи своим приятелям, чтобы они не крутили с ними шуры-муры.

— Отныне, — сказал Нейтли своим друзьям, — я полагаю, что вы, ребята, прекратите увиваться около ее подруг и угомонитесь.

— Мадонна! — закричали его друзья, закатив глаза под потолок.

Нейтли начисто сошел с ума. Он хотел, чтобы все они немедленно влюбились и женились. Данбэр может жениться на девке Орра, а Йоссариан мог бы влюбиться в сестру Даккит или в кого

угодно. После войны все они могли бы работать у его отца и воспитывать детей в одном и том же провинциальном учебном заведении. Мысленно Нейтли видел все это с предельной четкостью. Любовь превратила его в романтически настроенного идиота. Когда друзья отвели его обратно в спальню, он начал пререкаться со своей пассией по поводу капитана Блэка. Она согласилась никогда больше не спать с капитаном Блэком и не давать ему нейтлевых денег, но отказалась поступиться своей дружбой с беспутным старикашкой, который с таким оскорбительно-насмешливым видом наблюдал за бурным романом Нейтли и наотрез отказывался признать, что Конгресс США — величайший в мире совещательный орган.

— Отныне, — твердым голосом приказал Нейтли своей девице, — я категорически запрещаю тебе даже разговаривать с этим отвратительным стариком.

— Опять за старика взялся! — Девица чуть не плакала. — Почему?

— Потому что ему не нравится палата представителей.

— Боже мой! Что с тобой произошло? — воскликнула девица, запустив обе пятерни в свои каштановые локоны.

Но когда Нейтли уезжал, она очень по нему скучала и пришла в ярость оттого, что Йоссариан изо всех сил дал Нейтли по физиономии и ее друг оказался в госпитале со сломанным носом.

34. День благодарения

В том, что Йоссариан двинул Нейтли по носу в День благодарения, был целиком виноват сержант Найт. Случилось это после того, как вся эскадрилья почтительно поблагодарила Милоу за фантастически обильную трапезу Офицеры и сержантско-рядовой состав обжирались полдня. С безграничной щедростью Милоу раздавал каждому желающему непочатые бутылки виски, и еще до наступления темноты повсюду белели меловые лица упившихся молодых солдат — они валялись как трупы на каждом шагу. В нос шибало винным перегаром. А многие еще продолжали возлияния, и буйное веселье не прекращалось. Грубая, необузданная вакханалия шумно разлилась по базе, через лес докатилась до офицерского клуба, захлестнула госпиталь и расположение зенитных батарей. В эскадрилье начались драки, а один раз дело дошло до поножовщины.

В палатке разведотдела капрал Колодный, балуясь пистолетом, прострелил себе ногу. Ему тут

же намазали марганцовкой десны и пальцы ног, сунули в санитарную машину, и, пока машина мчалась в госпиталь, капрал лежал на спине, а из его раны хлестала кровь. Люди с порезанными пальцами, разбитой головой, с желудочными коликами и переломанными ногами с покаянным видом ковыляли к санчасти, где Гас и Уэс мазали им десны и пальцы ног марганцовкой и выдавали таблетки слабительного, которые пациенты немедленно швыряли в кусты.

Веселый праздник затянулся далеко за полночь, ночная тишь то и дело нарушалась дикими, ликующими воплями, натужным кряхтеньем блюющих, стонами, смехом, угрозами, руганью и звоном разбиваемых о камни бутылок. Издалека доносились похабные песни. В общем, гульба была похлеще, чем в новогоднюю ночь.

Боясь, как бы чего не вышло, Йоссариан на всякий случай лег спать пораньше, и вскоре ему приснилось, будто он несется очертя голову вниз по бесконечной деревянной лестнице, выбивая каблуками громкую дробь. Тут он на мгновение проснулся и сообразил, что кто-то стреляет в него из пулемета. Первой его мыслью было, что Милоу снова атакует эскадрилью. Йоссариан скатился с койки на пол и, беззвучно молясь,

лежал трепещущим комком. К горлу подступали рыдания. Сердце стучало, как паровой молот. Однако гула самолетов не было слышно. Издалека доносился пьяный счастливый смех. «С Новым годом, с Новым годом!» — знакомый, торжествующий голос злорадно кричал откуда-то сверху в перерывах между короткими, злыми пулеметными очередями. Йоссариан понял, что какой-то шкодник пробрался к пулеметным позициям: Милоу оборудовал их в горах после своего налета на эскадрилью, заботливо обложил мешками с песком и укомплектовал надежными людьми…

Гнев и ненависть охватили Йоссариана, когда он понял, что стал жертвой бессовестной шутки. Его не просто разбудили, но превратили в запуганного, скулящего пса. Ему хотелось крушить и убивать. Никогда еще он не был таким злым. Сейчас он был злее, чем когда пытался задушить Макуотта. Пулемет снова дал очередь. Опять раздался крик: «С Новым годом!» — и злорадный смех скатился во тьму с горы, точно там ведьмы справляли шабаш. В тапочках на босу ногу и комбинезоне Йоссариан выскочил из палатки, горя жаждой мести. По дороге он вогнал обойму в рукоятку пистолета, взвел затвор, спустил предохранитель и приготовился к стрельбе. Он

услышал, как Нейтли, пытаясь его перехватить, бежит за ним, окликая его по имени.

Пулемет снова затарахтел. Из темноты над гаражом заскользили оранжевыми черточками трассирующие пули, Они летели над самыми крышами смутно темнеющих палаток, едва не срезая их верхушки. Между короткими очередями раздавались раскаты хамского хохота. Йоссариан почувствовал, как бурлящая ненависть кислотой обжигает ему душу: эти подонки подвергают опасности его жизнь! Охваченный слепой, лютой яростью и решимостью, он сломя голову промчался по лагерю, пронесся мимо гаража и, едва переводя дух, полез в гору по узкой извилистой торпинке. Тут-то Нейтли, все еще продолжая кричать:

«Йо-Йо! Йо-Йо!», наконец догнал его, и принялся уговаривать не ходить дальше. Он вцепился Йоссариану в плечо, пытаясь стащить его вниз. Йоссариан, ругнувшись, высвободился. Нейтли снова ухватил его, и тогда Йоссариан двинул кулаком изо всех сил по изящному мальчишескому лицу Нейтли, потом размахнулся еще раз, но Нейтли перед ним уже не было — тот лежал на земле, скорчившись, уткнув лицо в ладони. Кровь струилась между его пальцами. Йоссариан

круто повернулся и, не оборачиваясь, начал карабкаться вверх по тропинке.

Скоро он увидел пулемет. Заслышав его шаги, двое вскочили — Йоссариан увидел их силуэты, — и прежде чем Йоссариан их настиг, они, издевательски хохоча, скрылись в ночи. Он опоздал. Их шаги затихли вдали. В пулеметном гнезде было пусто и тихо. Стояла свежая, безветренная, лунная ночь. Йоссариан невесело осмотрелся. Глумливый хохот снова донесся до него, на сей, раз откуда-то со стороны. Рядом хрустнул сучок. Йоссариан упал на колени к с холодным злорадством прицелился. Он услышал, как по ту сторону песчаного бруствера зашуршала листва под чьими-то осторожными шагами, и дал две короткие очереди. Ему тут же ответил хорошо знакомый пистолет.

— Данбэр? — окликнул Йоссариан.

— Йоссариан?

Оба вылезли из своих укрытий и усталые, раздосадованные вышли навстречу друг другу на поляну, держа пистолеты дулами вниз. Оба слегка дрожали от ночной свежести и дышали, как астматики, от быстрого бега в гору.

— Смылись, мерзавцы, — сказал Йоссариан.

— Они отняли у меня десять лет жизни! — вос-

кликнул Данбэр. — А я уж было подумал: сукин сын Милоу опять бомбит нас. Сроду я так не пугался. Хотел бы я знать, кто эта мерзавцы?

— Один из них — сержант Найт.

— Давай пристукнем его! — У Данбэра стучали зубы.

— Какое он имел право так пугать нас?

Но Йоссариану уже больше никого не хотелось убивать.

— Давай-ка сначала поможем Нейтли. Мне кажется, я его основательно покалечил. Он там, внизу.

Но на тропинке Нейтли не оказалось, хотя по крови на камнях Йоссариан точно определил место их схватки. Нейтли не было и в палатке. Они не могли отыскать его до следующего утра, пока не узнали, что Нейтли лежит в госпитале со сломанным носом, и тогда они тоже легли в госпиталь. В первую секунду Нейтли испугался, когда сестра Крэмер ввела в палату его приятелей, облаченных в халаты и шлепанцы, и указала им их кровати. На носу у Нейтли красовался толстый гипсовый лубок, а под глазами темнели синяки. Когда Йоссариан подошел к нему, чтобы извиниться за вчерашнее, Нейтли залился стыдливым румянцем и стал смущенно твер-

дить, что очень сожалеет обо всем случившемся. Йоссариан чувствовал себя ужасно. Он не мог спокойно смотреть на расквашенную физиономию Нейтли, хотя его друг выглядел настолько комично, что Йоссариан едва удерживался от хохота. Данбэру стало противно от их нежностей, и все трое испытали облегчение, когда в палату приплелся Заморыш Джо со своей замысловатой фотокамерой и липовыми симптомами аппендицита. Заморыш Джо постарался устроиться поближе к Йоссариану, чтобы запечатлеть на пленке Йоссариана, лезущего под юбку к сестре Даккит. Но он здорово просчитался, как, впрочем, и сам Йоссариан. Сестра Даккит решила выйти замуж за доктора — за любого доктора, поскольку все они неплохо зарабатывали, и поэтому не хотела рисковать своей репутацией. Заморыш Джо рассердился и горевал до тех пор, пока в палату не привели нового больного — кого бы вы думали? — капеллана, обряженного в коричневый бархатный халат. Капеллан сиял, как медный таз, тщетно пытаясь согнать со своего худого лица довольную, лучезарную улыбку. Он попал в госпиталь с жалобами на боль в сердце в связи со скоплением газов в желудке и с тяжелой формой висконсинского лишая.

— Что это еще за чертовщина такая — висконсинский лишай? — спросил Йоссариан.

— То же самое интересует и докторов! — с гордостью выпалил капеллан и разразился хохотом. Никто никогда не видел его таким озорным и таким счастливым. — Висконсинского лишая не существует в природе. Неужто вам не ясно? Я наврал. Я вступил в сделку с докторами. Я им пообещал, что сообщу, когда пройдет мой висконсинский лишай, если они мне пообещают не пытаться его лечить, А ведь прежде я никогда не лгал. Ну разве это все не чудесно?

Капеллан согрешил, но из этого вышло не зло, а добро. Общепринятая мораль подсказывала ему, что — врать и увиливать от своих обязанностей — это грех, а грех, как всем известно, есть зло. А зло не может породить никакого добра. И тем не менее капеллан чувствовал себя превосходно, точно он сотворил добро. Следовательно, из этого логически вытекало, что лгать и увиливать от исполнения своих обязанностей — вовсе не грешно. В минуту божественного просветления капеллан изобрел спасительную карманную философскую систему. Он был в восторге от своего открытия. Это была воистину чудесная система!

Он обнаружил, что даже без особой ловкости

рук можно истолковать порок как добродетель, клевету как истину, импотенцию как воздержание, высокомерие как застенчивость, грабеж как филантропию, жульничество как честность, богохульство как мудрость, жестокость как патриотизм и садизм как справедливость. Пользоваться этой системой мог любой смертный, большого ума для этого не требовалось. Таким образом, капеллан, бодро и весело расправился со всем набором поступков, безнравственных с общепринятой точки зрения.

Между тем Нейтли сидел на кровати, порозовев от радостного возбуждения, пораженный тем, что оказался в окружении своих отчаянных дружков. Однако он боялся, как бы не стряслась беда: ему казалось, что сейчас обязательно появится какой-нибудь сердитый врач и вышвырнет их всех из госпиталя, как ораву лодырей. Однако никто их не беспокоил. Вечером они торжественно прошествовали в кинотеатр, где их угостили паршивым цветным голливудским кинобредом, а когда, посмотрев паршивый цветной голливудский кинобред, они прошествовали обратно, в палате лежал солдат в белом.

— Он вернулся! — завизжал Данбэр. — Он вернулся! Он вернулся! Он вернулся!

Йоссариана прошиб ледяной пот. Он окаменел — и от нечеловеческого визга Данбэра, и от хорошо знакомого, ужасающего вида солдата в белом, замурованного с ног до головы в гипс и марлю. Странные, дрожащие, булькающие звуки вырвались из горла Йоссариана.

— Он вернулся! — снова завопил Данбэр.

— Он вернулся! — с ужасом подхватил горячечный больной.

В одну секунду палата превратилась в бедлам. Толпы больных и раненых загомонили, забегали и запрыгали в проходах между койками, как во время пожара. Одноногий больной на костыле заскакал взад-вперед, панически вопя:

— Что такое? Что такое? Мы горим? Мы что, горим?

— Он вернулся! — кто-то крикнул ему. — Ты что, не слышишь? Он вернула!

— Кто вернулся? — крикнул другой. — Кто такой?

— Что это все значит? Что нам делать?

— Горим!

— Вставайте и бегите, черт вас возьми! Бегите все! Все повыскакивали из постелей и забегали по палате из конца в конец. Начался невообразимый хаос. Горячечный больной прыгнул в проход

между койками и чуть не сшиб наземь одноногого, который не упал только потому, что уперся черным резиновым наконечником костыля в босую ногу горячечного, раздавив ему при этом два пальца. Горячечный свалялся на пол, взвыв от боли, а остальные обитатели палаты топтали его ногами, низводя на следующую ступень инвалидности. Слепая, всесокрушающая паника нарастала. «Он вернулся!» — кто бормотал, кто заунывно пел, кто истерически выкрикивал, мечась из угла в угол. — «Он вернулся! Он вернулся?»

Неожиданно в толпе появилась сестра Крэмер, которая, словно полицейский на перекрестке, взялась наводить порядок, но ее отчаянные усилия ни к чему не привели, и она разревелась от беспомощности.

— Ну успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь, — тщетно уговаривала она всех.

Капеллан, бледный, как привидение, никак не мог взять в толк, что тут происходит. Заморыш Джо и Нейтли тоже ничего не понимали. Нейтли стоял, вцепившись в локоть Йоссариана. Заморыш Джо, сжав костлявые кулаки, поворачивал из стороны в сторону испуганное лицо, с недоумением глядя на все происходящее.

— Эй, что здесь происходит? — взывал Заморыш Джо.

— Что за чертовщина?

— Это тот самый! — трагическим голосом заорал ему в ответ Данбэр, перекрывая хриплый гомон. — Неужто ты не понимаешь? Это тот самый!

— Тог самый! — услышал Йоссариан собственный голос.

Дрожа от глубокого волнения, с которым он не мог совладать, Йоссариан прокладывал себе путь вслед за Данбэром к кровати солдата в белом.

— Не волнуйтесь, ребята, — дружески посоветовал коренастый патриот из Техаса со своей непонятной ухмылочкой. — Не из-за чего расстраиваться. Давайте не будем волноваться.

— Тот самый! — снова забормотали, запричитали и заорали остальные.

Внезапно появилась сестра Даккит.

— Что здесь происходит? — спросила она.

— Он вернулся! — завизжала сестра Крэмер, падая ей на руки. — Он вернулся! Он вернулся!

И действительно, это был тот самый солдат в белом. Правда, он укоротился на несколько дюймов, а также малость прибавил в весе, но Йоссариан сразу опознал его по негнущимся рукам

и таким же негнущимся, толстым, бесполезным ногам, подтянутым вверх почти перпендикулярно двумя туго натянутыми веревками с длинным противовесом, подвешенным на блоке над койкой. Йоссариан узнал бы солдата где угодно.

— Под бинтами никого нет! — вдруг ни с того ни с сего заявил Данбэр.

Йоссариан так и замер, потрясенный.

— О чем ты толкуешь? — крикнул он со страхом Данбэру. — Ты рехнулся или что? С чего ты взял, черт побери, что под бинтами никого нет?

— Они его выкрали! — заорал в ответ Данбэр. — Они его просто вынули, а здесь оставили бинты.

— Для чего им это понадобилось?

— А для чего они все делают?

— Они его выкрали! — истошно заголосил кто-то, и вся палата подхватила: — Они его выкрали! Они его выкрали!

— Разойдитесь по своим кроватям, — упрашивала сестра Даккит Данбэра и Йоссариана и толкала слабыми руками Йоссариана в грудь. — Пожалуйста, вернитесь в кровати.

— Ты сошел с ума! — сердито крикнул Йоссариан Данбэру. — Какого дьявола ты говоришь такие вещи?

— А кто-нибудь его видел? — спросил Данбэр,

нервно усмехаясь.

— Ты его видела, ведь верно? — сказал Йоссариан сестре Даккит. — Ну так подтверди Данбэру, что там внутри кто-то есть.

— Там лейтенант Шмуклер, — сказала сестра Даккит. — Он весь обгорел.

— А что, она его видела?

— Ведь ты его видела, да?

— Его видел врач, который его бинтовал.

— Иди и приведи его, слышишь? Как фамилия этого доктора?

Сестра Даккит вздохнула:

Его здесь нет. Больного доставили к нам в таком виде из полевого госпиталя.

— Вот видите! — вскрикнула сестра Крэмер. — Под бинтами никого нет.

— Под бинтами никого нет! — завопил Заморыш Джо и затопал ногами.

Данбэр рванулся вперед, вспрыгнул на постель солдата в белом и жадным, горящим глазом приник к черной с лохматыми краями, дыре в белом марлевом панцире. Он все еще стоял на четвереньках, склонившись над солдатом в белом, всматриваясь одним глазом в темный провал рта, когда в палату прибежали врачи и военная полиция. Прибывшие помогли Йоссариану

оттащить Данбэра от солдата в белом. Все они были при пистолетах, прикладами карабинов и винтовок солдаты разогнали по кроватям толпу бормочущих больных. Солдата в белом они умело переложили с кровати на каталку и в считанные секунды убрали из палаты.

Сестра Даккит дернула Йоссариана за руку и украдкой шепнула, что будет ждать его в чулане в коридоре. Йоссариан обрадовался: наконец-то сестра Даккит решилась снизойти до него. Но, когда он оказался рядом с ней в чулане, она оттолкнула его прочь. У нее были важные новости, касающиеся Данбэра.

— Они хотят его… исчезнуть, — сказала она. Йоссариан недоуменно покосился на нее.

— Что они хотят сделать? — хмуро спросил он, — Что это значит?

— Не знаю. Я слышала, как они говорили за дверью.

— Кто говорил?

— Не знаю. Я их не видела. Я только слышала, как они сказали, что собираются… исчезнуть Данбэра.

— Зачем они хотят его… исчезнуть?

— Не знаю.

— Чушь какая-то! Даже с точки зрения грам-

матики. Что это значит, черт возьми, когда они собираются кого-нибудь… исчезнуть?

— Не знаю.

— О господи, немного же от тебя проку!

— Ну что ты на меня набросился? — обиделась сестра Даккит и зашмыгала носом, с трудом сдерживая слезы. — Я только хотела помочь. Разве я виновата, что они хотят его… исчезнуть? Мне не надо. было говорить.

Йоссариан привлек ее к себе и обнял, нежно и покаянно.

— Извини меня, — сказал он и, благодарно чмокнув ее в щеку, побежал предупредить Данбэра, но того уже и след простыл.

35. Милоу рвется в бой

Первый раз в жизни Йоссариан обратился с мольбой к живому существу. Он пал на колени и молил Нейтли не делать по собственной воле больше семидесяти вылетов. Этот разговор состоялся после того, как Вождь Белый Овес действительно умер в госпитале от воспаления легких. Нейтли безуспешно просился на его место и не желал слушать Йоссариана.

— Мне придется летать и дальше, — криво улыбаясь, жалобным тоном твердил Нейтли. — В

противном случае меня отправят домой.

— Ну и что?

— А я не хочу без нее возвращаться в Штаты. — Она так много для тебя значит?

Нейтли удрученно кивнул:

— Иначе я ее больше не увижу.

— Тогда пусть тебя спишут на землю, — настаивал Йоссариан. — Норму ты выполнил, в летной надбавке не нуждаешься. Если тебя не тошнит от капитана Блэка, почему бы тебе не попроситься на место Вождя?

Нейтли покачал головой.

— Мне не дадут это место. Я разговаривал с подполковником Корном, и он сказал, что или я буду по-прежнему летать, или меня отправят домой.

Йоссариан свирепо выругался:

— Но ведь это — явная подлость!

— Мне все равно. Я сделал семьдесят вылетов, и со мной ничего не случилось. Думаю, ничего не случится, если слетаю еще несколько раз.

— Ничего не предпринимай, покуда я кое с кем ве потолкую, — сказал Йоссариан. Он отравился искать помощи у Милоу, и тот сразу же после разговора с Йоссарианом обратился к полковнику Каткарту. Милоу вдруг возжелал, чтобы его самого почаще посылали на боевые задания.

К тому времени на боевом счету Милоу было уже немало боевых подвигов. Пренебрегая опасностью и игнорируя критику, он по сходной цене продавал Германии нефть и шарикоподшипники. Это приносило хороший доход и помогало поддерживать равновесие двух противоборствующих сторон. Под огнем противника он держался мужественно и благородно. С рвением, явно выходящим за рамки его скромных обязанностей, он взвинтил цены за обеды в офицерской столовой до такой степени, что офицерам и рядовым пришлось отдавать ему все свое жалованье, чтобы хоть как-то прокормиться. Собственно говоря, никто их не неволил, при желании они могли умереть с голоду — Милоу терпеть не мог насилия над личностью и на всех перекрестках твердил о праве индивидуума свободно распоряжаться своей судьбой. Когда его атака на офицерские карманы встречала сопротивление, он, не щадя ни живота своего, ни репутации, продолжал давить с помощью закона спроса и предложения. Стоило кому-нибудь сказать ему «нет», я Милоу нехотя отступал, но даже в обороне он мужественно защищал историческое право свободного человека платить за спасение от голодной смерти такую цену, какую с него запрашивают.

Однажды Милоу был почти застигнут на месте преступления: костлявый майор из Миннесоты обвинил его в грабеже соотечественников, — и что вы думаете! — в результате акции Милоу поднялись как никогда высоко, Когда костлявый майор, негодующе скривя губы, возмущенно потребовал тот самый пай, которым, как утверждал Милоу, владел каждый член синдиката, Милоу доказал, что у него слово с делом не расходится: он принял вызов, начертав на первом попавшемся клочке бумаги слово «пай», и вручил эту бумажку майору таким величественным и надменным жестом, что все знакомые Милоу ахнули от восторга и зависти. Слава Милоу достигла зенита, и полковник Кэткарт, который хорошо знал и высоко ценил воинские доблести своего подчиненного, был поражен, когда Милоу однажды пожаловал в штаб полка и кротким, почтительным тоном обратился с поистине фантастической просьбой — посылать его на самые опасные задания.

— Вы жаждете летать на боевые задания? — изумился полковник Кэткарт. — Скажите, ради бога, зачем?

Скромно потупив взор, Милоу ответил:

— Я хочу выполнять свой долг, сэр. Страна находится в состоянии войны, и я намерен защищать

ее с оружием в руках, как это делают все наши парни.

— Но, Милоу, вы и так выполняете свой долг? — воскликнул полковник Кэткарт, оглушив Милоу громовыми раскатами жизнерадостного хохота. — Вряд ли найдется в нашем полку человек, который сделал бы для нас столько, сколько вы. Кто, например, угостил нас хлопком в шоколаде?

Милоу покачал головой задумчиво и грустно:

— В военное время мало быть исправным начальником столовой, полковник Кэткарт.

— Вполне достаточно, Милоу. Не знаю, что на вас нашло.

— Нет, недостаточно, полковник, — твердо возразил Милоу. Он взглянул в лицо полковника подобострастно и так серьезно, что полковник насторожился. — Кое-кто начинает поговаривать…

— Ах, так вот оно что! Сообщите-ка мне их имена, Милоу, и я позабочусь, чтобы говорунов посылали на самые опасные задания.

— Нет, полковник, боюсь, что они правы, — проникновенно сказал Милоу. — Родина послала меня за океан в качестве пилота. И мне следовало бы побольше времени проводить в воздушных боях и поменьше в столовой.

И хотя полковник Кэткарт был очень удивлен,

все-таки слова Милоу вызвали в нем сочувствие.

— Ну. хорошо, Милоу, если вы действительно так считаете, мы все устроим, как вы хотите. Вы давно за океаном?

— Одиннадцать месяцев, сэр.

— И сколько на вашем счету боевых вылетов?

— Пять.

— Пять? — переспросил полковник Кэткарт.

— Пять, сэр.

— Пять? Гм… — Полковник Кэткарт задумчиво поскреб щеку. — Это ведь нехорошо?

— Это ужасно! — крикнул Милоу резким, срывающимся голосом.

Полковник Кэткарт струхнул.

— Наоборот, это очень хорошо, Милоу, — торопливо поправился полковник. — Это совсем неплохо.

— Нет, полковник, — сказал Милоу с протяжным, грустным вздохом. — Это не ахти как хорошо. Хотя я весьма вам признателен за великодушные слова.

— Но это и в самом деле не так уж плохо, Милоу. Совсем неплохо, если вспомнить всю вашу прочую полезную деятельность. Пять вылетов, говорите? Только пять?

— Только пять, сэр.

— Только пять… — Полковник пытался догадаться, к чему клонят Милоу, и припомнить, не получал ли он прежде по вине Милоу синяков и шишек. — Пять — это очень хорошо, Милоу, — решительно заявил он, отбросив всякие сомнения. — В среднем это почти один боевой вылет на каждые два месяца. Держу пари, что вы даже не включили в эту цифру еще один, когда бомбили своих.

— Включил, сэр.

— Включили? — спросил полковник Кэткарт, слегка удивленный. — Но ведь, по существу, в тот раз вы не поднимались в воздух, а? Если память мне не изменяет, мы с вами находились рядом на контрольно-диепетчерском пункте.

— Но это был мой налет, — с удовольствием вспомнил Милоу, — я его организовал, я дал самолеты и боеприпасы. Все шло по моему плану и под моим общим руководством.

— О, разумеется. Милоу, разумеется. Я не спорю. Я просто проверяю цифры, чтобы убедиться в справедливости ваших утверждений. А вы включили бомбардировку места у Орвьетто? Помните, в тот раз, когда мы заключили с вами контракт?

— О нет, сэр. Я не считаю себя вправе включить этот налет в свой послужной список, поскольку

в то время я находился в Орвьетто, руководя с земли огнем зенитных батарей.

— Это ничего не меняет, Милоу. Все равно это была ваша военная операция. И, признаться, вы провели ее блестяще. Мы не попали в мост, но зато получили изумительный узор бомбометания. Помню, как генерал Пеккем прекрасно о нем отозвался. Нет, Милоу, я настаиваю, чтобы вы приплюсовали и Орвьетто к своим боевым вылетам.

— Ну, если вы настаиваете, сэр…

— Да, да, настаиваю, Милоу. Итак, смотрите, у вас уже набралось шесть боевых вылетов. А это чертовски здорово, Милоу! В самом деле, здорово! За пару минут повысить цифру на двадцать процентов, доведя ее до шести, — это совсем недурно, Милоу, совсем недурно.

— Но у других пилотов по семидесяти вылетов, — заметил Милоу.

— Да, но им никогда не придумать ничего похожего на хлопок в шоколаде. Уверяю, Милоу, вы делаете даже больше, чем требует ваш пакет акций в синдикате.

— Но зато у других и слава, и возможность продвинуться, — продолжал настаивать Милоу обиженно. Казалось, он вот-вот захнычет. — Сэр,

я хочу драться наравне с остальными. Вот почему я пришел к вам. Я тоже хочу получать ордена.

— Разумеется, Милоу. Нам всем следовало бы побольше бывать в боях. Но такие люди, как мы с вами, сражаются иным способом. Взять, к примеру, мой послужной список, — произнес полковник Кэткарт с заискивающим смешком. — Держу пари, далеко не все знают, что у меня самого на счету только четыре боевых вылета.

— Да, сэр, — согласился Милоу. — Не знают. Все думают, что у вас только два вылета. Причем один из них — это когда Аарфи летел в Неаполь, где вы собирались купить на черном рынке холодильник, но ошибся в расчетах и загнал самолет за линию фронта.

Полковник Кэткарт смущенно покраснел и решил сменить тему.

— Ну что ж, Милоу, не нахожу слов, чтобы выразить свое восхищение вашим намерением. Если это действительно для вас так важно, я распоряжусь, чтобы майор Майор дал вам те шестьдесят четыре задания, которых вам недостает до семидесяти.

— Благодарю вас, полковник, премного благодарю вас, сэр. Вы и не представляете, что это значит.

— Ах, не стоит благодарить, Милоу, я прекрасно понимаю, что это значит.

— Нет, полковник, полагаю, вы не знаете, что это значит, — возразил Милоу. — Кому-то ведь придется немедленно принять от меня руководство синдикатом. Это довольно сложная штука, а меня могут в любое время сбить.

Услышав это, полковник Кэткарт просиял и жадно потер руки.

— Знаете, Милоу, мы с подполковником Корном, пожалуй, были бы не против принять от вас синдикат, — предложил он небрежным тоном, едва не облизываясь при мысли о столь приятной перспективе. — Нам очень пригодится наш опыт с продажей помидоров на черном рынке. Только скажите, с чего нам начинать.

Милоу взглянул на полковника ласково и бесхитростно:

— Благодарю вас, сэр, вы очень добры ко мне. Во-первых, вам придется позаботиться об обессоленной диете для генерала Пеккема и обезжиренной — для генерала Дридла.

— Подождите-ка, возьму карандаш. Что дальше?

— Затем кедры.

— Кедры?

— Да. Из Ливана.

— Из Ливана?

— В Ливане у нас закуплены кедры, которые нужно отправить на лесопильню в Осло, где иэ них сделают щепу для строительства на мысе Код. Оплачивается при доставке. И кроме того, зеленый горошек.

— Зеленый горошек?

— Да, идет морем. Несколько барж зеленого горошка идет морем из Атланты в Голландию для уплаты за тюльпаны, которые отправлены в Женеву, чтобы расплатиться за сыр, предназначенный для Вены. Дэ-вэ.

— Дэ-вэ?

— Да, это значит — деньги вперед. Габсбурги не заслуживают доверия.

— Подождите, Милоу.

— И не забудьте об оцинкованном железе на военных складах Флинта. В полдень восемнадцатого четыре грузовика оцинкованного железа должны быть отправлены самолетом в Дамаск на переплавку. Условия: франко-вагон, Калькутта — два процента, десять дней, раз в два месяца. «Мессершмитт» с грузом конопли отправить в Белград в обмен на полтора самолета С—47 с финиками из Хартума, от которых мы никак

не можем избавиться. Деньги за португальские анчоусы — мы их продали обратно Лиссабону — израсходуйте на оплату египетского хлопка, который приходит на наше имя из Мамаронека, а также закупите как можно больше апельсинов в Испании. За нараньясы всегда платите наличными.

— За нараньясы?

— Так называют в Испании апельсины. Да, и не забудьте о Пилтдаунском человеке[18].

— О Пилтдаунском человеке?

— Смитсоновский институт в настоящее время не располагает средствами, чтобы уплатить требуемую нами цену за второго Пилтдаунского человека. Но деятели института ждут кончины одного горячо любимого богатого мецената, который собирается завещать им нужную сумму.

— Святые угодники! Я не успеваю записывать!

— Франция готова закупить у нас столько петрушки, сколько мы сможем выслать, и нам надо ее переправить, поскольку мы нуждаемся во франках для обмена на лиры, а затем на пфенниги, чтобы, как только придут финики, уплатить за них пфеннигами. Кроме того, я закупил гигантскую партию бальзового дерева, чтобы распределить его между всеми синдикатскими

столовыми.

— Бальзовое дерево? Для чего столовым бальзовое дерево?

— Хорошее бальзовое дерево, полковник, в наши дни не так-то легко достать. По-моему, не стоит упускать удачный случай.

— Да, по-моему, тоже не стоит, — неуверенно проговорил полковник. Сейчас он походил на человека, страдающего морской болезнью. — Полагаю, что цена подходящая?

— Цена возмутительная! — сказал Милоу. — Несусветная! Но, поскольку мы купили бальзу у одного из наших филиалов, мы с удовольствием заплатили сумму, которую с нас запросили. И потом — присмотрите за шкурами.

— Шкурами?

— Да, шкурами. В Буэнос-Айресе. Их необходимо выдубить.

— Выдубить?

— Да, в Ньюфаундленде. И отправить пароходом в Хельсинки пэ-бэ-эр, до того как наступит оттепель. До наступления оттепели в Финляндии все идет пэ-бэ-эр.

— По безналичному расчету? — догадался полковник Кэткарт.

— Отлично, полковник. Вы не лишены способ-

ностей. И кроме того, лимонные корки…

— Корки?

— Корки — для Нью-Йорка, эклеры — для Танжера, свинину — в Мессину, маслины — в Афины, бисквит — на остров Крит.

— Милоу!

— Но не вздумайте возить уголь в Ньюкасл[19].

Полковник Кэткарт всплеснул руками.

— Милоу, подождите! — закричал он чуть не плача.

— Так не пойдет! Вы, как и я, незаменимы! — Он отшвырнул карандаш и нервно вскочил со стула. — Милоу, об этих дополнительных шестидесяти четырех вылетах не может быть и речи! И вообще, вы больше ни разу не полетите. Если с вами что-нибудь случится, все пойдет прахом.

В знак признательности Милоу благодушно кивнул головой:

— Сэр, значит ли это, что вы запрещаете мне впредь летать на боевые задания?

— Да, Милоу, я запрещаю вам впредь летать на боевые задания, — объявил полковник суровым и непреклонным тоном.

— Но это несправедливо, сэр, — запротестовал Милоу

— А как насчет моего послужного списка?

Другим пилотам — и слава, и награды, и популярность. А я должен страдать только потому, что в поте лица своего руковожу столовой?

— Конечно, Милоу, это несправедливо. Но я не представляю, что тут можно сделать.

— Может быть, кто-то другой будет выполнять за меня боевые задания?

— А что, если действительно кто-то другой будет выполнять за вас боевые задания? — задумчиво произнес полковник Кэткарт. — Ну, скажем, бастующие шахтеры из Пенсильвании или Западной Виргинии?

Милоу покачал головой:

— Их слишком далеко придется везти. А почему бы не заставить пилотов из нашей эскадрильи, сэр? В конце концов, все, что я делаю, я делаю для них. В благодарность за это они должны что-то сделать и для меня.

— А что, если действительно заставить пилотов из вашей эскадрильи, Милоу? — воскликнул полковник Кэткарт. — В конце концов, все, что вы делаете, вы делаете для них. В благодарность за это и они должны что-то сделать для вас.

— Что справедливо, то справедливо, сэр.

— Разумеется, что справедливо, то справедливо.

— Они могли бы летать по очереди, сэр.

— Действительно, Милоу, почему бы им по очереди не летать за вас на задания!

— А кто будет получать награды?

— Вы будете получать награды, Милоу. И если кто-то заслужит медаль, летая за вас, то эту медаль получите вы.

— А кто будет умирать, если его собьют? — Кто летает, тот и умирает. В конце концов, Милоу, что справедливо, то справедливо. Только, видите ли, какое дела…

— Тогда вам придется увеличить норму боевых вылетов, сэр?

— Я-то ее повысил бы, но не уверен, подчинятся ли летчики. Они и так злятся, что я взвинтил норму до семидесяти. Но если б мне удалось уговорить хотя бы одного, то, вероятно, и другим пришлось бы смириться.

— Нейтли готов летать и дальше, сэр, — сказал Милоу. — Мне только что сообщили под большим секретом, что он готов на все, лишь бы остаться в Европе с любимой девушкой.

— Так вот Нейтли и будет летать дальше, — объявил полковник Кэткарт и на радостях хлопнул в ладоши. — Да, Нейтли будет летать. И на сей раз я действительно увеличу норму вылетов сразу до

восьмидесяти и заставлю позеленеть от злости генерала Дрвдла! А заодно, это хороший повод опять послать эту грязную крысу Йоссариана в бой, где ему, может быть, свернут шею.

— Йоссариана? — Честное, простодушное лицо Милоу выразило глубочайшую озабоченность, и он задумчиво покрутил кончик рыжеватого уса.

— Да, Йоссариана. Я слышал, он ходит повсюду и бубнит, что, поскольку от отлетал положенное, война для него закончилась. Может быть, он и отлетал положенное ему, но он не отлетал положенного вам. А? Ха! Ха! То-то он удивится, когда узнает!

— Сэр, Йоссариан — мой друг, — возразил Милоу. — И мне тяжело было бы думать, что по моей вине ему пришлось снова рисковать головой. Я многим обязан Йоссариану. Нет ли какого-нибудь способа сделать для него исключение?

— О нет, Милоу, — назидательно изрек полковник Кэткарт, шокированный таким предложением. — У нас нет любимчиков. Мы должны относиться ко всем одинаково.

— Ради Йоссариана я готов пожертвовать всем, что у меня есть, — мужественно продолжал Милоу отстаивать Йоссариана. — Но поскольку у меня ничего нет, следовательно, и жертвовать

мне нечем. Не так ли? Стиле быть, Йоссариан должен рисковать наравне с другими.

— Что справедливо, то справедливо.

— Да, сэр, что справедливо, то справедливо, — согласился Милоу. — В конце концов, Йоссариан не лучше других, и он не имеет права на какие-то особые привилегии…

— Конечно, не имеет, Милоу Что справедливо, то справедливо.

На сей раз Йоссариан не успел прибегнуть к спасительным мерам: полковник Кэткарт объявил свой приказ о повышении нормы вылетов до восьмидесяти в конце того же дня. Йоссариан не успел ни отговорить Нейтли от участия в этом налете, ни даже вступить в тайный сговор с Доббсом, чтобы убить полковника Кэткарта. На следующее утро, едва забрезжил рассвет, внезапно прозвучала тревога, в столовой еще не приготовили приличного завтрака, а летчиков уже затолкали в грузовики, которые вихрем помчались сначала к инструкторской, а затем на аэродром, где тарахтящие бензозаправщики уже перекачивали бензин в самолетные баки, а оружейные команды спешно поднимали лебедками тысячефунтовые фугаски в бомбовые люки. Все носились сломя голову, и, как только самолеты

заправились, пилоты сразу же начали заводить и разогревать моторы.

Разведка донесла, что в это утро немцы собираются отбуксировать из сухого дока Специи вышедший из строя итальянский крейсер и затопить его у входа в гавань, чтобы помешать союзным войскам воспользоваться глубоководным портом, когда они займут город. На сей раз данные военной разведки оказались точными. Когда самолеты подошли к гавани с запада, длинный корабль находился на полпути к месту затопления, и они разнесли крейсер вдребезги. Каждое звено отличилось прямым попаданием, и летчики очень гордились этим. Но вдруг они оказались а пучине мощного заградительного огня: зенитки били отовсюду, со всего огромного подковообразного, гористого побережья. Даже Хэвермейеру пришлось прибегнуть к самым диким противозенитным маневрам, когда он увидел, какое большое расстояние еще нужно пройти, чтобы выскользнуть из зоны зенитного огня, а Доббс, ведя самолет, делал «зиги», когда надо было делать «заги», и зацепил крылом соседний самолет, снеся ему напрочь хвост. Крыло машины Доббса обломилось у самого основания, и самолет бесшумно пошел камнем вниз,

не оставляя за собой ни огня, ни дыма. Оторвавшееся крыло вертелось медленно и деловито, словно барабан бетономешалки, а сам самолет с нарастающей скоростью падал носом вниз, пока не врезался в воду. От удара море вспенилось, и на темно-голубой глади выросла белая лилия, а едва самолет скрылся под водой, лилия опала бурлящей россыпью яблочно-зеленых пузырей. Все было кончено за несколько секунд. Никто не выпрыгнул с парашютом. А в самолете, которому Доббс снес хвост, погиб Нейтли.

36. Подвал

Узнав о гибели Нейтли, капеллан чуть сам не умер. Он сидел у себя в палатке и, нацепив очки, корпел над бумагами, как вдруг зазвонил телефон и с аэродрома сообщили о воздушной катастрофе. Внутри у капеллана как будто все оборвалось. Дрожащей рукой он положил трубку на рычаг. Другая рука тоже дрожала. Несчастье было столь громадно, что не умещалось в сознании. Погибло двенадцать человек — как это чудовищно, страшно, невероятно! Ужас рос. Сколько раз капеллан безотчетно просил бога, чтобы смерть миновала Йоссариана, Нейтли, Заморыша Джо и остальных его друзей, а потом раскаивался и бранил себя:

ведь молясь за благополучие своих друзей, он тем самым вымаливал смерть для других, совершенно неизвестных ему молодых людей. Сейчас молиться было слишком поздно, а ничего другого он делать не умел. Сердце тяжело стучало, стук его, казалось, доносился откуда-то извне. Он понял, что отныне, когда он сядет в кресло зубного врача, или взглянет на хирургические инструменты, или окажется свидетелем автомобильной катастрофы, или услышит крик в ночи, сердце его будет так же неистово биться о ребра и он будет ощущать такой же, как теперь, ужасный страх перед смертью. Он понял, что отныне, когда будет смотреть бокс, в голову ему обязательно полезет мысль о том, что однажды он упадет в обморок на тротуаре и проломит себе голову или что его ждет неминуемый разрыв сердца и кровоизлияние в мозг. Он не был уверен, суждено ли ему еще увидеть свою жену и малышей. «Да и стоит ли, — размышлял он, — вообще возвращаться к жене? — Капитан Блэк посеял в его душе сильные сомнения относительно женской верности и стойкости женского характера. И впрямь ведь, думал капеллан, существует множество других мужчин, которые с половой точки зрения больше бы устроили его жену. Теперь, когда он задумы-

вался о смерти, он всегда думал о жене, а когда он думал о жене, всегда боялся потерять ее.

Наконец капеллан собрался с силами, угрюмо насупился и заставил себя зайти в соседнюю палатку за сержантом Уиткомом. Они отправились на аэродром в сержантовом джипе. Чтобы не дрожали руки, капеллан сжал кулаки и положил их на колени. Он стиснул зубы, стараясь не слушать, как сержант Уитком радостно щебечет по поводу трагического происшествия: двенадцать убитых означали еще двенадцать официальных, за подписью полковника Кэткарта, писем соболезнования ближайшим родственникам погибших. А это давало сержанту Уиткому основание надеяться, что на пасху в «Сатердэй ивнинг пост» появится наконец статья, посвященная полковнику Кэткарту.

Над летным полем стояла тяжкая, давящая тишина, точно некий волшебник околдовал и безжалостно сковал все вокруг. Благоговейный ужас объял капеллана. Такой огромной, пугающей тишины капеллан еще никогда не ощущал. Почти двести человек, усталых, исхудалых, с растерянным и унылым видом, стояли с парашютными ранцами у инструкторской мрачной, недвижимой толпой. Казалось, они не желают,

да и не могут сдвинуться с места. Капеллан отчетливо слышал слабое поскрипывание песка под своими каблуками. Глаза его метались по застывшему скопищу поникших фигур. Тут он заметил Йоссариана и безмерно обрадовался, но тут же застыл, пораженный мрачным, пришибленным видом Йоссариана, глубоким отчаянием, которое он прочитал в его остановившихся, точно подернутых наркотической дремой глазах. И тогда капеллан понял, что Нейтли действительно мертв. Пытаясь избавиться от этой мысли, он протестующе замотал головой, на лице его отразилась мука, и всего его как будто парализовало. Ноги оледенели, и он почувствовал, что сейчас рухнет наземь. Нейтли — мертв. Все надежды на то, что это ложный слух, пошли прахом. Только теперь он впервые различил едва слышимое бормотание толпы, непрестанно и четко повторявшей имя Нейтли. Нейтли мертв — мальчика убили. Где-то в горле зарождался скулящий вой, подбородок задрожал, глаза наполнились слезами, капеллан заплакал. На цыпочках он двинулся к Йоссариану, чтобы с ним вместе разделить горе…

В этот момент чей-то грубый, жесткий голос властно произнес:

— Капеллан Тэппман?

Капеллан удивленно обернулся: перед ним с вызывающим видом стоял кряжистый, усатый, большеголовый полковник с гладкими розовыми щеками. Вид у полковника был весьма задиристый. Прежде капеллану не доводилось встречать этого человека.

— Да. А в чем дело?

Пальцы полковника до боля стиснули руку капеллана. Он попытался высвободиться, но безуспешно.

— Пройдемте.

Озадаченный капеллан испуганно отпрянул:

— Куда? Зачем? И вообще, кто вы такой?

— Вам бы лучше подчиниться, святой отец. — почтительно-печальным тоном сказал худощавый майор с ястребиным лицом, неожиданно выросший у другого плеча капеллана. — Мы действуем от лица правительства. У нас к вам несколько вопросов.

— Какие вопросы? В чем дело?

— Вы ведь капеллан Тэппман? — резко спросил дородный полковник.

— Это он, он, — заверил Уитком.

— Следуйте за ними! — прикрикнул на капеллана капитан Блэк, недобро ухмыляясь. — Если

желаете себе добра, садитесь-ка в машину.

Чьи-то руки настойчиво потащили капеллана к машине. Он хотел позвать на помощь Йоссариана, но тот стоял слишком далеко и не услышал бы. Кое-кто из стоявших поблизости начал поглядывать на капеллана с любопытством. Сгорая от стыда, капеллан низко опустил голову и уже без всякого сопротивления позволил усадить себя на заднее сиденье штабной машины. Он оказался между толстым розовощеким полковником и тощим унылым майором с елейным голосом. Капеллан машинально протянул им руки, решив, что они пожелают надеть на него наручники. Впереди сидел еще один офицер. За руль сел здоровенный солдат из военной полиции со свистком и в белом: шлеме. Капеллан не осмеливался поднять глаза, покуда крытая легковая машина, переваливаясь из стороны в сторону, не выехала из расположения эскадрильи и не помчалась по ухабистой дороге.

— Куда вы меня везете? — робким, виноватым голосом спросил капеллан, все еще не смея поднять глаз. Он вдруг подумал, что его задержали по подозрению в причастности к воздушной катастрофе и смерти Нейтли. — Что я такого сделал?

— Вам бы лучше помолчать! Вопросы будем

задавать мы, — сказал полковник.

— Ну, зачем же таким тоном?.. — сказал майор. — Так неуважительно…

— Тогда попросите его, чтобы он молчал и предоставил. нам возможность задавать вопросы.

— Заткнитесь, пожалуйста, святой отец, и дозвольте уж нам задавать вопросы, — доброжелательным тоном сказал майор. — Так оно для вас будет лучше.

— Вовсе не обязательно называть меня святым отцом. Я не католик.

— И я тоже, святой отец, — сказал майор. — Просто я очень благочестивый человек, и мне нравится называть всех служителей господа святыми отцами. — Наш майор считает, что в окопах не встретишь неверующих, — поддел майора полковник и фамильярно ткнул капеллана кулаком в бок. — Ну-ка, капеллан, просветите его. В окопах попадаются неверующие, а?

— Не знаю, сэр, — ответил капеллан, — мне не приходилось бывать в окопах.

Офицер с переднего сиденья круто обернулся и вызывающе спросил:

— Но ведь на небесах-то вам тоже не приходилось бывать! А ведь вы знаете, что небеса есть,

а? — Или не знаете? — спросил полковник.

— Вы совершили очень тяжкое преступление, святой отец, — сказал майор.

— Какое преступление?

— Этого мы пока не знаем, — сказал полковник. — Но намерены выяснить. Одно лишь мы знаем наверняка: преступление ваше весьма серьезно.

Скрипнув шинами, автомобиль свернул с дороги и, слегка замедлив ход, подкатил к штабу полка, а затем, обогнув здание, — к черному ходу. Офицеры вышли из машины и препроводили капеллана по шаткой деревянной лестнице вниз, в подвал — сырую, мрачную комнату с низким цементным потолком и неоштукатуренной каменной стеной По углам свисала паутина. Огромная сороконожка промчалась по полу и скрылась под водопроводной трубой. Капеллана усадили на жесткий стул с прямой спинкой. напротив пустого маленького столика.

— Пожалуйста, располагайтесь поудобней, капеллан, — сердечно предложил полковник, включая ослепительно яркую лампу и направляя ее свет в лицо капеллану Он положил на стол медный кастет и коробок спичек. — Будьте как дома.

Глаза у капеллана полезли на лоб. Зубы начали

выбивать мелкую дробь, руки и ноги стали ватными, слабость разлилась по телу Он понимал, что теперь они могут делать с ним все, что им заблагорассудится. Здесь, в подвале, эти жестокие люди могли избить его до смерти, и никто не вмешается и не спасет его, никто, кроме разве этого набожного, благожелательного, остролицего майора. Между тем благожелательный майор приоткрыл водопроводный кран так, чтобы вода с шумом лилась в раковину, и, вернувшись, положил на стол рядом с медным кастетом длинный тяжелый резиновый шланг.

— Ну что ж, все прекрасно, капеллан, — приободрил его майор. — Если вы не виновны, вам бояться нечего. Чего вы так испугались? Ведь вы же не виновны?

— Еще как виновен, — сказал полковник. — Виновен с головы до пят.

— Но в чем я виновен? — взмолился капеллан, все более теряясь. Он не знал, у кого из этих людей просить пощады. Офицер без знаков различия притаился в дальнем углу. — Что я такого сделал?

— Именно это мы и собираемся выяснить, — ответил полковник и придвинул капеллану клочок бумаги и карандаш. — Будьте любезны, напиши-

те-ка вашу фамилию. Только своим собственным почерком.

— Своим почерком?

— Вот именно. Где-нибудь на этой бумажке.

Когда капеллан расписался, полковник отобрал у него бумажку и положил рядом с листом бумаги, который он вынул из папки.

— Видите, — сказал полковник майору, который из-за его плеча с чрезвычайной серьезностью рассматривал оба документа.

— Почерк как будто разный, а? — высказал предположение майор.

— Я говорил вам, что это — его работа.

— Какая работа? — спросил капеллан.

— Капеллан, для меня это тяжкий удар, — с глубокой, печальной укоризной в голосе проговорил майор.

— О каком ударе вы говорите?

— Слов не нахожу, как вы меня разочаровали!

— Чем? — все более исступленно допытывался капеллан. — Что я такого сделал?

— А вот что, — ответил майор и с видом человека, обманутого в своих лучших надеждах, швырнул на стол клочок бумаги, на котором только что расписался капеллан. — Это не ваш почерк.

От удивления капеллан быстро-быстро заморгал.

— Как это — не мой? Мой!

— Нет, не ваш, капеллан. Вы снова лжете.

— Но ведь я только что расписался у вас на глазах, — в отчаянии закричал капеллан.

— Вот именно, — сокрушенно возразил майор. — Именно у нас на глазах. Поэтому вы и не можете отрицать, что это написано вами. Человек, который пишет чужим почерком, способен на любую ложь.

— Кто это пишет чужим почерком? — спросил капеллан. В припадке злости и негодования он забыл обо всех своих страхах. — Вы сошли с ума! Что вы такое городите?

— Вас просили расписаться, как вы обычно расписываетесь, а вы этого не сделали.

— Как это не сделал? Чей же это еще почерк, если не мой?

— Чей-то еще.

— Чей?

— Именно это мы и пытаемся выяснить, — угрожающе проговорил полковник. — Признавайтесь, капеллан.

Все больше недоумевая, капеллам переводил взгляд с одного на другого. Он был на грани ис-

терики.

— Это мой почерк. — горячо настаивал капеллан. — Если это не мой почерк, то какой же еще мой?

— А вот этот, — ответил полковник. С торжествующим видом он швырнул на стол фотокопию солдатского письма, из которого было вымарано все, кроме обращения «Дорогая Мэри!» и приписки цензора: «Я тоскую по тебе ужасно. А.Т. Тэппман, капеллан армии Соединенных Штатов». Заметив, что лицо капеллана залила краска, полковник презрительно улыбнулся. — Ну, капеллан, не знаете ли вы, кто это написал?

Капеллан помедлил с ответом: он узнал почерк Йоссариана.

— Нет.

— Ну, а читать-то вы хоть умеете? — саркастически спросил полковник. — Автор ведь расписался?

— Да, под письмом моя фамилия.

— Стало быть, вы и автор. Что и требовалось доказать.

— Но я этого не писал! И почерк не мой!

— Значит, вы и тогда изменили свой почерк, пожав плечами, возразил полковник. — Только и всего.

— Но ведь это просто абсурд! — заорал капеллан. Терпение его лопнуло. Сжимая кулаки и пылая от ярости, он вскочил на ноги. — Я не намерен этого больше терпеть, слышите? Только что погибло двенадцать человек, и у меня нет времени заниматься всякой ерундой. Вы не имеете права держать меня здесь! Я не намерен этого больше терпеть!

Не говоря ни слова, полковник с силой толкнул капеллана в грудь, так что тот свалился на стул. Капеллан снова почувствовал страх и слабость. Майор поднял длинный резиновый шланг и принялся многозначительно постукивать им по ладони. Полковник взял спички, вынул одну и, уставившись на капеллана злобным взглядом, приготовился чиркнуть о коробок, если капеллан еще раз проявит знаки неповиновения. Капеллан побледнел и от ужаса не мог пошевелиться. Ослепляющий свет лампы заставил его в конце концов отвернуться. Звук текущей из крана воды стал громче и невыносимо раздражал его. Капеллану хотелось поскорее услышать, что им от него нужно, чтобы знать, б чем признаваться. Он напряженно ждал. Тем временем третий офицер по знаку полковника отделился от стены и сел на край стола в нескольких дюймах от капеллана.

Лицо его было бесстрастным, а взгляд пронзительным и холодным.

— Выключите свет, — бросил он через плечо негромким, спокойным голосом. — Он действует мне на нервы!

Губы капеллана тронула благодарная улыбка:

— Благодарю вас, сэр. И заодно приверните, пожалуйста, кран.

— Кран не трогать, — сказал офицер. — Он мне не мешает. — Офицер слегка поддернул штанины, чтобы не испортить аккуратные складки. — Капеллан, — спросил он как бы между прочим, — какую религию вы исповедуете?

— Я анабаптист, сэр.

— Довольно подозрительная религия, а?

— Подозрительная? — переспросил капеллан, искренне удивившись. — Почему же, сэр?

— Хотя бы потому, что я ничего о ней не слышал. Надеюсь, вы мне верите, а? Вот потому-то я и говорю, что ваша религия какая-то подозрительная.

— Не знаю, сэр, — дипломатично ответил капеллан, заикаясь от неловкости. У этого человека не было никаких знаков различия, и это сбивало капеллана с толку. Он даже сомневался, нужно ли величать его «сэр». Кто он такой? И какое право

он имеет допрашивать его?

— Капеллан, в свое время я изучал латынь. Я хочу честно предупредить вас об этом, прежде чем задать следующий вопрос. Означает ли слово «анабаптист» только то, что вы не баптист?

— О нет, сэр, разница более серьезная.

— В таком случае вы — баптист?

— Нет, сэр.

— Следовательно, вы не баптист, не так ли?

— Как, сэр?..

— Не понимаю, зачем вы еще пререкаетесь со мной? Вы ведь уже признались, что вы не баптист. Но, сказав, что вы не баптист, капеллан, вы еще отнюдь не сообщили нам, кто вы есть на самом деле. Кем-то вы ведь должны быть, в конце концов. — Он с многозначительным видом слегка подался вперед. — Вы можете оказаться даже, — добавил он, — Вашингтоном Ирвингом, не так ли?

— Вашингтоном Ирвингом? — удивленно повторил капеллан.

— Ну давай, Вашингтон, выкладывай, — сердито вмешался упитанный полковник. — Давай уж выкладывай все начистоту. Нам ведь известно, что ты украл помидор.

Капеллан онемел на секунду, потом у него вы-

рвался нервный смешок.

— Ах вот оно что! — воскликнул он. — Наконец-то я кое-что начинаю понимать. Я вовсе не крал этот помидор, сэр. Полковник Кэткарт сам мне его дал. Если не верите, можете спросить его самого.

В другом конце комнаты открылась дверь, которую капеллан принимал за дверцу шкафа, и в подземелье вошел полковник Кэткарт.

— Привет, полковник. Полковник, он утверждает, что вы ему дали помидор. Это правда?

— С какой стати я буду давать ему помидоры? — ответил полковник Кэткарт.

— Благодарю вас полковник, у меня все.

— Очень приятно, полковник, — ответил полковник Кэткарт и вышел из подземелья, прикрыв за собой дверь.

— Ну, капеллан? Что вы теперь скажете?

— И все-таки он дал мне помидор! — произнес капеллан свистящим шепотом, в котором одновременно слышались ярость и страх. — Он все-таки дал мне помидор.

— Иными словами, вы утверждаете, что старший офицер — лжец? Так вас надо понимать, капеллан?

— С какой стати старший офицер должен да-

вать вам помидоры, а, капеллан?

— Вот почему вы пытались всучить помидор сержанту Уиткому, капеллан? Помидор жег вам руки!

— Да нет же, нет! — запротестовал капеллан, мучительно пытаясь сообразить, почему они не хотят его понять. — Я предложил его сержанту Уиткому, потому что мне он не нужен.

— Зачем же вы тогда украли его у полковника Кэткарта, если он вам не нужен?

— Да не крал я его у полковника Каткарта!

— Почему же у вас тогда такой виноватый вид, если вы не крали?

— Виноватый? Я ни в чем не виновен.

— Но если вы не виновны, зачем бы мы вас стали допрашивать?

— Этого уж я не знаю, — простонал капеллан, сцепив пальцы и качая опущенной головой. Лицо его мучительно скривилось. — Не знаю.

— Он думает, что мы собираемся тратить время по-пусту, — хмыкнул майор.

— Капеллан, — возобновил допрос офицер без знаков различия и достал из открытой папки желтый лист бумаги с машинописным текстом. — Вот письменное заявление полковника Каткарта. Он утверждает, что вы украли у него

помидор. — Офицер еще ленивее, чем прежде, цедил слова. Он положил листок на стол текстом вниз и достал из папки еще одну страничку. — А вот это данные под присягой и заверенные у нотариуса письменные показания сержанта Уиткома. Он заявляет: по тому, как вы всеми правдами и неправдами пытались сплавить ему этот помидор, он понял, что помидор добыт сомнительным путем.

— Клянусь господом богом, я не крал, сэр, — чуть не плача взмолился несчастный капеллан. — Клянусь, что это не был краденый помидор.

— Капеллан, а вы верите в бога?

— Да, сэр, конечно.

— Тогда странно, капеллан, — сказал офицер, вынимая из папки еще одну желтую машинописную страницу. — У меня в руках еще одно заявление полковника Кэткарта, в котором он клянется, что вы отказались проводить богослужения в инструкторской перед боевыми вылетами.

На секунду капеллан бессмысленно вытаращил глаза, а затем, вспомнив, поспешно кивнул головой.

— О, это не совсем верно, сэр, — начал он объяснять с жаром. — Полковник Кэткарт сам

отказался от этой идеи, как только понял, что сержанты и рядовые молятся тому же богу, что и офицеры.

— Понял что? — воскликнул офицер, не веря своим ушам.

— Что за вздор! — с праведным негодованием заявил краснолицый полковник и сердито отвернулся от капеллана.

— Неужто он полагает, что мы ему поверим? — недоверчиво вскрикнул майор.

На лице офицера без знаков различия появилась едкая усмешка.

— Капеллан, не слишком ли вы далеко зашли? — полюбопытствовал он.

— Но, сэр, это правда, сэр. Клянусь вам, что это правда.

— Правда или неправда — это значения не имеет, — небрежно отмахнулся офицер и боком потянулся к открытой папке, полной бумаг. — Капеллан, в ответ на мой вопрос вы, кажется, сказали, что верите в бога. Так, кажется?

— Да, сэр, именно так я и сказал, сэр. Я действительно верю в бога.

— Странно, очень странно, капеллан. Я располагаю еще одним показанием, данным под присягой полковником Каткартом. Полковник

Кэткарт заявляет, что однажды вы сказали ему, будто бы атеизм не противоречит закону. Вы вообще-то хорошо помните, что говорите?

Капеллан без колебаний утвердительно кивнул головой, чувствуя на сей раз под собой твердую почву.

— Да, сэр. Я действительно это утверждал. Я говорил так потому, что это правда. Атеизм отнюдь не противоречит закону.

— Но это еще не причина делать во всеуслышание подобные заявления, капеллан, а? — колко заметил офицер. Нахмурившись, он достал из папки очередную машинописную заверенную нотариусом страницу. — А вот у меня еще одно данное под присягой заявление сержанта Уиткома. Он утверждает, что вы возражали против его плана рассылать родным и близким убитых и раненых в бою письма за подписью полковника Кэткарта. Это правда?

— Да, сэр, я возражал против этого, — ответил капеллан, — и горжусь своим поступком. Такие письма выглядят неискренне и бесчестно. Их единственная цель — принести славу полковнику Кэткарту.

— Это не имеет отношения к делу, — ответил офицер. — Подобные письма так или иначе при-

носят покой и утешение семьям погибших. Я просто не понимаю хода вашей мысли.

Капеллан стал в тупик и, окончательно растерявшись, не знал, что ответить. Он опустил голову, чувствуя себя косноязычным идиотом.

Румяный тучный полковник живо вскочил со стула — его осенило.

— Почему бы нам не вышибить к чертовой матери из него мозги? — с энтузиазмом предложил он своим коллегам.

— В самом деле, почему бы нам не вышибить из него мозги? — поддержал майор с ястребиным лицом. — Подумаешь, какой-то там анабаптистишка!

— Нет, сначала мы должны признать его виновным, — ленивым взмахом руки остановил их офицер без знаков различия. Он легко спрыгнул на пол, обошел вокруг стола и, опершись руками о край, уставился прямо в лицо капеллану. У офицера было хмурое, устрашающее, суровое лицо.

— Капеллан, — объявил он жестким, повелительным тоном, — мы официально заявляем вам, что вы, будучи Вашингтоном Ирвингом, произвольно и незаконно присвоили себе право цензуровать письма офицерского и сержантско-рядового состава. Признаете ли вы себя

виновным?

— Не виновен, сэр. — Капеллан облизнул языком сухие спекшиеся губы. Он сидел на краешке стула, в напряженном ожидании подавшись вперед.

— Виновен, — сказал полковник.

— Виновен, — сказал майор.

— Стало быть, виновен, — резюмировал офицер без знаков различия и что-то записал на клочке бумаги. — Капеллан, — продолжал он, вскинув голову, — мы обвиняем вас в преступлениях и нарушениях, о которых мы и сами пока что ничего не знаем. Вы признаете себя виновным?

— Не знаю, сэр. Что я могу вам ответить, если вы даже не говорите, что это за преступления.

— Как мы можем вам сказать, если мы сами не знаем!

— Виновен, — решил полковник.

— Конечно, виновен, — согласился майор. — Если это его нарушения и преступления, значит, он их и совершил.

— Стало быть, виновен, — монотонно протянул офицер без знаков различия и отошел от стола. — Теперь он в вашем распоряжении, полковник.

— Благодарю вас, — поклонился полковник, — Вы проделали большую работу. — Он повернулся

к капеллану:

— Прекрасно, капеллан, ваша песенка спета. Идите, гуляйте.

Капеллан не понял:

— Что я должен делать?

— Тебе говорят, топай отсюда! — взревел полковник, сердито тыча большим пальцем через плечо. — Убирайся отсюда к чертовой матери!

Капеллан был потрясен его наглым тоном, а главное, к своему глубочайшему изумлению, весьма огорчен тем, что его отпускают!

— Разве вы не собираетесь наказывать меня? — проворчал он с удивлением.

— Нет, черт побери, как раз собираемся. Только не желаем, чтобы вы тут околачивались, пока мы будем решать, когда и как вас наказать. Итак, идите. Прочь! Топай отсюда!

Капеллан, все еще не веря этим словам, поднялся и сделал несколько нерешительных шагов;

— Я свободен?

— Пока что да. Но не вздумайте покинуть остров. Мы вас взяли на карандаш. Не забывайте, что с сегодняшнего дня вы будете под круглосуточным наблюдением.

Непостижимо, почему они позволили ему уйти? Капеллан сделал несколько неуверенных

шагов к выходу, ожидая, что вот-вот властный голос прикажет ему вернуться или его пригвоздят к месту сильным ударом по плечу или голове. Но его не остановили. Сырым, темным, затхлым коридором он прошел к лестнице. Выйдя на свежий воздух, он пошатывался и тяжело дышал. Теперь, когда он вырвался из этих ужасных лап, его захлестнула бурная ярость. Он рассвирепел. Рассвирепел, как никогда в жизни, — впервые он столкнулся с такой бесчеловечностью и жестокостью. Капеллан быстро шел через обширный гулкий вестибюль, кипя от возмущения и жажды мести. Он твердил себе, что больше не намерен терпеть, не намерен — и все-тут. У входа он заметил подполковника Корна, рысцой взбегавшего по широким ступеням, и подумал, что это весьма кстати. Он взял себя в руки, набрал полную грудь воздуха и отважно двинулся наперерез подполковнику.

— Подполковник, я этого терпеть больше не намерен! — заявил он с отчаянной решимостью и испуганно отметил, что подполковник продолжал рысцой взбегать по ступеням, не обращая на него внимания. — Подполковник Корн!

Пузатая, мешковатая фигура остановилась, повернулась и медленно спустилась на несколько

ступеней.

— Что случилось, капеллан?

— Подполковник Корн, мне бы хотелось поговорить с вами насчет сегодняшней катастрофы, — сказал он. — Это было ужасно, поистине ужасно!

Подполковник Корн помолчал секунду, глаза его поблескивали веселым цинизмом.

— Да, капеллан, конечно, это ужасно, — сказал он наконец. — И я не представляю себе, как вы сможете все это описать, не выставив нас при этом в дурном свете.

— Я имею в виду совсем не это, — осадил его капеллан. Он совсем не чувствовал страха. — Из этих двенадцати несколько человек уже отлетали свои семьдесят боевых заданий.

Подполковник Корн рассмеялся.

— А если бы они все были новичками, разве катастрофа от этого была бы менее ужасной? — осведомился он ядовито.

И снова капеллан был сбит с толку. Безнравственная логика, казалось, подстерегала его на каждом шагу. Он уже не чувствовал прежней уверенности в себе. Голос его дрогнул:

— Сэр! Заставлять людей из нашего полка делать по восемьдесят боевых вылетов, когда в других полках летчиков отсылают домой после

пятидесяти или пятидесяти пяти, — это абсолютно несправедливо.

— Мы рассмотрим этот вопрос, — сказал подполковник Корн с кислой миной. Потеряв интерес к дальнейшему разговору, он двинулся дальше. — Адью, падре.

— Как вас понимать, сэр? — настаивал на своем капеллан. Голос его срывался.

Подполковник Корн остановился с недружелюбной гримасой и спустился на несколько ступенек вниз.

— Так понимать, что мы подумаем об этом, падре, — ответил он с издевкой. — Надеюсь, вы не хотите, чтобы мы принимали необдуманные решения?

— Нет, сэр, зачем же. Но вы ведь, наверное, уже думали?

— Да, падре. Мы уже над этим думали. Но, чтобы доставить вам удовольствие, подумаем еще разок, и вы будете первым, кому мы сообщим о своем решении, если мы, конечно, к нему придем. А теперь, адью.

Подполковник Корн снова круто повернулся и заспешил вверх по лестнице.

— Подполковник Корн! — Голос капеллана заставил подполковника Корна еще раз остано-

виться. Он медленно повернул голову и взглянул на капеллана угрюмо и нетерпеливо. Из груди капеллана бурным, волнующимся потоком хлынули слова: — Сэр, я прошу разрешить мне обратиться с этим делом к генералу Дридлу. Я хочу обратиться с протестом в штаб авиабригады.

Толстые небритые щеки подполковника Корна вдруг вздулись — он с трудом подавил смех.

— Ну что ж, вы правы, падре, — ответил он, изо всех сил стараясь быть внешне серьезным, хотя злое веселье так и распирало его. — Я разрешаю вам обратиться к генералу Дридлу.

— Благодарю вас, сэр. Как честный человек, я считаю необходимым предупредить вас, сэр, что генерал Дридл прислушивается к моим словам.

— Большое вам спасибо за предупреждение, падре. Как честный человек, я считаю своим долгом предупредить вас, что вы не застанете генерала Дридла в штабе авиабригады. — Подполковник Корн гнусно ухмыльнулся и разразился торжествующим смехом. — Генерала Дридла там нет. На его место пришел генерал Пеккем. У нас теперь новый командир авиабригады[20].

— Генерал Пеккем? — изумился капеллан.

— Совершенно верно, капеллан. А генерал Пеккем прислушивается к вашим словам?

— Я его совсем не знаю, — сокрушенно признался капеллан.

Подполковник Корн еще раз рассмеялся.

— Это очень скверно, капеллан, потому что полковник Кэткарт в прекрасных отношениях с генералом. — Подполковник Корн еще немного злорадно похихикал, потом вдруг резко оборвал смех и, ткнув капеллана пальцем в грудь, холодно предупредил: — Кстати, падре, имейте в виду, что ваша с доктором Стаббсом песенка спета. Мы отлично знаем, что это он подослал вас сюда жаловаться.

— Доктор Стаббс? — Капеллан замотал головой и растерянно запротестовал: — Я и в глаза не видел доктора Стаббса, подполковник. Меня доставили сюда три незнакомых офицера. Не имея на то никакого права, они затащили меня в подвал, допрашивали и оскорбляли.

Подполковник Корн еще раз ткнул капеллана пальцем в грудь:

— Вам отлично известно, что доктор Стаббс постоянно твердил летчикам своей эскадрильи, будто они не обязаны выполнять больше семидесяти боевых заданий. — Он мрачно рассмеялся. — Так вот, падре, им придется летать и сверх семидесяти заданий, потому что мы пере-

вели доктора Стаббса на Тихий океан. Итак, адью, падре, адью.

37. Генерал Шейскопф

Итак, генерал Дридл убыл, а генерал Пеккем прибыл, но не успел Пеккем переступить порог кабинета генерала Дридла, чтобы занять его кресло, как понял, что одержанная им блистательная военная победа обратилась в труху.

— Генерал Шейскопф? — ничего не подозревая, переспросил он сержанта, который сообщил ему о приказе, поступившем в это утро. — Вы хотите сказать «полковник Шейскопф», не так ли?

— Нет, сэр, генерал Шейскопф. Сегодня утром, сэр, он был произведен в генералы.

— Н-да, довольно любопытно! Шейскопф и — генерал! И какого же ранга?

— Генерал-лейтенант, сэр, и притом…

— Генерал-лейтенайт?![21]

— Совершенно верно, сэр. Он распорядился, чтобы вы без предварительного согласования с ним не издавали ни одного приказа по вверенному вам соединению.

— Ничего не скажешь, будь я проклят, — проговорил потрясенный генерал Пеккем, вероятно впервые в жизни выругавшись вслух. — Кар-

джилл, вы слышали? Шейскопфа произвели сразу в генерал-лейтенанты. Готов поспорить, — что это повышение предназначалось для меня и досталось ему по ошибке.

Полковник задумчиво поскреб свой волевой подбородок.

— А с какой стати он, собственно, приказывает нам?

Благородное, до блеска выбритое лицо генерала Пеккема посуровело.

— В самом деле, сержант, — медленно проговорил он, недоуменно нахмурившись, — с какой стати он отдает нам приказы, когда он в специальной службе, а мы руководим боевыми операциями?

— Сегодня утром, сэр, произошло еще одно изменение. Все боевые операции переданы в ведение специальной службы. Генерал Шейскопф — наш новый командующий.

Генерал Пеккем пронзительно вскрикнул:

— О боже! — Обычная выдержка ему изменила, и он впал в истерику. — Шейскопф — командующий? Шейскопф? — Он в ужасе закрыл глаза руками. — Карджилл, соедините меня с Уинтергрином! Подумать только — Шейскопф! О нет! Только не Шейскопф.

Разом зазвенели все телефоны. В кабинет, козырнув, вбежал капрал:

— Сэр, вас хочет видеть капеллан относительно какой-то несправедливости в эскадрилье полковника Кэткарта.

— Потом, потом! У нас у самих достаточно несправедливостей. Где Уинтергрин?

— Сэр, у телефона генерал Шейскопф. Он желает немедленно говорить с вами.

— Скажите ему, что я еще не пришел. Боже милостивый! — завопил он, только теперь полностью осознав, какая огромная беда свалилась на него. — Шейскопф? Недоумок! Да я мог с кашей съесть этого болвана, а теперь он — мой начальник. О господи! Карджилл! Карджилл! Не оставляйте меня. Где Уинтергрин?

— Сэр, экс-сержант Уинтергрин у телефона, — доложил капрал. — Он пытался пробиться к вам все утро.

— Генерал, я не могу связаться с Уинтергрином, — заорал полковник Карджилл. — Его номер занят.

Генерал Пеккем кинулся к другому телефону. Он весь взмок.

— Уинтергрин? Уинтергрин, вы слышали, что они наделали?

— Скажите лучше, что вы наделали, болван?

— Во главе всего поставили Шейскопфа!

— Это все вы и ваши проклятые меморандумы! Все боевые операции переданы специальной службе! — завопил Уинтергрин, охваченный паникой и яростью.

— Неужели это из-за моих меморандумов? — простонал генерал. — Неужто мои меморандумы убедили их передать все под начало Шейскопфа? А почему они не сделали меня командиром?

— Потому что вы больше не состоите в специальной службе. Вы перевелись на другую должность и все оставили Шейскопфу. А знаете, чего он хочет? Вы знаете, чего этот мерзавец от вас хочет?

— Сэр, я полагаю, вам бы лучше поговорить с генералом Шейскопфом, — умолял капрал дрожащим голосом. — Он непременно хочет с кем-нибудь поговорить.

— Карджилл, поговорите с Шейскопфом вместо меня. Я не в состоянии. Выясните, что он хочет.

Полковник Карджилл мгновение слушал генерала Шейскопфа и вдруг побелел как полотно.

— Бог мой! — закричал он, и трубка выпала у него из рук. — Вы знаете, что он хочет? Он хочет, чтобы мы маршировали. Он хочет, чтобы мы все

маршировали!

38. Сестренка

Йоссариан отказался вылетать на задания и с пистолетом на боку маршировал задом наперед. Он маршировал задом наперед, потому что то и дело оглядывался, желая убедиться, что никто не крадется за ним по пятам. Каждый звук за спиной заставлял его настораживаться, в каждом прохожем ему мерещился потенциальный убийца. Он не снимал руки с пистолета и улыбался одному лишь Заморышу Джо. Капитанам Пилтчарду и Рену Йоссариан сказал, что он свое отлетал. Капитаны Пилтчард и Рен вычеркнули его имя из списка бомбардиров, назначенных на предстоящий вылет, и доложили о случившемся в штаб полка.

Подполковник Корн беззаботно рассмеялся.

— Он не желает летать? Что вы, черт побери, хотите этим сказать? — спросил он, улыбаясь, в то время как полковник Каткарт отошел в дальний угол кабинета, размышляя над роковым смыслом фамилии «Йоссариан». — Почему это он не желает?

— Его друг Нейтли погиб в катастрофе над Специей, Может быть, поэтому.

— За кого он себя принимает? За Ахиллеса? — Литературная аналогия понравилась подполковнику Корну, и он решил ее запомнить, чтобы при случае повторить в присутствии генерала Пеккема. — Он обязан летать на задания хотя бы потому, что у него нет другого выбора. Возвращайтесь и скажите ему, что, если он не передумает, вы доложите о случившемся нам.

— Мы уже это ему сказали, сэр. Но он стоит на своем.

— А что говорит майор Майор?

— Он не попадается нам на глаза. Такое впечатление, что он вовсе исчез куда-то.

— Хорошо бы действительно его… исчезнуть, — проворчал из своего угла полковник Кэткарт. — Тем же способом, как они… исчезли этого малого, по фамилии Данбэр.

— О, есть масса других способов управиться с майором Майором. — самонадеянным тоном заверил его подполковник Корн и, повернувшись к Пилтчарду и Рену, продолжал: — Для начала будем с этим Йоссарианом помягче. Пошлите его на пару дней отдохнуть в Рим. Может быть, смерть того парня и вправду его немного травмировала.

На самом деле смерть Нейтли не просто травмировала, а чуть было не стоила жизни Йоссариану,

ибо, когда он сообщил тяжкую весть нейтлевой девице, та издала пронзительный, душераздирающий вопль и попыталась зарезать его ножом для чистки картошки.

— Bruto![22] — в припадке истерической ярости выла она, а он, заломив ей руку за спину, выкручивал кисть до тех пор, пока она не выронила нож. — Bruto! Bruto! — Свободной рукой она молниеносно хлестнула его по лицу, до крови расцарапав щеку, и злобно плюнула ему в глаза.

— В чем дело? — завизжал он от жгучей боли и недоумения. Он отшвырнул ее от себя, и она пролетела через всю комнату к противоположной стене. — Что ты от меня хочешь?

Она снова набросилась на него с кулаками и, прежде чем он успел схватить ее за запястья и заставить утихомириться, сильным ударом разбила ему губы. Волосы ее дико растрепались, из пылавших ненавистью глаз ручьями бежали слезы, но она, как одержимая, наседала на него. Бешенство удесятеряло ее силы, а едва он пытался ей что-то объяснить, она свирепо рычала, ругалась и визжала:

«Bruto! Bruto!»

Йоссариан не ожидал, что она окажется такой сильной, и от неожиданности едва устоял на

ногах. Ростом она была примерно с Йоссариана, и в течение нескольких жутких мгновений он был уверен, что она со своей безумной решимостью одолеет его, собьет на пол и безжалостно растерзает на части, — и все за какое-то гнусное преступление, которого он не совершал. Ему хотелось кричать о помощи. Наконец она ослабела и слегка попятилась. Воспользовавшись передышкой, Йоссариан принялся клясться, что вовсе не повинен в смерти Нейтли. Она снова плюнула ему в лицо, и он, охваченный злостью и отчаянием, брезгливо отпихнул ее.

— Что тебе от меня нужно? — завопил он с надрывом, в полном смятении. — Я его не убивал!

Неожиданно она ударилась в слезы и этим поставила Йоссариана в тупик.

А она плакала от горя, глубокого горя, обессилевшая, покорная, вовсе позабывшая о Йоссариане. Трогательная в своем несчастье, она сидела, низко опустив красивую, гордую, забубенную голову. Плечи ее обмякли, ярость улетучилась. Страдание ее было неподдельным. Громкие, мучительные рыдания душили и сотрясали ее. Она перестала замечать его, он ее больше не интересовал. Теперь он мог уйти без всякого риска. Но он предпочел остаться, чтобы утешить, ее и

поддержать.

— Ну пожалуйста, ну не надо, — беспомощно бормотал он, обняв ее за плечи и вспоминая с тоской и болью, каким беспомощным и слабым он чувствовал себя в самолете, когда они возвращались после налета на Авиньон и Сноуден хныкал: «Мне холодно, мне холодно», а Йоссариан Отвечал: «Ну, ну, не надо, ну, ну». И это было все, что он мог тогда придумать. Вот и теперь, когда надо было ей посочувствовать, он только твердил: «Ну пожалуйста, прошу тебя, ну не надо».

Она прислонилась к нему и лила слезы до тех пор, пока не обессилела настолько, что больше не могла плакать. Он вынул из кармана носовой платок, и тут она вдруг вцепилась ему в глаза обеими руками и испустила победоносный вопль.

Йоссариан, полуослепший, бросился вон из дома. Он был сыт по горло этой чудовищной, абсурдной схваткой. Прохожие бросали на него удивленные взгляды. Он нервничал и прибавлял шагу, не понимая, что в нем привлекает всеобщее внимание. Он потрогал рукой саднящее место на лбу, пальцы стали липкими от крови, и тогда он догадался. Он провел платком по лицу и шее. До какого бы места он ни дотронулся, на платке появлялись свежие красные пятна. Все лицо кро-

воточило. Он поспешил в здание Красного Креста, поднялся по крутым беломраморным ступеням в мужскую уборную, там промыл свои бесчисленные раны, поправил воротник рубашки и причесался. Никогда прежде ему не приходилось видеть столь жестоко исцарапанной, избитой физиономии, как та, что смотрела на него из зеркала. Но какого черта эта девка навалилась на него?

Когда Йоссариан вышел из уборной, нейтлева девица дожидалась его, притаившись в засаде. Йоссариан скатился по лестнице, выскочил из дома и три часа бегал по городу, разыскивая Заморыша Джо: ему хотелось убраться из Рима прежде, чем она его снова настигнет. И только когда самолет поднялся, он почувствовал себя в полной безопасности. Но едва самолет приземлился на Пьяносе, Йоссариан увидел ее здесь. Переодетая в зеленый комбинезон механика, она дожидалась его с тем же ножом в руке как раз в том месте, где остановился самолет. Йоссариану удалось зашвырнуть ее в самолет, а Заморыш Джо связался по радио с контрольно-диспетчерским пунктом и запросил разрешение на полет в Рим. В римском аэропорту они выгрузили нейтлеву девицу на рулежную дорожку, и Заморыш Джо,

не выключавший даже моторов, тут же взял курс обратно в Пьяносу. Когда они с Заморышем Джо возвращались в свои палатки, Йоссариан пристально и настороженно всматривался в каждого встречного. Заморыш Джо насмешливо взглянул на Йоссариана.

— Ты уверен, что все это тебе не померещилось? — спросил он, немного замявшись.

— Померещилось? Ты же все время был со мной и только что сам отвез ее в Рим.

— А может, мне тоже померещилось. Почему она хочет тебя убить?

— Я ей никогда не нравился. То ли потому, что я перебил Нейтли нос, то ли потому, что, когда я сообщил ей о его гибели, ей не на ком было выместить свою злобу. Как ты думаешь, она вернется?

В этот вечер Йоссариан отправился в офицерский клуб и задержался там допоздна. Возвращаясь к себе, он злобно косил глазами по сторонам. Когда он подходил к своей палатке, в темноте у тропинки выросла чья-то фигура. Йоссариан упал в обморок. Очнувшись, он понял, что сидит на земле. Он ожидал удара ножом и почти радовался, что этот смертельный удар наконец принесет ему желанный покой. Но чьи-то дружеские руки помогли ему встать. Это был пилот из эскадрильи

Данбэра.

— Как дела? — прошептал пилот.

— Прекрасно, — ответил Йоссариан.

— Я видел, как ты упал, и подумал, что с тобой что-то стряслось.

— Мне стало плохо.

— В нашей эскадрилье прошел слух, будто ты отказался летать на задания.

— Верно.

— А потом к нам заходили из штаба полка и сказали, что слухи неверны и что ты просто дурачишься.

— Вранье.

— Как ты думаешь, они отпустят тебя подобру-поздорову?

— Не знаю.

— Как ты думаешь, они не отдадут тебя под суд за дезертирство?

— Не знаю.

— Ну, будем надеяться, что они тебя отпустят, — сказал пилот из эскадрильи Данбэра, скрываясь в тени кустарника. — Держи меня в курсе дела.

Несколько секунд Йоссариан смотрел ему вслед, а затем двинулся дальше, в свою палатку.

— Тссс! — послышался шепот. Впереди, шагах в пяти, прятался за деревом Эпплби. — Как дела?

— Прекрасно, — сказал Йоссариан.

— Говорят, тебя собираются судить за дезертирство перед лицом неприятеля. Но по-моему, они на это не пойдут, поскольку они не могут быть уверены, что им удастся состряпать против тебя дело. Да и перед новым командованием выступать с таким делом невыгодно. Кроме того, ты ходишь в знаменитостях, поскольку дважды зашел на цель у Феррары, Сейчас ты, пожалуй, первый герой во всем полку, так что, по-моему, можешь быть спокоен: они блефуют, и только.

— Спасибо, Эпплби.

— Мне просто хотелось тебя предупредить. Поэтому-то я и заговорил с тобой.

— Я это ценю.

Эпплби застенчиво поковырял землю носком ботинка.

— Мне жаль, Йоссариан, что мы подрались тогда, в офицерском клубе.

— Ничего. Все в порядке.

— Но ведь не я затеял драку. Я уверен, не ударь Орр меня по лицу ракеткой — ничего бы не было. Зачем он это сделал?

— Потому что ты у него выигрывал.

— А разве неясно было, что я у него выиграю? И разве это повод для драки? Правда, сейчас, когда

он погиб, по-моему, уже неважно, лучший я игрок в пинг-понг или нет.

— Я тоже так думаю.

— И мне очень жаль, что мы подняли тогда такой шум из-за таблеток атабрина по дороге в Европу… Если тебе хочется подцепить малярию — дело твое.

— Ладно, это все ерунда, Эпплби.

— Ты знаешь, я сказал подполковнику Корну и полковнику Кэткарту, что, по-моему, они не должны заставлять тебя летать на задания, раз ты не хочешь, а они сказали, что не ожидали от меня такого заявления.

Йоссариан грустно улыбнулся:

— Да уж держу пари, что от тебя они этого не ждали.

— Ну и пусть, мне все равно. Черт возьми, ты сделал семьдесят один вылет. Этого вполне достаточно. Как ты думаешь, они отпустят тебя подобру-поздорову?

— Не думаю.

— Но ведь, если они тебя отпустят, им придется и нас отпустить. Верно?

— Вот поэтому-то они и не отпустят меня подобру-поздорову.

— Как ты думаешь, что они предпримут?

— Не знаю.

— А не могут они отдать тебя под суд?

— Не знаю.

— Боишься?

— Ага.

— А летать еще будешь?

— Нет.

— Ну ничего. Думаю, все обойдется, — убежденно прошептал Эпплби. — Надеюсь.

— Спасибо, Эпплби.

— Эй! — окликнул Йоссариана приглушенный повелительный голос, едва лишь скрылся Эпплби. За невысоким, облетевшим кустарником, росшим за палаткой, присев на корточки, прятался Хэвермейер.

— Как дела? — спросил он, когда Йоссариан подошел к нему.

— Прекрасно.

— Летать собираешься?

— Нет.

— А если заставят?

— Все равно — нет.

— Боишься?

— Ага.

— А под суд тебя не отдадут?

— Да уж, наверное, попытаются.

— Майор Майор куда-то пропал.

— Они его… исчезли?

— Не знаю.

— А что ты будешь делать, если они надумают и тебя… исчезнуть?

— Постараюсь им помешать.

— А не предлагали они тебе какую-нибудь сделку или что-нибудь в этом роде при условии, что ты будешь продолжать летать?

— Пилтчард и Рен предлагали устроить, чтобы я летал только «за молоком».

Хавермейер оживился:

— Послушай, это вроде бы неплохая сделка. Лично я согласился бы. Держу пари, что ты ухватился за это предложение.

— Отказался.

— Ну и глупо. — На вялой, туповатой физиономии Хэвермейера появилось сосредоточенно-хмурое выражение. — Послушай, парень, а ведь Пилтчард и Рен поступают несправедливо по отношению ко всем нам. Ты, значит, будешь летать только «за молоком», а мы, выходит, выполняй за тебя опасные задания? Так, что ли, получается?

— Так.

— Послушай, мне это не нравится, — вос-

кликнул Хэвермейер, поднимаясь с земли и с оскорбленным видом подбочениваясь. — Мне это совсем не нравится. Они собираются подложить мне шикарную свинью только потому, что ты струсил, как желтопузая крыса, и не хочешь летать на задания.

— Разбирайся с ними сам! — сказал Йоссариан и настороженно потянулся к пистолету.

— Да нет, я против тебя ничего не имею, — сказал Хэвермейер, — хота и любви особой к тебе не питаю. Знаешь, я ведь тоже не больно-то радуюсь, что надо отлетать еще столько заданий. Нет, ли какого способа, чтобы и мне избавиться от них?

Йоссариан иронически хмыкнул и сказал шутя;

— Нацепи кобуру с пистолетом и маршируй со мной.

Хэвермейер задумчиво, покачал головой:

— Нет, на это я пойти не могу. Если я проявлю трусость, то навлеку позор на жену и малыша. Трусов никто не любит. А кроме того, мне хочется, чтобы после войны меня оставили в резерве. Резервистам платят пятьсот долларов в год.

— Ну тогда придется летать.

— И я так думаю. Послушай, а как по-твоему, есть надежда, что тебя освободят от боевых поле-

тов и отправят домой?

— Нет, не думаю.

— На если тебя освободят и разрешат взять кого-нибудь с собой в Штаты, может, возьмешь меня? А? Таких, как Эпплби, ты не бери. Лучше возьми меня.

— Но какого дьявола они станут еще мне предлагать кого-то брать с собой?

— Мало ли что. Но, если все-таки тебе предложат, ты помни, что я просился первым. Не забудешь? И сообщай мне, как идут дела. Я буду ждать тебя здесь, в кустах, каждый вечер. Если они тебя не прижмут к ногтю, я, может, тоже брошу летать. Договорились?

Весь следующий вечер люди то и дело выныривали из темноты: их интересовало, как у него идут дела. Ссылаясь на тайное родство и приятельские отношения, о существовании которых он прежде даже не догадывался, они упрашивали его, чтобы он по секрету сообщил им последние новости. Когда он проходил по лагерю, летчики, которых он едва знал, появлялись как из-под земли и спрашивали, как дела. Даже летчики из других эскадрилий поодиночке прокрадывались под покровом темноты и выныривали, перед носом Йоссариана. После захода солнца, куда бы

он ни направлял свои стопы, кто-то уже лежал в засаде, готовый вынырнуть из темноты в спросить, как дела. Люди сваливались ему на голову с деревьев, выскакивали из кустов, земляных щелей, зарослей бурьяна, из-за палаток, вылезали из-под машин. Даже один из его соседей по палатке вынырнул из темноты и прошептал: «Как дела?», причем умолял Йоссариана не говорить другим обитателям палатки, что он выныривал из темноты. Завидев очередную притаившуюся фигуру, шепотом приглашающую его подойти поближе, Йоссариан хватался за пистолет, опасаясь, что шипящая тень коварно обернется нейтлевой девицей или, того хуже, хмурым представителем законной власти, который излупит его дубинкой до потери сознания. Похоже было на то, что власти собирались предпринять что-нибудь в этом духе. Они явно не намеревались предавать его военно-полевому суду за дезертирство перед лицом неприятеля, потому что до лица ближайшего неприятеля было ни много ни мало — сто тридцать пять миль. Кроме того, именно Йоссариан разнес вдребезги мост у Феррары при вторичном заходе на цель. (При этом погиб Крафт. Когда Йоссариан пересчитывал покойников из числа знакомых, он всегда

забывал приплюсовать Крафта.) Но ведь какие-то меры они были обязаны применить к нему, и вся эскадрилья мрачно ждала, что на Йоссариана обрушатся адские кары.

Днем Йоссариана избегали все, даже Аарфи. Йоссариан понял, что люди на виду, средь бела дня, — это одно, а в одиночку, под покровом темноты, — совсем другое. Впрочем, это его мало заботило. Когда он маршировал задом наперед, с рукой — на пистолете, его куда больше волновало, как и чем его будут стращать, умасливать и соблазнять капитаны Пилтчард и Рен после очередного срочного совещания с полковником Кэткартом и подполковником Корном. Заморыш Джо часто отлучался из части, и капитан Блэк был единственным, кто разговаривал с Йоссарианом. Приветствуя его, он неизменно называл Йоссариана старым мешком с костями. В конце недели капитан Блэк вернулся из Рима и сообщил Йоссариану, что нейтлева девица куда-то пропала. Сердце Йоссариана защемило, он почувствовал тоску и угрызения совести.

— Пропала? — откликнулся он равнодушно.

— Ага, пропала. — Капитан Блэк засмеялся. Его затуманенные глаза устало сощурились. Он потер кулаками мешочки под глазами. Щеки его

покрывала редкая светло-рыжая щетина. — А я-то собирался тряхнуть стариной и отколоть в Риме какой-нибудь номер с этой безмозглой фифой, как бывало. Наш милый мальчик Нейтли небось бы перевернулся в гробу, ха-ха-ха! Помнишь, как я раньше изводил его? А теперь — все...

— И что ж о ней — ни слуху ни духу? — допытывался Йоссариан. Мысль о нейтлевой девице не выходила у него из головы. Он постоянно думал о том, как несладко ей теперь. Без ее свирепых, отчаянных атак он чувствовал себя одиноким и заброшенным.

— Там уже никого... Все. Крышка, — весело рассказывал капитан Блэк, имея в виду тот бордель в Риме и стараясь, чтобы Йоссариан хорошенько уяснил себе эту новость. — Неужели ты не понимаешь? Вся контора накрылась. И все сгинули.

— Сгинули?

— Ага. Их вытряхнули прямо на улицу. — Капитан Блэк от души расхохотался, на его тощей шее радостно запрыгал острый кадык. — Опустел наш шалашик. Военная полиция прихлопнула все заведение и вытурила шлюх. Вот комедия!

Йоссариан испугался и задрожал:

— Зачем они это сделали?

— А не все ли равно? — ответил капитан Бл-

эк, беззаботно махнув рукой. — Вытурили их, всех прямо на улицу. Как тебе это нравится? Всю ораву.

— А сестренку нейтлевой девицы?

— Турнули, — засмеялся капитан Блэк. — Вместе с другими. Прямо на улицу.

— Но она же совсем ребенок! — горячился Йоссариан. — Что же с ней станется?

— Какая разница? — капитан Блэк равнодушно пожал плечами и вдруг удивленно вытаращился на Йоссариана. В глазах его засветилось хитроватое любопытство. — Послушай, в чем дело? Знай я, что ты будешь так переживать, я бы выложил тебе все это раньше. Эй, куда ты? Вернись! Вернись, я хочу посмотреть, какая у тебя морда, когда ты переживаешь.

39. Вечный город

Йоссариан отправился в самоволку на самолете Милоу. По пути в Рим Милоу, благочестиво поджав губы, укоризненно покачал головой и ханжеским тоном сообщил Йоссариану, что ему за него стыдно. Йоссариан утвердительно кивнул. Расхаживая задом наперед с пистолетам на боку и отказываясь летать на боевые задания, говорил Милоу, Йоссариан ломает дешевую комедию.

Йоссариан утвердительно кивнул. Это некрасиво по отношению к товарищам из эскадрильи, не говоря уже о том, что он причиняет немалое беспокойство вышестоящему начальству. Даже его, Милоу, он поставил в очень неудобное положение. Йоссариан снова утвердительно кивнул. Летчики начали роптать. Йоссариан думает только о спасении собственной шкуры, а в это время такие люди, как Милоу, полковник Каткарт, подполковник Корн и экс-рядовой первого класса Уинтергрин, лезут из кожи вон, чтобы приблизить час победы. Летчики, сделавшие семьдесят вылетов, начали роптать, поскольку теперь они обязаны сделать восемьдесят. Есть опасность, что кое-кто из них тоже нацепит пистолет и начнет ходить задом наперед. Боевой дух падает с каждым днем — и все по вине Йоссариана. Страна в опасности. Йоссариан поставил под угрозу свое традиционное право на свободу и независимость тем, что осмелился применить это право на практике.

Стараясь не прислушиваться к болтовне Милоу, Йоссариан сидел на месте второго пилота и утвердительно кивал. Из головы у него не выходили нейтлева девица, Крафт, Орр, Нейтли, Данбэр, Малыш Сэмпсон, Макуотт, а также разные бес-

таланные, сирые и убогие люди, с которыми ему довелось встречаться в Италии, Египте, Северной Африке и в других районах мира. Сноуден и сестренка нейтлевой девицы тоже мучили его совесть. Йоссариан, кажется, догадался, почему нейтлева девица не только считала его ответственным за смерть Нейтли, но даже хотела его убить. Так ли уж, черт побери, она неправа? И она, и другие несчастные имеют полное право обвинять Йоссариана, и не только Йоссариана, за ту противоестественную трагедию, которая обрушилась на них, как, впрочем, и сама она наверняка повинна в несчастьях, причиняемых, например, ее сестренке, да и другим детям. Кто-то что-то должен предпринять. Каждая жертва — преступник, каждый преступник — жертва, и кто-то наконец должен подняться во весь рост и разорвать эту, ставшую привычкой, мерзкую цепочку, которая угрожает каждой живой душе. Как бы ни велика была: жажда богатства, как бы ни велико было желание бессмертия, никто не смеет строить свое благополучие на чьих-то слезах.

— Ты раскачиваешь лодку, — сказал Милоу.

Йоссариан снова утвердительно кивнул.

— Ты подыгрываешь противнику, — сказал

Милоу.

Йоссариан утвердительно кивнул.

— Полковник Кэткарт и подполковник Корн были очень добры к тебе, — продолжал Милоу. — Не они ли наградили тебя орденом за последний налет на Феррару? Не они ли произвели тебя в капитаны?

Йоссариан утвердительно кивнул.

— Не они ли кормили тебя и каждый месяц платили тебе зарплату?

Йоссариан снова утвердительно кивнул.

Милоу нисколько не сомневался, что, пойди Йоссариан к ним, повинись, отрекись от своих заблуждений, пообещай выполнить норму в восемьдесят вылетов, и они сменят гнев на милость. Йоссариан сказал, что подумает, и, когда Милоу выпустил шасси и самолет пошел на посадку, он, затаив дыхание, стал молиться за благополучное приземление. Прямо-таки смешно, какое отвращение стала у него теперь вызывать авиация.

Когда самолет сел, перед Йоссарианом предстал Рим — весь в развалинах. Восемь месяцев назад аэродром бомбили. Сейчас обломки белых каменных плит сгребли бульдозером в приплюснутые кучи: они громоздились по обеим сторонам выхода с летного поля, обнесенного колючей

проволокой. Возвышался полуразрушенный остов Колизея, арка Константина рухнула. Квартира нейтлевой девицы подверглась разгрому. Девицы исчезли, осталась одна старуха. На ней было напялено несколько свитеров и юбок, голова обмотана темной шалью. Скрестив руки на груди, она сидела на деревянном стуле возле электрической плитки и кипятила воду в помятой алюминиевой кастрюле. Когда Йоссариан вошел, она громко разговаривала сама с собой, но, заметив Йоссариана, начала причитать.

— Пропали! — запричитала она, прежде чем он успел ее о чем-либо спросить. Держа себя за локти, она раскачивалась, как плакальщица на похоронах, и стул под ней поскрипывал. — Пропали!

— Кто?

— Все. Бедные девочки.

— Куда же они делись?

— Кто знает. Их выгнали на улицу. Все пропали. Бедные, бедные девочки.

— Но кто их выгнал? Кто?

— Эти подлые высоченные солдаты в твердых белых шляпах с дубинками. И наши карабинеры. Они пришли со своими дубинками и прогнали их прочь. Они даже не разрешили им взять пальто.

Бедняжки… Они выгнали их прямо на холод.

— Их что, арестовали?

— Они выгнали их. Просто выгнали.

— Но если они их не арестовали, почему они с ними так поступили?

— Не знаю, — всхлипнула старуха. — Не знаю. Кто обо мне позаботится теперь, когда все бедные девочки пропали? Кто за мной присмотрит?

— Но ведь должна быть какая-то причина, — настаивал Йоссариан. — Не могли же они просто так ворваться и выгнать всех на улицу!

— Без всякой причины, — всхлипывала старуха, — без всякой причины.

— Какое они имели право?

— «Уловка двадцать два».

— Что? — Йоссариан оцепенел от страха, и по телу его пробежал холодок. — Что вы сказали?

— «Уловка двадцать два», — повторила старуха, мотая головой. — «Уловка двадцать два». Она позволяет им делать все, что они хотят, и мы не в силах им помешать.

— О чем вы, черт побери, толкуете? — растерявшись, яростно заорал на нее Йоссариан. — Да откуда вы знаете, что на свете существует «уловка двадцать два»?

— Солдаты с дубинками в твердых белых щля-

пах только и твердили «уловка двадцать два», «уловка двадцать два».

— А они вам ее показывали, эту «уловку»? — спросил Йоссариан. — Почему вы не заставили их прочитать вам текст этой «уловки»?

— Они не обязаны показывать нам «уловку двадцать два», — ответила старуха. — Закон гласит, что они не обязаны этого делать.

— Какой еще закон?

— «Уловка двадцать два».

— О, будь я проклят! — с горечью воскликнул Йоссариан. — Опять этот заколдованный круг! — Йоссариан остановился и печально огляделся. — А где же старик?

— Ушел. — замогильным тоном сказала старуха.

— Ушел?

— Ушел в лучший мир, — сказала старуха и тыльной стороной ладони коснулась лба. — Вот здесь у него что-то сломалось. Он то приходил в себя, то снова впадал в беспамятство.

Йоссариан повернулся и побрел по квартире. С мрачным любопытством он заглядывал в каждую комнату. Вся стекленная утварь была разбита вдребезги людьми с дубинками. Портьеры содраны, постели свалены на пол. Стулья,

столы и туалетные столики опрокинуты. Все, что можно сломать — сломано. Разгром был полный. Никакая орда вандалов не могла бы учинить большего разорения. Все окна были разбиты, и тьма чернильными облаками вливалась в каждую комнату сквозь высаженные рамы. Йоссариан ясно представлял себе тяжелую, всесокрушающую поступь высоких парней в белых шлемах — военных полицейских. Он представлял себе разнузданное зловещее веселье, с каким они громили все вокруг, их лицемерное, не ведающее пощады сознание своей правоты и преданности долгу. Бедные девочки — они все пропали. Осталась только плачущая старуха в выглядывавших один из-под другого мешковатых коричневом и сером свитерах и черной головной шали. Но скоро и она пропадет.

— Пропали… — горевала она, когда он вернулся. — Кто теперь меня приютит?

Йоссариан пропустил этот вопрос мимо ушей.

— У Нейтли была подружка, о ней что-нибудь известно?

— Пропала.

— Эко мне известно. Но что о ней слышно? Кто-нибудь знает, куда она девалась?

— Пропала.

— А ее сестренка, что с ней случилось?

— Пропала, — монотонно твердила старуха.

— Вы понимаете, о чем я говорю? — резко спросил Йоссариан, глядя старухе прямо в глаза, чтобы убедиться, не бредит ли она. Он повысил голое: — Что случилось с сестренкой, с маленькой девочкой?

— Пропала, и она пропала, — сердито ответила старуха. Она стала подвывать громче. — Выгнали с остальными вместе. Выгнали на улицу. Даже не дали ей надеть пальто.

— Куда она ушла?

— Не знаю, не знаю.

— Кто же о ней позаботится?

— А кто позаботится обо мне?

— Ведь, кроме вас, она никого не знает?

— А кто присмотрит за мной?

Йоссариан бросил старухе в подол деньги — удивительно, как часто люди, оставив деньги, думают, что тем самым они исправили зло! — и вышел на лестничную площадку. Спускаясь по ступенькам, он поносил на чем свет стоит «уловку двадцать два», хотя знал, что таковой нет и в помине. «Уловка двадцать два» вообще не существовала в природе. Он-то в этом не сомневался, но что толку? Беда была в том, что, по всеобщему

мнению, этот закон существовал. А ведь «уловку двадцать два» нельзя было ни потрогать, ни прочесть, и, стало быть, ее нельзя было осмеять, опровергнуть, осудить, раскритиковать, атаковать, подправить, ненавидеть, обругать, оплевать, разорвать в клочья, растоптать или просто сжечь.

На улице было холодно и темно, тусклый промозглый туман колыхался в воздухе и сочился по шершавой облицовке каменных домов, по пьедесталам памятников. Йоссариан поспешил к Милоу, чтобы покаяться и отречься от заблуждений. Он сказал, что просит извинения, и, сознавая, что лжет, пообещал сделать столько боевых вылетов, сколько пожелает полковник Кеткарт, если только Милоу использует все свое влияние в Риме, чтобы установить местопребывание сестренки нейтлевой девицы.

— Ей всего двенадцать лет, она же еще ребенок, Милоу, — взволнованно объяснил Йоссариан. — Мне хочется отыскать ее, пока не поздно.

Тот встретил его просьбу милостивой улыбкой.

— У меня как раз есть то, что тебе надо, — двенадцатилетняя девственница, совсем еще ребенок, — объявил он бодро. — Правда, на самом деле этому ребенку всего лишь тридцать четыре,

но строгие родители держат свою дочь на диете с низким содержанием протеина. И вообще…

— Милоу, речь идет о маленькой девочке, — нетерпеливо, с отчаянием в голосе перебил его Йоссариан. — Как ты не понимаешь! И главное — я хочу ей помочь. Ведь у тебя самого дочери. Она еще ребенок. Она оказалась совсем одна в этом городе, за ней некому присмотреть. Я хочу спасти ее от беды. Неужели ты не понимаешь, о чем я говорю?

Милоу все понял и был растроган до глубины души.

— Йоссариан, я горжусь тобой, — воскликнул он прочувствованным тоном. — Серьезно, я горжусь. Ты даже не представляешь себе, до чего я рад, что тебя волнуют не только сексуальные проблемы. Ты человек принципа. Разумеется, у меня есть дочери, и я понимаю тебя, как никто в мире. Мы ее найдем. Не беспокойся. Пойдем и разыщем эту девочку, даже если для этого нам придется перевернуть весь город. Пошли.

И Йоссариан вместе с Милоу Миндербиндером в скоростной служебной машине синдиката «М. и М.» отправились в управление полиции, где смуглый, неряшливый полицейский комиссар с тоненькими черными усиками и в расстег-

нутом мундире приветствовал Милоу с таким неприличным подобострастием, будто Милоу был неким элегантным маркизом.

— А-а, марчезе Милоу![23] — воскликнул донельзя польщенный комиссар. — Почему же вы не предупредили меня о своем приходе? Я бы устроил в вашу честь роскошный банкет. Входите, входите, марчезе. Вы у нас такой редкий гость.

Милоу понял, что нельзя терять ни минуты.

— Привет, Луиджи, — сказал он, кивнув с такой небрежностью, что это могло показаться невежливым. — Луиджи, мне нужна ваша помощь. Это мой друг. Ему нужно найти одну девочку.

— Девчонку, марчезе? — спросил комиссар и озадаченно поскреб себе щеку. — В Риме уйма девчонок. Найти девчонку для американского офицера — пустяковое дело.

— Нет, Луиджи, ты меня не понял. Речь идет о двенадцатилетнем ребенке, он хочет найти эту девочку как можно скорее.

— А-а… Ну теперь я понял, — смекнул комиссар. — Для того чтобы это найти, потребуется некоторое время. Но если ваш друг подождет на конечной остановке пригородного автобуса, куда приезжают молоденькие девочки из деревень в

поисках работы, то я…

— Да нет, Луиджи, никак ты нас не поймешь, — оборвал его Милоу так грубо и нетерпеливо, что полицейский комиссар вспыхнул, вскочил и, вытянувшись в струнку, начал смущенно застегивать пуговицы мундира. — Эта девочка — старый друг семьи, и нам хочется ей помочь. Она еще дитя. И сейчас бродит где-то в городе одна-одинешенька. Мы хотим разыскать ее, пока кто-нибудь ее не обидел. Теперь ты понял? Луиджи, это для меня очень важно. У меня дочь такого же возраста, и для меня нет ничего важнее, чем спасти сейчас это бедное дитя; пока не поздно. Ты мне поможешь?

— Си, марчезе, теперь я понял, — сказал Луиджи. — Я сделаю все, что в моих силах. Я найду ее. Но сегодня вечером у меня почти нет людей. Сегодня мои ребята пытаются перекрыть каналы, по которым поступает контрабандный табак.

— Контрабандный табак? — спросил Милоу.

— Милоу, — взмолился Йоссариан. Сердце его оборвалось. Он понял, что теперь все пропало.

— Си, марчезе, — сказал Луиджи. — Прибыль от незаконного ввоза табака настолько высока, что справиться с контрабандой почти невозможно.

— А что, в самом деле прибыль так уж высо-

ка? — спросил Милоу с живейшим интересом. Его брови цвета ржавчины алчно изогнулись, а ноздри жадно втянули воздух.

— Милоу, — окликнул его Йоссариан. — Не забудь обо мне.

— Си, марчезе, — ответил Луиджи. — Доход от незаконного ввоза табака весьма высок. Контрабанда превратилась в национальный скандал, в позор нации.

— Вот оно что! — заметил Милоу с рассеянной улыбкой и, словно заколдованный, направился к дверям.

— Милоу! — завопил Йоссариан и порывисто кинулся к двери наперехват. — Ты ведь пообещал помочь мне.

— Табак, контрабандный табак, — объяснял Милоу, отталкивая Йоссариана с дороги. У него были мутные глаза эпилептика. — Позволь мне пройти. Я хочу ввозить контрабандный табак.

— Не уходи, помоги мне разыскать ее, — умолял Йоссариан. — Контрабандный табак подождет до завтра.

Но Милоу был глух к этой просьбе, он пробивался к двери, хотя и не прибегая к силе, но неудержимо, точно в каком-то ослеплении, весь потный, с лихорадочным румянцем на щеках,

с подергивающимися, слюнявыми губами. Его будто терзала глубокая, безотчетная тоска, и он негромко подвывал: «Контрабандный табак, контрабандный табак». В конце концов Йоссариан сдался и уступил ему дорогу, поняв, что остановить его — дело совершенно безнадежное. Милоу пулей выскочил за дверь. Полицейский комиссар снова расстегнул мундир и впился в Йоссариана презрительным взглядом.

— Чего тебе здесь нужно? — холодно спросил он. — Ты хочешь, чтобы я тебя арестовал?

Йоссариан вышел из кабинета, спустился по лестнице и очутился на темной, как гробница, улице. Милоу и след простыл. Вокруг — ни одного светящегося окна. Несколько кварталов Йоссариан шел по пустынной улице, круто поднимавшейся в гору. Впереди, куда убегала булыжная мостовая, сияли огни широкой авеню, а полицейский участок находился в самом низу на другом конце улицы, где желтые лампы у входа светили в сыром воздухе, как мокрые факелы. Моросил мелкий, холодный дождь. Иоссариан медленно одолевал подъем. Скоро он подошел к тихому, уютному, манящему ресторанчику с красными вельветовыми занавесками на окнах. Голубые неоновые буквы над входом гласили:

«Ресторан „ТОНИ“. Прекрасные закуски и напитки. Вход воспрещен». Голубая неоновая надпись удивила Йоссариана, но только на миг. Никакой абсурд более не казался ему странным в этом уродливом мире. Причудливо наклоненные фасады домов образовывали сюрреалистическую перспективу, улица казалась перекошенной. Он поднял воротник своей теплой шерстяной куртки и зябко обхватил себя руками. Ночь была ненастная.

Босой мальчик в легкой рубашке и легких драных штанах вынырнул из темноты. Этот черноволосый мальчик отчаянно нуждался в стрижке, туфлях и носках. Его болезненное лицо было, бледным и печальным. Он. брел по мокрому тротуару, и ноги его противно чавкали по лужам. Йоссариана охватила такая пронзительная жалость к его бедности, что ему захотелось даже убить этого мальчика, потому что он напоминал других бледных, печальных, болезненных мальчиков, которые в ту же ночь вот так же бродили по Италии и так же нуждались в стрижке, туфлях и носках. Он заставил Йоссариана вспомнить всех калек, продрогших и голодных мужчин и женщин, всех молчаливых, покорных, набожных матерей с глазами кататоничек, которые в эту же

ночь, под тем же промозглым дождем, словно животные, кормят своих младенцев, тыча им в рот стылое бесчувственное вымя. Коровы, а не люди… И едва он успел об этом подумать, как мимо него проковыляла кормящая мать с завернутым в черное тряпье младенцем. Она тоже напомнила ему обо всех больных мальчиках в легких рубашках и легких рваных штанишках, напомнила обо всей дрожащей, отупляющей нищете в мире, который еще никогда так и не дал достаточно тепла, пищи и справедливости никому, кроме горстки самых изворотливых и бессовестных.

«О гнусный мир! — размышлял Йоссариан. — Сколько обездоленных людей бродит в эту же ночь даже в преуспевающей Америке, сколько, и там еще лачуг, вместо домов, сколько пьяных мужей и избитых жен, сколько запуганных, обиженных и брошенных детей! Сколько семей голодает, не имея возможности купить себе хлеб насущный! Сколько сердец разбито! Сколько самоубийств произойдет в эту ночь! Сколько людей сойдет с ума! Сколько землевладельцев и ростовщиков-кровососов восторжествует! Сколько победителей потерпело поражение! Сколько счастливых финалов оказалось на самом деле несчастливыми! Сколько уважаемых людей про-

дало свои души подлецам за мелкую монету, а у скольких души-то и вовсе не оказалось! Сколько прямых дорог оказалось кривыми, скользкими дорожками! И если все это сложить и вычесть, то в остатке окажутся только дети и еще, быть может, Альберт Эйнштейн да какой-нибудь скульптор или скрипач».

Йоссариан шел один на один со своими мучительными мыслями, чувствуя свою отчужденность от мира, и не мог выкинуть из головы терзавший его образ босого мальчика с болезненным цветом лица.

Йоссариан вспомнил, что у него нет увольнительной. Он двинулся на звук приглушенных расстоянием голосов, доносившихся из густой тьмы. Вдоль широкого, мокрого от дождя бульвара через каждые полквартала стояли невысокие изогнутые фонарные столбы, тусклый свет ламп причудливо мерцал сквозь клубящийся коричневатый туман. Из окна над головой Йоссариан услышал несчастный женский голос, умолявший: «Пожалуйста, не надо! Пожалуйста, не надо!» Мимо Йоссариана, опустив глаза, прошла печальная молодая женщина в черном дождевике. Густая прядь черных волос падала на лоб. Через квартал, у здания министерства общественных работ,

пьяный молодой солдат прижимал к рифленой коринфской колонне пьяную даму, а трое его пьяных товарищей по оружию сидели на ступенях и смотрели. У ног их стояли бутылки с вином.

«Пожалуйста, не надо, — упрашивала пьяная дама. — Я хочу домой. Пожалуйста, не надо». Когда Йоссариан подошел поближе, один из сидевших окрысился на Йоссариана, выругался и запустил в него бутылкой. Бутылка упала далеко от Йоссариана и, глухо звякнув, разбилась вдребезги. Йоссариан продолжал невозмутимо идти тем же неспешным шагом, засунув руки в карманы. «Ну ладно, крошка, — услышал он сзади решительный голос пьяного солдата. — Сейчас моя очередь». «Пожалуйста, не надо, — упрашивала пьяная дама. — Пожалуйста, не надо». На другом углу, из глубины непроницаемо-темной узкой боковой улочки, донесся таинственный звук, который нельзя было ни с чем спутать. Кто-то сгребал снег. Размеренный, надсадный, хорошо знакомый скрежет железной лопаты о цемент заставил Йоссариана съежиться от ужаса, когда он сошел с тротуара, чтобы пересечь этот зловещий переулок. Йоссариан прибавлял шагу, покуда неотвязный, столь неуместный в Риме звук не затих позади.

Теперь Йоссариан понял, где он находится. Если идти, никуда не сворачивая, то скоро можно дойти до пересохшего фонтана в центре бульвара, откуда только семь кварталов до офицерской квартиры. Вдруг прямо впереди из темноты прорезались рычанье и грубые голоса. В это время потухла лампочка на угловом столбе, все предметы будто качнулись, и разлилась тьма. На другой стороне перекрестка человек бил собаку палкой. Он напоминал приснившегося Раскольникову человека, который хлестал лошадь кнутом. Напрасно Йоссариан изо всех сил старался ничего не видеть и не слышать. Собака скулила и визжала в животной истерике. Привязанная за растрепанный обрывок веревки, она, извиваясь, ползала на брюхе и не сопротивлялась ударам, а человек все равно бил и бил ее тяжелой палкой. Собралась небольшая толпа. Приземистая женщина шагнула вперед и вежливо попросила перестать. «Не твое дело!» — сердито пролаял человек, замахиваясь палкой, будто хотел ударить и женщину. Женщина отступила с жалким и покорным видом. Йоссариан ускорил шаг, он почти бежал. Ночь была полна ужасов. Ему подумалось, что он понял ощущения Христа, когда тот шел по миру, как психиатр проходит через палату,

набитую безумцами, как обворованный — через тюремную камеру, набитую ворами. Ах, как бы он хотел увидеть прокаженного!

На другом углу мужчина зверски избивал мальчонку. Их окружила толпа зевак, и никто не сделал ни малейшей попытки вмешаться. Йоссариан отпрянул, испытывая болезненное ощущение, что эта картина ему знакома. Он был уверен, что когда-то прежде уже видел ту же самую жуткую сцену. Зловещее совпадение потрясло его, страх и сомнение завладели сердцем. Ну конечно, это была та же сцена, которую он наблюдал на другом углу, хотя все выглядело совсем иначе. Что творится в мире? Может быть, и сейчас приземистая женщина шагнет вперед и вежливо попросит мужчину прекратить, а тот замахнется, и она отступит? В толпе никто не шелохнулся. Отупевший от горя ребенок голосил во всю глотку. Мужчина продолжал наносить ему тяжелые, звонкие затрещины, пока мальчонка не упал, и тогда мужчина рывком поставил его на ноги, чтобы тут же еще раз сшибить его наземь. Никого из этих угрюмых, съежившихся от страха людей, кажется, не интересовал оглушенный, изможденный малыш. Никто не собирался за него заступаться. Ребенку было не более девяти лет.

Только одна замызганная женщина молча плакала уткнув лицо в грязное посудное полотенце. Мальчик был худой, изможденный и оброслий.

Йоссариан быстро перешел на другую сторону широкого авеню, подальше от тошнотворного зрелища, и почувствовал, что наступил на человеческие зубы, валявшиеся на мокром, поблескивающем тротуаре в клейких лужицах крови, по которым мелкий дождь барабанил острыми коготками. Тут и там валялись коренные зубы и сломанные резцы. Йоссариан на цыпочках обошел эти жуткие обломки и приблизился к подъезду, в котором плакал какой-то солдат, прижимая ко рту взбухший от крови носовой платок. У солдата подкашивались ноги, двое других поддерживали его, хмуро и нетерпеливо дожидаясь, когда приедет санитарная машина. И наконец она появилась, звеня, тускло светя янтарными фарами, и прокатила мимо, направляясь к следующему кварталу, где итальянец, штатский, с книгами под мышкой, отбивался от оравы полицейских, размахивавших наручниками и дубинками. У итальянца было белое, как мука, лицо и лихорадочно горящие глаза. Он хлопал веками, как летучая мышь — крыльями. Рослые полицейские ухватили его за руки и за

ноги и подняли. Книги посыпались на землю. «Помогите!» — пронзительно закричал он, задыхаясь от волнения. Полицейские подтащили его к распахнутым задним дверцам санитарной машины и забросили внутрь. «Полиция! Помогите! Полиция!» — доносилось из машины. Дверцы заперли, и санитарная машина умчалась. Какая-то грустная ирония была в этой нелепой ситуации: человек, охваченный паникой, взывал о помощи к полиции, находясь в плотном кольце полицейских. Прислушиваясь к этим абсурдным и тщетным призывам о помощи, Йоссариан криво усмехнулся. Внезапно он с изумлением осознал, что слова итальянца двусмысленны. В голову ему пришла тревожная мысль, что несчастный, возможно, вовсе и не звал никакой полиции, нет, скорее, он, как герой, идущий на смерть, предостерегал каждого, кто не был членом банды полицейских с дубинками и пистолетами. «Помогите! Полиция!» — кричал человек, и он наверняка редупреждал об опасности.

Йоссариан откликнулся на этот призыв, воровато проскользнув мимо полицейских, и тут же едва не упал, зацепившись за ногу дородной женщины лет сорока со шкодливым видом торопливо перебегавшей перекресток. Она украд-

кой бросала через плечо мстительные взгляды на старуху лет восьмидесяти, которая, трясясь, ковыляла за ней на толстых перебинтованных ногах, безнадежно отставая. Старуха семенила и тяжело дышала, бормоча себе что-то под нос. Ошибиться было невозможно: это была погоня. Первая, торжествуя, добежала до середины широкой улицы прежде, чем вторая добралась до края тротуара. Подленькая улыбочка, с какой женщина оглянулась на запыхавшуюся старуху, была одновременнно злобной и боязливой. Стоило несчастной старухе закричать — и Йоссариан пришел бы ей на помощь. Подай она сигнал бедствия — и он получил бы право ринуться вперед, схватить убегавшую и сдать ее банде полицейских, болтавшихся поблизости. Но старуха протрусила мимо, даже не заметив Йоссариана, до него только донеслось ее горькое, печальное бормотанье. И вскоре первая женщина скрылась во тьме. А старуха осталась стоять посреди перекрестка. одинокая, растерянная, не знающая, куда податься. Йоссариан оторвал от нее взгляд и заторопился прочь, стыдясь самого себя за то, что не пришел на помощь старухе. Он виновато, тайком оглядывался, позорно отступая. Он боялся, что старуха начнет преследовать его,

и радовался, что дождливый, колыхавшийся, почти непроглядный, без единого огонька мрак укрыл его.

Воротник и плечи йоссариановой куртки набухли от воды. Носки промокли, ноги озябли. Ближайший уличный фонарь не горел — стеклянный колпак был разбит. Смутные очертания зданий, деревьев, фонарей беззвучно проплывали мимо него, точно несомые вечным движущимся потоком. Мимо прошагал высокий монах, скрыв лицо под капюшоном грубой, серой сутаны, даже глаз не было видно. Впереди, приближаясь к Йоссариану, по лужам зашлепали, чьи-то ноги. Он испугался — уж не босой ли ребенок? Йоссариан прошмыгнул мимо изможденного, бледного как смерть, понурого человека в черном дождевике. На щеке у него виднелся шрам, похожий на звезду, а на виске глянцевито блестела уродливая вмятина величиной с яйцо. Из тьмы, шаркая соломенными сандалиями, выступила молодая женщина. Лицо ее было обезображено чудовищными розово-багровыми ожогами, начинавшимися от самой шеи и покрывавшими сырой, сморщенной массой обе щеки, захватывая даже веки! Йоссариан не мог выдержать этого зрелища, его передернуло. Эту женщину никто

никогда не любил.

На душе Йоссариана стало совсем скверно. Он мечтал о встрече с девушкой, которая была бы ему мила, которая успокоила бы его, пробудила интерес к жизни. Орда людей с дубинками поджидала его на Пьяносе. Все девчонки сгинули. Графиня и ее невестка уже не годились для него, он стал слишком стар для таких забав, у него уже просто не было времени на пустяки. Лючана исчезла, наверное умерла, а если еще нет, то скоро умрет. Грудастая потаскуха, знакомая Аарфи, испарилась вместе со своим дурацким перстнем. А сестра Даккит стыдилась его по той причине, что он отказался летать на боевые задания и вызвал тем самым в полку скандал. Единственная знакомая девушка, жившая поблизости, была простушка-горничная из офицерской квартиры. Мужчины с ней не спали. Звали ее Микаэла, но мужчины нежными, заигрывающими голосами обзывали ее грязными прозвищами, а она хихикала, радуясь, как дитя, потому что не понимала по-английски и полагала, что американские летчики говорят о ней что-то милое и даже лестное. Дикие выходки, которые они устраивали на ее глазах, приводили ее в восторг. Это была счастливая, простодушная, работящая девушка,

она не умела читать и натужными каракулями выводила свою фамилию. У нее были прямые волосы цвета прелой соломы, желтоватая кожа и близорукие глаза. Мужчины с ней не спали, поскольку абсолютно не испытывали такого желания. Только Аарфи возжелал ее и изнасиловал в тот же вечер. После этого он почти два часа держал ее, как пленницу, в платяном шкафу, зажав ей рот рукой, покуда сирены не возвестили о наступлении комендантского часа, после которого Микаэла лишалась права выйти на улицу. И тогда Аарфи вышвырнул ее в окошко.

Труп Микаэлы лежал на тротуаре. Йоссариан вежливо протолкался сквозь кружок хмурых жильцов дома, стоявших с тусклыми фонарями в руках над мертвым телом. Они злобно посмотрели на Йоссариана и отшатнулись от него: люди разговаривали сердито, осуждающе и ожесточенно тыкали пальцами в сторону окна на четвергом этаже. Сердце Йоссариана тяжело забилось при виде разбившегося насмерть человека. Он нырнул в подъезд, вихрем взлетел по ступеням и вбежал в офицерскую квартиру. Аарфи с напыщенной и несколько растерянной улыбкой нервно расхаживал по комнате. Чувствовалось, что ему немножко не по себе. Суетливо набивая

трубку, он уверял Йоссариана, что все будет хорошо и беспокоиться не о чем.

— Я только разок ее изнасиловал, — объяснил он.

— Но ведь ты убил ее, Аарфи! — ужаснулся Йоссариан. — Ты убил ее!

— Но я вынужден был это сделать, после того как изнасиловал, — спокойно ответил Аарфи. — Не мог же я отпустить ее, чтобы она по всей округе рассказывала о нас гадости.

— А, зачем ты вообще трогал ее, тупая скотина? — кричал Йоссариан. — Почему ты не привел девку с улицы, если тебе так уж приспичило! Город кишит проститутками.

— О нет, это не для меня, — хорохорился Аарфи. — За это, я еще никогда в жизни не платил денег.

У Йоссариана присох язык к гортани:

— Аарфи, ты в своем уме? Ты убил девушку! Тебя посадят в тюрьму!

— О нет, только не меня, — ответил Аарфи, улыбаясь.

— Старого, доброго Аарфи за решетку не упекут. За таких, как она, не сажают.

— Но ты выбросил ее из окна! Она лежит мертвая на улице!

— Она не имеет права там находиться, — ответил Аарфи. — После комендантского часа это запрещено.

— Болван! Ты понимаешь, что ты наделал? — Йоссариану хотелось схватить Аарфи за раскормленные, мягкие, как гусеницы, плечи и трясти его до тех пор, пока хоть искра сознания не затеплится в его мозгах. — Ты убил человека. Тебя наверняка посадят в тюрьму. Тебя могут даже повесить.

— Ну, не думаю, чтобы они на это пошли, — ответил Аарфи, весело хихикнув, хотя видно было, что он нервничает все сильней. Набивая коротенькими пальцами трубочку, он сыпал табак на пол и не замечал этого. — Нет, ваше высочество, старого, доброго Аарфи вы не засадите за решетку — Он опять хохотнул. — Подумаешь, какая-то служаночка! Не думаю, чтобы они стали поднимать шум из-за бедной итальянской служанки, когда каждый день погибают тысячи людей. Как ты полагаешь?

— Слышишь! — закричал Йоссариан почти радостно. Он прислушался.

Кровь отлила от лица Аарфи — вдали погребально завыли полицейские сирены. И вдруг почти мгновенно звук сирен усилился, превра-

тившись в воющую, резкую, оглушительную какофонию, которая, казалось, рвалась в комнату со всех сторон.

— Аарфи, это за тобой — закричал Йоссариан, стараясь перекричать сирены. Он почувствовал прилив сострадания. — Они арестуют тебя, Аарфи, неужели ты этого не понимаешь? Нельзя отнять жизнь у другого человеческого существа и остаться безнаказанным, даже если это бедная служанка. Неужели ты не понимаешь?

— О нет, — упорствовал Аарфи, с механическим смешком и жалкой улыбкой. — Они меня не арестуют. Они не тронут старого, доброго Аарфи.

Он как-то сразу сник, опустился в кресло и оцепенел; пухлые, мягкие руки тряслись на коленях. Внизу затормозили машины. Свет ударял в окна. Захлопали дверцы, пронзительно засвистели полицейские свистки, послышались резкие, грубые голоса. Аарфи позеленел. Он машинально качал головой, улыбаясь странной, приклеенной улыбкой. Слабым, бесцветным голосом он твердил, что это приехали не за ним, не за старым, добрым Аарфи. «Нет, ваше высочество...» — старательно убеждал он себя даже тогда, когда тяжелые шаги уже слышались на лестнице и грохотали на площадке, даже тогда, когда беспощадные

кулаки оглушительно забарабанили в дверь. Дверь распахнулась настежь, и двое рослых, крепких, мускулистых полицейских с ледяными взглядами, твердо сжатыми губами и железными челюстями быстро прошагали через комнату и арестовали… Йоссариана.

Они арестовали его за то, что он прибыл в Рим без увольнительной.

Они принесли Аарфи извинения за вторжение и увели Йоссариана, подхватив его под руки жесткими, как стальные кандалы, пальцами. Спускаясь по лестнице, они не проронили ни слова. Двое других военных полицейских с дубинками, в белых шлемах дожидались их в закрытой машине. Йоссариана усадили на заднее сиденье, и машина помчалась сквозь дождь и грязный туман к полицейскому участку. На ночь его заперли в камере, а на рассвете доставили на аэродром. Еще два великана из военной полиции с дубинками и в белых шлемах поджидали его у транспортного самолета. Моторы уже разогревались, на зеленых запотевших цилиндрических обтекателях дрожали капельки пара. Полицейские не разговаривали между собой, они даже не удостоили друг друга кивком головы. Йоссариан никогда не видывал таких гранитных морд.

Самолет взлетел и взял курс на Пьяносу. Еще двое молчаливых, военных полицейских дожидались их на посадочной полосе. Теперь их стало восемь. Четко держа равнение и по-прежнему не проронив ни слова, они промаршировали к двум машинам, расселись, и джипы, жужжа колесами, понеслись мимо всех четырех эскадрилий к зданию штаба полка. Здесь на стоянке их дожидались еще двое военных полицейских. Все десять человек, здоровенных, сосредоточенных, молчаливых верзил, обступили его, возвышаясь над ним, словно сторожевые башни, и направились к входу. Гравий ритмично и жалобно скрипел под их башмаками. Йоссариану казалось, что они непрерывно наращивают темп. Его охватил ужас. Каждый из этих десяти обладал такой силищей, что мог одним ударом размозжить Йоссариану голову. Стоило им сомкнуть свои массивные, твердые, как валуны, плечи, и от него осталось бы мокрое место. Путей к спасению не было. Он даже не мог разглядеть лица тех двух полицейских, что держали его под руки. Зажатый двумя тесными шеренгами, Йоссариан быстро-быстро перебирал ногами. Они еще наддали, и ему показалось, что ноги его оторвались от земли и он летит. Четко печатая шаг, они поднялись

по широкой мраморной лестнице на верхнюю площадку, где их дожидались еще двое военных полицейских с непроницаемыми каменными лицами. Прибавив ходу, они протопали по длинной галерее, нависающей над огромным вестибюлем. Теперь они печатали шаг по тусклому, выстланному плиткой полу. В пустом вестибюле их шаги грохотали, как страшная, все убыстряющаяся барабанная дробь. И еще прибавив темп, и еще чеканней держа равнение, они подошли к кабинету полковника Кэткарта. Теперь, когда Йоссариан стоял лицом к лицу со своей судьбой, ледяной ветер ужаса засвистел в его ушах. Подполковник Корн, удобно расположив свою филейную часть на уголке письменного стола полковника Кэткарта, приветствовал Йоссариана теплой, душевной улыбкой и сказал:

— Ну так вот, мы отправляем вас домой.

40. «Уловка-22»

Это, конечно, была уловка.

— «Уловка двадцать два»? — спросил Йоссариан.

— Конечно, — любезно ответил подполковник Корн. Величественным взмахом руки и чуть презрительным кивком (он всегда держался

в высшей степени небрежно, когда мог позволить себе быть в высшей степени циничным) он выпроводил могучих стражей и уставился на Йоссариана. Его глаза за квадратными стеклами очков без оправы блестели веселой хитрецой. — В конце концов, мы не можем отправить вас домой за то, что вы отказались летать на задания, а остальных держать здесь, на войне. Вряд ли это будет справедливо по отношению к ним.

— Да, черт побери, вы правы! — выпалил полковник Кэткарт. Он вперевалку расхаживал взад-вперед, сопя и пыхтя, словно разъяренный бык. — Я связал бы его по рукам и ногам, швырнул бы в самолет и силком заставил летать на каждое задание. Вот как бы я поступил.

Подполковник Корн жестом попросил полковника Кэткарта помолчать и улыбнулся Йоссариану.

— Вы, знаете ли, заварили кашу, которую приходится расхлебывать полковнику Кэткарту, — заметил он добродушно, будто вся эта история нисколько его не огорчала.

— Люди недовольны, боевой дух упал. И все — по вашей вине.

— Нет, по вашей, — парировал Йоссариан. — Из-за того, что вы увеличили норму вылетов.

— Нет, по вашей, — возразил подполковник Корн. — Из-за того, что вы отказались выполнять норму. Пилоты выполняли столько заданий, сколько мы требовали, и были вполне довольны жизнью, потому что у них не было иного выбора. Теперь вы им подали идею, пробудили в них разные надежды, и они почувствовали себя несчастными. Так что вы кругом виноваты.

— Разве он не знает, что война еще продолжается? — угрюмо спросил полковник Кэткарт, не глядя на Йоссариана. Тяжелыми шагами он мерил кабинет.

— Знает, конечно, — ответил подполковник Корн. — Я даже подозреваю, что именно по этой причине он и отказывается летать.

— Выходит, ему безразлично — идет война или нет?

— Может быть, вспомнив о том, что война продолжается, вы откажетесь от своего решения? — с иронической серьезностью полюбопытствовал подполковник Корн, передразнивая полковника Кэткарта.

— Нет, сэр, — с лукавой усмешкой ответил Йоссариан: он уловил тон подполковника Корна.

— Ах, вот этого-то я и опасался, — заметил подполковник Корн с притворным вздохом и, сцепив

руки, удобно положил их на свою обширную, сверкающую, загорелую лысину. — А ведь, знаете, откровенно говоря, мы относились к вам не так уж плохо. Мы вас кормили, вовремя выдавали жалованье, наградили орденом и даже сделали вас капитаном.

— Я никогда бы не дал ему капитана! — с горечью воскликнул полковник Кэткарт. — Я отдал бы его под суд, еще когда он наложил в штаны во время налета на Феррару и дважды зашел на цель.

— Я вам говорил, чтобы вы его не повышали, — сказал подполковник Корн, — но вы меня и слушать не захотели.

— Нет уж, простите, это вы меня убедили повысить его в звании. Разве не так?

— Я доказывал вам, что не надо его повышать. А вы все-таки меня не послушались.

— Если бы вы так сказали, я бы послушался.

— Вы никогда меня не слушаете, — твердил подполковник Корн. — Потому-то мы и торчим с вами в этой дыре.

— А-а, ладно, ерунда. Не будем толочь воду в ступе. — Полковник Кэткарт засунул руки в карманы и, ссутулясь, отвернулся. — Чем пикироваться со мной, подумайте-ка лучше, что нам

делать с ним.

— Боюсь, что нам придется отправить его домой. — И торжествующе хихикнув, подполковник Корн повернулся к Йоссариану: — Ну, Йоссариан, для вас война окончилась. Мы намерены отправить вас домой. Вы, конечно, сами понимаете, что этого не заслужили, и это как раз одна из причин, почему я не возражаю против вашей отправки. Мы решили вернуть вас в Штаты, поскольку любой другой вариант будет еще более рискованным. Мы разработали одну небольшую сделку и предлагаем…

— Какую сделку? — насторожился Йоссариан. Подполковник Корн откинул голову и расхохотался:

— О, сделка преподлейшая. На этот счет можете не заблуждаться. Но, по-моему, она вас вполне устроит.

— Ну, это еще надо посмотреть.

— Устроит, нисколько не сомневаюсь, хотя сделка, скажем прямо, вонючая. Да, кстати, вы никому из пилотов не говорили, что отказались летать на задания?

— Нет, сэр, не говорил, — поспешно заверил его Йоссариан.

Подполковник Корн одобрительно кивнул:

— Превосходно. Мне нравится, как вы лихо лжете. Вы далеко пойдете, если направите свое честолюбие на что-нибудь стоящее.

— А известно ли ему, что война еще не кончена? — завопил вдруг полковник Кэткарт и энергично продул мундштук.

— Не сомневаюсь, что известно, — язвительно ответил подполковник Корн, — поскольку вы уже задавали ему этот вопрос. — Страдальческой гримасой подполковник Корн дал понять Йоссариану, как тяжко ему приходится с этим Кэткартом. Темные глаза Корна искрились нагловатой хитрецой. Упершись обеими руками в край письменного стола, он приподнял свои пухлые ляжки и уселся поглубже и поудобнее. Его короткие ножки болтались, не доставая до пола, а ботинки слегка постукивали по желтой тумбе дубового стола. Линялые коричневые носки без подвязок вялыми кольцами сползали ниже лодыжек — удивительно тоненьких и беленьких.

— А знаете, Йоссариан, — дружески заговорил подполковник Корн, будто осененный неожиданной мыслью, которая показалась ему одновременно и смешной и верной, — по правде говоря, я отчасти даже восхищаюсь вами. Вы умный человек с сильным характером, и вы отважились на

исключительно смелый поступок. А я — человек умный, но бесхарактерный. Кто же лучше меня может оценить ваш поступок?

— Сейчас очень тяжелый момент, — обиженным тоном заявил полковник Кэткарт из дальнего угла кабинета, совершенно не обращая никакого внимания на подполковника Корна.

— Момент в самом деле трудный, — согласился подполковник Корн и миролюбиво кивнул. — Только что сменилось вышестоящее командование, и мы можем предстать в весьма неблагоприятном свете перед генералами Шейскопфом и Пеккемом. Вы это хотели сказать, полковник?

— Неужели он начисто лишен патриотизма?

— Неужели вы не хотите сражаться за родину? — спросил подполковник Корн, пародируя резкий и самодовольный тон полковника Кэткарта. — Неужели вам жаль отдать свою молодую жизнь за полковника Кэткарта и за меня?

Удивленный и встревоженный словами подполковника Корна, Йоссариан весь так и напрягся.

— Что-что? — воскликнул он. — А какое отношение вы и полковник Кэткарт имеете к родине? Родина — это одно, а вы — это совсем другое.

— Но как можно разделять нас? — спокойно, без тени возмущения спросил подполковник Корн: он продолжал паясничать, издеваясь над полковником Кэткартом.

— Верно! — с пафосом закричал полковник Каткарт. — Или вы для нас или вы против нас. Вопрос стоит только так.

— Думаю, что до него дошло, — сказал подполковник Корн и добавил: — Или вы для нас, или вы против родины. Все очень просто.

— Ну нет, подполковник, меня на этом не поймаешь.

Подполковник Корн был невозмутим:

— Откровенно говоря, меня тоже. Но многие на это клюют. Итак, ваше слово.

— Вы позорите ваш мундир! — яростно взревел полковник Кэткарт. В первый раз за весь разговор он взглянул прямо в лицо Йоссариану. — Хотел бы я знать, как вы пролезли в капитаны?

— Вы что, забыли, полковник? Ведь это вы его произвели, — мягко напомнил подполковник Корн, подавляя смешок.

— Да, и совершенно напрасно.

— А я говорил вам: не надо этого делать, — сказал подполковник Корн. — Но вы и слушать меня не хотели.

— Ладно; хватит толочь воду в ступе! — закричал полковник Кэткарт. Он упер кулаки в бока и, прищурившись, уставился на подполковника Корна злобным, подозрительным взглядом: — Послушайте, вы-то на чьей, собственно говоря, стороне?

— На вашей, полковник. На чьей же еще?

— Тогда прекратите поддевать меня и не морочьте мне голову.

— Конечно, я на вашей стороне, полковник. Я патриот до мозга костей.

— Так вот, почаще об этом вспоминайте. Полковник Кэткарт что-то проворчал и отвернулся, видимо еще не совсем убежденный в преданности подполковника Корна. Он снова размашисто зашагал взад-вперед, вертя в руках мундштук, и наконец указал большим пальцем на Йоссариана:

— Давайте решим, что с ним делать. Будь моя воля, я вывел бы его на улицу и пристрелил, как собаку. Вот что бы я сделал. И так же поступил бы генерал Дридл.

— Но генерала Дридла больше нет с нами, — сказал подполковник Корн. — Поэтому мы не можем вывести капитана на улицу и пристрелить. — Теперь, когда его мимолетный конфликт

с полковником Кэткартом уладился, подполковник Корн снова почувствовал себя свободно, мягко застучал каблуками по тумбе и обратился к Йоссариану:

— Итак, мы намерены отправить вас домой. Пришлось немного пораскинуть мозгами, но в конце концов мы разработали чертовски симпатичный планчик, как отправить вас домой и при этом не вызвать особого недовольства среди ваших друзей, которых вы покидаете. Надеюсь, теперь-то вы счастливы?

— Что еще за планчик? Я не уверен, что он мне придется по душе.

— Я даже уверен, что он вам не понравится, — засмеялся подполковник Корн и снова удовлетворенно сцепил пальцы рук на макушке. — Скорее всего, он вызовет у вас отвращение. По правде говоря, план гнусный, он наверняка возмутит вашу совесть. Но вы примете его без промедления. Примете, потому что через две недели целым и невредимым вернетесь домой, а во-вторых, потому, что иного выбора у вас просто нет. Или вы принимаете наши условия, или идете под суд. Словом, да или нет?

— Не берите меня на пушку, подполковник. Вы ведь все равно не отдадите меня под суд за

дезертирство перед лицом неприятеля. Вы будете очень некрасиво выглядеть, да и вряд ли вы сумеете добиться, чтобы меня признали виновным.

— Но теперь у нас есть возможность отдать вас под суд за дезертирство во время исполнения служебных обязанностей, поскольку вы улетели в Рим без увольнительной. И мы можем к этому придраться. И если вы немного подумаете, то поймете, что другого выхода у нас не будет. Мы не можем позволить вам безнаказанно разгуливать по части, открыто не подчиняясь командованию. Тогда и другие тоже откажутся летать на боевые задания — это уж вы мне поверьте. Итак, если вы не примете наши условия, мы отдадим вас под суд, хотя это доставит нам немало хлопот и принесет полковнику Кэткарту уйму синяков и шишек.

При словах «синяки и шишки» полковник Кэткарт вздрогнул и вдруг ни с того ни с сего злобно швырнул свой инкрустированный ониксом и слоновой костью изящный мундштук на стол.

— Господи! — заорал он. — До чего я ненавижу этот проклятый мундштук.

Мундштук, отскочив от стола к стене, рикошетировал на подоконник, с подоконника упал на пол и подкатился к ногам полковника Каткарта.

Бросив сердитый взгляд на мундштук, полковник Кэткарт сказал:

— Интересно, будет ли мне прок от этого?

— От генерала Пеккема вы получите пироги и пышки, а от генерала Шейскопфа — синяки и шишки, — проинформировал его подполковник Кори с самым невинным видом.

— Да, но кому из них я должен нравиться?

— Обоим.

— Как я могу нравиться им обоим, когда они терпеть друг друга не могут? Как я могу заслужить пироги и пышки у генерала Шейскопфа без того, чтобы не схлопотать синяков и шишек от генерала Пеккема?

— Маршировать.

— Хм, маршировать… Да, это единственный способ очаровать Шейскопфа. Раз-два, левой, ать-два. — Мрачная усмешка скривила губы полковника Кэткарта. — Если уж подобные типы становятся генералами, то мне сам бог велел.

— Вы пойдете далеко, — заверил его подполковник Корн весьма неуверенным тоном. Его веселое настроение, проистекавшее от сознания собственного превосходства над полковником Кэткартом, еще больше поднялось, когда он заметил враждебность и отвращение, написанные на

лице Йоссариана. Посмеиваясь, Корн обратился к Йоссариану: — Теперь вам понятно, в чем соль? Полковник Кэткарт хочет стать генералом, а я — полковником, поэтому мы и собираемся отправить вас домой.

— Но почему ему так хочется стать генералом?

— То есть как, почему? По той же причине, по какой я рвусь в полковники. А что же нам еще остается делать? Нас всегда учили стремиться к высшему. Генерал — выше полковника, полковник — выше подполковника. Вот мы оба и стремимся к высшему. И знаете, Йоссариан, вам просто повезло, что мы честолюбивы. На этом фоне ваше положение просто прекрасно, и я надеюсь, что вы примете во внимание этот фактор, обдумывая свои комбинации.

— Нет у меня никаких комбинаций.

— Нет, ей-богу, мне в самом деле нравится, как вы лихо лжете, — ответил подполковник Корн. — Вы должны гордиться, если вашего боевого командира произведут в генералы. Гордиться тем, что служили в части, в которой на каждого пилота в среднем приходится больше боевых вылетов, чем в других частях. Неужели вы не хотите получить как можно больше благодарностей и Пучок дубовых листьев[24]

[1] «Бруклин доджерс» — название нью-йоркской бейсбольной команды.

[2] ОСКОВ — Объединенная служба культурно-бытового обслуживания войск.

[3] Говорите по-английски (франц.) . Я не говорю по-французски (франц.) Непереводимая игра слов. Сноуден — собственное имя. В та же время Snowden по-английски — снежная пещера, снежный занос. Повторный вопрос, который Йоссариан задает на ломаном французском языке, означает: «Где прошлогодний снег?».

[4] Существует поверье, согласно которому при помощи магической палочки можно найти глубоко под землей подпочвенные воды или металлы.

[5] Летать за молоком на жаргоне американских летчиков — совершить полет, не связанный с риском.

[6] Австрийскнй психиатр XIX столетия, подробно описавший половые извращения.

[7] Для выработки навыков «лидерства» в военных учебных заведениях Соединенных Штатов практикуют стажировку обучающихся на командных должностях в среде однокурсников.

[8] Шейскопф — дерьмовая голова (нем.)

[9] Дисциплинарная комиссия создается в ча-

стях и соединениях американской армии с целью рассмотрения определенных категорий проступков военнослужащих, решение относительно которых выходит за рамки прав соответствующих командиров.

[10] «Присяга о лояльности» — клятвенное обязательство, введенное командованием американских вооруженных сил, чтобы оградить военнослужащих США от прогрессивных идей и взглядов. Это обязательство должен подписывать каждый военнослужащий.

[11] Таинственное и грозное название «специальная служба» (Special Service) означает всего лишь нестроевое военное учреждение, которое ведает организацией отдыха и развлечений войск. В этом весь юмор претензий генерала Пеккема.

[12] Понимаешь? (итал.)

[13] Специальный мешок для дезинфекции и хранения воды.

[14] Один из наиболее аристократических колледжей в США.

[15] Медаль, выдаваемая американскому военнослужащему за ранение, полученное в ходе военных действий.

[16] Остров, часть города Нью-Йорка.

[17] Дональд Дак — утенок, персонаж многих мультипликационных фильмов Уолта Диснея.

[18] Останки человека эпохи палеолита, найденные в Пилтдауне (Англия) в 1911—1915 гг.

[19] «Возить уголь в Ньюкасл» — английская пословица, равнозначная русской «В Тулу со своим самоваром».

[20] В американской армии практикуется сравнительно частое взаимоперемещение офицеров (генералов), занимающих командные, штабные, управленческие и различные специальные должности, как правило, с предварительным прохождением краткосрочной переподготовки в системе различных курсов.

[21] Здесь, конечно, сатирическое преувеличение. В вооруженных силах США существует своеобразная система присвоения постоянных и временных воинских званий офицерам и генералам. Временное воинское звание присваивается в соответствии со штатной категорией для занимаемой в данный момент военнослужащим должности (обычно не выше одной-двух ступеней постоянного воинского звания). При перемещении военнослужащего временное воинское звание соответственно понижается, но не ниже присвоенного ему постоянного воинского

звания.

[22] Зверь (итал.)

[23] Маркиз (итал.)

[24] Знак отличия вместо второго ордена.